Суровые времена

Тьма

Суровые времена

Тьма

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

ГЛЕН КУК

Черный Отряд

Владыка

GLEN

COOK

Bleak Seasons

She is the Darkness

ГЛЕН

КУК

Суровые времена

Тьма

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ Terra Fantastica
Москва Санкт-Петербург
2000

ББК 84(7США)
К89

Серия основана в 1999 году

Glen Cook
BLEAK SEASONS
SHE IS THE DARKNESS
1996, 1997

Перевод с английского Д. Старкова, В. Волковского

Серийное оформление А. Кудрявцева

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Baror International, Inc. и «Права и переводы» (Москва).

Все права защищены. Ни одна из частей настоящего издания и все издание в целом не могут быть воспроизведены, сохранены на печатных формах или любым другим способом обращены в иную форму хранения информации: электронным, механическим, фотокопировальным и другими — без предварительного согласования с издателями.

Кук Г.

‹89 Суровые времена. Тьма: Фантастические романы / Пер. с англ. Д. Старкова, В. Волковского. — М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 2000. — 640 с. — (Золотая серия фэнтези).

ISBN 5-17-003430-X (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-7921-0351-8 (TF)

Глен Кук – мастер захватывающего сюжета, один из немногих, кому равно подвластны искрометный юмор балагана и высокая героика эпической саги, магия слова – и магия живого мира, который вновь и вновь призывает к себе читателя.

Добро пожаловать в мир Черного Отряда – лучшей роты наемников на службе у зловещей Госпожи и Десяти Взятых...

Они сражаются мечом и магией – и не сдаются даже тогда, когда не помогает ни магия, ни меч. Они знают: победа дается тому, кто умен, отважен и дерзок, тому, кто до конца верен себе. Они всегда готовы подтвердить свое право называться лучшей ротой наемников во всей вселенной.

Не верите?

Прочтите — и убедитесь сами!

© Glen Cook, 1996, 1997
© Перевод. Д. Старков, В. Волковский, 1997, 1999
© ООО «Издательство АСТ», 2000
®TERRA FANTASTICA

Суровые времена

Трин и Ким,
вам, моим дорогим давним друзьям, посвящаю

Равнину метет неутихающий ветер. Метет, шурша по серым камням мостовых, простертых от горизонта к горизонту. Поет хором призраков вкруг беспорядочно вздымающихся к небу черных столпов. Играет принесенными издалека листьями, взвихряет пыль. Рвет волосы иссохшего мертвеца, лежащего здесь уж целое поколение. Проказливо бросает листья в разинутый в беззвучном крике рот трупа — и снова уносит их прочь. Ветер несет дыханье зимы...

Молния прыгает с одного черного столпа к другому, точно ребенок, несущийся за товарищем по игре, дабы запятнать того. И тогда равнина на миг обретает призрачный цвет...

Столпы сии можно принять за останки во прах поверженного города. Но — нет. Слишком мало их, и слишком беспорядочно расставлены они по равнине. И ни единый не рухнул еще, хоть многие жестоко источены клыками голодных ветров...

1

...обрывки...

...лишь потемневшие обрывки, крошащиеся в пальцах.

Побуревшие уголки страниц с полудюжиною начертанных неверной рукой слов, контекст коих более неизвестен...

Все, что осталось от двух томов Анналов. Тысяча часов труда. Четыре года истории. Все это пропало навсегда.

Или — как?

Я не хочу возвращаться вспять. Не желаю вызывать к жизни тот ужас. Не хочу пробуждать ту боль. Боль та слишком сильна, чтобы вынести ее теперь. Все равно — нет способа снова пересилить тот ужас во всей его полноте. Сердце и разум, переправившись невредимыми на дальний берег, просто отказываются рисовать на карте безумие своего маршрута.

К тому ж и времени нет.. Война.

Дядюшке Дою что-то требуется. И хорошо — самое время остановиться. Чернила от слез расплываются.

Хочет напоить меня каким-то страшным зельем нюень бао.

Обрывки...

...повсюду вокруг — обрывки моей работы, жизни моей, и любви, и боли, разметанные суровым временем...

Тьма. И лишь черепки времени во тьме...

2

Добро пожаловать в город мертвых! Не смущайся, что эти типы пялятся. Нечасто призракам доводится видеть чужих, да еще и дружественно настроенных. Да, это тебе верно кажется. Они действительно голодны. Когда сидишь в осаде, такое случается.

Ты уж постарайся не очень смахивать на жареного барашка.

Думаешь, шучу? Держись подальше от наров.

Добро пожаловать в Деджагор, как таглиосцы зовут эту дыру. Вон те тщедушные и смугловатые, у которых Черный Отряд отобрал этот город, называют его Штормгардом. Для коренных жителей он всегда был Джайкуром — даже в те времена, когда это считалось за преступление. А как его зовут нюень бао — никто, кроме них, не знает. Да и какая разница? Все равно они неразговорчивы и в расчет не принимаются.

Вон один из них. Вон тот — жилистый, скуластый. Здесь все более-менее смуглы, но не они. Они — мертвенно-сероватые. Глаза их — словно отполированный уголь, что никогда не знал огня. Словом, нюень бао ни с кем не спутаешь.

Шум?

Похоже, Могаба, нар, со своим первым легионом снова режут людей Страны Теней. Они почти каждую ночь пробираются сюда.

Наверное, нашли таких, что прятались с того дня, как Отряд взял город.

А как насчет запаха? Пока эти, из Страны Теней, не начали хоронить покойных, было еще хуже.

Длинные насыпи лучами расходятся от города — в них трупы, сложенные как бы в поленницу. Порой их не глубоко закапывают, и тогда от души надеешься, что ветер повернет в их сторону.

Они, сам видишь, оптимисты — вон сколько траншей впрок накопали.

Хуже всего — это слоны. Пока такая громада сгниет... Пробовали жечь, но толку с этого... Только канюков дразнить. Так что они, когда могут, тоже отволакивают туши в эти насыпи.

Который? Вон тот уродец в безобразной шляпе? Это Одноглазый. Тебя на его счет наверняка предупреждали.

Почему «Одноглазый»? Повязку на глазу видишь? Яснее некуда.

Другой коротышка — это Гоблин. Насчет него тебя тоже наверняка предупреждали. Нет? Ну так держись от них подальше. Особенно если они спорят. А уж если при этом и пьют... Конечно, они в своей волшбе звезд с неба не хватают, но уж на тебя-то их сноровки хватит за глаза.

Как бы они ни были жалки, это из-за них главным образом тепеземцы сюда не слишком-то суются, а грабят окрестные деревни, оставив помойные роскошества этого города таглиосским войскам да Черному Отряду.

Нет, вот теперь гляди в оба. Гоблин — тот, что светлее. И похож на жабу. А Одноглазый — который в шляпе и с повязкой через лоб.

Те ребята в мундирах, что в незапамятные времена были белыми, — таглиосские солдаты. Теперь каждый из них ежедневно задается вопросом: чего ради ему, дурню треклятому, взбрело в голову записываться в эти легионы?

А те, с унылыми лицами, в разноцветных простынях, местные, — джайкури.

Вот что забавно: когда Отряд с легионами, налетев с севера, малость удивил Грозотень, они приветствовали пришельцев. Освободителями величали. Улицы усыпали лепестками роз и любимыми дочерьми.

А теперь они не режут своих освободителей из-за угла только потому, что альтернатива — еще хуже. Сейчас они хотя бы живы настолько, чтоб чувствовать, что в брюхе пусто, а разум — жестоко обманулся.

Тенекрут отнюдь не славится мягкостью в обращении и любовью к детям...

Детишки вокруг? Те пострелята, что почти счастливы и упитанны? Нюень бао. Все — нюень бао.

Джайкури почти перестали рожать детей, когда явились Хозяева Теней. А большая часть немногих родившихся просто не дожила до сегодняшнего дня. Горстку же уцелевших берегут пуще любого сокровища. Они тебе голышом по улицам гонять не будут.

Кто такие нюень бао? Никогда не слыхал?

Хороший вопрос. Попробуй ответь...

Нюень бао не говорят с чужими иначе, как через глашатая, но слух о них таков, что это — паломники, возвращавшиеся из какого-то хаджа, что бывает у них раз в поколение, и задержанные здесь обстоятельствами. Таглиосские солдаты говорят, что они — с болотистых пустошей дельты реки к западу от Таглиоса. В общем, примитивное, мизернейшее меньшинство, ненавидимое большинством приверженцев основных божеств — Гунни, Ведны и Шадара:

В паломничестве принимал участие весь народ нюень бао. Так вот они всем народом и застряли здесь, в Деджагоре.

Научиться бы им время выбирать... Или хоть отточить мастерство умиротворения своих богов.

У Черного Отряда с нюень бао уговор. Гоблин с полчаса пообщался с их глашатаем и все уладил. Нюень бао не задевают Черный Отряд и таглиосцев, которым Отряд покровительствует. Мы, в свою очередь, не трогаем нюень бао.

Так и живем.

Дай ты пинка этой вороне. Совсем обнаглели, проклятые. Думают, управы на них нет... Эй! Попал! Хватай скорей! На вкус они мерзки, но — все лучше, чем ничего...

Ч-черт, улетела. Что ж, бывает. Идем к цитадели. Оттуда лучше всего любоваться окрестностями.

3

Эти парни?

Это — Отряд. Никогда б не подумал, а? Белые там, внизу? Тот, с дикой шевелюрой, Бадья. С ним — Масло и Ведьмак. Они в Отряде дольше всех, кроме Одноглазого да Гоблина. Эта парочка несколько поколений числится в Старой команде. Одноглазый, должно быть, уж третью сотню лет разменивает.

А вон древний чахоточник — Сопатый. Ни на что особо не пригоден. Как только выжил в той кутерьме несусветной, никто не знает. Говорят, наравне с лучшими головы крушил.

Еще двое черных — Ишак с Лошаком. Может быть, и настоящие имена у них имеются. Однако их так долго звали по кличкам, что даже сами они эти имена не сразу вспомнят.

Ты, главное, Гоблина с Одноглазым запомни. И против себя их не настрой, смотри. Они сдержанностью не отличаются.

Эта улица называется «Блистающая Каплями Росы». Никто не знает отчего. Пока выговоришь... А если еще по-джайкурийски, вовсе челюсть свихнешь. Как раз по ней Отряд прорвался к башне. Может, еще переименуют в «Омытую Кровавым Потоком».

Да, этой улицей Отряд пронесся сквозь ночь, уничтожая все на своем пути, и ворвался в башню прежде, чем кто-либо сообразил, что происходит. С помощью Меняющего Облик поднялись они на самый верх башни и дождались, пока он не прикончит Грозотень, а после взяли и его самого.

У Отряда издавна имелся зуб на него. Еще с предыдущего поколения. Тогда он, помогая Душелову сломить сопротивление города, убил Тамтама, брата Одноглазого. Отряд служил тогда синдику Берилла. С тех дней оставались лишь Ворчун, Одноглазый с Гоблином, Масло и Ведьмак. А теперь и Ворчун — в тех самых насыпях. Равнину удобряет. Теперь наш Старик — Могаба, как сам он полагает.

Создавшие Отряд пришли и ушли, однако сам Отряд — вечен.

Те черные здоровые мужики, что караулят ворота, — это нары. Потомки служивших Отряду несколько столетий назад. Жуткова-

ты, верно? Могаба с целою толпой своих дружков присоединился к походу Отряда в Джии-Зле. Старая команда их недолюбливает.

Было их куда больше, чем теперь, однако порядком убыло и продолжает убывать. Твердолобы они. Отряд боготворят. Только их Отряд — вовсе не таков, как Отряд Старой команды.

В каждом паре — более шести футов росту. Для похода в Хатовар Могаба отобрал самых сильных и умелых воинов. Все они ловки, как кошки, сильны, как гориллы, и владеют оружием так, словно родились с ним.

А прочие? Которые зовутся Старой командой? Да. Верно. Отряд — больше чем ремесло. Будь он только ради денег, продавай мы свой меч всякому, кто готов платить, не бывать бы Черному Отряду в этих краях. Работы и на севере было полно. В мире всегда хватает властителей, желающих прижать к ногтю подданных либо соседей.

Отряд — это семья для тех, кто к ней принадлежит. Отряд — это дом. Отряд — народ изгнанных, одиноких, вызвавших на бой целый мир.

Сейчас Отряд пытается замкнуть кольцо своей жизни. Мы — в поисках места своего рождения, былинного Хатовара. Но, похоже, весь мир сговорился, что Хатовар должен остаться неприкосновенным, точно дева, укрытая вуалью тени.

Нюень бао? Они — просто здесь присутствуют. Полагают, что смогут и дальше держать нейтралитет. Ничего. Тенекрут придет, он им растолкует. В этом мире никто не может оставаться в стороне. Да и тебе лучше бы поскорей сделать выбор.

Малость не в форме? Ничего, образуется. Побегаешь недельки три взад-вперед — то отряд Тенекрута прорвется, то Могаба упреждающий рейд затеет — закалишься не хуже меча нюень бао.

Думаешь, сидеть в осаде — это с боку на бок поворачиваться да поглядывать, не идет ли тот тип, снаружи?

Пойми, тот, снаружи — слюнявый безумец.

Нет, не просто чокнутый. Он — волшебник. Могучий, хотя последнее время не часто показывается на люди. Старик, перед тем как сгинуть в той заварухе, после которой нас всех заперли здесь, здорово ему врезал. С тех пор старый черт не в себе.

Пришли. Выше уже некуда. Вот, внизу, весь этот вшивый городишко, словно песочный ящик, какие так любила Госпожа...

А-а, ну да. Этот слух и сюда дополз. Кое с кем из пленных тенезомцев. Может, и была какая-нибудь Кина там, на севере. Или еще что-нибудь. Но Госпожа там быть не могла. Она погибла вон на том самом месте. Пять десятков человек видели, как. И половина из них полегли, пытаясь спасти ее...

Да как у тебя язык поворачивается?.. Что значит: «Как я могу быть уверен»? Сколько ж тебе еще свидетелей представить? Мертва она. И Старик мертв. Все, кто успел пройти в город прежде, чем Могаба запер ворота, мертвы.

Уйма народу полегла... Остались лишь те, кто сейчас здесь. Меж двух безумцев. И еще вопрос, кто безумней — Могаба или Тенекрут.

Ну, нагляделся? Вот так Деджагор держит осаду Хозяев Теней. Не очень впечатляющее зрелище, верно? Однако, каждый из тех выжженных участков — память о жестокой схватке. Вот как ведем мы дела с тенеземцами.

Пожары в Деджагоре начинаются просто.

Да в аду и должно быть жарко, верно говорю?

4

...кто я такой, на тот невероятный случай, если записи мои уцелеют. Я — Мурген, знаменосец Черного Отряда, хотя, к стыду моему, знамя потеряно в битве. Веду Анналы неофициально, потому что Ворчун мертв, Одноглазый не желает, а из прочих вряд ли кто грамотен. Я был учеником Костоправа и стану продолжать Анналы, пусть даже без официальных санкций.

Я ваш проводник — на несколько месяцев, а может, недель или же дней; смотря сколько понадобится тенеземцам, дабы привести наше присутствие здесь к неизбежному его завершению.

Никто из запертых в этих стенах не выберется отсюда. Слишком много врагов, слишком мало нас. И единственное наше преимущество — в том, что наш командующий так же безумен, как и их. Что делает наше положение несколько неопределенным. Хотя не прибавляет оснований надеяться.

Могаба не сдается столь долго лишь оттого, что сам он, лично, вполне способен, вися на одной руке, другою швырять во врага камнями.

Судя по всему, листы эти будут развеяны темным ветром, и ничей взгляд более не коснется их. А может, именно они пойдут на растопку, когда Тенекрут запалит костер под последним, убитым им после взятия Деджагора.

Ну а на случай, ежели кто-нибудь найдет мои записи, — вот Книга Мургена, последняя из Анналов Черного Отряда.

Долгая нить моего повествования начинает раскручиваться.

Умру я, в безвестности и страхе, в стране, где, даже сосредоточившись всею душой, не могу понять и десятой доли — настолько *стара* она.

Время спрессовано здесь плотно, и двухтысячелетние традиции служат основанием для вещей полностью абсурдных, однако принимаемых без удивления и оговорок. Дюжина народов, культур и вероисповеданий образовали такую смесь, что должна бы немедля испариться, однако существует она столь долго, что все возмущения выливаются лишь в непроизвольные подергивания древнего тела, слишком утомленного, чтобы впредь утруждаться хоть чем-нибудь.

Таглиос — единственное крупное княжество. Прочие теперь большею частью принадлежат Стране Теней. Населяют его в основном гуннпты, шадариты и веднаиты. Гунниты невысоки и темнокожи, хотя не черны, как нары. Мужчины одеваются в балахоны наподобие тог, благо, климат позволяет. Их яркая и пестрая расцветка выявляет кастовую, культовую и профессиональную принадлежность носящего. На женщинах — яркие ткани, несколько раз обернутые вокруг тела. Незамужние прячут лица под вуалью — кстати, замуж они, надо сказать, выходят рано. В качестве украшений носят свое приданое. Прежде чем выйти на люди, женщины расписывают лбы кастово-культово-профессиональными знаками и отца, и мужа. Мне этих иероглифов не понять никогда. Гуннпты низших каст не носят ничего, кроме набедренных повязок.

Шадариты кожей светлее, словно очень загорелые белые с севера. Они высоки; обычно выше шести футов. В отличие от гуннитов, бород не бреют и не выщипывают. Приверженцы некоторых сект и волос никогда не стригут. Запрета на омовения у них нет, но и позволительны оные крайне редко. Одеваются шадариты только в серое и носят тюрбаны, означающие общественное положение. Они, в отличие от гуннитов, едят мясо. Женщин их я лично не видел ни разу. Может, они своих детей находят в капусте?

Веднаиты — самая малочисленная из крупнейших этнических групп Таглиоса. Они столь же светлокожи, как и шадариты, но не так рослы и массивны; черты лиц их свирепы. Спартанских вкусов шадаритов они не разделяют. Вера их запрещает им почти что все на свете, оттого чтимые ими запреты и заветы частенько нарушаются. Одеваются они не так ярко, как гуннпты, однако цвет в их одеждах все же присутствует. Веднаиты носят штаны и настоящую обувь. Даже беднейшие прикрывают тело и голову. Замужние веднаитки одеваются только в черное. Да так, что ничего, кроме глаз, и не видно. Незамужней веднаитки не увидишь вовсе.

Нюень бао, не часто показывающиеся на улицах, обычно носят просторного покроя рубахи с открытым воротом и длинными рукавами да мешковатые легкие штаны, чаще всего черного цвета. Как мужчины, так и женщины. Дети попросту ходят голышом.

И весь этот город — воплощенный хаос.

Каждый день у кого-нибудь из них — праздник.

5

С крепостной башни ясно видно, что Деджагор — сплошной лабиринт. Конечно, самые неприступные города и строились с учетом того, что где-нибудь, по соседству, к власти в один прекрасный день придет какой-нибудь головорез. А собственные властители, конечно же, всегда останутся всего-навсего благонамеренными, щедрыми деспотами, радеющими лишь об умножении славы родного города.

Одно-единственное поколение тому назад, до появления Хозяев Теней, война для этой части света была понятием абсолютно чуждым. С самого ухода Черного Отряда не видали здесь ни армий, ни солдат. Веками.

Вот в такой-то невообразимый рай земной и пришли Хозяева Теней, властители тьмы из дальних стран, принесшие с собою все кошмары старых времен. Вскоре появились армии — необученные и неумелые. И шествовали они по землям не подготовленных к войне королевств, словно громадные жестокие бегемоты, пред коими бессильны сами боги. Тьма ширилась. Города повергались в прах. Счастье улыбнулось лишь нескольким, отстроенным Хозяевами Теней заново. Народам новооснованной Страны Теней был предоставлен выбор между повиновением и смертью.

Джайкур возродился, как Штормгард, берлога Хозяйки Теней по имени Грозотень, властительницы ветров и громов, ревущих и грохочущих во тьме. Той, что была рождена под именем Несущая Бурю в другой стране, в другую эпоху.

Вначале Грозотень велела устроить над руинами захваченного Джайкура, посреди совершенно сглаженной рабами и военнопленными равнины, насыпь в сорок футов высотою. Грунт для насыпи был взят из окружающего равнину сплошного кольца холмов. Завершив насыпь и выложив внешние склоны ее несколькими слоями специально доставленного камня, Грозотень выстроила поверх нее свой новый город, окружив его затем стеною еще в сорок футов высотой.

Однако планы Грозотени не учитывали возможности противостояния мощи Черного Отряда.

В Деджагоре — четверо ворот. По одним на каждую из сторон света. С холмов к ним ведут прямые, мощенные камнем, дороги. Теперь хоть какое-то движение наблюдается лишь на южной.

Могаба завалил все ворота, кроме одних, оставив только калитки для вылазок, постоянно охраняемые нарами. Могаба полон решимости драться. Ни один из этих вислозадых таглиосских легионеров не уйдет отсюда; все полягут вместе с ним.

В живых никто не останется: будь то Старая команда, нары, джайкури, таглиосцы, нюень бао — любой другой, имевший несчастье застрять здесь. Если только Тенекрут со своей шайкой, для разнообразия, не захочет извести кого-нибудь еще. Верно. Если берешь на вылазку восемнадцать бойцов, можешь голову прозакладывать, что вернутся только девять.

И шансы привести этих девять назад куда выше, чем нам вырваться отсюда.

Укрепленный лагерь тенеземцев расположен к югу от города. Так близко, что достает наша тяжелая артиллерия. Видишь, там у них бревна обуглены? Это мы попробовали выжечь лагерь в день той большой битвы. С тех пор еще несколько раз устраивали рейды, но с нынешними нашими силами нельзя идти на серьезный риск.

Словом, не слишком-то это повредило Тенекруту.

Наша артиллерия еженощно устраивает им побудку, всякий раз в другое время. Оттого они всегда утомлены и сонны — и, когда бы ни пошли в атаку, не способны драться в полную силу. Есть у нас и еще кое-что.

Загвоздка — в Тенекруте. Отряд не в первый раз сталкивается с подобной породой. Те тяжеловесы, из нашего прошлого, в таком положении разрушили бы Деджагор единым махом, мы бы и пикнуть не успели. А тут сноровки и проворства букашек, вроде Гоблина с Одноглазым, вполне хватает для сведения слабых потуг Тенекрута на нет...

Слабость его — вот загадка!

Если противник не предпринимает всего, на что, по-твоему, способен, это действует на нервы. Потому как Тенекрут стал мерзавцем такого высокого полета отнюдь не благодаря мягкости и вежливости.

Одноглазому положение представляется в преподлейшем свете. Говорит, Тенекрут так вял оттого, что Длинотень сидит у него на хвосте и тщательно обессиливает исподтишка.

Прежде чем появились мы, Хозяевам Теней не с кем было соперничать, кроме как друг с другом.

Как правило, Гоблин не согласен с Одноглазым ни в чем. Он заявляет, что Тенекрут усыпляет нашу бдительность, оправляясь тем часом от ран, оказавшихся серьезнее, чем мы полагали.

А по-моему, здесь обе эти причины имеются.

Над лагерем Тенекрута кружат вороны. Постоянно кружат... Их там самое меньшее чертова дюжина. А прочие день и ночь преследуют нас, но только не в помещениях. Туда они не забираются: мы не пускаем. Если какая и попробует, быстро окажется в чьем-нибудь котелке.

У Костоправа имелся пунктик насчет ворон. Похоже, теперь я его понимаю. Но мне куда больше досаждают летучие мыши.

Их не так часто увидишь. Вороны им проходу не дают. (*Эти* вороны и по ночам летать не стесняются). А тех, что уцелеют после ворон, чаще всего добиваем мы. Конечно, некоторые ускользают, не без этого. Что мне не нравится.

Они — соглядатаи Хозяев Теней. Дальнозоркие глаза коварства, заглядывающие туда, где враг не в силах свободно управлять живою тьмой.

Из Хозяев Теней осталось только двое. Они более не властны, как прежде, управлять Тенями в самом сердце таглиосских земель.

Они развеиваются.

Словно сон.

Сны слишком легко становятся кошмарами...

6

Глядя с вершины башни, поневоле удивишься, как же все эти джайкури ухитряются помещаться в стенах Деджагора.

Некогда холмы, окружающие равнину, были густо усеяны фермами, садами и виноградниками. После прихода Теней крестьянские семейства бросили свои земли. Затем явились враги Теней,

Черный Отряд, здорово проголодавшиеся после победы при Годжийском броде и длинного марш-броска. Ну а затем и армии тенеземцев, потрепавшие нас впоследствии, не заставили себя ждать.

Теперь холмы хранят лишь воспоминания о былом великолепии.

Самые мудрые крестьяне бежали первыми. Их-то дети и заселят эту землю вновь.

Затем те, кто поглупей, ринулись сюда, под призрачную защиту деджагорских стен. Могаба, когда особенно разъярится, выгоняет за ворота по нескольку сотен. Это ведь только глотки, вопящие: «Жрать давай!» А еда только для тех, кто готов умереть, защищая стены...

Местные, не способные вносить вклад в дело обороны либо выказывающие слабость — больные там, или тяжелораненые, — отправляются за ворота вслед за крестьянами.

Тенекрут не принимает к себе никого, кроме согласных участвовать в земляных работах либо рыть траншеи под мертвецов. Первое подразумевает тяжелый труд под жестоким обстрелом бывших друзей из города, второе же — подготовку ложа, которое тебе же и пригодится, как только перестанешь приносить пользу.

Небогатый выбор.

А Могаба никак не постигнет, отчего его военный гений не прославляется всем миром...

С нюень бао он не связывается. Пока. Они почти бесполезны для обороны Деджагора, однако и ресурсов не потребляют. И детишки их — вон как упитаны, а ведь всем остальным приходится подтягивать пояса...

Сейчас на улицах редко встретишь собаку или кошку. Лошади целы только потому, что находятся под защитой армии, да и то их всего горстка. Кончится фураж для них — наедимся от души.

Мелочь вроде крыс или голубей стала пуглива. Порой можно услыхать яростный, протестующий крик застигнутой врасплох вороны...

Нюень бао... Эти — выживут.

Народ с одним-единственным бесстрастным лицом на всех...

Могаба не докучает им — большей частью оттого, что нюень бао поднимутся на обидчика немедля и всем скопом. К драке они относятся серьезно, это для них — святое.

Они не встревают ни во что, если только могут, однако — отнюдь не пацифисты. Пару раз тенеземцам пришлось раскаяться в своих попытках пробиться в город через их кварталы: нюень бао устроили им изумительную резню.

Джайкури поговаривают, что они поедают своих врагов.

Верно, находили люди человечьи кости, явно прошедшие кулинарную обработку.

Я не верю, что кости эти — со столов нюень бао, но Кы Дам отказался опровергать даже самые пакостные обвинения в адрес своего народа.

Возможно, он признает правдой любую небылицу об ужасных обычаях нюень бао. Может, разговоры, нагнетающие страх перед ними, ему только выгодны.

Хочешь жить — хватайся за любую соломинку.

Если бы они заговорили!.. Наверняка порассказали бы такого, что — волосы дыбом...

О, Деджагор! Безмятежные дни прогулок по аду с улыбкой на губах...

Интересно, сколько времени пройдет, прежде чем смех вовсе покинет этот город?

7

Усталый донельзя — как и всякую ночь, насколько себя помню,— я отправился на стену, заступать на очередное дежурство. Устроившись в амбразуре, я проклял всех предков наших приятелей-тенеземцев. Они там, снаружи, что-то замышляли. Слышались возня и разговоры, по равнине двигались огни факелов. Вот же полуночники неугомонные; не могут они в нормальное время делами заниматься?

Судя по всему, энтузиазма в них было не более, чем во мне. Один раз я разобрал даже нелестное замечание обо мне и моих предках. Словно это я всю эту кутерьму затеял! Пожалуй, противник наш был движим одним-единственным побуждением: никто не вернется домой, пока Штормгард не будет взят. Быть может, в этот раз не уцелеет никто, ни с той ни с другой стороны.

Закаркала, насмехаясь над всеми нами, ворона. Я поленился швырнуть в нее камнем.

Над стенами стоял туман. Прошел мелкий, моросящий дождик. Затем на юге над холмами засверкали молнии. Весь день было жарко и влажно, и вот к вечеру разразилась жесточайшая гроза.

Не слишком хороша такая ночь для штурма высоких стен. Для обороны оных, впрочем, тоже.

Однако, мне было почти жаль этих придурков внизу.

Шандал с Рыжим наконец одолели подъем с улицы. Оба, кряхтя, тащили тяжелые кожаные мешки.

— Стар я уже для такой работы,— пробурчал Шандал.

— Зато, если подействует, у всех нас появится шанс состариться.

Оба привалились к зубцам, переводя дух, а затем швырнули свои мешки в темноту. Там принялись ругаться по-тенеземски.

— Будете знать, идиоты,— огрызнулся Рыжий.— Валите домой, дайте поспать.

Землю на стены таскала вся Старая команда.

— Да я знаю, знаю,— отвечал мне Шандал.— Но — что толку от жизни, если и жить-то устал?

Если вы читали Анналы, то знаете, что наша братия с самого начала не перестает это говорить. Я только пожал плечами. А что я такого вдохновляющего мог сказать? Обычно и не пытаешься искать объяснений, что да почему, а просто берешь — и делаешь.

— Гоблин тебя ищет,— буркнул Шандал.— Но мы тебя тут спрячем.

Рыжий заорал вниз на ломаном тенеземском:

— Эй, я понимаю, чего вы там бормочете!

Я кашлянул. Хоть и была моя вахта, я мог уйти, если бы захотел. Могаба больше и не пытался контролировать Старую команду. Мы свое дело делали — удерживали плацдарм. Мы просто не разделяли его представлений о том, каким положено быть Черному Отряду. Но если этот Хозяин Теней со своими клоунами когда-нибудь решит свалить восвояси, предстоит крепкая проба сил.

— Где он?

— Под Тремя,— показал он на пальцах.

Мы часто пользовались языком глухонемых, когда приходилось говорить о делах на открытом месте. Ни мыши, ни вороны его не понимали. И — ни один из людей Могабы.

Я снова кашлянул.

— Скоро вернусь.

— Ага.

Я сошел вниз по крутой, скользкой лестнице, превозмогая боль мускулов, протестовавших против переноски мешка с землею на обратном пути.

Что же такого Гоблину от меня могло понадобиться? Наверное, обсудить какой-нибудь пустячный вопрос. Коротышка, подобно своему одноокому дружку, избегает принимать на себя какую бы то ни было ответственность.

Старой командой, в общем, руковожу я — у всех остальных нет желания утруждаться.

Мы обосновались в высоких кирпичных строениях неподалеку от стены, к юго-западу от северных, единственных незабаррикадированных ворот. И с первого часа осады продолжали укреплять позиции.

Могаба мыслит наступательно. Он не верит, что войну можно выиграть, отсиживаясь за стенами. Он желает встретить тенеземцев на стене, отбросить назад, затем вырваться наружу и перебить их. Он затевает упреждающие рейды и отвлекающие атаки, дабы держать противника в нервном напряжении. Он не готов к тому, что тенеземцы могут проникнуть в город в значительном количестве, хотя каждый раз они оказываются по нашу сторону стены прежде, чем мы сможем в достаточной мере сосредоточиться и заставить их отступить.

Наступит день и час, когда дела пойдут не так, как хотелось бы Могабе. Когда-нибудь людям Тенекрута удастся захватить ворота. И тогда мы увидим настоящие уличные бои.

Это неизбежно.

Что ж, Могаба, Старая команда готова к этому. А ты?

Мы-то станем невидимками, Ваше Высокомерие. Мы в такие игры уже играли. Мы читали Анналы. Мы будем призраками, несущими смерть.

Надеюсь.

Тени — вот в чем проблема. Что они уже узнали? И что еще смогут узнать?

Эти негодяи названы Хозяевами Теней не только за любовь к темноте...

8

Все входы в помещения Отряда, за исключением трех потайных дверей, были заложены кирпичом. Как и все наружные окна ниже третьего этажа. Коридоры и дымоходы превращены в лабиринт смертоносных ловушек. До трех действующих входов можно добраться, лишь вскарабкавшись по лестницам, простреливающимся по всей протяженности. Нам огонь большей частью не страшен — где смогли, обеспечили свою безопасность.

От бездеятельности в дни осады Отряд не страдает. Даже Одноглазый работает. Если только ему не удается спрятаться от меня.

Пройдя потайным ходом, известным лишь Старой команде, воронам с летучими мышами, Теням, соглядатаям нюень бао да любому нару, сумевшему проследить за нашим обиталищем с северного барбикена, я скатился по лестничным пролетам вниз, в подвал, где подле одинокого, маленького светильника подремывал Бадья. Хоть я и старался идти неслышно, веко его дрогнуло. На оклик он дыхания тратить не пожелал. Позади него к стене был прислонен ветхий, расшатанный шкаф с криво висящей на одной петле дверцей. Осторожно отворив дверцу, я скользнул внутрь.

Всякий, пробравшийся, сюда найдет лишь шкаф, заполненный весьма ограниченными запасами провизии.

Шкаф этот ведет в туннель, который соединяет все наши помещения. В одном из них спали среди устрашающего беспорядка и вони медвежьей берлоги еще несколько человек. Здесь я пошел медленнее, пока меня не признали.

Будь я чужим, был бы не первым из тех, кто никогда не вернется из этих подземелий.

Теперь я добрался до мест, по-настоящему секретных.

Новый Штормгард вырос поверх старого Джайкура. И на снос старого города сил впустую не тратили. Множество первоначальных построек оказалось в превосходном состоянии.

Там, где никому не пришло бы в голову искать, мы выкопали обширный лабиринт. И лабиринт этот становился просторнее с каждым мешком земли, отправлявшимся на стену или использованным в прочих наших задумках. Однако, муравейник наш уютным не назовешь. Требуется сила воли, чтобы спускаться во тьму и сырость наших коридоров, где воздух еле движется, свечи едва тлеют и всегда имеется шанс, что в любом темном углу затаилась визжащая смерть.

К подобной обстановке невозможно привыкнуть.

Ведьмак, Масло, Гоблин с Одноглазым и я прошли через такое прежде, на равнине Страха, где, кажется, пять тысяч лет прожили в земле, точно барсуки...

— Клетус, где Гоблин?

Клетус — один из трех братьев, возглавляющих наши инженерные службы и артиллерию.

— За углом. В следующей комнате.

Клетус, Лофтус и Лонгинус — настоящие гении. Это они рассчитали, как по дымоходам построек наверху подавать воздух в самые глубокие туннели, медленно пропускать его по ним, а затем, по другим дымоходам, выводить наружу. Простая инженерия, однако для меня — словно волшебство. Ток пригодного для дыхания воздуха, пусть медленный и не слишком чистый, исправно служит нам.

Хотя сырости и вони от этого не меньше.

Гоблин держал светильник, освещая стену, на чисто выскобленные камни которой Лонгинус шлепывал известковый раствор, примерно на уровне глаз.

— Что стряслось, Гоблин?

— Дождь этот поганый наверху.

— Ну да. Боги где-то выхлебали реку, а теперь сюда отливают. И что с того?

— У нас тут около тысячи протечек.

— Что, так плохо?

— Может статься. Дренажа — никакого. Мы сейчас — глубже некуда, если только с Двадцатым туннелем дела не пойдут на лад.

— По-моему, проблема — чисто инженерная.

— Ну да,— подтвердил Лонгинус, разравнивая раствор.— Клет это предвидел. Мы с самого начала работали над водонепроницаемостью. Беда в том, что никак не проверить, все ли в порядке, пока не задождит как следует. Счастье еще, что такого во время сезона дождей не случилось. Три дня подобного ливня — и затопит нас тут к чертям.

— Вы ведь справитесь?

Лонгинус пожал плечами.

— Постараемся, Ворчун. Это — все, что мы можем сделать.

В общем, от меня здесь толку мало.

— За этим ты меня и искал?

Проблема, даже по Гоблиновым меркам, была слишком уж незначительной.

— Не только. Лонго, ты ничего не слышишь.

С этими словами человечек с лягушачьей физиономией проделал тремя пальцами левой руки замысловатый жест. Меж пальцев его что-то едва уловимо замерцало, и Лонгинус вернулся к работе, словно совершенно оглох.

— Настолько важно, что его требовалось вырубать?

— Болтлив он. Худого, конечно, не желает, просто помимо воли повторяет все, что слышал.

— Да еще от себя приукрашивает. Знаю. Хорошо. Говори.

— С этим Хозяином Теней что-то произошло. Он изменился. Мы с Одноглазым полагаем, что около часа назад. Он просто-напросто скрывает это от нас.

— Что?

Гоблин склонился поближе ко мне, словно бы Лонгинус мог подслушивать.

— Он в добром здравии, Мурген. Он почти поправился. Ему просто нужно было стать на ноги прежде, чем они оба двинутся на нас. Мы также полагаем, что свою перемену он прячет больше от дружка Длинотени. Нас-то он не так боится.

Я так и замер, вспомнив вдруг странное, творившееся сегодня — прямо сейчас! — на равнине.

— Ах, т-твою мать!..

— Что такое?

— Он идет на штурм сегодня! Прямо сейчас! Они выходили на позиции, когда я спускался сюда. Я-то думал, все будет как обычно... Словом, лучше поднять всех по тревоге.

Собрав все оставшиеся силы, я поспешил назад, объявляя общую тревогу всем встречным.

9

Тенекрут не спешил. Отряд занял позиции на стене. Ведомая нами орда таглиосцев приготовилась к бою, как только могла. Я разослал предупреждения Могабе и глашатаю нюень бао, Кы Даму. Могаба, конечно, тупица и безумец, но не безнадежный дурак. И, если Гоблин заявляет, что беда близка, выслушает.

Повсюду зазвучали сигналы тревоги. Из-за стены немедля раздались возгласы злобного разочарования.

Тут и гражданское население начало реагировать. Темные улицы объял страх — судя по ощущениям, куда сильнее прежнего. Как всегда, джайкури, что постарше, вспомнили первое появление Хозяев Теней. Тогда первая волна атакующих состояла из смертоносных искр тьмы.

— Одноглазый! Тени там есть?

— И не может быть. Им сюда от самого Тенелова добираться. Длинотень, наверное, этим занимается.

— Хорошо.

Мне уже доводилось видеть, что может натворить Тень. Одно скажу: джайкури совершенно правильно их боятся.

— Хотя некоторую долю волшбы могу тебе обещать. Уже назрело.

— За что я тебя, коротышку, люблю — здорово умеешь ободрить.

Я окинул взглядом стену рядом с нашим сектором. Разглядеть удалось не много, однако, похоже было на то, что нападающим подготовлена надлежащая встреча.

Впрочем, если Тенекрут и оправился, это еще ничего не значит.

— Мурген!

— Что?

— Оглянись!

Я оглянулся.

Глашатай Кы Дам в сопровождении сына и нескольких внуков при помощи жестов испрашивал позволения подняться к бойницам. При оружии был только его сын, коренастый, бесстрастный мужик; по слухам, мастер в обращении с мечом.

— Добро пожаловать,— кивнул я.

С виду глашатай на тыщу лет старше нашего Одноглазого, однако ему хватило бодрости взойти наверх без посторонней помощи. Не отяжелили его годы, что и говорить. Волосы его — те, что уцелели — были расчесаны на прямой пробор, обрамляя лицо легкими белыми прядями. Судя по пятнам на коже, он страдал какой-то печеночной хворью. В целом же кожа его поблекла от старости, и глашатай был светлее даже некоторых из нас, северян.

Он слегка поклонился.

Я ответил тем же манером, постаравшись в точности повторить его поклон. Это должно было означать приветствие меж равными и прибавить несколько очков в мою пользу — я ведь, хоть и юн годами, все равно являлся старшим, поскольку он находился на территории Отряда, а в Отряде главный — я.

Я изо всех сил старался быть вежливым с глашатаем и беспрестанно напоминал ребятам, чтобы относились к нюень бао уважительно и бережно — даже в случаях провокаций. Я пытался вдохновить их на более тесные, нежели обычно, отношения.

В этих чужих краях у нас нигде нет друзей.

Кы Дам обратился взглядом к темнеющей равнине. Осанка его была строга. Многие джайкури были уверены, что он — волшебник. Гоблин же с Одноглазым говорили, что его можно назвать ведьмаком в устаревшем смысле этого слова — как мудрого, много изведавшего человека.

Старик глубоко вдохнул, словно бы укрепляя силы своей ауры:

— В эту ночь будет не так, как всегда.

Говорил он на общетаглиосском — и без малейшего акцента:

— Их повелитель восстановил свои силы.

Строго взглянув на меня, перевел взгляд на Гоблина с Одноглазым:

— О. Хм-м.

— Ты совершенно прав.

Я в свою очередь обратил внимание на сопровождавших глашатая. Мастер клинка казался слишком уж толстым и неуклюжим для своей репутации.

Внуки выглядели в точности как обыкновенные мужчины нюень бао в расцвете сил. Будто бы, улыбнувшись либо еще как-то выразив свои чувства, лишатся собственной души. Словно, выражаясь словами Гоблина, по кактусу у них в заду сидит.

Оставив Кы Дама вглядываться в ночь, я вернулся к своим делам. Сопровождавшие его, как могли, старались не путаться под ногами.

Подошел Бадья:

— Все готово, командир.

Судя по возгласам, люди Хозяина Теней также были готовы начинать. Горны их заревели, точно стадо быков в охоте.

— Ну, это ненадолго, — проворчал я.

Они могли бы отложить это дело еще лет на двадцать. Я бы не возражал. Мне спешить некуда.

С улицы к нам взбежал вестовой из таглиосцев, сквозь сбившееся дыхание выдавивший, что меня хочет видеть Могаба.

— Иду. Скажи, минут через пять. — Я вгляделся в темноту. — Бадья, остаешься за старшего.

— Ну да. Только еще одного клоуна в Отряде здесь не хватало.

— Сокрушу!

Кы Дам что-то сказал. Мастер меча, сощурившись, принялся вглядываться во мрак. На пол-удара сердца в холмах что-то блеснуло. Звезда? Отблеск звезды? Нет. Ночь была холодна, пасмурна и дождлива.

— Каменный Воин, — заговорил глашатай, — случившееся может быть значительнее, чем его сиюминутное проявление.

— Возможно. — Что значит это «Каменный Воин»? — Но мы, в отличие от нюень бао, не воины. Мы — солдаты.

Ум старика тоже не утратил проворства.

— Как пожелаешь, Каменный Солдат. Все может оказаться не тем, чем выглядит.

Интересно, он по дороге сюда до этого додумался?

Собственное умозаключение глашатая не порадовало. Резко повернувшись, он заспешил вниз по лестнице. Да так, что и внуки за ним с трудом поспевали.

— О чем это вы? — поинтересовался Бадья.

— Представления не имею. К тому же меня призывает Его Святейшество, Князь Черного Отряда.

Направившись к лестнице, я взглянул на Одноглазого. Наш колдун смотрел в сторону холмов, вглядываясь в то самое место, что привлекло внимание Кы Дама. Вид он имел при этом озадаченный и безнадежный.

Но на расспросы времени не было. Как не было и желания расспрашивать.

Я и уже имеющимися дурными вестями был сыт по горло.

10

Росту в Могабе — шесть футов, пять дюймов. Жира нигде — ни унции, разве что меж ушей. Весь из костей и мускулов, движется с этакой плавной, текучей кошачьей грацией. Здорово ему пришлось поработать, чтобы не перебрать с мускулатурой и не потерять гибкости. Лицом он темен, но не эбеново-черен, а скорее цвета старого красного дерева. Он просто-таки пышет уверенностью, непоколебимой внутренней силой.

У него всегда наготове острота, но он никогда не улыбается. А если и выказывает чувство юмора, то чисто поверхностно, исключительно ради воздействия на публику. Сам он юмора не чувствует и, вероятно, не понимает. Он, как никто до него, сосредоточен. Сосредоточен на созидании и поддержании в надлежащем виде Могабы, величайшего воина всех времен.

Достоинства его почти таковы, как ему хочется. Я никогда не видел человека, способного сравниться с ним.

И прочие нары почти так же впечатляющи и надменно-самоуверенны.

Самомнение Могабы — вот его величайшее слабое место, но, по-моему, никто не в силах убедить его в этом. Он и его репутация — главная ось, вкруг коей вращаются все его помыслы.

К несчастью, склонность к самолюбованию и самооправданию — не та черта характера, что вдохновляет солдат выигрывать сражения.

Меж Могабой и нами, остальными, не осталось ни крупицы приязни. Это он расколол Отряд на Старую команду и наров. Могаба представляет себе Черный Отряд как священный крестовый поход длиною в эпохи. Наши же ребята видят в нем большую, несчастливую семью, которая старается уцелеть в мире, задавшемся целью погубить нас.

Спор разгорелся бы куда жарче, не будь под боком серьезного общего врага в лице Тенекрута.

Теперь даже многие из людей Могабы — и то отнюдь не восхищены его образом мыслей.

То, о чем Костоправ твердил с того момента, как впервые взялся за перо и бумагу, можно назвать вопросами тона. А затевать свары с командиром, как бы он ни был не прав и однобок в суждениях, хорошим тоном не назовешь. Я и стараюсь держаться в рамках приличий.

Костоправ быстро возвысил Могабу — за его исключительные качества — до положения третьего человека в Отряде, после него самого и Госпожи. Однако это еще не делает Могабу командиром в

случае отсутствия Костоправа с Госпожой. Новый капитан должен быть избран. В ситуациях, подобных сложившейся здесь, в Деджагоре, обычай велит солдатам решить, нужно ли устраивать выборы немедля. Если они полагают, что старый капитан некомпетентен, безумен, дряхл, мертв либо по какой-то другой причине нуждается в немедленном замещении, тогда выборов не миновать.

Не могу припомнить ни одного примера из Анналов, чтобы солдаты отвергли старшего кандидата, но, случись выборы сегодня, возможно, появится такой прецедент. При тайном голосовании даже многие нары могут выразить Могабе недоверие.

Пока мы в осаде, никаких голосований не будет. Я сам постараюсь свести на нет любые попытки провести выборы. Может, Могаба и безумен. Может, я и отношусь без всякого трепета к тому, что для него — святыня. Однако только у него достаточно воли, чтобы управлять тысячами норовистых таглиосских легионеров и в то же время держать в рамках джайкури. Падет он — место его заступит его помощник Зиндаб, затем — Очиба, а уж потом, может быть, ежели не сумею достаточно быстро слинять, я.

Все время, пока длится осада, солдаты и гражданские куда больше боятся Могабу, чем уважают, — вот что меня беспокоит. Страх, как неоднократно сообщали Анналы, — наиблагоприятнейшая почва для предательства.

11

Совещания штаба Могабы проходили в башне, на самой верхотуре; там имелась оружейная палата, устроенная Грозотенью ради забавы. Могаба полагал, что нам, мелкой шантрапе, помимо совещаний заодно и поупражняться не грех. Своего же боевого поста на стене он оставлять не любил, поэтому я мог рассчитывать, что совещание надолго не затянется.

Держался он вежливо, хотя всем было очевидно, как это трудно для него.

— Я получил твое донесение, — сказал он. — И нашел его не слишком внятным.

— Так и было задумано. Дабы посланник не разболтал новость всем и вся по пути к тебе.

— Из этого следует, что новость плоха.

Он говорил на диалекте Самоцветных городов, подхваченном Отрядом во время службы синдику Берилла. Чаще всего мы им пользовались, когда не желали быть понятыми местными. Могаба же говорил на нем оттого, что до сих пор недостаточно овладел таглиосским и без переводчика обойтись не мог. Он и по-самоцветски говорил с ужасным акцентом.

— Именно так и обстоят дела, — сказал я. Зиндаб, друг Могабы, перевел услышанное для присутствовавших таглиосских офицеров. — Гоблин и Одноглазый, — продолжал я, — говорят, что Тенекрут снова

в полном здравии и нынче ночью собирается попышнее отпраздновать этот факт. Таким образом, этой ночью будет не обычный рейд, но мощнейший удар всеми наличными силами.

Дюжина пар глаз взирали на меня, моля, чтобы все сказанное мною оказалось чем-нибудь вроде очередной злобной шутки Гоблина и Одноглазого. Взгляд Могабы сделался ледяным; он смотрел так, словно старался запихать мои слова назад, в глотку.

Могаба не пользовался услугами этой пары, постоянно вызывавшей разногласия между ним и Старой командой. Он был свято уверен, что колдунам, ведьмакам и прочим волшебникам, уж каким ни на есть жалким, все же не место среди воинов, коим положено полагаться лишь на собственную силу, сметку, волю и, может быть, еще на каменную твердость командира, если таковая имеется в наличии.

Гоблин же с Одноглазым — мало того, что колдуны, мало того, что неряшливы, недисциплинированы и вообще разгильдяи — так еще менее всех склонны признавать его, Могабу, лучшим приобретением Черного Отряда на все прошедшие и будущие времена.

А Тенекрута Могаба особенно ненавидел за то, что тот наверняка никогда не выйдет с ним, Могабой, на честный бой, каковой впоследствии был бы воспет в веках.

Могаба хочет занять место в Анналах, причем главное. И он его получит — однако не так, как ему желательно.

— У тебя есть соображения, как совладать с этой опасностью?

Голос Могабы не выказывал никаких чувств, хотя выздоровление Тенекрута наверняка здорово приблизило день и час нашего уничтожения.

Я поразмыслил над всеобщей невысказанной мольбой, однако Могаба явно был не в том расположении духа.

— Боюсь, что нет.

— И в книжках твоих нет ничего такого?

Он имел в виду Анналы. Костоправ уйму сил положил на то, чтоб заставить Могабу изучить их. Ворчун здорово умел отыскивать в них похожие случаи и принимать их к сведению — в основном потому, что не очень доверял своим командно-стратегическим талантам. А вот у Могабы самоуверенности — хоть отбавляй. Всякий раз он находил повод уклониться от знакомства с историей Отряда. И лишь недавно для меня стало очевидным, что он не умеет ни читать, ни писать. В некоторых землях грамота считается делом немужским. Может, и среди наров в Джии-Зле было так, несмотря на то, что ведение Анналов — священный долг братии Черного Отряда.

— Очень мало. Существует лишь проверенная временем тактика, когда внимание колдуна отвлекается на второстепенную цель, где он причинит меньше ущерба, чем хочет. И продолжаешь так до тех пор, пока он не выдохнется, либо пока не сможешь подобраться к нему и перерезать глотку. Последнее нам не подходит — на этот

раз Тенекрут будет осторожнее. Может, даже из лагеря не высунется, если только мы не выманим его.

Могаба кивнул. Услышанное его не удивило.

— Зиндаб?

Зиндаб — старейший и ближайший друг Могабы. С самого раннего детства. Ныне — его заместитель и командир первого таглиосского легиона, лучшего среди таглиосских подразделений. И старейшего. Когда мы только-только прибыли в Таглиос, Ворчун назначил Могабу руководить обучением новобранцев, и этот легион — его рук дело.

Зиндаба можно считать братом Могабы. Пожалуй, Могаба дорожит его добрым мнением больше, чем должен бы.

— Можно попробовать удрать,— отвечал тот.— Га-га-га! Шутка.

Могаба шутки явно не понял. А если и понял, то не нашел в ней ничего смешного.

— Отвлечь его с помощью артиллерии,— предложил я.— Если приблизится на выстрел — может, повезет его прищучить.

Так мы поступили во время той великой битвы, закончившейся тем, что нас заперли здесь. Нам повезло: мы остались живы, чтобы затем немедля влипнуть в громадную кучу дерьма. Однако устранить Тенекрута полностью не получилось...

— Сыграем на быстроте маневра,— решил Могаба.— Выстрел — смена позиции. Прямое столкновение будет для нас гибелью. В качестве прикрытия используем анфиладный огонь, чтобы противник не мог сосредоточиться на чем-то одном. Глаза в глаза становиться нельзя.

Могаба посмотрел мне в глаза. Ему нужна была помощь Гоблина и Одноглазого, однако гордость не позволяла просить о ней. Он, помнится, высказывался в том духе, что волшбы не потерпит, потому как ей в Черном Отряде — не место. Колдовать — подло, бесчестно, и потому подобает лишь мошенникам. Настоящий мужчина не может лгать. Все это он втолковывал, в частности, нашей парочке клоунов всякий раз, когда видел их. И даже сулил им немалые выгоды в случае, если они оставят «его» Отряд.

Значит, помощи? Ну не забавно ли — какую гибкость приобретает человек, когда само разрушение заглядывает в глаза?

Хотя Могаба никогда не просил о колдовской помощи впрямую...

В общем, я не стал тянуть кота за хвост. И вообще-то привычки такой не имею, а тут вдобавок надеялся, что именно от этого его и передернет.

— Все мы,— сказал я,— сделаем все, на что способны.

Могаба моргнул. Среди множества качеств, не приличествующих воину-нару, значится и красноречие. На каком бы языке он ни изъяснялся.

Хорошо, что говорили мы на берилльском диалекте. Дискуссия наша длилась достаточно долго, и таглиосские офицеры уже начали сомневаться в кратком переводе Зиндаба. Мы всегда старались

являть внешнему миру одно-единственное выражение лица. Это было особенно важно в отношениях с нанимателем. Потому что у этих господ в обычае — заранее вычислять, каким образом использовать нас, как только мы спасем их царственные задницы.

Считая братьев, принявших присягу с тех пор, как мы явились в этот «благословенный» край, а также наров и Старую команду, нас сейчас шестьдесят девять человек. Главная защита Деджагора — десять тысяч плохо обученных таглиосских легионеров, какое-то количество бывших тенеземских рабов, хотя и добровольцев, но ни на что путное не годных, да немного джайкури, от которых пользы еще меньше. И с каждым днем они здорово убывают в числе. Старые раны и новые хвори прорежают наши ряды едва ли не быстрее атак неприятеля.

Могаба наградил меня легким поклоном — так у него выглядит выражение благодарности. Открыто благодарить не стал.

Зинлаб с Очибой, сдвинув головы, обсуждали только что полученные донесения.

— Времени на разговоры не осталось, — объявил Зинлаб. — Они вот-вот пойдут на штурм.

Говорил он по-таглиосски. Он, в отличие от Могабы, постарался освоить язык как следует. Теперь бьется в попытках понять культуру и образ мышления нескольких таглиосских народов — хотя они, на мой взгляд, диковаты.

— Тогда идемте по местам, — сказал Могаба. — Если не хотим разочаровать Тенекрута.

Вот он каков, Могаба, — любуйся, кто хочет. Он прямо-таки рвался в бой. Возбуждение его достигло невыразимых пределов. Ему не терпелось посмотреть, как его тактика поможет снизить наши потери.

Я вышел, не сказав ни слова. И не дождавшись команды.

Огаба знает, что я не считаю его капитаном. Как-то случилось нам об этом поговорить. Я не признаю его капитаном до голосования по всей форме. Хотя сам он, подозреваю, выборов не жаждет, боясь, что популярность его до капитанского уровня не дотягивает.

И я выборов торопить не стану. Старая команда может выбрать меня, а мне такая работа не желательна. Не подхожу я для нее, не могу я вести за собой! Я, черт подери, даже с Анналами с трудом справляюсь. В голову не идет, как это Костоправ успевал, занимаясь ими, еще и прочие дела решать? До своего участка стены я бежал.

12

Что-то, взявшееся невесть откуда, не видимое никому более, похожее на молчаливый смерч из тьмы ночной, напало меня и поглотило. Вцепилось в душу мою, рвануло, и я понесся во тьму. Хозяин Теней вернулся...

Но зачем ему я? Есть ведь и менее приметные...

13

Меня властно призывали куда-то, и я боролся, но не мог противостоять.

Я ничего не понимал. Никакого представления не имел, что происходит. Клонило в сон... Может, все это — просто с недосыпу?

Затем чей-то голос, казавшийся смутно знакомым, назвал меня по имени.

— Мурген! Мурген, возвращайся! — Тут меня бросило в сторону, словно бы от удара, но я не почувствовал.— Давай, Мурген! Напрягись!

Что?

— Возвращается. Возвращается!

Я застонал, что, судя по новой вспышке радости, было немалым успехом.

Я застонал снова. Теперь я знал, кто я такой, однако — где я, зачем, и чей это голос...

— Да встаю,— хотел было сказать я,— встаю, черт бы вас побрал!

Наверное, снова учения... Я попробовал встать, но мускулы отказались поднимать тело.

Совсем одеревенели.

Меня подхватили под руки.

— Ставь на ноги,— сказал другой голос.— Пусть пройдется.

— Надо бы найти способ предотвращать такие приступы еще до начала,— откликнулся первый.

— С удовольствием выслушаю любые идеи.

— Но это ж ты у нас лекарь...

— Да не хворь это, Гоблин. А волшебник у нас — ты.

— Так это и не колдовство, командир.

— Тогда что же это за чертовщина?

— О подобном я даже никогда не слыхал.

Меня поставили на ноги. Колени подогнулись, однако ребята не дали мне упасть.

Приоткрыв один глаз, я увидел Гоблина и нашего Старика. Но Старик же мертв... Я шевельнул для пробы языком.

— Похоже, я вернулся.

На этот раз слова выговорились, хоть и с трудом, но разборчиво.

— Вернулся,— подтвердил Гоблин.

— Помоги ему идти.

— Да не пьян же он, Костоправ! Он здесь, в полном сознании. Справится и сам, никуда не денется. Ведь так, Мурген?

— Да. Я здесь. Я никуда не денусь, пока бодрствую.

Хотя где это «здесь»? Я огляделся. А-а. Снова здесь...

— Что стряслось? — спросил Старик.

— Меня снова утащило в прошлое.

— Деджагор?

— Ну да, как всегда. На этот раз — в тот день, когда ты вернулся. И когда я встретил Сари.

Костоправ только крякнул.

— Это с каждым разом все менее болезненно ощутимо. Сегодня вообще прошло легче легкого. Но и помимо боли все плохое сходит на нет. Я не увидел и половины тех ужасов, что должны были там быть...

— Это же хорошо. Может быть, если сумеешь освободиться от боли и страха, избавишься и от приступов...

— Да я не сошел с ума, Костоправ! Не сам же я все это проделываю...

— А возвращаться ему с каждым разом все тяжелее, — заметил Гоблин. — Сегодня он уже не выкарабкался бы без нашей помощи.

Теперь уж я только крякнул. Значит, я могу застрять в постоянно возвращающейся точке надира моей жизни?

Впрочем, Гоблин и не догадывался о самом худшем. Я еще не вернулся. Они вытащили меня из бездны вчерашнего, но я еще не был здесь, с ними. Все происходящее сейчас тоже было моим прошлым, только на сей раз я сознавал, где нахожусь. И знал, какие напасти готовит мне будущее.

— На что это было похоже?

Гоблин, как обычно, пристально смотрел мне в лицо. Будто какое-нибудь подрагиванье века могло послужить подсказкой, необходимой для моего спасения. Ворчун прислонился к стене, вполне удовлетворенный тем, что я заговорил.

— Так же, как и всегда. Только не так болезненно. Хотя на этот раз поначалу я был не совсем я. Вот в чем разница. Я был просто точкой, наподобие бестелесного голоса проводника, рассказывающего какому-то безликому пришельцу, что тот видит вокруг.

— Пришельцу тоже бестелесному? — спросил Костоправ.

Это его заинтересовало.

— Нет, там определенно кто-то был. Человек как человек, только без лица.

Гоблин с Костоправом встревоженно переглянулись. Масло и Ведьмака на этот раз не было.

— Какого пола? — спросил Костоправ.

— Не разобрал. Хотя то не был Безликий. Вообще, в прошлом никто из нас с ним не встречался. Должно быть, он — просто из моей головы. Наверное, мне пришлось разделиться, чтобы легче переносить такие гигантские вспышки боли...

Гоблин недоверчиво покачал головой.

— Это не ты, Мурген. Все это проделывает кто-то — или что-то — помимо тебя. Кроме «кто?», надо бы понять, зачем и

почему именно с тобой. Ты не уловил никаких намеков? Как все происходило? Попробуй рассказать поподробнее. Мельчайшая деталь может послужить зацепкой.

— Когда все началось, я был полностью разъят. А затем снова стал Мургеном, переживающим все заново, пытающимся все происходящее занести в Анналы и вовсе ничего не знающим о будущем. Помнишь, как ты сам, мальчишкой, ходил купаться? Помнишь, как это — кто-нибудь заныривает за спину, чтобы тебя макнуть? Выпрыгивает из воды повыше, рукой упирается в твою макушку, а после всем весом тебя притапливает? А ты, если дело происходит на глубине, вместо того, чтобы прямо идти вниз, изгибаешься под водой и ложишься на живот? Вот так же точно и здесь. Только вот на живот-то я переворачиваюсь, а выплыть наверх не выходит. Я забываю, что все это проделывал уже множество раз, и всякий раз — точно так же. Может, вспомни я хоть раз будущее, попытался бы изменить ход вещей, или по крайней мере сделать еще копии с моих книг, дабы они...

— Что? — Костоправ навострил уши. Стоит помянуть Анналы — и все его внимание в полном твоем распоряжении. — О чем это ты?

Сообразил ли он, что я помню будущее? Ведь в настоящий момент мои тома Анналов еще целы...

Волна страха и боли захлестнула меня с головой. За страхом и болью последовало отчаянье — оттого, что, несмотря на все прыжки в прошлое и визиты в настоящее, я не могу предотвратить то, что произойдет. Никакая сила воли не способна отвернуть в сторону реку, несущую нас в бездны ужаса.

На несколько секунд я утратил дар речи — столь многое хотел сказать. Затем, хоть и не впрямую, сумел облечь мысли в слова:

— Ты имеешь в виду Роковой перелесок, так?

Я хорошо помнил этот вечер. Достаточно часто проезжал здесь, чтоб успеть изучить дорогу. Ландшафт, правда, каждый раз слегка варьировался, но далее время вновь превращалось во все ту же неумолимую реку...

— Перелесок? — удивленно переспросил Костоправ.

— Тебе нужно, чтобы я повел Отряд к Роковому перелеску, верно? Сейчас — пора какого-то Обманного празднества. Ты полагаешь, что именно здесь может появиться Нарайан Сингх, самое время изловить его — или кого-нибудь, знающего, где тот прячет своих отпрысков. Хуже всего — твоя уверенность в том, что мы можем убить их побольше и потрепать, как никогда еще не трепали.

В решимости извести Обманщиков Костоправ был неумолим. Неумолимее даже, чем Госпожа, а ведь из них двоих сильнее была оскорблена она. Когда-то, давным-давно, он захотел взять на себя миссию замкнуть кольцо истории Отряда. Он хотел быть тем капитаном, который приведет роту назад, в Хатовар. Однако весь этот кошмар отодвинул его мечту на второй план. И, пока

раскручивается паутинно-тонкая нить ужаса, боли, жестокости и отмщения, Хатовар останется лишь поводом, но не пунктом назначения.

Сейчас он неуверенно разглядывал меня:

— Откуда ты можешь знать про перелесок?

— Я вернулся назад, зная это.

Это было сущею правдой, вот только «назад» оба мы могли понимать по-разному.

— Так ты поведешь туда наших?

— Не могу не повести.

Теперь и Гоблин недоуменно воззрился на меня.

Я сделаю то, что просит Костоправ. Я знаю, как все произойдет, однако не могу объяснить им этого. В голове моей поселились два разума. Один ответственен за эти размышления, другой же тем часом потел, отпуская шкоты и выбирая рифы.

— Сейчас я в полном порядке,— сказал я.— По-моему, есть способ уберечься от этих приступов. Или, по крайней мере, сделать их менее длительными. Только объяснить я его не могу.

Невелико удовольствие — раз за разом спотыкаться о кромку времени и проваливаться в темные, до жути реальные сны об обороне Деджагора. Пусть даже — превращаясь в безликую, почти слепую к обыденным тогда ужасу и жестокости точку...

Костоправ о чем-то заговорил, но я перебил его:

— Я явлюсь на заседание штаба через десять минут.

Я ничего не мог сказать им напрямую, но, может статься, хоть что-то объясню намеками.

Однако я отлично понимал: ничего не изменится. Самое ужасное ждет нас впереди, и я бессилен отвести беду.

Однако в перелеске я сделаю все, что смогу. А вдруг на этот раз выйдет иначе? Если бы только вспомнить будущее получше да сделать верные ходы...

Ты! Кто бы ты ни был. Ты продолжаешь увлекать меня к истокам боли. Зачем тебе это нужно? Что тебе вообще нужно? Кто ты есть и что ты есть?

Молчишь? Как всегда...

14

Зубаст оказался этот проклятый ветер. Кутаясь в одеяла, мы дрожали, словно беззащитные цуцики. Полный нечисти перелесок — не то место, где большинству наших ребят хотелось бы пребывать.

Невидимые во тьме, деревья потрескивали и поскрипывали. Стонал, посвистывал ветер, отчего очень легко было дать волю воображению, представив себе многие тысячи замученных и убитых здесь. Стоны ветра — их стоны, мольбы о милосердии, не находящие отклика даже теперь. Того и гляди, мертвые восстанут перед тобою, требуя отмщения живым...

Я, хоть и старался держаться героем, не мог унять дрожи. Укутался поплотнее в одеяло, однако и это не помогло.

— Эй, жопа в сахаре! — насмешливо окликнул меня Одноглазый, словно самому ему, мелкому пакостнику, легче легкого было держать себя в руках. — Если этот твердолобый Гоблин не прекратит там шлендать и не вернется, спущу с него штаны да посажу на глыбу льда!

— Мудрое решение.

— Не будь занудой, Мурген. Я...

Тут резкий порыв ветра заглушил его слова, не дав досказать, что он там задумал.

Дрожали мы все вовсе не только от холода, хотя никто из нас не признался бы в том. Сказывались место, задача и то, что громадная туча накрыла нас, заслонив скудный свет звезд, что был хоть какой-то подмогой.

Ночь была чертовски темной. А душилы вполне могли сдружиться с теми, кто правит Тенями. Носила похожие слухи сорока на хвосте. Хотя — скорее не сорока, а громадный черный ворон...

— Слишком много времени потеряли мы в городе, — проворчал я.

Одноглазый промолчал. За него ответил Тай Дэй, но он говорил на своем родном нюень бао.

Ветер донес до моих ушей треск хвороста под ногой.

— Гоблин, черт тебя дери! — гавкнул Одноглазый. — Кончай там шляться! Хочешь, чтоб весь мир узнал, что мы здесь?

Одноглазому плевать, что Гоблина за пять футов уже не слышно, хоть он пляши.

Гоблин, прокравшись к нам, присел рядом со мной. Мелкие желтые зубки его выстукивали дробь.

— Все готово, — шепнул он. — Дело за тобой.

— Тогда лучше бы начинать, — буркнул я в ответ, поднимаясь на ноги. — Пока здравый смысл меня не удержал.

Колени скрипнули. Мускулы не желали расправляться. Я выругался. Слишком стар я стал для этого, хотя среди наших в свои тридцать четыре был еще юнцом.

— Подъем, — сказал я в полный голос, чтобы услышали все.

Знаками в такой темноте не объяснишься...

Мы находились с подветренной стороны, да и Гоблин постарался, так что о шуме можно было не тревожиться.

Наши растворились в темноте — так тихо, что на минуту мне даже почудилось, будто я остался совсем один, если не считать ординарца. Мы с ним тоже двинулись вперед. Тай Дэй прикрывал мне спину. Темнота ему вовсе не мешала. Кошачьи глаза у парня...

Меня обуревала уйма самых разноречивых чувств. Я в первый раз командовал рейдом и сомневался, достаточно ли изжил деджагорские впечатления, чтобы справиться. Я до сих пор шарахался от теней и был маниакально подозрителен ко всем, кто не входил в

Отряд, сам не понимая отчего. Однако Костоправ настоял, и вот я — здесь, в темном, злобном лесу, с сосульками на заднице, командую первой настоящей операцией Отряда после нескольких лет бездействия. Хотя, если считать, что все наши имели при себе ординарцев-телохранителей, операцию проводил не совсем Отряд.

Заставляя себя двигаться вперед, я одолел неуверенность в себе. Было, черт возьми, слишком поздно отступать.

Покончив с тревогами на свой собственный счет, я обратился к насущным заботам — по завершении рейда нам надлежало выглядеть наилучшим образом. Если провалим дело, свалить это на обычные песчинки в шестернях — предательство, разнородность и неумелость таглиосцев — уже не удастся.

Я добрался до гребня невысокого пригорка. Руки оледенели, однако тело под одеждой покрывал обильный пот. Впереди замаячил свет. Обманники, ублюдки везучие, у костерка греются... Остановившись, я прислушался, однако не услышал ничего.

Откуда Старик вызнал, что вожди банд душил соберутся именно на это празднество? Его способность добывать сведения порою пугает. Может, Госпожа постаралась. А может, он и сам обладает некоторым магическим даром, только помалкивает...

— Ну, сейчас посмотрим, годен ли еще Гоблин на что-нибудь, — сказал я.

Молчание Тай Дэя было яснее всяких комментариев.

Вожаков Обманников должно было собраться около трех-четырех десятков. Мы непрестанно охотились за ними с тех пор, как Нарайян украл дитя Костоправа и Госпожи. Тогда-то Старик исключил из употребления слово «милосердие», что прекрасно совпадало с философией Обманников. Хотя, я так думаю, сами они с этим не согласились бы ни на минуту.

Гоблин еще очень даже годился в дело — все часовые дрыхли непробудно. Однако, как всегда, составленный загодя план не совпал с действительностью.

Я полз мимо неуклюжего и большого шалаша, футах в пятидесяти от костра, и тут из этого шалаша выскочил — да так прытко, словно все дьяволы Ада гнались за ним — некто, согнувшийся под тяжестью большого, корчащегося и скулящего узла.

Я узнал этого «некто» тут же.

— Нарайян Сингх! Стоять!

Верно, Мурген! Пусть ноги у него отнимутся от испуга!

Остальные тоже признали его. Поднялся дикий шум. Просто не верилось в такое везенье, хоть меня и предупредили, что в перелеске может оказаться и самая лакомая добыча. Нарайян Сингх, Обманник номер один, негодяй, за ним Госпожа с капитаном охотились долгие годы, дюйм за дюймом сужая кольцо.

А в этом узле наверняка их дочь...

Я заорал, отдавая приказы. Однако люди, вместо того, чтоб повиноваться, принялись действовать кто во что горазд — в основном погнались за Сингхом. Поднявшийся шум разбудил остальных Обманщиков. Самые проворные бросились бежать.

К счастью, кое-кто из наших не бросил постов.

— Ну, теперь-то согрелся? — спросил Гоблин.

Я перевел дух, краем глаза заметив, как Тай Дэй вонзил тонкий клинок в глаз ничего не соображавшего спросонья душилы. Он у меня глоток не режет — не любит грязи.

Все было кончено.

— Скольких мы уложили? Скольким удалось уйти?

Я взглянул туда, куда убежал Сингх. Тишина в той стороне не сулила ничего радостного. Изловив его, ребята так бы «ура!» грянули...

Вот проклятье! Рано я, выходит, обрадовался. Если бы мне удалось приволочь его в Таглиос... Если бы желанье да было бы конем...

— Нескольких возьмите живьем, пусть нам сказочек на сон грядущий порасскажут. Одноглазый! Каким манером Сингх вдруг узнал, что мы здесь?

Карлик пожал плечами.

— Откуда мне знать? Может, богиня ихняя его за зад ущипнула...

— Вызнай. Иначе — что командиру скажем?

Хотя — что сказать, всегда найдется...

Тай Дэй подал мне знак.

— Верно. Я и сам об этом подумал.

Взгляд Одноглазого сделался озадаченным.

— Что? — тупо спросил Гоблин.

Ну, наши ведуны, как всегда, на высоте!

— Ребята, вы хоть мотню свою без посторонней помощи отыщете? Шалаш, старички! Шалаш! Не много ли веток для одного карликоубивца с ребенком по колено ростом? Не великоват ли шалашик — даже для живого святого и дочери богини?

Одноглазый мерзко ухмыльнулся:

— Никто больше оттуда не выходил, так? Ага. Что, поджигать?

Прежде, чем я успел ответить, Гоблин заверещал. Я обернулся. Бесформенный сгусток тьмы, видимый только в пламени костра, вырвался из шалаша — и я тут же здорово приложился о землю, сбитый с ног Тай Дэем. Над головой моей полыхнуло огнем. Молнии с сухим треском впились в землю. Воздух вокруг сделался полон огненных шаров.

Затем убийственная тьма поредела и распалась в клочья.

Вот, значит, что заставляло нас дрожать в засаде... Однако, этот раунд мы выиграли.

Я сел и загнул палец.

— Давайте поглядим, что мы поймали. Похоже, нечто занятное.

Ребята мигом развалили шалаш. И конечно же, увидели в свете костра полдюжины сморщенных, малорослых старичков, смуглых, словно жареные каштаны.

— Тенеплеты. В компании с душилами. Ну не занятно ли?

Старикашки залепетали, выражая полную готовность сдаться.

С тенеплетами мы встречались и раньше. Личным героизмом их порода не отличается.

— Эти тенеземцы — ничего, после того, как выговорят «Сдаюсь»,— с ухмылкой сказал один из наших, по имени Грудка.— Наверное, все они там самому нужному по-таглиосски обучены.

— Кроме Длиннотени,— напомнил я.— Спасибо, Тай Дэй.

Он пожал плечами — у нюень бао, кстати, такого жеста не было.

— Сари хотела бы именно этого.

А вот это — весьма в духе нюень бао. Все, что сделал, свалить на сестринские пожелания, но — ни намека на чувство долга или же дружеские чувства...

— Что с этими делать? — спросил Грудка.— Они нам нужны?

— Сбереги парочку. Самого старшего и еще одного. Гоблин, ты так и не сказал, многим ли удалось удрать.

— Троим. Считая Сингха и не считая малышки. Но одного из троих мы вернем, учитывая, что он прячется вон в тех кустах.

— Подбери. Сведем его к Старику.

Одноглазый саркастически заскрипел:

— Что власть с человеком делает, ай-я-яй! Дали ему чуток, так он уже маршалом держится... А помнится, таким зеленым когда-то был, не успевал овечье дерьмо между пальцев выковыривать — потому как о сапогах и понятия не имел.

Однако, во взгляде его веселья не наблюдалось. Он, словно ястреб, следил за каждым моим шагом. Вернее сказать, словно ворона, хотя именно этой ночью ворон вокруг не было. Что бы там Гоблин с Одноглазым на этот счет ни придумали, сошло у них успешно.

— Да успокойся ты, Мурген,— посоветовал Гоблин.— Дело сделано. Эй, лентяи! Как насчет пары бревнышек в костер подбросить?

И они с Одноглазым, заходя с разных сторон, принялись окружать спрятавшегося Обманника.

Они верно подметили — мне было здорово не по себе. Я был точно тысячелетний старец. Пережить осаду Деджагора было нелегко. Однако и остальные через это прошли... И они видели Могабу, истреблявшего ни в чем не повинных людей. И они страдали от чумы. И они лицезрели людоедство и человеческие жертвоприношения, предательства и измены, и все прочее... И прошли через все это, не позволив кошмарам одержать над собою верх.

Я должен совладать с собой. Должен как-то от всего этого отрешиться и взглянуть с более отдаленной точки зрения. Однако в сознании моем творится нечто — за пределами контроля и даже

понимания. Порою я чувствую, будто меня — не один, все эти «я» дико перемешаны и сидят себе там, за спиною меня настоящего, наблюдают... Может, у меня вообще нет ни единого шанса полностью восстановить здравость ума и твердость памяти.

Гоблин уже шагал обратно, вместе с Одноглазым ведя какого-то человека сплошь из костей да кожи. Да, теперь не многие из Обманников умудряются сохранить форму. Нигде-то у них друзей нет. Охотятся за ними, словно за вредными хищниками, и за их головы объявлены огромные вознаграждения.

Гоблин расплылся в своей жабьей улыбке.

— Краснорукого мы тут словили, Мурген. Что скажешь?

Я обрадовался: пленник был из главных. Красная кисть означала, что он уже ходил в душилах, когда Нарайян Сингх обманом убедил Госпожу в принадлежности ее к их культу, а Обманники всерьез поверили в то, что ее еще не родившееся дитя — дочь богини Кины.

Однако Госпожа сумела отметить каждого душилу краснотою на кисти руки, чтобы впоследствии никто не смог скрыться. И от метки удавалось избавиться лишь вместе с рукой. Однорукому же душиле не управиться с румелем — шарфом-удавкой, инструментом священного промысла Обманников.

— Старик будет доволен.

Краснорукий должен быть в курсе всех внутрикультовых дел.

Я протиснулся ближе к костру. Тай Дэй, покончив с лишними тенеплетами, устроился рядом. Насколько Деджагор изменил его? Я никак не мог вообразить его иным — таким, каков он есть, угрюмым, молчаливым, беспощадным и безжалостным, он, по-моему, был с самого рождения.

Гоблин, как мне удалось подметить, вел себя, как и прежде, наблюдая за мной краешком глаза, но делая вид, что занят чем-то еще. Что они такое с Одноглазым высматривают?

Коротыш вытянул руки к огню.

— Эх, хорошо!

15

Паранойя сделалась нашим образом жизни. Мы превратились в подобие нюень бао. Мы не доверяли никому. И не позволяли никому быть в курсе наших дел, не убедившись наверняка в характере его отношения к нам. Особо старались держать поглубже в неведении наших нанимателей, Прабриндраха Драха и его сестру, Радишу Драх.

Незаметно протащив пленных в город, я спрятал их на складе неподалеку от реки, принадлежавшем дружественному Отряду шадариту-рыбнику и отличавшемся весьма специфическим запахом. Люди мои разошлись по своим семьям либо куда-нибудь выпить пивка. Я был доволен. Одним молниеносным и коварным ударом

мы уничтожили девять десятых Обманной верхушки. Мы едва не взяли этого изверга, Нарайяна Сингха. Я лично был на расстоянии хорошего плевка от ребенка Костоправа. И потому, ничуть не кривя душою, могу рапортовать, что все прошло хорошо.

Тай Дэй пинками поверг пленных на колени и сморщил нос.

— Это точно,— согласился я.— Однако тут нет и половины той вони, что стоит в ваших болотах.

Таглианцы считают за дельту реки собственно Таглиос, однако нюень бао с этим не согласны.

Тай Дэй хмыкнул. Шутку он мог понять не хуже любого другого человека.

Выглядит он далеко не внушительно: тощ, длинолиц, угрюм и неприветлив. На целый фут ниже меня и на восемьдесят фунтов легче. Его черные волосы коротко острижены и торчат ежиком. Да и дело свое знает туго. Я куда симпатичнее.

Рыбник-шадарит привел к нам капитана. Костоправ за эти годы заметно постарел. Надо бы приучиться называть его командиром или начальником — неудобно звать Стариком человека, который действительно стар, верно?

Одет он был шадаритским кавалеристом: тюрбан и простая серая одежда. Тай Дэя смерил холодным взглядом — сам он не обзавелся ординарцем из нюень бао. Саму идею счел малопривлекательной, несмотря даже на необходимость маскироваться, когда желал пройтись по городу в одиночестве. Ординарцы — не в ротных традициях, а насчет традиций Костоправа не переупрямишь.

Хотя — какого черта? Все офицеры Хозяев Теней нанимают телохранителей и ординарцев. Порой даже по нескольку. Просто жить без них не могут.

Тай Дэй ко взгляду Костоправа отнесся вовсе бесстрастно; присутствие великого диктатора его ничуть не трогало. Очевидно, он считал так: «Он — человек. Я — человек. Оба мы изначально равны».

Костоправ осмотрел захваченных:

— Рассказывай.

Я изложил ход событий:

— Только Нарайяна я упустил. А ведь совсем близко был. У этого ублюдка наверняка ангел-хранитель имеется — разве можно ускользнуть от сонных чар Гоблина? Мы гнались за ним два дня, но даже Гоблин с Одноглазым не могут держать след вечно.

— Ему помогли. Может, дьявол-хранитель. А может, и его новый дружок, Хозяин Теней.

— Как вышло, что они вернулись в перелесок? Откуда ты узнал об этом?

Я ждал ответа наподобие: «Большой черный ворон на хвосте принес».

(За Костоправом по-прежнему всюду следуют вороны, хотя теперь их не так много, как раньше. Он беседует с ними. Иногда они даже отвечают, как он сам утверждает).

— Ну, должны же были когда-нибудь... Они — рабы своей веры.

Отчего именно на *этот* Фестиваль Огней? Откуда тебе было знать?

Но я не стал настаивать. На капитана давить не стоит. Он в старости сделался капризным и скрытным. Он и в собственные Анналы не всегда записывал всю правду, касавшуюся личных дел.

Он пнул одного из тенеплетов.

— Один из любимых духоделов Длиннотени. Надо было сообразить, что у него их маловато осталось, чтобы так разбрасываться.

— Я полагал, они не ожидают нашего налета.

Костоправ дрогнул губами, пытаясь улыбнуться, но вместо улыбки вышла злобная, саркастическая усмешка.

— У него сюрпризов хватает... — Он пнул Обманщика. — Ладно, прятать их мы не будем. Отведем во дворец... Что такое?

Спину мою ожгло холодом, словно снова налетел ледяной ветер из Рокового перелеска. Не знаю отчего, однако у меня возникло предчувствие — самого дурного толка.

— Не знаю... В общем, командир — ты. Что-нибудь особое в Анналах отметить?

— Мурген, летописец теперь — ты. Пиши, что напишешь. Если мне не понравится, я скажу.

Не похоже. Я отсылал ему все, что записывал, однако вряд ли у него руки доходили до чтения.

— Ты не отметил ничего особенного? — спросил он.

— Холодно там было.

— И этот мешок соплей верблюжьих, Нарайян Сингх, снова ушел от нас. Значит, так и запиши. Он и его присные вернутся в нашу повесть прежде, чем мы покинем ее. Надеюсь, тогда мы его поджарим. Ты ее видел? С нею все в порядке?

— Все, что я видел, это — узел, который волок Нарайян Сингх. Думаю, то была она.

— Должно быть. Он ни на минуту не спускает с нее глаз. — Костоправ изо всех сил делал вид, что ему все равно. — Тащи этих во дворец. — Холод снова пронзил меня. — Я оповещу стражу о твоем приходе.

Я обменялся взглядами с Тай Дэем. Дело может принять плохой оборот. Уличный народец наверняка узнает пленных. А пленные эти могут иметь друзей. И врагов, несомненно, нажили много. Могут и не дойти до дворца. И мы — тоже.

— Передавай жене привет от меня, — говорил тем часом Старик. — Надеюсь, новые апартаменты пришлись ей по вкусу.

— Еще бы.

Меня затрясло. Тай Дэй нахмурился.

Костоправ извлек из-за пазухи бумажный свиток:

— Это прислала Госпожа, пока ты был в отлучке. Для Анналов.

— Наверное, что-то большое сдохло...

— Ты это сделай как надо, — с усмешкой сказал он, — и вставь в Аншалы. Только не так, чтобы она опять выглядела лучше всех. Терпеть не могу, когда она меня побивает моими собственными доводами.

— Это я знаю.

— Одноглазый заявил, что, кажется, вспомнил, где посеял свои бумаги в ту пору, когда полагал, что продолжать Аншалы придется ему.

— Это он уже не в первый раз вспоминает.

Костоправ снова усмехнулся и удалился.

16

Вокруг незаконченного частокола сгрудились четыре сотни человек при поддержке пяти слонов. До ближайшего аванпоста своих — сутки изнурительного марша на север. Лопаты вгрызались в землю. Бухали молоты. Слоны снимали бревна с фургонов и помогали устанавливать их. Только волы бездельничали, отдыхая под упряжью.

Только что появившемуся укрепрайону едва исполнился день, и был он последней опорной точкой бесконечного таглиосского рейда в глубь территории Страны Теней. Завершена была лишь дозорная башня, с вершины которой наблюдатели неустанно следили за южным горизонтом. Общее напряжение, дурные предчувствия, запах смерти витали в воздухе.

Среди солдат не было новичков. Никто не обращал внимания на свои нервы. Мандраж перед боем — и победой — успел войти в привычку.

Дозорный пристальнее вгляделся в горизонт:

— Капитан!

Человек, отличный от прочих лишь цветом кожи, бросил лопату и поднял взгляд. Настоящим именем его было Като Далиа. В Черном Отряде его называли Бадья. Власти родного города разыскивали его за самую обычную кражу. Здесь же он был военным советником и командиром батальона таглиосской погранохраны и сумел снискать репутацию дельного офицера, который и задачу выполнит, и людей приведет назад живыми.

Вскарабкавшись на смотровую площадку, Бадья перевел дух:

— Что там?

Дозорный указал вдаль. Бадья сощурился:

— Лучше расскажи, сынок. Глаза уже не те, что прежде.

Он не мог разглядеть ничего, кроме невысоких, покатых гребней Логрских Холмов да нависших над ними редких облаков.

— Смотри.

Бадья доверял своим солдатам — он сам тщательно отбирал их.

Самая маленькая тучка плыла пониже прочих, волоча по холмам косую тень. И направлялась она не совсем туда, куда шествовало все остальное ее семейство.

— Движется прямо на нас?

— Похоже, господин.

Бадья привык доверять своей интуиции. Всю эту войну она исправно служила ему и теперь подсказывала, что тучка таит в себе опасность.

Спустившись вниз, он отдал приказ готовиться к отражению нападения. Строительная рота, хоть и не являлась боевым подразделением, отступать не желала. Порой репутация Бадьи работала против хозяина. Пограничники его весьма преуспевали, грабя приграничные земли. Другие тоже желали получить свою долю.

Бадье пришлось пойти на компромисс. Один взвод с животными, слишком ценными, чтобы рисковать ими, был отослан на север. Прочие работники остались. Бреши в частоколе перекрыли перевернутыми фургонами.

Туча двигалась прямо к ним. В тени ее, как и в волочащемся за нею шлейфе дождя, ничего нельзя было разглядеть. От нее веяло холодом. Таглианских солдат пробрала дрожь; чтобы согреться, они принялись прыгать на месте.

В двухстах ярдах от рва, в скрытых от постороннего глаза окопчиках, освещенных особыми светильниками, дрожали от холода команды из двух человек каждая. Один из каждой пары нес вахту.

Дождь и сумрак неумолимо надвигались. За стеною ливня шириной в несколько ярдов дождь превращался в мелкую морось. Появились и люди — печальные, бледные, оборванные, неприкаянные, горбящиеся от холода старцы с безнадежностью во взглядах. С виду можно было сказать, что им пришлось провести под дождем всю свою жизнь. Тронутое ржавчиной оружие они несли, словно давно надоевшую, бесполезную обузу. Это войско вполне могло сойти за армию ходячих мертвецов.

Шеренга их миновала потайные окопчики. За нею следовали всадники примерно такого же вида, двигавшиеся, словно зомби. Далее шла основная масса пехоты. За нею — слоны.

У людей в окопах были арбалеты с отравленными стрелами. А на слонах не имелось подбрюшной брони. Яд причинял сильную боль, и обезумевшие животные ринулись вперед, сквозь собственную пехоту, не имевшую никакого представления о том, что взбесило слонов.

Затем крохотные Тени обнаружили окопы и попытались пробраться внутрь. Сиянье светильников заставило их отступить. Удаляясь, они оставляли за собою леденящий холод и запах смерти. Однако им удалось отыскать такие, где дождь загасил светильни. И там, в готовых уже могилах, лежали мертвецы, чьи лица исказили гримасы предсмертного крика.

Тем временем Госпожа встретила на пути работников, отправленных на север, и, выслушав их рассказ, отметила появление тучи.

— Может, это и есть то, за чем мы охотимся,— сказала она товарищам.— Едем!

С этими словами она пришпорила своего скакуна. Тот пустился в галоп. Громадный вороной, выпестованный в волшебных конюшнях в бытность ее императрицей севера, быстро оставил прочих далеко позади.

На скаку Госпожа размышляла о туче. Три подобных тучи были замечены возле городов, где передовые отряды таглиосцев были застигнуты врасплох. Токи темной силы были проведены сюда задолго до того, как тенеземцы оставили эти земли. Эти токи гнали людей в бой — пусть даже помимо их собственной воли.

Зная теперь об этом, Госпожа легко могла смешать и рассеять их, однако решила не делать этого. Пусть наступают. Это обойдется Хозяевам Теней куда дороже, чем таглиосцам.

Длинотень должен бы это понимать.

Жеребец перепрыгнул перевернутый фургон, и Госпожа оказалась в лагере пограничников. Она спешилась. Изумленный, Бадья подбежал встретить ее. Выглядел он, словно осужденный, чью казнь отсрочили в последнюю минуту.

— По-моему, это Ревун,— сказал он.

— Но — зачем? — Спешившись и вытащив из седельной сумы доспехи, Госпожа принялась переодеваться прямо посреди лагеря.— Чего он надеется достичь?

— Полагаю, лейтенант, вопрос — не «зачем», но — «за кем».

Хоть Госпожа и командовала армиями, в Отряде она носила лейтенантское звание.

— За кем... Да! Конечно же!

Каждым потерянным подразделением командовали солдаты Черного Отряда. Семеро наших братьев пали.

— Они истребляют нас!

Поверье о непобедимости Отряда — спинной хребет боевого духа таглиосцев и злая собака на поводке таглиосских политиков.

— Неплохо задумано. Должно быть, идея Ревуна. Он любит глаза отводить...

Бадья помог ей облачиться в доспех — украшенный готическим орнаментом, блестящий вороненой сталью и слишком красивый, чтобы быть полезным в ближнем бою. Однако она воевала против волшбы, а не человека. И потому доспех был покрыт многими слоями защитных заклятий.

Дождь пошел, стоило ей надеть шлем. По специально проточенным в поверхности доспеха каналам заструились огненные нити. Вслед за Бадьей она поднялась на сторожевую башню.

Рев дождя оглушал. Звуки боя приближались. Не обращая на все это внимания, Госпожа устремила свои заклинания на поиски волшебника, имя которого было Ревун. Это древнее и злобное существо оставалось вне досягаемости взоров, однако, несомненно, находилось неподалеку. Она едва ли не чуяла его запах.

Возможно ли, чтобы он научился сдерживать рев?

— Вот изловлю я тебя, ублюдка. И тогда...

Меж струями дождя сгустился, заскользил туман, закипая всеми цветами радуги, становясь все ярче и полноцветнее, словно некий безумный живописец разбрызгал в воздухе акварельные краски.

Из самого сердца грозы раздались вопли.

Грозовой фронт остановился. Крики скрытых цветным туманом солдат стихли. Волшебство Госпожи подчинило себе токи силы Хозяина Теней, заставив их убивать.

Ревун же, пытаясь избежать радужной смерти, понесся на юг, прогрызая себе путь вперед, вдоль токов силы. Госпожа пустила в него наспех составленное убивающее заклятье, однако оно не причинило ему вреда — слишком тяжеловесен был Ревун. Однако это заставило его двигаться быстрее. Госпожа выругалась — точь-в-точь как любой солдат, испытывающий разочарование.

Дождь прекратился. Один за другим начали прибывать уцелевшие таглиосцы, чей благоговейный страх перед учиненной резней скоро сменялся ворчанием, вызванным надобностью копать столько могил — из тенеземцев живыми были найдены лишь несколько.

— Пусть посмотрят на светлую сторону своего положения,— сказала Госпожа Бадье.— За захваченных животных полагается денежное вознаграждение.

Скотина тенеземцев, за исключением слонов, не слишком-то пострадала в бою.

Непрощающий взгляд Госпожи устремился к югу.

— Ничего, старина. В следующий раз.

17

...падаю... снова...

Пытаюсь уцепиться... Слишком устал. Усталость делает настоящее таким скользким...

Обрывки.

И даже — не настоящего.

Прошлого. Не столь уж давнего.

Задница отмерзшая. Упустил этого негодяя, Нарайяна.

Госпожа в игре — там, на юге.

Рыбой смердит.

Спящий. Визжащий Обманник. Мертвые.

Лишь воспоминания — но радостней, чем нынче вечером. Слишком много здесь боли.

Это — мое откровение.

Скольжение.

Глаза закрываются, и ничего не могу поделать с этим. Слишком силен зов.

Эти столпы можно принять за останки во прах поверженного города. Но — нет. Слишком мало их, и слишком беспорядочно расставлены они по равнине. И ни один не рухнул еще, хоть многие жестоко источены клыками голодных ветров.

Во вспышках молний, в сиянье ли рассвета либо заката, стелющегося по кромке небес, тончайшие буквы сверкают золотом на тех столпах.

Таково их бессмертие.

Наступает тьма, и ветер умирает. Наступает тьма, и тогда молчанье правит сияющим камнем.

18

...уносит...

Громадный водоворот затягивает вглубь.

Проталкивает... Значит, лживо было обещание прекращения боли?

Не могу противостоять.

Все — ложь. Бесконечная ложь.

Бурые, изодранные, хрусткие от засохшей крови страницы. Агония. Трудно стоять на якоре в такую бурю.

19

Вот ты где! Куда запропал? Добро пожаловать обратно. Идем-идем! Вот-вот начнется. Все актеры на местах. Орудия готовы к бою, а заклятья сплетены и готовы к употреблению — да в таком количестве, что достанет на целый арсенал. Грандиозная будет ночь!

Гляди, гляди! Помнишь их? Ну Гоблин с Одноглазым, ведьмаки! Но — вправду ли это они? А то — вон еще двое, точно таких же. А вон там! И там! И там! Раз, два — целых три Мургена!

Нет. Определенно нет. Ты этих двоих яичницу жарить не учи. Они народ дурачат с тех пор, когда прабабка твоей бабки была еще маленькой, вонючей неожиданностью для всех твоих, сколько-то там раз «пра»-дедов. Это они зачаровали всю эту часть города. Будь ты тенеземским солдатом, ни за что не отличишь фикции от настоящих людей, пока кто-то из них не всадит в тебя нож.

А вон, гляди, Ворон с Молчуном! Оставили нас многие годы назад. А там — старый капитан, он мертв с самой Арчи. Нет, тенеземцев ими не запугать. Южане о них просто никогда не слыхали.

Что?

Верно. Совершенно верно. Их и из наших-то сейчас никто не помнит, разве что Масло с Ведьмаком. Но это неважно. Суть в том, что их видно, и вряд ли кто сможет сказать, кого из них стоит опасаться, а кто — просто миражи.

Это, видишь ли, первая проба. Большой эксперимент, приберегенный специально на тот случай, когда Тенекрут атакует нас всеми силами.

Да. Да. Не так давно нам здорово досталось. Но тогда он еще не собирался всерьез истреблять нас. То была просто разведка боем, чтобы как следует спланировать этот штурм.

Грандиозное будет представление.

О нет, более в Деджагоре нигде нет призраков. Могаба бы не потерпел. Он не считает их оружием. Он представления не имеет, как на самом деле действует Отряд. Зациклился на своих понятиях о рыцарственности и видит войну просто большой смертельной забавой, по твердым правилам чести. Вот и будет биться в защиту своих правил с каким-нибудь тенеземским богатырем, если только Тенекрут озаботится прислать его.

О, гляди! Вот этот — интересный! Видишь того, безобразного? Это — Жабодав. Вот кто взаправду подлее дьявола. И Хромой! Вот это да! Восхитительно! Если под личиной Тенекрута скрывается кое-кто, попадавшийся Отряду и раньше, то он, спровоцированный этими миражами, себя выдаст.

Нет, конечно же, Хозяева Теней не станут рисковать целым королевством, решая его судьбу в поединке меж двумя людьми. Их ставленник может и проиграть.

Да, Могаба в отношении некоторых вещей наивен. К тому ж, как генерал, он надменен, жесток и бесчувствен.

У-у-у, слышишь трубы? Идем на бастион, посмотрим поближе.

Нет. Они — обычные ребята. Ну, можно сказать, что, будь они особенными, так, первое дело, не были б сейчас в этой армии, однако это не совсем так. Мало у кого из этих парней был выбор. Их заставил завербоваться единственно страх перед Хозяевами Теней.

Конечно, кто спорит... Они от этого не менее опасны для врага. И камень, рухнувший, черт побери, с небес, может пристукнуть.

Да, нынче, определенно, заваривается большое дело. Тенекрут бросит на нас всех своих, до единого. Может, и Тени с Вершины явятся им на подмогу.

Летучие мыши! Ха! И вороны. Кто же за кем охотится?.. Пригнись! Едва не достала тебя. Они — повсюду. Никогда их еще не бывало так много.

Что там за хай? А, пустяки. Бадья орет на одного из Мургенов, чтобы не высовывался, ему, мол, лень трупы туда-сюда по лестнице таскать.

Вот начался заградительный обстрел. Тенеземцам здорово досталось от третьей и четвертой когорт первого легиона. Хорошие полки. Они им покажут, что такое бой.

20

Ух ты, словно дождик с градом, верно? И где они только набрали такую уйму стрел и дротиков?

Если нам дадут передышку перед штурмом, джайкури выйдут собирать стрелы с дротиками. Пока тенеземцы не положат конец их занятию.

Нет, Могабы джайкури не любят. Как и таглиосцев с Черным Отрядом. Больше всего им хочется, чтобы все мы убрались восвояси. Только вот есть у них пакостные предчувствия насчет того, что будет, если Тенекрут снова возьмет город. Посему они нам как бы помогают, но толку от них маловато. Пока что.

Полагают, ежели малость помогут, Могаба не так яро будет гнать их из города, когда ему снова ударит в голову.

Небо, говоришь? Черно, говоришь, словно сердце жреца? О да, верно. Ночка благоприятствует. Раньше они всегда пользовались выгодами от полной луны. Тут-то и начнется самая дьявольщина: Хозяева Теней собираются спустить на нас своих любимых зверушек. Или просто хотят нагнать на всех ужас перед возможным появлением Теней.

Видишь, как забегали? Сегодня джайкури знают, за что драться. Если они окажутся втянутыми в настоящий бой, он может выйти жестче, чем ожидают Могаба или Тенекрут.

Ух-х! Что это?

Взгляни. Что за чертовщина? Вон те багровые отсветы над холмами... Идут. Идут за своей пайкой мясца Черного Отряда.

По-твоему, нет? Может, ты и прав. Может, это затем, чтобы связать Отряд, пока Тенекрут займется тем, что помягче.

Взгляни-ка вниз, сколько их. Словно муравьи! И обстрел прекратился.

Верно, теперь орудия меняют позиции, чтобы поддержать атаку на главном направлении.

Смотри за отсветами. Ярче делаются... Хотя — нет. Теперь удаляются. И не похоже, чтобы кто-либо еще заметил их. Странно, странно...

О, снова. Наверное, это сигнал для тенеземских офицеров. Шум сразу стал заметно громче.

Это-то мне и не нравится. Теперь они всем скопом двинулись на штурм.

Хо! Глянь-ка, и до нас дело дошло. Что? Ну да, свет. Не видишь? Там, за зубцами.

Да, вижу. Опять твоя правда. Этот — не такой. Этот — словно холодный свет полной луны, слегка подернутой голубоватой дымкой. Ага, и туман наблюдается... как бывает осенью... Ну вот. Теперь он так ярок, что можно разглядеть, что творится на дальней стене.

Да. Бой. Значит, они уже закрепились там. И резервов, чтобы подослать туда, у Могабы нет.

Пожалуй, пришла пора свернуться калачиком, дружище, и поцеловать на прощание собственную задницу.

21

Проклятье! Я только сейчас понял, что, начиная эти записки, позабыл об известной фразе, которой Ворчун всегда начинал новый том. Итак, вот она:

«В те дни Отряд служил Прабриндраху Драху Таглианскому, княжествовавшему над землями, что были обширнее многих империй, а занят был защитой и обороной недавно взятого в бою града Деджагора».

Надеюсь, князю и его преподобной сестрице Радише хотя бы икнется как следует.

22

Стрелы посыпались на нас дождем. Все защищавшие наш участок сбились с ног, дабы вернуть южанам хоть часть. Иллюзорные двойники тоже усердно создавали видимость деятельности. Забавно, как они среди всего этого остаются невредимыми.

— Одноглазый! Гоблин! — завопил я.— Где вы там, дятлы пустоголовые? Что там творится? — В этот момент сквозь Мургена в дюжине ярдов от меня пролетела хлипкая стрела.— Что за свет такой?

Чем бы он ни был, у меня возникло ощущение, что дела наши много хуже, чем кажутся.

Любимые мои ведуны не отвечали.

— Рыжий, подбрось-ка туда огоньку. Посмотрим, кто там, в темноте, шастает, пока мои уже не столь любимые ведуны не обеспечат освещение. Бадья! Куда Гоблина с Одноглазым унесло?

Десять минут назад возле меня отчаянно бранились целых три пары. Теперь все они куда-то подевались, а тенеземцы внизу сидели тише мыши.

Рыжий заорал, зовя Лофтуса с Клетусом. Одна из их машин ухнула, и огненный шар, описывая дугу, полетел за стену с единственной целью — высветить, чем там, во тьме, занят противник.

— Я видел, они спускались по лестнице,— прогудел Ваше Сиятельство.

— За каким?..

Не время разгуливать взад-вперед!

— А... Пошли потолковать с Пирми и кое с кем из кавалерийской бригады.

Я только головой покачал. Удавлю мерзавцев. Прямо посреди боя...

Благодаря огненному шару выяснилось, что тенеземцы отступили от стены. Значит, стрелять — только даром снаряды тратить. Южане наладили машины для забрасывания на стены связок крючьев. При восьмидесятифутовой высоте да опытных солдатах наверху — глупо, однако, коли желают, возражать не станем. Я был твердо уверен: сколько б веревок они ни забросили, мы обрежем или отцепим все.

— Гоблин!

Черт бы его побрал! Желаю знать, что это там за свет!

Тенеземцы не стали подниматься на стену. Они двинулись на штурм по земляным насыпям. Неудивительно, они ведь сооружали их с самого начала. Обычная осадная работа и, кстати, довод за то, чтоб твой шибко умный, шагающий в ногу со временем князь выстроил себе крепость на скале, мысу либо острове. Естественно, последнюю дюжину футов осаждающий перейдет по мосткам, которые в случае угрозы контратаки сможет оттащить назад.

Огненный шар врезался в землю в четырехстах футах от стены и продолжал гореть, освещая округу, пока южане на забросали его песком, заготовленным для тушения наших зажигательных снарядов.

— Одноглазый! Где же он? Клетус, продолжай в том же духе. Кто у нас за гонца? Нога? Ступай, отыщи Гоблина с Одноглазым... Нет, стой. Вот один из этих маломерков безмозглых.

— Звали, ваша милость? — осведомился Одноглазый.

— Ты что, пьян?! Готов, наконец, браться за дело? — Свечение по ту сторону, сделавшееся еще более зловещим, он заметил без моей подсказки. — Что это такое?

Одноглазый поднял руку:

— Терпение, чертоголовый.

Туман — дымка? пыль? — сгустился и двигался по направлению к городу. Свет стал ярче. Ничего особо вдохновляющего не произошло.

— Говори, старина. Не время рассусоливать.

— Это дымка, Мурген, никакой не туман. И она не скрывает свет — свет исходит от нее.

— Чушь собачья. В их лагере...

— Это — нечто другое, Мурген. Здесь работают две вещи одновременно.

— Три, недоумок, — заявил подошедший во всей красе Гоблин, от коего явственно попахивало пивком.

Как видно, на тайной пивоварне дела шли замечательно, с кавалеристами все устроилось благополучно, и они с Одноглазым могли порой устраивать себе увольнения, пока все остальные в Черном Отряде обороняют Деджагор.

Бог им в помощь, если Могаба узнает, что они делают с отложенным для лошадей зерном. Пальцем не шевельну ради их спасения.

— Что?! — гавкнул Одноглазый. — Мурген, этот тип — сплошная ходячая провокация!

— Гляди сам, пустая голова, — возразил Гоблин. — Уже начинается.

Одноглазый замер и испуганно ахнул. Я, будучи невеждой в черной магии, уловил суть происходящего не столь быстро.

В клубах сияющей пыли змеились тончайшие тени, и меж ними сновало взад-вперед нечто — наподобие ткацкого челнока либо паука. Паутина — или же сеть — что-то такое возникало в сверкающей пыли.

Недаром его зовут Тенекрутом...

Мерцающее облако разрасталось, делаясь ярче.

— Вот пакость, — пробормотал Гоблин. — Что будем делать?

— Именно это я уже пять минут пытаюсь из вас, клоунов, вытянуть! — рявкнул я.

— Ну!..

— Может, сюда обратите внимание, если там ничего сделать не можете? — заорал Бадья. — Мурген, эти дурни забросили слишком много веревок; мы не справляемся... А, ч-черт!

Еще одна волна крючьев, просвистев в воздухе, накрыла стену. На мгновение веревки натянулись — определенно, какой-то идиот пытался взобраться наверх.

Ребята усердно работали ножами, мечами и топорами. Двойники торчали вокруг с самым угрожающим видом. Кто-то из наших проворчал, что, имей он хоть каплю ума, наточил бы ножи загодя.

— Меньше бы по бабам шлялся, на все бы время нашлось! — напомнил Рыжий.

Я принялся рубить веревки, однако не забывал оглядываться, присматривая за свечением и паутиной, сплетавшейся внутри него.

Гоблин взвыл — его чиркнуло посланной из-за стены стрелой. Рана на щеке была самой пустячной — стрелы достигали нас уже на излете. Гоблин был зол оттого, что судьба осмелилась показать ему спину.

Он заплясал на месте. Могущественные заклятья, исторгаемые его устами, словно бы окрасились в нежные радужные тона. Он воздевал руки, на губах его выступила пена. Он визжал, прыгал, хлопал в ладоши...

И двойники его проделывали то же самое. Балаган вышел грандиозный.

От Гоблиновых заклинаний все веревки на три сотни ярдов вокруг вспыхнули ярким пламенем. Там, где взаимоотношения с противником начинали вызывать тревогу, это пришлось кстати, но изо всех остальных отнюдь не исторгло восторженных возгласов. Временные оборонительные сооружения начали разваливаться. Наши машины — тоже, уж они-то включали в себя множество веревок. Некоторые из ребят были веревками подпоясаны, а некоторые — обуты в веревочные сандалии. Конопля — вообще штука

распространенная. Кое-какие придурки, вроде Одноглазого, даже курят ее. Кстати, он не уделил происходящему никакого внимания — разве что сладко улыбнулся по поводу побочных эффектов Гоблиновой недогадливости. Одноглазый, не отрываясь, глядел на свечение, поднимавшееся над неприятельским лагерем, а затем начал что-то бормотать.

— Давай, давай, дурная твоя голова,— рыкнул я на него,— ведь не первую сотню лет занимаешься этой ерундой! Что мы имеем?

Впрочем, не было нужды и спрашивать — паутину теней, соткавшуюся в облаке светящейся пыли, не разглядел бы теперь только слепой.

— Может, уже пора отправляться под землю,— предположил Одноглазый.— Одно могу сказать точно: мы с недомерком ничего не станем предпринимать против этой гадости. Длиннотень здорово попотел, чтобы приготовить ее. И обстановочка тут вскорости станет очень нездоровой.

С этим Гоблин был вполне согласен.

— Если завалим входы и зажжем белые светильни, то продержимся до рассвета.

— Значит, это — какая-то магия Теней?

— Похоже, что так,— отвечал Гоблин.— Только не проси рассмотреть поближе — не охота мне привлекать внимание.

— Боже тебя упаси рисковать. Может хоть один из вас предложить нечто более практичное?

— Более практичное?! — брызжа слюной, заорал Одноглазый.

— У нас тут, видишь ли, бой.

— Можно уйти в отставку,— предложил Гоблин.— Или сдаться. Или предложить им поменяться местами.

— Или принести какому-нибудь из кровожадных божков Ишака с Лошаком человеческую жертву. Этак в полпинты, не больше.

— Знаешь, Мурген, чего мне вправду не хватает, с тех пор как нет Костоправа?

— Ты все равно скажешь, хочу я слушать или нет.

— Ты чертовски прямолинеен. Мне не хватает его чувства юмора.

— Погоди-ка. Его чувства юмора? Шутишь! Какое там чувство юмора... Он...

— Он знал, что никто из нас не оставит этот мир живьем, Мурген. И никогда не воспринимал себя слишком всерьез.

— Ты точно говоришь о нашем Старике? Костоправ! Отрядный летописец и главный костоправ в свободное время! Он, по-твоему, был кем-то вроде шута?

Пока мы так грызлись, весь остальной мир спешно устраивал свои дела. То бишь наше положение ухудшалось с каждой минутой. Присущая человеку слабость — продолжать спор, хоть гори все вокруг огнем — стара, как само время.

— Ну, вы тут можете пререкаться сколько угодно в свое удовольствие,— вмешался Одноглазый,— а я намерен пригласить ре-

бят спуститься вниз, малость поправиться пивком да сгонять пару конов в тонк.

С этими словами он указал скрюченным черным пальцем вниз.

Мерцающая пыль с безжалостной паутиной внутри начала выгибаться, накрывая город. Она разрослась настолько, что вполне могла накрыть всех нас.

Воцарилась мертвая тишина.

Все люди в городе и вне его с ужасом смотрели на паутину теней.

А Тенекрут, несомненно, был полностью поглощен своим смертоносным творением.

Нажим тенеземцев ослаб — видно, решили отстояться в сторонке, пока хозяин облегчает им работу.

23

Очень скоро темная паутина накроет весь Деджагор...

— Одноглазый! Гоблин! Новых идей нет?

— Может, богам помолимся? — предложил Гоблин.— Раз уж ты не позволяешь залечь по берлогам...

— А можно поглядеть, не переменил ли Могаба мнение и не позволит ли нам поиграть с его машинами,— протянул Одноглазый. От таглиосских расчетов проку действительно было мало.— Может, удастся отвлечь Тенекрута...

— Вы, налагая чары на входы в подземелье, о Тенях не забыли?

Я знал, что не забыли. О Тенях мы всегда помнили в первую очередь. Однако, следовало убедиться еще раз. За Гоблином с Одноглазым глаз да глаз нужен...

Начали возвращаться небольшие отряды, предпринявшие долгое и опасное путешествие сквозь ночь в поисках уцелевших веревок.

— Да. Уж как смогли. Ты уже созрел спускаться вниз и начинать голодать?

За дурными знамениями следуют плохие приметы. Если Гоблин с Одноглазым даже не тратят времени на свары, положение и вправду — хуже некуда.

Внезапно по всему городу и на равнине поднялся ропот.

Над лагерем тенеземцев поплыл, медленно вращаясь, сияющий световой кристалл с темным ядром. Из ядра его в гигантскую паутину заструилась, пульсируя, чернота.

Словом, когда розоватые отсветы снова показались над холмами, в ту сторону никто не глядел. И не замечал их, пока они не сделались столь ярки, что во много раз опередили свечение Тенекрутовой пыли.

А полыхали они позади двух страшных всадников, чьи гигантские тени ложились на самую ночь. Над ними кружили вороны. Две, самые крупные, восседали на плечах всадника, что повыше.

На какое-то время все затаили дыхание. Даже у Тенекрута, могу спорить, дух перехватило — он наверняка не более моего понимал, что происходит.

Багряные сполохи померкли. К Деджагору, распрямляясь и вытягиваясь, словно змеиный язык, устремилось щупальце из розового света. Когда один его конец приблизился к нам, другой оторвался от сполохов. Тогда щупальце, с неподвластной взгляду быстротой рванулось вперед и со скрежетом врезалось в светящийся кристалл Тенекрута. Дальний край волшебного сооружения ослепительно вспыхнул, словно бы в воздух подбросили разом множество бочонков с горящей нефтью.

И тут же темная паутина, распростертая над нашими головами, начала съеживаться, устремляясь назад, к останкам светового кристалла.

Гнев Хозяина Теней сотряс воздух.

— Гоблин! Одноглазый! Скажите-ка, ребята, что это за дьявольщина?

У Гоблина словно язык отнялся.

— Представления не имею, Щенок,— промычал Одноглазый.— Ни малейшего. Одно могу сказать: мы — с подветренной стороны от некоего Хозяина Теней, и он, вероятно, обвинит во всех своих бедах нас с тобой.

Дрожь — более психологическая, нежели физическая — сотрясла ночь. Я в магии почти не разбираюсь — разве что эффект способен воспринять,— и то почувствовал.

Одноглазый был прав.

Багряные сполохи исчезли. Страшных всадников — и след простыл. Кто они? Как им удалось?..

Впрочем, вопрошать возможности не было.

Из лагеря тенеземцев вырвалась толпа смуглых карликов с факелами. И зрелище это не сулило ничего хорошего ни мне, ни кому-либо другому из наших.

— Бедняга Тенекрут,— проговорил я.— Можно ему посочувствовать.

— А?

Единственным, случившимся поблизости и услыхавшим меня, оказался Ваше Сиятельство.

— Ну неужели ты не возненавидел бы безмозглого кретина, варварски изничтожившего лучшее произведение рук твоих?

Ваше Сиятельство не понял шутки. Покачав головой, он схватил дротик и метнул его в маленького человечка с факелом.

И промахнулся.

Там, где тенеземцам удалось закрепиться на стене и примыкающих насыпях, постепенно поднялся страшный шум. Видать, уязвленный Хозяин Теней велел своим снова браться за дело. И уж на этот раз — без дураков.

— Эй, Бубба-до! — крикнул я одному из солдат.— Кто ставил на нынешнюю ночь?!

Вот вам Черный Отряд. У нас, понимаете ли, спор — в какую именно ночь Деджагор падет. Победитель умрет со счастливой улыбкой на мерзкой харе.

24

Гоблин с Одноглазым — настоящие — предпочли держаться поближе ко мне. Это я проверял ежеминутно. Все внимание их было приковано к холмам — а не к суете в городе. Над холмами витали странные огни.

Южане, посланные ранее, потеряв половину своих, галопом мчались обратно, да так резво, словно за ними гнались дьяволы более ужасные, чем даже их собственный повелитель. Они осмелились проделать путь свой лишь потому, что Грозотень с маниакальным упорством выровняла равнину, а из города на нее падал свет.

Пожары. Пока что — всего несколько, однако...

— Отошли от стены, — сказал Ваше Сиятельство.

Высунувшись из-за мантелета, я взглянул вниз. Никто не соблазнился возможностью снять меня. Может, приняли за очередного призрака.

Конечно же, тенеземцы уходили, оставляя нам все свои распрекрасные крючья без веревок, — приберегите, может, пригодятся когда.

— Ну, пожалуй, можно отложить мечи в сторонку и перекинуться в тонк, — заявил Одноглазый.

— Ты уже второй раз лезешь с этой глупостью, — заметил я. — Какой кретин сядет с тобой играть? Таких уже в живых-то не осталось.

Одноглазый в карты мухлюет — и неудачно. Ловят его всякий раз. И играть с ним не станет никто.

— Слушай, Мурген, я исправился! Правда. Никогда более не стану позорить свой дар ради...

Пустое. Сколько раз он в этом клялся и божился... Первое, о чем мы предупреждали всякого новобранца после приведения к присяге, — не садиться за карты с Одноглазым.

Отряд тенеземцев, отступивших с моего участка стены, направился к холмам. Каждый нес факел. Похоже, что вел их сам Хозяин Теней.

— Клетус! Лонгинус! Починили хоть что-нибудь? Можете дать залп по той толпе?

Братья сбивались с ног, ремонтируя машины. Две были уже налажены, натянуты и заряжены. «Залп», конечно, громко сказано...

— Зачем? — поинтересовался Одноглазый.

— На всякий случай. Может, повезет. Все равно Тенекрут уже не станет злее, чем сейчас. Он уже небось зарекся оставлять кого-либо из нас в живых.

Баллисты ухнули. Выпущенные ими бревна не попали в Тенекрута. Тот отозвался чем-то наподобие наспех созданного заряда волшбы, сокрушившего несколько кубических ярдов стены далеко в стороне от моих ребят.

Шум на другом конце города становился все громче. Похоже, даже приблизился к нам.

— Они в городе,— сказал Ваше Сиятельство.

— Целая уйма,— согласился Бадья.— Видно, придется почистить улицы.

Вот такое позитивное мышление я люблю!

Однако, Могаба предпочитает заниматься чистками сам, в компании наров и таглиосцев.

Нам же лучше. Пусть жрет все, что сможет проглотить.

Мне здорово хотелось вздремнуть. Этот длинный день никак не мог кончиться. Ох-хох-хо... Ничего, скоро мне обеспечат сон. Вечный.

Через некоторое время я получил известие, что на улицах появились небольшие отряды южан, истребляющие всех подряд.

— Господин!

— Дрема? Что стряслось?

Дрема — таглиосский шадарит, принявший присягу чуть раньше, чем я решился взяться за перо. Когда на него ни взгляни — он словно бы вот-вот заснет. И выглядит словно четырнадцатилетний. Симпатичный парнишка. Красивые мальчики — развлечение, дозволенное для мужчин всех трех крупнейших религиозных групп Таглиоса. И душилы посылали самых красивых из своих сыновей заманивать жертвы, чтобы затем расправиться с ними.

Сколько земель, столько обычаев. И с ними, хочешь не хочешь, приходится считаться. Впрочем, Дрема предпочитал придерживаться наших установлений.

— Господин,— доложил он,— нары и не думают мешать южанам двигаться сюда. Вообще их не трогают — с той минуты, как те прорвались за стену. Пока те не приблизились к их казармам.

— Они это — нарочно? — поинтересовался Бадья.

— Что за дурацкий вопрос,— буркнул кто-то.

— Нет, ты поди ж ты! — зарычал Одноглазый.— Ну, все! Лопнуло мое терпение!

— Заткнись, Одноглазый.— Трудно было осознать случившееся, однако Могаба был вполне способен направить противника на нас, дабы разрешить вопросы внутриотрядного первенства. Ему хватит совести вообразить это блистательным решением нескольких задач сразу.— Чем вопить, давай лучше поразмыслим.

Пока прочие пыхтели над столь тяжелой работой, как размышление, я расспросил Дрему поподробнее. К несчастью, кроме приблизительных направлений, коими южане пробивались в глубь города, он почти ничего не мог сообщить.

Пенять на тенеземцев не стоило. Все солдаты с начала времен с радостью пользуются возможностью ударить в точку наименьшего сопротивления.

Быть может, мы сумеем воспользоваться этим и завлечь часть их в ловушку.

Я даже разглядел забавную сторону нашего положения:

— Могу спорить, Ворчун предсказал бы это за месяц вперед — с его-то паранойей насчет якобы друзей и союзников.

Неподалеку согласно каркнула ворона.

Я должен был учесть такой поворот. Должен. «Далекое» не значит «невозможное». Нужно было составить план действий и на подобный случай.

Одноглазый сделался серьезнее, чем когда-либо.

— Ты понимаешь, что это значит, если Дрема прав?

— Отряд воюет сам с собою.

Недомерок отмахнулся, словно то был всего лишь очередной докучный москит правды жизни.

— Скажем, Могаба обеспечил им золотой мост и их руками хочет избавиться от нас. Однако, чтобы добраться сюда, им еще надо пройти сквозь паломников.

Что это значит, я сообразил почти сразу.

— Вот мерзавец! Он намерен вынудить их бить тенеземцев ради самозащиты! То есть воспользоваться ими, чтобы уничтожить своих врагов...

— Может, этот змей куда хитрее, чем мы считали, — пробурчал Бадья. — Здорово он изменился после Джии-Зле.

— Так нельзя, — пробормотал я, хотя на нашей стороне и прибавлялось бойцов, хотят они того или нет.

Помимо нескольких стычек с заблудившимися во время последних рейдов врагами, самое худшее, что случилось с нюень бао, — это то, что путь паломничества завел их прямиком в самую гущу чужой войны. А они изо всех сил старались сохранять нейтралитет.

У Тенекрута в городе непременно имеются соглядатаи. Значит, он должен знать, что нюень бао не желают ни с кем враждовать...

— Как думаешь, что они будут делать? — спросил Гоблин. — В смысле — нюень бао.

Голос его звучал как-то странно. Сколько ж он пива выхлебал?

— Откуда мне знать?! Смотря как они оценивают положение. Если решат, что Могаба нарочно втравил их в драку, принадлежать к Отряду станет вредным для здоровья. Могаба мог замыслить такое, чтобы выставить нас меж двух огней. Пойду-ка я разыщу их глашатая и дам ему знать, что происходит. Бадья! Собери патруль из двадцати человек и отправляйся посмотреть на этих южан. Проверим, не ошибся ли Дрема. Одноглазый, ты тоже пойдешь. Прикроешь, если что. Ваше Сиятельство, остаешься за старшего. Придется круто — пошлешь за мной Дрему.

Никто не стал спорить. Когда приходится туго, все становятся сговорчивей.

Я спустился со стены на улицу.

25

Я обставил свое появление так, как того желали бы нюень бао. Мальчишкой еще понял, что уважать обычаи и пожелания других, безотносительно к видимому соотношению сил, куда как выгоднее.

Это не значит, что надо позволять садиться себе на шею. К себе тоже нужно требовать уважения.

Переулки Деджагора тесны и зловонны, что вообще характерно для укрепленных городов. Я вышел на перекресток, где мог бы быть замечен часовыми нюень бао. Они — народ осторожный. Все время начеку.

— Я хочу видеть глашатая,— объявил я.— Дурное близится к нему. Я хочу, чтобы он знал известное мне.

Я не видел никого. И никого не слышал. И ничего другого не ожидал. Всякий, вломившийся на мою территорию, также ничего не увидит и не услышит, хотя смерть будет совсем рядом.

Только бой шумел в нескольких кварталах от меня.

Я ждал.

Внезапно, в тот миг, когда внимание мое рассеялось, передо мною бесшумно возник сын Кы Дама — коренастый, полный, невысокий человек неопределенного возраста. Необычайно длинный меч его висел в ножнах за спиной. Он жестко взглянул на меня. Я ответил тем же, что не стоило мне никаких усилий. Он мотнул головой, призывая следовать за ним.

Пройти пришлось не больше восьми десятков ярдов. Он указал мне дверь.

— Хоть улыбнулся бы, что ль,— сказал я.

Никак не мог удержаться: ни разу я не видел его улыбающимся.

Я толкнул дверь и вошел.

За дверью, футах в двух, обнаружились занавеси. Слабый свет пробивался сквозь щель меж ними. Я сообразил, что войти должен один, поэтому аккуратно притворил дверь, прежде чем раздвигать занавеси. Не стоит позволять свету вырываться наружу.

Жилище оказалось не лучше, чем можно ждать от такого города.

Глашатай сидел на циновке, расстеленной на грязном полу, возле единственного горящего светильника. Кроме него в комнате обнаружилась еще дюжина человек — всех возрастов и обоих полов. Четверо маленьких ребятишек, шестеро взрослых — судя по возрасту, их родителей — и пожилая женщина, годящаяся детям в бабушки, посмотревшая на меня так, словно уже застолбила мне койку в аду, хоть никогда прежде меня не видела. Никого подходящего ей в му-

жья не наблюдалось — вероятно, ее супруг нес вахту снаружи. Была там и женщина в возрасте Кы Дама, некогда, пожалуй, красавица, но безжалостное время оставило от нее лишь хрупкие косточки, обтянутые кожей.

Вещей в комнате почти что не было — разве что несколько ветхих одеял, пара глиняных мисок да горшок, в котором, наверное, готовили пищу. Да еще — мечи, столь же длинные и отлично сработанные, как и тот, что принадлежал сыну глашатая.

В темноте, за пределами света светильника, кто-то застонал, словно бы в горячечном бреду.

— Садись,— пригласил Кы Дам.

При неярком освещении старик выглядел еще более хилым, чем в тот раз, на стене.

Я сел и, хоть не имел такой привычки и столь гибких суставов, скрестил ноги.

Я ждал.

Когда настанет время, Кы Дам сам предложит мне говорить.

Я старался сосредоточиться на старике, не обращать внимания на устремленные со всех сторон взгляды и на запах множества тесно живущих людей.

Женщина принесла чай. Уж не знаю, как она его приготовила. Огня нигде видно не было. Хотя в тот момент я был так потрясен, что не обратил на это внимания. Она была прекрасна. Невероятно прекрасна — даже среди всей этой грязи, одетая в немыслимое тряпье. Поднеся чашку к губам, я пригубил кипяток, чтобы, ожегшись, заставить мысли вернуться к делу.

Мне было нестерпимо жаль ее. Вот кому придется действительно плохо, если южане возьмут город.

По губам Кы Дама скользнула еле уловимая улыбка. На лице пожилой женщины тоже отразилось удовольствие, и тут я заметил, как они похожи. Первоначальная моя реакция их вовсе не удивила. Наверное, ее появление из тени было своего рода испытанием для меня.

— Она воистину прекрасна,— едва слышно сказал старик. Затем добавил, громче: — Ты мудр, несмотря на годы свои, Солдат Тьмы.

Что еще за Солдат Тьмы? Всякий раз он, обращаясь ко мне, награждает меня новым именем...

Я склонил голову в формальном поклоне:

— Благодарю тебя, глашатай.

Я надеялся, что он поймет,— не по моим способностям все тонкости этикета нюень бао!

— Я чувствую в тебе великую тревогу, сдерживаемую лишь оковами воли твоей.

Он спокойно прихлебывал чай, однако взгляд его ясно говорил, что спешка будет извинительна, если я полагаю ее необходимой.

— Великое зло крадется в ночи, глашатай,— заговорил я.— Нежданные чудища освободились от привязи.

— Я предположил такое, когда, благодаря любезности твоей, смог подняться на твой участок стены.

— Теперь — новый зверь на свободе. Тот, какого я не ожидал увидеть.— Только сейчас я сообразил, что говорим мы о разных вещах.— Я не знаю, как совладать с этим зверем.

Я изо всех сил старался говорить по-таглиосски правильно.

Взгляд его сделался озадаченным:

— Я не понимаю тебя.

Я огляделся. Неужели все эти люди живут так все время? У нас — куда просторнее. Конечно, мы в состоянии расчистить себе пространство мечом...

— Ты знаешь о Черном Отряде? Знаком ли ты с недавними событиями в его жизни?

И, не дожидаясь ответа, обрисовал наше недавнее прошлое.

Кы Дам оказался одним из редчайшей породы людей, что слушают каждой унцией своего существа.

Когда я закончил, старик сказал:

— Возможно, время сделало вас тенью Солдат Тьмы. Вы шли столь долго и зашли так далеко, что совершенно сбились со своего Пути. И последователи князя-воителя Могабы ничуть не ближе к истинному направлению.

Никогда не умел как следует скрывать свои мысли. Кы Дам и его женщина снова заметили мое замешательство.

— Но я — не один из вас, знаменосец. Мое знание также блуждает вдали от истины. Быть может, в наши дни вовсе нет настоящей истины, так как нет никого, кто знал бы ее.

Я не имел ни малейшего представления, что за чертовщину он несет.

— Дорога твоя была долгой и длинной, знаменосец. И все же ты еще можешь вернуться домой.— Лицо его потемнело.— Хоть и желал бы не возвращаться. Где твое знамя, знаменосец?

— Не знаю. Оно исчезло в великой битве — там, на равнине. Решив поднять войска, я начал облачаться в доспех моего капитана, пытаясь создать видимость, что он жив, и воткнул древко в землю, но...

Старик поднял руку.

— Я думаю, в эту ночь оно может быть весьма близко.

Терпеть не могу тумана, который так любят напускать старики и ведуны. По-моему, они так делают лишь затем, чтобы почувствовать собственную власть. К черту пропавшее знамя, сейчас не время...

— Вождь наров,— сказал я,— желает быть капитаном Черного Отряда. Он не любит обычаев тех из нас, кто с севера.

Здесь я сделал паузу, но старик заткнулся прочно. Он ждал.

— Могаба,— продолжал я,— безупречен, как воин, однако как командиру ему многого недостает.

Тут Кы Дам показал, что, ожидая от такого почтенного старца полной непроницаемости и бесконечного терпения, можно и обмануться.

— Ты пришел предупредить, что он замыслил обойтись меньшими затратами, предоставив южанам выполнить работу за него, знаменосец?

— А?

— Один из моих внуков подслушал, как Могаба обсуждал планы на эту ночь со своими лейтенантами Очибой, Зиндабом, Ранджалпиринди и Чал Гханда Гханом.

— Извини, господин?

— То, что честь твоя призвала тебя сообщить мне, невзирая на то, что это — просто скрытые подозрения — много хуже, чем ты полагаешь. Преодолев решительные протесты своих лейтенантов, Могаба осуществляет нынче ночью план, позволяющий южанам, сумевшим подняться на стену и не застрявшим там, свободно углубиться в город. Таглианские легионеры отобьют у них охоту атаковать в любом направлении, кроме вашего — через наш квартал.

— Ты хочешь сказать, что тебе уже известно? Есть свидетель?

— Тай Дэй.

Названный поднялся. То был непривлекательный с виду, тощий, малорослый юноша, державший на руках младенца.

— Он плохо говорит по-таглиосски,— сказал Кы Дам,— но понимает все. Он слышал и как созревал их план, и возражения тех, кто считал замысел бесчестным. Он присутствовал при переговорах Могабы с человеком, наверное, являющимся орудием Хозяев Теней.

Вот даже как... Значит, у Могабы с Тенекрутом существует молчаливый уговор о ненападении, пока я и мои люди не будут уничтожены.

— В самом деле, глашатай, измена эта жестока.

Кы Дам кивнул:

— Более того, Каменный Солдат. Ранджалпиринди и Гханда Гхан, оба — доверенные Прабриндраха Драха. Говоря от лица князя, они заверили Могабу, что, едва осада будет снята, а ваша банда — уничтожена, князь лично провозгласит его капитаном вашего Отряда. За это Могаба оставит Путь вашего прежнего капитана, дабы сделаться наибольшим воеводой Таглиоса. Тогда он будет обладать всей полнотой власти, необходимой для прекращения войны со Страной Теней.

— Уши мои неплохо потрудились,— почти улыбнулся Тай Дэй.

— Брат Могаба также неплохо потрудился — на ниве предательства.

Понятно, отчего Очиба с Зиндабом возражали. Предательство такого масштаба — за пределами всякого понимания.

Могаба и в самом деле изменился в худшую сторону со времен Джин-Зле.

— Что он имеет против вашего народа? — спросил я.

— Ничего. Он должен быть равнодушен к нам. Мы никогда не играли никакой роли в таглиосских взаимоотношениях. Но, с

другой стороны, в нас ему нет никакой надобности. Если южане нападут на вас после битвы с его силами, то уничтожат в нашем лице большое количество его врагов и нежеланных поглотителей ресурсов.

— Когда-то я восхищался этим человеком, глашатай.

— Люди меняются, знаменосец. Этот — более многих других. Он — актер, и одна подлая цель правит игру его.

— Как?

— Цель эта — сам Могаба. Он сам — средоточие и первопричина всех его поступков. На алтарь самого себя Могаба принесет в жертву лучшего друга. Хотя даже бог, наверное, не сможет убедить этого друга в том, что такое возможно. Могаба переменился, как может перемениться самый прекрасный гранат, когда плесень проникнет под кожуру его.

Ну вот, опять заговорил стариковскими иносказаниями...

— Знаменосец! Хоть я и осведомлен о черной угрозе моему народу, ты оказал мне большую честь, сочтя нас достойными предостережения в ущерб насущным своим заботам. Деяние сие принадлежит благородству и дружбе. Мы не забываем о тех, кто протянул нам руку.

— Благодарю тебя. Ответ твой — истинное наслаждение для меня.— В чем сомневаться не стоит.— И, если попущением Могабы вы подвергнетесь нападению...

— Эта беда вплотную придвинулась к нам, Каменный Солдат. Южане уже умирают в нескольких ярдах отсюда. Едва заточение наше здесь сделалось очевидным, мы изучили каждую пядь земли, на коей, может быть, придется драться. Это не родные нам болота, однако принципы боя остались теми же. К этой ночи мы готовились многие недели. Оставалось лишь выяснить, кто станет нашим противником.

— А?

Бывают минуты, когда я становлюсь туп, точно булыжник.

— Тебе должно вернуться ко взыскующим твоего руководства. Иди с миром и помни, что располагаешь дружбой нюень бао.

— Великая честь.

— Либо проклятье,— усмехнулся старик.

— Значит, твои люди вправду заговорят с моими?

— Может, несколько охотнее.— Он снова улыбнулся, и жена его улыбнулась тоже. Вот старый шут! Это ведь все равно что для другого смех во все горло...— Тай Дэй! Ступай с этим человеком. Ты можешь говорить, если заговорят с тобой, но — лишь моими устами. Каменный Воин, это — мой внук. Он поймет тебя. Пошли его ко мне, если почувствуешь необходимость в сообщении. Но не будь легкомыслен.

— Я понимаю.

Я хотел было встать, но ноги не желали разгибаться, что меня здорово смутило. Кто-то из детей засмеялся. Я осмелился взглянуть

на ту прекрасную, словно сон, женщину, причем от Кы Дама это наверняка не ускользнуло. На коленях ее спал младенец. Еще один, младше первого, дремал под ее левой рукой. Сама она не спала, смотрела. По-моему, она была очень утомлена, напугана, сбита с толку — и в то же время исполнена твердости. Как, впрочем, и все мы. Когда в темноте снова раздался стон, она моргнула и взглянула туда, словно часть боли принадлежала и ей.

Пригнувшись, я вышел в проулок. Нюень бао по имени Тай Дэй провел меня к знакомым местам.

26

— Не знаю,— отвечал я на вопрос Гоблина о Тай Дэе.— Он не слишком разговорчив.— Пока что мне не удалось вытянуть из него ни слова.— Похоже, весь его словарь состоит из бессвязного бурчанья. В общем, надобности в визите не было. Нюень бао знают об этом куда больше нашего. Старик признал, что во всем виноват Могаба, и сказал, что на нас его народ зла не держит. Снялись мы с крючка.

Гоблин покосился на руки Тай Дэя, как бы проверяя, нет ли в них чего, а затем — себе за спину.

— Точно, точно,— подтвердил я.— Шнурок развязался на твоем поясе целомудрия. Что случилось без меня?

Ни Бадьи, ни Вашего Сиятельства поблизости видно не было.

— Ничего особенного. Тенекрут со своими ребятами только что добрался до холмов.

И тут внезапно стало тихо. Багровое зарево снова вспыхнуло над холмами, высвечивая в ночи силуэты всадников.

— В точности — наряды Вдоводела и Жизнедава, что Госпожа смастерила себе с Костоправом,— заметил Гоблин.— Эй!

— Как сказать... Они выглядят точно, как ты сказал. Только я, если помнишь, снял с Костоправа доспех Вдоводела, когда его прошило стрелой. И надел, чтобы изображать его. Только ничего не вышло — припоздниился я с этим.

— И — что?

— А — то, что на прошлой неделе кто-то украл этот доспех. Прямо из моего жилища, пока я спал. Я-то думал, что спрятал хорошо, никому, кроме меня, не найти... Однако кто-то вошел, через меня переступил, раскопал доспех, вышел с грузом, а я ничего не заметил. И никто из остальных ничего не видел и не слышал.

— Вот отчего ты задавал странные вопросы в тот день,— запищал Гоблин — он, если расстроится, пищит, точно мышь, если на нее наступить.

— Ну да.

— Так что ж ты ничего не сказал?

— Потому, что укравший доспех, кто бы то ни был, воспользовался волшбой, чтоб не быть замеченным. Я думал, это ты либо Од-

ноглазый, и решил вычислить, который из двух. И взять за жабры, прежде чем тот поймет, что ему уготовано.

По лестнице, отдуваясь, поднимался Одноглазый. А что, неплохо для двухсотлетнего старика...

— Что тут у вас? Чего рожи мрачные?

Гоблин объяснил, почему.

Черный ведьмачишко задумчиво хмыкнул.

— Надо было нам сказать, Мурген. Мы бы поискали — по горячему-то следу.

Какой там след... Я нашел одно лишь маленькое белое перышко да катышек, в точности похожий на птичий помет.

— Теперь уже неважно. Я знаю, где доспех. Вон.— Я указал в сторону холмов, над которыми, вроде преждевременного рассвета, полыхало багровое зарево.— Ваши действия?

— Мы прикончили чертову уйму южан — вот тебе и действия. Могаба, должно быть, входные билеты там продает. Лезут, словно вши. Словом, ушли, когда везенье наше было уже на исходе. Эти нюень бао настоящую вошебойку там устроили.— Он скорчил Тай Дэю козью морду.— Похоже, намерены завернуть тенеземцев Могабе в тыл. Пусть этот гад подавится своим собственным замыслом. А там что за чертовщина?

Под этим подразумевались залитые багровым светом холмы.

— Счас сбегаем, посмотрим,— парировал Гоблин.

На фоне багряного неба возник сгусток тьмы. Фигуры людей окунулись в него — и вспыхнули, загорелись, словно яркие, но недолговечные звезды. Почти в тот же миг земля содрогнулась, порядочно встряхнув город. Меня тут же сшибло с ног.

— Да, пожалуй ты прав, недомерок,— заметил Одноглазый.— В игру вступил кто-то, вовсе нам не известный.

Две-три вороны неподалеку от нас понеслись в темноту, судорожно хлопая крыльями и истерически хохоча.

— Сюрпризы, сюрпризы,— проворчал я.— Ерунда всякая, шум да гром на холмах... Давайте-ка, ребята, говорите. Кто это? Остальное даже такой пень, как я, сможет домыслить сам. Так — кто же?

— Мы этим займемся,— посулил Одноглазый.— Может, сейчас и начнем, если только ты отвалишь куда-нибудь и дашь спокойно работать. Давай, недомерок.

Одноглазый со своим жаболиким дружком принялись за работу, а я обратил внимание на суматоху, до сих пор царившую в Деджагоре.

К тому времени, наверное, тысячи тенеземцев успели перебраться через стену. По всему городу полыхали пожары. Я спросил Тай Дэя:

— Вашим людям пожары не повредят?

В ответ он пожал плечами.

Да, этого парня не назовешь болтуном...

27

Ночи больше не было. Огни горели повсюду. Горел лагерь после обстрела окруженных артиллеристов Могабы. Горел город, зажженный солдатами Хозяина Теней. А уж над холмами полыхал целый океан огня, вздымавшийся внезапными извержениями вулканов — или же выбросами силы, равных коим по мощности мы не видывали с тех пор, как Отряд ввязался в войну с темными властителями империи Госпожи. Словом, для полуночного часа света было многовато.

— Далеко еще до рассвета? Кто-нибудь может сказать?

— Далеко, — проворчал Бадья. — Даже чересчур. Ты что, вправду думаешь, будто нынче ночью кто-то озаботился следить за временем?

Давным-давно, несколько веков назад, то есть еще утром, Одноглазый, или Гоблин, или еще кто-то там заметил, что рассвет — цель слишком отдаленная, чтобы питать надежды дожить до нее. Вот как низко пал уровень общего оптимизма...

Тут прибыли гонцы. Хороших новостей не принес ни один. В город проникло неисчислимое количество солдат южан с приказом добраться до нас, уничтожить и двигаться далее вдоль стены и по самой стене, пока не вернутся туда, откуда начали. Однако шесть бао им в том не содействовали. Мои ребята — также. Так что нападающие просто шатаются по городу, вредя, где могут, пока кто-либо не убьет их.

И действия их против джайкури, укрывшихся в домах в надежде остаться незамеченными (несмотря на весь опыт общения с Хозяевами Теней), возымели некоторый успех. Впрочем, не стоит винить их за то, что не вышли помочь нам. Умирать никому не охота. А Могабе не стоит удивляться, если кое-кто из негодяев, впущенных им в город, повернет против него.

Наши удерживали позиции. Иллюзорные двойники доводили противников до отчаяния — те никак не могли отличить, кого следует опасаться. Однако главная причина нашей стойкости — отсутствие выбора. Бежать — некуда.

Тенекрут не оказывал помощи своим. Он до сих пор болтался среди холмов, намереваясь раскрыть тайну лично. Ясное дело, необходимость выбирать из двух целей пришлась ему не по нраву.

На фоне багряных сполохов появился отряд всадников, возвращавшихся с холмов. Хозяина Теней среди них видно не было.

— Гоблин! Одноглазый! Куда вы подевались?! Что там с Тенекрутом?

Гоблин появился почти сразу. От него за версту разило пивом. Значит, они с Одноглазым запрятали несколько галлонов где-то неподалеку. Надежды мои он свел на нет моментально:

— Жив он, Мурген, жив. Разве только штаны потерял.

И захихикал, мерзавец.

— Вот пакость,— пробормотал я.

Этот жабеныш успел здорово нагрузиться своим самодельным пивом. Если и Одноглазый таков, то остаток ночи может стать весьма интересным. Эти двое вполне способны забыть обо всем и возобновить вражду, тянущуюся уж сотню лет. Когда они в последний раз напились и затеяли свару, так целый квартал выжгли.

Внук глашатая все это время торчал в тени, наблюдал. Словно одна из этих треклятых ворон. Каковых, кстати, вокруг заметно прибавилось.

С улицы к нам начал подниматься старикашка Сопатый. Ему пришлось присесть и отдохнуть по пути наверх. Он сипел, кашлял и отхаркивался кровью. Родом он был из тех же земель, что и Одноглазый. Больше меж ними не было ничего общего — разве что любовь к пиву. Сопатый, видимо, тоже пару раз навестил бочку.

Пока я оглядывал город, он-таки добрался до верха и теперь пытался оповестить нас, насколько же в действительности плохи наши дела. На нас пока что не слишком нажимали.

Сопатый всхрипнул, откашлялся и сплюнул.

У подножия холмов вспыхнула еще порция багровых сполохов, высветившая две громадные тени. Несомненно, то были силуэты Вдоводела и Жизнедава, ужасающих альтер эго, созданных Госпожой для себя с Костоправом, дабы напугать тенеземцев до медвежьей болезни.

— Не может быть,— сказал я нашим плохоньким ведунишкам.

К этому моменту вернулся и Одноглазый. Одной рукою поддерживая Сопатого, которого, похоже, скрючил приступ астмы одновременно с разыгравшейся чахоткой, другой он держал нечто вроде жерди, завернутой в тряпки.

— Это,— продолжал я,— не могут быть Костоправ с Госпожой. Я собственными глазами видел их гибель.

Горстка всадников приближалась к городу. И среди них — сгусток тьмы,— то есть не кто иной, как Тенекрут. Впрочем, у него имелись свои дела — он был окружен багровыми огнями, от коих постоянно отмахивался.

Южане, едва сообразив, что хозяин возвращается в дурном расположении духа, возобновили атаку.

— Не знаю, не знаю,— протянул Гоблин. Судя по голосу, страх начисто вышиб хмель из его головы.— Того, что в доспехе Жизнедава, я *вообще* не ощущаю. Хотя мощность у него — потрясающая.

— Госпожа утратила силу,— напомнил я.

— А другой воспринимается совсем как Костоправ.

Не может быть...

— Могаба...— наконец выдавил Сопатый.

Несколько наших плюнули при упоминании этого имени. У всех, похоже, уже сложилось мнение насчет нашего бесстрашного воеводы.

К отряду Тенекрута протянулась тонкая багровая нить. Тенекруту удалось парировать ее, однако половину его отряда словно корова языком слизнула. В воздух взметнулись ошметки тел.

— Ети-и-ит-твою!..— вырвалось у кого-то.

И краткая реплика сия с завидной точностью описывала общее настроение.

— Могаба...— прохрипел Сопатый,— желает знать... не можем ли... мы... высвободить... пару сотен бойцов... для контра... таки... проникшего в го... род про... тивника?

— Этот ублюдок нас вовсе за дураков держит?! — рявкнул Ваше Сиятельство.

— Или этот мерзавец не знает, что мы теперь — против него? — осведомился Гоблин.

— А с чего ему думать, что мы его подозреваем? Он же такого высокого мнения о своих мозгах...

— По-моему, смешно,— сказал Бадья.— Хотел нас надуть, да собственной задницей в пращу зарядился. И лучше того: не сможет высвободиться, если только мы для него эту пращу не раскрутим.

— Гоблин, что там Одноглазый затевает? — спросил я.

Одноглазый вместе с Лофтусом возился с одной из баллист. Под ногами у них были разбросаны тряпки, а на ложе баллисты было водружено страшенное черное копье.

— Не знаю.

Я оглянулся на ближайшие ворота. Дозорные пары оттуда могли видеть нас. И Могаба, если я заявлю, что помощи мы послать не в состоянии, уличит меня во лжи.

— Кто-нибудь может придумать причину, почему нам следует помочь Могабе? — спросил я.

Чтобы удержать наш участок, у меня, помимо Старой команды, имелись шесть сотен таглиосских легионеров, остатки дивизиона Госпожи. Да еще неизвестное, по причине постоянной текучести состава, количество освобожденных рабов, бывших военнопленных и наиболее амбициозных из джайкури.

Все отвечали отрицательно. Помогать Могабе не желал никто. Приблизившись к машинам, я спросил:

— А как насчет — сделать это ради спасения собственных задниц? Если Могабу стопчут, то мы останемся один на один со всеми уцелевшими тенеземцами.— Я оглянулся на ворота.— К тому же вон те ребята видят все, что мы тут делаем.

Гоблин проследил за моим взглядом и встряхнул головой, разгоняя хмель.

— Подумать надо.

К этому моменту я добрался до Одноглазого.

— Что это тут у тебя?

— Да так, пустячок. Смастерил в свободное время.

Одноглазый с гордостью указал на копье:

— Выглядит страшновато.

Приятно уже то, что он сделал нечто полезное, не дожидаясь особых распоряжений.

Одноглазый начал с того, что раздобыл где-то жердь черного дерева и посвятил ей многие часы работы. Древко было испещрено ужасными миниатюрными изображениями и надписями на неизвестном мне языке. Навершье было так же черно, как и древко, — его изготовили из вороненой стали, затем на нем были искусно вытравлены серебряные руны. Древко было даже слегка раскрашено — но настолько слегка, что этого почти не было заметно.

— Что ж, неплохо.

— Неплохо?! О невежда! Взирай!

Он указал нам с Лофтусом на равнину.

Отряд Тенекрута, прореженный до полного ничтожества, сопровождаемый роем багровых искр и насмешливым вороньим граем, был уже совсем недалеко от стен.

— А тут — и мой Тенекрутобой тебя, ублюдка, поджидает! — захихикал Одноглазый.

Затем он издал пронзительный вой — здорово, видать, нагрузился пивом, — и заорал:

— Ничто сущее не могло остановить его в ленивый послеполуденный час! Но теперь... Стреляй же, Лофтус! Копье не задержится в воздухе и на пять секунд! И больше у него не будет времени на то, чтобы постичь приближающееся и развеять заклятья, препятствующие отклонению моего копья от его цели! Лофтус, брат мой, готовься вырезать на древке изображение в память сей великой победы!

Как и всякий, обладающий хоть каплей здравого смысла, Лофтус не обращал на Одноглазого внимания. Он артистически управлялся со своей машиной.

— Большая часть заклинаний, — бубнил Одноглазый, — составлена, дабы пробить его защиту. Я рассчитываю, что у него не будет времени предпринять что-либо активное. Поскольку я задался целью сосредоточиться на пробитии единственной точки...

Я велел ему заткнуться.

— Гоблин! Из этого может выйти толк? А то недомерок наш — не из тяжеловесов...

— Вполне может. Тактически. Если он вправду работал так усердно, как расписывает. Скажем, Одноглазый на порядок маломощнее Тенекрута. Говорит это лишь о том, что на ту же самую работу ему потребуется в десять раз больше времени.

— На порядок?

Вот, значит, в чем проблема Одноглазого...

— Вероятно, скорее даже на два.

Тут он удалился. Да и у меня не было времени вытягивать из него объяснения.

Наконец Лофтус удовлетворился тем, как он ведет цель, расстоянием до нее и всем прочим.

— Пора, — сказал он.

28

— Пускай,— скомандовал я.

Баллиста характерно ухнула. Всю стену объяла тишина. Черное древко, сопровождаемое случайной искоркой, понеслось сквозь ночь. Одноглазый говорил про пять секунд полета. На самом деле вышло даже меньше четырех, однако секунды эти растянулись на целую вечность.

Хозяина Теней достаточно освещало зарево пожаров, но вскоре он должен был скрыться от наших взглядов за одной из башен анфиладного огня. Его взор был устремлен к холмам. Причудливые всадники теперь спустились на равнину, словно подначивая всякого, кто осмелится, принять вызов.

Тут-то я и ахнул!

Вдоводел держал в руке копье! Знамени было не разглядеть, но копье было тем самым, на котором Черный Отряд нес его с того дня, как покинул Хатовар.

Я перевел взгляд на Тенекрута — как раз в тот момент, когда изделие Одноглазого достигло цели.

Позже Гоблин говорил, что Тенекрут почувствовал угрозу в тот момент, когда копье достигло наивысшей точки траектории. И, что бы после этого там ни предпринял, не ошибся. Или же ему здорово пофартило. А может, некая высшая сила решила, что ночь его смерти еще не настала.

Копье отклонилось от курса на каких-то жалких несколько дюймов — и, вместо Тенекрута, поразило плечо его коня. Прошило животину, словно та была не плотнее воздуха. Рана немедленно покраснела и заискрилась. Красное пятно ширилось. Конь сбросил своего всадника, и Тенекрут, взревев в гневе, бесформенной грудой рухнул наземь, на некоторое время (Одноглазый даже успел начать подзуживать Лофтуса накрыть его залпом обычных кольев) недвижно скорчился, затем боком, словно краб, отполз в сторонку, подальше от тяжелых копыт бившегося в агонии жеребца.

И тогда я узнал коня — то был один из магически взращенных скакунов, вывезенных Госпожой из ее старой империи. Они, помнится, пропали после битвы.

Конь дико визжал.

Обычное животное погибло бы вмиг.

Я взглянул в сторону двух всадников. Те не торопясь, словно бросая вызов, двигались к городу. Теперь можно было разглядеть, что и они восседают на конях Госпожи.

— Гоблин, но я же видел, как они погибли...

— Надо глаза этому парню проверить,— буркнул Одноглазый.

— Я уже говорил,— отвечал Гоблин,— это не Госпожа. Вблизи ты бы заметил, что доспех отличается.

Солдаты наши тоже видели всадников. Среди таглиосцев поднялся ропот.

— А о другом что скажешь? Они там говорят о чем-нибудь?

— Нет. Это вполне может быть наш Старик.

Ваше Сиятельство отправился взглянуть, с чего таглиосцы так расшумелись.

Конь Тенекрута понемногу ослабевал, однако продолжал визжать и биться. От раны его клубами валил зеленоватый пар, сама же рана продолжала разрастаться. Смерть явно не торопилась к этому коню.

Попади копье Одноглазого в цель, волшебник, наверное, умирал бы еще дольше и мучительнее.

Вернулся Ваше Сиятельство.

— Они там всполошились оттого, что тот доспех в точности похож на доспех какой-то богини, по имени Кипа. Именно в нем ее всегда малюют на картинах про ее войны с демонами.

Я не имел ни малейшего представления, о чем он говорит. Знал лишь, что Кипа в здешних краях — что-то вроде богини смерти.

— Интересно, этот Хозяин Теней скоро ли сподобится ответить Одноглазому?

— Вообще не сподобится,— заверил Гоблин.— Как только он отвлечется на Одноглазого, те двое ему ноги отхватят.

Тенекрут, хромая, скрылся из виду.

Случившееся словно пришпорило тенеземских солдат — они пошли в атаку с новыми силами. Знали, что за бесчестье и боль хозяина кому-то придется платить, и, конечно, предпочитали, чтоб расплачивались мы.

Кое-кто из них, видимо, тоже узнал доспех Жизнедава. За стеной не раз помянули имя Кипы.

— Тай Дэй! Пора отнести весточку твоему деду. Мне нужно провести часть войска через ваш квартал, чтобы помочь выгнать южан из города.

Нюень бао выступил из тени лишь настолько, чтобы выслушать меня. Тревожно взглянув на всадников, он что-то пробурчал, спустился на улицу и умчался в ночь.

— Слушайте, люди! Мы идем выручать нашего пустоголового предводителя. Бадья...

29

Я ступил в темный переулок, собираясь зайти отряду южан в тыл, пока Гоблин наводит на них свою волшбу. Вышло же так, словно я шагнул за край мира, в бездонные глубины... Словно некий гигантский магический вихрь подхватил и унес в пустоту. В последний момент Гоблин что-то крикнул, но я не разобрал его слов.

Я был слишком занят преодолением тошноты, удивлением, мыслями о том, кто же — и какою волшбой — так подловил меня и отчего меня теперь скручивает, словно мокрую тряпку...

Может, предательство Могабы разрослось и до следующего уровня?

30

Ничто на свете не в силах было противостоять тому, что внезапно вцепилось в меня. Я потерял всякое представление, кто я и где нахожусь. Знал лишь, что сплю и не желаю быть разбужен.

— Мурген! — позвал чей-то голос издалека.

Хватка усилилась.

— Давай, Мурген! Возвращайся! Не сдавайся! Борись!

Я и начал бороться — только с этим самым голосом, звавшим куда-то, куда большая часть моего существа не желала. Там ждала боль.

Меня рвануло с удвоенной силой.

— Помогло! — закричал кто-то. — Он возвращается!

Я узнал голос...

То было словно пробуждение из комы, только я до мельчайших деталей помнил, где был. Помнил Деджагор, со всей его болью, всеми страхами и ужасами... Однако черты его уже начали расплываться, утрачивая четкость. Хватка ослабла. Я снова вернулся *сюда.*

Сюда? Где же — и когда — находится это самое «здесь»? Я попытался открыть глаза. Веки онемели. Попробовал пошевелиться. Конечности не желали утруждаться.

— Он здесь.

— Задерни занавесь. — Раздался шорох ткани. — Что же, так и будет — чем дальше, тем хуже? Я думал, худшее — позади, дальше он уже не заберется, и трудностей с его возвращением не прибавится...

О! Этот голос принадлежал Костоправу. Старику нашему. Только ведь Старик мертв, я же видел, как его убили... Или — нет? Может, я просто оставил Вдоводела надолго пережившим свою смерть?

— Что ж, он нас пока не слышит... Но дальше может становиться только лучше. Мы свернули за угол. Перевалили хребет. Если только он сам не хочет остаться...

Тут мне удалось открыть глаз.

Вокруг было темно. Я никогда раньше не видел этого места, однако это должен был быть троготаглиосский дворец. Дома... Никогда и нигде я больше не встречал построек из такого камня. И ничего удивительного, что кто-то может не узнать часть дворца, находясь в ней. Все таглиосские князья во время своего правления хоть малость, да пристраивали. Вероятно, лишь старый дворцовый ведун Копченый знал весь дворец. И Копченого с нами больше нет.

Не знаю, что случилось с ним после, но несколько лет назад он был разорван сверхъестественной тварью, коей не желал быть съеденным. И чудесно, потому что как раз тогда мы узнали, что он был соблазнен Грозотенью и переметнулся к Хозяевам Теней.

Я удивлялся самому себе. Несмотря на головную боль, силою вполне годящуюся в праматери всех похмелий, сознание мое внезапно сделалось кристально ясным.

— Командир, он открыл глаз.

— Мурген! Слышишь меня?

Я попробовал, действует ли язык. Из уст моих исторглось быстрое, невнятное бормотанье.

— У тебя был очередной приступ. Мы возились с твоим возвращением два дня.— Голос Костоправа звучал отчужденно, словно я нарочно не поддавался.— Ладно, процедуру ты помнишь; пусть встанет и походит.

Я вспомнил, что уже несколько раз проделывал все это. На этот раз мои мысли не были столь рассеяны, и я быстро сумел отделить прошлое от настоящего.

Гоблин подхватил меня под правую руку, а Костоправ обнял за пояс слева, и меня поставили на ноги.

— Я помню, что делать,— сказал я.

Они не поняли.

— Ты точно вернулся? — спросил Гоблин.— Не собираешься снова слинять в прошлое?

Я кивнул, и это у меня получилось внятно. Может, попробовать язык глухонемых?

— Опять Деджагор? — спросил Костоправ.

Мысли мои достигли полной согласованности. Пожалуй, стали даже слишком согласованными. Я еще раз попытался говорить:

— Та же ночь. Снова. Чуть позже.

— Опускай,— сказал Костоправ.— Он уже почти в порядке. Мурген, на этот раз ты не уловил никаких намеков? Хоть какой-нибудь зацепки, чтоб мы смогли вытащить тебя из этого замкнутого круга? Ты нужен мне здесь. Постоянно.

— Ничего.— Я смолк, чтобы перевести дух. На этот раз я приходил в себя быстрее.— Даже не понял, когда меня прихватило. Просто внезапно, словно полтергейст или еще что, оказался там, безо всяких воспоминаний о будущем. А потом стал просто Мургеном, ни о чем не ведающим и без каких-либо неправильностей, как сейчас.

— Неправильностей?

От неожиданности я вздрогнул и обернулся. В комнате, словно из-под земли, возник Одноглазый. Занавесь, скрывавшая половину комнаты, еще колыхалась.

— Чего?

— Что за «неправильности» ты имел в виду?

Сосредоточившись, я понял, что не знаю, что имел в виду.

— Не знаю. — Я покачал головой. — Ускользнуло... Где я? То есть когда?

Ворчун обменялся с ведунами многозначительными взглядами и спросил:

— Ты помнишь Роковой перелесок?

— Еще бы! — Меня снова пронзило холодом, и тут я понял, в чем соль: никаких воспоминаний о посещении этой комнаты раньше у меня нет, хотя должны быть.

Значит, я все еще во вчерашнем дне. Только не столь отдаленном — ведь от Деджагора меня отделяют годы...

Тогда я попытался вспомнить будущее.

И вспомнил слишком много. Воспоминания заставили застонать.

— Может, его еще поводить? — предложил Гоблин.

Я покачал головой:

— Нет, я в порядке. Давайте подумаем. Сколько времени прошло между этим приступом и предыдущим? И сколько — с тех пор, как мы вернулись из перелеска?

— Вернулся ты три дня назад, — сообщил Костоправ. — Я велел тебе отвести пленных во дворец. Ты их повел — и потерял Тенеплета по пути, при обстоятельствах столь загадочных, что я приказал всем принадлежащим к Отряду соблюдать особую бдительность.

— Да стар он был, — сказал Одноглазый. — Просто помер с перепугу. Никаких загадок.

Головная боль не проходила. Я помнил те события, но — столь же смутно, как и все, происходившее незадолго до прежних припадков. — Я почти не помню, что там было.

— Краснорукий Обманник был доставлен в полном порядке. Тем же вечером мы собирались его допрашивать. Но ты, вернувшись к себе и едва переступив порог, рухнул. Твоя теща, дядя, жена и шурин — все четверо на этом согласились. Наверное, в первый и последний раз.

— Может быть. Старуха — вылитый Одноглазый. Противоречит ради самого противоречия.

— Э, Щенок...

— Заткнись, — оборвал Одноглазого Костоправ. — Словом, ты просто упал и окаменел. С женой твоей случилась истерика, а шурин прибежал ко мне. Мы забрали тебя сюда, чтобы не шибко волновать твое семейство.

Волновать?! Да эта бражка и слова-то такого не знает! Кроме того, я лично считал «своим семейством» только Сари.

— Открой-ка рот, Мурген. — С этими словами Гоблин повернул мою голову к свету и заглянул в глотку. — Повреждений нет.

Я знал, о чем они думали. О падучей. Я и сам так считал, и расспрашивал о ней всех, кого мог, но ни один эпилептик до меня не уносился в прошлое во время припадка. Да еще в такое, которое слегка отличается от того, что уже прожито мною.

— Говорю же: не болезнь это! — рявкнул Костоправ.— Когда ты наконец найдешь ответ, он целиком будет в твоей епархии, а ты почувствуешь себя дураком оттого, что не заметил этого раньше!

— Если есть что искать, найдем,— посулил Одноглазый.

Это заставило меня подумать, что там у него еще имеется в загашнике. Затем я понял, что уже должен бы знать, поскольку они вскоре скажут, однако не мог ясно вспомнить эту часть будущего. Она ускользала.

Иногда страшновато быть мной...

— Тот, безголовый, снова был там? — спросил Костоправ.

Сообразив, о чем он, я ответил:

— Да, командир. Только не безголовый, а безликий. Голова-то у него была...

— Он может представлять собою источник проблемы,— предположил Одноглазый.— Если вспомнишь какие черты или вообще хоть что-нибудь, тут же рассказывай. Или записывай.

— Я не желаю, чтобы такое произошло с кем-нибудь еще,— сказал Костоправ.— Как мне вести кампанию, если люди вот так отключаются на несколько дней?

Я чувствовал уверенность, что ни с кем другим такого случиться не может, но говорить об этом не стал — иначе станут давить и расспрашивать, чего мне сейчас вовсе не хотелось бы.

— Мне нужно что-нибудь от головной боли. Пожалуйста. Боль — вроде похмельной.

— После прежних приступов было так же? — требовательно спросил Костоправ.— Ты об этом не говорил.

— Было, только не так сильно. Слегка. Этак на четыре кружки пива, если пиво варили Лозан Лебедь с Корди Мотером. Тебе это о чем-либо говорит?

Костоправ улыбнулся. То было пиво, лишь второе по мерзопакостности на всем белом свете.

— Мы с Гоблином не спускали с тебя глаз после Рокового перелеска. Похоже было, что приступы будут повторяться. Не хотелось ничего упускать.

А вот это уже было весьма серьезно. Раз уж, находясь в этом времени, я помню кое-что из будущего, почему не помню визитов в прошлое, которые мне еще предстоит совершить?

И как они могли столь плотно следить за мной? Я их ни разу не заметил, а ведь держался начеку — как знать, из-за какого угла выскочит, размахивая шарфом-удавкой, Обманщик...

— И чего добились?

— Ничего.

— Однако теперь за дело берусь я,— объявил, надувшись от важности, Одноглазый.

— Вот что и вправду внушает уверенность...

— Умниками все стали,— посетовал Одноглазый.— Раньше, помнится, молодежь уважала стариков...

— Верно. В те времена, когда она не имела возможности рассмотреть этих стариков поближе.

— У меня еще дела,— сказал Костоправ.— Одноглазый! По возможности будь с Мургеном. Продолжай беседовать о Деджагоре и обо всем, что там происходило. Где-то должны быть подсказки. Может, мы просто пока не опознали их. Если не сдаваться, что-нибудь да выплывет.

Он вышел прежде, чем я успел что-нибудь сказать.

Между Костоправом и Одноглазым явно произошло что-то касающееся и меня, а возможно, и нас всех. На сей раз я не многое помнил о том, где был. Все выглядело словно в первый раз, однако какая-то перепуганная, дрожащая тварь в темных закоулках моего сознания настаивала, что я просто переживаю заново уже пережитое, причем худший вариант вчерашнего дня еще впереди.

— Пожалуй, Щенок, отведем тебя теперь домой,— сказал Одноглазый.— Жена быстро излечит твои хвори.

Она вполне могла. Она — просто чудо. Одноглазый, который, кажется, отроду не способен никого уважать, обращался с ней вежливо и даже за глаза о ней говорил как о почтенной леди.

Да, она такова и есть. И все равно приятно, когда другие это признают.

— Ну хоть кто-то догадался сказать нечто приятное. Веди, брат.

Сам я не знал дороги. И тут мне снова вспомнились Копченый со скрытым Обманщиком. С чего бы?

31

Родня моя по жене, в частности матушка Гота, почти не прилагала усилий к улучшению мнения окружающих о нюень бао. Эта старая карга даже меня еле терпит — и то только потому, что иначе совсем потеряет дочь. А уж о ее отношении к Старику лучше не говорить.

Однако Костоправ ценил нас с Сари достаточно, чтобы настоять на обмене апартаментами, когда ее родичи месяц назад переехали со своих роскошнейших болот в этот зацюханный город. Впрочем, даже они не сделают этот город более похожим на рай, если матушка Гота не будет хотя бы на улице держать язык за зубами.

Старик никогда не реагировал на ее непрестанные жалобы.

— Я,— объяснил он однажды,— тридцать лет знаю Гоблина с Одноглазым. Так что одна-единственная старая ворчунья, мучимая артритом и подагрой, для меня — ничто. Говоришь, она здесь всего пару недель, так?

Да, я говорил именно так. Интересно, каковы на вкус эти слова под соевым соусом? Или с большим количеством карри?

Госпожа теперь чаще всего пропадала в Стране Теней, опорожняя на оную бездонный сосуд своего гнева, и Костоправ не нуждался в большой квартире. Наша же старая была едва ли больше

монашеской кельи. Места в ней как раз хватало для него, для Госпожи — во время нечастых приездов, да еще для колыбели, подаренной Госпоже человеком по имени Рам, впоследствии погибшим в попытке защитить ее и ее дочь от Нарайяна Сингха. Рам сделал эту колыбель собственноручно. А погиб, скорее всего, потому, что, подобно всем мужчинам, проводящим слишком много времени возле Госпожи, влюбился не в ту женщину.

Да, Костоправ отдал мне свое жилище, но с оговоркой. Мне было воспрещено превращать его в новый притон нюень бао. Сари с Тай Дэем могли жить там постоянно, однако матушке Готе и дядюшке Дою следовало предложить захаживать в гости. И — чтобы ни единого захребетника из племянников либо двоюродных братьев.

Людям, обвиняющим капитана в использовании положения для создания уюта в собственном гнездышке, надо бы взглянуть на это гнездышко поближе. Освободитель и Господин Божией-Милостью-Военный-Деспот-Всея-Таглиоса со всеми завоеваниями и владениями живет точно так же, как и в бытность простым ротным лекарем и летописцем.

Переезд мой он устроил еще и затем, чтобы у меня имелось достаточно места для всех томов Анналов.

Мои книги выходят не такими уж хорошими. Я не всегда описываю происходящее лучшим образом. Вот Костоправ на этом посту был вправду хорош. Я никак не мог удержаться от сравнения моей работы с его.

Когда он пытался совмещать должности летописца и капитана, работа от этого пострадала. А откровения Госпожи частенько режут глаз излишней прямотою, сжатостью и — порой — легкой склонностью к самооправданию. И ни один из них двоих не отличался устойчивой честностью, ни один не стремился как-то соответствовать другому, своим предшественникам и даже собственным, более ранним, записям. Если Ворчун пишет, что от Таглиоса до Страны Теней восемьсот миль, а у Госпожи выходит четыреста, кому из них верить? Каждый настаивает, что ему. Госпожа говорит: причина расхождений в том, что росли они в разных местах и в разное время и привыкли к разным мерам длины и веса.

Но, что касается характеров, их взгляды еще более различны. Например, у Костоправа Лозан Лебедь всегда грубит и о чем-то спорит. Госпожа же описывает его энергичным, болтливым и куда более симпатичным. Разницу можно объяснить тем, что интерес этого Лебедя к Госпоже — вовсе не братский.

А взять Копченого! Ни за что не догадаетесь, что они описывают одну и ту же тварь,— столь различны их взгляды на этого изменника. Затем Могаба и Нож. Оба также предатели с черным сердцем. О них ничего такого нет в книгах Костоправа, так как он не вел записей в ту пору, когда Нож дезертировал, однако в повседневной жизни он постоянно выказывает ненависть к Ножу — причем без всяких объяснимых причин. И в то же время, похоже, готов про-

стить Могабу! Госпожа этих двоих рассматривает наоборот: Могабу сварила бы в одном горшке с Нарайяном Сингхом, а Ножа, возможно, отпустила бы подобру-поздорову.

С Ножом — тот же случай, что и с Лебедем и с Рамом.

Хотя, пожалуй, не стоит требовать от двух, любящих друг друга, согласия во всем.

Они даже подходили к Анналам по-разному. Костоправ в основном записывал все, что видел сам, а после возвращался назад, чтобы дополнить фактами, услышанными от других источников. Кроме того, он, отображая события задним числом, был склонен пофантазировать, поэтому его Анналы нельзя считать чисто историческими.

Госпожа же написала весь том по памяти, пока носила ребенка. И ее альтернативный материал в основном получен из вторых рук. Самые сомнительные моменты ее книги я во время оформления всех путаных записей по единому образцу заменил материалом, каковой почитаю более точным.

Госпожа далеко не всегда довольна моей правкой. Костоправ же по этому поводу высказывается сдержанно.

Впрочем, главный мой недостаток — никак не могу удержаться, чтобы не поиграть словами и мыслями, отклоняясь при этом от темы. Я некоторое время общался с официальными историками из таглиосской княжеской библиотеки, и эти ребята уверяли, что для историка главное — подробности. Будто бы ход истории может полностью исказиться, если один-единственный человек будет убит случайной стрелой в незначительной стычке.

Комната, где я пишу, — пятнадцать на двадцать два фута. Места хватает и для всех моих записок, и для старых томов Анналов, и для громадного стола из брусьев, на коем я работаю над несколькими замыслами одновременно. И еще остается около акра пола для Тай Дэя и дядюшки Доя.

Они с Тай Дэем, пока я пишу, читаю и выверяю, вовсю стучат учебными деревянными мечами, или же с визгом лягают друг друга, порою при этом запрыгивая на стены. Если кто приземляется на моей территории — вышвыриваю. Они здорово навострились во всем этом — да и неудивительно, при такой-то практике, — но я полагаю, что против людей серьезных, вроде наших, из Старой команды, такие шгуки не пройдут.

Мне нравится эта работа. Куда приятнее должности знаменосца, хотя и она пока сохраняется за мной. Знаменосцу всегда первым приходится лезть во всякую ерунду, да к тому ж одна рука всегда занята тяжеленным древком со знаменем.

Я, примерно так же, как Костоправ, стараюсь не упускать подробностей. А его естественной сардоничности — просто завидую. Он говорит, что все у него вышло так хорошо только потому, что было время. В те дни, мол, Черный Отряд был всего-навсего шайкой оборванцев и ничего особенного с ними не происходило. Теперь же

мы — постоянно в глубоком дерьме. Мне это не по праву. И капитану — также.

Представить себе не могу человека, коему власть, нежданно свалившаяся в руки, доставила бы меньше удовольствия. Он и не слагает ее по сию пору лишь оттого, что не верит, будто кто-то еще способен командовать Отрядом надлежащим, по его мнению, образом.

Я смог провести несколько часов, не проваливаясь в темный колодезь прошлого. Чувствовал себя неплохо. Сари также пребывала в прекрасном настроении.

Кто-то появился у дверей.

Вскоре Сари ввела к нам капитана. Дядюшка Дой с Тай Дэем продолжали трещать мечами. Некоторое время Костоправ взирал на них.

— Оригинально.

Судя по тону, они не произвели на него впечатления.

— Это не для войны,— объяснил я.— Это фехтование для одиночек. У них множество таких героев — одиноких волков.

Подобное тоже не впечатляло нашего Старика. Его вера в необходимость братьев, прикрывающих спину, почти что религиозна.

Фехтовальное искусство нюень бао — сплошь череда кратких, но интенсивных периодов нападения-обороны, перемежающихся замиранием в самых причудливых позах, причем бойцы, почти не шевелясь, стараются предугадать дальнейший ход противника.

Дядюшка Дой в этом *весьма* искушен.

— Ну да, грациозно, не спорю. Почти как танец.

Войдя зятем в клан Сари, я был посвящен в боевые искусства нюень бао. Даже если бы не пожелал — дядюшка Дой настаивал. Мне они не очень-то интересны, но — на что не пойдешь ради поддержания мира в семействе. И как упражнения неплохо.

— Каждая поза и движение, капитан, имеют названия.

Вот это я полагал слабым местом. Любой боец, замкнувшийся на своих методах, неизбежно становится легкой добычей того, кто не чурается новшеств.

С другой стороны, я видел, как в Деджагоре дядюшка Дой управлялся с настоящими врагами.

Я перешел на нюень бао:

— Дядюшка Дой, позволишь ли ты моему капитану познакомиться с Бледным Жезлом?

Они уже достаточно долго присматривались друг к другу.

А Бледный Жезл — это меч дядюшки Доя. Он называет его своею душой и обращается с ним лучше, чем с самой любимой женой.

Дядюшка оторвался от Тай Дэя, слегка поклонился и вышел. Через пару минут он вернулся с чудовищным мечом в три фута длиной. Бережно вытащив меч из ножен, дядюшка подал его Костоправу так, чтобы сталь не касалась потной либо жирной кожи.

Он желал убедить нас, что по-таглиосски не ведает ни слова. Тщетно. Я слышал, как он разговаривал,— и весьма бегло.

Костоправ знал кое-что об обычаях нюень бао. Он принял Бледный Жезл с подобающей осторожностью и почтительностью, словно бы ему была оказана большая честь.

Дядюшка Дой это проглотил и не поперхнулся.

Костоправ неловко примерился к двуручному эфесу. По-моему, нарочно. Дядя Дой тут же ринулся показывать верный хват, так же, как и со мной на каждой тренировке. Он — старикан подвижной; десятью годами старше Костоправа, а в движениях — легче меня. И отличается завидным терпением.

— Прекрасный баланс,— сказал капитан по-таглиосски, хотя я, узнав, что он овладел и толикой нюень бао, ничуть не удивлялся — языки ему всегда давались легко.— А вот сталь — не очень.

Лезвие меча было узким и тонким.

— Он говорит, этому мечу — четыреста лет,— пояснил я,— и он разрубает пластинчатый доспех. Ручаюсь, человека этот меч развалит за милую душу. Не раз видел его в деле.

— В продолжение осады,— предположил Костоправ, рассматривая клинок возле рукояти.— Да.

— Клеймо Дишь Лук Дока...

Тут глаза дядюшки сузились, лицо, обыкновенно бесстрастное, отразило крайнее удивление, и он немедля востребовал свой возлюбленный меч назад. То, что Костоправу могут быть известны кузнецы-оружейники нюень бао, заметно встревожило его. Возможно, он менее туп, чем всякий обычный чужак...

Дядюшка Дой вырвал из головы прядку и без того редких волос и опустил их поперек клинка. Результат нетрудно было предугадать заранее.

— Вот так остригут человека, а он и не заметит,— комментировал Костоправ.

— Вполне,— ответил я.— Ты постричься не желаешь?

Сари принесла чай. Старик, хоть и не любил чая, принял чашку. Он забавлялся, наблюдая, как я смотрю на нее. Дело в том, что, если Сари в комнате, я не могу уделять внимания чему бы то ни было еще. Сколько ни смотрю на нее, она раз от разу становится прекраснее. Просто не верится в собственное счастье. Все боюсь до дрожи, что сон этот сейчас кончится.

— Ты, Мурген, получил замечательную награду,— говаривал Костоправ прежде.

Сари он одобрил. Чего не скажешь о ее родне.

— И как тебя угораздило жениться на всем этом кагале?

Для этого высказывания он перешел на форсбергский, которого никто из присутствовавших не понимал.

— Тебе бы там оказаться...

Лучше о Деджагоре просто не скажешь. Тамошний кошмар наяву накрепко сплавил Старую команду с нюень бао.

Тут появилась матушка Гота. Четыре фута десять дюймов желчи. Она так и вызверилась на капитана:

— Ага! Величайший из великанов, сам собой!

Ее таглиосский отвратителен, однако она отказывается в это верить. А те, кто ее не понимает, они это — нарочно, чтоб над нею посмеяться...

Едва переставляя кривые ноги, она обошла капитана кругом. Она хоть и не жирна, но в ширину — такая же, как и в высоту. Вкупе с ковыляющей походочкой это делает ее точь-в-точь похожей на миниатюрного тролля. Члены семьи за глаза так ее и зовут: бабушка Тролль. И характер у нее подобающий. Даже камень из терпения выведет.

Тай Дэй с Сари были детьми весьма поздними. Остается молить богов, чтобы моя жена впоследствии не сделалась похожей на мать — ни физически, ни характером. Вот на бабушку — совсем другое дело.

Похолодало что-то...

— Чего так жутко трудить мой Сари муж, ты, господин Столь Великовато Могутный Освободильник?

Отхаркнувшись, она сплюнула на сторону, и смысл сего жеста у шоень бао — тот же самый, что и у всех прочих людей. Она тараторила все быстрее и быстрее, и чем быстрее трещала, тем скорее ковыляла.

— Ты думать, он раб быть, да? Воин — нет? Время бабушка меня сделать он всегда — нет, тебе все время делать — да?

Она снова отхаркнулась и сплюнула.

Бабушкой-то она стала уже давно, только внуки все были не мои, да и не осталось их никого в живых. Но я не стал ей напоминать. Ни к чему лишний раз привлекать ее внимание.

Часом раньше она уже прошлась по мне вдоль и поперек, так как я «мудрый — нет, пустоголовец бездельный — да», потому что все время только пишу да читаю. Вряд ли взрослому человеку на это тратить время — да.

Матушка Гота вечно всем недовольна.

Костоправ говорил: это от того, что ее вечно мучают боли.

Он сделал вид, что не понимает ее ломаного таглиосского.

— Да, погодка и вправду замечательна. Для нынешнего времени года... Специалисты по сельскому хозяйству заверили меня, что в этом году мы соберем два урожая. Как ты полагаешь, ты справишься с уборкой двойного урожая риса?

Снова отхаркиванье, плевок, а затем — долгий, свирепый период на шоень бао, искусно приправленный образными эпитетами, причем не все они взяты из ее родного языка. Пуще всего на свете матушка Гота терпеть не может быть выставленной на посмешище или же игнорируемой.

Тут кто-то забарабанил в дверь.

Сари где-то чем-то занималась, дабы быть подальше от матушки, так что открывать пришлось мне. Запах Одноглазого явственно чувствовался издалека.

— Как делишки, Щенок? — спросил наш ведун, суя мне в руки вонючую, грязную, разлохмаченную кипу бумаг. — Старик у тебя?

— Какой же ты волшебник, если сам не можешь сказать?

— «Какой-какой»... Ленивый!

Я отступил в сторону и взвесил на ладони бумажную кипу.

— Что за мусор?

— Те бумаги, что ты с меня требовал. Мои заметки для Анналов.

С этими словами он лениво засеменил к капитану.

А я глядел на принесенные им бумаги. Некоторые отсырели. Некоторые покоробились. Вот вам Одноглазый... Я от души надеялся, что этот недомерок не задержится надолго. Натрясет в доме блох да вшей... Он ведь ванну принимает, только если, напившись, в канал свалится. А эта треклятая шляпа... Сожгу ее когда-нибудь.

Одноглазый и капитан о чем-то перешептывались. Матушка Гота хотела было подслушать, однако они перешли на язык, которого она не понимала. Втянув в себя бушель воздуха, матушка Гота продолжила было свою трескотню, но...

Одноглазый оборвал разговор и воззрился на нее. То была их первая близкая личная встреча.

Он ухмыльнулся.

Она его ничуть не обескуражила. Ему миновало две сотни лет. И мастерство словесной пикировки он превратил в тончайшее искусство за несколько поколений до рождения матушки Готы. Он поднял вверх большие пальцы и шмыгнул ко мне, улыбаясь, словно мальчишка, случайно босою пяткой вывернувший из земли под одним из концов радуги глиняный горшок..

— Щенок, — заговорил он по-таглиосски, — представь меня по всей форме! Я люблю ее! Она великолепна! Воплощенье всех достоинств. Она — само совершенство. Поцелуй меня, любимая!

Может, это оттого, что матушка Гота — единственная в Таглиосе женщина, что не превосходит его в росте?

В первый раз я видел, как моя теща лишилась дара речи.

Дядюшка Дой с Тай Дэем тоже, пожалуй, опешили.

Одноглазый, фигурно выступая, направился через комнату к матушке Готе, и та предпочла отступить. То есть, едва ли не бежала.

— Совершенна! — каркнул Одноглазый. — Во всех отношениях. Женщина моей мечты... Ты готов, капитан?

Чем он таким набрался?

— Ага. — Костоправ отодвинул свой чай, который едва пригубил. — Мурген, я бы хотел, чтобы и ты пошел с нами. Пора показать тебе несколько новых трюков.

Я, сам не зная отчего, покачал головой. Сари, избежавшая общения с матерью под предлогом необходимости быть со мной, обняла меня и, ощутив мое нежелание идти, сжала мое плечо. Она подняла на меня блестящие миндалины глаз, без слов спрашивая, чем я встревожен.

— Не знаю...

Похоже, они собирались допрашивать краснорукого Обманщика. Не люблю я подобной работы...

И тут дядюшка Дой здорово удивил меня:

— Могу ли я сопровождать мужа моей племянницы?

— З-зачем?

— Я хочу удовлетворить голод своего любопытства сведениями об обычаях твоего народа.

Он говорил со мной медленно, словно с идиотом. По его мнению, я обладал одним серьезным врожденным дефектом: не был рожден нюень бао.

Ладно, хоть Каменным Воином и Каменным Солдатом больше не зовет...

Я так и не понял, что это значило.

Я перевел его просьбу Старику. Тот и глазом не моргнул.

— Конечно, Мурген. Отчего бы нет... Только идемте, пока мы все тут не померли от старости.

Что за чертовщина? И это — капитан, всегда считавший, что от нюень бао хорошего ждать не приходится?

Я покосился на кучу бумаги, принесенную мне Одноглазым. Бумаги воняли плесенью. Позже попробую сделать из этого что-нибудь. Если это вообще на что-нибудь годится. Одноглазый вполне мог написать их на языке, который успел забыть в течение последующих лет.

32

Летопись Одноглазого оказалась ужасной, как и следовало ожидать. Более того: вода, плесень, жучки и преступное небрежение сделали большую часть его воспоминаний нечитаемой. Хотя одна глава из недавних уцелела вся, за исключением одной страницы в середине, которая просто-напросто отсутствовала. Вот вам живой пример того, что Одноглазый считал подобающим для хроникера.

Он изменил написание большей части наименований мест. Я, где мог, исправил их в соответствии со стандартом, прикидывая, где могло происходить описанное, и сверяясь с картами.

На исходе третьего года пребывания нашего в Таглиосе наш капитан решил послать Хусавирский полк в Пребельбед, где Прабриндрах Драх вел кампанию против стаи мелких тенеземских князьков. Я с несколькими товарищами по Отряду получил приказ следовать с ним, дабы послужить основой нового полка. Изменник Нож также был в тех землях.

Полк проследовал через Ранжи и Годжу, Джайкур и Кантиль, затем миновал Бхакур, Данжиль и прочие недавно взятые нами города, пока, по истечении двух месяцев, мы не нагнали князя во

Прайпурбеде. Здесь от полка отделилась половина для эскортировки военнопленных вкупе с трофеями назад, на север. Прочие направились на запад, к Ашарану, где и подверглись неожиданному нападению Ножа, из-за чего пришлось нам забаррикадировать ворота и сбросить со стены множество туземцев, так как те могли оказаться соглядатаями врага. Благодаря моему таланту стратега нам удалось продержаться, невзирая на то, что необученными войсками овладела паника.

В Ашаране мы обнаружили большие запасы вина, и это помогло нам скоротать долгие часы осады.

По прошествии нескольких недель люди Ножа начали разбегаться, не в силах более терпеть холод и голод, и тогда он решил отступить.

Зима та была весьма холодна. Мы провели ее в великих страданиях, вынужденные зачастую угрожать туземцам, дабы нас снабжали достаточным количеством провизии и топлива. Князь вел нас вперед и вперед, большею частью избегая тяжелых боев по причине неопытности личного состава полка.

В Мельдермаи я и еще трое человек, выпив вина, опоздали к выступлению полка. Почти сто миль пришлось нам странствовать, рассчитывая лишь на самих себя и ежечасно рискуя быть схваченными. Однажды мы, после ночлега в доме местного дворянина, взяли из его конюшен четырех лошадей. И в придачу — некоторую толику бренди. Дворянин сей обратился с челобитною к князю, и лошадей пришлось вернуть.

Неделю мы провели в Форнгоу, а затем князь приказал нам отправляться на юг, к Верхнему Нангелю, где нам предписывалось присоединиться к четвертому кавалерийскому, гнавшему шайку Ножа в Рудеральский каньон. Однако, прибыв на место, мы обнаружили там всего лишь дряхлых старух и полное отсутствие всякой еды, за исключением гнилой капусты, причем большую часть ее крестьяне зарыли в землю перед тем, как бежать.

Тогда мы отправились в Силур по Балихорской дороге и там, в лесу, набрели на таверну, устроенную совершенно по северному образцу, где некая враждебная ведьма, пользуясь тем, что мы были не совсем трезвы, пыталась науськать на нас ядовитых жаб.

На следующий день нам пришлось пройти пешком несколько миль по болотам, подтаявшему снегу и мерзлой грязи низины, где из земли бьет горячий ключ, предохраняющий все вокруг от замерзания. Затем мы вышли к крепости Тразиль, где полк, навербованный из бывших тенеземских солдат, осаждал своих тразилийских собратьев. Осада, судя по тому, как трудно было в тех краях — даже за плату! — раздобыть съестное, была весьма продолжительной.

Там я три дня проработал в полевом лазарете, где, из-за необычайного холода, мне пришлось лечить множество обмороженных. Холод убивал больше солдат, нежели даже противник.

От Тразиля мы с личной гвардией князя отправились к Мелопилю и осадили крепость местного царька, расположенную на острове посреди озера. Вода в озере замерзла. По причине страшного мороза лед оказался толст, и всякий раз, как мы шли на штурм, снаряды из машин противника мчались к нам, скользя по оному...

...Тенеземцы вкупе со многими нашими были истреблены беспощадным огнем машин со стен, пока гарнизон удерживал ворота. Затем из Тенелова на своем ковре-самолете прибыл Ревун, и убийственная волшба обрушилась на нас, словно молнии в грозу, вынудив нас отступить. Многие были захвачены врагом.

По прошествии двух недель пришел приказ идти маршем на соединение с силами, осаждавшими Рани Ортал. По пути мы обнаружили немного вина, что послужило причиной катастрофы: туземцы украли наши вьюки, воспользовавшись нашим сном.

Силы обеих сторон собрались отовсюду, и я начал бояться большой битвы. У стен Рани Ортала мог появиться Ревун.

После того, как город был взят в кольцо, противник предпринял несколько атак на наши траншеи, что стоило ему огромных потерь. Через две недели, в самом начале весны, мы организовали внезапное ночное наступление, и удалось подвести осадные машины к самой стене. Солдаты убивали всех на своем пути — столь злы они были и столь напуганы ночной темнотой. Достигнув верха стены, они сбросили вниз всех, включая даже женщин и детей.

Затем из Тенелова на своем ковре-самолете прибыл Ревун с небольшим роем Теней, что вынудило нас оставить все захваченное.

С восходом солнца Ревун и Тени удалились, и Прабриндрах Драх собственной персоной вышел вперед, дабы сказать врагу, что к вечеру мы снова пойдем на штурм и на этот раз никто не будет удостоен пощады, однако штурм так и не был осуществлен, оттого что вражеский царек решил попытать счастья в союзе с Таглиосом. Городские ворота распахнулись, и город был отдан солдатам на одну ночь, но им запрещено было иметь при себе любое оружие, кроме кинжалов.

Почвы в тех местах весьма скудны, и урожаи даются туземцам нелегко. Обычная пища их — капуста и корнеплоды, а из зерна — рожь.

В течение месяца мы стояли гарнизоном в Трюфельваре, где я подружился с сыном правителя, мальчиком одиннадцати лет. Он был смышлен, однако невежествен как в религии, так и в грамоте. Отец его доложил, что Хозяева Теней запретили религиозную практику, наряду с образованием, по всей своей империи, а за выдачу книг — особенно старых — объявили вознаграждение. Доставленные книги немедля сжигались наряду с продолжавшими отправлять требы жрецами, за коих также было объявлено вознаграждение. Должно быть, Ножу такой закон пришелся очень по нраву.

По прошествии месяца в полк пришел приказ, предписывавший возвращаться в Джайкур, где Госпожа собирала армию для летней кампании на востоке. В Джайкуре я оставил полк и продолжал путь на север, к Таглиосу, где и был с великою радостью принят старыми своими товарищами по Черному Отряду.

Описание этой «кампании» оказалось самым подробным и содержательным из всей писанины Одноглазого. Прочие фрагменты содержали куда менее связные повествования.

33

Пленный краснорукий Обманщик ожидал нас в помещении, с ручательством защищенном ото всякой подглядывающе-подслушивающей волшбы. Одноглазый клялся, что сплел заклятья так, что сама Госпожа в лучшие дни свои не пробилась бы сквозь их преграду.

— Прошлое Госпожи меня в данном отношении не волнует, — буркнул Костоправ. — Чего не скажешь о настоящем Душелова. Она залегла на дно, однако находится неподалеку и наверняка желает знать, что где происходит. Также тревожит меня и Ревун. У него на Отряд ба-альшущий зуб.

— Да все в порядке, говорю тебе, — настаивал Одноглазый. — Сам Властелин сюда не прорвется.

— Вот то же самое и Копченый думал о своей потайной палате.

Меня передернуло. И Одноглазого — также. Конечно, я сам не видел Копченого, уничтоженного чудовищем, проникшим сквозь тончайшую брешь в его защите, однако наслышан достаточно.

— А что там из Копченого вышло? — спросил я, так как, по слухам, чудовище не убило его.

Костоправ прижал палец к губам.

— Вот за этим углом...

Я думал, мы возвращаемся в ту комнату, где Гоблин и Одноглазый со Стариком вытаскивали меня после последнего приступа. Просто догадался, что краснорукого душилу держали там же, за занавесью. Но нет, прибыли мы совсем в другое место.

И Обманщик был не один.

Радиша Драх, сестра правящего князя, Прабриндраха Драха, стояла там, прислонясь к стене, и рассматривала пленника. Маленькая, смуглая и сморщенная, подобно всем таглиоскам, кому за тридцать, она отличалась твердостью характера и ясностью ума. Говорят, что она потеряла самообладание лишь единожды в жизни — в ту ночь, когда Госпожа истребила всю верхушку разношерстного таглиосского жречества, положив конец религиозным распрям, что сделало ее ключевой фигурой в военных действиях.

После той демонстрации было еще много чего, менее интригующего. Союзники и нанимали наши, похоже, решили дать нам самим найти свою гибель.

Если расспросить таглиосское дворянство и жречество, то выяснится, что большинство принадлежащих к высшему обществу уверены: княжеские решения на деле принимает Радиша. И это совсем недалеко от истины. Брат ее, конечно, не так податлив, как о нем думают, однако предпочитает поменьше интересоваться службой.

За спиной Радиши стоял стол, на нем лежал человек.

— Копченый? — спросил я.

И даже получил ответ. Копченый был все еще жив. И все еще — в коме. Все мускулы его одрябли донельзя, словно мешки с жиром.

А за ним, с потолка до пола, свисала занавесь — точно такая же, как и в той комнате, где я очнулся в последний раз. Значит, комната все-таки та же самая, только вошли мы в нее с другой стороны.

Странно.

— Копченый,— подтвердил Костоправ.

Тут я понял, что меня посвящают в одну из главных тайн.

— Но...

— Этот тип рассказал что-нибудь интересное? — спросил Костоправ у Радиши, перебивая мой вопрос.

Должно быть, она развлекалась с пленным. А капитан по некоей причине не желает привлекать ее внимания к Копченому...

— Нет. Но скажет.

Душила изобразил смешок. Смелый он мужик, но — дурак. Ему ли не знать, чего можно добиться от человека пытками...

По спине моей снова пробежал холодок.

— Понятно. Одноглазый, приступай. Мурген нас и так здорово задержал.

Аншалы... Значит, он откладывал допрос только затем, чтобы я мог занести его в Аншалы...

Не стоило беспокоиться. Я не любитель пыток.

А вот Одноглазый принялся за дело с энтузиазмом. Он потрепал пленника по щеке.

— Придется тебе, милок, помочь мне. А уж я буду с тобой помягче — если только ты позволишь. Что же вам, душилам, занадобилось в Таглиосе? — Он взглянул на капитана.— Гоблин скоро появится?

— Давай-давай, не отвлекайся.

Одноглазый что-то такое сделал, и душила рванул веревки, коими был связан, слегка — на выдохе — вскрикнув.

— Но я ж ему такую женщину подыскал, командир! — говорил меж тем Одноглазый.— Верно, Щенок?

Злобно усмехнувшись, он склонился над Обманщиком.

Так вот отчего он так восхищался матушкой Готой. Решил воспользоваться ею, чтоб подшутить над Гоблином... Мне бы разозлиться, хотя бы во имя Сари, однако, несмотря на все старания, возмущения не получалось.

Матушка сама постоянно нарывается на грубость.

— Ты, милок, понимаешь ли свое положение? — замурлыкал Одноглазый. — Когда тебя взяли, ты был с Нарайяном Сингхом. И лапка у тебя — красная. Два этих обстоятельства и подсказывают мне, что ты — Обманник весьма особого рода, из тех, которых капитан шибко уж хочет видеть.

Он указал на Костоправа. Для обозначения капитана он воспользовался словом «джамадар», с коим у Обманников связаны четкие религиозные соотнесения.

Да, им удалось взять Госпожу, однако та навечно пометила их вот этой краснотой на руке. Что в наши дни и выделяет их из толпы.

Одноглазый цыкнул слюной сквозь остатки зубов. Всякий не знающий его посчитал бы, что он размышляет.

— Но я, видишь ли, — продолжал он, — парень хороший, терпеть не могу, когда людей мучают, а потому дам тебе шанс избавиться от такого вот конца. — Он небрежно ткнул большим пальцем за спину, в сторону Копченого, тогда как меж пальцами другой его руки с треском проскочила искра. Душила заорал таким криком, что рвет нервы, да еще концы солью присыпает. — Можешь продлить это навечно, можешь пройти процедуру по-быстрому. Все в твоих руках. Скажи, что Обманники затевают в Таглиосе? — Нагнувшись ближе, он шепнул: — Я могу даже устроить так, что тебя отпустят.

Пленник раскрыл было рот. Пот заливал ему глаза, обжигая их. Он дернул головой, пытаясь стряхнуть его.

— Могу спорить, она решит, что Гоблин симпатичен, словно навозный жук, — хихикнул Одноглазый. — Как полагаешь, Щенок?

— Я полагаю, — зарычал Костоправ, — что тебе лучше делом заниматься!

Он тоже не любит процедур пыток, и терпения на игрища Гоблина и Одноглазого у него уже не оставалось.

— Да не выпрыгивай ты из сапог, командир. Никуда этот парень не денется.

— Зато дружки его что-то замыслили.

Я взглянул на дядю Доя — что он думает об этой перепалке. Лицо его было совершенно каменным. Может, он и впрямь разучился понимать по-таглиосски?

— Не нравится, как я работаю, — гавкнул Одноглазый, — так прогони меня и делай сам, как хочешь! — Он ткнул в пленного пальцем. Тот напрягся в ожидании боли. — Ты! Что вы делаете в Таглиосе? Где Нарайян с Дщерью Ночи? Выкладывай уж, не подводи меня.

Тут я и сам напрягся — меня здорово пробрало холодом. С чего бы?

Пленник, словно рыба на суше, хватал ртом воздух. Все тело его было покрыто потом. Положение его было безвыходным. Если он, что-либо зная, заговорит — а ведь обязательно заговорит рано или

поздно,— его же товарищи после обойдутся с ним без малейшей жалости.

Костоправ почуял его мысли.

— Значит, близок день зла? — спросил он.

Я целиком и полностью сочувствую Старику. Если ему и удастся вернуть дочь, то найдет он вовсе не то, что искал. Она — Обманница со дня появления на свет, пробужденная, чтобы воплотить собою Дщерь Ночи, предвестницу Года Черепов. Черт возьми, ее посвятили Кине еще до рождения. Она станет тем, кем они желают ее видеть. И эта безысходность разобьет родительские сердца.

— Говори, милок, говори. Очень уж знать интересно.

Одноглазый старался вести дело только меж собой и клиентом. Он дал душиле короткую передышку. Остальные равнодушно наблюдали за пленным. То был чернорумельщик. Обычно у душил это означает, что на его совести — более трех десятков безжалостных и беспощадных убийств. Либо он получил этот чин более прямым путем — задушил другого чернорумельщика.

Кина олицетворяет собой верховного Обманника. Предать при случае своего — для нее высшее наслаждение.

Но Одноглазый не сообразил напомнить нашему Обманнику об этом аргументе.

Тот снова закричал, пытаясь выдавить что-то сквозь крик.

— Все равно ведь заговоришь,— сказал Одноглазый.

— Я не могу сказать. Я не знаю, где они.

Я лично ему поверил. Если Нарайян Сингх будет посвящать всех и каждого в свои намерения, то не проживет так долго в мире, где все охотятся за ним.

— Жаль, жаль. Тогда просто расскажи, что понадобилось Обманникам в Таглиосе — через столько-то времени.

Интересно, отчего он постоянно возвращается к этому? Душилы уже сколько лет не смели промышлять в этом городе...

Значит, Одноглазому и Старику что-то известно. Только — откуда?

Пленник снова зашелся в крике.

— Те, которых удается изловить, всегда — полные невежды,— заметила Радиша.

— Неважно,— отвечал Костоправ.— Я точно знаю, где Сингх. Вернее, где он будет, когда устанет бежать. Пока он не осознает этого, я уверен, что он всегда окажется именно там, где я пожелаю.

У дядюшки Доя дрогнула бровь. Наверное, для него это высшая степень волнения.

Радиша, нахмурившись, одарила Костоправа злобным взглядом. Ей нравится верить, что во всем дворце лишь ее мозг на что-нибудь годен. А мы, Черный Отряд, просто-напросто наемные мускулы. Казалось, я явственно слышу скрипы и стоны мыслей в ее голове. Откуда бы ему, Костоправу, знать такие вещи?

— И где же он?

— Сейчас он сбивается с ног, дабы поскорее соединиться с Могабой. Поскольку остановить его мы не можем — ибо любые вести, посланные ему вдогонку, сильно запоздают, — о нем стоит забыть.

Я было решил невзначай напомнить о воронах. Костоправ ведь с ними разговаривает, а летают они еще быстрее, чем Обманщики бегают, но вовремя вспомнил, что от меня размышлений не требуется и привели меня сюда не для разговоров.

— Забыть?

Пожалуй, Радиша была изумлена.

— Лишь на краткое время. Пока не выясним, что его ребята собираются здесь делать.

Одноглазый вновь взялся за работу. Я искоса глянул на дядю Доя, остававшегося в стороне от событий куда дольше, чем можно было ожидать.

Заметив мой взгляд, он спросил на нюень бао:

— Могу ли я допросить этого человека?

— Зачем?

— Дабы испытать его веру.

— Ты ведь не настолько хорошо говоришь по-таглиосски.

А посему — что проку?

— Значит, ты будешь переводить.

Просто ради смеху, а может, для того, чтобы слегка уязвить дядюшку, Костоправ сказал:

— Я не возражаю, Мурген. Вреда от этого не будет.

Замечание его ясно демонстрировало близкое знакомство с говором нюень бао. Для дядюшки Доя оно было исполнено определенного смысла, особенно вкупе с недавним наблюдением насчет происхождения Бледного Жезла.

Что за черт? Я был совершенно сбит с толку и уже сам начал становиться законченным параноиком. Может, из последнего припадка я вернулся не в тот мир?

На том самом, памятном мне, превосходном таглиосском дядюшка Дой принялся обстреливать Обманщика чередою кратких, дружелюбных вопросов — из тех, на какие большинство людей отвечает, не задумываясь. Мы успели узнать, что человек этот имел семью, однако жена его умерла при родах. Затем он понял, что им манипулируют, и принялся внимательнее следить за языком.

Дядюшка продолжал болтать, притопывая ногами, словно развеселившийся тролль, и вытянул из пленника множество сведений о его прошлом, однако ни разу не затронул темы возобновления интереса Душил к Таглиосу. Костоправ, как я заметил, следил за дядюшкой Доем куда внимательнее, чем за пленным. Ну да, капитан наш живет в самом центре тайфуна паранойи.

Склонившись ко мне, он полночным шепотом сказал:

— Когда другие уйдут, останься.

Объяснять, для чего, не стал. Отошел сказать что-то Одноглазому — на языке, даже мне непонятном.

Он знает, самое меньшее, два десятка языков. Оно и понятно — сколько времени провел в Отряде... Одноглазый, вероятно, знает еще больше, однако в собеседники ему не годится никто, кроме Гоблина. Кивнув, Одноглазый вновь взялся за дело.

Вскоре наш ведун снова прервался, принявшись выпроваживать Радишу с дядей Доем за дверь. Проделал он это столь необычными для него мягкими и вежливыми способами, что они ни словом не возразили. Дядюшка Дой был не более чем гость, а Радишу повсюду ждали неотложные дела, и посему Одноглазый легко внушил им, что мысль об уходе — их собственная. Во всяком случае, он своего добился.

Облегчило ему задачу и то, что Костоправ тоже якобы собрался уходить, однако не прошло и пяти минут, как капитан вернулся.

— Пожалуй,— сказал я ему,— я уже все повидал. Чудес на свете не осталось. Стало быть, пора мне уходить в отставку и, как задумал, завести ферму. Репу сажать.

И это было жестом лишь наполовину. Стоит Отряду осесть на одном месте, все наши начинают строить подобные планы. Такова, видимо, природа человеческая.

Репы в Таглиосе не выращивали, однако я видел ничейные участки земли, вполне годные под разведение репы, пастернака и сахарной свеклы. Масло с Ведьмаком неподалеку, значит, с семенами заминки не будет. Может, они и картошки малость доставят. Может быть...

Костоправ улыбнулся:

— Одноглазый! Похоже, этот скользкий тип нам ничего полезного не скажет.

— А знаешь, почему на то похоже, командир? Он знает нечто и старается удержать это хотя бы еще чуть-чуть. Всякий раз, как я причинял ему боль, у него возникала такая мысль. Он думает, что вытерпит еще только разик. А потом — еще разик...

— Пусть его жажда помучает.

Капитан отодвинул сиденье и Обманщика на нем в угол и накрыл его рваной простыней, словно мебель перед отправкой на свалку.

— Слушай, Мурген. Время поджимает. Все вот-вот начнется, и ты нужен мне в первых рядах — здоровый или больной.

— Не нравится мне, как оно звучит...

Однако он был не в настроении шутить.

— Мы узнали кое-что интересное о Копченом.— Тут он ни с того ни с сего перешел на диалект Самоцветных городов, не известный в этих землях никому, кроме наших, разве что Могаба тайком пробрался бы во дворец.— Твои припадки — и то, что они могут означать — нас здорово затормозили, однако нам нужно пошевеливаться. Настала пора рискнуть. И тебе, старому псу, нужно выучиться кое-каким новым фокусам.

— Пугаешь?

— Нет. Это важно. Слушай внимательно. У меня нет больше времени на возню с Копченым. У Одноглазого — также. Колдовской арсенал отнимает все его время. А больше я в таких делах никому не верю. Кроме тебя.

— Чего? Не понимаю. Ты толком говори.

— Слушай. Слушай и смотри, а рот держи на замке. Времени у нас мало. Радише может прийти в голову воротиться и снова подвергнуть Обманщика пыткам. Она это любит.— Он обратился к Одноглазому: — Напомни мне, что надо выяснить, нельзя ли постоянно назначить сюда Корди Мотера. При нем она не станет путаться под ногами.

— Он вскоре должен вернуться в город. Если уже не вернулся.

— И это — начальник моей разведки,— посетовал Костоправ, указывая на Одноглазого и укоризненно качая головой.— На один глаз слеп, а другим вообще ничего не видит.

Я взглянул на укрытого простыней врага. Тот уже начал похрапывать. Хороший солдат никогда не упустит возможности отдохнуть...

34

Часы тянулись и тянулись. Костоправ ушел, затем снова вернулся.

— Видишь, Мурген, как просто? Ты когда-нибудь видел столь действенный трюк, который так просто выполнить?

— Ни разу в жизни,— согласился я.— Словно с дерева упасть.

Или же — проваливаешься в бездонную яму, в чем я уже достаточно, хоть и не своей волей, напрактиковался.

Хотя на словах все куда проще, чем на деле. Я заранее знал, что и это не составит исключения.

— Теперь я хотя бы понял, как тебе удавалось казаться вездесущим, вызнавая вещи, совершенно невероятные.

Костоправ рассмеялся. Раскрытие своего изумительного замысла привело его в великолепное настроение.

— Давай, попробуй теперь сам.

Я бросил на него взгляд, который он предпочел принять за непонимающий. Да, ничего особенного. Все равно что с дерева упасть. Может быть. Только вот Одноглазый не очень годится в наставники.

— Делай, как Одноглазый показывал. Определись, что тебе нужно увидеть. Скажем, на Копченом сосредоточься. Но проделывай все чертовски тщательно. Здесь точность нужна. Точность — это все. Неясность — смерть.

— Точно так же в любой мною слыханой байке работала магия, капитан. Неясности постоянно сбивают с толку.

— Пожалуй, это верно. Кажется, я коснулся больного места,— он внезапно о чем-то призадумался.— Давай.

Но мне не хотелось.

Все это слишком похоже на то, что бывает, когда я падаю сквозь эту бесконечную кроличью нору в Деджагор. Возможно ли, что все это Копченый как-то надо мной проделывает?

Костоправ покачал головой:

— Никоим образом. Это вещи совершенно разные. Давай. Я настаиваю. Только время попусту тратишь. Взгляни на что-нибудь из Анналов, чем всегда интересовался. Мы будем рядом и прикроем тебя, на случай чего.

— А если я взгляну на Масло с Ведьмаком?

— Я знаю, где они. Только что миновали Первый Порог. Будут здесь через несколько дней. Попробуй что-нибудь другое.

Масло с Ведьмаком последние три года провели в путешествии на север с таглиосским посольством и письмами, посланными Госпожой тем, кого ей пришлось оставить там. Задачей их было — разузнать все, что возможно, о Хозяйке Теней по имени Грозотень. Покойница Грозотень, как выяснилось прежде, оказалась изгнанницей из старой империи Госпожи, Зовущей Бурю, также числившейся в умерших. И два других могучих и злобных волшебника, вставших на нашем пути, оказались давно умершими Ревуном и безумной сестрицей Госпожи, Душеловом. Появлялся и Меняющий Облик, но с ним мы управились.

То, что Масло с Ведьмаком удалось уцелеть в столь невероятном путешествии, кажется мне великим чудом. Но их, похоже, сами боги хранят...

— Наверняка привезут целую коллекцию новых шрамов, будет что порассказать.

Костоправ кивнул. Теперь настроение его сделалось мрачным, однако пора было продолжать обучение.

Воображением моим завладела одна необъяснимая трагедия из прошлого. Странная, ужасная и бессмысленная резня в деревушке под названием Узы, так, по моим сведениям, и оставшаяся загадкой. Я был уверен, что здесь кроется нечто важное; то, что и вплоть до наших дней тайна осталась неразгаданной, меня просто ошарашило.

Крепко сжав руку Копченого, я старательно очистил сознание, нашептывая ему подробные указания. И — унесся в неведомые дали, оторвавшись от собственного тела, отчего меня охватил внезапный страх. На миг почудилось, что все это уже я пережил ранее, однако, что будет дальше, не помнил.

Старик был прав. Это оказалось совсем не похожим на прежние мои провалы в прошлое. В этом кошмаре я был в полном сознании и сам управлял событиями. Я был бестелесным призраком, несущимся к Узам, но цель не покидала моего сознания. Разница была огромна. Унесясь в Деджагор, я утрачивал личность и контроль над событиями, пока не вторгался в прошлое своего «я». А после этого — забывал о будущем.

Узы — небольшая деревушка на южном берегу Майна, прямо напротив Ведна-Ботского брода. В течение столетий Майн был традиционной границей таглиосских земель. Жившие за рекою говорили по-таглиосски и верили в таглиосских божеств, однако таглиосцы считали их не более, чем данниками.

В Узах была небольшая военно-курьерская ремонтная станция (то есть станция со сменными лошадьми). Ею управлял мизерный гарнизон шадаритских кавалеристов, охранявший в основном переправу. Подобный пост — мечта любого солдата: ни начальства, ни хлопот, ни забот. Вода в реке спадала настолько, что переправою можно было пользоваться лишь месяца три в году, однако гарнизон получал жалованье круглый год.

Душа Копченого неслась в прошлое, к той давней катастрофе, и я, согбенный, с тяжкою ношей страха, невзирая на все заверения Ворчуна, следовал за ней.

Ночь, в продолжение которой было вырезано все население Уз, была непроглядно темной. Из ночи той, а также из кошмаров, в коих человек куда чаще — жертва, чем хищник, и явился ужас. Чудовище прошло по деревне, направляясь к армейским конюшням. Я видел все, но не мог никого предостеречь.

Вахту нес один-единственный часовой, да и тот клевал носом. Ни он, ни лошади не почувствовали приближения опасности.

В конюшне со слабым стуком поднялась дверная щеколда. Никакому животному недостанет ума дернуть шнур... Солдат проснулся как раз вовремя, чтобы увидеть метнувшийся к нему сгусток тьмы с горящими багровым огнем глазами.

Пожрав добычу, чудовище скрылось во тьме. Оно продолжало убивать. Крики ужаса подняли гарнизон. Солдаты схватились за оружие. Чудовище, похожее на громадную черную пантеру, прыгнуло в реку и поплыло к северному берегу.

Теперь я понимал, в чем дело. Убийцей был оборотень, ученица волшебника по имени Меняющий Облик, убитого нами в ночь взятия Деджагора. А она скрылась, навеки обреченная носить облик зверя...

Отчего же именно это происшествие, более чем четырехлетней давности?

Мне захотелось последовать за пантерой и посмотреть, что сталось с нею дальше, однако Копченого не удалось заставить двигаться следом. Коматозный колдун не был личностью и не обладал сколь-нибудь заметной волей, но, вероятно, имел свои пределы и ограничения.

Однако ж забавно: до возвращения во дворец во мне не возникало никаких эмоций. Зато после — накрыло с головой, да так, что дух перехватило.

— Это — правда? — спросил я.— То, что я видел там?

— Никаких видимых свидетельств противного не наблюдается,— отвечал Ворчун, ни за что, на всякий случай, не ручаясь.

Подозрителен наш капитан, как всегда... — Неважно выглядишь. Поганое было зрелище?

— Более чем. Используя Копченого, можно видеть все?

— Почти. Кое-куда он не хочет — или не может — проникнуть. Не может и возвращаться в то время, когда еще не был в коме. Теперь, если хочешь, можешь писать Анналы, являясь всему излагаемому истинным свидетелем. Только не забывай, что Копченого надо верно направлять.

— Вот так да... — Скрытый смысл открытия капитана только-только начал доходить до меня. — Да это же стоит больше, чем легион ветеранов!

Теперь я понимал, как мы в последнее время сумели совершить несколько изумительнейших ходов. Сидя на плече врага, ничего не стоит предугадать его действия.

— Гораздо больше. Вот почему ты должен держать язык за зубами даже со своей любимой наедине.

— Радиша знает?

— Нет. Только ты, я и Одноглазый. Может, еще Гоблин, если Одноглазый просто не мог не поделиться с кем-нибудь. И — все. Одноглазый случайно наткнулся на это, стараясь вывести Копченого из комы. Копченый был в Вершине, бродил по ее залам и действительно встречался с Грозотенью, поэтому нам хотелось его кой о чем поразспрашивать. Но это подождет. Так что не говори никому. Понимаешь?

— Ты еще снова мою родню заподозри...

— Башку снесу.

— Да я понял, командир. Собутыльникам из Обманщиков этим хвастать не стоит. Ч-черт, с этим мы можем победить!

— Во всяком случае, оно не повредит. Пока остается тайной. Ладно, у меня еще дела с Радишей, а ты продолжай с ним практиковаться. И не бойся его перенапрячь. Не выйдет.

Он крепко сжал мне плечо и, с решимостью целенаправленной и вместе — фаталистской, ушел. Наверное, на очередное бюджетное совещание. Если ты Освободитель, то на военные нужды никогда не хватает, а если Радиша — военные всегда желают прихватить лишку.

Итак, в комнате остались лишь я, полудохлый ведун да вонючий душила под льняной простыней. Я вознамерился было при помощи Копченого выяснить, что затевают в Таглиосе дружки этого вонючки, но подумал, что капитан не стал бы его допрашивать, будь Копченый способен дать нам нужные сведения. Наверное, дело не только в точности указаний. Наверное, нужно еще иметь хоть какое-то представление о том, что ищешь. Не зная направления, не найдешь даже собственного локтя.

Стало быть, что? Старина Копченый — чудо из чудес, однако ограничения — будь здоров... И большая их часть наверняка заключается в наших собственных головах. От нас зависит, снимем ли мы сливки со своего воображения, или же сделаемся его жертвами.

Так. Что бы такого посмотреть?

Я пришел в крайнее возбуждение. Приключения звали вперед. Так — какого дьявола? Стоит ли мелочиться? Не заглянуть ли к Длинотени, что значится первым номером в списке Черного Отряда?

35

Длинотень, должно быть, вышел прямиком из моих фантазий. Он был убийственно уродлив, высок, тощ, да к тому ж подвержен порывам гнева и внезапным приступам, наподобие малярийной лихорадки. Одевался он в нечто вроде черной, свободной и длинной, до полу, женской рубахи, рукава коей скрывали под собою тонкие, точно у мумии, руки. Ел он нечасто, да и то не ел, а так, поклевывал. Должно быть, его постоянно мучил голод.

Рубаха его сверкала и переливалась золотыми, серебристыми, глянцево-черными нитями многих дюжин вплетенных в ткань статических защитных заклятий. С первого взгляда он казался еще параноидальнее Ворчуна, однако на то у него имелась веская причина. Весь мир просто жаждал как следует поджарить его, а друзей ближе Могабы с Ножом у него не было.

Ревуна нельзя было считать за друга. Ревун — всего-навсего союзник.

Одним из навязчивых страхов Длинотени был Черный Отряд. Этого я просто не понимал. Враги такого низкого разбора не должны бы вовсе тревожить его. Нам, знаете, до губителей миров далеко.

Лицо его, скрываемое под маской даже тогда, когда он оставался один, было очень похоже на череп. Восково-бледные черты его застыли в постоянной гримасе страха. О том, какой народ его породил, не стоило и гадать. Глаза его были водянисто-серыми, с розовыми бликами по краям, однако мне кажется, альбиносом он все же не был. Используя способности Копченого, я сновал по времени, дабы поскорее вызнать все достойное внимания. И ни разу не застал Длинотень полностью без одежды. Он никогда не мылся, не менял одежды. И даже никогда не снимал перчаток.

Последний — то есть теперь единственный — Хозяин Теней, он являлся непререкаемым самодержцем города Тенелова, а в стенах своей крепости, под названием Вершина, был полубогом. Едва уловимый стон его мог вызвать ужас у десяти тысяч человек, заставив оных драться за честь успокоить его. И тем не менее он был пленником течения жизни, без малейшей надежды на освобождение.

Вершина — самое, за исключением лишь одного, южное творение рук человеческих. Я пытался пробиться дальше на юг. Где-то там, за туманами позади Вершины, скрывается Хатовар, к коему мы шли долгие годы. Глянуть бы хоть глазком на его чудеса!

Но Копченый наотрез отказался двигаться дальше на юг.

Он и в добром-то здравии безумно боялся Хатовара. Именно этот город заставил его изменить Радише с Прабриндрахом Драхом несколько лет назад. Наверное, страх перед ним довлел как над его телом, так и над душой.

По сравнению с Вершиной любая человеческая постройка, которую я когда-либо видел, кажется карликовой. Не исключая даже чудовищной башни Госпожи, что в Чарах. Строительство Вершины, длившееся больше двух десятилетий, превратилось в главную отрасль индустрии Тенелова — города, что до появления Хозяев Теней назывался Кьяулуном. Что на местном диалекте означает — Врата Теней.

Строители работали день и ночь. Ни выходных, ни праздников не ведали. Длиннотень решил, что крепость должна быть завершена прежде, чем враги его возьмут над ним верх. Он был уверен, что, выиграв в этой гонке, станет властелином мира. Никакие силы небесные, земные либо адские, как полагал он, не достигнут его в стенах завершенной Вершины. Ни даже тьма, еженощно осеняющая его ужасом...

Внешние стены Вершины вздымались ввысь по меньшей мере на сотню футов. Не знаете, где бы такую лесенку взять?

Бронзовые, серебряные, золотые письмена сверкали со стальных плит, укрывавших грубый камень стен. Батальоны рабочих день и ночь, других дел не зная, следили за тем, чтобы письмена не тускнели.

Прочесть их я не мог, но знал, что содержат они защитные заклятья великой силы. Длиннотень, слой за слоем, покрыл своими заклятьями все, что было частью Вершины. Имей он достаточно времени — вся внешняя поверхность крепости скрылась бы под непроницаемой бронёй волшбы.

На закате Вершина полыхала ярче любого лесного пожара. Сверкающие хрустальные купола, завершавшие каждую башню, превращали Вершину в подобие густого леса маяков. Они были сооружены везде, откуда бы Длиннотень ни желал наблюдать окрестности, вне досягаемости своих ужасов. Сиянье необоримой яркости не оставляло ни единого уголка, где могла бы спрятаться Тень.

Того, над чем он был хозяином, Длиннотень боялся более всего на свете. Даже Черный Отряд был для него лишь раздражающе жужжащим москитом...

Вершина, даже неоконченная, крепко ошеломила меня. Да мы — ослепленные гордыней безумцы, раз наметили маршрут, пролегающий через — и за — эту твердыню!

Однако не всех врагов Длиннотени можно так же легко запугать. Кой для кого из них и земные крепости, и само время не очень-то многое значат. Рано или поздно его оборона падет, и в тот же самый миг они пожрут его.

Он решился играть по высшим ставкам, и проигрыш в игре сей столь же ужасен, сколь велик возможный выигрыш. И бросать игру поздно. Теперь либо — венец победителя, либо — венец же, но му-

ческий. Жил Длиннотень в хрустальной палате, венчавшей высочайшую, центральную башню Вершины. Спал он редко — слишком силен был страх перед ночью. Долгие часы проводил он, недвижно взирая на равнину из сияющего камня.

Душераздирающий вопль разорвал атмосферу мрачного города. Жители Тенелова не обратили на него внимания. Если они вообще думали о страшном союзнике своего властителя, то наверняка только надеялись, что судьба как-нибудь вырвет из рук Длиннотени такое мощное орудие. Кьяулун был населен людьми сломленными, без надежды и веры, дошедшими до той точки, до коей не пали и джайкури в худшие дни осады Деджагора.

Почти все они были слишком молоды, чтобы помнить времена, когда не было никаких Длиннотеней, властных над их жизнями куда более, чем забытые боги...

Но истребить слухи не под силу было и Длиннотени. Даже в самом сердце его империи кое-кому приходилось путешествовать, а путешествующие всегда развозят новости. Кое-что из этих новостей даже бывает правдой. И народ Тенелова знал, что с севера грядет рок.

Душою каждого слуха служило название: Черный Отряд. И это не радовало никого. Длиннотень был дьяволом из дьяволов, однако многие из его подданных боялись, что падение его лишь явится предвестием куда более суровых времен.

Мужчины, женщины, дети — весь народ Тенелова посвящен был в одну из истинных тайн бытия: за Тенью, чей лик маячит перед глазами, прячется Тень, неизмеримо более темная.

Длиннотень сеял страх и боль окрест лишь оттого, что сам являлся жертвой тысячи ужасов.

Словом, там было жутко. Так жутко, что мне отчаянно захотелось вернуться туда, где тепло, где кто-нибудь поддержит и скажет, что тьма не всегда несет в себе ужас. Мне захотелось к Сари, тому свету в ночи, что правит миром.

— Отнеси меня домой, Копченый.

36

Капитан меня предупреждал. «Будь точен», говорил...

И не раз.

Меня понесло и увлекло туда, к крови и пламени, к корчащимся, темнеющим и обугливающимся бумагам. Я лежал в луже крови, скопившейся вокруг. Топот бегущих отдавался в ушах, словно мерная, оглушающая поступь гигантов.

Слышал я и крики, коим не было конца.

Костоправ меня предупреждал. А я забылся. Он ведь не сказал — а может, и не понимал,— что понятие «дома» чье-нибудь сознание может определить как страшную эмоциональную боль... Рвущую. Терзающую. Копченый отнес меня в Таглиос, только — в тот момент, что казался концом самого времени. Дрогнув от отвращения, я понесся назад, и отвращение было столь сильно, что я завлек самого себя, и ненавистные обрывки прошлого, и сбитого с толку Копченого в самую Преисподнюю.

Не имея ни личности, ни воли, он не мог и не стал смеяться над тем, как я тонул в океане боли.

У Преисподней есть название. Деджагор — имя ей. И все же Деджагор — лишь меньший из ликов Ада.

Из величайшего же мне удалось бежать. Еще раз.

Ни воли, ни личности...

Ветер метет равнину сияющего камня, но ничто не колыхнется на ней. Опускается ночь, и ветер умирает. Равнина стряхивает с себя тепло, и пробуждаются Тени. Лунный свет озаряет безмолвие камня.

Равнина простирается на все четыре стороны света, не имея границ, различимых изнутри, однако центр ее определен вполне. То — эпическое строение из того же камня, что и равнина, и столпы ее.

Ничто не шелохнется в бездвижности той, лишь дрогнет порою дымка в лучах света, пробивающихся сквозь врата сна. Тогда Тени отсиживаются в укромных уголках. И так, в едва уловимых биениях сердца тьмы, протекает их жизнь.

37

Воли — нет. Личности — нет.

И Копченого — нет.

Только боль. Такая, что и Копченый покинул меня. Теперь я — лишь раб воспоминаний.

Теперь я — дома. В обители боли.

38

А-а, вот и ты!

Вот мы и снова встретились. Ты опять куда-то пропал...

...существо, хоть и безлико, однако ж довольно улыбается...

Ночь была полна приключений, верно? И забавы еще не кончены. Вон, гляди. Черный Отряд со вспомогательными подразделениями начал атаковать тенеземцев. А то — прут на рожон, словно до смерти желают пожить в стенах Деджагора...

Гляди, вон двойники и иллюзорные солдаты, чтоб заманивать южан в засады или же заставлять выдать себя.

А, ладно. Идем назад, на стену. Мелочь, а ведь о ней саги слож[ат] могут...

Бой переместился на восточный конец города. Вряд ли кто-то [сюда] здесь торчит. Несколько человек несут вахту на стене, и все. Да [и] несколько нерасторопных тенеземских пластунов отсиживают[ся] там, в темноте, и на все им плевать. Иначе не пропустили бы того [малы]ша, что, наподобие паука, спускается со стены по веревке.

И с чего бы это двухсотлетнему волшебнику четвертого разбо[ра] лазать по веревкам, да еще туда, где поджидают его отнюдь не дружелюбные смуглые карлики? А ежели им захочется поплясать на его животе?

Раненый жеребец загадочной колдовской породы перестал визжать. Наконец-то... Подох. Но зеленоватый пар до сих пор поднимается из раны, а края ее все еще мерцают.

Там? Ну да. Взгляни. Просто дьявольски выглядят в этой багровой дымке. Хотя идут сюда вроде бы не за тем, чтобы пожрать весь город, как думаешь?

Что это? Тенеземцы за стеной заметались, словно лиса в курятнике. И в криках их — неподдельный ужас: что-то темное мечется среди них. Гляди, человека утащило.

Света теперь мало, центр битвы сместился. Старикан наш череп, словно сердце самой ночи. Думаешь, зоркости смертного хватит, чтобы заметить, как он снует меж мертвецов? Куда это он? К дохлому коню Тенекрута?

Кто бы мог подумать... Да он с ума сошел!

И эта ползучая тьма тоже направляется туда. Видал? Как глаза вспыхнули красным в зареве городских пожаров... Нет, каков дурень, ему бы прочь бежать, а он... Плохо может обернуться такое упрямство.

Вот черный человечек пропал. Остановился. Значит, услыхал-таки... И снова побежал к мертвому жеребцу. Копье свое хочет забрать! Может, такое безумство и имеет смысл. Он над этим копьем здорово потрудился.

Вот снова встал, и глаза небось выпучил, принюхавшись к ночи и ощутив почти забытый запах. И в тот же миг убийственная тьма почуяла его.

Победный рев пантеры заставил замереть все сердца на равнине. И тьма помчалась — быстрее, быстрее...

Черный человечек схватил свое копье и побежал к стене. Успеет ли? Унесут ли старые кривые ноги от нагоняющей смерти?

Она огромна. И похоже, довольна ходом событий.

Вот человечек ухватился за веревку. Однако до безопасного места ему еще восемьдесят футов... А он стар и запыхался. Вот закрутило его, но координация у старикана отличная. Навершье копья выставилось вперед одновременно с прыжком чудовища. Тварь извернулась в воздухе, пытаясь избежать убийственного острия, однако копье, пронзив ее морду, вышло за левым ухом. Чудовище взревело.

Зеленый пар повалил из раны. Тварь утратила всякий интерес к старику, и тот начал свой долгий подъем на стену, закинув причудливо украшенное копье за спину.

Никто не заметил этого. Бой продолжался повсюду.

39

Похоже, южане просто-напросто зажмурились и сунули голову в улей.

Что? Почему это «неохота»? Идем поглядим. Забавно.

Всюду, куда хватает глаз, южане отступают. Где — бегом, где — просто ускользая в тень, пока смерть не настигла.

Глянь! Вражий царь, Тенекрут, в полном здравии, только охромевший, ни на что не обращает внимания, кроме этих сияющих багрянцем образин, пришедших с холмов пожрать его!

А Могаба... Глядите на него, гения тактики! Взирайте на совершенного воина, воспользовавшегося всеми до единого слабыми местами противника — после того, как не осталось шансов воплотить дьявольский замысел, определявший его деяния с вечера! Видишь? Ни единый южанин, сколь великим он ни числился бы, не решается приблизиться к нему. Величайшие из тенеземских героев становятся зелеными юнцами, стоит лишь самому Могабе выступить вперед!

Да он — больше самой жизни, этот Могаба...

Он — средоточие общего триумфа в самим собою придуманной саге!

Что-то такое покинуло южан.

Они жаждали победы. Они понимали, что другого выбора нет, так как меньшего их повелитель, Тенекрут, не потерпит. Он отличается завидным отсутствием понимания в случае неудач. Его подданные натвердо закрепились в городе. Чего еще надо, кроме малой толики упорства? Однако они бегут.

Что-то такое нашло на них и мигом убедило, что оставшиеся в Деджагоре не смогут спасти даже душ своих.

40

— Мурген, ты в порядке?

Я встряхнул головой. Чувствовал себя, точно мальчишка, раз двадцать крутанувшийся на пятке — специально, чтобы закружилась голова перед тем, как влезть в какое-нибудь дурацкое состязание.

Я стоял в переулке. На меня с весьма озабоченным видом взирал коротыш Гоблин.

— В полном,— отвечал я.

И тут же опустился на колени, упершись руками в стены, чтобы те не кружились больше. И повторил:

— В полном порядке.

— Ну да, еще бы. Шандал, присмотри за этим уродом. Будет рваться в бой — оглуши. А то что-то он сострадателен к ближним стал...

Я старался не давать воли своему «я». Может, я и вправду был слишком мягок. А мир весьма неласков к задумчивым и вежливым...

Мир тем часом замедлял кружение, и вскоре мне уже не нужно было удерживать стены.

Позади вспыхнула потасовка. Кто-то гнусаво и тягуче выругался. Другой зарычал:

— Ш-шустрый, однако...

— Эй-эй-эй! — закричал я.— Оставьте его! Пусть подойдет сюда!

Шандал не стал бить меня по голове или возражать. Ко мне, потирая правую щеку, подошел низкорослый, плотный нюень бао, что провожал меня в укрытие к Кы Даму. Казалось, он был крайне изумлен тем, что кто-то посмел тронуть его. И его «я» тут же было уязвлено еще раз: он заговорил со мной на нюень бао, а я отвечал:

— Прости, старша, моя твоя не понимай. Говори уж по-таглиосски или по-грогорски.— И, по-грогорски же, спросил: — Что стряслось?

Грогорский — родной язык моей бабки по матери. Именно в Грогоре дед ее украл. Я на нем знал слов двадцать; ровно на двадцать больше кого угодно на семь тысяч миль вокруг.

— Глашатай прислал меня отвести тебя туда, где напавшие более уязвимы. Мы внимательно следим и знаем.

— Спасибо. Воспользуемся. Веди.

Сменив язык, я заметил:

— Надо же, как эти ребята обучаются языкам, когда им чего-нибудь надо!

Шандал хрюкнул.

Гоблин, ушедший вперед, дабы оглядеться, вернулся как раз вовремя, чтоб предложить направиться к тому же слабому месту, что уже указали нюень бао. Коренастый, похоже, слегка удивился тому, что мы и своими руками собственный зад нащупаем. Может, даже был малость этим раздосадован.

— Эй, широкий и низкий, у тебя имя-то есть? — спросил я.— Если нет, могу ручаться: эти ребята тебе вмиг обеспечат. И, обещаю, тебе оно не понравится.

— Уж это — точно,— хихикнул Гоблин.

— Меня зовут Дой. Все нюень бао называют меня: дядюшка Дой.

— Ладно уж, дядюшка. Ты с нами пойдешь? Или ко всем присоединишься?

Гоблин уже шепотом раздавал указания ребятам, собравшимся позади нас. Без сомнения, он во время разведки оставил южанам на память несколько сонных либо отвлекающих заклятий.

Без небольшой беседы было не обойтись. Сейчас мы подойдем туда, убьем всех, кто шевелится, а затем отступим, пока Могаба не исполнился излишней самоуверенности.

— Я буду сопровождать вас, хотя это предельно исчерпывает указания глашатая. Вы, Каменные Воины, не устаете удивлять нас. Я желаю видеть вас за вашим промыслом.

Никогда не считал убийство людей своим промыслом, однако мне было не до споров.

— Ты, дядюшка, неплохо говоришь по-таглиански.

Он улыбнулся:

— Однако я забывчив, Каменный Солдат. Завтра я могу не вспомнить ни слова.

Может. Если только глашатай не подбодрит его память.

Дядюшка Дой не ограничился наблюдениями за тем, как мы колем и рубим южан. Он и сам внес в это дело немалый вклад, обратившись в человека-вихря, разящего вокруг молнией меча, причем быстрота молнии сочеталась в нем с грацией танцовщика. Всякое его движение повергало наземь очередного тенеземца.

— Черт подери,— сказал я Гоблину через некоторое время,— напомни потом, что с этим парнем ссориться не стоит.

— Напомню, чтоб ты не забыл прихватить арбалет и пустить ему стрелу в спину, футов с тридцати. После того, как я наколдую на него глухоту и тупость, чтобы хоть малость уравнять шансы.

— Ну, если я когда-нибудь отведу глаза, пока Одноглазый тебе же вставляет свечу из кактуса... Ты уж не удивляйся.

— К слову об этом недомерке. Скажи-ка, кто тут у нас недавно втихаря бегал в самоволку?

Я разослал по своим подразделениям весть, что мы достаточно облегчили работу силам Могабы. Теперь же всем следует отойти в наш конец города, заняться ранеными, малость вздремнуть и так далее. Затем обратился к старейшине нюень бао:

— Дядюшка Дой, ты уж, пожалуйста, сообщи глашатаю, что Черный Отряд безмерно благодарен. Скажи, что он может обратиться к нам в любое время, и мы сделаем все, что сможем.

Коренастый человек поклонился — ровно настолько, чтоб жест сей что-либо значил. Я отвечал точно таким же поклоном. И, пожалуй, поступил верно: он слегка улыбнулся, слегка поклонился — уже от себя — и заспешил прочь.

— Бежит, как утка,— заметил Шандал.

— Я лично рад, что эта утка на нашей стороне.

— Повтори-ка.

— Я лично рад... Аргх!

Шандал взял меня за глотку.

— Кто-нибудь, помогите заткнуть ему рот.

Это было лишь началом того, что превратилось в настоящую оргию. Сам не участвовал, но слышал, что для джайкурийских шлюх то была самая выгодная ночь в жизни.

41

— Где тебя черти носили? — зарычал я на Одноглазого. — Отряд, понимаешь, ведет самый распрепакостнейший бой за последние... хм-м-м... несколько *дней*, а он где-то шляется!

Хотя... Его присутствие вряд ли чем-нибудь помогло бы.

Одноглазый ухмыльнулся. На мое неудовольствие ему было плевать.

— Должен же я был забрать мой тенекрутокол назад! Столько труда в него вложено... А что такое?

— А?

На миг я увидел маленькую черную точку, быстро двигающуюся через серый ландшафт небес на высоте, недостижимой из Деджагора — даже с верхушки цитадели, где ребят из Старой команды более не жалуют...

— Ничего, коротышка. Дать бы тебе как следует, да все равно толку не выйдет. Значит, ты спускался на равнину. Что было дальше с Вдоводелом и Жизнедавом?

Пока я обеспечивал нашему предводителю спокойную жизнь, эта парочка сгинула без следа.

Интересно, как Могаба опишет все происшедшее, если продолжит вести Анналы?

— Одноглазый!

— Чего тебе? — уже раздраженно спросил он.

— Ты ответишь, наконец? Что было дальше с Вдоводелом и Жизнедавом?

— А ты что-то знаешь? Я — ни малейшего понятия не имею. И не желаю иметь. У меня одно было в голове: надо забрать копье, потому как для следующего раза может пригодиться. А потом мне пришлось позаботиться о шайке тенеземцев, которые хотели меня взять, а потом куда-то делись. Все понятно?

Исчезновения их не понимал никто — всадники пропали как раз тогда, когда самоуверенность тенеземцев сделалась наиболее шаткой. Тенекрут поджал хвост, и его люди сломались.

— Будь это Старик с Госпожой, — проворчал я, — они шли бы вперед, пока со всем этим балаганом не было бы покончено. Верно?

Я устремил взгляд на белую ворону, устроившуюся менее чем в двадцати футах от нас. Взгляд ее был разумен и зол.

В ту ночь ворон вокруг было множество.

Они наверняка преследовали какие-то другие цели, а я был просто пешкой, запутавшейся в сети интриги. Однако, пока мы не мешаем, нет нужды нас трогать...

Могаба с нарами, а также их таглиосские части были по горло заняты еще несколько дней. Может, Хозяин Теней решил, что Могаба должен заплатить за невыполнение своей части молчаливого уговора.

Что являлось только еще одним доказательством, что с Черным Отрядом связываться — себе дороже.

Занервничаешь тут, если из головы не идет, будто все на тысячу миль вокруг желали бы, чтобы ты никогда не рождался на свет.

Мои ребята вовсю наслаждались положением, в которое влип Могаба. А он по поводу их отношения и вякнуть не мог. Мы ему обеспечили в точности то, о чем он просил.

Я почти каждый день встречался с ним на заседаниях штаба. А еще приходилось показываться солдатам — так, словно мы — братья, плечом к плечу идущие на злобного врага.

И ни разу это никого не обмануло — кроме, может быть, самого Могабы.

Я никогда не подходил к этому с личной точки зрения. Занял положение, которое, скорее всего, одобрили бы все летописцы прошлого: просто изображал Могабу, как не принадлежащего к нам.

Мы — Черный Отряд. Друзей у нас нет. Все прочие — враги или просто не достойны доверия. Подобные отношения с миром не требуют ненависти или еще каких-нибудь чувств. Необходима лишь бдительность.

Возможно, наш отказ протестовать против предательства Могабы и даже допускать возможность оного, послужил тем последним перышком, а может, хребет ему переломило то, что даже его сотоварищи-нары теперь были уверены, что настоящий капитан вполне мог остаться в живых... Словом, как бы то ни было, наш величайший и совершеннейший воин пересек рубеж, из-за коего нет возврата. А мы не раскрывали тайны, пока не пришлось платить золотом боли...

Возвращение к обыденной жизни заняло десять дней — если только положение перед тем большим штурмом можно назвать обыденным. Обе стороны ужасно пострадали. Я был уверен, что Тенекрут займется зализыванием ран, а нас просто оставит малость проголодаться.

42

— Мурген, тут кое-что для тебя.

Я начал пробуждаться.

— Что?..

Что стряслось? Вроде бы я не сбивался с пути...

Одноглазый сиял широчайшей улыбкой, однако она улетучилась, едва он взглянул на меня пристальнее.

— Что, опять припадок?

— Припадок?

— Ты отлично знаешь, о чем я.

Не совсем. Я лишь с их слов знаю, что порой со мною творится странное.

— Ты пережил нечто вроде психического потрясения. Пожалуй, я вовремя подошел.

Они с Гоблином говорили, что неплохо бы провести кое-какие эксперименты и выяснить, в чем дело, но, видимо, на большее у них времени не нашлось.

— Ну, с чем пришел?

— Сегодня утром рабочие проникли в катакомбы.

— Лонго говорил мне.

— И все в восторге туда повалили.

— Воображаю. Сокровищ пока не нашли?

Одноглазый принял оскорбленный вид. Для такой черносердечной жабы, как он, это у него неплохо получается.

— Значит, нет.

— Книги нашли. Целую кучу. Тщательно упакованные, и все такое. Похоже, лежали там с самого появления Хозяев Теней.

— Конечно, если вспомнить, что книги жрецов они имели обыкновение жечь. Кстати, жрецов вы там, случаем, не обнаружили?

— Вроде нет. Слышь, мне надо возвращаться. — Несомненно, пока кто-нибудь не захапал сокровища прежде него. — Я подошлю парочку ребят, чтобы приволокли тебе эти книги.

— Упаси тебя боги самому хоть что-нибудь поднять.

— Не забывайся, Мурген. Я человек пожилой.

Одноглазый слинял. Он это здорово умеет, когда ему нечего сказать.

Города редко бывают так наглухо закрыты, чтобы снаружи не поступало никаких новостей. Просачиваются, и порой — совершенно непостижимым образом. В Деджагоре же слухи очень редко бывали такими, какие хотел бы слышать Могаба.

Я изучал найденные книги и так заинтересовался, что пренебрег служебными обязанностями. Написаны они были на джайкури, однако его письменный вариант почти не отличается от таглиосского.

Вошел Гоблин.

— Ну, как ты? Головка больше не кружится?

— Нет. Что-то вы, ребята, уж слишком всполошились.

— Да нет. Слышь, тут какие-то новые байки ходят. Будто бы к нам направляется армия на подмогу. И возглавляет ее не кто иной, как Нож.

— Нож? Он же... Он же никогда не командовал более чем ротой в минимальном составе! И то — еще до нашего появления. Вел партизанскую войну против плохо обученных...

— Не я его назначал, я только докладываю. Да и управлялся он неплохо.

— И Лозан Лебедь с Корди Мотером — тоже. Однако случай, везенье, да еще недомыслие Хозяев Теней сделали не больше, чем эта троица. Какого же черта ему теперь доверили армию?

— Он, предположительно, заместитель Госпожи. Сомнений больше нет, она жива. И здорово зла. И собрала новую армию.

— Спорим, Могаба сейчас скачет от радости и орет: «Спасены! Спасены!»

— Скачет, это уж точно.

В течение следующих дней до нас дошли тысячи самых невероятных слухов. Если хоть десятая часть была правдой, во внешнем мире назрели серьезные перемены.

— Последние новости слышал? — спросил Гоблин как-то вечером, когда я на время оторвался от книг, чтобы взглянуть, как там, за стеной. — Госпожа — это вовсе не Госпожа, а воплощение какой-то богини по имени Кина. Наверное, тоже не подарок.

— Наверное. Тай Дэй! Ты знаешь о Кине?

Вход в наши убежища для Тай Дэя был закрыт, однако, стоило мне выйти наружу, он тут же возникал поблизости.

Он напрочь забыл все четыре таглиосских слова, в знании которых как-то признался. Имя богини начисто выскребло его память.

— И вот так — всегда, стоит с кем нибудь заговорить о Кине, — сказал я. — Даже из пленных ничего о ней не смог вытянуть. Можно подумать, она принадлежит к Черному Отряду.

— Наверное, та еще очаровашка, — предположил Бадья.

— Это точно. Вон, гляди.

Последние слова относились к упавшей звезде. Им мы вели счет, как и кострам противника. Южане рассыпались по равнине маленькими отрядами. Наверное, боялись, что мы улизнем.

— Выходит, ты что-то знаешь о ней? — спросил Гоблин.

— Из книг, которые вы отыскали.

Катакомбы здорово разочаровали ребят: все выкопанные ими сокровища, помимо книг, состояли из нескольких запечатанных кувшинов с зерном. Гуннитцы, коих в Джайкуре было большинство, своих мертвых не хоронят, а сжигают. Ведиаиты, коих было чуть меньше, мертвых хоронят, но ничего ценного в могилы не кладут — там, куда попадет умерший, ему ни в чем не будет нужды: как в раю — так и в аду.

— Одна — сборник гуннитских мифов. Написавший ее парень был каким-то учеником богословия, и книга писалась для своих, чтоб простой народ не смущать.

— Гуннитская вера здесь самая распространенная...

— Сдается мне, мы это и без тебя знаем, — заметил Гоблин.

— Я просто напоминаю. И большинство здешних веруют в Кину. Даже те, кто не гуннитцы. А история — вот в чем. Есть у гуннитов Князь Света и Князь Тьмы. И княжествуют они с начала времен.

— Это уж — как водится...

— Кина же — нечто вроде самовозвысившейся сторонней силы разложения и разрушения, борющейся и со светом, и с тьмой. Ее создал Князь Света, дабы одолеть орду демонов, с которыми никак иначе было не справиться. Она и одолела, сожрав всех этих демонов. И естественно, растолстела. И видать, захотела чего-нибудь на сладкое, потому как принялась пробовать и всех остальных.

— Что ж она — была сильней богов, ее же создавших?

— Ребята, не я эту ерунду сочинял, и не требуйте, чтобы я ее пытался объяснить. Гоблин, ты у нас везде побывал — но видел ли хоть раз веру, от коей любой маловер, если у него есть хоть немного ума, не мог бы камня на камне не оставить?

Гоблин пожал плечами:

— Циник ты. Такой же, как Костоправ.

— Правда? Это здорово. В общем, там еще груда обыкновенной мифологической чернухи о мамашах, папашах, разных злобных, одиозных и инцестуозных выходках прочих богов, имевших место, пока Кина набиралась сил. Она была здорово подлой. Обман — один из ее непременных атрибутов. Но главный ее создатель, или отец, обхитрил дочурку и наложил на нее сонное заклятье. Так она до сих пор и храпит себе где-то, однако может влиять на наш мир посредством снов. Есть у нее и почитатели. Все гуннитские божества — большие, малые, злые, добрые и те, которым на все плевать,— имеют свои храмы и жрецов. О последователях Кины мне удалось узнать лишь самую малость. Они называются Обманщиками. Солдаты о них говорить отказываются, причем наотрез, словно одно упоминание имени Кины может пробудить ее от спячки.

— По мне, дичь какая-то,— пробурчал Бадья.

— Это,— заговорил Гоблин,— объясняет, почему все так боятся Госпожи, когда она в ее наряде. Если только они вправду думают, что она превращается в эту богиню...

— Словом, я считаю, мы должны выяснить об этой Кине все, что сможем.

— Хлипковат твой план, Мурген. А как? Ведь никто не желает говорить?

Да. Самые дерзкие из таглиосцев покрывались холодным потом, если я уж слишком нажимал. Очевидно, они боялись не только своей богини, но и меня тоже.

Затем ко мне явился Одноглазый с душу согревающими новостями:

— Тенекрут каждую ночь украдкой выводит силы за холмы, точно думает, что в темноте мы перемещений не заметим!

— Может быть, он и вправду снимает осаду?

— Все войска его идут на север. То есть не домой.

Возможно, так оно и есть. Не будучи уверен, Одноглазый не пошел бы ко мне.

Хотя уверенность его не подразумевает его правоты. Это же Одноглазый.

Посему я поблагодарил его, отослал по какой-то мелкой надобности, а сам разыскал Гоблина и спросил, что тот обо всем этом думает.

Коротыш вроде как удивился моим сомнениям:

— Одноглазый — что, заикался?

— Нет. Но это ж Одноглазый...

Гоблин не смог сдержать самодовольной лягушачьей улыбки.

Могабе этих новостей не понес никто. Я полагал, что для всех будет легче, если он останется в неведении. Но Могаба тоже знал об этих слухах.

Деджагор был городом, полным фракций, которые связывала только необходимость обороняться. Сильнейшую возглавлял Могаба. К наибольшей относились джайкури. Самой слабой и малочисленной являлись мы, Старая команда. Сила наша заключалась в нашей правоте.

Были еще нюень бао. Так и оставшиеся загадкой для всех.

43

Вечерами Кы Дам приглашал меня — побеседовать о делах мирских. Мы садились друг против друга за чай, подаваемый его прекрасной внучкой, а детишки быстро избавлялись от напущенного мной благоговейного страха и продолжали резвиться. Мы обменивались сведениями о друзьях и врагах, а мучимый лихорадкой человек все стонал в своем темном углу.

Мне это не нравилось. Он, очевидно, умирал, однако дело затянулось надолго. После каждого вскрика красавица отправлялась к нему. У меня сердце болело от сострадания — так измучена она была.

Наконец, не выдержав, я что-то сказал ради выражения сочувствия — фразы такого рода бросаешь без размышлений. Жена Кы Дама, которую, как я теперь знал, звали Хонь Тэй, подняла от своей чашки изумленный взгляд и что-то шепнула мужу.

Старик кивнул.

— Благодарю тебя за участие, Каменный Солдат, однако оно обращено не в нужную сторону. Дан пригласил дьявола в душу свою, и ныне платит за это.

Из темного угла послышалась быстрая, текучая трескотня на нюень бао, и к свету проковыляла толстая, низенькая старуха. Была она кривонога и уродлива, как кабан-бородавочник, хоть шутить над подобным и жестоко. Она затявкала на меня. То была Кы Гота, дочь глашатая и мать моего неотлучного спутника, Тай Дэя. Среди нюень бао она слыла темной легендой. Я понятия не имел, о чем это она, однако чувствовал, что на мою бедную голову вываливают все хвори и немочи мира.

Кы Дам мягко заговорил с ней. Затем Хонь Тэй шепотом, еще мягче, повторила ей слова мужа. Мгновенно воцарилась тишина. Кы Гота поспешила убраться в темноту.

— Всю жизнь,— заговорил глашатай,— нам суждено наслаждаться успехами своими и неудачами. Величайшая печаль моя — дочь Гота. Она носит в себе изъязвляющие муки, коих не может одолеть. Она упорствует в желании поделиться с нами своими болями.— Губы его дрогнули в легкой улыбке, означавшей горькую шутку, каковая должна была дать мне понять, что говорит он метафорически.— Ее же величайшая ошибка заключена в поспешности, с коей она выбрала Сам Дан Ку в мужья прекрасному цветку — своей дочери.

Он указал на прекрасный цветок. Женщина, как раз опустившаяся на колени, чтобы наполнить наши чашки, вспыхнула легким румянцем.

Несомненно, все эти люди отлично понимали по-таглиосски.

— Гота овдовела еще в юности и устроила этот брак в надежде усладить годы старости роскошью, обретенной при помощи богатства Самов,— добавил Кы Дам.

Глашатай снова слегка улыбнулся мне, вероятно, почувствовав мое недоверие. По-моему, богатство и нюень бао — две вещи несовместные.

— Дан,— продолжал старик,— был умен, а посему скрыл, что лишен наследства за жестокость, порочность и вероломство. Гота слишком спешила, дабы проверить недобрые слухи, а злонамеренность Дана после брачных церемоний лишь увеличилась. Но — достаточно обо мне и моем семействе. Я пригласил тебя, так как желал бы получше узнать о характере вождя Каменных Воинов.

Пришлось спросить:

— А отчего ты называешь нас так? Что это означает?

Кы Дам переглянулся с супругой.

— Понятно,— вздохнул я.— Снова — та болтовня, что люди наворотили вокруг Черного Отряда. Ты думаешь, что мы ничем не отличаемся от наших предшественников четырехсотлетней давности, только, вероятно, о них много наговорили лишнего — устная история всегда здорово преувеличивает. Слушай, глашатай. Черный Отряд — просто шайка отверженных. Это так. Мы — всего лишь старые наемные солдаты, попавшие в непонятное положение, каковое нам совсем не по нраву. Мы просто шли мимо. Мы избрали этот путь, потому что нашего капитана заинтересовала история Отряда. А прочие не смогли придумать ничего предпочтительнее.— Я рассказал ему о Молчуне с Душечкой и прочих, кто предпочел разрыв уз братства долгому и опасному походу на юг.— Я клянусь: что бы ни пугало людей — а я был бы рад услышать, что же именно,— оно требует куда больше усилий, чем нам желательно вкладывать во что бы то ни было.

Старик пристально посмотрел на меня, затем перевел взгляд на жену. Она не сказала ни слова и даже не шелохнулась, однако что-то такое возникло меж ними. Кы Дам кивнул.

К нам подошел дядюшка Дой.

— Возможно, мы неверно оценили тебя,— сказал глашатай.— Порою даже я позволяю предубеждениям направлять мой путь. Возможно, к следующей беседе я буду знать больше.

Дядюшка Дой слегка кивнул мне. Пора было и честь знать.

44

Гоблин застал меня за джайкурийскими книгами.

— Мурген!

Я вздрогнул:

— А?

— Время, однако, черт бы его побрал.

— Что? О чем ты?

— Я здесь стоял и глядел на тебя битых десять минут. Ты не перевернул ни страницы. И даже глазом не моргнул. И даже не знаю, дышал ли.

Я начал было извиняться.

— Ладно, ладно. Мне четыре раза пришлось крикнуть да еще шлепнуть тебя по загривку, чтобы привлечь внимание.

— Значит, я задумался.

Только вот ни единой мыслишки вспомнить не мог.

— Ну да. Конечно. Могаба желает, чтоб ты наконец добрался до цитадели.

— Множество южан скрытно выдвинулись навстречу подкреплению,— сказал я Могабе.— Поначалу я решил, что нас пытаются надуть. Оттянуться назад, а затем ударить, когда мы попробуем выступить вдогонку. Однако Гоблин с Одноглазым уверяют, что они просто идут себе да идут. Хотя... Как вообще могла возникнуть эта новая армия? Откуда взялись солдаты? Кто ею командует?

Поверит ли Могаба, что самые интересные из этих слухов прошли мимо меня? Он слышал больше моего, и то, что Ворчун жив, фигурировало в большинстве новостей.

Что же он предпримет, если Старик действительно окажется жив?

Я был совершенно уверен, что Могаба размышлял над этим не раз и не два.

Меня поблагодарили. Мне велели отправляться назад, к своим людям. И все. Выяснить, зачем он посылал за мной, не удалось.

Могаба сделал именно то, чего я опасался. Он предпринял разведку боем — наверное, намереваясь отыскать новые слабые места. Послал только самых доверенных из своих. А я продолжал сидеть на своем участке стены и наблюдать. И — гадать, отчего Могаба так уверен, что мы тут же дезертируем, если окажемся за стенами.

Вообще-то я в этой книге просто игнорирую его. Неприязнь моя не дает мне описывать его объективно, поэтому я пишу о нем только там, где без этого не обойтись.

В те дни изо всех наров лишь Зиндаб хоть как-то старался держаться в рамках приличий.

В общем, Могаба полагал, что у него появился шанс как следует врезать Хозяину Теней, но штабисты противной стороны отлично прослеживали ход его мыслей. Преследовавшее невезение ничуть не обескуражило его. Никаким неудачам не поколебать было его убежденности в собственной непобедимости. Если планы его рушились, он просто составлял новые.

Солдаты Могабы начали разбегаться и, так как из города выбраться не могли, приходили прятаться к своим друзьям среди наших таглиосцев. Жаловались, что Могаба слишком расточителен насчет солдатских жизней.

Могаба же на это отвечал особыми рационами и первоочередным допуском к проституткам — для самых верных.

Те закупоренные кувшины с зерном, что мы нашли, остались еще от первой осады Хозяев Теней. Вокруг дележа разгорелся нешуточный спор. Одноглазый убеждал всех, что Могаба долей не удовольствуется. Захочет знать о наших находках все и увидеть их своими глазами. А нам надо, чтобы он шастал по нашим подземельям?

Нет.

И, как вы думаете, что этот маленький паршивец сделал дальше? Не успели мы оглянуться, как он уже торговал свежевыпеченным хлебом по ценам, двадцатикратным сравнительно с доосадными.

В один прекрасный вечер я нашел на стене укромное, тихое местечко. По городу ходили свежие слухи о битве на севере, но разговор должен был пойти не о том. Я спросил Одноглазого:

— Что ты там говорил насчет причин не делиться с Могабой найденным зерном?

— Чего?

Выволочки по этому поводу он явно не ожидал.

— Ты был крайне настойчив. Насчет недопущения его в наши убежища.

Он, гордый собою, улыбнулся:

— И что же?

— Ты и сейчас думаешь так же?

— Еще бы.

— Тогда — зачем продаешь его людям хлеб, если у нас, предположительно, ни зернышка на муку нет?!

Он сдвинул брови. До него еще не дошло:

— Что значит «зачем»? Ради выгоды.

— Ты вправду думаешь, что Могаба настолько глуп, что не заметит? Думаешь — у него не возникнет вопросов?

— Ты слишком уж негибко смотришь на вещи.

— А ты — просто баран твердолобый, если и дальше станешь это продолжать. И черта с два я буду постоянно приглядывать за тобой и одергивать!

— Как знать. Порой мне кажется, что ты уже наполовину одержим.

— Что это значит?

— Да припадки эти. Во время припадка из твоих глаз словно бы кто-то другой смотрит. Будто чья-то чужая душа там, внутри.

— Никогда не замечал.

А мог ли?

— Будь у нас дельный некромант или духовидец, мы бы удивительнейшие вещи могли выяснить. У тебя братьев-близнецов, случаем, не было?

Вдоль спины пробежал холодок. Волосы на загривке встали дыбом. Ну да, я вправду иногда странно себя чувствую... Однако он всего-навсего старался сменить тему.

К нам присоединился Гоблин.

— Мурген, с этими южанами что-то происходит.

Неподалеку закаркала, словно залившись хохотом, ворона.

— Они не собираются организовать еще один такой штурм? — спросил я. — Я-то думал, Могаба все их закавыки свел на нет.

— Не могу подобраться, чтобы разглядеть подробнее. Могаба торчит на виду. Но, я думаю, битва таки была. И Тенекрутовы секреты, пожалуй, повыбиты. И пожалуй, друзья наши готовы приняться за нас.

— Охолони. Рано манатки собирать.

Одноглазый захихикал:

— Недомерок-то наш всегда так: еще яиц не наворовал, а уж цыплят считает!

— Забыл, о чем только что говорили?! — рыкнул я. — Насчет идиотских выходок? И ты еще над Гоблином смеешься?

Как же ему без этого — дело всей жизни, можно сказать...

— О чем это вы? — требовательно спросил Гоблин.

Тут появился дядюшка Дой, что и положило конец спорам. Вот двигается-то — и быстро, и бесшумно, лучше любой Тени.

— Глашатай велел передать тебе: южане с шанцевым инструментом вместо оружия собираются у южной стены.

— А что там такое?

С нашего насеста большую часть событий от нас заслонял изгиб стены, однако, судя по всему, на северной стороне тоже собирался большой отряд саперов.

— Рабов или пленных там не... А? А это еще что?

Это было солнечным зайцем, отраженным чем-то железным в холмах. Зайчик тут же мелькнул снова. Очевидно, меж холмов, не слишком-то скрываясь, двигались люди.

Тенекрутовым солдатам не было нужды красться. Я сказал Гоблину:

— Передай всем: с заката — полная боевая готовность.

Дядюшка Дой сощурился, глядя на холмы:

— Глаза твои хороши, Каменный Солдат.

— Знаешь что, пастырный? Меня куда как лучше звать просто Мургеном.

Коренастый человек слегка улыбнулся:

— Как пожелаешь, Мурген. Я пришел от имени глашатая. Он просил передать тебе: наступают суровые времена. Просил приготовиться умом и сердцем.

— Суровые времена?

— Кончилась лафа,— захохотал Одноглазый.— Пришло время платить за то, что валяли дурака да жир нагуливали, пока райские гурии порхали вокруг.

— Когда снова замыслишь малость нажиться, вспомни об этом.

— Чего?

— Деньгами сыт не будешь.

— Вечно ты все настроение испортишь...

— Уж таков я есть. Скажи Сопатому: пусть сбегает в цитадель и скажет Зиндабу, что южане что-то замышляют.

Лишь с Зиндабом я мог говорить, не нажимая и не преодолевая желания взять его за глотку. И Могаба не сможет попенять, что его не информировали.

Что-то будет, если Тенекрут просто возьмет да уйдет, оставив нас самих разбираться друг с другом?

По-моему, с его стороны это было бы умнее всего.

45

Сопатый едва смог подняться наверх, а после еще пять минут сипел и отхаркивался, прежде чем смог говорить. Старикашка по возрасту никак не годился в солдаты. И так уже внуков, похоже, пережил. Однако, подобно всем нам, кроме Отряда, у него не было ничего. И умрет он под нашим знаменем с черепом. То есть под тем, что теперь заменяет нам знамя.

Сопатый у нас — явление аномальное. Обычно жизнь наемника тяжела и кратка; боль и страх лишь изредка перемежаются случайными и мимолетными удачами. Свихнулся бы от такой жизни, кабы не нерушимое товарищество. И в ротах, и в шайках помельче... Но то не Черный Отряд.

И Костоправ, и я положили уйму сил на поддержание нашего братства. Пожалуй, снова пришла пора возродить обычай Ворчуна — читать Анналы вслух, чтобы люди помнили: они — часть сообщества, что долговечнее многих королевств.

— Сопатый, ты уж лучше вздремни пару часиков.

Он покачал головой. Старик наш, пока может, делает все, на что способен.

— Лейтенант наров... Зиндаб... шлет приветствия... и просит... ночью... быть настороже.

— Зачем, не говорил?

— Он вроде как... намекал... что Могаба... может... как стемнеет... решиться на... большие дела.

Могаба всегда замышляет большие дела. Дал бы Тенекрут ему возможность их начать наконец. Один-единственный слишком крупный рейд в неудачный момент — и Могаба лично узнает, отчего Тенекрута называют Хозяином Теней.

Сопатый сказал что-то на своем родном языке — Одноглазый его понимал. По тону — похоже на вопрос. Одноглазый в ответ издал несколько щелкающих звуков. Я решил, что старикан спрашивал, можно ли говорить в открытую при нюень бао. А Одноглазый заверил, что все в порядке.

— Зиндаб... — заговорил Сопатый, — велел вам... ребята... передать: слухи о... большой битве... наверное... правда.

— Ребята, мы перед Зиндабом в долгу, — сказал я. — Сдается мне, он хочет нам сказать, что больше безоговорочно не поддерживает Могабу.

Тай Дэй с дядюшкой Доем впитывали нашу беседу, словно губки.

Напряжение нарастало часами. Без всяких видимых причин у нас возникло чувство, что эта ночь станет переломной. Ребята в основном беспокоились, ожидая от Могабы новых подлостей. Со стороны Тенекрута мы не ждали неприятностей в ближайшее время.

Я не спускал глаз с холмов.

— Вот оно! — рявкнул вдруг Одноглазый.

Его обуревали те же предчувствия, что и меня.

Среди холмов вспыхнуло багряное зарево, и молнии с треском ударили в землю вкруг причудливого всадника.

— Снова вернулась, — сказал кто-то. — А где ж другой?

Вдоводела поблизости видно не было.

Равнину охватила паника. Призрак застал разбросанные по равнине секреты тенеземцев врасплох. Заорали, отдавая приказы, сержанты, во все стороны понеслись гонцы. Солдаты суетились, сталкиваясь друг с другом.

— Вон он! — крикнул Бадья.

— Кто?

— Вдоводел! — Он показал рукой. — Старик наш!

Фигура Вдоводела, сиявшая среди холмов, казалась больше самой жизни.

Гоблин, появившийся неизвестно откуда, вцепился в мое плечо.

— Гляди!

Он показал в сторону главного лагеря тенеземцев. Самого лагеря нам видно не было, но примерно над ним в воздухе возникло бледное сияние, разгоравшееся ярче и ярче.

— Значит, Тенекрут от игры не бежит, — заметил я.

— Ага. Что-то тяжеловесное пустил в ход.

— Что именно? Может, и высовываться не стоит?

— Поживем — увидим.

Прожив еще несколько минут, я и впрямь увидел. К холмам понесся громадный шар зеленоватого пламени, ударивший в то место, где появился Жизнедав. Земля встала дыбом. Камень занялся огнем. И все — без толку. Жизнедава — и след простыл.

— Промазал.

— Окривел, видать.

— Жизнедав мухлюет — на месте не стоит!

— Ошибся он, выбирая орудие,— осклабился Одноглазый.— Что же — противник будет стоять и ждать?

— Может, это — лучшее, на что он способен. Нездоров ведь.

Я тихо отошел в сторону. Пара минут — и Одноглазый с Гоблином затеют свару.

Суматоха на равнине все усиливалась. Действия южан вряд ли имели какой-то смысл — уж очень они суетились. Судя по тому, что мне удалось расслышать, их застали врасплох, почти не способных обороняться, как раз тогда, когда они, со своей стороны, только-только затеяли что-то серьезное. Доносилось до меня и — весьма испуганными голосами произнесенное — имя Кины.

А Жизнедавица наша, так похожая на эту богиню разрушения, пропала без следа. Неинтересно ей, наверное, сделалось — не появлялась больше. Тенекрут обрушил на холмы всю волшбу, что успел слепить на скорую руку. В цель не попал, разве что устроил порядочный пожар.

Лиса проникла на птичий двор. Южане ударились в повальное бегство: страх одного подхлестывал ужас его товарищей. Стоило некоторым приблизиться к стене, как мои ребята в свою очередь принялись стрелять.

— Продолжают браниться, что ноги у них промокли,— сказал Гоблин.

Я это тоже расслышал, но — смысл-то в чем?

Из главного лагеря тенеземцев в небо взвились множество ослепительно-белых огненных шаров, полностью истребивших темноту. И это, пожалуй, скорее играло на руку врагам Тенекрута, нежели ему самому.

Раздался оглушительный рев.

Дядюшка Дой исчез. Вот только что был рядом — и тут же стал несущейся по улице внизу тенью, а затем вовсе пропал из виду.

— На этот раз я уверен,— сказал Одноглазый.— Это — Госпожа.

Тон его меня насторожил.

— Однако...

— Однако другой — не капитан.

Вдоводела мы видели меньше минуты.

— Разубеди-ка меня,— пробормотал я.

— В чем?

— В том, что у нас теперь — две пары. И каждая — только наполовину настоящая.

Рядом загоготала ворона.

— Что ж за волшба такая разделила их надвое? — спросил я.

— Хотел бы я тебе сказать что-нибудь, что тебе хотелось бы слышать. Но есть у меня предчувствие: не стоит нам ничего вызнавать о происходящем.

46

Одноглазый у нас — пророк... Хотя любопытство все же разбирало. И, благодаря нюень бао, я его удовлетворил.

Свет по другую сторону города померк, сопровождавший его рев малость поутих. Часть шаров устремилась к холмам, а прочие обрушились на ту часть города, коею ведал Могаба.

По всей равнине пронеслась более мелкая волшба. Окрестности города так и засверкали серебром.

— Это уже — что-то странное. Одноглазый, а что, если построить смотровую вышку на верхушке одной из башен анфиладного огня? Так мы сможем наблюдать и за Могабой, и за Тенекрутом.

— Так для тебя ж нюень бао послеживают...

— То есть тебя не стоит просить хоть что-то сделать?

— Идейка и сама по себе неплоха. Однако, я думаю, нюень бао вполне могут быть твоими глазами, если правильно все устроишь. И не надо себе наживать паранойю, как у Ворчуна. Просто оцени то, что они приносят, и поймешь, чьим целям это может служить.

— Порой я бываю еще ленивее тебя,— сообщил я Одноглазому.— Только — умственно. Все это означает уйму раздумий. Да и все равно — свой глаз надежнее.

— Вылитый Старик...— проворчал Одноглазый.— Анналы вслух читать собираешься, так почитай хоть что-то, кроме написанного Ворчуном! Я-то думал, хоть после него от этой праведности отдохну...

Снова мы вернулись к той же схеме, что и с хлебом для черного рынка...

Воротился Гоблин.

— Забавные штуки там творятся!

— Ага? Какие?

— Я посмотрел с той стены. Люди Могабы не позаботились запретить. Он лично возглавляет этот рейд.

— Рассказывай, наконец,— пробурчал Одноглазый.— А то каждый раз балабонишь без тол... Апф!

Громадная муха влетела прямо в рот Одноглазого. Сладкая улыбочка на морде Гоблина намекала, что он вполне мог внести поправки в бессмысленный полет данного насекомого.

— Этот тип, Дой, может сообщить больше моего. Кое-кто из его ребят пошел следом за Могабиной шайкой.

— Зачем?

— По-моему, Могаба хотел добыть Тенекрута, а вместо того напоролся на Госпожу.

— Ерунда!

— Помнишь, когда появились эти шары? Она там была. Она и еще человек пятнадцать. И были они прямо возле ворот лагеря, через толпу Могабиных людей едва ли не проталкивались. По крайности, так мне рассказали. Сам не видал.

— А где дядюшка Дой?

— Наверное, с глашатаем все это обсуждает.

Наверное.

— Вот как? Слышь, у нас ведь груда перебежчиков с первого. Может, кто из них согласится пробраться к Могабе и высмотреть побольше?

— Да вон, ковыляет, наконец, твой огрызок.

Говорили мы прямо при Тай Дэе, словно тот был глух или же нам было плевать, слышит ли.

Дядюшка Дой привел с собою еще парочку нюень бао. Все они окружали еще одного «огрызка» — маленького и толстого таглиосца. Оружия видно не было, однако выглядел он более пленником, нежели спутником.

Что меня удивило — дядюшка Дой, поднявшись на стену, даже дыхания не сбил. Может, это он у Сопатого крадет дыхание какой-нибудь злобной волшбой?

Очень похоже на историю из той книги гуннитских мифов.

— Кого это ты словил, дядюшка?

Я взглянул на таглиосца. Тот отнесся к моему взгляду безразлично.

— Глашатай послал Баня и Биня следить за черным человеком, пожелавшим напасть на самого Хозяина Теней. Но они наткнулись на других, чужих, преследовавших подобную же цель. Этот, покинув свой отряд, присоединился к тем, кто с появлением светящихся шаров побежал к стене. Отряд чужаков мог намеренно показаться нам, дабы этот незаметно отделился в сумятице.

Я продолжал разглядывать приведенного. Тот был гуннитом — и более крепко сложенным, чем кто-либо в этих краях.

— Есть в нем что-нибудь необычное? — спросил я.

Дядюшка Дой, похоже, был очень заинтересован этим человеком.

— На нем клеймо Хади.

Это заставило меня призадуматься. А, ну да. Книга из катакомб... Хади — местное или же альтернативное имя Кины. У нее их было несколько, хоть и немного.

— Ну, раз ты так говоришь, то — наверное... Но я не вижу. Покажи.

Глаза дядюшки Доя сузились. Он испустил долгий, раздраженный вздох:

— Даже сейчас ты не желаешь разоблачать себя, Солдат Тьмы?

— Даже сейчас я не понимаю, что ты мелешь! Утомили меня такие разговоры! — Хотя во мне начали зреть подозрения.— Вместо того, чтоб сопеть, да пыхтеть, да загадочно хрюкать, ты бы сказал что-нибудь мне понятное! Вроде как я — именно то, чем хочу казаться, и при всем желании не могу вызвать молнию с неба, чтоб расчесала тебя на пробор. Кто этот тип? Кто такой, по-твоему, я? Давай, дядюшка, выкладывай!

— Он — раб Хади.

С этими словами дядюшка Дой уставился на меня, словно подначивая: попробуй, мол, не пойми. Говорить подробнее не пожелал.

Для меня сказанное не значило ничего. Но я — человек не суеверный. Он что, вправду верит, что у его языка хватит сил разбудить от вечного сна эту дьяволицу?

— Хороша же, должно быть, эта Кина,— сказал я Одноглазому.— Даже у дядюшки вызвала дрожь в коленках... Ты! Имя у тебя есть?

— Я — Зиндху. Я — из штаба воительницы, которую вы называете Госпожой. Я был послан оценить положение в городе.

Он, не отводя взгляда, смотрел мне в глаза. И его глаза были холодней, чем у ящерицы.

— Госпожа? Та самая, что была заместителем командира Черного Отряда?

— Та самая Госпожа. Улыбка богини коснулась ее.

— Так, может, он — связной? — спросил я дядюшку Доя.— Посланный Госпожой к нам?

— Он может говорить так. Но он — соглядатай *тугов*. Да не изреки правды, коль можешь солгать.

— Дядюшка! Старичина ты мой! Мне, тебе, и старику надо бы спокойно сесть и малость побеседовать вот на таком точно языке! Как полагаешь?

Дядюшка Дой крякнул. Может, это и означало что-нибудь.

— *Туг* да не изречет правды, коль может солгать.

Зиндху откровенно развлекался.

— Гоблин! Найди ему место, пусть поспит.— Я сменил язык.— И глаз с него не спускай.

— У меня и без того работы — выше головы.

— Ну приставь кого-нибудь. Ладно? Очень уж мне не нравится этот тип. И не понравится вплоть до завтрашнего утра. Бедой от него пахнет.

— И не мелкой,— согласился Одноглазый.

— А может, его просто со стены спихнуть?

Вот до чего порой доходит прагматичность Гоблина.

— Я хочу узнать о нем побольше. По-моему, мы подобрались вплотную к разгадке тайны, висящей над нами с тех самых пор, как мы пришли сюда. Пусть ходит везде свободно. Разыграем дурачков, а сами будем следить за каждым его вздохом.

Я был уверен, что в этом могу рассчитывать на помощь глашатая.

Мои ведьмаки запыли и заворчали. И трудно их за это ругать: в конце концов, и так немалую ношу тянут.

47

Я героически храпел в наших подземельях, удалившись в сонное царство в полной уверенности, что могу спать спокойно. Сил на озорство наверняка ни у кого не осталось...

Я забрался так далеко и в сторону от обычных мест, что лишь несколько человек знали, где меня искать. Передо мной стояла задача: добрать недоспанное. Если вдруг наступит конец света, пусть ребята празднуют это дело без меня.

Кто-то тряхнул меня за плечо.

Я отказывался верить в такое. Наверное, просто дурной сон.

— Мурген, вставай. Ты должен это видеть.

Ничего подобного.

— Мурген!

Я с трудом разлепил один глаз:

— Бадья, я тут пытаюсь малость поспать. Уйди.

— Не время. Тебе надо пойти и взглянуть.

— На что?

— Увидишь. Вставай.

Отвязаться от него было невозможно. Будет трясти и пудить, пока я не выйду из терпения, а затем обидится. Однако долгий подъем к солнцу — не такая уж заманчивая вещь...

— Ладно, ладно.

Я поднялся. Собрав все силы и скрепя сердце.

Вытаскивать меня вовсе не было нужды, однако побуждения ребят я понял. Обстановка изменилась. Радикальнейшим образом.

Я глядел на равнину с разинутым ртом. То есть какая там равнина — Деджагор окружала гладь озера, над коей кое-где торчали крохотными островками верхушки насыпей-курганов. На каждом таком островке ютилась горстка несчастных зверей.

— Глубоко? — спросил я.— Не сможем этих зверюг изловить на мясо?

Вряд ли южане, учитывая появление озера, будут мешать вылазкам.

— Пока что — пять футов,— отвечал Гоблин.— Я посылал людей промерять.

— А что, вода прибывает? Откуда она взялась? И где Тенекрут?

— Насчет Тенекрута не знаю, а вода — оттуда.— Гоблин показал пальцем.— Прибывает.

Глаза у меня неплохи. Я разглядел пену и брызги там, где вода вырывалась из кольца холмов.

— Там, помнится, был старый акведук, верно?

До войны фермы на холмах орошались двумя большими каналами, снабжавшими водой и акведуки Деджагора. Акведуки Отряд разрушил, когда город еще был в руках южан. Теперь город жил, используя речную воду, да еще содержимое глубоких, почти не проточных водохранилищ, о которых мы тогда и не ведали.

— Точно. Клет и его братья полагают, что в канал завернули целую реку. С южной стороны — то же самое.

Деджагор расположен на равнине, что ниже земель за холмами. С запада и юго-востока от холмов — по небольшой реке.

— Значит, ребята обдумывают инженерный аспект?

— Ну да. В компании трех дюжин таглиосцев, чья сноровка может пригодиться.

— И до чего уже додумались?

— А что тебя интересует?

— Например, до каких пор вода может подниматься. Словом, тонуть будем?

Если все это задумал Тенекрут, значит, его образ мышления претерпел значительные изменения. Прежде он хотел вернуть себе Деджагор в целости. Теперь же он измыслил более практичное и окончательное — хотя и более деструктивное — решение задачи. Несмотря даже на то, что имущество ценил куда дороже любого количества жизней.

— Как раз над этим они сейчас и думают.

— Хм-м-м... Наверное, Тенекрут выступил вслед за Госпожой.

— Нет,— отвечал Одноглазый.— Они здесь крутятся, купального сезона ждут. Хотя мы еще посмотрим, чего дождутся...

— Не так он туп, как мы думали,— протянул я.

— Чего?

— Он затопил равнину, и теперь, даже если нас не зальет, ему вряд ли нужны люди, дабы держать нас на месте. И он может охотиться за Госпожой, как захочет. Мы не сможем помочь ей, а она — нам. Это куда как проще, чем подтягивать подкрепления из Страны Теней. Солдат Длиннотени ему иметь за спиной явно не хочется...

Тут появился и Тай Дэй. Он завел манеру появляться рядом вскоре после того, как я выходил наружу. Что ясно показывало, сколь пристально за нами наблюдают.

Впрочем, его присутствие было лишь напрасной тратой боевых единиц. Ему не приходилось носить много посланий. Он не настолько хорошо понимал все наши языки, чтобы быть для глашатая хорошим соглядатаем. И все же он всегда — всегда! — держался в нескольких шагах от меня.

На то должна была существовать причина, ведь глашатай ничего не делал просто так. Видимо, мне не удалось как следует понять его видение мира.

Чем дольше взирал я на затопленную равнину, тем больше возникало вопросов, ответы на которые требовались срочно. Основные: как высоко поднимется вода? Сколько времени это займет? Подъем постепенно будет замедляться — каждый новый фут по вертикали требует большего объема воды, по причине пологости холмов, увеличения поверхности испарения и площади покрытой почвы, впитывающей воду.

Я сказал Гоблину с Одноглазым:

— Раскопайте всех до единого грамотных и образованных, сколько есть в городе, и отошлите под начало братьям.

Я размышлял о постройке лодок, надстройке башен и защите складов. Думал о наших просторных и прекрасных подземельях и о том, как нам морально подготовиться к гораздо худшему, если вообще хотим жить дальше... И вспомнил Кы Дама и его слова о том, что грядут суровые времена.

Тай Дэй подошел ко мне, когда никого больше не осталось поблизости.

— Дед будет беседовать с тобой. Скоро, как только возможно.

Манеры его были безупречны. Он ни единого раза не обозвал меня Каменным Солдатом.

Наверное, очень уж что-то старику понадобилось.

— Как пожелаете.

Тут я заметил на стене, неподалеку от Западных ворот, Зиндху. Почти что кожей ощутил на себе его взгляд.

— Одноглазый!

— Чего?!

— И нечего тут оттавкиваться. И вообще: будешь много гавкать — попрошу Тенекрута превратить тебя в собаку.

— Что-о?

Одноглазый был крайне изумлен.

— Твои ребята следят за нашим гостем?

— Ну да. Сейчас Ишак с Лошаком заступили. Пока что он ничего не делает. Просто шляется себе по городу. Лясы точит. К таглиосцам заглядывал, и к Могабиным, и к нашим. Наши с ним дела иметь не захотели. Аль-Хульский отряд его даже мечами прогнал.

— О нем что-нибудь говорят?

Одноглазый покачал головой:

— Все та же старая песня. Пожалуй, даже хуже. Ты лучше никому не говори, что его присутствие здесь — твоя идея.

Слушавший нашу беседу Тай Дэй пробормотал что-то похожее на заклинание, подкрепив его жестом, якобы отвращающим дурной глаз.

— Ух ты, — заметил Одноглазый, — хоть чем-то их можно пронять!

— Я собираюсь пойти, послушать, что скажет их главный. Остаешься за старшего — но только потому, что остальные тут заслуживают доверия еще меньше.

— Спасибо тебе, разуважил старика. Да от твоих слов на верху блаженства себя почувствуешь...

— В общем, не растеряй этого блаженства до моего возвращения.

48

Головокружение началось в том же переулке, что и раньше — вчера, что ли? Я успел вспомнить это, прежде чем надо мною сомкнулась тьма. Однако обволакивающая тьма эта была куда тише, мягче и вкрадчивей, чем молнии тьмы, лупившие по маковке прежде.

Мысли мои смешались, но я помню несколько моментов после того, как меня накрыло, и я был вне самого себя, а после вернулся, стоило кому-то рядом что-то сказать.

На этот раз меня прихватило сильнее. На моем левом бицепсе сомкнулись пальцы Тай Дэя, он что-то говорил, но его слова были бессмысленными звуками. Свет померк. Колени сделались ватными. А затем я не чувствовал ничего.

Там оказалось ярче любого дня, хотя время было дневное. Громадные зеркала улавливали свет и выплескивали его на некоего высокого, сухопарого человека в черном. Он стоял на залитом светом парапете, возвышавшемся над темной землей.

Воздух разорвал крик. Издалека, с огромной высоты, к башне скользнул темный прямоугольник.

Сухопарый надвинул на лицо маску. Дыхание его участилось, словно для встречи с гостем ему требовалось больше воздуха.

Новый крик разорвал воздух.

— Когда-нибудь... — пробормотал сухопарый.

Потрепанный ковер приземлился неподалеку. Человек в маске оставался недвижен, поедая взглядом малейший намек на Тень под ковром. Ветер играл складками его балахона.

Ковер-самолет доставил на башню троих. Один был тощ и закутан в темное, вонючее, покрытое плесенью тряпье. Он тоже был в маске и непрестанно трясся. Из уст его снова вырвался крик — очевидно, он не в силах был сдержаться. То был Ревун, один из самых старых и злобных волшебников мира. Ковер был делом его рук. Сухопарый ненавидел его.

Сухопарый ненавидел всех. Любви в нем почти не было даже для самого себя. Лишь на краткое время, чудовищным усилием воли, он мог подавить свою ненависть. Воля его была сильна — пока ему ничто не угрожало физически.

Тряпичный ком забулькал, заглушая крик.

Ближе всех к Ревуну на ковре сидел маленький, тощий, грязный человечек в замызганной набедренной повязке и неопрятном тюрбане. Он был напуган. Его звали Нарайяном Сингхом, живым свя-

ым культа Обманщиков, и жив он был лишь благодаря заступничеству Ревуна.

Длиннотень ни во что не ставил Сингха. И все же он мог быть олезным — полезным орудием. Его культ напрямую был связан со мертью.

Впрочем, Сингх также невысоко ценил нового союзника.

За Сингхом восседало дитя, маленькое и прелестное, хотя было но еще грязнее, чем ямадар. Глаза его были черны и огромны, ловно окна в саму преисподнюю. Глаза эти знали все зло прошлоо, наслаждались злом настоящим и предвкушали зло будущего.

Глаза эти встревожили даже Длиннотень.

То были водовороты тьмы, вращающейся, затягивающей, гипноизирующей...

Внезапная, острая боль в колене разлилась токами судороги по сему телу. Я застонал и встряхнул головой. Вонь переулка, проикнув в мое сознание, ударила в ноздри. Казалось, я ослеп — глаза осле того ослепительного сияния не успели приспособиться к обычому свету. Руки, державшие за левое предплечье, потянули вверх, омогая встать на ноги. Взор мой начал проясняться.

Сухопарый оборачивается, глядит на меня... Остаточный страх держался в памяти и вновь возник перед глазами, хотя образ уже спел померкнуть. Я попробовал вспомнить отчетливее, но боль в олене и бормотанье Тай Дэя помешали сосредоточиться.

— Со мной все хорошо,— сказал я.— Только колено болит.

Я поднялся, но, едва сделал шаг, колено чуть не сложилось ополам.

— Справлюсь, будь оно проклято!

Я оттолкнул его руки.

Теперь образ померк окончательно. Осталась лишь память о иденном.

Может, и прошлый раз было то же? Видения, так быстро счезавшие из памяти, что я вовсе не помню о них? Связаны ли ни как-либо с реальностью? Смутно помнились множество знаомых лиц...

Об этом нужно поговорить с Одноглазым и Гоблином. Они олжны бы знать, что это такое и с чем его едят. Они, помнится, одрабатывали толкованием снов.

Едва мы вошли к глашатаю, Тай Дэй бестолково затараторил. Кы Дам задумчиво оглядел меня, и, по мере того, как Тай Дэй говочил, выражение его лица становилось все более удивленным.

Когда мы вошли, старик вроде бы был один, но, пока Тай Дэй злагал события, а глашатай предельно внимательно слушал, из темых углов — поглядеть на меня — повылезли прочие. Хонь Тэй и Кы Гота — первыми. Старуха устроилась подле мужа.

— Надеюсь, ты не станешь возражать,— сказал Кы Дам.— Иногда она способна слегка приподнять покров времени.

Гота молчала. Что, видимо, было уж вовсе необычно.

Появилась и красавица, тут же, как всегда, занявшаяся чаем. Чай для нюень бао — великое дело. Интересно, другие обязанности у нее в этом семействе есть?

Тот, в темном углу, сегодня не стонал и не охал. Может, вообще оставил эту землю?

— Пока нет,— сказал глашатай, заметив мой взгляд.— Но уже скоро.

И снова он почувствовал невысказанный вопрос.

— Мы исполняем свою часть брачного обета, пусть даже он нарушил свою. И предстанем перед Судьями Времени с незапятнанной кармой.

Я хоть как-то понимал его только потому, что малость изучал джайкурийские писания.

— Вы — добрые люди.

Кы Дам был польщен.

— Некоторые могут оспорить это. Мы стараемся остаться честными.

— Понимаю. У нас, в Черном Отряде, то же самое.

— Прекрасно.

— Тай Дэй сказал, что ты хочешь говорить со мной.

— Верно.

Некоторое время мы молчали. Взгляд мой был неотрывно устремлен на женщину, приготовлявшую чай.

— Знаменосец...

Оказывается, я начал говорить вслух, сам того не сознавая. Сказал:

— Нет...

Это значило, что я не провалюсь больше в эту черноту. Просто отвлекся на миг. Со всяким бывает. Особенно, когда такая женщина перед глазами.

— Спасибо, глашатай. За то, что не обозвал одним из тех непривлекательных имен, коими склонен обычно наименовывать меня.

Я не смог удержать легкой улыбки, говорящей, что я догадываюсь о том, что он нуждается во мне настолько, чтоб постараться не портить мне настроения.

Он в свою очередь кивнул, выказывая осведомленность в том, что я понимаю это.

Проклятье. Я и сам становлюсь стариком. Может, мы тут сидим, улыбаемся, хмыкаем, киваем — и определяем будущее всего мира...

— Спасибо,— сказал я красавице, поднесшей мне чашку чая.

Это удивило ее. Она взглянула мне в глаза — и тут уж настал мой черед удивляться: глаза ее были зелеными. Она не улыбнулась в ответ, и вообще никак более не показала, что слышала благодарность.

— Любопытно,— сказал я, ни к кому в отдельности не обращаясь.— Глаза — зеленые...

Затем я взял себя в руки и подождал, пока глашатай не отхлебнет чаю, прежде чем начинать кружить вокруг да около своего дела.

— Зеленые глаза,— сказал он,— крайне редки и вызывают великое восхищение нюень бао.

Он снова совершил ритуал отхлебывания.

— Хонь Тэй может изредка заглядывать под покров времени, но видения ее не всегда истинны или не всегда ясны. А может, ей видится еще не свершившееся. Поскольку она не видит знакомых лиц, трудно определить, когда это происходило.

— Угу?

Дама, о коей шла речь, сидела, опустив глаза долу, и медленно вращала нефритовый браслет, свободно болтавшийся на ее тонком запястьи. Глаза ее тоже были зелены.

— Ей привиделся потоп. Мы уверены, что видение это ложно, так как не можем придумать способа доставить в Джайкур столько воды.

— Но мы сейчас — посреди озера. Имеем, можно сказать, широчайший ров в мире. И на тенеземцев нам теперь плевать.

Только через минуту старик понял, что я шучу.

— О,— хмыкнул он, тогда как Хонь Тэй, первой понявшая шутку, подняла взгляд и улыбнулась.— Понимаю. Да. Однако это на руку Хозяину Теней, но никак не нам. Попытка выйти из города потребует плотов и лодок. Их легко заметить издали, и они не смогут поднять столько людей, сколько необходимо для организации прорыва.

Да, старикан у нас — прямо-таки генерал...

— Ты говоришь верно.

Тенекрут нашел гениальное решение проблемы нехватки живой силы. Теперь он может потягаться с Госпожой, не опасаясь, что мы ударим в спину.

— Причина, вынудившая меня пригласить тебя к разговору, в том, что Хонь Тэй видела воду, стоявшую лишь на десять футов ниже верха стены.

— Но это ж семьдесят футов глубины...— Я взглянул на старуху; та изучала меня взглядом, в котором не было и намека на любопытство.— Как-то оно...

— Проблема не в том.

— В чем же?

— Мы пробовали сосчитать, сколько построек останутся над поверхностью.

— А-а... понятно.

Деджагор строился ввысь, как и все города, обнесенные стеной, но лишь немногие здания вознеслись выше стены. И те, что менее всех повреждены, даже частично сгоревшие, уже кем-то заняты. То есть, если город затопит, возникнет острая нехватка жилья.

К счастью, Старая команда заняла множество высотных зданий.

— Действительно «а-а». В этом квартале таких построек достаточно, чтоб дать приют нескольким паломникам, но в прочих местах

джайкури придется плохо, как только черные люди и их солдаты поймут, сколько пространства им требуется.

— Несомненно.

Я поразмыслил минуту. Черт возьми, люди могут отсидеться на стене. И выводить их туда силой — не придется.

И все же, что бы мы ни предприняли, жизнь превратится в сущий ад, если вода поднимется так высоко.

— Если приготовлений не начать немедля, многое из того, что может принести пользу, будет потеряно. Но, если сказать об этом Могабе, скорее всего, сильный оберет слабых, обрекая их на страдания. Теперь нет нужды сдерживаться перед лицом возможного штурма.

— Понятно.

Я уже предвидел суматоху захвата складов и мест, расположенных на более высоком уровне. Однако просмотрел тот факт, что Тенекрут, выпутавшись из затруднения сам, заодно развязал руки Могабе, дабы тот мог уладить внутренние наши трения так, как ему больше понравится.

— У тебя есть какие-нибудь мысли?

— Я желал бы рассмотреть возможность временного союза. Пока беды Джайкура не кончатся.

— Окончание бед тоже Хонь Тэй привиделось?

— Нет.

Черпейшее отчаяние объяло меня — настолько, что и сам я удивился.

— Она не видела ничего. Ни об окончании бед, ни об усугублении.

На душе стало светлей. Самую малость.

— Я не хотел брать на себя никаких обязательств, — признался Кы Дам. — Идея принадлежит Сари. Она доверяет тебе без объяснимых причин, и, более того, доводы ее разумны.

Хонь Тэй явно была озадачена. Что-то во взгляде ее служило намеком на то, что видела она больше, чем рассказала.

Я вздрогнул.

— Заняв обыкновенную позицию нюень бао и полагаясь лишь на самих себя, мы не оставим себе никаких надежд, — продолжал Кы Дам. — У вас же, если Могаба решит, что больше не нуждается в ваших мечах, надежд также не много.

Я, не отрываясь, глядел на красавицу, хоть то и был дурной тон. Она зарделась. Привлекательность ее сделалась в этот момент столь притягательной, что я ахнул. Казалось, я знал ее уже несколько жизней.

Что за?.. Не бывало со мною такого. Все же мне уже не шестнадцать лет... Да и в шестнадцать-то такого не бывало.

Душа моя настойчиво твердила, что я знаю эту женщину лучше, чем кто-либо когда-либо кого-либо знал, хотя вправду я знал лишь ее имя, названное Кы Дамом в прошлый мой приход.

Было в ней что-то такое... Нет, не просто прелестные мечтанья. Когда-то я знал точно такую же женщину...

И тут явилась тьма.

Тьма была внезапной и полностью непроглядной, настолько, что даже не было времени понять — сам ли я упошусь вдаль, тьма ли затягивает меня...

49

То была долгая, долгая тьма без сновидений. То было время без меня — без радости, без боли, без страха, и измученной душе не хотелось покидать его. Но какая-то булавка проколола отверстие во тьме; тончайший луч света пробился внутрь и пал на иллюзорный глаз.

Движенье.

Бросок к крохотной точке, тут же расширившейся, и открылся проход в мир времени, материи и боли.

Теперь я знал, кто я. Меня согнуло под тяжестью множества воспоминаний, разом всплывших в мозгу.

Голос заговорил со мной, но я не мог разобрать слов. Я плыл, словно паутинка, сквозь золотые пещеры, и вдоль стен их восседали старцы, застывшие во времени, бессмертные, но не способные пошевелить и веком. Кое-кто из них был укутан колдовской ледяной паутиной, словно тысячи пауков зимы опутали их нитями замерзшей воды. На потолке пещеры вырастал зачарованный лес из сосулек.

— Давай же!

Сила зова была такова, что меня словно ударило молнией.

Меня окутало мглой. Я рванулся, чувствуя, как перестаю быть собою. И все же, прежде чем исчезнуть из пещер, я почувствовал пробуждение чего-то, с огромными усилиями устремившего ко мне свое внимание.

Каким-то образом я попал в некое место, где отнюдь не жалуют смертных, и все же ушел невредим.

Память улетучилась. Но боль сопровождала меня на всем пути.

50

И снова — свет в темноте. И я снова начал становиться собой, хоть и безымянным. Свет заставил зажмуриться. Свет оказался штукой неприятной. А боль может и подождать... Однако что-то, скрытое глубоко под моей поверхностью, устремилось к этому свету, словно тонущий, что рвется к спасительному воздуху.

Я начал осознавать свое тело. Я чувствовал мускулы — окостеневшие, так как некоторые свело судорогой. Глотка пересохла — до боли.

— Глашатай... — прохрипел я.

Послышался шорох, но никто не отвечал.

Я бессильно обвис в кресле.

В жилище нюень бао не было никакой мебели, да и само-то жилище был едва ли больше собачьей будки. Может, они меня к нашим вернули?

Собравшись с силами, я приоткрыл глаз.

Что за чертовщина? Где я? В подземелье? В пыточной? Может, это Могаба похитил меня?

Напротив, к такому же креслу, как и мое, был привязан маленький, тощий таглиосец, и еще один человек был распластан на столе.

Да это же Копченый! Таглиосский княжеский колдун!

Я привстал. Это оказалось больно. Очень. Пленник настороженно наблюдал за мной со своего кресла.

— Где я? — спросил я.

Настороженность его удвоилась. Оглядевшись, я обнаружил, что нахожусь в пыльной, почти пустой палате, однако камни стен ответили на мой вопрос. Я был в Таглиосе, в княжеском дворце. Такого камня нигде больше нет.

Что это?..

Вы когда-нибудь видели краску, стекающую вниз по стене? Вот точно так же вышло с реальностью. Она, расплываясь, подернулась рябью. Тот, в кресле, вскрикнул. Его била крупная дрожь. Представления не имею, что такого он себе вообразил об увиденном. Реальный мир уплыл прочь, а я оказался в каком-то сером месте, и мысли мои смешались от воспоминаний о том, чего я никогда не видал и не пережил. Затем все как-то упорядочилось, и вскоре я оказался в палате, где-то во дворце Трого Таглиоса. Копченый, как обычно, лежал на своем столе, дыша медленно и неглубоко. Обманник был на месте. Он заслужил свирепый взгляд — слишком уж вспотел. Что он там такое замыслил?

Глаза его бегали. Что же он видел, глядя на меня со стороны?

Я встал на ноги. Теперь я понимал, что только что очнулся после очередного припадка. Однако вокруг не было никого, кто мог бы вытащить меня из тьмы: ни Ворчуна, ни Одноглазого.

В глубинах памяти копошились слабые намеки на воспоминания. Я отчаянно пытался ухватить хоть один, могущий послужить зацепкой. Пещеры какие-то... Песнь Тени... Пробуждение в далеком прошлом — и все же лишь мигом раньше настоящего...

Я здорово ослаб. Утомительное это дело... И жажда сделалась вовсе невыносимой.

Ну, это было поправимо. На столе, подле головы Копченого, стояли кувшин и металлическая чашка. Под чашкой обнаружился клочок бумаги, оторванный от целого листа. На нем убористым почерком Костоправа было написано:

Мурген! На этот раз нянчиться с тобой нет времени. Если очнешься сам, выпей воды. В ящичке — пища. Я или Одноглазый навестим тебя, как только сможем.

Клочок, должно быть, был оторван от запроса на поставки. Старик терпеть не мог тратить впустую чистую бумагу. Слишком она ему была дорога...

Я открыл ящичек, стоявший по другую сторону головы Копченого. Тот был наполнен тяжелыми, пресными лепешками, вроде тех, что печет моя теща, невзирая на все мольбы прекратить. Так и есть! По ближайшем рассмотрении я понял, что их просто не мог испечь кто-либо другой. Если останусь жив, дам Старику пинка под ребра.

P.S. Проверь веревки душилы. Он уже раз едва не удрал.

Так вот что он делал, когда я очухался! Хотел вывернуться из веревок, убить меня со стариной Копченым и сбежать...

Я отхлебнул воды. Обманник взглянул на воду с едва ли не кожей ощутимым вожделением.

— Глотнуть хошь? — спросил я.— Так расскажи, что такое творится в Таглиосе.

Однако он еще не дозрел до продажи души за чашку воды.

Я с волчьей жадностью съел одну из лепешек матушки Готы и вскоре почувствовал, как ко мне возвращаются силы.

— Ну давай-ка привяжем тебя как следует,— сказал я моему соседу.— Не хотелось бы, чтоб ты пошел гулять да заблудился.

Пока я потуже затягивал веревки, он молча глядел на меня. И без слов было ясно, что он обо мне думает.

— Теперь видишь, на что идешь, связываясь с нехорошими ребятами? — спросил я.

Он не стал спорить, но и соглашаться отказался. Я был смущен. Ведь для него «нехороший парень» — это я, так как не горю желанием вернуть Кину в наш мир. Я потрепал его по макушке.

— Может, ты и прав, брат. Но я надеюсь, что нет. Ну вот и все.

Встряхнув простыню, я накрыл его ею, как было, выпил еще воды, съел еще лепешку, а затем, исполнившись необычайной резвости, решил воротиться домой. Это, конечно, мое личное мнение, но жены я не видел уже целую вечность. Взаправду-то прошло всего несколько часов.

Я пошел к выходу из дворца — и заблудился.

51

Ну конечно, это неизбежно должно было случиться. Мое будущее «я» больше ничего не помнило — лишь то, что я заплутаю, а после набреду на что-то совершенно неожиданное. Все это я вспомнил как раз в тот момент, когда понял, что ни малейшего понятия не имею, как пройти в какую-либо знакомую часть дворца. Я остановился, дабы оценить положение.

В тот момент у меня имелось достаточно воспоминаний Мургенов из других времен, чтоб я был готов поверить каждому, пусть даже оторванному от какого ни на есть контекста.

Воспоминания о том, что я должен заблудиться, отдавали возбуждением неожиданного открытия и мощных обертонов боли. Отголоски их отбивали желание искать дорогу наружу.

И вскоре, упорствуя в поисках выхода, я набрел на мрачный коридор, явно переполненный старой волшбой. В нескольких ярдах от меня на одной-единственной петле висела сломанная дверь.

Открытие было близко.

Я безбоязненно устремился вперед.

С первого взгляда я понял, что наткнулся на тайную библиотеку Копченого, где были собраны — и спрятаны подальше от глаз людей из Черного Отряда — единственные уцелевшие копии первых томов Анналов.

Мне безумно хотелось прочесть их. Но — не читать же я сюда пришел... У меня не было времени отделять злаки от плевел сотен других книг. Мне нужно было вернуться к своей семье.

Я храбро устремился к выходу, но снова не смог отыскать его. Закружилась голова. Я начал искать обратный путь. Пожалуй, следовало подождать в компании Копченого, пока не вернутся Старик или Одноглазый. Им ничего не стоит вывести меня, и вдобавок они, может быть, разъяснят, отчего мне не хочется уходить — сам я этого вспомнить не мог.

До Копченого я добрался легко, не заплутав ни разу. Быть может, эта часть дворца опутана паутиной заклятий, составленной так, что ни один чужак не сможет пройти лабиринт коридоров без благословления Одноглазого. Вполне возможно, что все пути ведут к одному и тому же месту. А может, и наружу, если только идешь не из палаты с Копченым.

Это было бы неудивительно, хотя я не знал, хватит ли Одноглазому сил и способностей устроить такое. Не удивляло и то, что, накладывая заклятья, он запамятовал обо мне.

Когда я вернулся, Обманник вертелся в своих веревках ужом — ступал я мягко, и он не сразу ощутил мое присутствие. Почувствовав, замер. Надо отдать должное его упорству.

Я устроился в свободном кресле и подождал, однако никто не шел. Казалось, прошло несколько часов, хотя возможно, это были лишь несколько долгих минут. Поднявшись на ноги, я принялся расхаживать взад-вперед. Затем подверг душилу кое-каким пыткам, но настроение от этого отнюдь не улучшилось. Укрыв его простыней, я вернулся в кресло и взглянул на Копченого.

В голову лезли мысли о нашем горемычном Черном Отряде. Затем я вспомнил, на что способен Копченый.

А почему бы нет? Так, для времяпровождения. Только куда податься? Что поглядеть?

А почему бы снова не навестить нашего злейшего врага?

На этот раз вышло легко. Ничего такого. Просто закрыл глаза — и погрузился в грезы.

Конечно, чувствовал я и нежелание уноситься вдаль — уж слишком много времени провел за гранью нормального, причем против

оли. Зачем ко всей мешанине в голове по собственной воле добавять еще?

Едва ли не с хлопком вылетающей из бутылки пробки возник возле Вершины. Безумный волшебник, Длинотень, стоял на верушке одной из высоких башен, залитый отраженным зеркалами ветом. До него было меньше десяти футов.

Меня объял легкий страх — он смотрел прямо на меня.

Точнее, сквозь меня.

За ним, в карикатурной позе, стоял этот гад Нарайян Сингх с алышкой Костоправа, бренным телом Кины, Дщери Ночи, Той, Чье ождение Было Предсказано, предвестницы обманиковского Года ерепов, с исходом коего грядет пробуждение их богини. Сингх ни а миг не спускал глаз с этого ребенка.

Сингх был опасным орудием, однако Длинотень нуждался в юбом союзнике, своею волей присоединившемся к нему.

А против Черного Отряда пожелали пойти лишь очень немногие.

На башню поднялся человек, чернота кожи коего была почти езаметна из-за заливавшего безумного колдуна света. Был он вык, строен и гибок, словно пантера. Хоть то и был Могаба, самый пасный из генералов Хозяина Теней, я не почувствовал никакой енависти — все чувства блекли во владениях Копченого.

Пожалуй, Длинотень принял к себе Могабу не столько из-за го боевых качеств, сколько потому, что ему можно было доверять. ежать Могабе было некуда. Разъезды Отряда патрулировали все ороги вокруг.

Никак не могу понять, отчего в Костоправе нет ненависти к Могабе. Черт возьми, он находит ему оправдания и даже жалеет о ем! Вражду с Ножом небось принимает куда как ближе к сердцу...

— Ревун принес вести, — сказал Могаба. — План штурма проалился.

— Знаю, — отрывисто бросил Длинотень. — Но остались мои маленькие Тени. Помнится, я предупреждал, что с этим они справятся быстро. Как ты думаешь, что помогло этой женщине, Сенджак, новь обрести могущество, тогда как, по самой сути вещей, она должна полагаться лишь на милосердие знающих ее Истинное Имя?

Я чувствовал, что он действительно желал знать, как Ревуну дается оставаться в живых после того, как к Госпоже, со всем ее лобным древним знанием, вернулось былое могущество. Длинотень рассматривал весь мир сквозь линзу паранойи.

Мне и самому это было интересно — насчет сил Госпожи. Костоправ полагал, что тут повлияло пересечение экватора. Но это выглядело не очень правдоподобно. Одноглазый с Гоблином не удосужились поломать над этим головы, а сама Госпожа просто отказывалась об этом говорить. У меня не имелось никаких догадок, что она б этом думает. Настаивать да расспрашивать никто не пытался — е стоит, если хочешь жить дружно с кем-либо вроде Госпожи. Если

ей не понравишься, она вполне может устроить так, что жизни не рад будешь.

— Просто не знаю,— сказал Могаба.— Я не понимаю в таких вещах.

Могаба много чего не понимал, включая и все местные языки. С Длинотенью он говорил на несколько улучшившемся, однако все еще ломаном таглиосском.

— Может, сменила она это самое имя?

А правда, возможно ли это?

Последнее замечание Могабы, судя по всему, было попыткой пошутить. Но Длинотень обдумывал его, словно такое действительно могло быть.

Через несколько мгновений Хозяин Теней обратился к Сингху:

— Обманник! Зачем ты здесь? Для каких махинаций ты понадобился Ревуну?

— Черный Отряд напал на них в их священной роще,— отвечал за Сингха Могаба.— И перебил всех, кроме него и девочки. Твои Тенеплеты едва успели перед смертью позвать Ревуна. Ревун нашел этих двоих, спрятавшихся в нескольких милях оттуда, и унес из-под самого носа погони.

Вот, значит, как — все это происходит вскоре после нашего рейда. Услышанное удивило меня — я-то думал, Нарайян получил предупреждение от Хозяина Теней... Как же он избежал сонных чар?

Упоминание о Тенеплетах пришлось Длинотени не по нраву. Я думал, сейчас начнется один из тех самых припадков ярости с пеной у рта.

Длинотень глубоко вдохнул, задержал дыхание и обуздал свое безумие.

— То была моя ошибка. Не стоило посылать их туда. Как ты думаешь, как удалось врагам выбрать столь выгодный для себя момент нападения?

Никто не отважился высказать предположение, что мы можем заглядывать через его плечо всякий раз, как потребуется.

— Плохо,— заметил Длинотень.— Каждый новый день приносит им пополнение ресурсов и истощает наши.

Он устремил взгляд на Сингха:

— Что проку нам в этих Обманниках?

— Они — наши глаза и уши,— отвечал Могаба.— Вскоре они начнут череду выборочных покушений. Противник ничем не выказал осведомленности об этом плане. Если покушения пройдут успешно, результат превзойдет все — кроме победной встречи на поле брани.

Могаба взглянул на Сингха, призывая и его высказаться, но тот держал рот на замке.

— К несчастью,— продолжал Могаба,— сведения, доставляемые Обманниками, с каждым разом все менее достоверны. Про-

тивник наслаждается явными успехами в деле уничтожения их культа.

Остальные продолжали хранить молчание.

Могаба продолжал:

— Госпожа с Костоправом сделались весьма агрессивны по отношению к соглядатаям. Я уверен, это означает приближение больших дел.

— Сейчас зима,— сказал Длиннотень.— Врагам моим некуда спешить. Они будут клевать меня до самой моей смерти. Этот так называемый Освободитель никогда не удовлетворится численностью войска и запасов снаряжения, сколько бы ни набрал.

Тут он был прав: капитану все кажется мало.

К ним, подавив рвущийся из горла крик, присоединился Ревун.

— Строительные отряды врага завершили мостить дорогу, связывающую Таглиос со Штормгардом. Почти завершена подобная дорога между Штормгардом и Бесплотием. Раньше там властвовал Тенекрут. Номинально город с окрестностями принадлежал к владениям Длиннотени. Однако нашим солдатам никто не мешал тянуть к нему дорогу.

Я даже недоумевал: зачем бы? Для стратегических замыслов Костоправа такая дорога не требовалась. Он не намеревался осаждать Бесплотие. Слишком много людей бы потребовалось, да и далеко.

Могаба помрачнел:

— Жмут со всех сторон. Ни дня не проходит без известий о сдаче еще одного города или деревни. Во многих местах население не оказывает сопротивления вовсе. Полагать, будто Ворчуна с Госпожой остановит время года, безрассудно.

Длиннотень обратил свою ужасающую маску к Могабе. Тот вздрогнул.

— Ты хоть как-то затруднил им проведение крупной кампании, мой генерал?

Армия, удалившись от дома, неизбежно должна кормиться ресурсами захваченных земель. Навсегда ведь провизии и фуража не напасешься...

— Лишь немного,— отвечал Могаба, не выказывая ни унции раскаяния.— Я выполнял приказы. И враги наши явно были осведомлены об их содержании.

— Что?

Голос Длиннотени зазвучал раздраженно.

— Они ждали, что я буду сидеть на месте.— Могаба снова взглянул на Сингха, и тот неохотно кивнул.— Стратегия их строилась на том, что я стану удерживать определенные пункты. Твой приказ не давал мне возможности устроить так, чтоб им пришлось дробить силы, отражая атаки со всех возможных направлений. Деревни сдавались без боя, так как знали: подмоги не будет. Я мог бы перебить этих глупцов по отдельности и довольно скоро, изменив внезапно стратегию.

Ну это — вряд ли, подумал я, довольный тем, что у нас есть Копченый.

— Нет! — Затрясшись, Длиннотень с заметным усилием отвернулся к югу и устремил взор на равнину из сияющего камня.— Мы обсудим военные дела в приватном порядке, генерал.

Ревун испустил ужасный вопль, граничивший с насмешкой. Сингх, едва ли не вниз головой, нырнул в люк, ведший на винтовую лестницу. Его презрение к хозяину было очевидным для всех, кроме самого Длиннотени — хотя тому, похоже, было все равно. В его глазах этот душила лишь самую малость превосходил полезного муравья. Разум его полагал всех нас не более чем докучной мошкарой.

Последней, смерив Длиннотень холодным взглядом, ушла девочка. Глаза ее казались древними и злобными, словно само время. Жуткая малышка...

Интересно, что подумал Старик, когда увидел ее. Если вообще осмелился смотреть...

— Они думают, что я сам не ведаю, что творю,— сказал Длиннотень.

— Солдаты мои лишь впустую тратят время,— отвечал Могаба.— Они растеряли и те немногие преимущества, что имели.

— Быть может, ты прав. Но для внезапной атаки ты должен был бы покинуть защиту, которую я мог тебе обеспечить. После гибели товарищей я уже не могу достичь столь многого, как прежде. Рискнул бы ты встретиться с их волшбой без моей поддержки?

Могаба хмыкнул, глядя на сияющую равнину.

— Ты считаешь меня трусом, поскольку я опасался этого, мой генерал?

— Я предусмотрел такую опасность. Я высоко ценю твою защиту. Однако я способен был сделать больше. Нож, получивший позволение действовать в ограниченном масштабе, свершил великие дела. Он неоднократно доказывал, что таглиосцы мгновенно опускают руки, стоит лишь ударить в слабое место.

— Ты доверяешь Ножу?

— Больше, чем прочим. Ему, как и мне, некуда бежать. Однако полностью я не доверяю никому. Особенно — нашим союзникам. И Ревуна, и Обманщика привели к нам отнюдь не симпатии.

— В самом деле.— Длиннотень, похоже, несколько смягчился.— Я должен объясниться, генерал.

Удивление Могабы ясно показывало, что случай — из ряда вон.

— Та равнина вовсе не держит меня взаперти. Я могу на краткое время покидать Вершину. И так, в случае надобности, и поступлю. Стража Врат Теней свежа, сильна, достойна доверия и полностью подчинена мне. Но, вздумай я совершить прогулку, мне придется действовать украдкой.

Могаба снова хмыкнул.

— Причина моего заточения здесь — в не столь видных игроках, вступивших в нашу игру.

Могаба нахмурился. Я тоже ничего не понимал.

— Ревун принадлежит к клану, известному некогда, как Десятеро Взятых.

— Я знаю.

— Грозотень тоже прошла эту школу рабства. Соученицей ее была и сестра Сенджак. Ее называли Душелов.

— Я уверен, мы с ней встречались.

— Да. Она повергла вас в смятение при Штормгарде.

— На самом деле то была Госпожа. Или нет?

Могаба кивнул. Удивительно. Время, кажется, научило его сдержанности.

— Несколько лет тому назад обстоятельства обманули нас с Ревуном. Мы взяли в плен Душелова, будучи уверены, что это — ее сестра. Она в то время маскировалась под Сенджак, поэтому в ошибке не было нашей вины. В суматохе, поднявшейся позже, ей удалось бежать. И, хотя обращались мы с нею без жестокости, она затаила зло. До сего дня она вредит нам, в ожидании случая нанести мощный удар.

— Ты думаешь, в твое отсутствие она может проникнуть в Вершину и позабыть оставить дверь незапертой?

— Именно.

Х-ха! Воображаю взломщика, вздумавшего забраться в эту невероятную крепость...

Могаба вздохнул:

— Значит, нравится мне это или нет, все решится на равнине Чарандапраш.

— Да. Сможешь ли ты одержать победу?

— Да.— Самоуверенности Могаба не растерял.— Пока Костоправ остается тем человеком, какого я знал, то есть отмеченным чертою мягкости.

— Как понимать тебя?

— Он прячет лицо под сотнями масок. Мягкость может оказаться одной из них.

— Значит, этот человек заботится о тебе, несмотря на твои стремления остановить его?

— Мы продолжаем играть с его с[illegible]ми, не атакуя слабых мест. У него есть время на раздумья, [illegible] маневр. Значит, ему нет надобности щадить нас. Его [illegible]стно продвигаются вперед. В пограничных землях Черноводья. Отряда боятся сильнее, чем тебя. Чистой жестокости [illegible] не против Сингха с присными. Как помнится [illegible] ных и даже склонен был помиловать душил[illegible] вернуть свою веру.

Ну да, как же, саркастически подумалось мне. Но зате[illegible] что не прав: как-то раз капитан действительно кого-то по[illegible]

— Быть может, это понадобилось Сенджак для примера прочим.

— Возможно. Вполне. Но ее влиянием не объяснить семь тысяч жизней, растраченных Костоправом на поимку Ножа.

Что? Это новость...

— Нож предал его.

— Как и я. Но я принадлежал Отряду, а Нож — всего-навсего искатель приключений, и к братьям не принадлежал. Но за мною он так не охотился. Война с Ножом — его личная война.

История с Ножом, его вознесением и бегством, ошарашила уйму народу, а особенно — его приятелей, Корди с Лозаном. Меня тоже можно внести на одно из первых мест в этом списке. Ходили слухи, что Ворчун вдруг обнаружил нечто серьезное между Ножом и Госпожой. В общем, что бы там ни было, Нож владел его помыслами так же, как и Нарайян Сингх.

Госпожа его вендетте не мешала. Помощи — тоже не оказывала.

— Это тревожит тебя?

— Костоправ меня смущает. Порой он делается угрожающе непредсказуемым. И в то же время все более и более становится верховным жрецом легенды Черного Отряда, не признающим никаких богов, кроме своих исключительно непогрешимых Анналов.

Ну, это неправда. Старик, наоборот, с каждым днем теряет к ней интерес. Однако я простил Могабе его гиперболу: он пытался в чем-то убедить Длиннотень.

— Я боюсь,— продолжал Могаба,— не стал ли он столь коварен, что применит нечто новое, чего мы не поймем, пока не станет слишком поздно.

— Пока он движется вперед, он движется к поражению.

— Движется... Но так ли предрешено его поражение?

Я почувствовал, что обоих мучают сомнения — но большей частью друг в друге.

— Ты боишься его?

— Не то слово. Даже сильнее, чем Госпожа. Госпожа откровенна в своей враждебности. Она устремляется вперед со всем, что имеет в наличии. А Костоправ склонен сказать: «Смотри! Птичка!» — и вонзить нож в спину. Он тоже использует все, что имеет, но — как? Он не принадлежит к [redacted]дям чести.

Нет, он не уверен в [redacted]старика в бесчестии, но хотел сказать, что Костоправ не джентльмен в том смысле, что так много значил для Могабы.

[redacted]лжал:

[redacted]оправ безумен. Я уверен, он сам порой не ведает, [redacted]. [redacted]дни он повидал многое, о чем ни разу не упомина[redacted]его Ан[redacted]ах.

[redacted]а врешь, подлый. За четыре сотни лет в Анналах накопилась [redacted]ма примеров на все случаи жизни. Соль — в умении их отыскивать.

— У него тоже есть свои пределы, генерал.

— Конечно. Эти таглиосцы — фальшивы и эгоистичны.

— И это может привести его к гибели. Политически у него нет выбора, вскоре ему придется попытать счастья при Чарандапраше. Где мы и сокрушим его.

— Победы в одной битве будет недостаточно. Если хоть один из них выживет и будет далее обладать Копьем Страсти, против нас поднимутся новые армии. Госпожа доказала это.

— Тогда ты будешь иметь удовольствие сокрушить их снова.

Могаба хотел было возразить, но предпочел не гавкать против ветра.

— Едва будет окончено сооружение Вершины, ты можешь пускаться в любые авантюры по своему желанию. С моего одобрения и при полной моей поддержке.

— Какие авантюры?

— Я понимаю тебя лучше, чем ты думаешь. Ты был величайшим воином Джии-Зле, но никак не мог в этом убедиться. В Черном Отряде ты вынужден был держаться в тени своего капитана и Сенджак. У тебя не было возможности проявить себя, поэтому ты пришел ко мне.

Могаба кивнул. Он явно не был доволен собой, и это меня удивило. Я считал его слишком эгоистичным для каких-либо сомнений этического характера.

— Иди, мой генерал. Завоевывай мир. Я с удовольствием помогу тебе. Но вначале — сокруши Черный Отряд. Останови таглиосцев. Мое падение оставит тебя ни с чем. От душилы действительно может быть прок?

— Может быть. Он много говорил об участии своей богини, но на это я не рассчитываю. Никогда не видел, чтобы боги принимали чью-то сторону в борьбе людей.

Странно. Ведь богиня Нарайяна была и богиней Могабы. Может, он разуверился? Может, Деджагор и его напугал до глубины души?

— Так одолей же их. Не оставляй никого, кто может помешать впоследствии.

Я всегда воображал себе Хозяина Теней этаким громадным, воинственным воплощением дьявола, величественным, колоритным безумцем, наподобие Взятых там, на севере. Но Длиннотень оказался лишь злобным стариком, одаренным избыточным могуществом.

— Если уж грядет Год Черепов, — сказал он Могабе, — нужно, чтоб год этот стал нашим годом. А не их.

— Я понимаю. Что ты думаешь о ребенке?

Длиннотень неуверенно хмыкнул.

— Жутковата, верно? Словно тысячелетняя... Уменьшенная копия матери, только хуже.

Пожалуй, он был прав. Моему призрачному взору ребенок, определенно, казался крайне странным и злобным.

— Возможно, придется поторопить ее в объятья богини, — задумчиво пробормотал Длиннотень.

Пожав плечами, Могаба повернулся, чтобы уйти.

— Хочешь ли ты еще с кем-нибудь говорить наедине?

— С Ревуном... Стой!

— Что?

— Где это Копье Страсти?

— Там же, где и Костоправ, наверное. Или — знаменосец. Знаменосцем у них, скорее всего, до сих пор этот гад, Мурген.

Ничего, Могаба, я тоже тебя люблю.

— Мы должны завладеть им. Справятся ли Обманщики? Даже уничтожения Черного Отряда может быть недостаточно для нашего долгого пути. И еще задание для Обманщиков: пусть выяснят, зачем Сеняк нужен весь этот бамбук.

— Бамбук?

Что это? Эхо?

— Она многие месяцы прочесывала таглиосские земли. И всюду, где бы то ни было, ее солдаты забирали весь бамбук.

Любопытно. Я выясню. Некоторое время я плыл следом за Могабой. Едва покинув парапет, он пробормотал:

— Бамбук... Ну и безумец...

Затем я попытался продвинуться южнее Вершины, однако очень скоро Копченый застопорился. Ну что ж...

Пожалуй, что там такое, я выясню раньше, чем хотелось бы. После устройства дел с Длинношеем и его Вершиной, следующим препятствием на пути в Хатовар значится эта равнина.

52

Я вернулся в палату, к Копченому и к нашему вонючему душилке. Страшно хотелось есть и пить, но и потрясен я был здорово. Конечно, узнал я не много, но — боги мои! — каковы возможности...

Попив из кувшина, я откашлялся и приподнял угол простыни, наброшенной на пленного.

— Как ты там? Может, пить хочешь? Или побеседовать...

Он спал.

— Вот и ладно, так и сиди.

Так. Что же дальше? Помощь не подошла. Я сгрыз одну из зуболомных лепешек матушки Готы. Это слегка утолило голод. Большего мне в тот момент не требовалось.

Что же дальше? Продолжать в том же духе, пока кому-нибудь не понадоблюсь? Повидать Госпожу? Взглянуть на Гоблина? Поохотиться за Ножом? А может, поискать, где прячется Душелов? Она, хоть и не попадалась нам под ноги последнее время, должна быть где-то поблизости. Вокруг любого солдата Отряда постоянно вороны стаями вертятся.

Душелов терпелива. И это — самая ужасная из ее черт.

Я наслаждался богатством выбора, словно мальчишка в кондитерской лавке.

И в конце концов решил поискать Душелова. Она была старейшей из тянувшихся за Отрядом таин.

Копченый взял с места в карьер, но тут же остановился. Чем сильнее я понукал его, тем больше беспокоилась его душа, или «ка», или еще что...

— Ладно. Все равно от нее всегда бед столько, что не мне с ними справляться. Идем, поищем ее бестолковую сестрицу.

Госпожа ничуть не пугала Копченого.

Я нашел ее в деджагорской цитадели, в зале совещаний. Она и еще четверо склонились над картой. Обозначенная на ней граница была отодвинута много южнее Деджагора. Прежние пограничные линии тоже были нанесены на карту и помечены датами.

Ей явно не помешала бы новая карта. На старой уж и места живого не оставалось. Слишком много стычек она выиграла.

Госпожа прекрасна, даже когда только что из боя. Для Старика она выглядит слишком молодой, хотя много старше Одноглазого. Еще бы — тот никогда не практиковал волшбы, возвращающей молодость.

Двое из тех, что вместе с ней разглядывали карту, были нашими, парами из Джии-Зле. Нары теперь при всяком удобном случае показывают всему миру, что Могаба со своими предателями — выродки, коих глаза бы больше не видели. Но меня этим они не могли ввести в заблуждение. Госпожа со Стариком — также. Мы знали, что Могаба оставил кое-кого в наших рядах. Костоправ однажды сказал мне:

— Следи, когда кто-нибудь начнет пальцем тыкать. Это и будет изменник.

Третьим был Прабриндрах Драх, правящий князь Всея Таглиоса. Для таглиосца он держался крайне неприметно, неприметней может быть только мертвец. Последние четыре года он провел в изучении искусства войны и теперь командовал целым дивизионом, правым крылом действующей армии. Госпожа со Стариком положили уйму сил, чтоб втиснуть его в жесткие рамки военной машины, и в его интересах было удерживаться в этих рамках.

Последним был этот невероятный Лозан Лебедь. Стоило мне сосредоточиться на нем, Копченый пришел в возбуждение, и это значило, что разум его в какой-то плоскости бодрствует. В свое время они с Лебедем ладили не лучше, чем крысы — с мышами.

Теперь Лебедь — капитан отряда тронной гвардии, приписанного к Деджагору.

Став солдатом случайно, он героем быть не желал. Его гвардейцы не принадлежали к армии и большей частью выполняли

функции военной полиции. Подчинялась тронная гвардия только князю и его сестре.

— Ревун отказался от налетов на аванпосты, — сказала Госпожа.

— То есть поумнел, — откликнулся Лебедь.

— Я подобралась к нему очень близко в тот раз, когда упустила. Это его напугало.

— Наши рейды им, должно быть, здорово не по праву, — заметил один из наров.

— Они не по праву мне, Иси. И все-таки я разрешаю их...

Госпожа вздрогнула:

— От них же есть толк.

— Несомненно.

— Но одобрил бы их Освободитель? — спросил князь.

Сияющие белизной зубы Госпожи, чуточку даже слишком совершенные, обнажились в улыбке. Она рано начала прибегать к косметической волшбе.

— Нет. Определенно. Но он не станет вмешиваться. Здесь командую я, полагаясь на собственный опыт.

— Спустит ли Длинотень на нас Могабу? — осведомился князь.

Нары насторожились. Могаба, отрекшийся от древних идеалов наров, был их позором. Не говоря уж о том, что биться он будет, как дьявол.

— Вы взяли пленных? — спросил Лебедь.

— Да. И то, что им известно, можно поместить в наперсток, после чего в нем еще останется место для аистиного гнезда. Никто из офицеров не подсаживался к их костерку и не делился с солдатами военными тайнами.

Лебедь глазел на нее, а ее взгляд блуждал по комнате. Он видел женщину пяти с половиной футов ростом, голубоглазую, замечательно сложенную из ста десяти фунтов плоти. Для здешних краев она была рослой. С виду ей не дать было и двадцати.

Старая черная магия... Лебедь был виден насквозь.

Госпожа холодна, жестка, предана идее и убийственнее меча, обладающего собственной волей. Но эти ребята, похоже, просто не могли ничего с собою поделать. То же самое в свое время было и со Стариком, и парад продолжается. Ножу любовный пыл стоил дорого.

Несмотря на то, что там могло быть с Ножом, я уверен: Госпожа полностью принадлежит капитану. Что бы там ни случилось, Костоправ принял это очень близко к сердцу, заставил хорошего человека переметнуться к врагу и сделался едва ли не холодней самой Госпожи. По крайней мере, теперь он частенько бывает уж таким живым воплощением божества войны, что даже князь с Радишей подскакивают, если он рявкнет на них.

Госпожа поинтересовалась вслух, чего Ревун мог добиваться, атакуя аванпосты. Лебедь выпалил то же самое, что говорил Бадья:

— Хочет перебить людей из Черного Отряда. Это очевидно.

— Изи, что ты скажешь?

— Могаба не желает связываться ни с кем, кроме как с ровней, — отвечал один из наров. — И Длиннотень таких убирает, чтобы легче управлять Могабиной одержимостью. А может, просто докучает нам, вызывая на решающую битву.

Князь кивнул каким-то своим размышлениям. Теперь и он глядел на Госпожу с той же искоркой в глазах.

Может, это и есть роковая привлекательность зла?

— Возможно, он хочет выманить Костоправа на передний край.

Сколько же раз за столетия жизни своей Госпожа стояла вот так, готовая истреблять врага огнем и мечом?

— Штаб-квартиру нужно переместить ближе к полю боя, — заговорила она. — Иначе связь будет крайне замедлена. Лебедь, подай ту карту.

Лебедь сдернул нужную карту с доски, заваленной магическими парафернали́ями. Осторожность его показывала, что в этих вещах он ничего не понимает и не желает понимать впредь.

На карте были изображены земли дальнего юга. Громадное белое пятно обозначало Зиндай-Куш, пустыню. Снизу от пустыни было обозначено другое белое пятно, надписанное: «Океан».

От Зиндай-Куша к востоку, сворачивая затем на север, тянулись горы, чаще всего упоминающиеся, как Данда-Преш. По мере приближения к таглиосским землям горы, служившие их естественной восточной границей, становились все выше и круче. Местные названия хребта менялись очень часто. К востоку от Зиндай-Куша горы считались непроходимыми полностью, за исключением перевала близ Чарандапраша.

Тенелов и Вершина лежали по ту сторону гор. Армия Могабы, словно пробка, затыкала дорогу на юг. Среди солдат, когда офицеры не слышат, уж черт знает сколько времени ходят слухи о том, как нас расколошматят, если сунемся прорываться через Могабу.

Снаружи, видимо, раздался шум, так как Лебедь бросился к окну.

— Гонец, — объявил он.

Я не мог слышать, что происходило за стенами зала, и, даже выглянув в окно, не увидел ничего, кроме сплошной серости. Странно.

Госпожа отпихнула Лебедя локтем.

— Добрыми новости быть не могут. Тащи его сюда, пока не наболтал лишнего.

Лебедь вернулся быстро.

— Не так уж они плохи, — сообщил он. — Похоже, громадная толпа шадаритских и веднаитских фанатиков пустилась в погоню за Ножом и имела несчастье изловить его.

Что? Какие же это новости? Я об этом знаю, и Длиннотень тоже... Ну конечно! У Госпожи нет под рукой Копченого или горластого дружка с ковром-самолетом. Да и я-то об этом узнал лишь недавно. Просто — далеко тогда был, потому и кажется, что давно.

— Что ты там лопочешь?

— Нож истребил больше пяти тысяч этих суеверных олухов, гнавшихся за ним, дабы покарать за преступления против веры.

Нож был весьма суров по отношению к храмам и жрецам, когда мог себе это позволить.

Такое отношение к религии тоже сыграло немалую роль в его бегстве. Он нажил себе уйму кровных врагов в лице всего таглиосского жречества еще до того, как рассорился со Стариком. Весь благочестивый люд счел его выпадение из фавора благословением небес.

Я понимал, что жрецы втайне только и ждут, когда же ангелы ниспошлют им удобный случай для расправы с нами.

— Пять тысяч?

— Может, и больше. Может, и все семь.

— Предоставленных самим себе? Как это могло произойти?

Ни правящей фамилии, ни нам отнюдь не нравились большие группы вооруженных людей, шатающиеся вокруг и борющиеся со злом во имя добра через нашу голову.

— Вон. Все — вон. Вернетесь через два часа.

Едва оставшись в одиночестве, Госпожа негромко пробормотала:

— Треклятый Костоправ... — С этими словами она сгребла со стола магические принадлежности. — Совсем из ума выжил...

Я понял, что нам с Копченым нужно чертовски сосредоточиться. Если погружаешься в себя, время несется мимо. Фрагменты всего происходившего со мной поступали беспорядочно, и я уже отчаялся сложить их в единую картину.

Понимание этого и последовавший за ним ужас вернули меня туда, откуда я наблюдал, когда нечаянно отвлекся. Казалось, прошло несколько часов.

Но Госпожа все так же ворчала на Старика:

— Что на него нашло? Как мог он поверить этим слухам?

Она был зла. С помощью какого-то волшебного шара она взглянула на поле завершившейся битвы, и результаты резни расстроили ее еще больше.

— Проклятый глупец!

То было крупнейшее поражение таглиосской армии со времен Деджагора.

Из какого-то потайного ящика стола она достала кусок черной ткани. Я, несмотря на то, что внимательно читал ее Анналы, удивился. То был шелковый румель душилы одного из высших посвящений. Она начала упражняться с несущим смерть шарфом.

Может быть, это помогало ей успокоиться. Расстраивалась она и оттого, что ей чего-то недоставало. Обычно рядом с ней всегда был капитан...

Это тебе только намек, дамочка, подумал я. В следующий раз он вообще всех изничтожит.

Шарф в ее руках так и мелькал. Здорово. Интересно, есть здесь какая-нибудь связь с Киной?

Может, именно возможность такой связи и пугала Костоправа?

Не просто же так они зовутся Обманщиками...

Успокоившись, она послала за своими штабистами. Как только те собрались, она сказала:

— После битвы остались выжившие. Некоторые до сих пор там, хоронят погибших. Изловите-ка мне парочку.

53

Ни Костоправ, ни Одноглазый так и не пришли в потайную палату. Даже Радиша не возвращалась пытать пленника. И разбудить меня было некому.

Вернулся я едва ли осознанно; наверное, просто тело призвало назад. Отсутствовал я долго. Куда дольше субъективного моего времени, проведенного в отлучке. Должно быть, путь в прошлое дальше, чем кажется.

Желудок даже и не урчал — ревом ревел. Но запеченные булыжники матушки Готы кончились.

Душила снова сбросил с себя простыню и теперь смотрел на меня громадными глазами. Похоже, он тут занимался чем-то не тем.

Присмотревшись, я увидал, что он ухитрился высвободить одну руку.

— Подлый ты тип...

Я сделал долгий глоток из кувшина и снова привязал его. Стоит ли снова рискнуть поискать дорогу в этом лабиринте, дабы добраться до убийственной стряпни матушки Готы? Или остаться и еще поглядеть мир глазами Копченого, пока не явится помощь?

— Воды...

— Нет уж, извини, брат. Пока не скажешь, что там твои приятели сотворить удумали...

В животе снова заурчало.

Душила не отвечал. Хоть тело его и ослабло, воля осталась тверда. Казалось, кто-то, несмотря на мое присутствие, приходит его подкармливать.

Время было позднее. Может быть, матушка Гота уже спит и поесть мне приготовит Сари.

Подойдя к дверям, я остановился, раздумывая. Можно ли измыслить способ отыскать дорогу? Скажем, отпечатки ног на пыльном полу... Но света не было. Этой частью дворца пользовались редко. Никто не зажигал по коридорам шандалов либо факелов. Единственным источником света была лампа в палате за моей спиной. Если только не дожидаться утра, когда солнечный свет проникнет во дворец сквозь щели в крыше да через немногочисленные окна.

Я оглянулся на лампу. Горела она долго. И долить в нее масла никто не позаботился. Прежде чем что-то предпринимать, следует заправить ее...

Откуда-то издалека, обогнув сотню углов и миновав сотню гулких залов, донесся металлический лязг. Меня, несмотря на таглиосскую влажную жару, пробрало холодом.

— Воды...

— Заткнись.

Я отыскал бутыль со светильным маслом и, склонив голову набок, принялся заправлять лампу. Лязг не повторялся.

Снова накрывать душилу не понадобилось. Взглянув на него, я обнаружил, что смертельно бледное лицо его растянуто в ухмылке. В ухмылке смерти.

Расплескав масло, я рванулся прочь из палаты.

И снова заплутал. Почти сразу.

54

Заблудиться во дворце — вовсе не повод для паники. Хотя разочарование мое было сильно.

Вы можете подумать, что действия и мысли мои уязвимы с точки зрения здравого смысла. Верно; я и сам так полагаю.

Первым правилом было: не сворачивай в коридоры пыльнее того, по какому идешь. Еще одно: незачем пытаться срезать путь там, где это вроде бы можно сделать. Пойдя напрямик, не придешь, куда намеревался. И самое главное, не давай воли чувствам. Особенно — разочарованию.

Дворец — единственное в мире здание, где можно, ступив в дверь, оказаться на другом этаже. По собственному опыту знаю. И это — не шалости каких-нибудь там эльфов. Просто дворец — жуткая мешанина пристроек, добавлявшихся к нему веками, да к тому же расположенная на очень неровной земле.

Нетерпение мое дошло до того, что я отважился на шаг, фактически пораженческий. Я решил спуститься на нижний этаж, отыскать одну из тысячи задних дверей, которые открываются лишь изнутри, и выбраться на улицу. Там я пойму, где нахожусь, и вдоль стены дойду до входа, которым пользовался регулярно. А уж оттуда можно идти прямо домой.

В сей полуночный час во дворце действительно стояла непроглядная тьма. В этом я убедился после того, как, спускаясь по лестнице, споткнулся и уронил лампу.

Она, конечно же, разбилась. Некоторое время света внизу было больше, чем надо, но вскоре огонь погас.

Ох-хо-хо... Дверь на улицу там обязательно должна была быть. Винтовая лестница шла вниз вдоль наружной стены — в этом я, прежде чем воспользоваться ею, убедился, высунувшись в окно.

Спускаться по древней винтовой лестнице нелегко, особенно если нет перил, да еще не видно, куда ступаешь. Однако я завершил спуск и даже ничего не сломал, хотя пару раз оскользнулся и перенес долгий приступ головокружения, проходя сквозь клубы дыма сгоревшего светильного масла.

Наконец лестница кончилась, и я принялся шарить в поисках двери. Внезапно одна мысль заставила нахмуриться. Что я делаю?.. И на то, чтоб найти ответ, пришлось покопаться в голове.

Обнаружив дверь, я почувствовал близость свободы. Удалось нащупать даже старинный деревянный засов, чего я и вовсе не ожидал.

Рванув засов, я толкнул дверь. Та распахнулась наружу.

Неверно ты, Мурген, решил задачу...

Ничто не шелохнется в неподвижности той, лишь дрогнет порою дымка в лучах света, пробивающихся сквозь врата сна. Тогда Тени отсиживаются в укромных уголках. И так, в едва уловимых биениях сердца тьмы, протекает их жизнь.

Огромный деревянный трон стоит на возвышении в самом центре палаты, и столь обширна та палата, что лишь само солнце в силах осветить ее всю. На троне том, окутанная вуалью теней, простерта фигура, распятая серебряными кинжалами, пронзившими члены ее. Порой, едва слышно, вздыхает она во сне, обеспокоенная дурными сновидениями.

Таково ее бытие.

В ночи, когда ветер не проникает в палату сквозь разбитые, потускневшие стекла окон, не гарцует по опустевшим коридорам и не шепчется с мириадами ползучих теней, крепость сию наполняет безмолвие камня.

55

Ни воли.

Ни личности.

Домой, в обитель боли...

56

Вот ты где! Где тебя носило? Добро пожаловать в...

...обитель боли?

57

Обитель боли...

Я навещал ее, но не помню ни дороги туда, ни самого визита.

Я стоял на четвереньках посреди полуразобранной мостовой. Ладони и колени болели. Я поднял руку к глазам. Ладонь была

расцарапана. Из дюжины царапин сочилась кровь. Мысли в голове словно бы окоченели. Оторвав от мостовой другую руку, я принялся вытаскивать из ладоней крошки камня.

В полусотне ярдов от меня оливково замерцала, пульсируя, стена здания. Круг кладки вывалился из нее, и из темноты появились Тени. С оружием наготове они полезли в открывшееся отверстие. Изнутри раздались лязг металла и крики.

Поднявшись, я побрел туда, смутно заинтересовавшись происходящим, но не зная отчего — никаких определенных мыслей у меня не возникло.

— Эй! — Из дыры в стене на меня уставилась одна из Теней. — Мурген, это ты?

Я продолжал идти, хотя дико кружилась голова. Меня занесло вправо, я наткнулся на стену и сумел хоть как-то сориентироваться. Словно пьяный, я развернулся, удерживаясь одной рукой.

— Вот он!

Тень указала на меня.

— Шандал?

— Ага. Как ты там? Что с тобой сделали?

Болело понемногу, но — везде. Словно все тело истыкали-изрезали, да еще угольями прижигали.

— Кто? Никто со мной ничего не... — Или как? — Где я? Когда?

— Чего?

Из-за стены выглянул человек. Лицо его было замотано шарфом, видны были лишь глаза. Мельком взглянув на меня, он скрылся. За стеной кто-то закричал.

На улицу выскочили люди. Некоторые держали в руках окровавленное оружие. Лица их были скрыты под масками. Двое подхватили меня под руки и поволокли прочь.

Мы неслись по темным улицам ночного города. На заданные мною вопросы никто не ответил, так что некоторое время я совершенно не представлял себе, где нахожусь. Затем мы миновали открытое пространство, и по пути я углядел деджагорскую цитадель.

Это послужило ответом на первостатейные вопросы.

Но тут же возникла уйма новых. Почему мы вне части города, принадлежащей Отряду? Как я здесь оказался? Почему ничего не помню? Помнится только, как гостил у Кы Дама, втайне вожделея к его внучке...

Спутники мои сняли маски. То были наши, ротные. Да еще дядюшка Дой с парой других нюень бао. Мы как раз сворачивали в проулок, ведший к их кварталу.

— Не так быстро... — выдохнул я. — Что происходит?

— Кто-то тебя украл, — объяснил Шандал. — Мы поначалу на Могабу думали.

— Как?

— Тенекрут увел всю свою армию в погоню за Госпожой. Если пожелаем, можем отправляться на все четыре. Мы думали, он решил взять заложника.

Мне не верилось, что Тенекрут просто так взял и ушел.

— Дядюшка Дой... Последнее, что я помню, это — как чаевничал с глашатаем.

— Твое поведение становится странным, Каменный Солдат.

Я зарычал, но он и бровью не повел.

— Глашатай решил, что ты, наверное, был пьян, когда пришел. И велел Тай Дэю отвести тебя домой. На него напали. Ты был столь обременителен, что Тай Дэй не смог защищаться. Он был сильно избит, однако ж смог добраться домой и рассказать, что произошло. Твои друзья начали розыски, едва мы сообщили им.— Тон его подразумевал некоторые сомнения в том, стоило ли.— Пожалуй, они сноровистее, чем кажутся. Тебя разыскали быстро. Ты был не в цитадели, куда тебя мог доставить Могаба.

— Как я прошел через весь город?

Я прикрыл глаза. Вдобавок ко всем прочим напастям, голова трещала, словно с похмелья. Какой гадостью меня напичкали?

На вопрос снова никто не ответил.

— Ночь — все та же?

— Да. Но она уже на исходе.

— И это точно не Могабиных рук дело?

— Нет. Наров там не оказалось. Больше того: вскоре после тебя кто-то напал и на Могабу. Его, вероятно, замышляли убить.

— Может, джайкури?

Многие из местных хотели бы избавиться от проблемы, уничтожив ее источник.

— Возможно.

Но это прозвучало неуверенно. Пожалуй, надо было прихватить пленных.

— Где Одноглазый?

Кроме него, некому было вырвать из стены кусок кладки.

— Тылы прикрывает,— ответил Шандал.

— Хорошо.

Я почти пришел в норму. То есть мысли смешались окончательно. Кто бы ни похитил меня, ему пришлось постараться, дабы пройти кварталы нюень бао незамеченным.

Дядюшка Дой угадал ход моих мыслей.

— Нам не известно, как злоумышленники смогли подстеречь тебя и подобраться вплотную к Могабе. Четверым последним это стоило крови.

— Он их убил?

— По всем сведениям, то была великая битва. Четверо против одного.

— Неплохо для Могабы. Ну, он тоже заслужил хоть немного радости в жизни.

Мы добрались до здания, скрывавшего штаб-квартиру Отряда. Я пригласил всех внутрь. Ребята принялись разжигать очаг, а я, дождавшись появления Одноглазого, предложил ему притащить пива, которое, говорят, где-то тут имеется и придется весьма кстати.

Ворча, он удалился и вскоре вернулся вместе с Гоблином, таща бочонок.

— За мой счет,— объявил я.

Одноглазый взвыл.

Раздевшись, я улегся на стол.

— Как я выгляжу, Одноглазый?

Он ответил, словно глупее вопроса быть не могло:

— Как всякий, которого пытали. Ты совсем не помнишь, как оказался на улице?

— Думаю, они услышали, что вы идете, и выпихнули меня наружу, чтобы отвлечь вас на время.

— Не вышло. Повернись на бок.

Я заметил человека в дверях.

— Заходи, заходи. Пивка с нами выпьешь.

К нам присоединился Зиндху. Кружку он принял, но чувствовал себя крайне неуютно. Я отметил, как внимательно наблюдал за ним дядюшка Дой.

58

То была все та же ночь приключений. Мысли мои все еще пребывали в беспорядочности, тело болезненно ныло, а силы мои были крайне истощены, и все же я, обвязавшись веревкой, собирался спускаться со стены.

— Нары точно не видят нас с надворотной башни?

— Мурген, черт тебя дери, ты идешь, наконец? Ворчишь больше своей тещи.

Одноглазый имел право судить — он общался с нею не раз.

Я посмотрел вниз. И зачем я поддался на уговоры Гоблина с Одноглазым?

Двое таглиосских солдат, ждавших, пока я доберусь до грубо сколоченного плота, помогли мне взойти на борт.

— Какова глубина? — спросил я.

— Семь футов,— отвечал тот, что повыше.— Можно на шестах пройти.

Веревка задергалась. Я придержал ее. Вскоре на плот спустился Зиндху. Ему, кроме меня, не помог никто. Таглиосцы его присутствия словно бы не замечали. Я три раза дернул за веревку, давая знать наверх, что мы отправляемся.

— Пошли.

Таглиосцы были из добровольцев, и выбрали их оттого, что они успели хорошо отдохнуть. Они были рады покинуть город, и в то же время печальны — оттого, что придется возвращаться.

Переправу они считали пробой: если удастся добраться до холмов, миновать южан и вернуться, тогда на будущую ночь на ту сторону отправится целый флот.

Только вернемся ли? Если Тенекрутовы люди не перехватят. Еще надо отыскать Госпожу, о каковой части нашей миссии солдаты не подозревали...

Взяли с собой и Зиндху, так как Кы Дам решил, что убрать его из города — хорошая идея. Самого Зиндху никто не спрашивал. Таглиосцы должны были охранять меня, прикрывая тылы. Дядюшка Дой хотел отправиться с нами, однако глашатая уломать не смог.

Переправа прошла без происшествий. Едва ступив на сушу, я извлек из кармана крохотную зеленую деревянную коробочку и выпустил из нее мотылька. Тот, вернувшись к Гоблину, должен был возвестить о нашем благополучном прибытии.

Были у меня и еще такие коробочки, разных цветов, и во всех сидели мотыльки, коих надлежало выпускать, сообразуясь с обстановкой.

Стоило нам войти в распадок меж холмов, Зиндху тихонько предложил пойти первым.

— Я опытен в таких делах,— объяснил он.

Через несколько минут я в этом убедился. Двигался он неторопливо, осторожно и совершенно беззвучно.

Я тоже старался, но у меня получалось хуже. А таглиосцы вообще могли бы еще и коровьи колокольцы на шеи нацепить.

Вскоре Зиндху шепотом предупредил нас об опасности. Мы замерли. Южане с топотом проследовали мимо, ярдах в двадцати от нас. Я уловил обрывок беседы, из коего понял, что теплое одеяло для них предпочтительнее ночного патрулирования в холмах. Удивительно. Почему-то всегда кажется, что в чужой армии все по-иному...

Часом позже мы встретили еще один патруль. Эти тоже прошли мимо, не заметив нас.

Мы пересекли кольцо холмов, когда восток уже занялся зарей, что улучшало обзор до возникновения опасности быть замеченными.

— Необходимо найти укрытие,— сказал Зиндху.

Обычный порядок для вражеской территории. И трудностей это не составило. Овражек неподалеку густо зарос кустарником. Там можно прятаться до тех пор, пока не забудешь, что оранжевой пижамы на ночь надевать не стоит.

Я захрапел в тот же миг, как опустился на землю. И никуда не унесся.

Разбудил меня запах дыма. Я сел. В тот же миг поднялся и Зиндху. Я увидел ворону, разглядывавшую меня с расстояния, столь близкого, что мне пришлось скосить глаза к носу, чтобы сосредоточить

взгляд на ней. Таглиосец, который должен был стоять на часах, спал без задних ног. Для хорошо отдохнувшего это уж слишком. Я ничего не сказал. Зиндху тоже хранил молчание.

Через несколько мгновений опасения мои подтвердились.

Кто-то закричал на языке южан. Ему ответили. Ворона залилась хохотом.

— Они знают, что мы здесь? — еле слышно спросил Зиндху.

Казалось, ему трудно в это поверить.

Я поднял палец, требуя полной тишины, и, прислушавшись, разобрал несколько слов.

— Они знают, что здесь кто-то есть. Кто именно, не знают. Недовольны, что нас нельзя просто прирезать. Хозяину Теней нужны пленные.

— Может, выманивают?

— Они не знают, что кто-нибудь из нас понимает их язык.

Белая ворона, сидевшая рядом, каркнула и захлопала крыльями, пробиваясь наверх сквозь ветви. К ней присоединилось еще десятка два.

— Если не сможем скрыться, придется сдаваться. Драться нельзя.

Зиндху принял безнадежный вид.

Я согласился. Во мне тоже радости оставалось мало. Равно как и в таглиосцах. Бедные мы, несчастные...

Скрыться нам не удалось. Вороны от души развлеклись, наблюдая наши тщетные старания.

59

Время не имело значения. Лагерь Хозяина Теней располагался где-то к северу от Деджагора. Мы были из первых, взятых в плен, но вскоре к нам присоединились еще. Множеству людей Могабы не терпелось покинуть город.

Зато ему полегчало с прокормом оставшихся.

Никто из наших в плен не попал — видимо, Гоблин с Одноглазым крепко держали их в узде.

Мотыльков я больше не посылал, стало быть, им известно, что вместо Госпожи я отыскал кучу неприятностей на свою голову.

Даже охрана наша ведать не ведала, зачем мы понадобились Тенекруту. Может, и к лучшему, что мы этого не знали.

Так я провел множество дней. С поросятами, откармливаемыми к столу, и то обращаются лучше. Пленные продолжали поступать. Еда была вовсе неподходящая. После нескольких кормежек у всех открылся сильнейший понос. Отхожих мест не было. Даже простых сточных канав. И выкопать самим не позволяли. Наверное, не хотели создавать нам слишком уж комфортабельных условий.

Впрочем, житье наше было немногим хуже, чем у собственных солдат Тенекрута. У них ничего не осталось, и ничего не предвиделось в будущем. Несмотря на репутацию Тенекрута, они разбегались

толпами. Оставшиеся ненавидели его за то, что довел их до подобного состояния. И злость вымещали на нас.

Уж не знаю, как долго мы пробыли там. Потерял счет дням. Был занят, стараясь умереть от дизентерии. Только однажды заметил необычайное — отсутствие ворон. Так к ним привык, что заметил, только когда их не стало.

Меня носило туда-сюда. Я перенес множество новых приступов. И это совершенно истощило мой дух, тогда как тело изошло на кровавый понос.

Если бы только выспаться...

Меня разбудил Зиндху. Я съежился от его прикосновения — пальцы были холодны как лед, словно принадлежали ящерице. Из всех находившихся в загоне он знал только меня и потому хотел поддерживать приятельские отношения. Он подал мне чашку воды. Хорошая жестяная чашка; где он ее отыскал...

— Пей, — сказал он. — Чистая.

Пленные, окружавшие нас, лежали в грязи, непрестанно ворочаясь в беспокойном сне. Кто-то вскрикнул.

— Что-то назревает, — продолжал Зиндху.

— Что?

— Я чувствую дыхание богини.

Тут и я на миг почуял нечто, помимо вони испражнений, немытых тел и мертвечины.

— О, — шепнул Зиндху. — Вот оно...

Я взглянул, куда он указывал.

«Оно» происходило в большом шатре, принадлежавшем Хозяину Теней. В воздухе вспыхнули огни странного цвета.

— Наверное, приготовил что-то особое...

Может быть, выследил Госпожу...

Зиндху всхрюкнул. Похоже, ему местные условия шли лишь на пользу.

Сполохи сверкали довольно долго, но не привлекли ничьего внимания. У меня возникли подозрения. На мне все так же лежало Гоблиново заклятье от сонных чар. Значит?..

Я подполз к загородке и, не получив удара древком копья, понял: лагерь вправду зачарован.

Вода, принесенная Зиндху, быстро придала мне сил и заставила мозги ворочаться быстрей. Очевидно было, что теперь, когда никто не мешает, самое время прекратить злоупотреблять Генекрутовым гостеприимством. Я начал протискиваться меж брусьев ограды.

Желудок протестующе заурчал. Я не обратил на это внимания. Зиндху схватил меня за руку. Хватка у парнишки оказалась железной.

— Подожди.

Что за черт? Ладно, жду. Рука-то — одна из моих любимых. Не хотелось бы лишаться ее общества.

Громадный желток луны выполз на небо с востока. Зиндху, не отпуская меня, глядел в сторону большого шатра.

Откуда-то с высоты раздался пронзительный вопль.

— Ети-ит-т-твою. Только не это... — пробормотал я.

Удивленный Зиндху отпустил меня и уставился в небо.

— Это — Ревун, — пояснил я. — Плохо дело. По части жестокости Тенекруту у него еще поучиться стоит.

Тут откинулся полог Тенекрутова шатра, и наружу вырвались люди. Некоторых из них я узнал — как не узнать дикую русую шевелюру Лозана или же Госпожу, под чьими мягкими волосами гнездится столь жестокий разум... На шаг позади нее блестела в лунном свете эбеново-черная кожа Ножа. Прочие были мне незнакомы. В руках они держали нечто, оказавшееся при более внимательном рассмотрении частями человечьего тела.

Сонные чары, наведенные на скорую руку, рассеялись. Южане повскакали с мест, спрашивая друг у друга, что стряслось. Едва они нашарили свое оружие и доспехи, залязгало железо.

Один из спутников Госпожи, здоровенный шадарит, залопотал что-то о преклонении пред истинной Дщерью Тьмы.

Зиндху хмыкнул. Похоже, ничем этого парня не проймешь. Все слопает, не подавившись.

Он более не держал меня, однако для бегства не оставалось ни сил, ни желания.

60

Госпоже с ее треклятой шайкой удалось добиться своего. Наглость — второе счастье. Проникнув в лагерь, они убили Тенекрута, а будучи схвачены, поведали южанам, что вся их затея обречена и далее им не стоит предпринимать ничего. Я не присутствовал при их общей беседе: кишки взяли верх над любознательностью.

Наши бывшие стражи решили выслужиться перед Госпожой и повели к ней.

Нож узнал нас сразу.

С виду он вполне мог показаться одним из наров — высокий, черный, мускулистый, без единой унции жира. Немногословен, однако выглядит внушительно. Происхождение его был неясно. Он пришел в Таглиос с Лозаном и Корди Мотером, спасшим его от крокодилов где-то в семи тысячах миль к северу от таглиосских земель. Одно все знали наверняка, да и сам Нож не скрывал своей ненависти к жрецам — всем вместе и каждому в отдельности. Было дело, я считал его атеистом, ненавидящим саму идею богов и веры, но потом убедился, что ненависть его распространяется лишь на последователей религии. Наверное, было что-то такое в его прошлом...

Но теперь это неважно. Нож забрал нас с Зиндху у стражей.

— Несет от тебя, знаменосец.

— Так позови служанок, пусть приготовят ванну.

Я и вспомнить не мог, когда в последний раз мылся. В Деджагоре воды на подобное баловство не было.

Теперь-то, конечно, можно мыться, сколько хочешь. Хотя вода наверняка не чиста.

Нож снабдил нас чистой одеждой, изъятой у южных офицеров, дал возможность помыться и отвел к недоученным полевым лекарям, коих Ворчун пытался натаскать для таглиосских частей. О том, как лечить понос, они знали еще меньше моего.

Госпожа приняла нас лишь днем. Она уже знала, что пленные — беглецы из города.

— Почему ты бежал, Мурген? — резко спросила она.

— Я не бежал. Мы решили, что кто-то должен пойти и разыскать тебя. Этим кем-то и посчастливилось стать мне... — Она была в скверном настроении и, похоже, сама чем-то захворала, значит, шутки надо оставить. — Одноглазый с Гоблином посчитали меня единственным достойным доверия и имеющим шанс пробраться к тебе. Сами они уйти не могли. Ну а я не справился.

— Отчего вообще возникла нужда посылать кого-либо?

— Могаба вообразил себя живым богом. Вода окружила нас, преграждая южанам путь к городу, и теперь ему нет нужды уживаться с теми, кто не согласен.

— Черные уверены, что служат богине, госпожа, — сказал Зиндху. — Но ересь их смешна. Они — даже хуже неверующих.

Я навострил уши. Может, узнаю побольше о его единоверцах? Не слишком они мне нравятся. И еще не выяснено, не они ли похитили меня и пытались убить Могабу.

Однако я не мог представить, для чего бы им это понадобилось.

Зиндху переговорил с Госпожой. Ответы Зиндху на ее вопросы ничего для меня не прояснили.

Один раз Госпожа прервала допрос из-за тошноты. Маленький, тощий старикашка по имени Нарайян, вертевшийся поблизости, отчего-то несказанно обрадовался этому. Кстати, Зиндху оказывал старикашке заметное почтение.

Радоваться было нечему. То немногое, что знал я о их культе, убеждало: не хочется мне, чтоб они влияли на моих капитанов.

Допрос завершился. Дружки Ножа увели меня, поместив к Лебедю с Мотером. Это означало, что можно, наконец, поговорить на нормальном языке, однако вскоре я почувствовал себя всеми забытым.

— Что дальше будем делать? — спросил я.

— Не знаю, — отвечал Лебедь. — Мы с Корди просто тащимся за Ее Сиятельством, делая вид, что вовсе не наблюдаем за ней по поручению Прабриндраха Драха с Радишей.

— Делая вид?

— Что толку от соглядатая, который каждой собаке известен? Хотя это в основном заботы Корди. Это он у нас с Бабой в ладушки играет...

— То есть это не просто сплетни? Он вправду с этой самой Радишей?..

— Что, трудно поверить? Да, рожа у нее... Эй, Корди! Где там картишки? Тут объявился пижон, который думает, что умеет в тонк...

— Думает? Лебедь, если ввяжешься со мной в игру, так еще решишь, что это я ее изобрел...

Мотер был довольно скромным типом порядочного роста, с волосами цвета имбиря, выделявшимся на общем фоне лишь оттого, что был белым в стране, где разве что гаремных девочек с рождения прячут от солнца.

— Опять у Лозана язык вперед головы забегает? — спросил он.

— Надо думать. Да я карьеру сделал, благодаря исключительно тонку. Если не можешь обыграть бродячего шулера, рискуешь из Отряда вылететь.

Мотер пожал плечами:

— Ну, так ты живо Лозану шею своротишь. Держи, сдавай. А я схожу узнаю: может, и наш могучий генерал Нож с нами сядет.

— Отсюда ему Госпожу будет не видно,— проворчал Лебедь.

По тону очень уж походило на реплику относительно того, что зелен виноград... Усмешка Мотера подтвердила мои догадки.

— Да что в ней такого? — спросил я.— Всякий, кто хоть пять минут возле нее покрутится, тут же слюни развесит, язык вывалит и все вокруг перестает замечать. Вот я — сколько лет был с ней, и вижу, что все у ней при ней и все на месте, так что лучше не надо, однако все равно не мог бы до такого дойти, даже не будь она Госпожой и женой Старика.

Ну, последнее не совсем верно: через меч перепрыгнуть они так и не удосужились...

Лебедь стасовал колоду.

— Снимешь?

Сниму. Всегда снимаю. Одноглазый приучил.

— Неужто ты вправду не чувствуешь? — спросил он.— Стоит ей мимо пройти, у меня в голове все плывет. А раз она теперь вдова...

— Не думаю.

— Что?

— Какая же она вдова, Костоправ-то жив.

— Ч-черт, и тут не везет... А хочешь, сложим сейчас колоду так, чтоб Корди поначалу решил, что выиграет, и разденем его?

Стоило мне покачать головой, он пожелал узнать, отчего я считаю, что Ворчун жив. Некоторое время я уклонялся от определенного ответа, и тут вернулся Мотер.

— Нож занят. Ищет позицию, с какой удобней рассматривать нашу колдунью. Лозан, ты небось снова колоду подмешал? Баловство это пустое; передай.

— Ну не история ли всей моей жизни? — проворчал я.— Глядите.

У меня на руках были два туза, две десятки и тройка. Автоматический выигрыш; такой расклад не бьется.

— И ведь совершенно честно...

— Неважно,— хихикнул Лебедь.— Все равно оно тебе ничего не стоило.

— Это точно. А чего бы вам, ребята, не навестить Деджагор? Я бы вам по кружечке пивка поставил. Одноглазый у нас варку наладил...

— Ха! Конкуренция?

Лебедь с Мотером, едва прибыв в Таглиос, занялись пивоварением. Сейчас они это дело оставили. Одной из причин было то, что жрецы всех конфессий запретили пастве употребление спиртного.

— Это вряд ли. Проку от его пива — только доход в его карман.

— То же было и с тем, что мы варили,— сказал Мотер.— Папочка мой, пивовар, в гробу переворачивался всякий раз, как мы закупоривали новый бочонок.

— Однако ни капли даром не пропало,— возразил Лебедь.— Едва оно дозревало, мы снимали пену и все выливали в таглиосские глотки. Ты не шибко-то верь насчет папочки. Старик Мотер был податным чиновником и таким тупым, что даже мзды не брал.

— Заткнись и сдавай.— Мотер сгреб свои карты.— Домашнее-то он варил. А вот Лебедев старик вообще был угленосом.

— Зато симпатичным и всеми любимым. И я унаследовал его лучшие черты.

— Ты скорее в мамашу пошел. Если чего-нибудь со своей шевелюрой не сделаешь, тебя скоро кто-нибудь в гарем утащит.

С этой стороны я их раньше не видел. Однако слишком расслабляться в их компании не стоит — это не Отряд. Потому я молча сосредоточился на игре; пусть рассказывают, как жили, пока не осела на их башмаки пыль больших дорог, заставив пуститься по свету.

— А ты, Мурген? — спросил Лебедь, поняв, что выигрываю я куда чаще, чем проигрываю.— Сам-то ты откуда родом?

Я рассказал им, как рос на ферме. В жизни моей не бывало ничего интересного, пока я не решил, что не желаю крестьянствовать. Тогда я записался в одну из армий Госпожи, понял, что и там мне не нравится, дезертировал и поступил в Черный Отряд, где только и мог укрыться от разыскивавших меня профосов.

— Жалел когда-нибудь, что ушел из дому? — спросил Мотер.

— Каждый божий день. Каждый... Выращивать картошку — скучно и утомительно, зато она не воткнет нож в спину. Дома я вряд ли когда голодал, всегда жил в тепле, да и помещик нас особо не прижимал. Он, прежде чем взять, что причитается, всегда глядел, достанет ли арендаторам на зиму... Да и жил-то немногим лучше нашего. А магию мы видели только ту, что бродячие фокусники на ярмарке показывают...

— Так чего ж не вернешься домой?

— Не могу.

— Если держаться с оглядкой, не выглядеть богатым и никого не задевать, можно почти везде пройти без задоринки. Мы же прошли...

— Не могу, потому как дома-то больше нет. Через пару лет после моего ухода там прошла армия мятежников.

А после — и Отряд, по дороге из какого-то мерзкого места в другое, тоже не обещавшее радостей. Вся страна была превращена в пустыню во имя свободы от тирании империи Госпожи...

61

Госпожа прислала за мной только через шесть дней. За это время я избавился от насекомых и малость отъелся, заново набрав несколько фунтов, но все же выглядел, словно из ада сбежал. Собственно, примерно так оно и было...

Госпожа тоже выглядела не бог весть как. Утомленная, бледная, подавленная — наверное, до сих пор превозмогала хворь, от коей ее в прошлый раз рвало. Она не стала тратить времени на пустую болтовню.

— Я посылаю тебя назад, в Деджагор, Мурген. Мы получили тревожные вести о Могабе.

Я кивнул. Сам уже кое-что слышал. Каждую ночь озеро пересекали новые плоты. Дезертиры и беженцы — все как один удивлялись, узнав, что Тенекрут мертв, а армией его, тоже изрядно истощенной повальным дезертирством, командует Госпожа.

Госпожа — дамочка серьезная. По-моему, она просто не хотела снимать проблемы, чтоб Могаба решал ее сам. Невзирая на то, во что это обойдется Таглиосу и Черному Отряду.

— Зачем?

Не слишком-то умно было бы так — любой ценой. Все наши таглиосцы оставили дома родню. Многие — люди видные и состоятельные, таким-то прежде всего выгодно защищать родную землю...

— Мне нужно, чтобы ты просто вернулся и продолжал начатое. Но — записывай все. Оттачивай мастерство. Держи Отряд в сплоченности. И будь готов ко всему.

Я хмыкнул. Не то бы хотелось услышать, учитывая, что осаду можно прекратить хоть сей момент.

Госпожа почувствовала мой скрытый протест, слабо улыбнулась и внезапно взмахнула рукой.

— Спать, Мурген.

И я рухнул, где стоял.

Все та же старая, зловещая...

В голове клубилась густая муть. Таглиосцы, помогавшие мне выбираться из Деджагора, вовсе были словно зомби. Все время молчали и даже, казалось, не замечали ничего вокруг.

— Ложись! — негромко приказал я.— Патруль идет.

Они выполнили приказ, но двигались, словно до предела накурившись дури.

Патрулей стало немного, и избегать их внимания не представляло труда. Да и все равно — в их задачу не входило задержание тех, кто бродит вокруг. Берега озера мы достигли без происшествий.

— Отдыхаем,— распорядился я.— Ждем темноты.

Я не был уверен, стоило ли пересекать холмы днем. Просто не помню, как мы вышли.

— Я что, очень странно себя вел? — спросил я.

Таглиосец, что повыше ростом, медленно, неуверенно покачал головой. Он понимал в происходящем еще меньше моего.

— Я себя чувствую так, словно лишь пару часов назад вышел из непроглядного тумана,— сказал я.— Помню, как нас схватили. Помню что-то вроде боя. А вот как ушли — не помню...

— Я тоже, господин,— сознался тот, что пониже.— Только у меня такое чувство, что надо поскорей вернуться к товарищам. Уж не знаю почему.

— А ты что скажешь?

Высокий, сдвинув брови, кивнул. А ведь так старался вспомнить, что жила чуть не лопнула от натуги.

— Наверное,— предположил я,— Тенекрут что-то сделал с нами и отпустил. Об этом стоит помнить. Особенно если возникают побуждения, коим сам удивляешься.

После наступления темноты мы прошлись вдоль берега, нашли плот и, погрузившись на него, устремились к Деджагору. И немедленно поняли, что на шестах никуда не придем. Слишком уж было глубоко. Кончилось дело тем, что мы приспособили шесты и обломки досок под некое подобие весел. Полночи ушло на переправу, а затем, естественно, все пошло к чертям.

Одноглазый, стоя на часах, коротал время с возлюбленной своей баклажкой пива. Услышав плеск воды и оклики с просьбой помочь подняться, он вообразил, что все орды зла ополчились на него, и принялся пускать в воздух огненные шары, так что любой стрелок средней руки легко нашпиговал бы нас стрелами.

Одноглазый узнал меня почти сразу — мимо просвистело от силы три стрелы. Он заорал, приказывая прекратить стрельбу, но было поздно. Нары с башни над Северными воротами заметили нас.

Мы были довольно далеко, чтоб им удалось разглядеть и лица. Но сама возможность наличия у Старой команды связей с внешним миром, несомненно, привлечет живейший интерес Могабы.

— А-а, рад видеть,— заговорил Одноглазый, когда я вскарабкался на стену.— Мы-то тебя уж мертвецом числили. Через

несколько дней поминки собирались устраивать, ежели время найдется. Замешкался я с этим, потому как дел было много. Раз ты был формально мёртв, мне пришлось продолжать вести Анналы.

Он щедро протянул мне свою, две недели не мытую, кружку с пивом. Я от такой чести отказался.

— Да с все ли тобой в порядке?

— Не знаю. Может, ты сможешь понять.

Я рассказал ему, что смог вспомнить.

— У тебя снова был припадок?

— Если так, то и у двоих прочих — тоже.

— Интересненько... Ладно, завтра об этом поговорим.

— Завтра?

— У меня смена через десять минут, и я намерен малость ухо придавить. Да и тебе поспать не мешает.

Ох, дружище... Что бы я делал, кабы Одноглазый не заботился обо мне?

62

Разбудил меня Бадья.

— Мурген, один из Могабиных людей явился. Говорит, Его Величество желает видеть тебя.

Я застонал.

— Ну откуда столько света?

Накануне я поленился спуститься в подземелья.

— Он здорово зол. Мы-то делали вид, что ты здесь, просто не можешь с ним говорить. Гоблин с Одноглазым иногда двойников твоих на стену выставляли, чтоб пары видели.

— А теперь настоящий Мурген вернулся, а вы и рады его волкам скормить...

— А... Э-э... Так он же никого другого не звал.

То есть от Гоблина с Одноглазым он желает держаться подальше...

— Найди-ка этих друзей и скажи, что они мне нужны. Немедля.

Конечно, ведуны наши, по обыкновению, не торопились.

— Кладите меня на носилки, — велел я, — и волоките в цитадель. Мы сознаемся, что вы обо мне врали, но только оттого, что я был очень серьезно болен. Плот вчера ночью предназначался, исключительно чтоб помыться. А ты подумал, что выйдет смешно, если запустить парочку огненных шаров, пока я без штанов.

Одноглазый собрался было заныть, но я рыкнул, не дав ему начать:

— Я к Могабе без прикрытия не пойду! Ему больше нет надобности с нами нежничать.

— Он будет в плохом настроении, — напророчил Гоблин. — Тут бунты начинаются. С едой стало действительно плохо. Теперь он и

рис по зернышку отсчитывает. Даже его отборные таглиосские сержанты разбегаются.

— Значит, все у него распадается на части... Он-то намеревался поразить мир славными победами, а подчиненные не соответствуют его железной воле...

— А мы — что-то вроде филантропического братства? — проворчал Одноглазый.

— Мы никого не убивали, кто сам не напрашивался. Идемте. Пора. И будьте готовы ко всему. Оба.

Однако вначале мы поднялись на стену — и затем, чтобы я мог поглядеть на город при дневном свете, и для того, чтобы нары лишний раз увидели меня больным.

Вода, поднявшаяся даже выше, чем предсказывала Хонь Тэй, не доставала до зубцов лишь на восемь футов.— Внутри много затоплено?

— Могаба как-то законопатил ворота. Где просачивается — поставил отряды джайкури с ведрами.

— Неплохо. А внизу?

— Каплет кое-где в катакомбах. Немного; ведрами вычерпаем.

Я хмыкнул, глядя на Тенекрутово озеро. Трупов было — не счесть.

— Это что, из насыпей повсплывали?

— Могаба швырял бунтовщиков со стен,— пояснил Гоблин.— Некоторые могут быть с плотов, что перевернулись или сломались в пути.

Я сощурился. Там, за гладью озера, был почти виден конный патруль. Один из плотов с кучей джайкури день застал еще в пути. Люди на борту, отчаянно стараясь уйти в сторону от поджидавшего их патруля, гребли ладонями.

Тут появился и Тай Дэй. Значит, нюень бао до сих пор наблюдают, что происходит в городе. Я решил, что он хочет пригласить меня к глашатаю, однако он безмолвствовал. Я велел посыльщикам:

— Тащите к его светлости.

Когда мы подошли к цитадели, я заметил:

— Да она выглядит, словно из какой-нибудь байки о призраках.

Что да, то да, особенно со всеми этими тучами в небе и стаями ворон, кружащими над вершиной. Деджагор превратился в какой-то вороний парадиз. Так разжирели, что и летают с трудом. Ну, может, и мы их мясцом подкормимся.

Нарам, стоявшим на часах при входе, вздумалось не пускать Гоблина с Одноглазым внутрь.

— Тогда тащите обратно,— скомандовал я.

— Подожди!

— Кончай, приятель. Мне нет нужды в Могабиной ерунде. Лейтенант жив, и капитан, вероятно, тоже. Могаба больше дерьма не стоит, кроме как в собственном воображении.

— Может, хоть поспоришь с ними? Мы бы отдохнули малость...

Одноглазый принялся разворачиваться, дабы начать спуск.

Очиба догнал нас, не успели мы спуститься на улицу.

— Прими извинения, знаменосец. Быть может, ты передумаешь?

— Чего там передумывать — мне не шибко хочется видеть Могабу. Он тут, может, волшебными грибами питался или же корешок счастья пожевывал, а из меня уж вторую неделю кишки с поносом вылазят. Нет у меня сил развлекать безумцев, одержимых манией убийства.

Что-то мелькнуло в темных глазах Очибы. Может, он был согласен со мной. Может, в его голове шла его собственная война — война между верностью величайшему из наров Джии-Зле и верностью своему человеколюбию.

Я не собирался продолжать разговор. Малейший намек на заинтересованность подтолкнет колеблющихся к обычному: «Не нами такой порядок заведен...»

Часовые тем временем тихонько обсуждали политику Могабы. Если уж эти ребята в нем усомнились, дела обстоят даже хуже, чем я думал...

— Как пожелаешь, — сказал Очиба. — Пропустите носильщиков.

Никто не поглядел, кем были мои носильщики.

И я впервые почувствовал за собою некоторую силу. Уютное чувство...

63

Был ли Могаба рад видеть Гоблина с Одноглазым в столь добром здравии? Уж поверьте, нет. Однако неудовольствия выказывать не стал. Просто добавил кое-что к своему мысленному счету. Он доставит мне еще больше неприятностей, чем задумал. Позже.

— Сидеть можешь? — спросил он, словно заботясь о моем здравии.

— Это да. Я проверял. Отчасти из-за этого и задержался. Да еще хотел проверить, не повредился ли в уме.

— Вот как?

— Более недели меня мучили приступы лихорадки и понос. Прошлой ночью меня спустили на плот и окунули в воду, чтоб охладить. Помогло.

— Вижу. Присаживайся к столу.

В зале заседаний присутствовали, кроме Могабы, Зиндаб с Очибой да нас трое. Сквозь окно за спиною Могабы мне были видны холмы и вода. И вороны. Они кишмя кишели возле окна, хотя ни одна не пыталась проникнуть внутрь. Красные глазки белой пронзили меня особо злобным взглядом.

Наверное, мы выглядели слишком голодными.

На какой-то миг я узрел этот же самый зал, только в другое время, с Госпожой за этим самым столом и еще кое-кем из присут-

ствовавших. Только Могабы там не было. И позади них за окном все сплошь было серо...

Одноглазый ущипнул меня за мочку уха:

— Мурген, не время.

Могаба пристально наблюдал за нами.

— Не настолько поправился, как показалось, — объяснил я, размышляя, что бы могло означать мое видение.

Да, именно видение. Для простой игры воображения — слишком много подробностей.

Могаба уселся в кресло напротив меня. Он изображал вежливость, сдерживая свою природную самоуверенность.

— Мы столкнулись со значительными и многочисленными трудностями, знаменосец. Лежат они вне стен города и не относятся к нашей внутренней враждебности.

Черт побери! Он что, на здравый смысл меня берет?

— И то обстоятельство, что лейтенант с капитаном живы, поверим мы в это или нет, ничего не меняет. Нам придется бороться с этими трудностями, так как никаких подкреплений в обозримом будущем ожидать не приходится.

С этим трудно было спорить.

— Пожалуй, вмешательство Госпожи больше помешало, чем помогло. Сейчас мы изолированы от мира только потому, что Хозяин Теней был вынужден искать способ успешно действовать на два фронта.

Я кивнул. Положение наше и вправду ухудшилось. Хотя, с другой стороны, и враг теперь каждую ночь ордами на стены не лезет... Да и Могаба не разбрасывается людьми, стараясь любой ценой разозлить южан в надежде, что те совершат что-нибудь глупое.

Могаба выглянул в окно. В холмах, поднимая пыль, разъезжали уже два патруля тенеземцев.

— Теперь он может просто выморить нас голодом.

— Может.

Могаба скривился, но сдержал злость:

— Мне, сам не знаю, по какой причине, кажется, что наши друзья прорвут осаду.

— Должен признаться, что мне такая уверенность чужда. Хотя я признаю необходимость поддержания оптимистических настроений среди солдат.

Собирался ли я спорить? Нет. Он был куда более прав, чем я.

— Итак, знаменосец, как мы будем держаться дальше, когда запасы провизии почти истощены? И как отвоюем наше знамя, когда преодолеем эти трудности?

— Ответов у меня нет. Хотя, я полагаю, знамя и так уже в руках друзей.

Отчего это так интересует его? Почти всякий раз спрашивает о знамени... Неужто верит, что обладание знаменем сделает его законным капитаном?

— Как это?

Он был удивлен:

— Вдоводел, появившись в первый раз, держал в руках настоящее знамя.

— Ты уверен?

— Полностью.

— Тогда поделись соображениями относительно провизии.

— Можно попробовать рыбную ловлю.

С Могабой не стоит быть шибко умным — это его только пуще злит.

— Это не шутки, — буркнул Гоблин. — Вода поступает из обычных рек.

Этот маленький вредина не так уж туп, как иногда кажется...

Могаба нахмурился.

— Есть у нас кто-нибудь, понимающий в рыбной ловле? — спросил он Зиндаба.

— Сомневаюсь.

Они, конечно же, говорили о таглиосских солдатах. Нары уже дюжину поколений были исключительно воинами. И негероической работой себя не утруждали.

Я отнесся к совещанию крайне халатно. Я запамятовал упомянуть, что нюень бао явились из земель, где на рыболовстве, возможно, жизнь держится.

— Это мысль, — признал Могаба. — Вдобавок — жареная воронятина... — Он снова взглянул в окно. — Но большинство таглиосцев не едят мяса.

— Задачка, — согласился я.

— Сдаваться я не намерен.

На это подходящего ответа не имелось.

— И собственных ресурсов у вас нет?

— Еще меньше, чем у тебя, — солгал я.

У нас все еще оставался кое-какой рис из катакомб. Но немного. Мы экономили, где могли, руководствуясь подсказками из Анналов. И вроде бы не выглядели жертвами голодовки. Пока что.

Хотя и не столь сыто, как нары...

— Соображения относительно сокращения численности едоков-иждивенцев?

— Я позволяю ни на что более не пригодным таглиосцам и местным, кто пожелает, делать плоты и покидать город. Но не позволяю ничего брать с собой.

Он снова сдержал злость:

— Это означает пустую трату древесины. Однако мысль также заслуживает рассмотрения.

Я присматривался к Зиндабу с Очибой. Те так и оставались гагатовыми изваяниями. Казалось, даже не дышали. И не высказывали никаких мнений.

Могаба уставился на меня:

— Боюсь, совещание так ни к чему и не приведет. Ты даже ни разу не ткнул меня носом в свои Анналы.

— Анналы не могут творить чудеса. Об осадах в них говорится только то, до чего можно дойти путем простого здравого смысла. Стой на своем. Пайки. Не трать ресурсов впустую. Помни об угрозе эпидемий. Не истощай терпения противника, если нет надежды пересидеть его. Если сдача неизбежна, сдайся, пока противник еще склонен вести переговоры.

— Этот противник никогда не пытался вести переговоры.

Ну, это еще вопрос. Хотя Хозяева Теней, определенно, полагали себя живыми богами...

— Благодарю тебя, знаменосец. Мы оценим наши возможности и сообщим тебе, что будем предпринимать.

Гоблин с Одноглазым помогли мне сойти с кресла и снова улечься на носилки. Могаба больше ничего не сказал, и я никак не мог придумать, что бы такого сказать ему. Прочие пары просто стояли и наблюдали за нашим уходом.

— Зачем бы это он меня звал? — поинтересовался я, едва оказавшись вдали от посторонних ушей. — Я-то ждал воплей и угроз...

— Мозги запудрить, вот зачем, — сказал Гоблин. — Пока сам раздумывает, не пора ли тебя прикончить, — жизнерадостно добавил Одноглазый.

— Ну, это действительно вдохновляет...

— Он уже решился, Мурген. И выбора, желательного тебе, не сделает. Настала пора быть предельно осторожным.

Домой мы добрались без происшествий.

64

— Не утруждайтесь таскать меня, пока не выяснится, что нужно дядюшке.

Гоблин с Одноглазым стояли у подножия лестницы, ведшей на стену. Дядюшка Дой взирал на нас сверху.

— Я вроде не собирался больше куда-либо, зачем-либо и почему-либо тебя таскать, — заявил Одноглазый. — Насколько я понял, старались мы исключительно маскировки ради.

Дядюшка Дой взирал вниз.

Я поднял взгляд. Стена была сплошь усеяна крохотными бисеринками влаги, но это оттого, что камень холоднее, чем воздух, а отнюдь не потому, что вода просачивается сквозь кладку.

На совесть постарались Хозяева Теней.

— Хорошо ли чувствует себя Каменный Солдат?

— Для истощенного поносом — неплохо. Готов сплясать на твоей могиле, упрямец. Ты — по делу?

— Глашатай желает видеть тебя. Твой поход не увенчался успехом?

Он кивнул головой в сторону холмов.

— Если ты, дядюшка, называешь успехом две недели в гостях у Хозяина Теней, то — еще как увенчался. А вообще-то я только и делал, что страдал от дизентерии, в весе здорово сбавил, а после мне едва хватило соображения сбежать, когда какие-то таглиосцы устроили налет на лагерь. Ладно, уж до глашатая-то доберусь. Только помоги не провалиться в какую-нибудь кроличью нору.

Я и сам легко мог бы дойти, но изображаемая слабость и далее может пригодиться.

В конуре глашатая ничто не изменилось. Разве что один из запахов куда-то повыветрился. Это я отметил сразу, еще с порога. Хотя не смог понять, какой же именно.

Глашатай был готов к беседе. Хонь Тэй уже заняла свое место, а красавица — приготовила чай.

— Тай Дэй известил нас, — улыбнулся Кы Дам.

Определив по моему взгляду и раздувающимся ноздрям причину моего любопытства, он добавил:

— Дан отправился к вышним судиям. Наконец-то. Суровые времена миновали сей дом.

Я не мог удержаться и взглянул на молодую женщину. Она смотрела на меня. Конечно, она тут же отвела глаза, но не столь быстро, чтоб я не почувствовал своей вины, вновь обратив свое внимание к глашатаю.

От старика ничто не ускользнуло. Однако он не стал волноваться из-за того, что лучше оставить незамеченным. Кы Дам был мудр.

Я проникся к старикану огромным уважением.

— Настали тяжелые времена, знаменосец; и за ними грядет еще более ужасное завтра.

Он описал мне мои переговоры с Могабой, и это лишний раз убедило меня, что у нюень бао везде имеются уши.

— Зачем ты говоришь мне об этом?

— Дабы подкрепить прежнее утверждение. Нюень бао следят за черными людьми. После твоего ухода они говорили только на своем родном наречии, пока не начали рассылать гонцов к трибунам когорт и прочим видным таглиосцам. Они соберутся в час ужина.

— Затевается что-то большое.

Старик слегка склонил голову:

— Я хотел бы, чтоб ты посмотрел сам. Ты знаешь этих людей лучше, нежели я. Ты сможешь определить обоснованность моих подозрений.

— Ты хочешь, чтобы я последил за их собранием?

— Наподобие этого.

Старик глашатай не стал посвящать меня в подробности. Хотел, чтобы я оценил положение свежим взглядом.

— Дой проведет тебя.

65

И Дой повел. Путь наш лежал подземными кельями, столь же запутанными, как и наши, однако о переходах заботились меньше. Выкопавшие их желали лишь ускользнуть подземельями в случае надобности. Прятаться там явно не намеревались. Должно быть, то были джайкури, пособничавшие Грозотени. Она наверняка обеспечила себе запасной выход.

— Удивляюсь я тебе, дядюшка, — заговорил я. — Как вообще у живущих на болотах может иметься понятие о подземельях? Не думаю, что они для вас — дело обычное.

— Это правда.

Он слегка улыбнулся.

Наверное, они разыскали этот ход благодаря простому дурацкому везенью, вкупе, может быть, с некоторыми соображениями по поводу направления мыслей Грозотени.

Словом, пробраться в цитадель оказалось делом несложным, разве что кое-где пришлось двигаться ползком. Строители явно не приняли в расчет достоинства Грозотени. И мне пришлось тяжеловато — я все еще пребывал не в лучшей форме.

Мы добрались до небольшой открытой ниши под лестницей, что, насколько хватало глаза да света одной крохотной свечи, поднималась прямо в бесконечность. Похоже было, что драгоценную свечу извели исключительно ради меня; сами же нюень бао весь путь проделывали в полной темноте.

Я бы не выдержал. Уж очень не люблю замкнутого пространства, несмотря на то, что сам обитаю в подобных подземельях. Теснота, темнота, периодические припадки и видения — тот еще набор.

Хотя последнее время припадков что-то нет...

Я поставил ногу на первую ступеньку.

Дядюшка Дой, ухватив меня за запястье, покачал головой.

— Как? Разве зал заседаний не там?

Шепот мой прошуршал шажками бегущей мыши.

— Там нет того, что хотел показать тебе глашатай. — Дядюшка Дой шептал так, что даже воздух, казалось, не шелохнется. — Идем.

Ползать больше не пришлось. Оставалось лишь миновать вереницу коридоров, слишком узких для коренастого дядюшки. Наверное, он все пузо смозолил о шершавую кладку.

За этот раз я узнал о цитадели больше, чем во все прошлые посещения. Там, внизу, под окрестными площадями, лежали бесчисленные склады, пыточные, арсеналы, казармы, водозаборы и кузницы, о существовании коих я и не подозревал.

— Да здесь припасов — на многие годы! — шепнул я.

Да, пары со своими фаворитами могли бы долго отсиживаться в цитадели. Грозотень много чего припасла на черный день.

Значит, Могаба лгал, стараясь вызнать, насколько хороши дела у Старой команды.

Может, с этих-то запасов и процветают нюень бао, в то время, как все прочие голодают? Щиплют по крохам, точно мыши, чтобы недостачи не заметили...

— Поторопись,— сказал дядюшка Дой.

Вскоре до нас донеслось отдаленное пение.

— Мы можем опоздать, Каменный Вопи. Поспеши.

Я не дал ему по башке только потому, что шум мог бы насторожить поющих.

Я, еще не видя, понял, что это нары. Я и раньше слыхал от них подобные песнопения. Правда, те были для веселья во время работы либо празднеств. Эта песня звучала мрачно и холодно.

Дядюшка Дой, задув свечу, взял меня за локоть. Мы продолжали следовать узкими проходами, пока вдруг не оказались в самом обычном, довольно просторном потайном коридоре, проложенном за стеной главных помещений. Вход в подземелья ничто не скрывало. Просто темный закоулок, на который и смотреть-то не захочешь...

Зал был освещен свечами в редких канделябрах. Видимо, нары, несмотря на свои богатства, экономили.

Дядюшка Дой прижал палец к губам. Мы были совсем близко от людей, вполне способных заметить нас по малейшему подозрительному шороху. Опустившись на четвереньки, он повлек меня прямо в зал, в коем собрались почти все нары. Освещена был только та часть зала, где они находились. Дядюшка укрылся за колонной. Я спрятался за низким, пыльным столом рядом с самой дверью. Мне ужасно хотелось стать черным, как нары. Казалось, лоб мой светится в темноте, будто месяц...

От нашей жизни ожесточаешься. Очень быстро отучаешься удивляться новым ужасам. И все ж распознавать ужасное большинство из нас не разучились.

Словом, в зале как раз творилось нечто подобное.

Там стоял алтарь. Могаба с Очибой участвовали в какой-то церемонии. Над алтарем находилось небольшое изваяние из темного камня, изображавшее застывшую в танце четырехрукую женщину. Подробностей было не разглядеть — слишком далеко,— однако наверняка могу сказать, что у женщины этой были клыки вампира, три пары грудей, а на шее ожерелье из черепов младенцев. Нары, быть может, называли ее по-другому, это была Кина. Хотя поклонялись ей нары не так, как это описывалось в книгах джайкури.

Обманщики не желают проливать крови. Потому-то их и зовут душилами. А нары не только проливали кровь во имя своей богини, они еще и пили ее. И похоже, уже давно — вдоль стены висели обескровленные трупы. Последняя их жертва, какой-то злосчастный джайкури, был подвешен рядом с товарищами по несчастью вскоре после нашего прихода.

Набожность сочеталась в нарах с практичностью. По окончании зловещей церемонии они принялись разделывать один из трупов.

Я развернулся и пополз прочь из зала. И плевать мне было, что бы там ни подумал дядюшка Дой.

В Отряде я много чего насмотрелся — и пыток, и невероятных жестокостей, и бесчеловечности, которой даже осмыслить не мог, однако ни разу не сталкивался с людоедством со всеобщего одобрения.

Меня не вырвало. Я не вскипел от гнева. Последнее было бы глупостью. Я просто удалился настолько, что мог бы говорить без опасений быть услышанным.

— Я видел достаточно. Идем отсюда.

Дядюшка Дой отвечал легкой улыбкой и едва заметным движением брови.

— Мне нужно обдумать это. И записать. Мы можем не пережить этой осады. Они, скорее всего, переживут. Осаду должна пережить и весть о том, кто они такие.

Он пристально разглядывал меня. Может, размышлял, не балуемся ли и мы жареным мясцом «длинных свиней».

Наверное, размышлял.

Такие вещи, пожалуй, малость проясняют, отчего нас в здешних краях опасаются.

Могаба грамоте не разумел. Если ему еще не ясно, что темная сторона наров более не является тайной, я могу написать об этом в Анналах, с тем, чтобы предупредить Госпожу или Старика.

— Они все собрались там, — сказал дядюшка, — поэтому можно пройти коротким путем.

— Что там за шум? — спросил я.

Дядюшка Дой снова прижал палец к губам. Мы зашагали вперед.

И обнаружили нескольких таглиосских солдат, закладывавших кирпичом проход, которым мы могли бы выйти. Зачем им это понадобилось? Снаружи этих дверей не взломать... Заклятия Грозотени до сих пор действовали.

Дернув меня за руку, дядюшка направился в другую сторону. Очевидно, он прекрасно знал цитадель. Мне нетрудно было представить его постоянно шляющимся здесь — так, интереса ради. Похоже, он как раз такой породы.

66

— Что с тобой? Кто съел твоего любимого щенка? — спросил Гоблин, увидев меня.

Подобные шутки, после того как в городе не осталось собак, были у всех на слуху. Теперь мясо можно было добыть лишь из двух источников. Нары пользовались обоими. Мы же ограничивались воронами из тех, что поглупее.

Я поведал Гоблину с Одноглазым, что видел. Дядюшка Дой стоял поодаль, слегка раздосадованный тем, что до визита к глашатаю я пожелал встретиться со своими. Не успел я рассказать и половины, Одноглазый перебил:

— Мурген, это надо рассказать всему Отряду.

И — в кои-то веки — он был серьезен, словно с копьем в брюхе.

И — в кои-то веки — Гоблин согласился с Одноглазым без стонов и пререканий:

— Рассказать нужно в точности так, как люди, по-твоему, должны это понимать. Разговоров возникнет — уйма. Тебе не понравится, ежели кто-нибудь раздует это дело еще хуже, чем оно есть.

— Тогда собирайте всех. А я, пока жду, еще раз просмотрю книги джайкури. Возможно, надо будет рассказать и еще кое-что.

— Могу ли я присоединиться к тебе? — спросил дядюшка Дой.

— Нет. Иди передай старику, что я навещу его, как только смогу. Это — дела семейные.

— Как пожелаешь.

Он сказал что-то Тай Дэю и пошел прочь.

Чтение мое прервал Бадья.

— Все собрались, Мурген. Все, кроме Клета. Его куда-то унесло; даже братья не знают, где искать.

— Хорошо.

— Что, плохо дело? Вид у тебя такой...

— Это точно.

— Что, может стать хуже, чем теперь?

— Потерпи немного, все узнаешь.

Через пять минут я стоял перед шестью десятками человек и рассказывал свою повесть. Как много нас стало, ведь еще года два назад всего семь человек числили себя Черным Отрядом...

— Ребята, вы до конца-то дослушаете? — Новости привели наших в мрачное возбуждение.— Тихо! Дело вот в чем: они приносят человеческие жертвы и поедают трупы. Но это еще не все. С тех самых пор, как они присоединились к нам в Джии-Зле, они непрестанно намекают и даже прямо говорят, что мы — отступники. Это значит, они полагают, будто весь Отряд жил по их обычаям.

Поднялся всеобщий рев.

Я треснул каменным молотком по доскам столешницы:

— Заткнитесь, идиоты! Никогда в Отряде не бывало таких обычаев. Нары и Анналов сроду не вели, они и читать-то не обучены!

Я не был вполне уверен, что человеческих жертвоприношений никогда не было за всю историю Отряда. Нескольких первых томов Анналов недоставало, и теперь я сильно подозревал, что первые из нашей братии поклонялись какому-то темному и ненасытному бо-

жеству со столь подлой и жестокой натурой, что даже изустных преданий достаточно, чтоб привести местных в ужас.

Большинству ребят было плевать на этот скрытый смысл всего услышанного. Они просто были злы на наров, так как те собирались усложнить им жизнь.

И я сказал:

— Это еще одна причина для раздоров между ними и нами. Вы все должны понять и проникнуться, что нам наверняка придется драться с ними, прежде чем мы уйдем из этого города. И последнее: с сегодняшнего вечера я возрождаю одну традицию, которую мы упустили из виду после пропажи Костоправа. Мы будем регулярно читать вслух Анналы, чтоб все вы понимали, частью чего являетесь. Первое чтение будет из Книги Кетта. Эта часть, вероятнее всего, написана летописцем Агриппой, когда Отряд находился на службе у Болибога в Чои Делоре. Там наша братия выдержала долгую и жестокую осаду и выстрадала, пожалуй, даже больше нашего.

Вдобавок я замышлял почитать им из книг, написанных Ворчуном на равнине Страха, где Отряду так долго пришлось обитать под землей.

Я отпустил людей на ужин.

— Одноглазый! Чтоб я не слышал больше стонов, когда объявляю чтения. Ясно? Ребята всего этого своими глазами не видели.

— Ну, Чои Делора я тоже не застал.

— Тогда и тебе невредно послушать.

— Мурген, я об этом уж двести лет слушаю! Не было еще летописца, чтоб не вляпался хоть раз в эти «ужасы Чои Делора»! Попадись мне в руки эти типы, написавшие Книгу Кетта!.. Ты знаешь, что этот Кетт и летописцем-то не был? Был он просто...

— Гоблин, тащи сюда Масло с Ведьмаком. Устроим совет старейших из Старой команды.

Собравшись впятером, мы пораскинули мозгами. Едва план был готов, я сказал:

— А теперь пойду, послушаю, что думает глашатай.

67

Кы Дам слушал меня терпеливо, словно бы одаренного ребенка, выкладывающего идею блестящую, но непрактичную.

— Ты понимаешь, что из этой искры может разгореться битва? — спросил он.

— Конечно. Но битва и так неизбежна. Дой сказал, что Могаба все решил после нашей встречи. Гоблин с Одноглазым согласны. А также и Ведьмак с Масло. И из нас пятерых никому не по нраву лишние хлопоты. Нас больше, чем наров. Но их таглиосцы превосходят числом наших, и знать наверняка, как себя поведут обе группы, мы не можем.

Старик повернулся к Хонь Тэй. Немой вопрос на лице его глубже прорезал морщины у уголков его глаз.

Кы Сари, опустившись подле меня на колени, подала чай. Ну это ни в какое сравнение не шло с тем, как было прежде! Глаза ее поймали мой ошарашенный взгляд. Ну слюней-то я, кажется, не распустил...

Хонь Тэй никак не отреагировала на все это. Она была куда спокойней моего. Она пристально взирала на своего мужа и наконец кивнула.

— Будет битва,— сказал он.— И очень скоро. Джайкури поднимут бунт.

Не то я хотел бы услышать...

— Доставят ли они неприятности твоим либо моим людям?

Но тут же я понял, что с этим соваться вперед не стоило, и сразу же извинился.

Кы Сари подлила мне чаю — ни капли еще не налив деду с бабкой!

Словно демон, выдернутый из преисподней за зазубренный язык, появилась Кы Гота — и тут же обрушила на дочь шквал ритмичного, свирепого лая.

Старик, подняв взгляд, резко произнес одно-единственное слово. Хонь Тэй поддержала его целой фразой, произнесенной, я бы сказал, яростным шепотом. Похоже, громче она говорить не могла.

Кы Гота отступила. В семействе Кы были установлены четкие границы и строгая иерархия.

Я взглянул на красавицу. Она снова встретилась со мною взглядом, тут же отвела глаза и покраснела. Прямо-таки вспыхнула.

Что это означает? Неужели они пытаются мной управлять?

Так ведь не выйдет. Даже при помощи такой прекрасной женщины. Уж это-то Кы Дам, раз едва ли не насквозь меня видит, мог бы знать.

Молниеносно перешептавшись о чем-то со своею старухой, он заговорил:

— Мы присоединимся к тебе в этом предприятии, знаменосец. Временно Хонь уверена, что битва между джайкури и солдатами черных людей неизбежна. Битва будет жестокой, но вряд ли коснется остальных наших. Так мы обеспечим секретность. Но я должен настаивать, чтобы Дой имел возможность прекратить наше участие, если возникнет недружественное внимание к нашим людям.

— Прекрасно. Конечно. Порешили. Хотя я бы и без вас попробовал.

Кы Дам позволил себе слабую улыбку — может, по поводу моей решимости, а может, ввиду возможности добавить Могабе неприятностей.

Как только стемнело, мы, убедившись, что бунт начался, отправились навестить Могабины склады провизии.

68

Началось все, словно хорошо отрепетированная пьеса, в коей Могаба со второстепенными персонажами отчаянно старался снискать аплодисменты почтеннейшей публики. Бунт был в самом разгаре. Мы с дядюшкой Доем, для удобства, сформировали по отряду и тихо проникли в хранилища; десять человек из Старой команды и столько же нюень бао. Так, в двадцать пар рук, мы принялись перетаскивать к себе мешки с рисом, мукой, сахаром и бобами. А бунт с самого начала пошел зверский — смятение охватило всю южную половину Деджагора. Все до единого Могабины люди были по горло заняты, пытаясь единым махом подавить мятеж. А каждый джайкури — вплоть до малолетних пацанов, похоже, жаждал добраться до наров, хотя бы для этого пришлось истребить весь первый легион.

Мои люди находились в боевой готовности, задолго до наступления темноты закрепившись на выгодных позициях. Как и нюень бао, которым, впрочем, пока никто не угрожал. Одну из толп мы накрыли. Град дротиков и стрел с фронта, с флангов, а также с крыш живо отбил охоту соваться к нам.

Люди Могабы встретили куда больше трудностей. Они были не готовы к битве. Хуже того, они были раздроблены — кто в рабочих отрядах, кто в патрулях...

Поначалу наши шутили да умничали, рассуждая, что скажет Могаба, когда после боя увидит разграбленные склады.

Вернувшись с добычей во второй раз, я столкнулся с Бадьей.

— Бобы,— сказал я, сваливая наземь громадный мешок.— Разнообразие в рационе нам отнюдь не повредит.

— Мурген, на этот раз там вправду море крови. Могаба дважды запрашивал помощь. Мы отвечали, что тебя никак не найдем.

— Вот так и продолжайте. Пока не почуете, что для нас может выйти хуже, если не поможем.

— Да это вряд ли. Он сгреб под себя большую часть оружия в городе. Его солдаты сбрасывают людей со стен сотнями. Там уж бунтовщик не бунтовщик, мужик, женщина, дитё...

— На то он и Могаба... А что там за пожары?

— Так... Свое же добро палят.

— Значит, все идет замечательно. Только приглядывайте тут.

И я, как в поговорке, вернулся к радостям разбоя. Это может прикончить Могабу.

Уже на складе меня разыскал дядюшка Дой.

— Часть таглиосских солдат бросила посты ради обеспечения безопасности цитадели. Если будем продолжать набег, нас могут застать здесь.

— Ага. А если нас не заметят, Могаба будет грешить на местных, кто знал об этих подземельях.

То бишь набег мог лишить нас возможности засылать соглядатаев на штабные совещания.

Хотя дело того стоило.

Но буду ли я и завтра думать так же? На сытое-то брюхо?

— У нас возникли незначительные затруднения, знаменосец, — сказал дядюшка Дой чуть погодя.

Оба мы тащили наружу по последнему мешку риса. Все наши уже успели уйти вперед.

— Что такое?

— Весть о нашем успехе, несомненно, станет всеобщим достоянием.

— Каким образом? Ведь знают всего несколько человек... Им это дело разглашать — никакого интереса.

— Кто-то проболтался о том, что я недавно показал тебе.

— Чего?

— Темный ритуал. Кто-то пустил слух. Из искры этого слуха возгорелся сегодняшний бунт.

— Не может быть. Слишком организованно действуют.

— Естественно, некоторые приготовились загодя, но после этих слухов восстал весь город. Теперь бунт неуправляем.

Ну, раз говоришь, значит, знаешь.

Он провел весь вечер со мной. Не было у него возможности наблюдать за бунтовщиками.

Прежде чем он успел ответить, из темноты туннеля возник Тай Дэй. Он что-то тараторил и для такого тесного пространства вел себя уж слишком оживленно. Загасит мне свечку — удавлю. Как только нащупаю.

— Что стряслось?

— Черные люди пытаются взломать северные ворота и затопить город.

— Они... Что?! Ну да, это может положить конец бунту. Но это ведь даже для Могабы — слишком... Или — как?

Мы с дядюшкой Доем понеслись изо всех сил, как только позволяли мешки с рисом. Могу спорить: вид у нас был — глупее некуда.

69

— Масло, Ведьмак, Одноглазый, Гоблин, Ишак, Лошак, Бадья, Шандал, вы идете со мной. Аль-Хульская рота поможет нам. Сопатый пошел поднимать их. Идем прямо по стене. Если пары попробуют помешать, растолкаем. Будут драться — убьем. Всем все ясно?

Даже Гоблин с Одноглазым, против обыкновения, не пришлись умничать. К утоплению Могаба, наряду с прочими, наметил и нас.

Подошли таглиосцы. Были они веднаитской веры и вообще — лучшими из преданных Отряду. Они заслуживали доверия и были нам почти друзьями. Из шести сотен таких, несколь-

ко месяцев назад пошедших с нами на юг, теперь остались лишь эти шесть десятков.

Я объяснил им, что происходит, что мы намерены предпринять и в чем должна заключаться их помощь. Им надлежало быстро оттаскивать всякого, кто будет пытаться открыть ворота, после того, как Гоблин с Одноглазым этого всякого обработают.

— Только никому не причинять вреда, если не вынудят защищаться.

— Это почему же? — заупрямился Шандал.— Они-то пытались нам вред причинить...

— Могаба — да. А эти просто подчиняются приказу. Могу спорить: возле ворот не окажется ни единого нара. А еще — на то, что, открыв ворота, они и себе причинят вред вместе со всеми прочими. Могабе они будут больше не нужны.

— Пошли уже,— буркнул Гоблин.— Или уж давайте вернемся да пивка выпьем.

Я повел людей к воротам.

Может быть, из-за провалов во тьму у меня появился дар пророка. Наров у Северных Ворот не оказалось. Стычка вышла столь краткой и беспорядочной, что ее, можно сказать, и вовсе не было. Таглиосцы, разбиравшие баррикаду, бежали. Проклятье! Теперь Могаба узнает, из-за кого провалилась его последняя подлость.

Я сказал Одноглазому:

— Это значит, мы больше не разыгрываем закадычных дружков.

— Ага. Слушай, покажи, как пробраться в цитадель. Я на них наложу сонные чары, а после камня на камне не оставлю от их дурацкого храма.

Идея отнюдь не казалась плохой...

Но осуществить ее мы не успели.

Снизу кто-то заорал, зовя меня. Всмотревшись во мрак, я узнал дядюшку Доя. В дело с воротами я не стал втягивать нюень бао. Не было нужды настраивать Могабу и против них.

— Что?! Это обман! — прокричал он.— На самом деле потоп начнется от...

— А, ну конечно...— Могаба достаточно хорошо знает меня, чтобы предвидеть мое вмешательство.— Идем! Все!

Мы вихрем понеслись вниз.

— Где? — спросил я Доя.

— Восточные Ворота.

Может, Могаба предусмотрел и то, что я смогу пройти через весь город, сквозь толпы восставших джайкури, чтобы помешать его игре?

Вполне. А мог и понадеяться, что мы застрянем и задержимся, а то и вовсе поляжем. Теперь остается только гадать, что у него на уме. Он — безумен.

Одноглазый с Гоблином провели нас и сквозь джайкури и сквозь таглиосцев. С джайкури мы дважды вступали в бой, но оба раза наша численность и волшба сказывались быстро.

В огнях пожаров, горевших по городу, здания отбрасывали пугающие тени, скачущие по мостовой. Подходящее время для Тенекрута, чтоб выпустить своих чудовищ погулять...

У ворот мы наткнулись на баррикады, возведенные ради защиты солдат, разбиравших завал. Здесь, вместе с таглиосцами, присутствовали и нары. По обе стороны баррикад раздались крики. Кое-кто из гуннитов Могабы попробовал смыться, едва наши веднаиты объяснили им, что Могаба хочет потопить всех. Нары прирезали несколько потенциальных дезертиров.

— Вы им не давайте открывать ворота,— сказал я Гоблину с Одноглазым,— а остальные начнут их отгонять. Начинать с наров.

Мигом позже стрела нашла глаз нара по имени Эндибо. Другой нар вонзил копье в Ишака, невероятно симпатичного юношу, вступившего в Отряд, когда мы пересекали саванну, что к северу от Джин-Зле, несколько лет назад. Обидную кличку на него навесил Одноглазый, а он носил ее с гордостью, отказываясь называться как-либо иначе.

Впервые за всю историю, насколько я осведомлен о ней, братья по Отряду и присяге своею волей бились против братьев.

Кровный брат Ишака, Лошак, уложил нара, повинного в Ишаковой смерти, но я так и не узнал имени этого нара, потому и не упоминаю его здесь.

После этого большая часть таглиосцев из первого легиона бежали. Многие из аль-хульцев тоже не пожелали драться, хотя противники и были гуннитами. Все же вскоре разгорелся настоящий бой, и бывшие друзья рубили, кололи и резали друг дружку.

Случайно оглянувшись, я заметил вооруженных джайкури, собравшихся посмотреть. Перед ними, в одиночку, в причудливой, однако ненапряженной позе стоял дядюшка Дой, держа свой длинный меч острием вверх.

— Боги их разрази; глядите! — взвизгнул Гоблин.

— Что?

— Опоздали! Начинается!

Что-то натужно заскрежетало, словно петли мировых врат, и каменная кладка, коею были замурованы ворота, подалась внутрь.

Бой тут же прекратился. Все обернулись к воротам.

Струя воды со свистом пронзила кладку.

Тут уж побежали все. Гуннпты, веднаиты, джайкури, нары, Черный Отряд и единственный нюень бао устремились в разные стороны, стремясь убраться подальше от ворот.

Вода с победным ревом хлынула в город.

70

Вода гремела, проносясь сквозь ворота, но до меня добраться еще не успела. Сей факт привел меня в хорошее настроение. Пробегая мимо цитадели, я видел, как пары собирали своих, гоня прочь таглиосцев. Я хмыкнул. Могаба пупок сорвет от злости, когда вода проникнет внутрь сквозь подземный ход.

Теперь я понимал, зачем те солдаты замуровывали входы-выходы. Город был затоплен не из сиюминутного побуждения. Могаба пестовал эту мысль с того самого часа, как Тенекрут при помощи воды изолировал Деджагор.

При расставании я сказал дядюшке Дою:

— Заплывай как-нибудь в гости.

Через пятнадцать минут я уже обсуждал со своими, как уберечься от протечек. Меры мы начали принимать с самого начала, едва выкопали наши подземелья, но такого, конечно, не предусмотрели. Предотвращали в основном угрозу огня и дыма.

— Лонго, твои ребята обследовали катакомбы? Там выходов наверх нигде нет?

Меня удивляло, что цитадель Грозотени не провалилась в них. Наверное, в выборе места ей помогли знающие люди из здешних.

— Я ничего такого не нашел. Там и раньше все было здорово заштукатурено, так как все это находится ниже уровня равнины. Но если там — семьдесят футов воды, да над улицами — тридцать, она рано или поздно дорогу найдет. Лучшее, что мы можем, это — постоянно проводить водозадержание.

— А может, просто замуровать все входы?

— Попробовать-то можно. Но я бы не стал, пока не возникнет настоящей угрозы затопления. Замуруем, а чуть где протечка, и отвести-то воду некуда.

Я пожал плечами:

— Все ли, что вода может попортить, поднято наверх?

Ребята начали готовиться к худшему, еще когда затопило равнину. Впрочем, не слишком-то мы были обременены имуществом...

— Все в порядке. Продержаться теперь можем долго. Хотя, может быть, стоит малость укрепить фортификации..

— Делай, что можешь.

Лонго с братьями всегда видит чуть больше, чем можно выполнить.

71

Могаба пошел в контратаку, когда вода поднялась едва ли до лодыжки, а паника в городе только-только зарождалась. Он бросил на нас всех своих таглиосцев, вдохновив их на полную беспощадность. Резня вышла ужасная.

Возможно, я никогда не узнаю правды о нападении на нюень бао. Говорили, что таглиосский трибун Пал Субхир неверно понял приказ. Прочие, в том числе и я, обвиняли в этом Могабу, заподозрившего, наверное, что это они разграбили его припасы.

Он наверняка сразу узнал о грабеже. Как только послал солдат вниз удостовериться, не проникла ли туда вода. Допросив несколько пленных джайкури, он выяснил, что тонну продовольствия украли не местные. Ну и из наших кто-нибудь снова мог не к месту распустить язык.

Как бы там ни было, когорта Пал Субхира, усиленная до полного состава, атаковала нюень бао. Дознания трибун провести не успел — слишком рано умер. Таглиосцев в этой атаке вообще полегло множество, однако подкрепления продолжали поступать — вот почему я уверен, что Могаба заранее спланировал все это человекоубийство.

Поначалу я ничего не знал — наблюдательных постов за пределами нашей территории мы не оставили. Не было возможности обеспечить безопасность наблюдателей. Ну а о границе с территорией нюень бао вовсе тревожиться не приходилось — они, несомненно, предупредили бы, если что.

Тай Дэй, как всегда, держался неподалеку. Я поднялся на башню анфиладного огня, дабы обозреть окрестности города. Придет ли помощь? Последнее время снаружи не поступало никаких вестей.

Множество людей хотели покинуть город. С башни я слышал, как некоторые уплывали, думая попытать счастья при Хозяине Теней. Ненадежный народец. Слегка напугались да проголодались — и думать забыли обо всякой свободе...

— Что это?

Тай Дэй здорово удивил меня, выговорив аж целый вопрос. В удивлении, я взглянул туда, куда он указывал.

— Вроде бы пожар.

— Это возле дома деда. Я должен идти.

Больше от любопытства, чем из подозрительности, я сказал:

— И я с тобой.

Он было заспорил, но затем сказал:

— Припадков больше не надо. Я не смогу заботиться о тебе.

Стало быть, нюень бао известно о моих провалах во тьму. И они, видимо, считают, что я болен падучей. Интересно.

Многое же удалось Тай Дэю узнать, всего лишь ошиваясь неподалеку да развесив уши, а рот держа на замке. Мои ребята его вообще перестали замечать...

Вода пока что поднялась только до икр. Однако бежать мешала здорово, а Тай Дэй спешил. Он был уверен, что происходит что-то нехорошее. И был совершенно прав.

Мы миновали проулок, где меня прихватило в прошлый раз, и попали прямиком в преисподнюю. На какое-то мгновение я решил, что перенесся из Деджагора в какой-то другой кошмар.

Таглиосские солдаты волокли из домов женщин, детей и стариков нюень бао и швыряли их на улицу, другим солдатам. А уж те — только поспевали колоть и рубить. Лица их были искажены ужасом перед деяниями рук своих, но они уже не владели собой, зайдя далеко за пределы, где еще не поздно было бы остановиться. Зарево пожара придавало происходящему еще более чудовищный, нереальный вид.

Я видел такое и раньше. Видел своих же братьев за подобной работой, на севере. И не раз. Запах крови полностью овладевает людьми, одолевая разум и душу, не оставляя в тебе ничего человеческого...

Тай Дэй издал горестный крик и рванулся к жилищу семейства Кы, вращая над головой мечом. До их дома, похоже, дело еще не дошло. Я, обнажив меч, последовал за ним, сам не зная отчего. Хотя, пожалуй, из-за женщины по имени Сари. Наверное, разум мой отключился, как и у таглиосцев.

Таглиосцы заступили нам дорогу. Тай Дэй выдал нечто вроде нескольких плавных танцевальных па, и двое солдат упали. Я здорово отделал третьего рукоятью меча, оставив ему на память набор синяков да урок: не дуэлируй впредь с парнем на фут выше тебя и на полсотни фунтов тяжелее.

Прочие таглиосцы, так и кишевшие вокруг, большею частью не обращали на нас внимания, а посему трудностей с самозащитой у меня не возникло. Этот народец помельче, послабей да и обучен куда хуже. Я пробивал себе путь грубой силой, а Тай Дэй наверстывал маневром. К тому моменту, как мы достигли двери дома глашатая, нами уже никто не пробовал интересоваться.

Догадка моя оказалась неверной. Пять или шесть таглиосцев успели забраться внутрь. Только вот уйти уже не могли. Своими ногами.

Тай Дэй гавкнул что-то на нюень бао. Ему ответили. Я с плеча рубанул последнего, самого тупого, таглиосца (клинок об его шлем затупил, чтоб ему), а после затворил дверь, задвинул засов и оглянулся в поисках чего-нибудь тяжелого — еще подпереть для надежности. К несчастью, лучшая мебель семейства Кы состояла из рваных тростниковых циновок.

Кто-то засветил лампу, затем — еще и еще. В первый раз я видел всю комнату, занимаемую семейством Кы. Вначале в глаза бросились трупы нескольких непрошеных гостей. Они, видать, решили воспользоваться красавицей, а уж потом заняться остальными.

Однако не все мертвые тела оказались таглиосскими. Этих было даже не большинство. Скорее совсем наоборот.

Сари прижимала к груди детей, но страха ни в ком из них не было. Глаза ее были пусты.

Тай Дэй, издав звук наподобие писка котенка, бросился к женщине. Она лежала ничком над двумя малышами, прикрыв их своим телом. И усилия ее не пропали втуне: младший, которому не исполнилось и года, плакал.

Таглиосцы, похоже, не собирались ломать дверь. Я опустился на колени там, где столь часто за чаем беседовал с глашатаем. Видно, они с Хонь Тэй смело встретили смерть и приняли ее на своих почетных местах. Голова и плечи старика покоились на коленях жены, но тело оставалось там, где он обычно сидел. Тело Хонь Тэй сникло, прикрыв голову и плечи Кы Дама.

Снаружи донесся шум.

— Тай Дэй! — завопил я. — Не раскисай! Поднимайся!

Что? Старуха еще дышала! Она издала хриплый, булькающий звук. Я осторожно приподнял ее.

Да, она была жива и даже в сознании. Глаза ее потускнели. Казалось, она не удивилась, увидев меня. Губы ее тронула слабая улыбка, и она, несмотря на кровь, заливавшую горло, прошептала:

— Не теряй времени на меня. Забирай Сари. Забирай детей.

Клинок, ранивший ее, прошел сквозь правое легкое. Просто чудо, что она — в ее-то возрасте — до сих пор жила.

Она снова улыбнулась:

— Будь добр к ней, знаменосец.

— Обязательно, — пообещал я, хоть и не понял, что имелось в виду.

Хонь Тэй моргнула и, сморщившись от боли, мягко осела, упав лицом вперед.

Шум снаружи сделался громче.

— Тай Дэй! — Я перепрыгнул трупы, задев чью-то ногу, торчавшую из-за спины Тай Дэя. — Давай быстрей, а то никому не поможешь!

Я заметил еще двоих детей, спрятавшихся в дальнем углу. Взрослых, кроме Сари с ее матерью, в живых не осталось.

— Сари! — Я хлопнул ее по щеке. — Подымайся! Собирай детей!

Они были слишком напуганы, чтоб доверять мне. Для них я все еще оставался чужим.

На Тай Дэя с сестрой нужно было только прикрикнуть. Их мироощущение снова обрело цель и цельность, хоть они и не понимали этого. Им надобен был лишь начальный толчок.

Мы отыскали еще одного ребенка. Больше в живых не осталось никого.

— Тай Дэй! Не растеряешь детей, если рванем к проулку?

Если добежим, таглиосцы нам уже не помеха. Там и один человек может сдержать целую толпу до прибытия помощи.

Он покачал головой:

— Они слишком напуганы и изранены.

Этого я и опасался:

— Тогда понесем. Уложи мать, ей нужна помощь. Сари, бери маленького; я понесу девочку. За спиной. Чтоб руки были свободны. Скажи ей, чтоб держалась крепче, но не хваталась за лицо. Если не сможет удержаться, пусть скажет сейчас; тогда свяжем ей запястья.

Сари кивнула. Истерика ее кончилась. Опустившись на колени подле Хонь Тэй, она некоторое время держала старуху за руку, а затем сняла с нее нефритовый браслет и, с глубоким вздохом и видимой неохотой, надела его на левое запястье. После этого она принялась успокаивать Кы Готу.

Тай Дэй переговорил с детьми, переведя им мои указания. Я заметил, что Сари не проронила ни слова, даже шепотом.

Девочке, которую я собирался нести, было лет шесть. И она никуда не хотела уходить.

— Так привяжите ее, черт побери! — зарычал я.

Меня затрясло. Я не знал, сколько еще мне удастся сохранять терпение.

— Живее! Время не терпит!

Невредимым остался только малыш. А мальчик лет четырех, по-видимому, не выживет, если не доставить его к Одноглазому как можно скорее.

У порога раздался чей-то пронзительный крик. Дверь треснула под тяжелым ударом и слегка подалась. Сари шлепком успокоила девочку и навьючила ее мне на спину.

— Как там твоя мать? — спросил я.

Ничего, бабушка Тролль оказалась в полном порядке. Она уже усадила на левое бедро двухлетку неопределенного пола, а в правой руке сжимала обломок копья. Она была готова к встрече с таглиосцами.

На самом деле подготовка заняла куда меньше времени, чем ее описание.

Сари взяла младенца. Тай Дэй привязал себе на спину раненого мальчонку, а в руках держал меч. Вдвоем мы приблизились к двери. Я глянул в щель меж покореженных досок, но таглиосцы, видимо, спрятались.

— Кто первый? — спросил я.— Кто-то должен прикрывать тыл.

— Я. С сего дня всюду — первый.

Что бы это значило?

— Назад! — рыкнул я, но он уже обратился в смертоносную Тень. Он скользнул вправо от двери, я — влево. Мы убрались с дороги как раз вовремя — дверь, сорванная с петель, рухнула внутрь. Мы бросились на чужака — и едва-едва успели узнать его.

— Дядюшка Дой, ты?!

Везуч он... Тяжесть детей на спинах притормозила нас как раз настолько, чтоб мы успели разглядеть, кто ворвался в дом.

— Идем,— сказал я Тай Дэю.

В совещаниях нужды не было.

Тай Дэй немедля напоролся на двух таглиосцев. Я, прыгнув вперед, тут же уложил одного. Кы Гота проковыляла на улицу вслед за нами — и вонзила навершье копья в горло ближайшего таглиосца, а затем, поудобнее перехватив ребенка, обернулась ко второму.

Мимо пронеслась, хохоча, точно целая стая обезьян, белая ворона.

Уцелевший таглиосец оказался юношей неглупым. Он помчался к ближайшей шайке своих соотечественников.

— Давай, давай! — крикнул я Тай Дэю. — Гота, Сари, бегите за ним! Дядюшка, где ты там? Без тебя уйдем, шевелись!

Дядюшка Дой ступил на улицу как раз в тот миг, как таглиосец добежал до своих и указал им на нас.

— Спасай ребенка, знаменосец. Бледный Жезл защитит тебя.

Зрелище он устроил удивительное — хотя я-то видел лишь мельком. Этот смешной толстый коротыш остановил целую толпу таглиосцев, убив шестерых в шесть секунд. Прочие обратились в бегство.

А мы вбежали в проулок и через несколько мгновений были в безопасности. Вскоре Одноглазый уже работал над раненым ребенком, хоть и без всякого удовольствия, а я, взяв Гоблина и кое-кого из Старой команды, организовал контратаку.

72

Ночь та была переломной. Она не оставила никаких надежд на возобновление дружбы с Могабой. Я нимало не сомневался, что, в случае успешного завершения «ошибочного» нападения на нюень бао, следующими были бы мы.

Бои продолжались, пока вода не поднялась слишком высоко.

Несмотря на то, что Одноглазый и еще некоторые ворчали, что, мол, в задачи наши не входит защита нюень бао, я уберег от гибели примерно треть паломников, числом около шести сотен. Вот во что обошлось нападение Могабы. На следующее утро большинство оставшихся таглиосцев обнаружили, что должны выбирать: либо — с Могабой, либо — против.

Те, что с самого начала были с нами, так с нами и остались. Подобным образом поступили и те, что переметнулись к нам позже. Еще сколько-то пришло теперь, но их было менее десятой доли от ожидавшегося. Я, честно говоря, был разочарован. Да ведь Могаба, если захочет, таких речей может войскам наговорить...

— Это — снова то самое древнее проклятие, — сказал Гоблин. — Они даже сейчас боятся прошлого пуще нынешнего.

А вода продолжала подниматься...

Я отвел нюень бао место в наших подземельях. Дядюшка Дой был изумлен.

— Мы и не подозревали...

— И хорошо. Значит, враг — тем более. А ему до вас далеко.

Черный Отряд тоже спустился под землю. Мы разместили людей со всеми возможными удобствами. Под землей было достаточно просторно для шести десятков человек. После того, как добавили еще шесть сотен нюень бао, стало тесновато.

Пришлось еще всем каждого запоминать в лицо — мои люди были выучены без предупреждения убивать всех незнакомых.

После того, как стемнело, я снова выбрался наружу. Тай Дэй с дядюшкой Доем неотступно следовали за мной. Я собрал таглиосских офицеров, присоединившихся к Черному Отряду, и сказал:

— Я уверен, мы все сделали, что могли. Настало время начать эвакуацию всех, кто пожелает покинуть этот ад.

Сам не знаю почему, я не сомневался, что миновать пикеты южан на том берегу будет проще простого.

— Я пошлю с вами одного из моих ведунов.

Это их не обрадовало. Один капитан вслух поинтересовался, не намерен ли я отдать их в рабство, чтоб своим осталось больше провизии.

О провизии я еще не думал. Да и вообще многих возможных трудностей не учел. Забыл, например, что большинство этих людей присоединились к нам только потому, что верили: иначе в живых не бывать.

— Вздор. Если вам, ребята, больше нравится умирать в нашей компании — оставайтесь. Будем рады. Я просто хотел освободить вас от солдатской присяги, чтоб вы имели хоть какой-то шанс...

Еще после наступления темноты я разрешил мужчинам нюень бао вернуться и посмотреть по домам, не осталось ли припасов либо уцелевших. Найти им удалось не много — солдаты Могабы тоже искали старательно, да и вода поднялась.

Люди Могабы на самодельных лодках и плотах начали набеги на дома джайкури, забирая то, что удалось спасти от прибывающей воды.

Собственный запас Могаба утопил своими же руками.

73

Убедившись, что нас никто не заметит, я увел всех своих братьев внутрь, наглухо завалив все входы и выходы. Взяли мы с собой и нюень бао. Все, кроме нескольких человек, несших дозор со смотровых площадок, доступных лишь изнутри, спустились в самую отдаленную, потайную часть подземелий, отгороженную от внешнего мира ловушками, замаскированными дверями и паутиной заклятий, раскинутой Одноглазым и Гоблином, оставившими лишь призрачных двойников, дабы обозначить путь.

Жилье делили со мною восемь гостей. Всего через несколько часов я сказал дядюшке Дою:

— Идем-ка, проїдемся.

Присутствие шести сотен нюень бао быстро сказалось на состоянии воздуха. Коридоры были освещены редкими светильнями — так что, отойдя от ближайшей на половину дистанции, мы очутились в полной темноте.

Дядюшка Дой, судя по всему, был на грани испуга.

— Я тоже здесь пакостно себя чувствую,— сказал я.— Едва удерживаюсь, чтоб не заорать... Ничего, справимся. Когда-то мы несколько лет так прожили.

— Никто не может жить так. По крайней мере, долго.

— А Отряд жил. Ужасное было место. Называлось оно — равнина Страха, и на то были причины. Там было полно жутких тварей, и любая из них могла убить, не успеешь глазом моргнуть. За нами постоянно охотились армии, возглавляемые колдунами много хуже Тенекрута. Но мы выдержали. Мы прошли через это.

Из-за темноты я не мог понять, что выражает его лицо. Хотя это и при солнечном свете сложно было сделать.

— Я скоро сойду с ума, если все вы и дальше останетесь со мной. Мне пространство нужно. А там ведь шагу не сделать, чтоб не наступить на кого-нибудь.

— Я понимаю. Но не знаю, чем тут помочь.

— У нас есть еще свободные комнаты. Одну можно выделить Тай Дэю с сыном. Одну — тебе. А Сари может жить с матерью.

Он улыбнулся:

— Ты говоришь открыто и честно, но — удели чуть больше внимания обычаям нюень бао. Многое случилось в ту ночь, когда ты помог Тай Дэю спасти эту семью.

Я хмыкул:

— Ну да. Спасли кое-кого...

— Ты спас всех, кого можно было спасти.

— Скажи на милость, каков я молодец...

— Ты не имел перед ними обязанностей, и это не было долгом чести.

Он назвал обязанность и честь вместо подобных же понятий нюень бао, тем не менее отличных по значению. Там есть некоторые тонкости, наподобие оттенка, означающего добровольное участие в разных священных делах.

— Я сделал то, что счел правильным.

— В самом деле. Без всяких побуждений и не по обязанности. Что и послужило причиной твоего настоящего затруднительного положения.

— Я, должно быть, чего-то недопонимаю.

— Это потому, что ты не рожден нюень бао. Теперь Тай Дэй не оставит тебя. Он — старший мужчина в роду, что должен тебе шесть жизней. Его малыш не оставит его. Сари не может уйти, так как до замужества должна оставаться под покровительством брата. И, как ты можешь видеть, она едва оправилась он пережитого ужаса. В

этом городе, куда ее помимо воли завлекло наше паломничество, она потеряла все, кроме матери.

— Можно сказать, матушку сами боги для нее поберегли.

Сказал — и тут же понадеялся, что прозвучало не слишком похоже на шутку.

— Можно. Знаменосец, эта адская ночь оставила в ней лишь одно хорошее воспоминание — о тебе. Она ухватится за тебя, как отчаявшийся пловец хватается за камень среди бурного потока.

Ого! Похоже, надо держаться осторожней. Большая часть моего существа желала, чтобы хватание это было не просто метафорой...

— Ну а Кы Гота с прочими детишками?

— Детей могут принять семьи их матерей. Гота, конечно же, может переехать.— После этого Дой что-то пробормотал про себя. Для него это было очень нехарактерно. Вроде бы — нечто насчет того, что неплохо бы ей переехать на пару тысяч миль отсюда.— Хотя она наверняка отнесется к этому с нежеланием.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что тоже не шибко-то очарован Кы Готой?

— Ни один человек не может быть очарован этой злохарактерной ящерицей.

— А я-то, было дело, думал, что она — твоя жена...

Он остановился, словно окаменев:

— Ты безумец!

— Ну ошибся; со всяким случается.

— Хонь Тэй, старая ведьма, чего же ты хочешь от меня?

— Что?

— Я говорю сам с собою, знаменосец. Веду спор, коего никак не могу оставить. Женщина эта, Хонь Тэй, двоюродная сестра моей матери, была ведьмой. Она могла порой заглядывать в будущее, и если увиденное имело несчастье доставить ей неудовольствие, она желала изменить его. И имела некие странные идеи на этот счет.

— Я уверен, ты знаешь, о чем говоришь.

Он не понял шутки:

— Не совсем. Ведьма играла нашими судьбами, но ничего не объясняла. Быть может, она была слепа к собственной судьбе.

Я позволил себе сменить предмет разговора.

— Что же твои люди намерены делать дальше?

— Жить, знаменосец. Так же, как и вы, Солдаты Тьмы.

— Слушай, если ты и вправду думаешь, что в долгу передо мной за эти дела с Тай Дэем, расскажи, что все это значит. Солдаты Тьмы, Каменный Солдат, Каменный Воин... Что оно все означает?

— Некто мог бы и впрямь поверить твоему незнанию.

— Ну представь, что я даже знаю, о чем ты говоришь. Ты-то все равно ничего не потеряешь, рассказав мне то, что я и так знаю?

В неясном свете было не разглядеть, однако я был уверен, что дядюшка Дой снова улыбается. Скажи на милость — второй раз за день!

— Разумно,— сказал он.

Но так ничего и не объяснил.

74

Дядюшка Дой избавил меня от большей части гостей. В конце концов со мной остался только Тай Дэй с сыном да еще Сари. Она ухаживала за ребенком и пыталась готовить еду, хотя ротной кухни хватало на всех. Ей просто нужно было чем-то заняться. Тай Дэй не отходил от меня ни на шаг. И он, и Сари были необщительны и словно бы заморожены, так что вместе составляли не более половины человеческого существа.

Я начал беспокоиться: все же они принадлежали к людям крепким, привыкшим преодолевать жестокие напасти. Но ведь — ни намека на оживление!

Вскоре я собрал вместе мозг Отряда: Клетуса, Лофтуса, Лонгинуса, Гоблина с Одноглазым и Масло с Ведьмаком.

— Так, бойцы. У меня есть вопросы.

— Он тоже будет здесь? — спросил Гоблин, имея в виду Тай Дэя.

— С ним все в порядке. Не обращай внимания.

— Какого рода вопросы? — осведомился Одноглазый.

— Пока что в Отряде не было серьезных проблем со здоровьем. Но там, наверху, холера и тиф, не говоря уж о дизентерии. Из нас никто не болен?

Гоблин что-то пробурчал.

— Варвар,— захихикал Одноглазый.— Мы все в добром здравии, так как следуем правилам, разработанным Ворчуном, словно религиозным заветам. Только теперь мы недолго сможем держаться этих правил: топливо почти кончилось. Да еще — нюень бао. Не любят они кипятить воду и поддерживать чистоту.

— Я слышал, уже несколько дней было пасмурно и дождило. Дождевой воды хоть сколько-нибудь собрали?

— Для нас было бы с излишком,— отвечал Лофтус.— А с нюень бао — и в водохранилища-то ни капли не попало.

— Этого я и боялся. Теперь о топливе. Ребята, кто знает способ готовить рис или бобы без огня, но так, чтоб можно было переварить?

Никто не знал такого способа.

— Разве что вымачивать подольше,— предложил Лонгинус.— Моя мать так делала.

— Проклятье. Я хочу пережить эту осаду вместе со всеми. Только — как?

При этих словах Гоблин слегка усмехнулся, словно у него уже имелась прекрасная идея. Они с Одноглазым переглянулись.

— Ребята, у вас что-то есть?

— Пока — нет,— ответил Гоблин.— Надо бы тут одно испытание провести.

— Так что ж тянете?

— После совета. Нам нужна твоя помощь.

— Чудесно. Замечательно. Может кто-нибудь сказать, что в городе слышно о нашем исчезновении?

Ведьмак кашлянул, прочищая глотку. Обычно он говорит мало, поэтому все сразу смолкли.

— Я вел наблюдение со смотровых площадок. Порой можно услышать разговоры. По-моему, нашу репутацию исчезновение не улучшило. К тому же не думаю, что нам хоть кого-то удалось обмануть. Говорят о нас немного, но никто не считает, что мы просто ушли. Думают, что мы сумели выкопать глубокую нору, натаскать туда уйму вина, баб и жратвы, а после скрылись туда сами. И назад не вернемся, пока все они тут не повымрут.

— Ребята, я уж, как мог, старался насчет вина, баб и снеди... Но получилась только нора, сами видите.

— Вода убывает, — откуда-то из темноты сообщил Масло.

— Что?

— Верно, Мурген. Уже на пять футов ниже.

— Неужели из-за затопления города такая разница? Нет? Тогда с чего она убывает?

Гоблин с Одноглазым обменялись значительными взглядами.

— Что у вас? — спросил я. — Выкладывайте!

— После того, как проведем испытание.

— Ладно. Что до остальных... О наших трудностях вам известно. Подумайте, как от них можно избавиться.

75

— Ну говорите, — обратился я к ведьмакам.

— Мы полагаем, — начал Гоблин, — с тобой что-то проделали. Там.

Он мотнул головой в сторону холмов.

— Что? Что за шуточки? Я...

— Никаких шуток. Тебя не было долго. И ты изменился. Сколько припадков у тебя было после возвращения?

Я честно подсчитал:

— Только один. И то не наверняка. Когда меня похитили. Я ничего об этом не помню. Пил чай с глашатаем — а после оказался на улице, где вы меня нашли. Представления не имею, как туда попал. Что-то такое с запахом дыма да еще дверь, войдя в которую я оказался вовсе не там, куда шел... Еще смутно помню, как что-то думал об обители боли.

— То есть тебя пытали.

— Это точно.

Синяки и ссадины сохранились по сию пору. Хотя я совершенно не помнил, о чем меня расспрашивали — если расспрашивали вовсе. Я подозревал, что ко всему этому приложили руку приятели Зиндху. Как и к покушению на Могабу.

Если так, то жизнь им сделается вовсе не в радость, когда Черный Отряд разыщет их.

— Мы наблюдали за тобой,— сказал Гоблин.— И поведение твое временами очень странно. Словом, мы хотим тебя усыпить, а после поглядим, удастся ли добраться до той части тебя, которая бодрствовала, когда все происходило.

— Я же ничем не смогу помочь.

— И не надо. Только не мешай.

— Точно?

— Уверен,— ответил Гоблин.

Голос его звучал весьма неуверенно.

Проснулся я на своем тюфяке, ничуть не отдохнувшим. Кто-то отер мое лицо холодной, мокрой тряпицей. Я открыл глаза. В свете тощей свечи Сари казалась еще прекраснее, нежели обычно. Прекраснее, чем можно вообразить. Она продолжала отирать мне лицо.

Снова, точно с похмелья, трещала голова. Что они там со мной сотворили? По крайности, получил ли я удовольствие, за коим обычно следуют подобные боли?

То Тан принялся реветь. Он спал в корзине под моим письменным столом, замотанный в зловонное тряпье. Я, дотянувшись, взял его за руку. Он прекратил плач, почувствовав человеческое прикосновение, и больше не взывал к матери.

Я поднял другую руку и нащупал ладонь Сари. Она мягко отняла ее. Она так и не сказала ни слова. Я даже ни разу не слышал, чтобы она разговаривала с детьми.

Я огляделся. Тай Дэй куда-то ушел. Странно; мне казалось, я скорее от собственной тени избавлюсь. Тай Дэй даже в темноте со мной...

Я приподнялся, пытаясь сесть, но Сари удержала меня легким прикосновением пальцев. Я был слишком слаб, дабы что-либо предпринимать. А уж голова, казалось, распухла вдвое против прежнего.

Сари подала мне вырезанную из дерева плошку с чем-то пахнущим столь едко, что у меня заслезились глаза. Наверное, что-то из снадобий с родных болот нюень бао. Я выпил. На вкус оно оказалось еще мерзостней.

Сари продолжала отирать мое лицо. Меня затрясло. Боль исчезла. Тело расслабилось, вернулись силы, даже настроение улучшилось. Надо же — хорошая штука. Наверное, специально приготовлена такой мерзкой на вкус и запах, иначе люди постоянно бы ее пили.

Мы долго смотрели друг на друга, ничего не говоря, но одновременно достигнув решения, коего разумы наши не сумели тогда распознать. На миг перед моим мысленным взором появилась Хонь Тэй. Старуха укоризненно улыбалась...

На этот раз я сел и даже ухитрился улыбнуться. Невольно.

— Ладно, дела не ждут.

Сари покачала головой и выудила из корзины под столом То Тана. Тот давно и отчаянно нуждался в перемене пеленок.

Сари слегка дернула меня за палец.

— Да я уж двадцать лет этого не делал.

С тех самых пор, как, еще мальцом, пеленал младших братишек-сестренок.

— Кончай визжать, поросенок. Пора бы уж привыкнуть к солдатской жизни.

То Тан взглянул на меня большими, серьезными глазищами. Слов он, конечно, не понимал, однако тон уловил.

Мы обмыли его и перепеленали — тряпками, которых постеснялся бы и нищий. Я сказал Сари:

— Пойду-ка прирежу кого-нибудь и добуду мальцу одежку получше.

Она едва ощутимо положила руку мне на предплечье, удерживая меня.

— Шучу я, милая. Со мной еще не такого наслушаешься. Я не в буквальном смысле говорил. Мне нужно идти, заниматься делами.

Я медленно вышел в коридор. Ноги тут же промокли. Сари пошла следом за мной. То Тан оседлал ее левое бедро. Почти сразу навстречу нам попался Бадья. Покачиваясь, словно пьяный, он явно направлялся поспать.

— Ты Гоблина с Одноглазым не видел?

— Они со всей своей волшебной амуницией поднялись наверх. В большую смотровую.

— Спасибо.

Не успели мы отойти и на пять футов, Бадья окликнул меня:

— Лонго говорил тебе, что вода в катакомбах прибывает?

Я со вздохом покачал головой, прислушиваясь к урчанию пустого желудка и гадая, смог ли кто-нибудь приготовить хоть какой-то еды, затем побрел сквозь лабиринт к лестнице, которая должна была привести меня к Гоблину с Одноглазым.

Может, от дневного света полегчает. Если только хватит сил туда забраться. Как давно я не видел солнца...

76

И еще некоторое время не увижу.

Сари подала мне То Тана, прежде чем пролезть сквозь дверь-ловушку. Он снова заснул. Наверное, младенцы, медленно умирающие от голода, всегда много спят.

Снаружи был день, однако небо заволокло тучами. Лил дождь. Ведьмак, развернув кресло задом наперед, сидел в нем, сложив локти поверх спинки, и угрюмо смотрел вдаль.

— Давно дождь? — спросил я.

— День. А может, три...

— Воды много собрали?

— Уж сколько смогли.

— А эти двое что поделывают?

Гоблин с Одноглазым сидели на полу посреди комнаты, скрестив ноги, подальше от сырости, проникающей сквозь окна, и не удостоили меня даже взглядом.

— Ворожат там чего-то... Не мешай им, а то еще за ногу тяпнут.

— А кто вякать будет, без ушей останется, — буркнул Одноглазый.

Смотровая комната имела окна на все четыре стороны. Я подошел к наибольшему.

Дождь был, конечно, не таков, как наш северный «землерез», однако довольно сильный. Сквозь струи его я едва мог различить смутные очертания холмов. А до поверхности воды было рукой подать. Несмотря на дождь, она держалась низко. Серый цвет ее говорил о том, что в воде полно всякой заразы.

Вдали виднелся плот, так нагруженный людьми, что бревна почти целиком ушли в воду. Мужчины осторожно гребли обломками досок, направляя его к берегу.

Одно за другим, я обошел все окна, рассматривая город. То, что наши таглиосцы находились там, где было приказано, немало меня порадовало.

— Ага, держат порядок, — согласился Ведьмак. — Вот и оставили их в покое.

— Могаба?

— Да — все. Бои-то идут почти непрерывно.

Улицы с переулками превратились в каналы. Повсюду плавали трупы. Вонь стояла — всепоглощающая. Но уровень воды оказался ниже, чем я полагал. Из восточного окна была видна цитадель. Наверху, невзирая на погоду, торчали нары. Расхаживая по парапету, они присматривались к нашей части города.

Ведьмак заметил, что я наблюдаю за ними.

— Боятся нас. Думают, когда-нибудь мы к ним в гости заявимся.

— Правильно думают.

— Суеверны они. Бояться таких недомерков, как Гоблин с Одноглазым...

— Что наглядно демонстрирует нам, как опасно даже малое невежество.

— Я все слышал, — проворчал Одноглазый.

Все, что я мог сказать об их занятии, — они вроде как в кости играли, только правила были непонятные. Мне куда больше нравится, когда они создают уйму огня и расшвыривают по сторонам, сокрушая все вокруг. Разрушение — это нам понятно и доступно...

Сари явно устала держать То Тана, и я взял его к себе. Она благодарно улыбнулась.

Одноглазый с Гоблином, прервав игру, переглянулись друг с другом, а после и с Ведьмаком.

— Ребята, вы что там делали? — спросил я.

— Убедились, что мы правы.

— Да? Небось в первый раз... А насчет чего, позвольте узнать?

— Насчет того, что в голову тебе кое-что вложили.

Меня пробрало холодом. До дрожи. Кому такое понравится?

— Кто? И как?

— «Как», мы наверняка не выяснили. На это несколько способов есть. И потом, куда как интереснее, «кто» и «что».

— Так выкладывайте.

— «Кто» — это Госпожа. А «что» — уверенность в том, что ее там, в холмах, нет.

— Чего-чего?!

— Ну, точно выяснить трудно, особенно когда тут все мешают, но наверняка там заправляет Госпожа с таглиосцами. Их лагерь — по ту сторону холмов, близ северной дороги. А патрули южан, что мы видели, это — вспомогательные части, которые доставляют ей сведения.

— Ну-ка, еще раз.

Гоблин пересказал все заново.

— Вы идите, ребята,— сказал я, выслушав его.— А я тут, в уголке, посижу и подумаю.

77

Когда мы с Сари вернулись, дядюшка Дой с Тай Дэем были уже дома. Они хмуро взглянули на нас, но не сказали ни слова. Хонь Тэй все еще правила семейством Кы. Тай Дэй принял у меня своего сына. Малыш тут же посветлел лицом.

— Мои люди — не грибы, знаменосец,— сказал дядюшка Дой.— Больше они не вынесут такой жизни. Вы, Каменные Солдаты, были без меры щедры и не давали повода к недовольству, однако беды в конечном счете не миновать. Раненая скотина бодает даже доброго хозяина.

— Мы выберемся отсюда раньше, чем я думал.— Настроение мое было пакостным. Мне дико хотелось разложить Госпожу и выдрать как следует.— Я уже приказал начать подготовку.

— Судя по голосу, ты зол.

— Это точно.

Госпожа воспользовалась мной ради политической игры с Могабой, нимало не заботясь о благе Отряда.

В дверь заглянул Лонго.

— Тебе передали, что катакомбы заливает?

— Бадья мне сказал. Когда это превратится в серьезную проблему?

— Дня через четыре или пять. Может, и позже. Если только бреши не расширятся.

— Мы уже уйдем. Твои братья — с Одноглазым, в большой смотровой. Сходи узнай, как они там.

Лонго, пожав плечами, ушел, ворча на ходу в предвкушении долгого подъема.

— Кто теперь говорит за нюень бао? — спросил я.

— Мы еще не сделали выбора,— отвечал дядюшка Дой.

— Поторопиться можете? К нам идет таглиосский генерал по имени Ланор Бонхарж, который стоит во главе освобожденных рабов и дружественных таглиосцев с джайкури. Нам для планирования эвакуации нужен представитель от нюень бао.— Дой хотел было что-то сказать, но я продолжал: — Похоже, Хозяин Теней больше не стоит у нас на пути, только нам об этом никто не позаботился сообщить. Наши так называемые друзья по политическим причинам сделали за нас всю работу. Мы можем уйти из города в любое время — и уже не первый день.

Грех нашей неосведомленности я полностью свалил на Гоблина с Одноглазым. На ведунов вообще можно свалить все, что хочешь, и люди поверят.

Сари пыталась приготовить пищу из того, что у нас имелось. Когда она проходила мимо, я коснулся ее руки. Она улыбнулась.

— Это, должно быть, последний раз,— сказал я.— Больше уж, наверное, не придется.

Была у меня такая надежда.

Но я ошибся.

На все необходимо время.

Ланор Бонхарж, гуннит высшей касты, спустился вслед за мной в подземелья. Он был и удивлен, и потрясен. Деджагор и свёрху-то выглядел страшновато, но убожество подземелий далеко превзошло самые худшие его предположения. Мы переговорили. Дядюшка Дой говорил от лица нюень бао. Наконец торги закончились, согласие было достигнуто, планы — выработаны, и подготовка к эвакуации пошла полным ходом.

78

Под покровом ночи и ливня Черный Отряд, крадучись, перешел по шатким временным мосткам на лестницу, ведущую на стену, и присоединился к таглиосцам Аль-Хульской роты. Затем, пустив вперед Гоблина, мы прошли по стене и захватили Северные Ворота и барбикен. Сонные чары Гоблина предельно облегчили задачу. Из наших никто не получил ни царапины.

Прежде чем последнее тело шлепнулось в воду с наружной стороны стен, Гоблин, я и еще кое-кто из Старой команды уже шли брать Западные Ворота с барбикеном. Захватив ворота, мы выйдем из города, не будучи замечены людьми Могабы.

Лофтус с братьями принялись за работу, начав со средней из трех башен, расположенных на стене между воротами. В отличие от

стены, которая была цельной, башни внутри были полыми, дабы арбалетчики изнутри могли вести обстрел. Первым делом ребята проделали дыру наружу — с этажа, находившегося близ уровня воды.

Нюень бао вытащили наверх остатки продовольствия, а женщины на последнем топливе таглиосцев готовили еду на всех. Нужно было восстановить силы: большинство наших превратились в ходячие скелеты.

На следующее утро нары с верхушки цитадели не заметили ничего нового по сравнению со вчерашним днем. Разве что дождь шел не так сильно. Правда, они не получили сигналов с северного и западного барбикенов, но это их, похоже, не обеспокоило.

— Что-то ворон не стало, — отметил Гоблин, когда начало смеркаться.

— Поели, наверное, всех.

Вновь наступила ночь, и вновь все принялись за работу. Буханье молотов и всплески падающих в воду кусков кладки были слышны на весь город, но никто не мог видеть, что мы делаем, и ничего не было заметно, когда солнце снова взошло. Разве что исчезло несколько брошенных домов.

Вода в озере продолжала понемногу спадать. Погода все так же оставалась дождливой.

Плоты, построенные нашими столярами, находились снаружи, вдоль стены. В дело пошло все, обладавшее хоть какой-то плавучестью. Даже случайно подвернувшийся под руку пустой пивной бочонок.

К вечеру нам доставили еще немного дерева: Могаба послал людей на трех плотах к Северным Воротам выяснить, отчего с барбикена не отвечают на его сигналы.

Правда, нашу засаду заметили с цитадели, и больше Могаба не разбрасывался ни людьми, ни материалами.

Лофтус с братьями заявили, что плоты лучше всего строить узкими и длинными: так потребуется больше гребцов при меньшем сопротивлении воды. Работая на глубине в три фута, трое братьев и несколько сноровистых таглиосцев ладили плоты один за другим. Израсходовав все материалы, что удалось отыскать, они соорудили сорок один плот. Выходило, что флот наш может перевезти за раз семь сотен человек, более пяти из коих можно будет оставить на берегу, тогда как остальные отгонят плоты назад и в ту же ночь переправят следующую партию.

Значит, за ночь мы сможем переправить около двух тысяч человек. Этого достаточно, чтобы твердо закрепиться на береговом плацдарме. Насколько дружественна обстановка на берегу, мы наверняка знать не могли.

Задачка... Количество тех, кого следовало переправить незаметно, оказалось больше, чем я предполагал. У меня были сорок

человек Старой команды, более шести сотен нюень бао и уйма таглиосцев, освобожденных рабов и джайкурийских добровольцев.

Лапор Бонхарж желал переправить почти тысячу человек с иждивенцами. Итак, всех в одну ночь вывезти не получалось.

— Вот что надо сделать,— предложил Одноглазый.— В первую ночь вывозим только одну партию. Всех понемногу, чтобы не лезли по головам и не устроили панику. Из каждой группы отобрать пропорциональное количество — и все дела. Споров не возникнет. Эти пять сотен пусть сооружают лагерь. Плоты — пригнать назад и привязать. А на следующую ночь, двумя ходками, вывезти всех осталыных.

— Да ты у нас гений,— сказал я.— Ты либо Гоблин тоже поедете. Просто так, на всякий случай.

— Нет нужды.

— Это почему?

— Опасности почти нет.

— Тогда и лагерь укреплять не стоит. Можно послать вперед нюень бао и иждивенцев.

— Шуму будет...

— Из-за детей, женщин и стариков? Ничего подобного. Таглиосские иждивенцы тоже поедут. Хотя за джайкури нужен глаз да глаз, а то к нам весь город выстроится в очередь. Мы прикинем, сколько тут всего осталось народу, и после пригоним побольше плотов.

Порешили, что с первой партией отправятся тридцать таглиосцев, пятеро ребят из Черного Отряда и пятнадцать воинов нюень бао. Значит, на берегу будет пятьдесят бойцов.

Дядюшка Дой разворчался по поводу нашего плана — потому как целую ночь не сможет присматривать за всеми своими.

— Мне все понятно, Солдат Тьмы.

— Что, мы снова к этому вернулись?

— Ты оставляешь наших воинов в заложниках.

— Если хочешь, плыви и ты. Вас здесь больше, чем нас. Бери плоты, и — вперед.

Он злобно нахмурился:

— Всего-то одна ночь, дядюшка. К тому же пятнадцать твоих воинов поплывут с ними. В числе этих пятнадцати можешь и сам ехать.

Ни Одноглазому, ни Гоблину ехать не хотелось.

— Этой ночью не поплыву! — заявил Одноглазый.

— И я не поплыву! — возразил Гоблин.

У них был тот самый, ласочий, вид, с коим они обычно мудрили над колодой карт, когда им подходил черед сдавать.

— Это почему?

Они переглянулись, словно сговариваясь облапошить простака.

После того, как Гоблину не удалось убедить меня в своем альтруистическом стремлении спасти мир от Могабиных подлостей, Одноглазый сказал:

— Мне там угрожает опасность. Эта тварь из Арчи, Лиза-Делла Бовок, имеет зуб на нас с тех пор.

— Кто-кто?

Мне это имя ни о чем не напоминало.

— Лиза Бовок. Из Арчи. Ну, что с Каштаном Шедом была. Меняющий Облик взял ее в ученицы, после того, как Отряд отправился в поход. Когда мы Меняющего кончали, она тоже была там, только Старик наш ее упустил. И теперь она здесь, прячется и ждет, когда можно будет свести счеты. Уже раза два пробовала.

— Что ж ты не сказал мне раньше?

Когда в голосе Одноглазого появляется этакая патетика, толика здорового скептицизма не помешает, о чем бы ни шел разговор.

— Прежде это не представляло затруднений.

Что толку с ними спорить? Эта парочка, несомненно, где-то неподалеку припрятала награбленное и не желает оставлять его без присмотра. И еще пуще каждому из них нежелательно оставлять другого наедине с добычей.

— Ладно,— сдался я.— Будете пытать счастья вместе со всеми.

Бонхарж, дядюшка Дой, Одноглазый и Гоблин пристально смотрели на меня.

— Но мне же нельзя тянуть.

Одноглазый хмыкнул:

— Может, и нельзя, но ты сам говорил, что жребий тянут все.

Я еще не вытащил свой. Беда была в том, что результат мог выйти только один: в кувшине остался лишь один камень. Отряду предназначались пять черных, а вытащили до меня всего четыре.

Значит, мне придется ехать с первой партией.

Но отчего это у друзей моих закадычных такие довольные рожи?

— Давай тащи свой камень — и ступай собираться,— посоветовал Гоблин.

Не сплутовали же они при жеребьевке, верно? Конечно же, они у нас — образцы добродетели...

— Может, кто хочет купить?

Я поднял свой черный камешек над головой.

— Брось, Мурген,— сказал Одноглазый.— Мы и сами тут управимся. Не впервой.

— Это — с вами-то во главе?

Как-то неудобно получалось — уплывать, оставляя всю нашу братию в городе.

— Собирай манатки — и отчаливай! — снова рыкнул Гоблин.— Через час уж стемнеет.

Дождь моросил до сих пор. Стемнеет и вправду рано, хоть и не настолько, чтобы успеть сделать два рейса и незаметно привести плоты обратно. Проклятье...

Сари сгибалась под грузом нашего барахла да еще шести фунтов бобов и риса в придачу. Я тащил узел с шатром нюень бао, одеялами и прочим скарбом, каковой мог пригодиться в полевых условиях. Да еще То Тан устроился верхом на моем бедре. Хотя он-то был самым тихим мальцом из всех, что мне довелось видеть.

Тай Дэй вытащил белый камешек.

Что ж, буду наслаждаться его отсутствием.

Мы выбрались из подземелий, спустились по лестнице, перешли на стену, поднялись наверх и, пройдя вдоль степы, оказались в средней башне. Больше сил ни на что тратить не хотелось.

На моем плоту, кроме меня и Рыжего, были одни лишь нюень бао, терпеливо дождавшиеся своей очереди. Ребята, работавшие в башне при свете крохотной светильни, тоже проявляли завидное терпение.

— Осторожней, — предупредил Клетус, когда я ступил на плот и начал принимать детей. — Я тебе, командир, подобрал понадежней; только вес распределяйте равномерно, не то перевернетесь. Госпожа...

Он помог Сари. Она приняла его любезность с ослепительной улыбкой.

— Спасибо, Клет. До завтра.

— Ага. Вы там мясца раздобудьте. И девочек.

— Поглядим.

— Встань на колени. Так центр тяжести будет внизу, и эта штука остойчивее станет.

Я оглядел плот. Мы были готовы к отплытию.

На борту находились шестеро мужчин нюень бао. Эти будут грести, и пятеро из них погонят плот назад. Кроме них да еще одного старикана лет пятидесяти, мы с Рыжим были единственными взрослыми мужиками на борту. С нами плыли пятнадцать или шестнадцать ребятишек и семь-восемь женщин. Плот был переполнен, однако нюень бао — тяжесть невеликая. Я было вызвался помогать грести, но нюень бао тут же разучились понимать по-таглиосски.

— Хотят — пусть надрываются, — сказал Рыжий. — Чего дрыгаться...

— Верно. Только — тихо. Мы вроде как незаметно уплыть хотим.

Нюень бао оказались гребцами умелыми. Что, учитывая их происхождение, не удивительно.

Они работали тихо, как пушники падают. Однако плот быстро устремился вперед. Плоты, ушедшие раньше с таглиосскими гребца-

ми, не только производили уйму шума, но и двигались медленно. Один из наших гребцов еле слышно шепнул что-то, и плот свернул вправо, обгоняя идущие впереди.

Выбраться из города украдкой явно не получалось. Плескали весла; ворчали, гремели, кашляли люди, а порой и плоты сталкивались. Но подобный шум доносился с озера каждую ночь, да и дождик его малость приглушал. Мы, конечно же, двинулись напрямик, прочь от города. Свет в нашей башне-пристани служил нам маяком.

Наверное, мои гребцы не очень внимательно следили за ним. Мы уклонились от общего курса и потеряли остальных из виду.

Кто-то зашипел.

Весла застыли в воздухе. Даже детский лепет стих — матери прикрыли рты детей ладонями, а самым маленьким дали грудь.

Я ничего не слышал.

Мы ждали.

Сари слегка коснулась моего предплечья, подбадривая меня.

Затем послышался плеск. Кто-то плыл впереди по курсу, причем гребли довольно шумно... Но этот плот шел нам навстречу!

Рановато...

Плеск сделался громче.

Встречный плот подошел так близко, что нас, казалось, неизбежно должны были заметить, несмотря на дождь и темноту.

На встречном плоту кто-то негромко заговорил — просто сказал несколько слов, причем с явной злобой. На языке Джии-Зле... Я в свое время выучил, может, слов двадцать, и среди произнесенных только что знакомых не оказалось.

Но перевода не требовалось. Я узнал голос.

Говорящим был Могаба.

Днем мы не видели, чтобы он покидал город. А с северного и западного барбикенов просматривалась большая часть озера.

Значит, его не было по крайней мере с прошлой ночи. Что, в свою очередь, объясняло, отчего он никак не отвечал на захват барбикенов.

Что же он мог делать там, среди холмов?

Плот с нарами скрылся в темноте. Мы продолжали плаванье. Я оставался в задумчивости, пока плот не ткнулся в берег и меня не швырнуло вперед.

Тогда мы с Сари взяли То Тана, вещи и ступили на сушу. Ребенок спал на руках тетки, точно в лучшей царской постели.

Через несколько мгновений я обнаружил, что спутники мои, хотя и ни слова не понимают по-таглиосски, ждут, что я буду возглавлять их и далее. Несомненно, то было решение дядюшки Доя, и действовать оно должно было лишь до его прибытия.

— Рыжий, командуй обустройством лагеря.

По пути мы вернулись на общий курс и высадились там же, где и все прочие. Те, как и мы, наслаждались чудесным избавлением от ужасов Деджагора.

Но житье под открытым небом, в дождь, да еще посреди ночи, благостному настроению не способствовало.

— Шевелись, люди! Нельзя просто так здесь торчать! Начинайте ставить шатры.

Мы взяли с собой шатры нюень бао, которыми те пользовались во время паломничества. В шатры эти были завернуты и одеяла, чтоб остались сухими.

— Кто-нибудь соберите хвороста и разводите костры!

В такую погоду это, пожалуй, проще скомандовать, чем выполнить...

— Бубба-до! Бери людей, сооружайте ограду. А ты... Джоро? Так тебя звать, сержант? — То был один из таглиосцев. — Организуй патрули. Давай-давай! Как знать, нет ли здесь кого желающего нашей смерти?

Ну в такой холод и мокреть, да если еще устал, как пес, и смерти не очень-то забоишься...

Сам я был вымотан до предела, но заставлял себя подавать людям пример. Сари помогала мне, не отставая ни на шаг. Пока я орал и командовал, мы по очереди приглядывали за малышом. Я имел вид того самого крупного исторического громилы, Хромбака Грозного, что командовал своими ордами, держа на руках вонючего младенца.

То Тан — пацаненок хороший, но и ему пеленки менять надо...

Вскоре все были приставлены к делу. Наконец палатки были поставлены, хворост собран, огонь добыт, и мы развели костры, чтобы вскипятить воды и сварить риса. Вода была дождевой, ее собрали при помощи нескольких шатров. За это время все успели вымокнуть до нитки.

Мы даже отослали несколько вязанок хвороста в город, с возвращающимися плотами. Пусть и друзья наши себе чего-нибудь приготовят...

79

Мы так долго жили в самом мерзейшем убожестве, что эта ночь была просто еще одной из привычных трудностей. В то же время у нас была какая-никакая крыша над головой, какая-никакая еда и тепло. Затем начался рассвет, а дождь почти прекратился. Мы с Сари и То Таном забрались в шатер и закутались в одеяла. В кои-то веки я был почти счастлив.

Этот То Тан — замечательный мальчишка. Почти все время молчал, как и Сари, хотя, если ему что-нибудь надо, мог устроить страшный скандал. Впрочем, когда мы устраивались в шатре, он даже не проснулся. Впервые за прошедшую неделю животишко его был полон.

И мой — также.

Мне удалось прекрасно проспать целых четыре часа, пока не пришла беда.

Поначалу она приняла облик Кы Готы. Я не видел ее с тех пор, как дядюшка Дой уговорил ее переехать из моей комнаты. И, надо сказать, соскучиться как-то не успел.

По причине сна я пропустил тот момент, когда она рывком отдернула полог шатра. А когда я проснулся, она уже плевалась и тараторила на нюень бао и жутко исковеркашном таглиосском. Разбуженная Сари сидела среди одеял с раскрытым ртом и слезами на глазах.

То Тан заплакал.

Слезы ребенка проняли даже Кы Готу. Несмотря на злобный характер, она была доброй бабушкой. В душе. В самой ее глубине. Она заговорила с малышом. Ласково!

Тут подоспел Рыжий:

— Мурген! Может, ее назад в озеро отправить?

— Что?

— Она только недавно выбралась из воды. Сказала, кто-то пытался ее убить. Наверное, с плота спихнули. И сдается мне, она сама виновата.

— Это точно.— Сари удивленно уставилась на меня, забыв даже про слезы на глазах.— Однако неладно выйдет — ведь почти родня...

— Э-эх...

Рыжий удалился, покачивая головой.

Раздраженная, Сари принялась что-то объяснять матери на языке жестов. То Тан, разглядывая бабушку, усердно сосал большой палец. Я глубоко вздохнул и шепнул ему:

— Иди к своей *нана*. Покажи, как умеешь ходить.

Он, конечно, не понял меня, зато Кы Гота поняла и протянула к нему руки.

Насколько я могу судить, То Тан — единственное существо на всем белом свете, питающее к Кы Готе добрые чувства. Он заковылял к ней, и бабушка его мигом забыла о сырости, холоде и усталости.

Сари сердито взглянула на меня. Я пожал плечами и ухмыльнулся.

— Ему снова надо менять пеленки.

Рыжий вернулся, когда я наблюдал за городом. Над нашими кварталами клубился дым...

— Мурген, Бубба-до только что захватил чужой патруль! Он сказал, что они знают о нашем присутствии. Они пробирались к лагерю. Этот тип, Лебедь, с ними.

— Значит, Одноглазый прав. Кого-нибудь ранили?

— Пока что нет.

— Хорошо. Прекрасно. Лагерь они успели увидеть?

Нюень бао здорово замаскировали наш лагерь. Со стороны он, конечно, заметен, но, сколько там народу, не понять.

— Я думаю, они просто видели дым. Нападение Буббы-до их жутко удивило.

— Они видели его?

— Да.

— Плохо. Ну может, не разглядели. Ладно. Что сделано, то не вернуть. Оставайся здесь.

Я отправился к Сари и ее матери.

Завидев меня, Кы Гота раскрыла было рот.

— Цыц! — рыкнул я.— У нас беда. Кто может говорить от лица нюень бао?

Старуха усадила ребенка на землю, поднялась и сощурила подслеповатые глазки.

— Там Дак! — крикнула она.

На зов обернулся дряхлый старик. Несмотря на преклонный возраст, он тащил к кострам громадную вязанку хвороста. Кы Гота властно поманила его пальцем. Старикан заспешил к нам, приволакивая ноги.

Я поднялся ему навстречу.

— Здрав будь, отче! Я — тот, с кем решал дела глашатай!

Говорить я старался погромче и помедленнее.

— Я пока не глух, мальчик. И не слеп.

Его таглиосский оказался ничуть не лучше моего.

— Замечательно. Тогда — к делу. Нас обнаружили. Мы не можем знать, каково отношение этих солдат к вашему народу. Если они в дурном расположении духа, я мало чем смогу вам помочь. Ваши воины ходили в разведку. Вы можете скрыться?

Он взирал на меня около двенадцати секунд. Я не отводил взгляда. Сари подошла и встала рядом со мной. Позади, играя с бабушкой, заливался смехом То Тан. Старик перевел взгляд на Сари. На какое-то мгновение он, казалось, заглянул в прошлое — и вздрогнул. Лицо его сделалось еще более непроницаемым.

— Можем.

— Замечательно. Тогда прячьтесь, пока я там разбираюсь.— Я ткнул большим пальцем за спину, в холмы.— Я оповещу Доя, он найдет вас.

Там Дак продолжал мерить меня холодным взглядом. Нет, вовсе не враждебным — непонимающим. Я вел себя не так, как полагалось настоящему чужаку.

— Удачи.

Я повернулся к Рыжему:

— Дела вот какие: нюень бао надо спешить, а я пойду с Лебедем. Пошатаюсь по их лагерю, погляжу, что к чему. Присмотри, чтобы нюень бао скрылись, а потом сделай вид, что все это приготовлено к прибытию наших.

Старик внимательно вслушивался в каждое слово.

— Если кто спросит,— продолжал я,— этих людей здесь никогда не было.

— Но...

— Выполняй. Большую часть провизии пусть забирают. Нас шайка Госпожи подкормит.

Я очень на это надеялся.

Рыжий взглянул на Сари. Похоже, все считали ее причиной всего, что я делал!

— Ну, ты у нас командир... Мне во все это вникать не положено. — Он пожал плечами. — А ей как объяснишь?

— Никак.

Я отправился туда, где Бубба-до держал в осаде патруль Лебедя.

Сари двинулась за мной, задержавшись лишь, чтобы подхватить на руки То Тана.

— Оставайся здесь, — сказал я.

Она непонимающе смотрела на меня, словно внезапно оглохла. Я сделал несколько шагов. Она двинулась за мной.

— Ты должна остаться со своими.

Слегка улыбнувшись, она покачала головой.

Хонь Тэй явно была не единственной ведьмой в этом семействе.

— Кы Гота...

Что тут началось!

— Ты! Солдат Тьмы! Ты рушить ее, теперь это не хватит тебе хорошо? Жестокий ведьма быть моя мать, но...

Дальше ее лопотанье сделалось совсем непонятным, но тише от этого не стало. Я взглянул на Там Дака. Тот был все так же непроницаем, однако я мог бы поспорить на собственное место на небесах, что он едва удерживается от смеха.

— Ну ладно. Рыжий! Выясни, что принадлежит Сари, и проследи, чтобы все это осталось в нашем шатре. Идем, женщина.

80

— Не удивительно, что ты вернулся, — пробормотал Лебедь, едва завидев меня.

— Руки не тяни, очаровашка. Эй, кто там есть из нюень бао! Повидайте Там Дака, это важно! Таглиосцы, ступайте к Рыжему из Черного Отряда! — Я обратился к Лебедю. — Вот и все. Мы выставили нескольких стрелков. Так, на случай чего.

Он отвел взгляд от Сари.

— Эх, жаль. Вляпался ты, значит, в это...

У него хватило учтивости высказать свое замечание по-форсбергски.

— Это точно. Что тут творится? Я проснулся наутро после того, как мои ведьмаки испытывали меня, и узнал, что кое-кто, оказывается, порылся в моей голове и перемешал память. Я узнал, что вернулся в эту адскую кухню охотиться на крыс и драться с людоедами, тогда как, так сказать, друзья мои сидели тут и ни звуком не намекнули, что Тенскрут мертв.

Лебедь тупо воззрился на меня:

— Но... Ты же об этом знал, Мурген! Ты же был здесь, когда мы кончили этого ублюдка. И после еще неделю здесь ошивался!

— Убили?

Солнце клонилось к закату.

— Так это не ты настоял на возвращении? Она сказала, что...

— Нет, не я. Когда я обнаружил себя на пути обратно, то думал, что бежал от Хозяина Теней. И был совершенно уверен, что никого из вас не нашел...

Чем больше я старался разобраться в ситуации, тем сильнее все запутывалось.

Кто-то закричал на языке нюень бао. Значит, бойцы мои не подчинились приказу. Другой голос позвал по-таглиосски:

— Господин Мурген, подойди к нам, пожалуйста!

— Я не знаю, что там у них, — сказал я Лебедю. — Но ты лучше не двигайся с места. Они — народ первый.

— Делать мне больше нечего...

— Я — серьезно. Они жутко всего боятся. Если б ты эти месяцы прожил в Деджагоре, то понял бы.

Поднявшись по пологому склону, я увидел таглиосца, присевшего в какой-то скрюченной позе рядом со стоявшим на коленях нюень бао лет пятнадцати. Мальчишка указал вдаль, горя желанием первым сообщить дурную новость.

Над Деджагором поднимался новый столб дыма. Насколько я мог судить, как раз над северным барбикеном. Похоже, там шел бой.

Лиловая вспышка подтвердила, что и Одноглазый с Гоблином не сидели сложа руки.

Очевидно, Могаба пытался отвоевать барбикен.

Над Западными Воротами тоже видны были сполохи.

— Чтоб его, этого Могабу... Спасибо, ребята. Хотя мы все равно ничем не можем помочь. — Я от души надеялся, что Гоблин с Одноглазым как следует всыпят Могабе. — Идите теперь в лагерь. Дела не терпят.

Госпожа находилась в отлучке. Нож, оставленный за старшего, просто сидел на месте да подбирал беженцев из Деджагора, не позволяя им вернуться в город и разнести слухи о Тенекрутовой гибели. В этом он сам признался.

— Она так велела.

В отличие от всех прочих в лагере, он остался равнодушен к Сари.

— Ее счастье, что уехала, — буркнул я. — Я бы ее так выдрал...

Раз уж ничего больше не происходило, я просидел с ним, Лебедем и Мотером дотемна. Кто-то приволок То Тану щенка, чтоб было с кем играть. Наконец я сказал:

— Ну что ж, пойдем-ка мы к своим. А то уже небось беспокоятся.

— Не выйдет, приятель, — сказал Мотер.

— Она сказала: без всяких исключений, — согласился Нож.

Вся теплота отношений разом улетучилась. Я объяснил каждому в отдельности, что подумают нюень бао. Мотер с Лебедем отвели взгляды. Нож почти не колебался.

Сари, казалось бы, не тревожилась. Наверное, после Деджагора трудно себе представить, что может обернуться и хуже.

Она даже улыбалась:

— Загон-то тот еще не снесли?

Эту часть предыдущего визита я помнил прекрасно.

— Мы тебя поудобней устроим, — посулил Нож.

— Я тебе покажу твою спальню, — вызвался Мотер.

Когда мы отошли подальше, Лебедь, полагая, что нам уже ничего не слышно, сказал:

— Видал? Жутковатая дамочка...

Я взглянул на Сари. Она тоже слышала его слова, но лицо ее не сказало мне ничего.

Если Нож и ответил Лебедю, то он говорил значительно тише.

А я все разглядывал Сари, гадая, что такого жуткого увидал в ней Лебедь.

81

Шатер нам выделили вполне достойный. Должно быть, он принадлежал тенеземскому офицеру среднего ранга. Значит, гости мы — достаточно почетные... К шатру прилагался еще человек, отвечавший за наш комфорт и доставивший ужин. Фуражировка в войсках Ножа явно проходила успешно. Я поел так, как давно уж не удавалось.

— Чего я хочу больше всего на свете, — сказал я нашему денщику, имени коего так и не запомнил, — так это вымыться.

Сари подкрепила мои слова улыбкой, которая наверняка могла бы расплавить пластины доспеха. К идее она отнеслась с энтузиазмом.

— А то так грязью зарос, что даже блохи мои — все в коросте.

Должно быть, высшее начальство чувствовало себя здорово виноватым передо мной. Через час появились несколько солдат, притащивших где-то позаимствованную каменную поилку для лошадей. С ними пришли еще люди, принесшие ведра с горячей водой. Я сказал Сари:

— Мы, наверное, умерли и родились заново князьями.

Шатер был достаточно велик, дабы вместить поилку и ведра. И после этого даже осталось свободное пространство!

Тут появился и Лебедь:

— Ну как?

— Если бы там не дрались насмерть мои друзья, согласился бы и на пожизненное заточение.

— Не бойсь, Мурген. Все утрясется.
— Я знаю. Знаю. Только не всем понравится, как оно утряслось.
— Что да, то да. Доброй ночи.

Ночь и вправду оказалась доброй. Начиная с принятия ванны Сари ясно показала, что определяет наши отношения именно так, как все и опасались — или же подозревали. Я не уставал изумляться ее способности объясняться без слов, а также и тому, что такой цвет красоты мог распуститься среди всего этого ада, не сдавшись на милость ночи.

Я проспал долго и спокойно, как не спал уже много месяцев. Быть может, некая часть меня просто подала в отставку и ушла.

Проснулся я лишь от пригоршни воды в лицо.

— Что такое?

Я приподнял веко — и тут же вскочил. Сари села в постели.

— То Тан? Ты что творишь, поросенок?

Ребенок, перегнувшись через край поилки, шлепал ладонью по воде. Взглянув на меня, он разулыбался и пролепетал нечто вроде:

— *Дада.*

— Что происходит?

Сари пожала плечами. То Тан снова сказал свое «дада» и заковылял к выходу из шатра.

Там-то, снаружи, все и происходило. Я сгреб свои одежки, быстро облачился в них и высунулся посмотреть.

— Какой урод вас сюда пропустил?

Возле шатра, положив мечи — спасибо, хоть в ножнах! — на колени скрещенных ног, сидели Тай Дэй с дядюшкой Доем. Как раз в этот момент подивиться на них подошла толпа таглиосцев. Судя по всему, они сидели там недолго. И позволения войти в лагерь отнюдь не испрашивали.

Тут появились и Мотер с Лебедем.

— Прошлой ночью переправилась лишь одна группа,— сообщил мне дядюшка Дой.— Черные напали на нас. Много раненых. Множество плотов повреждено. Но их солдаты не хотят драться, а многие просили позволения присоединиться к Бонхаржу.

— Что это за типы? — требовательно спросил Лебедь.— Как они сюда попали?

— Члены нашего семейства. Я так и знал, что они проберутся ко мне. Они это могут. Очевидно, ограждение у вас ни к черту не годится.

Нож крикнул что-то издали.

— Э-э,— с досадой протянул Лебедь.— Что ж теперь?..

С этими словами он потрусил прочь.

Мотер окинул взглядом Тай Дэя с дядюшкой, пожал плечами и пошел вслед за ним. Дядюшка Дой что-то сказал Сари. Наверное, спрашивал, все ли у нее в порядке. Сари кивнула.

То Тан принялся карабкаться на руки к отцу.

— Ты сделал все, как нужно, знаменосец, и куда больше, чем должен был сделать,— сказал дядюшка Дой.— Наши люди в безопасности, и эти солдаты ничего не знают о них.

— Да? Это хорошо. А что там с нашими?

— Они решили задержаться. Колдуны хотят завершить кровную месть Могабе. Возможно, они приплывут этой ночью.

82

Они не приплыли ни этой, ни следующей ночью, хотя переправили вместо себя множество таглиосцев и джайкури.

На третье утро Мотер наконец-то поведал мне, из-за чего Нож прервал наш спор по поводу дядюшки Доя с Тай Дэем.

— Костоправ приезжает,— сказал он.— Будет через час или два. Ему все и расскажешь.

— Что?

Впрочем, приехал он не через час, да еще и не один. Костоправ путешествовал в обществе самого Прабриндраха Драха. Судя по всему, он очень устал с дороги. Я подошел к нему и доложился по всей форме, не будучи уверен, на каком мы теперь свете.

Он тяжело спрыгнул с седла.

— Я это, я. Вправду.

— Но я же видел, как ты умер...

— Нет. Ты видел, как меня ранили. Я еще дышал, когда ты умчался.

— Да? Но с такой раной...

— Ладно, после. Это — история долгая. Как-нибудь, за пивком, все расскажу. Он слегка шевельнул пальцем, и к нему подбежал солдат. Старик взял его копье — длинное, почти как пика — и подал мне.

— Держи. Это ты оставил, когда удрал изображать Вдоводела.

Я не верил своим глазам. То было копье, служившее древком нашему знамени!

— Оно тебе вправду нужно?

— Еще бы! А ведь я почти поверил, что оно пропало! — несмотря на то, что говорил Могабе.— Ты себе не представляешь, как я себя казнил... Хотя, пожалуй, с тех пор я уже раз видел его. Слушай, это вправду ты?

Навидавшись, какие иллюзии могут создавать Гоблин с Одноглазым, и вы бы не доверяли собственным глазам.

— Я. Вправду я. Живой и в настроении кой-кого отпинать. Хотя еще не сей момент. Где Госпожа?

Бедняга! Только тут Нож сообщил ему неприятную новость. Возлюбленная его больше недели назад уехала на сёвер. Разминулись по дороге...

Лебедю с Мотером присутствие князя, непосредственного их начальника, внушало благоговение.

И чего это ему во дворце не сидится?

Я отметил, что Костоправ смотрит на Зиндху, оставшегося в лагере после отъезда Госпожи, с заметной неприязнью.

— Ладно, Мурген, кончай с этой палкой обниматься, — зарычал Ворчун. — Я не в настроении и склонен ко всему цепляться.

Один из солдат принял у него поводья.

— Идем куда-нибудь в тень.

— Я хочу послушать твой рассказ, — сказал я. — Пока еще свежий.

— Хочешь вписать в Анналы? Ты их продолжаешь?

— Пытаюсь. Только все бумаги пришлось оставить в городе.

Хотя жутко не хотелось. Одноглазый наобещать-то может до небес, что позаботится и все такое, но вот привезет ли?

— Что ж, почитаем когда-нибудь и Книгу Мургена. Посмотрим, можно ли сделать тебя настоящим летописцем.

Лебедь говорил, что Госпожа тоже думает написать свою книгу, когда у нее будет время. Костоправ пустил камнем в ворону. Кстати, первую, что я увидел после той, белой, в квартале нюень бао. Может, Костоправ с собой привез?

Я вкратце рассказал, что творилось в Деджагоре.

— Похоже, радостей у вас было маловато. И главная проблема, пожалуй, Могаба. Им и займемся в первую голову. Сколько людей там осталось?

— По-моему, у наров — от тысячи до полутора. Сколько наших, точно не знаю. Переправляются понемногу каждую ночь, но я, поскольку являюсь здесь пленником, ничего толком не знаю. Гоблин с Одноглазым и большая часть Отряда все еще в городе.

Я надеялся, что Тай Дэй с дядюшкой Доем воспользуются моментом и уберутся, забрав с собой Сари и То Тана.

— Отчего они остались?

— Не желают уходить. Говорят, они хотят подождать, пока Госпожа не восстановит свое могущество. Говорили, что их здесь кто-то поджидает...

— Не восстановит могущество?..

— Она уже восстановила, — заметил Нож.

— Хм-м-м... Так чего же они боятся, Мурген?

— Ученицы Меняющего Облик. Той, из Арчи. Она уже раз едва не поймала Одноглазого.

Отчего это я поверил нашему недомерку сейчас, если не поверил, когда он говорил мне об этом?

И тут перед глазами моими на миг появилось видение: Одноглазый мчится сквозь ночь, спасаясь от настигающей его клыкастой

смерти... Видение было предельно четким, словно настоящее воспоминание.

— Я помню ее. Действительно, задачка... Каштан Шед должен был позаботиться о ней, пока у него еще был шанс...

— Очевидно, она хочет рассчитаться с нами за Меняющего Облик. Возможно также, что она просто навечно осталась в облике форвалаки. Это, наверное, кого угодно разозлило бы. Но, если хочешь знать мое частное мнение, я считаю, что она — только повод. Им не хотелось двигаться с места, потому что иначе пришлось бы кое-что бросить.

— Что именно?

Я пожал плечами:

— Ты же знаешь Гоблина с Одноглазым. У них были месяцы на воровство и разные торговые махинации.

— Так. Теперь давай о Могабе.

Вот и до самого мрачного дошло...

Прежде чем я закончил рассказ, даже подлый Зиндху проникся презрением к нарам.

— Ну, я положу этому конец. Хочешь доставить письмо Могабе?

Я оглянулся. Нет, за моей спиной никого не было, стало быть, вопрос адресовался мне.

— Шутишь? Разве что подчиняясь приказу. И то не известно, подчинюсь ли. Могабе нужна моя голова. Не говоря уж о сердце и печенке на завтрак. Он же совсем с ума сошел. Может и тебя не постесняться.

— Ладно, пошлем кого-нибудь другого.

— Хорошая мысль.

— Я могу,— вызвался Лебедь.

И они тут же заспорили с Мотером. Очевидно, Лебедь хотел что-то доказать самому себе, а Корди был уверен, что не стоит утруждаться.

83

Мое положение в лагере резко изменилось. В одночасье я перестал числиться пленным и получил возможность делать все, что считал полезным для общего блага.

Вот разве что только в шатре было холодно. Все, что осталось мне на память о Сари и нюень бао, это нефритовый амулет, снятый Сари с руки Хонь Тэй, когда мы выносили детей из их квартала в ту кровавую ночь.

— Ну закончил? — раздраженно спросил Костоправ, найдя меня сидящим возле шатра и работающим над знаменем.

Я показал, что у меня вышло.

— Хорошо?

— Замечательно. Ты готов?

— Как никогда.

Я коснулся нефритового амулета:

— Значит, к ней у тебя отношение особое...

— Более чем.

— Мне нужно знать об этом народе все.

— Как-нибудь расскажу.

Пройдя через холмы, мы спустились к берегу. На воде уже покачивалась довольно большая ладья. Солдатам Ножа, не сумевшим провести ее сюда по ирригационному каналу из ближайшей реки, пришлось перетаскивать судно волоком. Мы со Стариком заняли позицию на приметном бугорке. Я развернул знамя. Его-то точно увидят из города, даже если не узнают нас.

Значит, Могаба желал знать, где знамя? Теперь сам увидит.

Пока ладья пересекала озеро и возвращалась, мы с Костоправом рассуждали о том, отчего Могабу и Госпожу так тянет к главенствованию.

— О! Похоже, Лебедь сделал все как надо. Ты можешь разглядеть, что там?

— Похоже, кто-то черный в ладье...

Этот кто-то оказался Зиндабом.

— Он всегда был с нами честен, — сказал я. — Насколько это было возможно, находясь у Могабы в подчинении. Очиба, Изи и кое-кто еще тоже были не так уж плохи. Однако приказам — подчинялись.

Зиндаб ступил на берег. Костоправ отсалютовал ему. Тот неуверенно отсалютовал в ответ, вопросительно глядя на меня. Я лишь пожал плечами. Пусть думает сам; я и представления не имею, к чему все клонится.

Зиндаб убедился, что перед ним — настоящий капитан. Удовлетворившись этим, он предложил:

— Давай отойдем и поговорим.

Старик подал мне знак оставить их наедине. Обойдя бугорок, они присели на камень. Говорили они довольно долго, ни разу не повысив голосов. Наконец Зиндаб поднялся и пошел обратно к ладье, словно бы обремененный неимоверной тяжестью.

— В чем дело? — спросил я у Старика. — Похоже, ко всем напастям, пережитым в осаду, он еще и состарился разом на двадцать лет.

— Это — старость сердца, Мурген. И с тобой произошло бы то же, почувствуй ты себя морально обязанным предать человека, бывшего твоим другом с самого детства.

— Что?

Но он не стал продолжать.

— Мы отправляемся туда. Хочу взглянуть Могабе в глаза.

В голову мне моментально пришла уйма доводов против. Но высказывать их я не стал — все равно не будет слушать.

— Только не я.

Меня передернуло. По спине пробежал мерзкий холодок — так, говорят, бывает, если кто-нибудь пройдет по твоей могиле.

Взгляд Костоправа сделался жестким. Я с силой воткнул древко копья в землю, словно бы говоря: «С места не тронусь!»

Он что-то буркнул себе под нос и пошел к ладье. Эта тварь, Зиндху, появился, словно из-под земли, и присоединился к отплывающим. Интересно, много ему удалось подслушать из беседы Ворчуна с Зиндабом? Скорее всего, ни слова. Старик наверняка говорил на диалекте Самоцветных городов.

Как только ладья отошла от берега на порядочное расстояние, я присел на землю подле знамени, сжал в руке древко и принялся размышлять, что же внушило мне такое нежелание плыть с капитаном.

84

Припадков у меня больше не было, и потому я перестал остерегаться. Следующий подкрался хитро и незаметно, прикинувшись простой ленивой дремотой. Я смотрел в сторону Деджагора, но больше не видел его. Я размышлял о молодой женщине, вошедшей в мою жизнь, и старой, что покинула ее. Мне здорово не хватало Сари и столь серьезного То Тана...

Белая ворона, усевшись на перекладину древка знамени, каркнула на меня. Я не обращал на нее внимания.

Я стоял на краю ослепительно сияющего золотом пшеничного поля. В центре его торчал потрескавшийся, искореженный черный пень, вокруг которого кишмя кишели, бранились вороны. Вдали, в нескольких днях пути от меня, блестели на солнце чудесные башни Вершины. Я узнал их сразу, хоть и не понял почему.

Внезапно вороны взвились в воздух, описали круг над полем и полетели к Вершине, выстроившись совсем не по-вороньи. Белая осталась на месте и продолжала кружить неподалеку.

Пень засиял черным глянцем. Чары поблекли.

На месте пня стояла женщина, очень похожая на Госпожу, только еще прекраснее. Казалось, она смотрела прямо сквозь меня. Или же на меня и внутрь меня... На губах ее играла порочная, игривая, соблазнительная и, пожалуй, даже безумная улыбка. Белая ворона тут же уселась к ней на плечо.

— Не может быть...

Улыбка ее рассыпалась осколками смеха.

Если только я не полный и окончательный безумец, то это могла быть только одна женщина. Умершая задолго до того, как я записался в Отряд.

Душелов...

Костоправ присутствовал при ее смерти.

Душелов...

Это многое объясняло. Это раскрывало сотни загадок. Но как же это могло быть?

Из-за моей спины, мягко ступая, вышла громадная эбеново-черная пантера. Подойдя к женщине, она села подле нее. В поведении ее не было ничего рабского.

Я был напуган. Если Душелов жива, находится в этих краях и склонна вмешиваться в события, может случиться много ужасного. Она была гораздо могущественнее Длиннотени, Ревуна либо Госпожи. Однако раньше она предпочитала использовать свой дар малыми порциями, дабы досадить кому-либо или же развлечься самой.

Она подмигнула мне — и, закрутившись, словно бы растворилась в воздухе, оставив за собою лишь пронзительный хохот, перешедший в карканье белой вороны.

Форвалака, насладившись зрелищем, скрылась вдали.

И я исчез.

85

Над головой каркнула ворона.

Чья-то рука жестко встряхнула меня за плечо.

— В добром ли ты здравии, господин? Быть может, тебе плохо?

— Что?

Я сидел на каменных ступенях, привалившись к косяку массивной деревянной двери. По верхнему краю створки расхаживала взад-вперед белая ворона. Человек, державший меня за плечо, замахал на нее свободной рукой, разразившись грязной руганью. Был он огромен и волосат.

Времени было — около полуночи. Единственным источником света был фонарь, поставленный здоровяком на булыжники мостовой. Через улицу, над самой землей, мерцали чьи-то глаза. На миг мне показалось, что за угол, во тьму, скользнула огромная кошка.

Человек оказался одним из шадаритов-патрульных, нанятых Освободителем для поддержания порядка на ночных улицах и надзора за чужаками сомнительного происхождения.

С той стороны улицы донесся смех. Патрульный явно оплошал при исполнении обязанностей: ведь это я — свой! А она — как раз из чужаков сомнительного происхождения!

Я снова был в Таглиосе.

Запахло дымом. Фонарь?

Нет. Дымом тянуло с лестницы за моей спиной.

Я вспомнил, как уронил лампу. Вспомнил дикую мешанину мест и времен.

— Я в порядке. Просто голова закружилась.

Смех повторился.

Шадарит оглянулся, но, похоже, остался к смеху равнодушным. Он не хотел верить моим словам. Он желал найти некий непорядок

сию минуту и не сходя с места. Пришлых он не любил, а нас, северян, полагал безумцами и пьянью. К несчастью, во дворце мы были в большом фаворе...

Я поднялся. Надо двигаться. Сознание мало-помалу прояснялось. Возвращалась память. Мне отчаянно нужно отыскать знакомый вход во дворец, так как я должен поскорее попасть домой...

Внезапно луна брызнула на мостовую холодным светом. Время — за полночь... И я увидел женщину, стоявшую по ту сторону улицы. Я хотел было сказать об этом шадариту, но издали, с той стороны, куда удалилось чудище, раздался пронзительный свист. Другому патрульному нужна была помощь.

— Поостерегись, чужеземец.

С этими словами шадар поспешил прочь.

Я тоже побежал, не тратя времени даже на то, чтобы захлопнуть за собою дверь.

Вскоре я добрался до знакомого входа, однако что-то было не так. Там должны были стоять на часах гвардейцы Корди Мотера...

Оружия при мне не было, кроме обычного ножа на поясе. Я обнажил его, приняв вид отчаянного бойца. Отряд Мотера ни при каких обстоятельствах не должен был оставлять пост. И подкупить этих ребят было невозможно.

Я нашел часовых в караульном помещении. Они были задушены.

Нужды в дальнейшем допросе пленника не было. Но кто же им надобен? Старик? Почти наверняка. Радиша? Возможно. Ну и прочие важные персоны, какие под руку подвернутся.

Мне едва удалось одолеть страх и не помчаться сломя голову домой. Все равно там Тай Дэй с дядюшкой Доем.

Сняв с одного из убитых рубашку, я обернул ею горло. Хоть какая-то защита от шарфа душилы. Затем я заскакал вверх по лестнице, словно горный козел, уже много лет в этом не упражнявшийся. Достигнув своего этажа, я успел так запыхаться, что пришлось перегнуться через перила лестницы и отдышаться, стараясь сдержать тошноту. Ноги стали совсем ватными.

Во дворце тем временем поднялась тревога. Малость отдышавшись, я направился в коридор — и наткнулся на мертвеца.

Он был грязным и недокормленным. Клинок развалил его тело от левого плеча до правого бедра. Правая рука, все еще сжимавшая черный румель, отлетела футов на десять в сторону. Все вокруг было залито кровью, продолжавшей вытекать из разрубленного тела.

Я взглянул на шарф. Покойный сгубил множество народу. Теперь Кина предала его самого.

Предательство такого рода — одно из самых привлекательных качеств этой богини.

Так чисто мог рубить только Бледный Жезл.

Еще один труп лежал возле моей двери. Третий — в дверном проеме, мешая двери закрыться.

Кровь была свежа, и трупы до сих пор кровоточили. Даже мухи налететь не успели.

Нехотя вошел я к себе, готовый вцепиться зубами во все, что шевельнется.

Потянуло незнакомым запахом.

Развернувшись, я столкнулся с кем-то тощим, смуглым и немытым. Меня отшвырнуло назад. Черный румель обвил мою шею, но из-за намотанной рубахи не смог выполнить то, для чего предназначался.

Я рванулся к своему столу — и тут в затылке вспыхнула острая боль.

— Только не теперь! — мысленно вскрикнул я.

И тьма сомкнулась надо мной.

Очнуться заставила боль. Рука моя была в огне.

Ударившись о стол, я перевернул лампу. Горели мои бумаги, мои Анналы. Горел я сам. Я с визгом вскочил и, едва потушив собственную руку, принялся спасать бумаги. Кроме них, я ничего вокруг не замечал и ни о чем не думал — то ведь жизнь моя обращалась в дым! За дымом ее ждали лишь обитель боли да суровые времена...

Где-то вдали, словно в конце длинного, страшного туннеля, я видел дядюшку Доя, опустившегося на колени возле Тай Дэя. Меж ними и мной лежали три мертвых тела. Двоих, судя по чистым, аккуратным разрубам, сразил Бледный Жезл. Третий был явно убит во гневе. Похоже, противник его вовсе вышел из себя.

Дядюшка Дой прижимал голову Тай Дэя к груди. Левая рука Тай Дэя свисала так, словно была сломана. Правая — обнимала То Тана. Голова пятилетнего мальчонки была как-то странно склонена в сторону. Лицо Тай Дэя было бледно. Сознание — витало в каких-то иных мирах.

Дядюшка Дой поднялся и пошел ко мне. Заглянув в глаза, покачал головой, придвинулся ближе и обнял меня могучими ручищами.

— Их было слишком много. И все произошло слишком быстро.

Я осел на пол.

То было настоящее. То был сегодняшний день. То был новый ад, где мне ни за что не хотелось оставаться.

...обрывки...

...почерневшие обрывки, со слабым хрустом крошащиеся в пальцах.

Побуревшие с углов страницы с полудюжиною начертанных неверною рукою слов, содержание коих более неизвестно.

Все, что осталось от двух томов Анналов. Тысяча часов работы. Четыре года нашей истории. Все это пропало навсегда...

Дядюшке Дою что-то требуется. А, хочет напоить меня каким-то странным зельем нюень бао.

Обрывки...

...повсюду вокруг — обрывки моей работы, жизни моей, любви и боли, разметанные суровым временем...

Тьма. И — лишь черепки времени во тьме...

Эй, там! Добро пожаловать в город мертвых...

86

В помещении было полно стражников.

Что происходит? Мысли мои смешались. У меня снова был припадок?

Дым. Кровь. Настоящее. Жестокое настоящее, пышущее болью, словно дракон — огнем.

Только тут я заметил присутствие капитана. Он, покачивая головой, вышел из задней комнаты, с любопытством глядя на дядюшку Доя.

Ворвался Корди Мотер, и вид у него был — словно перед лицом наиужаснейшего ужаса за всю его долгую и безрадостную жизнь. Он направился прямо к Старику. Я разобрал лишь:

— ...повсюду мертвые.

Ответа Костоправа я тоже не расслышал.

— ...за тобой?

Костоправ пожал плечами.

— Ты просто прогнал последних...

Вбежавший гвардеец что-то шепнул Мотеру.

— Слушайте! — рявкнул тот.— Там еще остались живые! Всем соблюдать осторожность! — Они со Стариком подошли поближе.— Они заплутали в лабиринте. Чтобы всех разыскать, нужен Одноглазый.

— Ох-хо, когда же это кончится?

Судя по всему, капитан ужасно устал.

Дядюшка Дой объявил, ни к кому в особенности не обращаясь:

— Они только начинают расплачиваться.

Таглиосский его был великолепен, учитывая, что еще вчера он не знал на нем ни слова.

Из задней комнаты, согнувшись, еле переставляя ноги, вышла матушка Гота. Она, по обычаю женщины нюень бао перед лицом катастрофы, сварила нам чаю. Наверняка то был худший день в ее жизни. Чай оказался хорошим.

Капитан снова испытующе взглянул на дядюшку Доя и опустился возле меня на колени.

— Что здесь случилось, Мурген?

— Толком не знаю. Начало пропустил. Я заколол одного. Вон того. От толчка упал на стол. Провалился вроде как в дыру во времени. Может быть. Проснулся — все горело.

Вокруг были разбросаны обуглившиеся страницы. Рука болела ужасно.

— Повсюду были мертвые. Что и как, я не видел. Очнулся лишь недавно.

Костоправ переглянулся с Мотером и правой рукой сделал жест, изображавший дядюшку Доя.

Корди Мотер на отличном нюень бао попросил дядюшку рассказать, как было дело.

Поистине, ночь тысячи сюрпризов!

— Эти Обманщики были умелы,— сказал дядюшка Дой.— Напали без предупреждения. Я проснулся лишь на миг раньше, чем двое навалились на меня.

Он объяснил, как избежал смерти, сломав чей-то хребет и чью-то шею. Содеянное он описывал цинично и даже критически.

Не пощадил ни Тай Дэя, ни себя самого. Себя он винил в том, что, поддавшись гневу, пустился в погоню за бежавшими Обманщиками, чье бегство оказалось диверсией. Тай Дэй, которого еще не успели и унести, заслужил критику тем, что поддался мимолетным колебаниям, стоившим ему сломанной руки.

— Дешево отделался, нечего сказать,— заметил Костоправ.

Дядюшка Дой кивнул, пропуская мимо ушей сарказм капитана. Он стоически платил за то, что позволил обмануть себя.

В моих комнатах, обнаружилось четырнадцать трупов не считая тех, что уничтожили Аншалы. Двенадцать Обманщиков, моя жена и мой племянник. Шестеро были убиты Бледным Жезлом, трое — руками Тай Дэя. Двоих уложила матушка Гота, а одного заколол я.

Сжав мое плечо, что должно было означать умиротворяющий жест, дядюшка Дой сказал:

— Воин не губит женщин и детей. Это — дело зверей. Когда звери убивают людей, люди бывают вынуждены изловливать и уничтожать их.

— Хорошо сказано,— заметил Костоправ.— Но Обманщики никогда и не называли себя воинами.

Дядюшкина речь не произвела на него впечатления.

Мотер тоже не слишком растрогался.

— Такова их вера, отче. Таков их Путь. Они — жрецы Смерти. Ни пол, ни возраст тех, кого приносят в жертву, не значат ничего. Жертвы отправляются прямиком в рай, избегая нового оборота колеса жизни, сколь бы ни отягощена была их карма.

Лицо Дядюшки Доя потемнело.

— Я знаю обычаи *туга.* Не говори больше о *туга.*

Он, судя по всему, не услышал ничего нового для себя.

Корди зловеще улыбнулся:

— Вы, вероятно, заняли почетное место в их списке наижеланнейших жертв, уничтожив стольких Обманщиков. Обманщик, расправившись с человеком, убившим многих людей, обретает высокое положение.

Я слышал болтовню Мотера, но не отметил ее как нечто осмысленное.

— *Туга* — не более безумна, чем любая другая вера.

Слова мои оскорбили всех в равной мере.

И — к лучшему.

Мотер принялся орать на своих гвардейцев, не оправдавших высокого доверия. Мое несчастье было лишь одним из многих, и число их продолжало расти.

Я тупо сказал:

— Мотер, от таких штук невозможно уберечься. Они же не бойцы. — Я швырнул обугленными листами, которые еще сжимал в руке, в ближайший труп. — Они пришли, намереваясь в полночь устроить здесь свой рай. Возможно, даже без всяких планов отступления. Капитан, — тут я понизил голос, — надо бы посмотреть, что с Копченым.

Костоправ нахмурился, словно я разом выдал все возможные тайны, но сказал лишь:

— Тебе что-нибудь нужно? Хочешь, чтоб кто-нибудь остался с тобой?

Он понимал, что значила для меня Сари.

— Вот откуда я начал проваливаться в прошлое, капитан. Пока семья была со мной, они меня успокаивали, если в голове начиналась заваруха. Ты вправду хочешь мне помочь? Поправь Тай Дэю руку. А там — иди, делай, что должен.

Костоправ кивнул и сделал легкий жест, обычно означавший: «Трогай!» Сейчас этот жест говорил куда больше. Он говорил, что однажды утром Нарайян Сингх проснется и увидит, какую бурю посеял. Нигде в мире для него больше нет безопасного места.

Я поднялся и угрюмо направился в спальню. Позади застонал Тай Дэй — капитан выправлял его руку. Занимаясь этим, Старик раздавал приказы, означавшие значительную интенсификацию военных действий.

Дядюшка Дой последовал за мной.

Свершившееся причиняет меньше боли, чем предчувствия грядущего. Я снял с шеи жены румель и некоторое время стоял с ним в руке, глядя на нее. Душила, должно быть, был настоящим мастером. Шея ее не была сломана, и даже кровоподтека на горле не было. Казалось, она уснула. Хотя, взяв ее за запястье, я не ощутил биения пульса.

— Дядюшка Дой, можно, я побуду один?

— Конечно. Но сначала выпей это. Оно поможет тебе отдохнуть.

Он подал мне какую-то жидкость, пахнувшую на редкость омерзительно.

В первый ли раз?

Он ушел. Я в последний раз лег рядом с Сари и держал ее за руку, пока снадобье не растеклось по телу, призывая ко сну. Я передумал все обычные мысли, вышивая обычные планы мести. Потом в голову пришло немыслимое: может, и хорошо, что это случилось до того, как Сари по-настоящему успела узнать, что значит принадлежать к Отряду.

Я вспоминал великое чудо нашей семейной жизни.

Мысли мои были и здравы и безумны; в меня вселился благостный покой, неизбежный при близости всякой безвременной смерти. Я уснул. Но даже в царстве снов не мог обмануть боли. Мне снились жестокие сны, от коих я откажусь, пробудившись. Похоже было, что сама Кина насмехается надо мной, подсказывая, что триумф был великолепнейшим обманом.

Когда я проснулся с трещавшей после Доева снадобья головой, Сари рядом не было. Поднявшись, я принялся обшаривать комнаты, пока не наткнулся на матушку Готу. Старуха чаевничала, разговаривая сама с собою — точно в том же тоне, как и со всем остальным миром.

— Где Сари? — спросил я.— Налей и мне чаю, пожалуйста. Что случилось с ней?

Гота воззрилась на меня, словно я был безумцем.

— Она умерла.

И в первый раз не стала критиковать дочь.

— Это я знаю. Куда исчезло тело?

— Ее забрали дом.

— Что?! Кто?!

Во мне начала вздыматься волна кипучего гнева. Как они посмели?!. Кто?!.

— Дой. Тай Дэй. Двоюродные братья. Дядья. Взять Сари с То Тан дом. Меня — смотреть ты.

— Она была моей женой. Я...

— Она быть нюень бао прежде — твоей женой. Она нюень бао сейчас. Она быть нюень бао завтра. Хонь Тэй выдумки — это не менять.

Я взял себя в руки, не допустив срыва. С точки зрения нюень бао, Гота была права.

К тому же, прямо сейчас я с этим ничего не мог бы поделать. Амбиции, лелеемые еще утром, улетучились, и хотелось лишь одного: возможности сидеть на месте и жалеть себя.

С чашкой чая я вернулся в свою комнату. Усевшись на нашу кровать, достал нефритовый амулет, принадлежавший Хонь Тэй. Он показался теплым и даже более живым, чем я сам. Я уже долго не носил его и теперь надел на левое запястье.

Злость можно будет выместить на дядюшке Дое, когда он явится. Если только явится...

87

Своей тактической задачи не выполнил ни один отряд душил, однако рейд их увенчался психологическим успехом. Город был ошеломлен. Власти — шокированы. Всеобщий ужас не шел ни в какое сравнение с причиненным уроном.

Впрочем, капитан взял ситуацию в руки и развернул кругом.

На следующее же утро, пока большинство из нас все еще боролось с чувствами, он под старой личиной Освободителя отправился к таглиосским солдатам. Он объявил новую эру всеобщей, беспощадной войны с Хозяином Теней и *туга*, причем предал огласке лишь меньшую часть происшедшего во дворце. Слухи, широко разошедшиеся по городским проулкам, распалили всеобщий гнев. Долгие годы война шла где-то далеко, в старой Стране Теней, а посему лишь слегка затрагивала чувства людей. Набег Обманников снова принес войну к самому порогу, и энтузиазм былых дней воскрес.

Освободитель сказал народу, что годы подготовки позади. Настал час правого суда над нечестивыми.

Но немедленное выступление означало ведение войны в зимнее время. Я спросил Старика, действительно ли он намерен выступать, не дожидаясь потепления.

— Именно. Более или менее. Ты знаешь, где они закрепились; ездил туда на Копченом. Что я хочу сказать: надо быть полным безумцем, чтобы в самый снегопад прорываться сквозь Данда Преш.

Безумцем, значит...

— Солдатам придется тяжело.

— Если выдержал старый хрен вроде меня, то и все выдержат.

Верно. Только некоторые перенесут все это лучше прочих. Некоторые — просто одержимы...

Черт возьми, одержимости и ненависти в Черном Отряде хватит на всех.

Работа сделалась для меня всем. Злые времена миновали. Я не проваливался более в ужасы вчерашнего дня, дабы избежать ужасов дня сегодняшнего — это я знал наверняка. Однако спалось мне плохо. За стеной сна до сих пор скрывался ад. Я закопался в Анналы, переписывая наново все, что пожрал огонь. Для этого я без устали и пощады гонял Копченого в прошлое, проверяя свои воспоминания.

Весть о новом положении распространилась по таглиосским землям так быстро, как только могут поспевать копыта лошадей.

Госпожа начала собирать армию и обучать ее навыкам войны со сгустками тьмы, по коим Хозяева Теней получили свое название.

До меня дошло, что Гоблин совершенно пропал куда-то, но — только через несколько недель после его пропажи. Я боялся, что его убили, но Ворчун, казалось, не слишком беспокоился.

Одноглазый был страшно раздосадован. Он так отчаянно старался свести своего приятеля с моей тещей, а того и след простыл!

В ночи, когда ветер не проникает в палату сквозь разбитые, потускневшие окна, не гарцует по опустевшим коридорам и не шепчется с мириадами ползучих теней, крепость сию наполняет безмолвие камня.

Холодные, жестокие сны кипят внутри фигуры, распятой на троне, истлевшем от древности своей. Вот луч света пробивается к ней. Фигура вздыхает, втягивая свет, и испускает волшебный шар своих сновидений, и шар тот, непостижимым образом отыскав дорогу сквозь извилистые коридоры неподвижности, устремляется в мир в поисках сознания, что воспримет его. Тогда Тени по всей равнине исчезают, словно стаи пескарей, почуявших приближение могучего хищника.

Звезды подмигивают им с холодной насмешкой.

Так было, так есть, и так будет.

88

Обитель боли?

Издевательский смех.

Да, она прекрасна. Почти так же, как я. Но она — не про тебя.

Женщина заботливо укрыла ребенка на ночь. Каждый жест ее был исполнен грации.

Я... Внезапно там оказался я.

НЕТ! Не про тебя! Она моя!

Твое — лишь то, что дам тебе я. Я даю тебе боль. Вот она, обитель боли.

Нет! Кто бы ты ни...

СТУПАЙ!

89

— Уф-ф-ф!

Я открыл глаза и увидел Тай Дэя с дядюшкой Доем. Они встревоженно смотрели на меня. Я помотал головой, удивленный столь скорым их возвращением.

Я лежал на полу в своей рабочей комнате, но одет был для сна.

— Что я тут делаю?

— Ты ходил и разговаривал во сне, — отвечал дядюшка Дой. — Чем и встревожил нас.

— Разговаривал?

Никогда еще не разговаривал во сне. Впрочем, и не ходил никогда.

— Разрази его все, у меня снова был припадок!

Но на этот раз я кое-что помнил.

— Это нужно записать. Прямо сейчас, пока не забыл.

Я рванулся к столу и тут же осознал, что не имею ни малейшего понятия, как об этом писать. С досады я отшвырнул перо.

Вошла матушка Гота с чаем. Налила мне, затем дядюшке Дою, а после и Тай Дэю. Смерть Сари глубоко ранила ее душу, подавив вздорность ее характера. Сейчас она проделывала все чисто машинально.

Так продолжалось уже не первый день. .

— В чем твоя беда? — спросил дядюшка Дой.

— Как тебе..: Все помню, а вот объяснить...

— Если так, нужно расслабиться. Перестань бороться с собою. Тай Дэй, подай учебные мечи.

Я хотел было заорать, что сейчас не время, однако мечи были дядюшкиным средством от всех напастей. Принять оружие, проделать учебный ритуал, повторить позиции — все это требует полной сосредоточенности. И всегда действовало, вопреки всему моему неверию.

К нам присоединилась даже Гота, хотя умела она еще меньше моего.

90

В ту ночь, когда я пытался найти дорогу наружу из палаты Копченого, я гадал, не разбросал ли Одноглазый по коридорам чар, сбивающих с пути. Оказалось, что да, к тому же разбросал их по всей заброшенной части дворца, чтобы наше местоположение ничем не выделялось. Он дал мне амулет из разноцветных зачарованных шерстяных нитей, велев носить на запястье и сказав, что это позволит мне свободно ходить сквозь его чары и в голове не станет мутиться — по крайней мере, больше, чем обычно.

— Будь осторожен,— предостерег он.— Я эти заклятья меняю каждый день — ты же теперь регулярно с Копченым работаешь. Не хотелось бы, чтоб кто-нибудь — особенно Радиша — вломился, пока душа твоя вдали от тела.

В этом имелся смысл. Копченый для нас был бесценен. Такого прекрасного орудия для добычи сведений никогда прежде не бывало, и мы не могли рисковать, делясь им с кем бы то ни было.

Старик вручил мне перечень необходимых ему регулярных проверок. Там упоминалось и плотное наблюдение за Ножом. Однако полученными сведениями он не спешил пользоваться. Наверное, отсиживался тишком, дабы Нож набрался самоуверенности. И уж заодно решил за нас проблему религиозных раздоров.

Я вопросов не задавал, однако был уверен, что политика Ворчуна тщательно выверена. Жречество было нашим главным политическим соперником. Кстати, в использовании жрецов ради того, чтобы Нож не забрал слишком уж большую силу, по-моему, тоже был смысл.

Имелся у меня и персональный план изысканий: кое-что — для удовлетворения любопытства, а в основном — для выверения событий, нуждающихся в отражении в Анналах. Только на работу с книгами у меня уходило по десять часов в день.

Я просыпался, писал, ел, писал, навещал Копченого, писал, непадолго засыпал, а после просыпался, и все начиналось снова. Спал я обычно беспокойно: мало приятного пребывать в обители боли.

Дядюшка Дой решил не возвращаться на болота. И матушка Гота — тоже. Большей частью они не показывались мне на глаза, но постоянно находились неподалеку и наблюдали. Ждали исполнения своих надежд.

Война вступила в новую фазу, и нюень бао решили принять в ней участие. Значит, жестокость Обманщиков будет уничтожена при помощи жестокости нюень бао.

Одна из главных задач соглядатая, как выяснилось, состоит в том, чтобы понять, где искать нужные сведения. Когда мне нужно было узнать что-либо для Анналов, я, как правило, имел представление, когда, где и при чьем участии происходили данные события. Вдобавок, перепархивая с места на место, можно проверить собственную память, каковую я нашел поразительно недостоверной.

Видимо, никто не помнит ничего точно так, как оно было на самом деле. Искажения зачастую пропорциональны вложенной в описание толике личностной оценки и того самого «заднего ума», коим, как известно, каждый крепок.

Одноглазый, конечно, тоже не чужд был личностного подхода. Может, из-за него-то он и запрещал мне заглядывать в свои оружейные мастерские. Если только причина не крылась в желании уберечь свои гроссбухи от постороннего глаза. Надо будет заглянуть к нему — скоро он сворачивает мастерские.

Одноглазый тащил на своих старческих плечах порядочную ношу. Среди всего прочего он был кем-то вроде министра вооружений. В его ведении находились несколько укрепленных городских кварталов, где изготавливали все, от наконечников для стрел до громадных осадных орудий. Большая часть продукции тут же паковалась и отсылалась в гавань, где ее грузили на барки и сплавляли вниз по реке до дельты, откуда, чередой извилистых каналов, проводили в реку Нагир. Затем они поднимались вверх по Нагиру и его притокам и доставляли оружие в арсеналы приграничных гарнизонов. Несомненно, какое-то количество материалов не попадало по назначению. Одноглазый, безусловно, извлекал выгоды из своего положения. Надеюсь, ему хватает ума не торговать с врагом. Если капитан поймает его на этом, Одноглазый поймет, что с Ножом еще мягко обошлись, словно с проказливым младшим братишкой.

Первый визит в арсеналы был просто кратким набегом. Комплекс Одноглазого состоял из множества зданий, некогда ничем не

связанных, а ныне превращенных в запутанный лабиринт. Все окна и большая часть дверей были заложены кирпичом. Немногочисленные входы стерегли люди, отобранные по росту, злобности нрава и отсутствию воображения. Они не впускали и не выпускали никого. На улице подле грузовых ворот ни днем ни ночью было не протолкнуться. Шеренги фургонов и телег, влекомых усталыми волами, медленно продвигались к воротам, где их разгружали и снова нагружали ломовики. За ними неусыпно присматривали те самые, лишенные воображения, у коих выступала пена на губах, если ломовик осмеливался обменяться взглядом с возчиком. Вокруг и между телег сновали бесчисленные разносчики с шестами, на которых висели дюжины судков с пищей для рабочих. Сторожа проверяли каждый судок. Они и друг друга проверяли — каждый в свою очередь.

Таглиос обладал многообразной, сложной и узко специализированной экономикой. Люди могли выбирать любой способ зарабатывать на жизнь, и на все находились потребители. Недалеко от дворца есть базар, целиком посвященный наведению красоты, обслуживающий в основном дворцовую публику. Один парень там занимался только выщипыванием волосков из ноздрей. Рядом с ним, с различными маслами и серебряными инструментами, разложенными на инкрустированном столике, практиковал старикан, который вычищал серу из ушей, а заодно пересказывал слухи. Ремесло это семейное, им занимались множество поколений его предков. Старик обычно бывал печален: он не имел сына, способного унаследовать секреты мастерства, и с его смертью семья потеряет место на базаре.

Все это очень характерно для жизни низов и вызывалось ужасной перенаселенностью. Не хотел бы я быть таглиосцем низшей касты...

К счастью, громилы Одноглазого меня не заметили. Видимо, против магического проникновения они были бессильны. Я устремился внутрь. Пожалуй, по поводу магии Одноглазому не стоило утруждаться: Длинотень больше не может посылать своих зверушек так далеко. Но как же с Ревуном? Он может незаметно подобраться к нам, как только ему потребуется...

Выслеживание Ревуна было одной из моих постоянных задач.

Рабочие занимались обычными вещами: ковали наконечники для стрел, точили, насаживали на древки, прилаживали оперение. Строили метательные машины. Пытались изготовить множество легких ватных доспехов для пехотинцев — которые, несомненно, просто повыбрасывают их, потому как жарко, неудобно, и все тело под такой штукой чешется.

В отделении, где трудились стеклодувы, было две дюжины рабочих, и большая их часть производила маленькие, тонкие бутылочки. Взвод подмастерьев поддерживал огонь, плавил из кварца стеклянную массу и относил остывшие бутылочки к плотникам, упаковывавшим их в ящики с опилками. Некоторые ящики грузились в

фургоны дальнего следования, но большинство отправлялось в гавань.

В конторе Одноглазого висела большая грифельная доска. Сверху, по-форсбергски, были написаны, очевидно, необходимые количества той или иной продукции. Бутылочек — пятьдесят тысяч. Стрел — три миллиона. Дротиков — пятьсот тысяч. Копий кавалерийских — десять тысяч. Сабель — десять тысяч. Седел — восемь тысяч. Мечей коротких, пехотных — сто пятьдесят тысяч.

Некоторые числа были просто абсурдны. Но производство шло на всех таглиосских землях — чаще всего в простых деревенских кузницах. Главной же обязанностью Одноглазого было следить за ходом работ. По-моему, это все равно, что назначить лису сторожить курятник.

Большую часть списка я еще мог понять — в нем упоминались фургоны, тягловый скот и лес по сотням барок. Но пять тысяч коробчатых змеев, готовых к запуску, двадцать футов на три каждый?.. При каждом — тысяча футов бечевы?.. Сто тысяч ярдов шелка в тюках по шесть футов в ширину?..

Ну, этого он не получит.

Я отправился поглядеть, что еще приготовлено для Могабы и его дружков.

Я видел учебные лагеря, где наши ударные части готовились к любым мыслимым условиям и задачам. Дальше, на юге, Госпожа проводила собственные мероприятия, создавая войска, способные вести наступательные действия при помощи волшбы.

На таглиосских землях ею были найдены все, кто обладал хоть малейшим магическим даром. Она обучала их ровно настолько, чтоб от них был прок в действе, которого я не мог понять, сколько бы ни старался. Как заметил Длинотень, она очистила таглиосские земли от бамбука. Из него нарезали хлысты одинаковой длины, а после раскаленными проволоками выжигали перемычки. Получившиеся трубки наполняли пористыми цветными шариками, обработанными взводами безграмотных ведунишек Госпожи.

Еще один трюк, дабы сбить с толку Хозяина Теней? Мы сами занимались дымом и зеркалами, которые должны были заставить противника зря растрачивать ресурсы и потерять верное направление. Пока что это все здорово сбивало меня с толку.

Госпожа спала еще меньше, чем капитан. А Костоправ редкую ночь спал больше пяти часов. Если только Могабу с Длинотенью можно победить, сбив с верного пути, то мы, можно считать, уже победители.

И Госпожа, и Старик столько всего скрывают, что я даже спустя все эти годы не могу понять их образа мыслей. Они крепко любят друг друга, но очень редко выказывают свою любовь. Они хотят вернуть дочь и отомстить Обманщикам, но никогда не говорят о

девочке прилюдно. Костоправ, хоть и решил отвести Отряд назад в таинственный Хатовар и проследить его происхождение, вообще больше об этом не заикается.

Кажется, что оба они живут только войной.

Я вернулся в мастерские Одноглазого — неохота было расставаться с Копченым. Я понимал, что, задержавшись надолго, начну испытывать голод и особенно жажду. Вообще-то Копченым надо пользоваться с частыми перерывами, чтобы напиться и перекусить. Однако трудно заставить себя вернуться, когда на собственном срезе бытия тебя ждет столько боли.

На этот раз я обнаружил помещение, раньше мною не замеченное. Там рабочие-веднаиты неспешно расхаживали среди дюжины керамических котлов. Некоторые подносили ведра, из которых по чашке наливали в котлы некую жидкость из чана, где ее неустанно размешивал, добавляя порой воды либо белого порошка, специально приставленный человек.

Ничего особенного в котлах не наблюдалось. Жидкость, заливаемая сверху, капала из стеклянного краника в большой глиняный кувшин. Каждый кувшин, едва он наполнялся, закупоривали, осторожно относили в хранилище и ставили на полку, в дальний угол. Ставили, в отличие от винных кувшинов, горлом вверх. Странно: светильни в помещении горели необычайно ярко.

Осмотрев один из котлов, я увидел, что на поверхность со дна поднимаются крохотные пузырьки, а на самом дне находились дюжины прутьев, покрытых неким серебристо-белым веществом. Еще на дне котла лежало несколько стеклянных чашек без ручек. Рабочий в перчатках, пользуясь каким-то керамическим инструментом, подвел чашку под прут и собрал в нее этот серебристый налет. Покончив с этим делом, он при помощи деревянных щипцов вынул чашку из котла. Нес он ее с великой осторожностью, но все же ухитрился споткнуться на ровном месте.

Серебристо-белый налет, войдя в соприкосновение с воздухом, ослепительно вспыхнул.

Впрочем, пора возвращаться. Нужно поесть. Довольно скоро придется идти собирать манатки — вскоре мы все выступаем на юг. Следующим этапом войны станет всеобщий сбор.

91

Масло с Ведьмаком вернулись назад после бесчисленных пустопорожних задержек на последнем участке реки, каковой должен был быть самой легкой частью их путешествия. Одноглазый зашел за мной на квартиру, и мы направились к реке. Там находился склад того самого шадарита-рыбака, где я держал пленных, захваченных в Роковом перелеске.

Нас уже поджидал Старик. Надо же: если захочет, что угодно может отложить...

— Ты — в порядке, Мурген?

— Справлюсь.

— Он слишком много времени провел с Копченым,— наябедничал Одноглазый.

— Это здоровья не улучшает... Взглянешь на ребят?

Ни Масло, ни Ведьмак с виду не изменились. Я пожал им руки.

— Ну, ребята, я уж и не чаял вас увидеть. Думал, везение вас, наконец, оставило.

— Почти оставило, Мурген. Мы его мало что все не истратили.

— Итак,— вмешался Старик,— почему так долго?

— Ну рассказывать-то, наоборот, почти нечего.

Ведьмак странно взглянул на Костоправа, словно желая убедиться, что перед ним — настоящий капитан. Старик, как обычно, был переодет шадаритом-кавалеристом.

— Прибыли, сделали, что могли, и отправились восвояси.

Ведьмак говорил так, словно поход в четырнадцать тысяч миль был для него делом обычным. В Отряде вообще не принято хвастать подвигами.

— Примечательного видели не много.

Пока Ведьмак говорил, Масло обходил окна и двери.

— Соглядатаев опасаться стоит? — спросил он.

— Мы в Таглиосе,— отвечал Костоправ.

Этим он хотел сказать, что здесь каждый постоянно следит за всеми.

— Мы-то думали, вы со всем управитесь, пока нас нет...

— Да уж много с чем управились. Соглядатаи Хозяина Теней больше не опасны. Госпожа, Гоблин и Одноглазый позаботились о них.

— Однако жрецы никуда не делись,— напомнил я.

— Да. А недавно были тут проблемы и с Обманщиками.

Что-то в моем лице подсказало Ведьмаку, что тему Обманщиков лучше не продолжать. Пока что.

— Ну и как воюется?

— Медленно,— отвечал Костоправ.— Об этом можно и после потолковать. Вы разузнали что-нибудь полезное?

— Да мало, честно говоря.

— Проклятье!

— Добыли уйму разных сведений для Анналов о том, чем занимались другие. Это здорово проясняет смысл наших дел. Мурген, тебе обязательно захочется с этим ознакомиться. Пожалуй, ты вставь это в те книги, что написал Ворчун. Чтобы как бы обе стороны были рядом. Для наглядности. Угу?

— Может, ты сам займешься? — кисло спросил я.

— Научи грамоте — так займусь. Хотя стар я для такой ерунды...

— Ладно, посмотрим. — Я оглянулся на Костоправа. — Если не будешь соваться с поправками.

Тот ухмыльнулся.

Ведьмак хмыкнул:

— Да боги меня упаси, Мурген. Ни за что. Э-э, я ведь разузнал и обо всем, что случилось после нашего ухода. Вы не поверите, что там началось! Хромой снова возвращался. Да не волнуйтесь, все утряслось. Империя стала скучна до невозможности...

— Тогда пора, пожалуй, домой возвращаться.

— Но в Башню-то вы попали? — спросил Костоправ.

— Полгода там провели. Поначалу нас все за нос водили...

— И — что?

— Ну наконец убедили их, что силы к Госпоже вернулись. Тогда они принялись нам помогать. Народец в Башне рад-радешенек, что хозяйка далеко.

— Скажи на милость, — заметил я. — Это разорвет ее сердце.

— Ага. — Ведьмак ухмыльнулся. — Помощи они нам не пришлют. Сказали, незачем им наживать новых врагов. Я так полагаю, все из-за того, что они боятся, как бы Госпожа не прониклась тоской по дому и не вернулась на север.

— Мы так и думали, — сказал Старик. — Здесь ничего другого и не может быть; только что — удержать Госпожу от возвращения... Так что же вы привезли?

— Они подняли свои архивы. Дали нам толмачей. Даже могилы вскрыли, когда нам понадобилось.

— Им и самим желательно было поинтересоваться, кто там захоронен.

— Истинно так. Им штаны пришлось менять, когда мы рассказали, кто здесь, на юге, в живых объявился. Они довольно натерпелись страху, когда Хромой вернулся и едва-едва не пустил их по ветру.

— Ну, у этого на нас был зуб куда больше, чем у Душелова, — сказал я, размышляя о том, что добавлять к перечню наших врагов и Хромого, пожалуй, не стоит. — А как насчет моей репы?

— Насчет Хромого они на сей раз убедились, — сказал Ведьмак. — Наверняка убедились. А семена я тебе привез. Репу, пастернак и даже семенной картошечки малость — если только не попортилась в дороге.

— Странно было бы, кабы не убедились, — сказал Костоправ, глядя на Масло, беспокойно расхаживавшего по помещению. — Итак, вам разрешили разнюхивать что хотите и даже кое в чем пособили. Что же вы узнали?

— Да говорю ж — не многое. Длинотень, похоже, не из Взятых.

Я был уверен в этом. Я понимал, что он не смог бы скрыть от Ревуна, что они и в прошлом были союзниками.

— Насчет картошки. Ты взял ту самую, помельче, как я...

Ведьмак, дико взглянув на меня, продолжал говорить, обращаясь к Старику:

— Есть крохотный шанс, что он может оказаться Безликим, Лупогрызом либо Крадущимся в Ночи. Хотя там все уверены, что от этой троицы остался лишь прах. Вот почему мы не смогли найти тел.

— А как насчет последних Взятых? — задумчиво протянул Ворчун.

— Пятеро действительно уцелели — Страшник, Шепот, Аспид и Волдырь с Ученым. Но Госпожа лишила всех пятерых могущества. Тому есть свидетели.

— Но к ней самой могущество вернулось, — возразил я.

— Ну да. Но, с другой стороны, мы точно знаем день появления Хозяев Теней. Даже, пожалуй, и час. Все последние Взятые были очень заняты на севере. А большая их часть и Взятыми-то еще не стала.

Я переглянулся со Стариком. Он начал расхаживать по складу.

— Когда Душелов держала меня в плену, она как-то сказала, что один из Хозяев Теней, погибший в Деджагоре, даже не был Взятым.

— И Тенекрут — тоже, — добавил я.

— Все, что они могли сказать наверняка, — подытожил Ведьмак, — это то, что они и представления не имеют, принадлежал ли Длинноть к старому поколению. И записи в архивах подтверждают то же самое.

Костоправ все шагал, едва уклонившись от столкновения с Масло, однако держась подальше от кучки несчастных таглиосцев, покорно ожидавших, когда же, с его благословения, можно будет разойтись по домам. Интересно, узнали они его через три года, да еще в облачении шадарита? Возможно.

Я был уверен, что он думает, что война с Хозяевами Теней не простая борьба и ставка в ней куда как превыше самой жизни.

— Мы изничтожили троих из этих ублюдков, — сказал он. — Но Длинноть — изо всех худший. Потому что самый безумный. Он работает над своей Вершиной день и ночь...

— До сих пор?

— До сих пор. Но за время вашего отсутствия он заметно продвинулся вперед. А если ему удастся завершить строительство до того, как мы доберемся до него, это будет концом света. Он замышляет откупорить дыру, что к югу от Вершины, и выпустить на волю всех псов преисподней. А потом вылезти из своей крепости и собрать, что останется.

— Это я уже слышал, — буркнул я.

Я никогда не относился к этой байке серьезно, несмотря даже на ее персонажей. Однако, похоже было, капитан верит, что Длинноть способен на такое. Может, он в своих путешествиях с Копченым видел что-то такое, что я проглядел?

Значит, конца света не избежать. Либо его организует Кина со своими Обманщиками, либо — Длинноть. И в обоих случаях предотвратить несчастье может лишь Черный Отряд.

Ага. Естественно.

Мне захотелось сказать Костоправу, что мы — всего-то навсего Черный Отряд. То бишь банда неудачников, не способных заработать себе на жизнь иначе, чем солдатчиной. Ну да, ввязались мы в драку с какими-то чудаками, которыми без нас еще сто лет никто не заинтересовался бы. Мы скованы понятиями чести, потому что дали слово, да еще из-за душил, укравших твое дитя. Верно. Так и есть. Вот только про спасение мира — не надо.

Я очень боялся, что Старик станет кем-нибудь вроде Длинноте-ни, Могабы, Ревуна, Кипы и прочих дьяволов нашего времени. Одна из прямых обязанностей летописца: напоминать капитану, что он — никакой не полубог. Только вот разучился я это делать... Черт побери, я даже дядюшку Доя перебить не могу, когда он заводится!

— Мне нужна зацепка, Ведьмак,— сказал Костоправ.— Очень нужна. Ну скажи, что ты нашел хоть что-то. Скажи же.

— Семена вот Мургену нашел...

— Проклятье...

— Лучшей из их идей была — проследить уцелевших из Круга Восемнадцати.

О, это интересно...

Костоправ остановился и взглянул на меня, словно я мог ему что-то объяснить. Я заметил, что сосредоточенности в его взгляде больше нет. Он вспоминал битву при Чарах.

Круг Восемнадцати поднял громадные армии бунтовщиков, дабы низвергнуть Госпожу. Последняя битва при Чарах была самой кровавой за всю историю мира.

Кругу не удалось победить.

— Мы убили Твердеца с Загребущим,— сказал Старик.— А Шепот Госпожа сделала Взятой. Значит, трое...

— Куда больше просто разбежалось, когда мы разметали их,— заметил я.

Это «мы» вызвало улыбки на лицах Масло, Ведьмака и Старика. Мне тогда было лет двадцать, а о Черном Отряде я даже не слыхивал.

— Мы тогда уж очень хорошо сработали, командир,— сказал Ведьмак.— Ни одного бывшего солдата бунтовщиков не удалось отыскать, чтоб допросить. Мы не смогли даже узнать имен семерых из Восемнадцати. Но в Башне отыскались те, кто служил тогда младшими офицерами. Они заявили, что своими глазами видели гибель всего Круга за исключением одного, по имени Дешевка, тех, кто стал Взятыми, и одного из тех, чьих имен не удалось узнать.

— Дешевка...— Костоправ снова пошел по складу.— Помню такого, но — только имя. Мы были у Лестницы Слез и получили известие, что Дешевка окружен. На востоке... Мы тогда занимались Твердецом... Даже не помню, упоминал ли я этого Дешевку в Анналах.

Ха! Вот отличная возможность показать себя!

— Упоминал. Одной фразой. Так и написал, что Шепот взяла Ржу, а Дешевка окружен.

— Шепот... Да. Она совсем недавно стала Взятой. Значит, Госпожа должна знать, что там между ними было.

— Да ведь Дешевка была женщина,— вспомнил Ведьмак.— А Длиннотень — кто?

Костоправ сдвинул брови.

— Он никогда полностью не раздевался,— сказал я,— но я совершенно уверен, что — мужик. Физически.

Старик метнул в меня острый взгляд. Черт побери! Но таглиосцы ворчали меж собой в дальнем углу, и никто из них не слышал моей оговорки. Хотя и Ведьмака в списке посвященных не было. Я поспешил исправить оплошность:

— Но во плоти его видел только Копченый. А он уже не расскажет...

— Он еще жив? — удивился Ведьмак.

— Едва,— отвечал Костоправ.— Мы поддерживаем в нем жизнь. Прежде иногда удавалось выводить людей из комы. Так, значит, это — все? Все, что вам удалось отыскать за три года?

— Бывает и так, командир,— Ведьмак усмехнулся.— Да, совсем забыл. Они дали нам целый гроб с бумагами и прочей ерундой, которая принадлежала тем, кто мог бы обратиться в Длиннотень, если он вообще из числа Восемнадцати. Все упаковано и надписано на случай, если какой колдун захочет воспользоваться.

Лицо Костоправа мигом засияло ярче солнышка.

— Масло, отсылай людей по домам, чего тянуть! — заорал он.— Бонхарж, чего ты там копаешься? Твои люди тебя заждались! — Он обернулся ко мне: — Пожалуй, все это надо переправить к Госпоже. Она в таких вещах разбирается.

Масло тем часом выгнал таглиосцев из склада. Казалось, они смущены неожиданной милостью Освободителя. Впрочем, я тоже был удивлен.

— Ну, ребята, а у вас тут — что нового? — спросил Ведьмак.

— Нового — много,— отвечал я.— Но интересного — мало. Клюем да клюем их помаленьку.

— Могаба вправду теперь большая шишка в армии Длиннотени?

— Точно. Вояка он умелый, только Длиннотень ему много воли не дает. В основном он с нами воюет через вторые руки. Нож за него выполняет всю грязную работу.

— Что? Нож? Тот самый, что был с Лебедем и Мотером?

— Ну да.

Я оглянулся на Старика. Лицо его окаменело.

— Ну да. Нож переметнулся, пока вас не было.

— Идем-ка назад во дворец, Мурген,— сказал Костоправ.— У нас еще дела.

92

Почти всю дорогу капитан молчал, разве что иногда взрыкивал на встречных, осмеливавшихся пялиться на шадарита в компании белых дьяволов. Нас, северян, здесь мало. Настолько, что многие местные вообще белых людей пока не видели. Мы, конечно, не очень старались избавиться от дурной репутации.

Некоторые интеллектуалы из жрецов утверждали, что дружба с пышным Черным Отрядом столь же губительна для Таглиоса, как и вражда с нашими далекими предками.

И это было похоже на правду.

Мы подошли ко дворцу. Костоправ продолжал бубнить себе под нос — в основном жалел, что поход дал нам столь мало. Он так уж пестовал идею этого похода, что теперь очень нелегко расставался с надеждами.

— Долго еще твоя родня будет здесь? — спросил он.

Я не собирался его радовать.

— Побудут еще. Они тоже хотят получить свой ломтик Нарайяна Сингха.

Старик до сих пор не доверял дядюшке Дою.

— Они знают о Копченом?

— Конечно, нет! Черт побери...

— Вот пусть и дальше не знают. Ты пока не разыскал его библиотеку снова?

Я говорил ему, что случайно наткнулся на нее.

— Пока что — нет.

Хотя я и пробовал только для блезиру. У меня было множество других забот.

— Поищи получше.— Он явно понимал, отчего я не нашел ее.— Не торчи столько времени с Копченым. Еще, я думаю, до отправки на юг невредно бы просмотреть старые тома Анналов.

— А почему ты сам не пробовал искать библиотеку? У тебя ведь было несколько лет.

— Я слышал, что она была уничтожена в ту ночь, когда Копченого изувечили. Похоже, это все-таки произошло в другой палате... О таких вещах Радиша врать не стала бы. Или — как? Э-э...

Мы подождали, пропуская полк веднаитских кавалеристов, проходивший парадом мимо дворца. Халаты и тюрбаны на бойцах были чисты и пестры, копья — украшены яркими султанами, а навершья — начищены до блеска. Кони их были прекрасных статей, хорошо обучены и замечательно вычищены.

— Эх, кабы красота могла выигрывать войны...

Как раз красотой-то Черный Отряд и не отличался.

Костоправ что-то прошептал. Взглянув на него, я был поражен: в уголке его глаза поблескивала слеза.

Он знал, что ожидает всех этих бравых юношей.

Дождавшись, когда полк наконец прошел, мы перешли улицу, внимательно глядя под ноги.

Одноглазый встретил нас в большом зале при входе в комнаты Ворчуна.

— Ну? Какие новости?

Костоправ покачал головой:

— Никаких волшебных разгадок...

— А-а... Нам никогда не везет.

— Я должен снова отыскать ту библиотеку,— сказал я.— Дай мне что-нибудь, чтобы не заплутать.

Он воззрился на меня так, словно для выполнения просьбы нуждался в высочайшем распоряжении.

— Я тебе уже дал.

Он указал на нити на моем запястье:

— Это — только от твоих заклятий. А после Копченого, скорее всего, и его собственные кое-где остались.

Недомерок обдумал мои слова.

— Может быть. Дай-ка сюда...— Я принялся снимать нити, и взгляд его привлек мой амулет.— Нефрит?

Он сцапал меня за запястье.

— По-моему, да. Он принадлежал бабушке Сари, Хонь Тэй. Ты ее не знал. Она была женой старого глашатая.

— Ты носил его все эти годы, а я и не замечал?

— Я никогда не носил его, пока Сари... До той ночи. Хотя Сари иногда надевала его, когда хотела быть понарядней.

— А, да. Припоминаю...

Он сдвинул брови, словно пытаясь вспомнить что-то, затем, пожав плечами, отошел в угол и забормотал над пряжей.

Вернувшись, он сказал:

— Ну вот. Теперь любые конфузии минуешь. Кроме собственных.

— Что?

— У тебя припадки в последнее время были?

— Нет. То есть, насколько мне помнится.

Оговорку я сделал специально, так как раньше, видимо, тоже переносил подобные припадки, только не знал о них.

— Новых мыслей насчет того, что их вызывает, нет? Или, скажем, на кого ты натыкался всякий раз, возвращаясь в Деджагор?

— Я хотел убежать от боли, причиненной потерей Сари.

Взгляд Одноглазого сделался испытующим — как всякий раз, когда он помогал выуживать меня из прошлого. Пожалуй, в такой вариант он не верил.

— А что, это вдруг снова стало важным?

— Оно было важным всегда, Мурген. Просто не было времени выяснять...

Может, теперь время появилось?

— Мы, — пояснил он, — просто хотим привести тебя в порядок, чтобы ты сам мог позаботиться о себе и в бою не сплоховал.

Одноглазый — и вдруг серьезен? Жутковато от этого делается...

Костоправ, утратив к нам интерес, вернулся было к своим картам и цифрам, но вдруг поднял голову и еще раз напомнил:

— Мне нужно осмотреть эти книги до отъезда.

Иногда я понимаю намеки.

— Иду, командир.

93

По дороге я заглянул к Копченому — убедиться, что он еще дышит. Приходя, я кормил его — кормежка и обмывание стали предлогом для визитов в его палату, на случай, если кому-нибудь вроде Радиши удастся проникнуть сквозь чары Одноглазого, много усложнившиеся с тех пор, как я начал работать с Копченым регулярно. Затем я принялся вспоминать, куда сворачивал в ту ночь, когда наткнулся на библиотеку. Воспоминания были весьма смутными — то была тяжелая ночь, да и произошло с тех пор многое.

Я знал лишь, что она находилась на том же этаже, — я никуда не поднимался и не спускался. И места те, должно быть, никто не тревожил со дня последнего визита самого Копченого. Паутины и пыли там, помнится, было много...

Путь к пустынным коридорам не потребовал много времени. Казалось, дворец превратился в пустой, пыльный лабиринт, вовсе не нуждавшийся ни в каких охранительных чарах.

Выйдя от Копченого, я всего через несколько минут наткнулся на мертвеца. Вначале, конечно, почуял запах и услышал жужжание мух. Все это и так ясно говорило, что находится впереди. Только вот чей это труп — оставалось загадкой, пока в круге света моей лампы не возник мертвый душила. Видно, умер от ран, попавшись в капкан темноты и сбивающих с дороги заклятий.

Меня передернуло. Событие пробудило во мне глубочайшие страхи, источник ночных кошмаров, леденящий ужас перед тесными и темными подземельями...

Интересно, наслаждается ли их подлая богиня его безрадостным концом?

Я осторожно обошел труп, отведя взгляд и зажав нос. Он и в смерти продолжал служить богине разложения...

Вскоре я обнаружил, что во дворце заблудился не один душила. Я едва не наступил на другой труп, заметив его только по жужжанию вспугнутых моим приближением мух.

Я остановился:

— Ух ты...

Этот выглядел совсем свежо. Может, здесь до сего дня скрываются безумцы, готовые сплясать для своей богини?

Дальше я пошел гораздо медленнее и осторожнее, держа одну руку на горле. Начали чудиться шорохи. В памяти всплыли все когда-либо слышанные истории о привидениях. Через каждые пять-шесть шагов я останавливался и оборачивался кругом в поисках блеска глаз, отражающих свет моей лампы. Кой черт дернул меня пойти в одиночку?

Под ногами появились свежие следы. Опустившись на колени, я обнаружил в пыли отпечатки собственных башмаков. После этого коридором прошел кто-то еще, освещая свой путь целой батареей свечей. Капли воска падали на уже потревоженную пыль. А за этим, со свечами, шел еще кто-то. Даже не шел, а полз. Возможно, даже поедал найденные капли воска.

Я вслушивался в тишину. Здесь, в самом сердце дворца, опасны даже блохи — кроме как друг дружкой, питаться им нечем.

Все так же, с опаской, я пошел по следам того, кто проходил по коридору после меня. Сердце в груди, казалось, вот-вот взорвется.

Внезапно меня ни с того ни с сего пробрал чих. Стоило раз чихнуть — и пошло! Порой удавалось продержаться с полминуты, но от этого чихалось только хуже.

Тут уж я начал слышать множество разных звуков. И не мог успокоиться на срок, достаточный, чтобы убедиться, что и эти звуки мне только чудятся — или уж определить их источник, окажись они настоящими.

Может, это лучше сделать как-нибудь в другой раз?

И тут передо мной возникла из темноты та самая сломанная дверь. Я остановился и осмотрел ее. Похоже, висела она как-то не так. Следы в пыли показывали, что после меня здесь кто-то успел побывать.

Осторожно, не касаясь ничего лишнего, я отодвинул дверь и ступил в библиотеку.

Там все было перевернуто вверх дном. На полках и в шкафах осталась лишь малая толика книг, бумаг и свитков: в основном подборки податных записей, перечни имущества либо разрозненные заметки об истории города. Интересно, это-то зачем Копченому понадобилось? Чтобы спрятать среди мусора вещи стоящие? Или оттого, что, помимо должности придворного ведуна, он занимал и пост брандмейстера?

Как бы там ни было, все стоящее исчезло. Я имею в виду не только недостававшие тома Анналов, но и множество, насколько я мог судить, магических трактатов.

— Проклятье... Проклятье!

Мне захотелось рвать и метать, посносить негодяям головы и выпустить кишки. Я понял, что случилось, еще до того, как нашел птичье перо.

Я подобрал его.

По дороге обратно я уже наверняка слышал звуки, отнюдь не воображаемые. Но искать их источник не стал. Тот человек пытался следовать за мной, ориентируясь на свет лампы, но отстал.

94

— Книги исчезли. И там еще — заплутавшие Обманники. По крайней мере, один труп и один живой.

С этими словами я положил перед Стариком белое птичье перо.

Он поднял на меня озадаченный взгляд:

— Исчезли?

Он стряхнул перо с бумаги, которую читал перед моим приходом.

— Кто-то унес их.

Его расстройство было заметно только по дрожи в руках:

— Как?

— Зашел с улицы и вынес.

Я ни на секунду не предполагал, что книгами Копченого мог заинтересоваться кто-нибудь из дворцовых.

Некоторое время он молчал.

— Здорово нас обскакали...

Снова последовала пауза.

— Что это за перо?

— Наверное, знак. А может, просто птичка обронила. Я уже видел такое, когда обнаружил пропажу доспеха Вдоводела. Я прятал его в Деджагоре...

— Белое перо...

— Из хвоста белой вороны.

Я выложил ему весь перечень странных встреч — как реальных, так и тех, что могли оказаться воображаемыми.

Руки его вновь задрожали.

— Ты даже не встречался с ней... Но — узнал? Она была здесь в ночь нападения Обманников? И ты молчал?!

— Я забыл. То была худшая ночь в моей жизни, капитан. Все во мне перевернулось...

Он жестом оборвал меня. Пока он размышлял, я смотрел на него. Ничегошеньки-то в нем не осталось от того Костоправа, что был ротным лекарем и летописцем, когда я поступал в Отряд.

— Очень может быть,— пробормотал он наконец.

— Что?

— Тот голос, с которым ты разговаривал, возвращаясь в Деджагор. Вспомни. Не был ли он неоднородным?

— Не понимаю.

— Ну не казалось тебе, что говорят все время разные люди?

Теперь понятно.

— Не думаю. Разве что интонация менялась.

— Сука... Сука пронырливая... Каждый раз — что-нибудь новое... Знаешь, Мурген, ручаться не стану, но тайна твоих блужданий во времени уходит корнями в забавы Душелова.

Что было не такой уж оригинальной мыслью. Душелов значилась на одном из первых мест и в моем перечне подозреваемых. Вот с мотивами было плоховато. Но не вычислишь же за всех, включая и Душелова, почему «именно Мурген»...

— Где она сейчас? — спросил Костоправ.

— Понятия не имею.

— Узнать можешь?

— Копченый артачится всякий раз, как пробую.

Костоправ обдумал услышанное.

— Попробуй еще.

— Ты у нас командир...

— Да. Пока это устраивает всех. Твоя родня точно не собирается домой?

— Они собираются туда же, куда и я.

— Скажи им, что выступим еще до конца недели.

— Узлов-то будет...

Я забрал перо и отправился к нашему брандмейстеру.

95

По пути я заглянул к себе и запасся фляжкою чая, галлоном воды и корзинкой с жареной курицей, жареной рыбой, рисом и некоторым количеством особых печеных булыжников матушки Готы. Я рассчитывал на долгий срок. Хотелось сделать кое-что и помимо быстрого провала попытки отыскать Душелова.

Копченый, как всегда, ничуть не изменился. Интересно, что он вспомнит, если, как порой случается, очнется от комы? Я слышал, люди пробуждались и после куда как более долгих отлежек...

Покидая свое жилище, я наполнил желудок водой, а придя к Копченому, попил еще — и взялся за дело.

Полет. Быстрая проверка всех негодяев. Могаба, и Длинношень, и Ревун с Нарайяном Сингхом и Дщерью Тьмы — все были на своих местах, в Вершине либо на Чарандапраше. Нож носился по Зиндай-Кушу, пытаясь зайти в тыл Прабриндраху Драху, однако князь рассылал кавалерийские разъезды достаточно далеко, чтобы получать предупреждения вовремя.

Соображает.

Прежде чем браться за розыски Душелова, я направил Копченого назад во времени, чтобы посмотреть, с какого момента можно проследить за главными действующими лицами. Мне хотелось взглянуть, что случилось в ту ночь, когда меня схватили и пытали. Хотелось приподнять покров с подробностей предательства Могабы.

Я обнаружил, что так далеко вернуться не выходит.

Я вспомнил тот плот посреди озера и Могабу, сыплющего проклятьями в темноту. Да, наверное, это оно. Ему совершенно незачем было плавать на тот берег. Какое-такое честное дело могло увлечь его прочь из города? Может быть, он принадлежал к противной стороне, еще удерживая Деджагор? Может, сделка уже была заключена ко времени их встречи с Костоправом? Уж не встречался ли он с Ревуном, отъехав подальше, дабы Гоблин с Одноглазым не почуяли волшебного ковра-самолета?

Может быть. Если так, тогда понятно, почему его оставили даже Зиндаб с Очибой.

Будь тогда Длиннотень в состоянии воспользоваться моментом, все мы давно были бы мертвы, а война — проиграна.

Хладные когти смерти, возможно, были куда ближе, чем я думал.

Хотя все равно неплохо бы поглядеть своими глазами.

Копченого можно обмануть. И целенаправленными усилиями направить, куда нужно.

От границ доступного прошлого я устремился к ночи моего отчаяния. Однако я не повлек Копченого к ее самому страшному часу. Вместо этого я сбавил ход и прибыл на место, когда Обманщики только подошли ко дворцу.

Но не это я хотел видеть. Я направил его вперед, к моменту своего обморока на ступенях у боковой двери. Я видел со стороны, как вывалился из дворца и рассеянно опустился на камни. Припадок длился не больше минуты. Как мало времени, оказывается, провел я среди ужасов прошлого...

Затем — совсем небольшой скачок, и можно сосредоточиться на женщине по ту сторону улицы, за спиной волосатого шадарита. Замкнуться на ней, невзирая на волнение и духовное сопротивление Копченого.

Я не был знаком с ним при жизни, но, по рассказам, он был пугливее зайца и непоколебимо противостоял всему, подразумевавшему хоть какой-то риск в делах колдовских или брандмейстерских. Боязнь, вероятно, пронизывала все его существо — он вертелся, словно червяк на крючке, все время, пока я наблюдал, как Душелов грабила его библиотеку.

Ей не мешала сбивающая с пути волшба. Душилы — также, хотя один раз она столкнулась с целой шайкой. Те только поразевали рты и тут же решили, что высшие интересы призывают их куда-то еще.

Казалось, она не замечала моего присутствия, в отличие от того раза, на пшеничном поле. Может, она даже не знает о тайне Копченого?

Это было бы превосходно.

Я наблюдал за ней долго, даже после того, как она покинула дворец. Копченый ни на секунду не переставал сопротивляться.

Затем я вернулся перекусить и утолить жажду, а после вознамерился заняться делами поинтереснее: проследить за Гоблином и, ради утоления любопытства, взглянуть на окончательную ссору Ворчуна с Ножом. Свидетельств того, из-за чего Нож бежал, мне так и не удалось отыскать.

96

Чтобы отыскать Гоблина, пришлось вернуться в то время, когда я в последний раз видел нашего недомерка, а затем последовать сквозь время за ним.

Помнится, он, вытащив меня из очередного провала в прошлое, вскоре покинул свои покои, имея при себе лишь скромную торбочку, и, в сопровождении самых верных таглиосцев, отправился в гавань, после чего поплыл вниз по реке. Теперь он был уже в самом сердце дельты, пересаживаясь с грузом и таглиосцами на морское судно для дальних плаваний с флагами и вымпелами, совершенно мне незнакомыми. С болотистого берега за ними наблюдала стайка детишек и несколько взрослых лодырей нюень бао. Те смотрели так, словно занятие чужеземцев было для них величайшим развлечением за несколько последних лет. Невзирая на мое знакомство с этим племенем, они среди своих родных земель казались мне бесконечно чужими — куда более чужими, чем в Деджагоре, который был чужим всем нам.

По причине, не ясной и мне самому, навещать мир Сари как-то не хотелось. Я просто считал ее принадлежащей моему миру и наслаждался чудом ее существования.

Проделки Гоблина меня не особенно интересовали, а его местонахождение уже установлено. Так отчего бы не взглянуть, как поживают нюень бао? Дядюшка Дой утверждал, что дельта — сущий рай земной.

Ну да, конечно. Если только ты москит. Меня не сожрали только потому, что я был всего-навсего бестелесным взором. Гоблин-то, тварь нежная, озаботился прикрыть себя — и заодно команду — противомоскитными чарами, подкрепленными его собственной вонью. Но нюень бао приходится без всяких чар уживаться с этими кровососами, некоторые из коих столь велики, что способны утащить ребенка! Я напомнил себе, что, проходя через родные джунгли Одноглазого, на всю жизнь насмотрелся на разных насекомых, так что народ Сари вполне справится тут без ее мужа.

Я поплыл над болотами — ведь любопытно поглядеть, где она жила до нашей встречи. Деревушки, рисовые поля, водяные буйволы, рыбачьи лодки — явно все то же, что и вчера, и год назад, и сто лет назад. И в будущем явно ничего не изменится. Все попадавшиеся мне на глаза были похожи на кого-нибудь из тех нюень бао, что я мог встречать в Деджагоре либо среди служивших в Отряде в наши дни.

Что это?

Я метнулся вперед, точно камень из пращи. Там, в деревеньке, в нескольких милях от Гоблина, надрывающего пупок вместе со своей командой, мелькнуло такое лицо... Сердце мое замерло. В первый раз, путешествуя с Копченым, во мне возникло действительно сильное чувство. Был бы я в собственном теле — заревел бы крокодильими слезами.

Кстати, крокодилы-людоеды в дельте тоже имеются.

Я понесся по деревне, высматривая то лицо, столь похожее на лицо Сари, что могло бы принадлежать ее сестре-близняшке. Где-то там, возле того старого храма...

Нет. Скорее всего, нет. Ты, Мурген, принимаешь желаемое за правду. Просто-напросто... Вероятнее всего, это — лишь еще одна девушка нюень бао, едва-едва расцветшая той невероятной красой, что присуща им всем года на четыре или пять, отделяющих детство от наступления ранней, отчаянной дряхлости.

Я еще раз облетел деревню. Мне очень хотелось найти хотя бы подобие Сари. Конечно же, ничего я не нашел. Боль сделалась столь сильной, что я вовсе покинул те края и отправился на поиски места и времени, где боги благоволили бы ко мне.

97

Я полетел в прошлое, уверенно направляясь в самую счастливую эпоху моей жизни, в коей совершенство мира было обычным порядком вещей. Я несся к своей путеводной звезде, средоточию жизни моей, священному алтарю моему. К тем временам, о коих мечтал любой, живший когда-либо на свете; когда все мечты и фантазии вполне могли стать явью — стоит только поймать этот миг, способный сделать жизнь завершенной. Для меня миг сей настал почти через год после прорыва осады Деджагора. И я едва не упустил его.

Нюень бао к тому времени прочно вошли в мою жизнь. Через три недели после встречи Костоправа с Могабой, завершившейся бегством последнего, когда мы, уцелевшие, еще двигались на север, к Таглиосу, корча из себя героев-триумфаторов, освободивших дружественный город, а заодно — и весь мир — от шайки негодяев, я, проснувшись в одно прекрасное утро, обнаружил, что нахожусь под непоколебимой и постоянной защитой Тай Дэя. Он был не более разговорчив, чем обычно, однако настоял на том, что он в безмерном

долгу передо мной и теперь не покинет меня никогда. Я-то еще посчитал это гиперболой...

Ох, братцы, не восхитило меня это... Однако настроения перерезать ему глотку не было, только поэтому я позволил ему остаться. К тому же у него была сестра, которую мне хотелось видеть куда как больше, чем его, хотя у меня так и не хватило духу сказать ему об этом.

Вот такие дела...

Позже, в Таглиосе, когда я устроился во дворце, в крохотной комнатке, набитой бумагами и книгами, он спал у двери на тростниковой циновке, заверив меня, что То Тан у бабушки — как за каменной стеной. Я вел смятенную жизнь, пытаясь понять, что случилось с нами, в то же время доводил до ума писанину Госпожи... Словом, когда ко мне явился благородный господин по имени Ба До Тань, родственник одного из наших паломников, голова у меня была не шибко ясной. Он принес мне послание — столь загадочное, будто писала его нанюхавшаяся дурману сивилла.

— «Одиннадцать холмов за обрывом, и он поцелует ее, — сказал братец Тань, расплывшись в широчайшей, совершенно не свойственной нюень бао улыбке. — Но прочих тебе не нанять».

На это я предложил ему свой контрвариант:

— Шесть синих куриц на перечном древе поют апатические лимерики.

Улыбки — как не бывало.

— Что?

— Это моя строка, папаша. Ты сказал ребятам при входе, что несешь мне очень важное послание. Наперекор всякому здравому смыслу, я велел впустить тебя, а ты с порога начинаешь городить чушь. Тамаль! — крикнул я ординарцу, коего делил с несколькими нашими, занимавшими комнаты по соседству. — Покажи этому шуту, где выход!

До Тань хотел было возразить, но, взглянув на ординарца, не стал поднимать шума. Тай Дэй внимательно разглядывал старикана, но не желал иметь честь лично взять того за задницу и выставить.

Бедняга Тань... Должно быть, он и вправду считал послание важным. Он был оскорблен до глубины души!

Тамаль был громадным медведеподобным шадаритом, волосатым, рыкающим и вонючим. Такого хлебом не корми, только дай лапками выставить какого-нибудь нюень бао на улицу, а можно даже — за пределы города. Тань пошел прочь без возражений.

Не прошло и недели, как я получил еще одно подобное послание в качестве записки, причем почерк, казалось, принадлежал ребенку лет шести. Принес записку один из гвардейцев Корди Мотера. Прочтя ее, я сказал:

— Дай старому дурню по шее и передай, чтобы он больше не смел отнимать у меня время.

Гвардеец удивленно воззрился на меня и, покосившись на Тай Дэя, шепнул:

— Не старый, знаменосец, и не «он», а как уж там насчет дурня... Я бы на твоем месте время нашел.

И тут до меня наконец доперло.

— Если так, я ему сам по ушам надаю! Тай Дэй, держи здесь оборону, я сейчас!

Он, конечно же, не послушался, так как не мог бы охранять меня издали, но я достаточно ошарашил его, чтобы вырваться далеко вперед. Сбежав вниз, я обнял Сари прежде, чем он успел понять, что к чему, и помешать. Ну а после ему уже нечего было сказать. К тому же умница моя, дабы отвлечь его, привезла с собою То Тана.

Тай Дэй почти всегда молчит, но это не значит, что он туп. Он отлично понимал, что при таком раскладе выиграть не может.

— Чудесно,— сказал я Сари.— Я-то думал, никогда больше не увижу тебя. Привет, малец,— сказал я То Тану, который уже успел забыть меня.— Только, Сари, милая моя, не надо больше этой загадочной ерунды в манере старины Дама. Я — всего-навсего простой, простодушный солдат...

Я ввел Сари во дворец, и далее — в свою комнатушку. И все последовавшие за этим три года, каждый божий день, просыпаясь поутру, дивился, видя ее рядом. А также — и всякий раз, встречаясь с нею днем... Она стала средоточием моей жизни, поддержкой, опорой и богиней моей, и вся наша растреклятая братва едва не возненавидела меня от зависти, однако Сари скоро обратила их в преданных друзей. Самой Госпоже стоило бы поучиться у нее, как смягчать сердца суровых мужчин...

И до самого приезда дядюшки Доя с матушкой Готой я даже не подозревал, что Сари не просто отринула обычаи нюень бао — она нарушила приказ старейшин рода, чтобы стать женой Солдата Тьмы! Самоуверенная маленькая ведьма...

Эти беззубые старейшины явно ни в грош не ставили пожелания «ведьмы» Кы Хонь Тэй.

Я полагал, что лишен всяких заблуждений на свой счет, а потому был поражен тем, что Сари думала обо мне не меньше, чем я о ней.

98

Выпив воды, я подумал, что в первый раз оставил мир Конченого без всяких трудностей. Боли не удалось ввергнуть меня в изнурение, когда я отправился взглянуть на Сари...

Что это мне здесь было нужно?

Да, есть ведь еще одна тайна, на которую неплохо бы пролить свет, пока Костоправ не втянул меня в следующую фазу нашей грандиозной забавы. Нужно посмотреть, что произошло между ним и Ножом.

Мы с Копченым помчались сквозь время, подставляя его ветрам свои паруса, останавливаясь в разных точках в поисках ненормальностей в отношениях Ножа с командиром.

Оседлав Копченого, можно носиться по времени очень быстро. И вскоре я наверняка выяснил, что отношения Ножа с Госпожой никогда не переходили границ приличий, чего бы там ни желал Нож. Госпожа просто не замечала его влюбленного взора — как и всех прочих подобных. Похоже, она слишком привыкла к ним, чтобы обращать на них внимание.

Так что же произошло?

Охотничий азарт не давал мне покоя, словно дикому псу, выкапывающему из норы хомяка. Копченый ничем не мог помочь. Некоторые места и времена он вообще отказывался посещать. Я попробовал перехитрить его несколькими способами — просто дабы поглядеть, можно ли заставить его нести меня куда угодно. Но ничего не вышло.

Возможно, я взял не тот след.

Самый момент ссоры, будучи рассмотрен с точки зрения другого времени, оказался не так уж неожиданен и доставил мне крайне мало дополнительной информации. Единственное, что я узнал о причинах ссоры,— это факт, что Нож с Костоправом пили крепкое домашнее пиво, прежде чем начали безумствовать.

Словесная перепалка обратилась в злобные намеки, перешедшие в угрозы со стороны Старика. Пиво при этом продолжало литься рекой.

Надо сказать, Костоправ, определенно, вел себя наихудшим образом. Или — наиглупейшим. Он никак не мог остановиться, тогда как Нож изо всех сил старался не давать воли раздражению.

Это только пуще бесило Костоправа. И в конце концов прозвучала угроза, после которой Ножу оставалось только бежать.

Я понесся назад. Мне было совестно за капитана. Никак не думал, что он может оказаться столь законченным ослом. Не понимаю, отчего он так беспокоился насчет Госпожи. Я проникся глубочайшим сочувствием к Ножу, а один из прежних моих героев пал в моих глазах.

Хотя теперь, вспоминая все это, я могу припомнить и бессистемные нападки на Лозана Лебедя, не завершившиеся, впрочем, ничем. А пару раз Костоправ прицыкнул даже на самого Прабриндраха Драха...

Ножа мы уже потеряли. В слишком уж симпатичном и блондинистом Лозане мне лично проку мало, однако мне совсем не улыбается перспектива вражды Отряда с князем — и только из-за того, что кто-то не доверяет своей бабе.

Многое пало в моих глазах, оставив за собою лишь разочарование.

Все это нужно обсудить с объединенным мозгом нашего Отряда, старейшими из старейших, то бишь с Одноглазым, Масло и Ведь-

маком. Гоблин — далеко, Госпожа — также, да и доверие подрастеряла...

Я не верую ни в каких богов, хотя некоторых считаю в своем роде существующими. Но, по-моему, они все регулярно от души потешаются над тем, что люди разделены на два пола. Алчность и жажда власти — ничто по сравнению с отношениями между мужчинами и женщинами. Только последние могут толкать людей на такие чудовищные глупости.

Хотя, если подумать, раздвоение это служит также причиной множества замечательного.

Например, Кы Сари...

Господи, Мурген, бежать надо от этого полумертвого старика! Ты просто солдат. Наемный меч. Не стоит тебе ударяться в философии. Даже с самим собой.

99

Я вынырнул из прошлого.

— Пора, Одноглазый. Она ушла.

Колдун пустил в темный коридор маленького симпатичного совенка. Тот, неподвластный заклятьям, сбивающим с пути, направился в ту часть города, где якобы находилось его гнездо. Вовсе не на поиски какого-нибудь человека. В его задачу это не входило. Однако за совенком наблюдало множество людей. Когда он пролетел мимо, за ним устремились две дюжины ветеранов Черного Отряда со своими денщиками нюень бао. Совенок привел их к дому, готовому для сноса еще за несколько поколений до появления Хозяев Теней в здешних краях.

Я выследил, где обитает Душелов, после ее налета на библиотеку. Она была так уверена в своей безопасности, что пренебрегла защитными чарами. Многие годы ее никто не тревожил.

То-то будет раздосадована, обнаружив, что безопасность ее скорее мнимая...

Я с наслаждением наблюдал, как солдаты Черного Отряда занимают здание по боевому расписанию, да так четко, что никакой капитан не смог бы придраться. Ребята успели выучиться не натыкаться на нюень бао, которые могут стать злее любой кошки, если наступить им на лапу. Чтобы приноровиться работать так, будто нюень бао — твоя тень, нужна немалая сноровка.

Вряд ли кто-нибудь из посторонних даже заметил моих ребят. Они проникли внутрь, заняли плацдарм, углубились во вражескую территорию, отыскали, что я велел, забрали — и ушли, еще до того, как Душелов сообразила, что ее обошли.

Рейдом командовали Масло с Ведьмаком. Я специально дал им это поручение, чтобы заново ввести в нашу семью. Они — замечательные

солдаты. Выполняя задание, они не только выпотрошили убежище Душелова, но и изловили ее любимую белую ворону. Выдрав из ее хвоста пару перьев, они оставили их вместо книг, перевязав прядью собственных волос Душелова, состриженной с ее головы давным-давно и прибывшей на юг вместе с прочей их добычей.

Пожалуй, это ее припугнет.

Может быть, мне стоило посвятить в свой план Костоправа с Госпожой. Конечно, я виноват их кое в чем, но это уже становится личным... Ну что ж, за Мургеном тоже есть грехи, да и времени на обсуждения и совещания не было.

Мы с Копченым пронеслись над ребятами, несущими добычу во дворец. Я собирался отдать книги Костоправу, как только они прибудут, и пусть делает с ними что хочет. Скорее всего, пролистает и снова сбагрит мне, дабы исчезли они из поля зрения всех злыдней и злодеек. Правда, доспех Вдоводела я уже пытался спрятать...

И вообще, не слишком ли самонадеянным я становлюсь? Душелов, конечно, поймет, кто причинил ей зло. Она, может, всего на год младше Госпожи и, стало быть, куда хитрее и пронырливее меня.

А что я теряю? Единственное, что любил в жизни, уже потерял. Теперь никакие напасти не страшны. Что такого может сделать Душелов, чтобы мне стало еще больнее, чем от потери Сари?

Так уж и ничего?

Иногда приходится пудрить мозги самому себе...

100

За час до захода солнца и за четыре дня до зимнего солнцестояния, земля, не спросившись ни простых смертных, ни волшебников, ни богов с богинями, вздрогнула и встряхнулась. В Таглиосе из буфетных шкафов попадали тарелки, спящие проснулись в неясном страхе, собаки завыли, а в степях старых домов, выстроенных на скорую руку либо без учета возможных землетрясений, появились трещины. Всеобщее смятение продолжалось полчаса.

Здания же Деджагора, утратившие прочность из-за наводнения либо скрытых дефектов постройки, не выдержали неустанного притяжения земли. Чем дальше к югу, тем сильнее ощущался толчок. За Данда Прешем, где в долины с победным ревом покатились с гор бесчисленные валуны, землетрясение повергло людей в эпический ужас. Кьяулун был опустошен. Пострадала даже Вершина, хотя кладка крепости в ответ на все старания земли только пожимала плечами. Несколько часов Длиннотень пребывал в ужасе, пока не стало очевидным, что толчки не разрушили его врат Теней и ловушек для Теней. Тогда он пришел в ярость, так как разрушения и гибель людей в Тенелове обещали задержать завершение строительства на месяцы, если не на годы.

101

Меня не покидало смутное ощущение, что кто-то заглядывает через мое плечо. Хотя, как это может быть, если я — лишь бестелесный взор, я не понимал. Голоса слышно не было, однако в остальном ощущение чьего-то присутствия было тем же самым, что и во время первых провалов в ужасное прошлое Деджагора, навстречу насмешливому духу, который, скорее всего, был Душеловом.

Только вот запах... Вонь, словно...

Словно та, что исходила от мертвого душилы, найденного мной в лабиринтах дворца. Словно та, что сделалась непременной спутницей нашей жизни в Деджагоре — настолько, что заметным сделалась не она, но ее отсутствие.

Запах смерти...

В дельте я в полной мере ощутил боль, вообразив, что видел Сари живой среди прочих нюень бао, несмотря даже на то, что был с Копченым, а следовательно, не подвластен чувствам. Теперь же, опять-таки в мире Копченого, я почувствовал ужас во всей его полноте.

Я проделал маневр, который, будь я во плоти, назывался бы полным разворотом. Затем — еще раз, еще и еще, с каждым разом все быстрее... И с каждым разом меня все сильнее охватывал ужас. И всякий раз, обратившись к югу, я видел нечто темное, огромное, внушающее ужас и приближающееся, пока, повернувшись в последний раз, не разглядел черную женщину, что была выше самого неба. Она была обнажена. У нее было две пары рук, три пары грудей и клыки, словно у вампира. Вонь была ее дыханием. Глаза ее горели, словно окна в преисподнюю, и смотрели прямо на меня, и мне никак не удавалось отвести взгляд. Глаза ее говорили со мной, приказывая и обещая, и яростная чувственность ее превосходила все, что я познал с Сари.

Я закричал.

Я рванулся прочь из вселенной Копченого.

Ему тоже хотелось закричать. Казалось, от страха он вот-вот выйдет из комы.

— Что, Мурген, холодно? — заржал Одноглазый.

Я действительно был мокр. Причем вода была ледяной.

— Что за черт?

— Ты снова там застрял, да так, что не докричаться. Пришлось тебя полить.

Меня затрясло:

— Х-холодно...

Я не мог рассказать ему, что видел и отчего меня на самом деле ударило в дрожь. Наверное, снова отказало воображение.

— Ты мне разрыв сердца хочешь устроить?

— Да нет; просто не хотелось, чтобы ты потерялся. Ты там на себя, случаем, не смотрел?

— Пожалуй, я уже потерян, старина.

Звезды подмигивают им с холодной насмешкой.

Так было, так есть, и так будет.

Ветер поскуливает и подвывает, дыша по-собачьи сквозь ледяные клыки. Молния с лаем и рыком проносится над равниной из сияющего камня. Убийца-наводнение — почти одушевленная сила, обремененная состраданием не более голодной змеи... Лишь несколько Теней резвятся меж звезд. Многие призваны — в мир либо в глубины.

Сердце равнины искажено шрамами былого катаклизма. Длинная расщелина, словно извилистая молния, прочертила лицо равнины. В любом месте ее способен перешагнуть и ребенок, однако расщелина сия кажется бездонной. Клубы тумана поднимаются над ней, и некоторые при появлении своем несут в себе смутный намек на цвет.

Трещины искалечили огромную, серую твердыню крепости. Башня ее рухнула на длинную расщелину. Во всеобщей неподвижности слышится глубокое, громкое, медленное биение, словно сердце самого мира нарушает безмолвие камня.

Деревянный трон сдвинулся с места и слегка покосился. Фигура, распятая на нем, изменила положение. Лицо ее исказила судорога. Веки ее трепещут, словно она пробуждается.

Таково ее бессмертие, но цена его — серебро боли.

И само время может остановиться.

Тьма

Ветер скулит, завывая с рокочущим придыханием. Грохочет гром, молнии обрушивают на равнину блистающих камней неистовую силу ярости, устрашая даже Тени.

Равнину, знававшую пору мрачного совершенства, избороздили шрамы — следы ужасного катаклизма. Почву рассекает изломанная расщелина, похожая на рубец от удара иззубренным хлыстом молнии. Она не широка: ребенок без труда перешагнет ее в любом месте, — но глубока так, что кажется бездонной. Клубится и стелется туман. В нем просматриваются всевозможные оттенки всех цветов радуги, но все они тонут во множестве вариантов черного и серого.

В самом центре долины высится таинственная серая цитадель. Огромная и немыслимо древняя — древнее людской летописной памяти. Одна из башен обрушилась поперек расщелины. А из глубины твердыни, нарушая мертвящую тишину, доносится ритмичный, медленный, навевающий дрему стук — словно там бьется сердце мира.

Смерть есть вечность. Вечность есть камень. Камень есть молчание. Говорить камень не может. Но он помнит.

1

Старик поднял глаза. Перо, которым он что-то царапал, дернулось, выдавая раздражение, вызванное тем, что его прервали.

— В чем дело, Мурген?

— Я прогулялся с духом. Мы ведь тут недавно почувствовали, что земля подрагивает, не так ли?

— Ну, и что дальше? Не вздумай брать пример с Одноглазого и морочить мне голову всяким вздором. У меня на это нет времени.

— Чем дальше на юг, тем ужаснее разрушения.

Старик открыл было рот — и закрыл его, решив поразмышлять, прежде чем скажет что-нибудь еще.

Старик. Костоправ. Капитан Черного Отряда, а нынче еще и полноправный военный диктатор Таглиоса со всеми подвластными ему землями, он отнюдь не казался такой уж большой шишкой. Ему хорошо за пятьдесят, скорее даже ближе к шестидесяти. За последние четыре года он малость погрузнел, потому как почти все это время сидием просидел в гарнизоне. Лоб у Старика высокий, с залысинами. Недавно он отрастил трогательную бородку с проседью, которой немало и в волосах — там, где они еще остались. А ледяные, глубоко посаженные глаза придают Старику столь суровый вид, что иной раз просто оторопь берет.

Из-за этого взгляда он смахивает на какого-то психопата-убийцу, хотя сам он об этом не догадывается. Вслух об этом никто не говорит, а Старику и невдомек, почему от него порой люди шарахаются. Даже обидно становится.

А дело-то в его глазах. Главным образом в них. Взгляд у него как у вурдалака, просто в дрожь бросает. Сам он считает себя обычным человеком, так — один из парней. Большую часть времени. Но уж коли догадался бы об этом своем свойстве, то непременно использовал бы его на всю катушку. В то, что морочить людям голову просто необходимо, он верил чуть ли не свято.

— Давай пройдемся, Мурген, — промолвил Старик, поднимаясь на ноги.

Во дворце, если разговор не предназначен для чужих ушей, лучше всего беседовать на ходу. Он похож на огромные соты, пронизанные лабиринтом бесчисленных тайных ходов и лазов. Это переплетение коридоров я наносил на карту, но обойти все закоулки не смог бы и за всю жизнь — даже если бы нам не предстояло не сегодня-завтра выступить на юг.

Впрочем, никогда нельзя было исключить и возможность того, что все сказанное нами будет услышано кем-нибудь из наших друзей. Хорошо еще хоть врагов нам удавалось удерживать в достаточном отдалении.

На пороге нас встретил Тай Дэй. Старик скривился. Личного предубеждения против моего телохранителя и свойственника он не имел, но его просто бесил тот факт, что многие братья Отряда обзавелись подобными спутниками, ни один из коих не подчинялся капитану напрямую. Он не доверял нюень бао, хотя никогда не мог вразумительно растолковать, почему. Да наверняка и не сможет.

Он понимает, что в той адской кузне, где выковывались эти узы, его не было. Но ему довелось побывать в других преисподних. Он и сейчас томился в одной из них.

Я подал знак, и Тай Дэй отступил на шаг, символически признавая наше право на конфиденциальность. Лишь символически, ибо на самом деле он все равно слышал каждое сказанное нами слово.

Правда, проку в этом для него было немного, ибо звучали эти слова на языке Самоцветных городов. На диалекте Берилла, находившегося в шести тысячах миль от края того мира, который Тай Дой мог себе хотя бы представить.

Я задумался — с чего это Костоправу пришло в голову шататься по дворцу, если мы все равно болтаем на языке, не ведомом ни одному таглиосцу.

— Выкладывай,— прервал он мои размышления.

— Я блуждал с духом. На юге. Ничего особенного. Обычная проверка. Я следовал заведенному порядку.

До меня наконец дошло, с чего это его понесло болтаться по коридорам,— Душелов. Да, Душелов прекрасно владела всеми диалектами Самоцветных городов, но, пока мы разгуливали, ей было не так-то просто подслушать наш разговор — прежде нас требовалось найти.

— Сдается мне, я велел тебе поубавить прыть. Ты проводишь там слишком много времени, а это затягивает. Там легко стряхнуть все наболевшее. Именно потому я больше туда не суюсь.

— Никаких проблем, командир,— бодро воскликнул я, силясь скрыть свою боль. Но он мне не верил, ибо знал, кем была для меня Сари и как я по ней тосковал.— С этим я справлюсь. Так вот, ты должен знать, чем ближе к югу, тем страшнее ущерб от этого землетрясения.

— Ты полагаешь, что это должно меня интересовать? С какой стати? А могу ли я надеяться, что конура Хозяина Теней ненароком обрушилась ему на башку?

— Надеяться-то можно, это никому не запрещено, но я ничего подобного говорить не собираюсь. Неумение строить никогда не относилось к числу его недостатков.

— Так я и знал. Хоть бы раз услышать от тебя что-нибудь приятное — так ведь не дождешься.

В обязанности летописца входит время от времени напоминать начальникам, что они не боги.

— Так или иначе, на сей раз этого не случилось. Как раз Вершина-то и осталась неповрежденной. Но Кьяулун разрушен. Тысячи людей погибли, и, судя по тому, как идут дела, еще тысячи умрут от голода, болезней и стужи.

Близилась самая середина зимы.

Кьяулун был самым южным из человеческих городов. Название его означало — Врата Теней. Двадцать лет назад невесть откуда взявшийся Хозяин Теней по имени Длиннотень завладел краем и сменил его название на Тенелов. Однако, навязанным поработителем названием пользовались лишь тенеземцы, боявшиеся вызвать неудовольствие Хозяина Теней.

— Следует считать, что это хорошие новости?

— Строительные работы на Вершине непременно замедлятся. Длиннотень будет от этого отнюдь не в восторге, однако ему

придется потратить время на то, чтобы помочь своим подданным. В противном случае он попросту останется без работников.

Мы медленно брели по коридорам хозяйственного крыла дворца, которое сейчас было полностью отдано под военные приготовления. Люди укладывали пожитки, собираясь в дорогу. Вскоре нам предстояло выступить на юг — навстречу неизбежному и, возможно, последнему столкновению с войсками Хозяина Теней. Большая часть наших сил уже находилась в пути, который обещал быть долгим и трудным. Чтобы перемещать большие массы людей на огромные расстояния, требуется уйма времени.

— Ты хочешь сказать, что нам нет нужды особенно торопиться?

— Сейчас — да. Землетрясение спутало ему карты.

— Ну, настоящей нужды в этом не было и до землетрясения. Мы уж всяко могли попасть туда прежде, чем он достроит свой несуразный песчаный замок.

Верно. Всю эту кампанию мы затеяли главным образом потому, что капитану и его милашке не терпелось кое с кем свести счеты. Но не им одним — в числе жаждавших мести стоило упомянуть и имя Мургена. Моя жена погибла совсем недавно, и моя рана — свежая рана — кровоточила сильнее.

Длиннотень и Нарайян Сингх должны заплатить за смерть Сари. Непременно. Особенно Нарайян Сингх.

Слышишь, живой святой Обманщиков — твой спутник по ночным скитаниям теперь охотится за тобой.

— Однако то, что ему причинен ущерб, по существу ничего не меняет в наших планах.

— Точно,— согласился я,— однако несколько расширяет возможности для маневра.

— А может быть, стоит обрушиться на них поскорее, пока они ошарашены случившимся? Какая территория пострадала? Думаю, не только Кьяулун.

— Естественно. Землетрясение разворотило всю местность к югу от Данда-Преша, и чем южнее, тем страшнее. Сейчас у них едва ли достанет прыти остановить вторжение.

— Тем больше оснований придерживаться намеченного плана. Мы прихлопнем их, пока они не очухались.

Старикан жаждал мести и был резок. Оно и понятно: должность у него такая, да и претерпеть ему довелось немало.

— Ты готов пуститься в дорогу? — спросил он.

— И я, и вся моя «семейка». Назови день, и мы выступим немедленно.— На сей раз я дал слабину, и моя горечь прорвалась наружу. Прорвалась, хотя я без конца твердил себе, что не должен позволять жажде мщения пускать корни столь глубоко. Мне вовсе не улыбалось превратиться в одержимого.

На какой-то миг Костоправ кисло поджал губы. В моей «семейке» числился не только Тай Дэй, но и Кы Гота, мать Сари, и дядюшка Дой.

По правде сказать, неизвестно, кому он приходился дядюшкой, но все равно считался членом семьи. Костоправ не доверял никому из них. Но он вообще доверял лишь тем, кого считал братьями. Тем, кто прослужил в Отряде не один год.

Доказательства справедливости этого умозаключения я получил немедленно.

— Мурген,— промолвил Старик,— я хочу, чтобы ты добавил Радишу к числу тех, кого регулярно проверяешь. Бьюсь об заклад, что, как только мы покинем дворец, она попытается подстроить какую-нибудь гадость.

Спорить я не стал, ибо это представлялось более чем вероятным. На протяжении своей долгой истории Черному Отряду не раз приходилось сталкиваться с неблагодарностью нанимателей. Однако стоит заметить, что почти всякий раз этим мерзавцам приходилось горько жалеть о своем гнусном предательстве.

На сей же раз нам предоставлялась возможность предотвратить измену со стороны Радиши Драх и ее братца Прабриндраха.

Сейчас и Радише, и князю приходилось обуздывать свои порывы — и придется до тех пор, пока жив Длиннотень. Как ни крути, а Отряд для них — меньшее зло.

— Ты уже просмотрел книги? — спросил я.

— Что еще за книги? — переспросил Костоправ с некоторым раздражением.

— Те самые,— отрезал я,— которые мне, с риском для собственной драгоценной задницы, удалось выкрасть у Душелова. Утраченные, а теперь возвращенные Аншалы. Те, из которых, как предполагалось, можно уразуметь, почему всякий паршивый аристократишка или святоша в этих краях готов обгадиться от страха при одном упоминании о Черном Отряде.

— А, те книги...

— Ну да, те самые...— Я понял, что он нарочно пытается вывести меня из терпения.

— У меня не было времени, Мурген. К тому же я выяснил, что нам потребуется переводчик. Они написаны не на современном таглиосском.

— Я этого опасался.

— Мы возьмем с собой духоходца.

Я малость удивился этому неожиданному повороту. Но в последнее время Старик чуть ли не с маниакальным упрямством отказывался произносить вслух имя Копченого даже на языках, никому в Таглиосе не ведомых. Поблизости всегда могли оказаться вороны.

— Пожалуй, это правильно,— согласился я.— Он слишком ценен, чтобы оставлять его здесь.

— Но по мере возможности мы должны избегать огласки.

— Э-э-э...

— Радиша уже начала задумываться о том, чего ради мы носимся с ее бывшим клоуном как с писаной торбой и пытаемся поддерживать

в нем жизнь. Она больше не верит в то, что он когда-нибудь придет в себя. А ежели она как следует пораскинет мозгами, то сумеет кое-что сопоставить и сделать интересные выводы.

Он пожал плечами:

— Я поговорю с Одноглазым. Вдвоем вы, пожалуй, сумеете сплавить его отсюда так, что никто и не заметит.

— Вот те на. Можно подумать, будто мне по ночам делать нечего, а спать так и вовсе не надо.

— Не дури. Я бы на твоем месте только радовался. Вполне возможно, скоро все мы уснем навеки.

Да уж, религиозным его не назовешь.

2

— Как всегда, все валят на меня, — ворчал Одноглазый. — Ежели где надо дерьмо разгребать, тут же орут: «А подать сюда Одноглазого, он все устроит».

— Это если сперва не найдут Мургена, — усмехнулся я.

— Слишком я стар для этого бардака, Щенок. Мне давно пора на покой.

В словах черномазого коротышки был определенный резон. Согласно Анналам, ему перевалило за две сотни лет, и он оставался в живых лишь благодаря своему искусному колдовству. И удаче, превосходящей ту, что когда-либо выпадала смертному.

Мы ковыляли по темной винтовой лестнице, спуская на носилках неподвижное тело. Копченый и весил-то всего ничего, однако Одноглазый ухитрился сделать несносной даже эту вроде бы пустячную работенку.

— Ну как, еще не хочешь поменяться? — спросил я.

Я находился сзади, выше по лестнице, а росту во мне больше шести футов, тогда как в Одноглазом наберется разве что футов пять, да и то ежели поставить его на толстенную книженцию. Но этот недомерок невесть почему вбил себе в пустую башку, что управляться с нижним концом носилок ему будет легче.

— Ага, — хмыкнул он, — пожалуй. Только вот спустимся еще на пролет.

Я ухмыльнулся, потому как нам всего и остался один пролет, а потом проворчал:

— Надеюсь, этот паршивец Дрема будет на месте вовремя.

Дреме всего восемнадцать, но в Отряде он уже четыре года и может считаться ветераном. Вместе с ним мы побывали в огне Деджагора. Правда, в голове у него до сих пор ветер гуляет. Опоздать этому малому ничего не стоит, но, в конце концов, он ведь так молод. Почти мальчишка.

Именно благодаря своей юности он прекрасно, не вызывая подозрений, мог разъезжать посреди ночи по Таглиосу в фургоне, не привлекая особого внимания. Он таглиосец из веднаитов и вполне

может сойти за подмастерье. А к подмастерью никто не станет цепляться с расспросами, потому как много знать ему не положено. Хозяева редко находят нужным разъяснять работникам, что, как да почему.

Паренька и впрямь никто не предупреждал о том, что его ждет сегодня вечером. Возможно, он вообще никогда не узнает о своей роли, если, конечно, не припрется раньше времени. Предполагалось, что он явится уже после того, как секретный груз будет упрятан в фургон.

Как только мы загрузим Копченого, Одноглазый тоже займет место в фургоне. Ежели припечет — лучше бы, конечно, обойтись без этого,— он скажет, что в фургоне лежит труп Гоблина. Ему поверят: Копченого уже четыре года никто не видел, да и раньше он нечасто появлялся на людях. А Гоблина Старик спровадил отсюда с поручением около месяца назад. Зато уж кого-кого, а Одноглазого каждая собака узнает с первого взгляда. Его ни с кем не спутаешь. Чего стоит одна его поганая старая шляпа, такая грязная, что чуть не светится в темноте. А если я и преувеличиваю, то самую малость. Поверят Одноглазому и потому, что все знают: этот черномазый коротышка почти никогда не расстается с маленьким белым колдуном с лягушачьей мордой, которого называют Гоблином.

Главная трудность заключалась в том, чтобы никто не обратил внимания на цвет кожи Копченого. Но на худой конец Одноглазый мог навести на таглиосцев чары, с тем, чтобы те приняли Копченого за Гоблина.

Конечно, рано или поздно кто-нибудь все равно обнаружит, что Копченого во дворце нет. Однако лучше поздно, чем рано. Скорее всего, это произойдет случайно. Кто-нибудь попытается пробраться сквозь сеть сбивающих с толку чар, окружающих комнату, где годами прятали Копченого. И этим «кем-нибудь» наверняка будет Радиша Драх. Не считая Костоправа и меня, только она и дядюшка Дой знали, что Копченый хотя и давным-давно в коме, но до сих пор жив.

Теперь он приносил гораздо больше пользы, чем прежде, когда был здоров и тайно числился придворным кудесником. Копченый всегда был малодушным. Когда мы наконец добрались до лестничной площадки, Одноглазый едва не выпустил из рук носилки. Ему не терпелось сделать передышку.

— Будешь готов, дай мне знать,— сказал я.

— Нечего выпендриваться и корчить из себя умника, Щенок,— пробормотал Одноглазый и добавил несколько слов на мертвом наречии. Явно из одного только желания прихвастнуть своими познаниями — произнеси он заклятие по-таглиосски, результат был бы тем же. А заключался он в том, что над его препоганой шляпой появился светящийся шар — что-то вроде болотного газа.

— Корчить умника? Да я хоть слово сказал?

— Тебе нет нужды трепаться. Я же вижу, как ты ухмыляешься. Скалишь зубы, как дерьмовая собака.

Одноглазый пыхтел, сопел и вовсе не спешил снова взяться за носилки.

— Старый бездельник тяжелее, чем кажется, верно?

Так оно и было. Возможно, оттого, что он заплыл салом, как боров. Что не удивительно, поскольку этот малый четыре года лежал лежнем, тогда как я кормил его бульонами, подливками и прочей жижей, какую только мог пропихнуть ему в глотку.

Возиться с ним было сущей морокой. Я бросил бы его подыхать, не будь он так чертовски полезен.

Отряд не питал особой любви к этому типу, да и мне, пожалуй, он больше нравился таким, как сейчас, хотя мы с ним никогда особо не бодались. Я наслышался столько ужасных историй о его трусости, что, пожалуй, не мог бы и слова сказать в его пользу. Вообще-то в нормальном состоянии он был средних способностей начальником пожарной команды. В отличие от Хозяев Теней, огонь был для таглиосцев врагом близким и хорошо знакомым. Не окажись он таким паршивцем и не переметнись к Длиннотени, так небось теперь и не валялся бы, словно мешок с дерьмом.

По причинам, выяснить которые не удалось даже Одноглазому, дух пребывавшего в коме Копченого был очень слабо связан с плотью. А вступить в контакт с этим духом — в здешних краях его вроде бы называли «ка» — было вовсе не трудно. Разумеется, при наличии определенных познаний. Я мог слиться с ним, отделиться от своей плоти и переместиться чуть ли не куда угодно. Увидеть чуть ли не что угодно. Вот почему он имел для нас такое значение. Вот почему все, что касалось его, следовало сохранять в строжайшей тайне. Если нам удастся одержать в этой зловещей войне победу, то во многом благодаря нашему умению «блуждать с духом».

— Я готов, Щенок, — сказал Одноглазый.

— Для такого старого пердуна ты отдышался довольно быстро.

— Ну-ну, Щенок, тебе бы только зубоскалить. Сам-то ты черта с два дотянешь до старости, а потому и не узнаешь, каково это, когда вместо заслуженного уважения к своим сединам приходится выслушивать насмешки от пустоголовых молокососов.

— Брось, старина. Ты цепляешься ко мне только потому, что Гоблина под рукой нет.

— И куда только этот поганый коротышка запропастился?

Я знал куда. Во всяком случае, думал, что знаю. Я ведь «блуждал с духом». Впрочем, Одноглазому знать об этом не полагалось, и посвящать его в это я не собирался.

— Ладно, шустряк. Берись-ка за эти поганые носилки.

— Я-то знаю, что ты задумал, Щенок. Хочешь наслаждаться жизнью, словно хорек.

Мы рывком подняли носилки. Копченый что-то пробулькал, и из уголка его рта потекла пенистая слюна.

— Поторапливайся. Мне надо будет прочистить ему рот, а то он, неровен час, захлебнется.

Одноглазый вздохнул. Тяжело ступая, мы спустились вниз. Копченый хрипел, словно захлебывался. Ударом ноги я распахнул дверь, и мы, даже не взглянув, есть ли кто снаружи, вышли на улицу.

— Кладем его,— резко сказал я.— А потом прикрой нас. Мне придется о нем позаботиться.

Как знать, вдруг кто-то за нами подглядывает. Таглиосские ночи полны любопытных глаз. Все хотят знать, чем занимается Черный Отряд. И следует предположить заранее, что среди любопытствующих могут оказаться и те, о ком нам ничего не известно. Сумасшедший дом, да и только.

Опустившись на колени рядом с носилками, я повернул голову Копченого набок. Она кувыркнулась так, будто у него не было шейных позвонков.

— Т-с-с,— шикнул Одноглазый.

Я поднял глаза. Караульный — здоровенный шадарит с фонарем в руках — направлялся в нашу сторону. Ночные караулы были одним из нововведений Старика. Предполагалось, что таглиосцы нацелены на борьбу с вражескими лазутчиками, но сейчас эта задумка оборачивалась против нас.

Солдат в тюрбане прошел так близко, что задел меня своими шароварами. Однако он ничего не заметил.

Вообще-то Одноглазый — колдун посредственный. Но ежели приспичит, у него получается совсем неплохо.

Копченый опять что-то пробулькал.

Шадарит замер и оглянулся. Глазищи у него вылупились так, что между ними и бородой и промежутка не осталось. Знать не знаю, что там ему привиделось, но он торопливо коснулся пальцами лба и прочертил ими полукруг, закончив его над сердцем. Весь Таглиос верил, что этот жест оберегает от зла.

— Что ты сделал? — спросил я.

— Какая разница,— буркнул Одноглазый.— Не забивай башку чепухой. Давай-ка лучше поскорее загрузим эту тушу, пока тот малый не созвал сюда всю ораву.

Фургон дожидался нас именно там, куда должен был доставить его Дрема. Все бы ничего, но караульным выдавали свистки. Вспомнив об этом, наш шадарит принялся дуть в него со всей дурацкой мочи. Через несколько мгновений из темноты донесся ответный свист.

— Он что, так и будет захлебываться этим дерьмом? — поинтересовался Одноглазый.

— Я положу его на бок, и вся мокрота выльется. Но вообще-то предполагается, что ты малость соображаешь в лекарском деле. Советую тебе проследить за тем, чтобы он не подцепил пневмонию.

— Яйца курицу не учат, Щенок. Ты только затащи этого ублюдка в фургон, а потом можешь уносить свою задницу — через вон ту дверь.

— Дерьмо! Я, кажется, забыл оставить ее приоткрытой.

— Я бы назвал дерьмом тебя, но дерьмо, оно хотя бы молчит, а ты знай трещишь без умолку... У-ф-ф...

Одноглазый затолкал носилки в кузов фургона. Молодчина Дрема — сделал, как было велено, не забыл откинуть задний борт.

— ...Я что, все за тебя помнить должен? Это ведь ты вылез наружу последним.

Хоть бы Гоблин поскорее вернулся, — подумал я, запихивая свой конец носилок. Гоблин и Одноглазый вечно цеплялись друг к другу, поэтому, когда они были вместе, всем прочим жилось куда спокойнее.

Одноглазый уже вскарабкался на место возчика.

— Не забудь поднять борт, Щенок.

Ухватив Копченого за плечи, я повернул тушу набок так, чтобы мокрота вылилась у него изо рта, поднял задний борт и закрепил его дубовыми втулками.

— Смотри, приглядывай за ним как следует.

— Заткнись и убирайся отсюда.

Свистки были слышны уже со всех сторон: не иначе, как караул в полном составе направлялся к нам. Нужно было поскорее сматываться, пока не поднялся настоящий переполох.

Я побежал к задней двери. Позади меня загрохотали по брусчатке стальные ободья колес.

Одноглазый собирался воспользоваться случаем и проверить легенду, которая могла бы служить для нас прикрытием.

3

От задней двери до помещения, которое я привык именовать своим домом, путь неблизкий. По дороге я заглянул к Костоправу — доложить ему, как нам удалось вытащить Копченого наружу.

— Кроме того шадарита там кто-нибудь был? — спросил он.

— Нет. Но переполох поднялся изрядный. Шум привлечет внимание, а если кто-нибудь выяснит, что к суматохе причастен Одноглазый, все этим очень даже заинтересуются. Найдутся люди, которые будут вынюхивать, что к чему, даже если Одноглазому удастся одурачить стражу своей выдумкой.

Костоправ что-то буркнул и уставился на бумаги. Он смертельно устал.

— Ну, с этим уже ничего не поделаешь. Иди поспи. Через день-другой мы и сами двинемся следом.

Я тяжело вздохнул. Пускаться в дорогу, да еще и посреди зимы, мне вовсе не улыбалось.

Мое недовольство не укрылось от Старика.

— Не дури, Щенок. Я старше тебя. И гораздо толще.

— У тебя свои резоны. Госпожа и все такое прочее...

Он хмыкнул безо всякого энтузиазма, и мне оставалось лишь еще раз подивиться его странной привязанности к этой женщине. После измены Ножа... Ну да ладно, это не мое дело.

— Доброй ночи, Мурген.

— Ага. Того же и тебе, командир.

Он не был склонен разводить церемонии. Что, впрочем, для меня же и лучше.

Я направился в свои комнаты, хотя там у меня не было ничего, кроме кровати, отнюдь не сулившей мне отдыха. После смерти Сари это место стало пустыней моего сердца.

Закрыв за собой дверь, я огляделся, словно ожидал, что она появится. Выскочит откуда-нибудь, звонко смеясь, и скажет, что все это было неудачной шуткой. Но увы, шутка эта никак не кончалась. Матушка Гота еще не закончила наводить порядок после разгрома, вызванного налетом душил. Прибиралась она тщательно, но, несмотря на всю свою въедливость, пальцем не притронулась к моему рабочему месту, где я все еще пытался рассортировать обгоревшие бумаги, содержащие выдержки из Анналов.

Размышления отвлекли меня от действительности, заставив забыть об осторожности. Но неожиданно я почувствовал, что в помещении кто-то есть. Доля секунды, и в руке моей блеснул нож.

Однако, как выяснилось, мне ничто не угрожало. Ко мне в гости заявились свойственники: брат Сари Тай Дэй — рука его висела на перевязи, — дядюшка Дой и матушка Гота. Из всех троих разговорчивостью отличалась лишь старуха, зато трудно было рассчитывать, что услышишь от нее хоть что-то приятное. Она могла обнаружить дурную сторону в чем угодно и жаловаться на это целую вечность.

— В чем дело? — спросил я.

— Опять тебя носило? — ответил вопросом на вопрос дядюшка Дой. — Куда на сей раз? В Деджагор?

— Ничего подобного. Я уже давно никуда не отлучался.

Вся троица продолжала таращиться так, словно у меня рог на носу вырос.

— Что такое?

— Ты изменился, — сказал дядюшка Дой.

— Дерьмо! Так оно и есть, пропади все пропадом! Я потерял жену, которая значила для меня больше, чем... — Меня захлестнула ярость. Я повернулся к двери.

Бесполезно. Копченый находился в фургоне, направлявшемся на юг.

Они по-прежнему не сводили с меня глаз.

Это повторялось всякий раз, при каждом моем возвращении из отлучки, о которой Тай Дэй не был поставлен в известность. Они не любили терять меня из виду.

От этого избыточного внимания, так же, как и от их пристальных взглядов, мне частенько становилось не по себе. Похоже, Костоправ при виде любого из шоень бао испытывал похожие чувства.

Уйдя из жизни, Сари оставила пустоту не только в моем сердце. Потеряв ее, эта странная компания словно бы лишилась души.

— Хочешь пройти Тропою Меча? — спросил дядюшка Дой.

Тропа Меча представляла собой ритуальный комплекс упражнений, имитирующий бой с невидимым противником с помощью длинного двуручного меча. Это действо позволяло обрести спокойствие, отрешенность и забвение почти так же, как и «блуждание с духом». Правда, мне до сих пор с трудом удавалось входить в необходимое состояние транса, хотя дядюшка Дой учил меня этому с того дня, когда я вошел в семью.

— Не сейчас. И не сегодня вечером. Я слишком устал. У меня каждый мускул поет.

Сказав это, я вновь почувствовал, как мне недостает Сари. Зеленоглазая чаровница была непревзойденной мастерицей массажа и как никто другой умела снимать накопившиеся за день усталость и напряжение. Говорили мы на нюень бао, которым я владел вполне сносно. Однако, когда подошла очередь матушки Готы, она нарочито затарахтела на своем отвратительном таглиосском. Ей почему-то казалось, будто выговор у нее как у коренной таглиоски, и переубедить ее было свыше человеческих сил.

— Ты чем занимаешься? — спросила она. — Почему прячешься от своих?

— Работаю, — коротко ответил я.

Даже не будь Старик повернут на этом деле, я придержал бы Копченого для себя.

Мать-перемать, а ведь я смертельно рискую, упоминая о нем даже на этих страницах, хотя и царапаю свои закорючки на языке, на котором в этих краях не то чтобы читать, но и говорить-то никто не может.

Но всегда следует помнить о Душелове. Усилия, предпринимавшиеся нами, дабы не позволить ей найти Копченого, превосходили даже меры защиты от любопытства Радиши Драх или Хозяев Теней. Не так давно она побывала во дворце. И похитила часть Анналов — те, которые Копченый спрятал перед приключившейся с ним бедой. Правда, я не сомневался в том, что самого Копченого ей заметить не удалось. Сеть сбивающих с толку чар была сплетена вокруг него столь искусно, что даже Душелов, при всем ее могуществе, могла распутать их лишь в одном случае — если бы она знала, что искать, и сосредоточилась именно на этом.

— У меня только что был разговор с капитаном, — промолвил я, обращаясь ко всей компании. — Он сказал, что штаб выступит уже завтра. Вы по-прежнему намерены идти?

Дядюшка Дой кивнул и невозмутимо напомнил:

— Нам тоже нужно уплатить долг.

Скудные пожитки этой троицы были увязаны в узлы и аккуратно сложены у дверей. Их готовность отправиться в путь хоть

сейчас не вызывала сомнения. А вот мне — чего бы там ни наплел Костоправ — следовало закончить приготовления.

— Сейчас я лягу спать. И не вздумайте меня будить, если только не наступит конец света.

4

Сон — это не способ избавиться от боли. Во снах мне случается попадать в места более жуткие, нежели те, где я обычно бываю наяву. Во снах я вновь и вновь возвращаюсь в Деджагор. К голоду, болезням, смертям, людоедству и тьме. Но во снах, как бы они ни были ужасны, Сари по-прежнему жива. Правда, на сей раз сны не дали мне счастья увидеть Сари. Из них мне запомнился лишь один.

Сначала он был похож на полную обволакивающей, игривой жестокости Тень. Впечатление было такое, будто я внедрился в душу паука, которому доставляет удовольствие мучить свои жертвы. Но эта злоба не была направлена на меня — источник ее мною не интересовался. А затем я словно бы вывернулся из тени и оказался по другую ее сторону, в мире, выглядевшем вполне реальным, если не считать того, что в нем не было иных цветов, кроме белого, серого и черного.

В этом мире царили смерть и отчаяние. Надо мною нависало свинцовое небо, вокруг гнили мертвые тела. Вонь стояла такая, что отгоняла даже стервятников. Чахлую растительность покрывала мерзкая слизь, похожая на слюну кузнечиков. Все оставалось неподвижным — лишь в отдалении насмешливо каркали вороны.

Несмотря на ужас и отвращение, я чувствовал, что картина эта мне уже знакома, и изо всех сил пытался сообразить — откуда? Почему я узнаю место, где никогда не бывал? Спотыкаясь и падая, я ковылял по усыпанной костями равнине. Сложенные из черепов пирамиды отмечали мой путь, как верстовые столбы. Нога соскользнула, из-под нее вывалился детский череп. Я упал... и очутился в другом месте.

Я здесь. Я сон. Я путь к жизни.

Там была Сари. Она улыбнулась мне и тут же исчезла, но я ухватился за ее улыбку, как утопающий за соломинку. Словно только она позволяла мне удержать голову над волнами моря безумия.

Теперь я находился среди золотистых пещер, в которых восседали замороженные — живые, но неспособные пошевелиться — старцы. Их безумие терзало воздух, вспарывая его, словно миллионы отточенных клинков. Некоторых стариков покрывала сверкающая ледяная паутина, как будто миллионы волшебных шелковичных червей закрутили их в кокон тончайших нитей.

Я метнулся вперед, пытаясь убраться подальше от стариков, выбраться из этого места. И побежал, медленно, как бегают во снах. Побежал, сам не зная куда.

В следующий миг я осознал, что некоторые из этих безумных старцев мне знакомы. Ужас мой усилился. Я рванул изо всех сил, увязая на бегу в липком тумане загустевшего, живого и злобного смеха.

Ощутив прикосновение, я мгновенно сунул руку под подушку, туда, где лежал кинжал. В тот же миг на мое запястье обрушился сильный удар и кто-то выкрикнул мое имя: Мурген!

Я проморгался и увидел склонившегося надо мной дядюшку Доя. В изножьи постели стоял Тай Дэй — он удержал бы меня, вздумай я спросонья броситься на Доя. В дверях маячила встревоженная матушка Гота.

— Ты кричал,— пояснил дядюшка Дой.— Истошно кричал на языке, которого никто не знает. Мы прибежали сюда и увидели, что ты дерешься с тьмой.

— Мне снился кошмар.

— Знаю.

— Откуда?

— Так ведь ясно же.

— Там была Сари.

На миг лицо матушки Готы превратилось в гневную маску. Она что-то пробормотала — так быстро, что я успел разобрать лишь слова «Хонь Тэй» и «ведьма». Хонь, бабушка Сари, давно умерла, но в свое время лишь благодаря ей семья согласилась с нашим союзом.

Хонь Тэй дала нам свое благословение.

Кы Дам, дед Сари, тоже отошедший к праотцам, утверждал, что его жена обладает ясновидением. Я и сам видел, как сбывались ее предсказания во время осады Деджагора. Правда, в большинстве случаев они были весьма путаными и туманными.

Раз я слышал, как назвали ведьмой и Сари.

— Что это за запах? — спросил я. Сон ушел окончательно, и детали кошмара я мог бы припомнить лишь с немалым усилием.— Здесь что, дохлая мышь?

Дядюшка Дой нахмурился:

— Это было одно из твоих путешествий во времени?

— Нет. Оно больше походило на прогулку в ад.

— Хочешь пройти Тропою Меча?

Тропа Меча была религией Доя. Порой казалось, что именно в ней заключается основной смысл его существования.

— Не сейчас. Мне надо кое с чем разобраться, пока я еще помню подробности. Нечто из увиденного там показалось мне знакомым.

Я опустил ноги на пол, сознавая, что гости по-прежнему буравят меня взглядами.

Я интересовал их гораздо больше, чем до кончины Сари. Но время сосредоточить на этом внимание еще не настало. Я направился к письменному столу и занялся делом. Тай Дэй ухватил деревян-

ный меч для упражнений и принялся расслабляться в дальнем углу комнаты. Матушка Гота взялась за уборку, бормоча что-то себе под нос. Я не мешал и порой даже позволял себе давать ей «полезные» советы, так, чтобы она булькала, но через край не перекипала.

5

Огромная темная шероховатая площадка медленно опускалась, непредсказуемо колыхаясь на ледяном ветру. Хриплый крик боли повис над жалобным стоном вьюги. Излохмаченный, прорванный в двух местах ковер пытался опуститься на башню, туда, где дожидался его Длиннотень. Однако, вихрь так и норовил ударить летающий ковер о стену. В конце концов хозяин ковра вновь взмыл ввёрх и опустился в стороне, футах в пятидесяти от предполагаемого места посадки.

Хозяин Теней выругался — погода раздражала его. Этот зябкий сумрак был почти столь же непроглядным, как самая настоящая ночь. К тому же, при всей его неутомимости и при всех его дарованиях, Хозяину Теней не удавалось своевременно устранить все щели и трещины, то и дело возникавшие в самых неожиданных местах. В своем идеальном мире он остановил бы солнце прямо над крепостью, с тем, чтобы оно иссушило самое сердце ночи и истребило таившуюся во тьме угрозу.

Длиннотень не стал спускаться вниз, навстречу своему прихвостню Ревуну. В разговорах Длиннотень мог делать вид, будто они держатся на равных, но на деле все обстояло совсем не так. Придет день, когда с Ревуном будет покончено навсегда. Но до этого пока далеко. Сперва следует разобраться с Черным Отрядом — вечным источником досадных неприятностей. Таглиос необходимо покорить огнем и тенью, а тамошних князей и жрецов перебить всех до единого. Сенджак необходимо захватить, выведать все ее темные тайны и покончить с ней навсегда. А заодно выследить и убить ее полоумную сестрицу — Душелова. Убить и бросить труп этой суки на съедение диким псам.

Длиннотень захихикал. Большую часть этого монолога он произнес вслух. Оставаясь наедине с собой, он порой любил облекать мысли в слова. Перечень тех, от кого необходимо избавиться, возрастал с каждым днем. Теперь к нему добавились еще двое.

Два лица, появившиеся из стены, принадлежали душиле Нарайяну Сингху и девочке, которую его Обманники именовали Дщерью Ночи. Длиннотень лишь на миг встретился с нею глазами и отвернулся, окидывая взглядом опустошенную местность к северу от Вершины. Кое-где развалины еще дымились. Девочке было всего четыре года, но глаза ее казались окнами в самое сердце тьмы. Создавалось впечатление, будто за пустыми зрачками ребенка притаилась ее духовная мать, богиня Кина. Девочка устрашала, устрашала почти так же, как те живые Тени, умение повелевать которыми дало

ему право именоваться Хозяином Теней. Плоть ее была всего лишь плотью ребенка, но в сути своей она нечто несравненно более старое и мрачное, нежели неопрятный костлявый человек, служивший ей стражем.

Нарайян Сингх молча стоял у парапета и ежился на колючем ветру. Девочка пристроилась рядом. Она тоже молчала и не выказывала ни малейшего интереса к разрушенному городу. Все ее внимание было сосредоточено на Хозяине Теней.

В какой-то миг Длиннотень испугался — уж не читает ли она его мысли? Обеспокоенный тем, что Ревун так долго оставляет его наедине с этими странными существами, он повернулся к лазу, за которым находилась ведущая вниз лестница, и встрепенулся, увидев, что следом за маленьким кудесником по ступенькам поднимается пар, генерал Могаба. Его главный военачальник. Колдун и полководец о чем-то оживленно толковали на незнакомом языке.

— Итак?

Паривший в воздухе Ревун — он частенько поступал так, даже когда не сидел на своем ковре,— развернулся на лету.

— Отсюда и до самой долины Чарандапраш картина одна и та же. А также на востоке и на западе. Землетрясение не пощадило никого. Правда, чем севернее, тем меньше ущерб.

Длиннотень обернулся, окидывая взглядом ночной горизонт. Даже в зимнем полумраке казалось, что равнина мерцает. Она словно насмехалась над ним, и в какой-то миг Длиннотень пожалел о том, что много лет назад поддался порыву и бросил ей вызов. Он обрел вожделенное могущество — но с той поры не знал ни минуты покоя. То, что находилось за Вратами Теней, уязвляло его самим фактом своего существования. Источник его силы являлся одновременно и источником горчайшей отравы.

Но *там* он не углядел признаков разрушения. Да и как иначе — Врата были несокрушимы. Открыть их снаружи мог лишь один-единственный инструмент.

Длиннотень обернулся и приметил улыбку на лице ребенка. Детские зубки блеснули в сумраке, словно клыки упыря. Эта девчонка унаследовала черты обеих своих матерей.

Ревун издал пронзительный, резко оборвавшийся вопль.

— Землетрясение не оставило нам выбора — работы придется отложить до лучших времен. Иначе люди не выдержат.

Длиннотень поднес к лицу костлявую, затянутую в перчатку руку и поправил маску, которую всегда носил при посторонних.

— Что ты сказал? — Должно быть, он просто ослышался.

— Посмотри на этот город, мой друг. Он лишь для того и существует, чтобы твердыня становилась все прочнее и выше. Но для того, чтобы живущие там людишки могли работать, они должны есть. Им нужны кров, вода и тепло, иначе они все передохнут.

— Я не собираюсь их холить. Их единственное предназначение — служить мне.

— Так-то оно так, но какой службы можно ждать от покойника? — промолвил черный генерал.— Это землетрясение причинило нам больший ущерб, чем все таглиосские вояки за все годы войны.

Сказанное им было явным преувеличением. В этой войне уже сложили головы три Хозяина Теней. Но Длиннотень понял главное: обстановка и впрямь сложилась критическая.

— Ты заявился сюда только для того, чтобы сказать мне это?

Со стороны генерала заявиться на Вершину без приглашения было явной дерзостью. Но Длиннотень простил его. Он питал слабость к Могабе, слишком уж напоминавшему его самого в молодости, а потому частенько позволял нару то, что не сошло бы с рук никому другому.

— Я пришел для того, чтобы еще раз попросить тебя пересмотреть приказы, обязывающие меня торчать на Чарандапраше в бездействии. Теперь, после этого несчастья, мне как никогда нужна свобода действий, чтобы выиграть время.

Длиннотень уже устал от этой просьбы, с которой Могаба приставал к нему при каждой встрече.

— Генерал, если вместо того, чтобы просто выполнять приказы, ты и впредь будешь цепляться ко мне со всяким вздором, я найду, кем тебя заменить. Взять хотя бы малого по имени Нож. Кажется, за ним числятся кое-какие заслуги.

Могаба склонил голову и промолчал. Он не был склонен восхищаться достижениями Ножа хотя бы потому, что этому типу была предоставлена та самая свобода действий, которой генерал тщетно добивался для себя уже почти два года.

Раздражение Хозяина Теней не было для Могабы неожиданностью. Он предвидел это, но считал себя обязанным предпринять эту попытку — ради своих солдат.

Неожиданно душила Нарайян Сингх сделал шаг в направлении Хозяина Теней; этому предшествовала волна запаха. Длиннотень подался назад.

— Они выступают,— заявил коротышка,— выступают против нас. Никаких сомнений больше нет.

Длиннотень не поверил ему — потому что не хотел верить.

— С чего бы это? Зима, считай, только что началась...— Он вопросительно взглянул на Ревуна, но маленький уродец кивнул головой, обмотанной тряпицей.

— Это верно,— подтвердил тот, подавляя непроизвольно рвавшийся вопль.— Везде, куда ни кинешь взгляд, таглиосцы пришли в движение. Больших армий не видно, но отдельные отряды маршируют по всем дорогам. Похоже, попытка Сингха перебить их правителей и командиров разворошила осиное гнездо.

Длиннотень промолчал: он предпочитал не обсуждать неудачную вылазку Сингха. Сейчас его собственная агентурная сеть была слаба, но лазутчики делали что могли, и порой немало. А союз с

душилами был непопулярен, а потому весьма ненадежен. В Тенеземье Обманщиков любили ничуть не больше, чем в Таглиосе.

Могаба переступил с ноги на ногу, но удержал рвавшееся у него с языка замечание. Однако Длинноте́нь понял его без слов. Генерал хотел, чтобы ему позволили нанести удар прежде, чем разрозненные таглиосские отряды успеют выйти на границу Чарандапраша и объединиться в сильную армию.

— Ревун, найди Ножа. Передай приказ — пусть беспрестанно тревожит эти отряды. Но нападает только на тех из них, с кем может справиться. Генерал...

— Да, господин.

Голос Могабы звучал нейтрально, что, надо полагать, стоило ему немалых усилий.

— Разрешаю тебе послать часть кавалерии на север, навстречу врагу. Но только часть, и только кавалерии. Если вздумаешь трактовать это так, будто тебе дана полная воля,— пеняй на себя. Я и впрямь выпущу тебя на волю... по ту сторону Врат.

С тех пор, как Длинноте́нь последний раз отсылал кого-то за Врата Теней на неминуемую и мучительную смерть, прошло уже немало времени. Некогда ему было развлекаться. К тому же, по правде сказать, в настоящее время он просто-напросто не мог открыть этот путь без копья, то есть знамени Черного Отряда. А единственный запасной ключ был похищен одним из бывших сподвижников, ныне умершим. Не будучи некромантом, Длинноте́нь не имел возможности вызвать дух похитителя и вынудить его признаться, где погребен этот инструмент.

— Я ясно выразился?

— Абсолютно,— отозвался Могаба, слегка приосанившись. Уступка была невелика, но для него и она значила немало. Правда, местность к северу от Чарандапраша не годилась для кавалерийских маневров, из чего следовало, что ему придется использовать своих всадников как посаженную на коней пехоту. Но даже это открывало определенные возможности.— Премного благодарен, сэр.

Краешком глаза Длинноте́нь приметил взгляд молчаливой — она почти не разговаривала — девочки. Взгляд, в котором промелькнуло глубочайшее презрение. Правда, уже в следующее мгновение глаза девочки вновь стали пустыми, так что недавняя презрительность могла показаться не более чем игрой воображения.

Хозяин Теней вновь перевел взгляд на равнину блистающих камней. Некогда нужда заставила его познакомиться с этим местом. Теперь оно стало ему ненавистно, но в то же время и необходимо. Без него он был бы слишком слаб, чтобы соперничать с Ревуном — или Душеловом, этой непредсказуемой, сумасбродной бабой, казавшейся воплощением хаоса.

— Где та, которую именуют Душеловом? — спросил он.— Есть какие-нибудь известия?

— Никаких,— солгал Ревун, получивший важное сообщение от тенеплета, возглавлявшего целое сообщество ведьм-лазутчиц.— Хотя в Таглиосе примерно в то же самое время, когда братья джамадара Сингха пробрались во дворец, произошло нечто странное. Возможно, тут не обошлось без цее.

У маленького кудесника вырвался вопль, чуть ли не вдвое продолжительнее и пронзительнее обычного. Его затрясло, на губах выступила пена.

Даже Дщерь Ночи отступила на шаг.

Помочь ему никто не вызвался.

6

Прошло четыре дня, прежде чем Костоправ собрался и смог наконец выехать из Таглиоса. Большую часть этого времени он провел в спорах с Радишей. Меня на эти встречи не приглашали, но, судя по тому, что удавалось узнать от Корди Мотера, спорили они ожесточенно. А ведь Корди наверняка не слышал и десятой части сказанного.

Сдается мне, что в последнее время Корди не слишком устраивала отведенная ему роль, поскольку Радиша, кажется, начинала относиться к нему так, как некоторые облеченные властью люди относятся к своим любовникам. С обязанностями командира тронной гвардии он справлялся отменно, но Баба, похоже, считала его болваном, которому нельзя доверить ничего существенного.

Впрочем, нет худа без добра: не будь он раздосадован таким отношением, так, наверное, и не стал бы рассказывать мне об этом конфликте.

— Небось опять заведешь старую песню? — сказал я ему.— Расходы, издержки и все такое?

Не один год Костоправ принуждал Радишу закупать миллионы стрел, сотни тысяч копий и дротиков, десятки тысяч пик, седел и сабель. Склады ломились от мечей и щитов. Старик скупал метательные орудия в комплекте с ящиками снарядов. Вьючных и тягловых лошадей, мулов и бычьи упряжки он приобретал тысячами и даже обзавелся слонами — как боевыми, так и рабочими. Хламу накопилось достаточно, чтобы воздвигнуть город, да не один. На подводах в разобранном виде были уложены тысячи бумажных змеев, каждый из которых мог поднять человека.

— Это точно,— согласился Мотер.— Все та же песня.— Он досадливо взъерошил спутанные темно-русые волосы.— Кажется, он считает, что все это кончится плохо.

— Все это?..

— Зимнее наступление. То, из-за чего весь сыр-бор разгорелся. Он явно готовит резерв на тот случай, ежели оно обернется пшиком.

Хм. По правде сказать, это было похоже на Старика. Никакие приготовления, никакие запасы не казались ему достаточными. И вполне возможно, что по мере того, как унимался гнев, вызванный нападением душил, ему все меньше и меньше хотелось бросать свои силы в решающий бой. Правда, зная Костоправа, можно было предположить, что за этим кроется какая-нибудь уловка. Не исключено, что он просто пытается приструнить Радишу, чтобы она не вздумала плести у него за спиной интриги да строить козни.

— Он был близок к крайним мерам.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, есть грань, которую переступать нельзя. За которой Баба уже просто не станет спорить.

— А.

Этим было сказано все. Я понял. Зайди Старик чуть-чуть дальше, ему пришлось бы прибегнуть к военной силе и взять княжну под стражу. А это значило разворошить змеиное гнездо.

— Он на это способен,— сказал я Мотеру, полагая, что мои слова несомненно достигнут ушей Бабы.— Правда, не думаю, что он совершил бы такое из-за амуниции да припасов. Но вот ежели Прабриндрах и Радиша не сдержат слова и не помогут Отряду вернуться в Хатовар... Капитан может рассердиться.

У Костоправа был пунктик — уже добрый десяток лет он мечтал вернуть Отряд к истокам, в легендарный Хатовар. Стоило завести разговор на эту тему, и из-под множества масок, в которых представал миру наш командир, проглядывала почти фанатичная решимость.

Я рассчитывал, что Корди непременно передаст мои слова кому следует. И намеренно тыкал палкой в муравейник: вдруг Мотер растеряется и проговорится насчет того, что же на самом деле думает о наших намерениях Баба.

Правда, князь и его сестра этот вопрос не обсуждали, но главным образом потому, что Прабриндрах пристрастился к лагерной жизни и с Бабой практически не виделся. Блуждание с духом ничего мне не дало. А вот Копченый являл собой несомненное свидетельство реального существования проблемы. Именно его страх и порожденное этим страхом нежелание допустить Отряд в Хатовар привели к тому, что он переметнулся на сторону Хозяина Теней и тем самым подставил себя под удар. Как справедливо отметила Госпожа, которая тоже внесла свой вклад в Анналы, правители Таглиоса, как миряне, так и духовные, питают к нам не больше любви, чем Хозяин Теней — к ним. Но мы, во всяком случае, вели себя помягче. И ежели мы сойдем со сцены преждевременно, у таглиосцев останется немного времени на то, чтобы пожалеть о нашем уходе. Длиннотень не видел в жрецах никакого толку и попросту истреблял всех, попадавшихся в его лапы. Возможно, это было одной из причин, побудивших Ножа стать его приспешником. Старый приятель Мотера ненавидел святош, и у него были на то резоны.

— А что ты думаешь насчет Ножа? — спросил я, рассчитывая этим вопросом отвлечь Корди от излишних размышлений о моих делах.

— Я все еще не понимаю. Просто в толк не могу взять. Он что, поймал их на этом?

— Не думаю.

На самом деле я знал. Знал, поскольку блуждал с духом. Копченый мог перенести меня почти куда угодно. Даже в прошлое, вплоть до того самого момента, когда демон обрушился на него и загнал его «я» куда-то на задворки сознания. Но даже после того, как с помощью Копченого я стал свидетелем весьма недвусмысленной беседы между Стариком и Ножом — оба были пьяны, так что разговорчик состоялся еще тот, — я не понимал. Не понимал, даже принимая во внимание слишком уж очевидный интерес Ножа к Госпоже.

— Но скажу при этом, что и князь, и Нож, и Лебедь Лозан — да что там, почитай всякий стоящий мужик в городе распускает слюни при одном только виде Госпожи. Не думаю, что могу винить его за то, что он в конце концов не выдержал.

— Эка невидаль. Твоя жена тоже была писаной красавицей — другой такой я отроду не встречал. Глядя на нее, все мужики облизывались, но ты ведь не психовал.

— Как я понимаю, Корди, это следует считать комплиментом. Благодарю. И от меня, и от Сари. Ну что ж, честно говоря, я думаю, дело не только в Госпоже — мне так кажется. Старик считает, что Ножа нам каким-то образом подсунули.

— Э... э...

— Вот-вот. Принимая во внимание его прошлое...

Корди родился в тех же краях, что и я, и имел представление о том, как там обстоят дела.

Он не один год имел дело с Десятью Взятыми. А уж они мастера по части всяких махинаций — чтобы разобраться с ними, потребовались десятилетия.

— Некоторые из них и нынче отираются неподалеку. Но почему именно Нож?

— Хотя бы потому, что мы о нем ничего не знаем. Кроме того, что ты вытащил его изо рва с крокодилами. Или что-то в этом роде.

— Стало быть, обо мне или Лебеде тебе известно больше?

— Да.

Я не стал вдаваться в подробности и распространяться о том, что Масло и Ведьмак, мои братья по Отряду, мимоходом заглядывали в прошлое дезертиров Лебедя Лозана и Корди Мотера. Мой ответ не улучшил Мотеру настроения.

Я взглянул на Тай Дэя. Он всегда был рядом, и я никогда об этом не забывал. Пусть он являлся моим телохранителем и свояком, пусть он был обязан мне спасением жизней некоторых своих родственников, пусть даже я относился к нему совсем неплохо, но если

в его присутствии речь заходила о вещах существенных, мне представлялось разумным без крайней нужды не использовать разговорный таглиосский или нюень бао. Возможно, я подцепил от Старика паранойю. Возможно, она проистекала от знания того, как почти равнодушно отнеслись Тай Дэй, дядюшка Дой и матушка Гота к убийству Сари. Они вели себя так, будто смерть сына Тай Дэя, То Тана, была в десять раз важнее... Правда, они предпочли остаться со мной и отправиться на юг, чтобы получить возможность отомстить, но, похоже, на уме у них было и нечто иное.

Для меня же память о Сари была священной. Я вспоминал ее каждый день, что отнюдь не облегчало моего существования. Стоило подумать о ней, как меня подмывало бежать к Копченому,— но теперь до Копченого было не добраться. Одноглазый сумел-таки вывезти его из города, и даже при том, что маленький колдун, скорее всего, не торопился, расстояние между мною и духоходцем увеличивалось с каждым днем.

7

Костоправ дал знать, что хочет меня видеть. Я тут же отправился в его конуру, но, постучав, заслышал доносившиеся изнутри голоса. Замешкавшись, я оглянулся на Тай Дэя. Тот всегда держался настолько бесстрастно, что без толку было и гадать, что у него на уме. Вот и сейчас никто бы не сказал, услышал ли он что-нибудь интересное. Стоял себе да почесывал сломанную руку у наложенного на нее лубка. Из-за дверей послышалось хриплое воронье карканье.

Я постучал громче.

Шум мгновенно стих.

— Заходи.

Я откликнулся на приглашение довольно быстро и успел увидеть, как из маленького окошка каморки Костоправа, хлопая крыльями, вылетела здоровенная ворона. Вторая, точно такая же, нахохлившись, примостилась на вешалке

— Ты меня звал?

— Да. Есть кое-какие дела.

С самого начала Старик говорил на форсбергском. Тай Дэй его понять не мог, а вот Корди Мотер, вздумай он подслушивать, запросто. Не говоря уж о воронах.

— Я решил окончательно — выступим сегодня до рассвета. Некоторые верховные жрецы начинают думать, будто я не обойдусь с ними так, как Госпожа, и пытаются мутить воду. Сдается мне, нам лучше пуститься в дорогу до того, как они завяжут меня узлом.

Это звучало странновато — совсем непохоже на Старика. Но уже в следующее мгновение я увидел, что он сопровождает свои слова жестами языка глухонемых, и понял, что сказанное вслух предназначалось для чужих ушей.

Костоправ подтолкнул ко мне свернутый клочок бумаги.

— Прежде, чем мы выступим, разберись с этим. Проверь, чтобы не осталось никаких связанных с нами свидетельств.

— Что-что?

Это звучало не слишком обнадеживающе.

— Собирайся в дорогу. Ежели тебе и впрямь приспичило тащить с собой всю эту ораву родственничков, вели им собираться. И жди дальнейших распоряжений.

— Надо полагать, твои любимцы сообщат тебе все, что необходимо знать.

На самом деле я знал, что эти птицы никакие не его любимцы, а посланницы или лазутчицы Душелова.

— В последнее время — я бы не сказал. Но не бери в голову. Что надо, ты узнаешь первым.

Разговор вертелся вокруг пунктика, буквально сводившего меня с ума. Я понятия не имел, каковы в действительности отношения между Костоправом, Душеловом и этими воронами. Мне оставалось лишь принимать сказанное Стариком на веру, а между тем вера моя подвергалась испытаниям со всех сторон.

— Именно. Ты имеешь в виду это?

— Оно самое. Позаботься о том, чтобы все было подготовлено как следует. Без осечек.

Клочок бумаги я развернул возле одной из немногих ламп, освещавших коридор между норой Костоправа и моей комнатой. От Тай Дэя я не таился: мало того, что он неграмотен, так вдобавок и записка была составлена на официальном языке Арчи. Правда, составлена была так, словно предназначалась для не слишком смышленого шестилетки, — но оно и к лучшему. Язык этот я знал через пень-колоду и познакомился с ним лишь благодаря чтению фрагментов Анналов, записанных в тех краях задолго до моего вступления в Отряд, в те дни, когда Душелов оставалась мертвой. Видимо, оттого-то Костоправ и решил воспользоваться этим наречием. Наречием, которого она, скорее всего, не знала.

Само по себе содержание бумажонки оказалось незамысловатым. Мне предписывалось забрать прихваченные мною у Душелова Анналы оттуда, где их прятал от нас Копченый, и перепрятать — как раз туда, где мы этого Копченого держали.

Первым моим побуждением было вернуться и попытаться переубедить капитана. Мне хотелось забрать документы с собой. Но, поразмыслив, я решил, что Старик, пожалуй, все-таки прав. Душелов и все прочие, кто предпочел бы, чтобы мы находились подальше от Анналов, а Анналы от нас, наверняка уверены в том, что мы будем таскать бумаги с собой, пока не сумеем их расшифровать. Там, в полевых условиях, мы едва ли сможем обеспечить безопасность архивов. Вот и получается, что лучше спрятать документы в надежном месте, известном только Радише.

— Дерьмо! — тихонько выругался я по-таглиосски. Сколько бы языков я ни изучал, это слово представлялось мне самым важным и нужным. Да и звучало оно похоже почти на всех наречиях. Тай Дэй ни о чем меня не спросил. Он никогда ни о чем не спрашивал.

Позади меня растворилась дверь, и из своей комнаты появился Костоправ. На плече его что-то чернело. Надо полагать, ему приспичило встретиться с кем-нибудь из местных. Он считал, что вороны наводят на таглиосцев страх.

— Мне надо заняться своими делами, — сказал я Тай Дэю. — А ты ступай, скажи дядюшке Дою и своей матери, что мы отправляемся сегодня ночью. Так решил капитан.

— Тебе придется меня немного проводить. Самому мне ни за что не выбраться из этого громадного склепа.

Судя по тону, Тай Дэй говорил искренне.

Нюень бао не склонны обнаруживать свои чувства, но я не видел причины, по которой человек, выросший на тропическом болоте, должен чувствовать себя как дома внутри огромной груды камней. Особенно если учесть, что всякий раз, когда ему приходилось иметь дело с городами и зданиями, это оборачивалось неприятностью.

Я поспешно довел его до того места, откуда он мог добраться до выхода самостоятельно. Мне надо было попасть в конуру Костоправа, да поживее — до возвращения самого Старика и его пернатого приятеля. В настоящее время наши книги хранились именно там. И мы не хотели, чтобы об этом узнал кто-нибудь еще. Хотя Душелов должна была что-то заподозрить, если она узнала, что записи похищены оттуда, где прятала их она. Что за путаная интрига.

Я потрогал запястье, чтобы проверить, на месте ли веревочный браслетик. То был изготовленный Одноглазым амулет: он позволял мне не поддаваться воздействию сбивающих с толку чар, опутывающих помещение, где мы держали Копченого.

Еще не успев собрать бумаги — но успев приметить, что Костоправ выгнал ворон, закрыл окно и задернул занавеску, — я задумался о том, как лучше всего их спрятать.

Вскоре после нашего ухода Радиша непременно задумается о том, кто же теперь заботится о колдуне. И примется его искать. И у нее достанет упорства найти путь в ту комнату.

Хотя в последнее время Радиша не выказывала особого интереса к Копченому, на самом деле она никогда не оставляла мысли о том, чтобы вернуть его. И чем значительнее будут наши успехи в борьбе против Хозяина Теней, тем больше будет она нуждаться в его помощи.

Похоже, все, что бы мы ни затевали, было чревато неприятными последствиями.

8

Старик долго запрягает, но едет быстро, и уж ежели он решил двигаться, значит, так тому и быть. Когда я покинул дворец, на улице было темно, как в могиле. Он дожидался меня рядом с двумя огромными черными скакунами, приведенными Отрядом с севера. Выведенные в эпоху наибольшего могущества Госпожи с помощью магии, они не знали усталости и легко обгоняли любого обычного коня. К тому же и соображали не хуже некоторых остолопов из рода человеческого.

С высоты седла Костоправ с усмешкой поглядывал на моих спутников. Они не выглядели обескураженными таким поворотом событий, хотя я представить себе не мог, как им удастся за нами поспеть. Просто зла не хватает!

— Я с этим справлюсь...— пробурчал я на нюень бао, вручая Тай Дэю свои вещички и взбираясь на чудище, приведенное для меня Костоправом. Давненько я на нем не сиживал, но конь, похоже, меня помнил. Даже тряхнул головой и фыркнул в знак приветствия.

— ...и ты тоже, дурашка здоровенная.

Я забрал у Тай Дэя свои манатки.

— Где знамя? — требовательно спросил Костоправ.

— В фургоне у Одноглазого. Дрема положил его туда, перед тем как...

— Вот те на! Тебе не следовало выпускать его из рук.

— Я подумывал о том, чтобы поручить эту должность Дреме.

Помимо всех прочих обязанностей, я числился отрядным знаменосцем, что меня вовсе не радовало. А теперь, когда я заделался еще и летописцем, у меня появился прямой резон спихнуть это дело на кого-нибудь другого, благо Костоправ как-то раз и сам заикнулся на сей счет.

— Давай-ка сюда твое барахлишко,— сказал я Тай Дэю, как только пристроил свою поклажу.

Когда бедолага смекнул, что я имею в виду, у него глазенки на лоб полезли.

— А вы,— промолвил я, обращаясь к дядюшке Дою и матушке Готе,— знай себе шагайте по Мощеной дороге. Главное, никуда не сворачивайте. Рано или поздно вы нагоните армию. Ежели кто вас остановит, покажите пропуска.

Пропуска представляли собой одно из диковинных нововведений Освободителя. Все больше и больше людей, в той или иной степени причастных к военным приготовлениям, получали писульки, где было указано, кто они такие и кто несет за них ответственность. Но, учитывая, что грамотеев в армии почти не было, затея эта представлялась совершенно бессмысленной. На первый взгляд. Но

Старик никогда ничего не делает просто так. У него на все есть свои резоны, хотя уразуметь их зачастую не так-то легко. Увидев руку, протянутую мною Тай Дэю, чтобы помочь тому взобраться на лошадь, Костоправ понял, что я задумал, и уже готов был разразиться бранью, но я его опередил:

— Все будет в порядке. Не стоит горячиться из-за таких пустяков.

Тай Дэй, чья голова и в лучшие-то времена походила на обтянутый тонюсенькой кожицей череп, сейчас выглядел так, будто только что выслушал смертный приговор.

— Все будет хорошо.— На сей раз я обратился к Тай Дэю, поскольку только сейчас сообразил, что он отроду не ездил на коне. Нюень бао разводят водяных буйволов и изредка слонов. Это тягловые животные, а не верховые, и на спину им взбирались разве что детишки, да и то нечасто.

Тай Дэй не хотел забираться на эту зверюгу. Ох как не хотел. Он затравленно обернулся к дядюшке Дою, но тот промолчал. Деваться было некуда.

Замешательство Тай Дэя явно начинало потешать Костоправа. Приметив это, мой телохранитель поежился и наконец со вздохом протянул мне здоровую руку. Я потащил его вверх. Тай Дэй был жилист, крепок и весьма вынослив, но почти ничего не весил.

Конь одарил меня взглядом почти столь же неодобрительным, как и тот, что я получил от командира. Из того, что он был способен нести огромный вес, отнюдь не следовало, что ему нравилось, когда его нагружали.

— Кончишь ты наконец копаться? — буркнул Костоправ.— Поехали.

И мы поехали. Он рванул с места в карьер и с самого начала задал такой темп, словно его задница вовсе не колошматилась о седло. Железная она, что ли? Стоило мне чуток поотстать, как он принимался ворчать да браниться. А после того, как мы собрали кавалерийский эскорт, он разворчался еще пуще. Но ворчи не ворчи, армейские лошадки все едино не могли угнаться за нашими чудищами, так что ему то и дело приходилось останавливаться и поджидать, пока подтянется сопровождение. Обычно же он скакал далеко впереди, в сопровождении вороньей стаи. Птицы прилетали, улетали — и всякий раз, когда мне удавалось перекинуться с ним словечком, выяснялось, что он знает кучу важных вещей. Вроде того, где сейчас Нож, где наши войска, на каких направлениях противник препятствует нашему продвижению, а на каких нет. Ему было известно, что Могаба, дабы сдержать наш натиск, выслал на север кавалерию.

Это не могло не настораживать. Он знал то, чего не должен был знать, во всяком случае, не имея возможности блуждать с духом. А Одноглазый по-прежнему опережал нас. Он выказывал куда больше прыти, чем можно было от него ждать.

К концу первого дня настроение Костоправа улучшилось, и его потянуло на разговоры.

— Помнишь, как мы заявились сюда в первый раз? — спросил он, подъезжая к Годжийскому броду.

— Я помню ливень, грязищу и отчаяние. И тенеземцев, которым не терпелось всех нас прикончить.

— Те еще были деньки, Мурген.

— Ага. Мы были почитай что в самом аду. Во всяком случае, оказаться еще ближе к нему мне бы не хотелось.

Командир хмыкнул.

— Ну, коли так, ты должен благодарить меня за эту чудесную новую дорогу.

Таглиосцы называли ее Каменной или Мощеной дорогой. Когда мы проезжали здесь впервые, это еще была полоса непролазной грязи.

— Ты правда считаешь, что Дрема годится в знаменосцы?

— Я подумывал об этом. Но пока, до поры, пожалуй, сохраню эту должность за собой.

— Вот те на. И это говорит тот самый Мурген, который вечно жалуется, будто он в каждой бочке затычка.

— Я же сказал, я об этом думал. И у меня возникли некоторые дополнительные соображения.

Некоторые сослуживцы говорили, что с утратой Сари я справляюсь неплохо. Мне и самому так казалось.

Костоправ оглянулся на Тай Дэя, отчаянно цеплявшегося за шею серой в яблоках кобылы, на которую мы пересадили его миль тридцать назад. Для парня, который мог держаться только одной рукой, он справлялся с тряской совсем неплохо.

— Никогда не позволяй чувствам вставать на пути здравого смысла,— сказал Костоправ.— Когда все прочее сказано и сделано, мы остаемся Черным Отрядом. Пусть другие парни отдают концы — предоставим это им.

— Со мной все нормально. Я был братом Черного Отряда гораздо дольше, чем мужем Сари, и научился владеть собой.

Похоже, Старика мои слова не убедили. И это можно было понять. Его заботило не то, как я держусь сейчас, а что будет, когда начнется заваруха. Когда налетит дерьмовая буря, может оказаться, что судьба всего Отряда зависит от одного человека.

Капитан оглянулся. Несмотря на все усилия, наш эскорт снова начал растягиваться по дороге, но он не удостоил это вниманием и вновь обратился ко мне:

— Узнал что-нибудь о своих родственничках?

— Опять...

Ясно было, что он от меня не отвяжется. А сказать ему мне было нечего.

— Мурген, коли ты вляпаешься в это дерьмо, стало быть, ты распоследний болван. Наверное, тебе стоило бы вернуться назад и перечитать книги Костоправа.

— Не понял?

— У меня, как ты знаешь, тоже есть женщина. Если предположить, что она еще жива. Мы с ней даже ребенка состряпали. Оно, конечно, дело нехитрое, большого ума не требует, но, что ни говори, это накладывает определенный отпечаток на человеческие отношения. Но все, что связывает нас с Госпожой как мужчину и женщину, как отца и мать, отнюдь не означает, что я доверяю ей в каком-либо ином отношении. И она тоже не может довериться мне. Так уж она устроена. И такова была жизнь, которая ею прожита.

— Командир, у Сари никогда не было никаких амбиций. Если она чего по-настоящему и хотела, так это чтобы я сделал то, о чем без конца ей талдычил, — а именно занялся земледелием. И чтобы я не сложил голову славным и героическим манером, подобающим бравому вояке, — например, не свалился бы по пьянке с лошади и не утонул в какой-нибудь паршивой канаве.

— Так ведь Сари никогда меня и не беспокоила, Мурген. Кто меня тревожит, так это дядюшка. Он не похож ни на одного нюень бао, ни на кого из тех, с кем мне доводилось встречаться.

— Да он просто-напросто старикашка, помешанный на мечах. Его можно считать своего рода жрецом, которому отточенная сталь заменяет священное писание. И он имеет кое на кого зуб. Нам нужно направлять его в ту сторону, где находится Хозяин Теней, только и всего.

Костоправ кивнул и пробормотал:

— Поживем — увидим. — Вид у него был довольно угрюмый.

Мы пересекли большой каменный мост, выстроенный в Годже по повелению Госпожи. Над вершинами росших на южном берегу деревьев с истошным карканьем вились вороны. Похоже, нас эти твари находили весьма забавными.

— Меня все это больше не беспокоит, — заявил я.

Костоправ промолчал. Вскоре он распорядился сделать привал, с тем, чтобы дать отдохнуть животным. Перед нами этим путем на юг уже прошли изрядные силы, так что раздобыть свежих коней не было никакой возможности. Я бросил взгляд в этом направлении.

— Наш черномазый колдунишка держит очень даже неплохой темп.

Порасспросив кого надо, я выяснил, что Одноглазый по-прежнему опережает нас на день.

— Мы нагоним его прежде, чем доберемся до Деджагора, — промолвил Костоправ и взглянул на меня так, словно опасался, что название города подействует на меня как страшное заклятие. Но я его разочаровал. Тай Дэй, который мог следить за разговором, поскольку на сей раз мы беседовали по-таглиоски, тоже никак не отреагировал, хотя для его соплеменников та осада обернулась не меньшими бедами, чем для Отряда. Впрочем, нюень бао редко обнаруживают свои чувства в присутствии чужаков.

— Отдай свою лошадь конюху, — сказал я Тай Дэю, — пойдем и попробуем раздобыть что-нибудь съедобное.

Сутками не вылезать из седла — отнюдь не мечта гурмана.

С деликатесами в Годжийской крепости дело обстояло не намного лучше, чем со сменными лошадьми, причем по той же самой причине. Однако поскольку мы принадлежали к свите Освободителя, для нас зарезали бойцового петуха — от этого угощения меня чуть не вывернуло. Кое-как подкрепившись, мы решили остаться в крепости да чуток вздремнуть в тепле. Вообще-то нам следовало находиться возле Костоправа — на тот случай, ежели его переговоры с местными командирами окажутся достойными занесения в Анналы, — но после короткого спора с самим собой я предпочел поспать. Старик сам мне все расскажет — если будет что рассказать. А в крайнем случае я смогу вернуться сюда с Копченым. Попозже.

Мне снились сны, но толком — так, чтобы можно было записать — я ни одного не запомнил. Кажется, они были довольно гадкими, но все же не настолько кошмарными, чтобы меня пришлось будить.

Еще до рассвета мы снова выступили в дорогу.

Уже пересекая холмы, окружающие Деджагор, мы нагнали-таки Одноглазого.

Его фургон я приметил издалека, признал сразу и едва сдержал желание пришпорить коня. Уж больно мне хотелось поскорее добраться до Копченого.

Похоже, проблем у меня было больше, чем мне хотелось признавать.

Однако виду я не подавал.

А Одноглазый так и не сбавил ходу.

С того времени, как мне пришлось пережить тот кошмар в Деджагоре — или в Джайкури, как называли его местные, или в Штормгарде, как именовался он в качестве резиденции Хозяйки Теней по имени Грозотень, оказавшейся бессильной против натиска Черного Отряда, — здесь произошли некоторые перемены.

Окружавшую город равнину осушили и полностью очистили. Все трупы были вывезены, но мне чудилось, будто в воздухе до сих пор витает запах смерти. На городских стенах и в самом городе все еще работали плечные тенеземцы. Самих-то джайкури в живых почти не осталось.

— Интересное решение — взять да и посеять на этой равнине хлеб, — заметил я, завидя нечто похожее на пробивавшиеся сквозь прошлогоднюю стерню всходы пшеницы.

— Идея принадлежит Госпоже, — отозвался Костоправ. Он все еще присматривался ко мне, словно ожидал, что в любую минуту я могу начать пускать изо рта пену. — Повсюду, где стоит постоянный гарнизон, солдатам не мешает самим позаботиться о своем пропитании.

Во всем, что касалось снабжения войск и материального обеспечения тыла, Госпожа смыслила больше Костоправа. Пока мы не обосновались в Таглиосе, он был не более чем капитаном отряда наемников. Именно она заложила основу для создания империи и обеспечила возможность ведения длительной, рассчитанной на десятилетия войны.

Зачастую Старик просто-напросто следовал задумкам Госпожи. Та же идея с полями была отнюдь не нова — Госпожа засеивала земли вокруг большей части своих опорных пунктов на севере.

Впрочем, важно не кому принадлежит идея, а как она работает. В конце концов, командирам куда легче иметь дело с местными жителями, ежели солдаты не портят их девчонок и не воруют провизию.

— С тобой точно все в порядке? — спросил Костоправ.

Мы находились почти у самого въезда на пандус северной навесной башни. Одноглазый опережал нас не более чем на сто футов и, конечно же, давным-давно нас заметил. Однако и не подумал замедлить ход. Меня так и подмывало пришпорить коня.

— Все под контролем, капитан. Меня больше не заносит в прошлое, и я почти не ору во сне. Все сводится к тому, что порой меня прошибает пот.

— Я рассчитываю пробыть здесь некоторое время и хочу, чтобы ты докладывал мне обо всем, что станет тебе известно. От тебя потребуется немалая сноровка.

— Уж я не подкачаю.

9

Тай Дэй и я разместились в одном из тех самых зданий, которые мы занимали и во время осады. До этой части города строители еще не добрались, и хлама повсюду валялось более чем достаточно.

— Ладно,— сказал я,— хорошо еще, что отсюда убрали кости.

Тай Дэй хмыкнул, словно ожидал появления призрака.

— Тебя это место устраивает? — поинтересовался я. Согласно верованиям нюень бао, духи их сородичей, умерших, но не удостоившихся надлежащего погребения, могут преследовать своих соплеменников. Многие паломники из числа нюень бао сложили здесь свои головы, и никто не проводил их в последний путь с соблюдением должных церемоний.

— Я обязан остаться здесь и подготовить все к прибытию Доя,— твердо заявил Тай Дэй.

Дядюшка Дой был кем-то вроде жреца. Следовало предположить, что теперь он воспользуется случаем и завершит то, на что у него не хватило времени четыре года назад.

— Ладно, ступай. А у меня еще есть кое-какие дела.

Я собирался осмотреться. И ускользнуть от боли — правда, в этом мне не хотелось признаваться даже самому себе. Тай Дэй отложил в сторону свои скудные пожитки.

— Нет. Этим делом я должен заняться в одиночку. Военная тайна.

Тай Дэй снова хмыкнул, почти довольный тем, что я не посягаю на его время.

Так бывало всегда. Но если я заводил речь о том, что он ничем мне не обязан, Тай Дэй и слушать ничего не желал. Хотя именно из-за меня он лишился и сестры, и сына.

Однако спорить с нюень бао все равно, что с водяным буйволом. Что ни тверди — ему как об стенку горох, а через некоторое время он просто перестает воспринимать твои слова. Так что самое лучшее — не портить попусту нервы.

— Интересно, надолго ли это затянется,— сказал Одноглазый, когда мне наконец удалось его отловить. Копченый так и оставался в фургоне, который колдун загнал в узенький переулок. Насколько я понимал, сразу после того, как будут выпряжены кони, фургону предстояло исчезнуть под сетью маскирующих чар.

— Ну-ка, Щенок, распряги лошадок да отведи их на конюшню,— велел коротышка,— а я тем временем здесь управлюсь.

Спорить с Одноглазым — все равно что с нюень бао. Ежели что не по нему, он становится глухим. Вот и сейчас колдун занялся своими делами, словно меня рядом и не было. В интересах дела мне пришлось взять на себя заботу о животных. Пожалуй, я не слишком переборщил, высказывая пожелание, чтобы Гоблин поскорее вернулся.

Гоблин, колдун-недомерок, изрядно смахивающий на жабу,— лучший друг Одноглазого, но на людях они ведут себя, будто злейшие враги. Поначалу мне думалось, что найти его будет очень нелегко, так как стоило немалых усилий втолковать Копченому, что, собственно, мы ищем. Но в конце концов я попробовал вернуться туда, где видел Гоблина в последний раз,— в дельту реки на окраине страны нюень бао. Мой план состоял в том, чтобы с этого места проследовать за ним туда, где он находился сейчас. И это сработало. Все было просто замечательно, пока корабль Гоблина не вошел в полосу тумана. Оттуда он не вышел. Копченый не мог его отыскать.

Лишь через некоторое время я сообразил, что на Копченого, скорее всего, было наложено заклятие, мешавшее ему следить за действиями Гоблина. Вероятно, для того, чтобы его не смог найти Одноглазый. Ведь этот паршивый коротышка запросто мог поставить под удар всю операцию ради удовольствия подстроить своему приятелю какую-нибудь мелкую пакость.

Я провел кое-какие изыскания и убедился в своей правоте. Ясное дело, с Копченым основательно поработали. И сделал это не кто иной, как Старик. Оказывается, он не полностью прекратил блуждать с духом. Дальше все было довольно просто. Для меня не составляло особого труда обойти заграждение, установленное Костоправом. А вот Одноглазому, я думаю, предстоит чуть больше хлопот.

Я нашел Гоблина. Он стоял на песчаном пляже, который не был нанесен ни на какие карты. То были прибрежная часть Зиндай-Куша, куда выходила ужасная пустыня, занимавшая обширное пространство между северными и южными регионами Страны Теней. В этом краю неприступные горы, известные под названием Данда-Преш, становятся все ниже и ниже, пока не погружаются в океан.

Корабль стоял на якоре. Лодки плясали на волнах прибоя. Гоблин смотрел на море и занудливо причитал. Судя по кислым рожам его спутников, все эти жалобы им уже изрядно опостылели.

Интересно, какого хрена Гоблин торчит на этом унылом побережье? Я переместился в прошлое, как раз настолько, чтобы выслушать его стенания с самого начала.

Гоблина прямо-таки распирало от злости. Ну что, скажите на милость, делает капитан? Кого, спрашивается, посылает он на край света, чтобы нанести на карту какой-то паршивый берег? Не кого иного, как самого Гоблина. Гоблин на дух не переносит болота, и что же? С самого начала его заносит в дельту речки, которая на самом деле, оказывается, никакая не дельта, а непролазная трясина в двести миль в поперечнике, где нет ни единой приличной протоки. Гадостное местечко, совершенно непригодное для проживания человека. Недаром там живут одни нюень бао.

Гоблин ненавидит море и качку почти так же, как Одноглазый. И что же он получает в награду, пробравшись сквозь это поганое болото, для чего ему едва ли не пришлось прорыть канал? Проклятый океан, с волнами выше, чем уважающее себя дерево.

Гоблин терпеть не может пустынь. И куда он попадает после того, как проводит свой флот мимо этого болотистого побережья? В пустыню, да такую бесплодную, что в ней не живут даже скорпионы и песчаные мухи. Днем духота и жарища, почью зубы стучат от холода, и никуда не деться от этого песка. Песок, песок, повсюду один песок. Вот и сейчас сапоги полны песка...

— Не для того я на свет родился,— нудил Гоблин.— Я такого не заслуживаю. Такого никто не заслуживает, а уж я — меньше, чем кто бы то ни было. И чем я перед Стариком провинился? Ну ладно, бывает, выпьем мы с Одноглазым да малость поцапаемся — так велика ли беда? Небось когда Дрема дурит, ему все с рук сходит — это, дескать, просто мальчишеские шалости.

Само собой, старый хрен предпочитал не вспоминать о том, что, налакавшись до одури, они с Одноглазым принимались напропалую волхвовать да кудесить, так что всем в округе тошно становилось. Куда уж Дреме до них.

— Мужчине просто необходимо время от времени оттянуться — понимаешь, о чем я толкую? Кому от этого хуже, я ведь отроду мухи не обидел. — Тут Гоблин, мягко говоря, приврал. — Будь в этом дерьмовом мире хотя бы крупица справедливости, я бы давно вышел на покой и поселился в каком-нибудь славном местечке, где подают сладкое винцо, а девчонки способны оценить мужчину с опытом. Я отдал Отряду лучшие века моей жизни!..

Гоблин терпеть не мог командовать. Потому как это означало, что необходимо думать и принимать решения. А еще это означало брать на себя ответственность, что ему и вовсе не улыбалось. Он хотел плыть по жизни, как по течению, ни во что не влезая. А головы пусть ломают другие.

Я заставил Копченого поднять меня на высоту птичьего полета — решил осмотреть окрестности да выяснить, с чего это Гоблин так взъерепенился.

Насчет пустыни он не преувеличил.

Близ побережья Зиндай-Куш представляла собой море золотистого песка, вынесенного прибоем со дна настоящего моря. Сильные ветры несли этот песок в глубь страны, где песчаные бури оголяли вершины холмов. Дальше к востоку они становились все круче и круче, пока не перерастали в горную гряду Данда-Преш. Здесь, у берега, лишь немногие холмы возвышались над песком более чем на сто футов. Ни один из них не выказывал ни малейшего признака эрозии. Дождя здесь не было по меньшей мере лет тысячу.

Я поднялся еще выше. Тем временем Гоблин в сопровождении пары парней ковылял по пляжу, обследуя береговую линию. И тут неожиданно песок перед ним взорвался, и оттуда выскочило что-то немыслимое. Невообразимое. Чудовище, которого просто не могло существовать. Больше всего эта тварь походила на мохнатого тарантула размером со слона. Однако у нее вдобавок имелись щупальца, как у спрута, и заканчивающийся жалом хвост наподобие скорпионьего.

Правда, перемещалось это бредовое создание без особой прыти — видать, изголодалось, пока сидело, зарывшись в песок и поджидая добычу. Спутники Гоблина мигом пустились наутек. Маленький колдун выругался.

— Чего я еще терпеть не могу, так это всякой дряни, которая ни с того ни с сего выскакивает из песка и норовит тебя слопать.

Пока чудище соображало, как ему лучше сожрать Гоблина, тот, не будь дурак, пустил в ход один из лучших своих колдовских трюков. В руке у него появилась чудная штуковина, вроде бы

из цветного стекла. Она имела добрый ярд в поперечнике и с виду походила на трехлучевую метательную звездочку. Во всяком случае, Гоблин использовал ее именно как метательную звездочку. Чудовище взревело от боли и ярости, когда эта стекляшка разом отсекла ему пару щупалец, да еще и несколько ног с правой стороны туловища. Оно бросилось на Гоблина, который предпочел больше не корчить из себя героя и старался унести задницу подобру-поздорову.

Гнаться за ним тварь не могла. Описав большой полукруг — на золотом песке оставались глубокие следы,— уродец полностью потерял интерес к добыче. Некоторое время она пыталась пристроить на место отсеченные конечности, но они упорно не прирастали. В конце концов, тварь задрожала и принялась зарываться в песок с теми ногами, какие у нее еще оставались.

— Ненавижу таких тварей,— посетовал Гоблин,— но еще больше я ненавижу саму мысль о Затененном пути.

Затененный путь представлял собой какой-то секретный проект. Такой секретный, что мне о нем не рассказывали. Пару раз мне удалось услышать это название, да и то лишь краешком уха.

— Я даже начинаю задумываться,— бубнил между тем Гоблин,— так ли уж мне нравится Костоправ. По мне, так старый пердун просто-напросто спятил. Хочется верить, что свое послежизние этот сукин сын проведет в таком же милом местечке.

Надобности проверять Гоблина больше не было. С ним все в полном порядке. Ежели солдат жалуется на службу и материт командира, стало быть, с ним решительно все в порядке.

Я вернулся в Деджагор. И возвратился в свое тело в фургоне Одноглазого. Жрать и пить хотелось отчаянно. Копченый премерзостно смердел.

— Одноглазый! — заорал я.— Где тут полевая кухня? Я с голоду подыхаю.

Черномазый коротышка засунул в фургон свою гадкую шапку. Приглядевшись, я рассмотрел и его рожу — такую же противную. Наверняка снаружи уже начинало темнеть.

— Нас кормят в цитадели.

— Разве это не здорово? Боюсь, у меня кусок мяса в глотке застрянет.

Могаба со своими закадычными приятелями — тогда они еще были на нашей стороне — высидел всю осаду в цитадели, время от времени подкрепляясь каким-нибудь бедолагой из числа жителей Деджагора.

— А ты представь, что это цыпленок, да и жуй на здоровье,— порекомендовал Одноглазый, явно рассчитывая, что меня стошнит. Он сморщил нос.— Ну и вонища здесь.

— Я ж тебе говорил, что его надо мыть.

Колдун одарил меня самым ядовитым взглядом, на какой был способен, но это не сработало.

— Тебе придется жить с ним.

10

Я полагал, что Костоправ захочет поскорее нагнать Госпожу — они не виделись довольно долго. Но ему, похоже, нравилось бездельничать в Деджагоре, все чаще и чаще беседуя с черными пернатыми гонцами. Вороны беспокоили тех ребят из Старой команды, которые, в силу своих обязанностей, были привязаны к Деджагору, о чем и заявили припершиеся ко мне Шандал и Сопатый.

— Он командир,— сказал я,— а у начальства свои причуды. Ежели он любит ворон, то, по-моему, это его дело и никого не колышет.

Я присматривался к Сопатому, дивясь тому, что недуг еще не прикончил его. Теперь бедолага кашлял почти беспрерывно.

— А вот местные думают иначе,— возразил Шандал.— По их мнению, вороны предвещают дурное — всем, кроме душил.

— А мне сдается, что они предвещают дурное только тем, кто попусту мелет языком. Скажи-ка лучше, Сопатый, у тебя здесь постоянные обязанности?

Он прокашлял что-то, означающее положительный ответ.

— Вот и хорошо. Не думаю, что тебе стоит болтаться в поле в такое время года.

— А какой прок оставлять меня здесь подыхать в одиночку?

— Ты еще меня переживешь, упрямая старая задница.

— Так ведь теперь я влип в это по самые уши. Капитан и летописец без конца рассказывали нам о нашей истории, но только сейчас появилась возможность найти то место, откуда все и пошло... Я эту возможность упускать не собираюсь.

Я кивнул, признавая его право, и невольно задумался о том, насколько наше братство отличается от других шаек наемников. Среди наших солдат почти не встречалось злобных буянов, склонных к грабежу и насилию. В отряде не было места для того дерьма, которому доставляет удовольствие причинять людям страдания. Конечно, попадали к нам и такие сволочи, но они долго не задерживались.

Интерес к истории и традициям, представления об Отрядном братстве прививались довольно быстро, а в душах тех, кто прослужил достаточно долго, укоренялись накрепко.

Костоправ, разумеется, являлся ревностным приверженцем традиций Отряда. В этом ему не было равных — кроме Могабы. Что же до Могабы, то его основная проблема во взаимоотношениях с Отрядом заключалась в том, что он не был его командиром.

По существу все эти соображения не имели отношения к делу. Просто я лишний раз вспомнил о том, что мы не какая-нибудь банда головорезов, а воинское братство, члены которого заботятся друг о друге. По крайней мере, большую часть времени.

Тут появился Одноглазый и с ходу влез в разговор. На Сопатого он даже не обратил внимания, хотя чахоточный ветеран вроде бы доводился ему земляком.

— Слышь, Щенок, я только что видел бабушку Тролль. Она ковыляет по улице Блистающих Рос. Ты точно знаешь, где Гоблин. Было бы не худо свести эту парочку вместе.

Бабушкой Тролль матушку Готу именовали ее же соплеменники, разумеется, за спиной. Кое-кому из них она нравилась не больше, чем чужеземцы. У тех, по крайней мере, было оправдание — ведь они не родились нюень бао.

— Говорят,— отозвался я,— можно неплохо провести время, любуясь ее походкой.

Поскольку ноги у моей тещи были мало того что колесом, но еще и как будто лишены суставов, походка ее производила неизгладимое впечатление. Она переваливалась с боку на бок, словно перегруженная баржа в сильную качку.

Черномазый коротышка покосился в сторону Тай Дэя, который, как и всегда, когда ему не было велено держаться в стороне, ошивался поблизости.

Кажется, на сей раз обычная бесстрастность изменила ему, однако Одноглазый надеялся, что Тай Дэй не настолько обижен, чтобы потерять контроль над собой.

— Он и сам порой называет ее Троллихой. Но тебе советую поостеречься,— шепнул я Одноглазому, после чего громко и отчетливо спросил: — Что слышно о дядюшке Дое?

— Я его не видел.

— Тай Дэй, тебе лучше пойти и поискать свою мать. Дядюшка Дой непременно разыщет нас, когда сочтет нужным.

Тай Дэй удалился, окинув всех присутствующих подозрительным взглядом. Когда он скрылся из виду и уже явно не мог ничего услышать, я тихонько пробормотал:

— Не скажу, чтобы я хоть чуточку по ней соскучился.

Хочется верить, что Тай Дэй найдет какой-нибудь способ продлить мое счастье и оттянуть момент встречи.

Одноглазый гаденько хихикнул.

— Если хочешь знать,— заметил я,— эта баба подошла бы тебе лучше, чем Гоблину.

— Прикуси язык, Щенок.

— Я серьезно.

— Хреново у тебя с чувством юмора. Недаром и Старик тобой недоволен.

— Хм. С чего бы это?

— Как я уразумел из его слов, ты уже пару дней тянешь с докладом.

— Вот оно что... — Это было не совсем верно, но близко к истине.— Ладно, займусь прямо сейчас.

— Браслетку-то носишь?

— Само собой.

Кое-что стало понятнее.

— Вот и хорошо. Она тебе понадобится.

Шандал и Сопатый понятия не имели, о чем мы толкуем. Что не помешало Шандалу при расставании дать мне неплохой совет:

— Будь поосторожней с этими воронами.

Похоже, в последнее время вороны проявляли ко мне особый интерес. Мне это не нравилось, однако с иной, отличной от моей, точки зрения могло иметь определенный смысл. Учитывая мою близость к Костоправу, у Душелова был прямой резон не спускать с меня глаз.

Ну что ж, тут можно вспомнить добрую старую поговорку: предупрежден — значит, вооружен.

Требовалось наверстать упущенное за все то время, когда у меня не было возможности посетить Копченого. Мне следовало осмотреть береговую линию, а вовсе не проверять Гоблина. Костоправ не хотел ничего слышать о Гоблине. Чем бы ни занимался этот паршивый недомерок, его поручение считалось таким секретным, что никому о нем знать не полагалось.

Веревочка на запястье позволяла мне приближаться к фургону Одноглазого, не сбившись с пути под воздействием охранительных чар, точно так же, как и в лабиринте дворца. А вот следовавшие за мной вороны начали путаться, когда до фургона оставалось еще четверть мили. В конце концов, они меня потеряли. Мое исчезновение запросто могло привлечь внимание Душелова, если, конечно, у него нашлось бы время, свободное от других козней.

Вспомнив о Душелове, я невольно задумался о том, будет ли Копченый и здесь относиться к ней так же, как и во дворце. Там его дух упорно отказывался сотрудничать со мной всякий раз, когда я предпринимал попытку выведать хоть что-то относительно сумасшедшей сестрицы Госпожи.

Забравшись в фургон, я устроился поудобнее. Создавалось впечатление, будто Одноглазый малость погуливал с духом самостоятельно, но еды и питья было достаточно. Это немаловажно, ибо, когда возвращаешься, есть и пить хочется страшно. Блуждание с духом вытягивает энергию и буквально иссушает тело. А между тем мир, где витает душа Копченого, настолько притягателен, что пребывающий там может легко угодить в ловушку. Просто-напросто позабыть о том, что время от времени надобно возвращаться и подкреплять силы. И в результате закончить точно так же, как Копченый.

Волю напившись и съев сладкую булку, я растянулся на вонючем матраце, закрыл глаза, потянулся и коснулся духа Копченого. Похоже, на сей раз он ощущал смутное беспокойство. Обычно его дух был подобен легко обволакивающей пустоте. В чем причина его

неудовольствия, я не знал — возможно, Одноглазый плохо о нем заботился. Надо будет проверить, после того, как вернусь.

Слившись с духом Копченого, я наблюдал за тем, как таглиосцы то здесь то там прорывают слабые оборонительные рубежи тенеземцев. Южане еще толком не оправились после землетрясения. Бедствие обрушилось на них столь неожиданно и разрушения были столь сильны, что у них просто не было возможности собраться с силами.

Однако засевший на Чарандапраше Могаба уже начал получать сумбурные донесения. Он передавал их Длиннотени. Хозяин Теней не верил в то, что мы действительно поведем зимнее наступление, и все перемещения наших войск считал отвлекающим маневром.

Донесения Длиннотень получал, минуя Ревуна, безо всякого его участия. Похоже, уродливый колдун получил отпуск. Во всяком случае, обнаружить его я не мог.

Нарайян Сингх и Дщерь Ночи находились в стане душил, неподалеку от основных сил Могабы на Чарандапраше. Уж не знаю чем, но девчонка привлекла мое внимание. Я принялся вертеться, крутиться, присматриваться, прислушиваться — и приметил-таки кое-что, внушающее беспокойство. То, о чем необходимо было знать Старику. Его дочь умела видеть будущее, словно в магическом кристалле. Правда, видела она лишь отдаленные события, не то, что Копченый. Пока еще никто, даже Сингх, не обращал на это внимания. Но рано или поздно Нарайян неизбежно заметит, что все ее даже вроде бы смутные предсказания попадают в точку.

По-видимому, заглядывая в кристалл, она всякий раз впадала в транс. Мне хотелось присмотреться к этому повнимательнее, но Копченый воспротивился, и на сей раз я почувствовал, что не могу его винить. У ребенка была такая аура, что соприкосновение с ней повергало в дрожь. Человек непроизвольно начинал думать о гробницах и прочих вещах, какие лучше бы оставить погребенными. И это в безмятежном, свободном от эмоций пространстве, где пребывала душа Копченого.

Госпожа находилась далеко к югу от Деджагора. Она упорно продвигалась вперед, не давая передышки ни себе, ни своим солдатам. Несмотря на крайнюю усталость, выглядела она для своего возраста совсем неплохо, ведь в сравнении с ней даже Одноглазый мог бы считаться молокососом. Ее сопровождали Лебедь Лозан с Тронной гвардией и Прабриндрах Драх, утверждавший, что должен находиться там, дабы согласовывать с нею свои действия. Правда, как мне сдается, дурачил он этим только самого себя.

Госпожа пребывала в скверном расположении духа и спуску не давала никому. Лебедь был встревожен, князь озадачен. Правда, ничего вразумительного ни тот ни другой сказать не могли: своей тревогой и болью Госпожа ни с кем не делилась.

Наверное, ей, прожившей столь долгую и нелегкую — ведь когда-то она была женой Властелина — жизнь, представлялась неле-

ной сама мысль о возможности обратиться за помощью к простым смертным. К тому же, на мой взгляд, она была малость не в себе.

В известном смысле.

Но так или иначе, вопреки всему, что утверждали как дилетанты, так и признанные знатоки, с годами ее утраченные способности постепенно восстанавливались. Конечно, ей было еще далеко до той Госпожи, что правила некогда на севере великой империи, а десятерых Взятых, подобных Ревуну, держала на поводках, точно свору борзых. Но уже сейчас она набрала достаточно сил, чтобы это беспокоило и Ревуна, и Длинотень, и, не сомневаюсь, ее сестрицу Душелова.

Между нею и Костоправом сама судьба вбила клин. Старик не доверял ей — той ее части, которая тяготела ко тьме. Слишком долго она была близка к самому средоточию мрака. Он боялся потерять ее и, как мне кажется, держал на расстоянии именно потому, что не слишком хорошо справлялся со своим страхом.

Для всех, кто пытался оказать ей сопротивление, продвижение Госпожи оборачивалось кошмаром, худшим, чем любое землетрясение.

Всюду, где действовали разрозненные таглиосские подразделения, во главе их стояли братья из нашего Отряда. Они находились в самой гуще событий, и их телохранителям из числа нюень бао тоже не приходилось сидеть сложа руки. Конечно, годы преследований со стороны Костоправа и Госпожи изрядно ослабили Обманщиков, но они не зря получили свое прозвание. В живых сумели остаться самые изворотливые и хитрые, самые опасные — и каждый из них никогда не упустил бы возможности нанести удар во славу своей богини.

Хотя у Могабы имелось несколько тысяч всадников, они еще не участвовали в стычках. Из всех тенеземских сил на затопленных землях лишь вояки Ножа не были застигнуты врасплох. Но и Нож, даже после пары стремительных и вполне удачных для него стычек с полками, набранными таглиосскими жрецами, не предпринимал попыток удержать за собой какой-либо плацдарм. Он отступал к равнине Чарандапраш со скоростью, достаточной для того, чтобы не дать святошам усесться ему на хвост. В тех краях действовали исключительно отряды религиозных лидеров. Костоправ предоставлял им возможность осуществлять налеты на Ножа фактически независимо от остальных войск. Нож ненавидел святош и никогда этого не скрывал. Служба у Хозяина Теней предоставила ему возможность дать этой ненависти выход. Жрецы, в свою очередь, были решительно настроены заставить его умолкнуть навеки. Что же до Старика, то он, похоже, с немалым удовольствием позволял подначевшим в интригах и привыкшим вмешиваться в мирские дела святошам напрягаться, растрачивать деньжата и клясть самых преданных своих приверженцев в попытках уничтожить того, к кому он сам испытывал ненависть.

Отступая, Нож продолжал оттягивать на себя этих парней. Преследуя его, они вроде бы побеждали, но все время несли потери. Для генерала-самоучки он проявлял превосходное умение использовать каждую промашку противника.

Армия продвигалась через южные земли к равнине Чарандапраш. Там-то и следовало ожидать большого представления, и наверняка до исхода зимы.

Я вновь и вновь приходил и блуждал с Копченым. Время шло, но почти ничего не прояснялось. Костоправу не нравилось, что я без конца пропадаю в фургоне, но в самых разных местах происходило столько событий, что он вынужден был мириться с этим, чтобы получить информацию, в которой нуждался. Правда, настроение его было переменчиво, как бриз.

Некоторое время я делал вид, будто захворал, что должно было объяснить воронам и моим свойственникам, почему я днюю и ночую в фургоне. Вороны — птицы дурные, они соображают туго. А вот дядюшка Дой, как мне показалось, еще до того, как мы прошли сквозь южные ворота Деджагора, смекнул: что-то затевается.

11

Я никогда не испытывал особой тяги ни к спиртному, ни к наркотикам. В здешних краях основные религии порицали пьянство, и раздобыть здесь хмельное было не так-то просто, хотя Одноглазый справлялся с этой задачей. Меня же всю мою жизнь пагубные пристрастия отвращали и даже пугали до смерти. Всякий раз, когда мне попадается малый, привыкший заглушать свою боль, затуманивая рассудок, я начинаю бояться, как бы и мне самому не поддаться подобной слабости.

Тем паче что я пристрастился к наркотику иного рода — к той свободе от горя и страдания, которую давало мне блуждание с духом. Когда я пребывал там, в мире Копченого, все ужасы осады Деджагора и неизбывная тоска по Сари становились не более чем пусть печальными, но отдаленными и тусклыми воспоминаниями. И слабая, уступчивая часть моего «я» упорно соблазняла меня, суля — если, конечно, я продолжу работать с Копченым — окончательное избавление от боли.

Я был одновременно и счастлив, и глубоко несчастен. От родственников помощи ждать не приходилось. Тай Дэй по большей части отмалчивался, а дядюшка Дой знай твердил одно — что я должен держаться.

— Смерть и отчаяние сопутствуют нам всю жизнь,— говорил он.— Мир состоит из утрат и боли, и лишь изредка его освещают краткие, чудесные мгновения счастья. Мы должны жить ради таких мгновений и не скорбеть, когда они проходят.

— Мы должны жить ради отмщения, старый ты дурень,— возражала ему матушка Гота, бросая на меня взгляд, полный презрения.

Мои чувства она щадить не собиралась.— Незадолго до смерти моя мать лишилась рассудка. Нам было бы не худо избавиться и от этого слабака.

Будучи «слабаком», я не чувствовал себя обязанным сохранять тишь да гладь.

— Держу пари, что, снова оказавшись в болоте, они каждую ночь благодарят счастливую звезду за принятое вами решение не возвращаться домой.

Тай Дэй набычился. Дядюшка Дой хихикнул и похлопал Тай Дэя по плечу.

— Что, парнишка, никак стрела угодила в цель. А тебе, Гота, я должен напомнить: нас здесь только терпят. Каменный Воин мирится с нами ради Сари. Он, но не его командир.

За последнее время я научился неплохо понимать нюень бао, но сейчас чувствовал, что упустил нечто существенное. Нетрудно было понять, что он пытается быть поосторожнее с Костоправом, потому как, ежели его допечь, он может вышвырнуть их вон. Старик вполне был на это способен. Он относился к ним не намного лучше, чем ко всему тому отребью, что вечно таскается за войсками. А этот сорт людей Костоправ считал чем-то вроде пиявок.

Но я не мог отделаться от мысли, что дядюшку Доя интересует отнюдь не только возмездие за смерть Сари и сына Тай Дэя То Тана.

12

Точного нашего местоположения я не знал. По-видимому, мы находились милях в восьмидесяти к югу от Деджагора и двигались по территории, лишь недавно отбитой у противника. Население относилось к нашему присутствию с тем же стоицизмом, с каким переносило последствия землетрясения. Нам пришлось произвести некоторую зачистку местности, так как подручные Хозяина Теней использовали местных жителей в тщетных попытках остановить наше продвижение. В итоге этих храбрых дуралеев некому было хоронить.

Именно тут у меня мозги набекрень и съехали. Я не осознавал этого факта, поскольку находился в фургоне: как раз в это время мы разбивали лагерь. Я занимался разведкой — следил за маневрами кавалерии Могабы, незримо присутствовал на штабных совещаниях, где он и его командиры пытались изыскать способы сделать наше продвижение по равнине Чарандапраш как можно менее приятным. У меня все их потуги вызывали усмешку — им нечего было противопоставить объединенным силам Костоправа и Госпожи. Впрочем, человека сообразительного, каким безусловно являлся Могаба, такой поворот событий наверняка не удивлял. Он неплохо изучил Костоправа, прежде чем перешел на сторону неприятеля.

Но в какой-то момент я ошалел. Уверенности в себе как не бывало. Меня словно ледяной водой окатили.

Я был не один.

Лишь благодаря некоторой «притупленности» всех чувств мне удалось не удариться в панику. Я резко обернулся — если можно так сказать о бесплотном духе — и, как мне показалось, приметил обращенное в мою сторону лицо.

Оно появилось передо мной лишь на миг, но и этого было более чем достаточно. Этакая рожа могла привидеться разве что в кошмаре. Огромная, словно коровья морда, цвета спелого баклажана, эта физиономия улыбалась всему окружающему, обнажая в усмешке чудовищные клыки. Глаза полыхали пламенем, но в то же самое время казались озерами мрака, способными утопить душу.

Я попятился — поначалу медленно и осторожно, но, заметив, что лицо оборачивается в мою сторону, устремился прочь, ища спасения в реальном мире. Испуг был столь силен, что, оказавшись в своем теле, я не испытывал ни голода, ни жажды. И не мог ничего толком объяснить — нес какую-то околесицу, лишенную всякого смысла. Старик находился неподалеку, и Одноглазый привел его в фургон как раз к тому моменту, когда я начал приходить в себя.

— Мурген, что с тобой? — закричал он.— У тебя припадок? Ты опять собрался уйти?

Коснувшись меня рукой, Костоправ ощутил неистовое биение сердца.

— Одноглазый...

— Мне только что привиделась Кина,— прохрипел я.— Не знаю, заметила ли она меня.

Смерть есть вечность. Вечность есть камень. Камень есть молчание. Говорить камень не может. Но он помнит.

Глубоко в недрах мрачной цитадели высится массивный трон из подточенного червем черного дерева. На троне восседает темная фигура, пригвожденная к нему серебряными кинжалами. Восседающий на нем погружен в магический сон, но его некогда бесстрастное лицо искажено нестерпимой мукой. В этом заключено своего рода бессмертие, за которое уплачено сполна.

Ночью, когда стихает ветер и маленькие Тени больше не прокрадываются внутрь, в крепость возвращается молчание.

Молчание есть камень. Камень есть вечность. Вечность есть смерть.

К югу от гор Бесплотия земля становилась кроваво-красной, каменистой и сморщенной, словно физиономия моей тещи. В лощинах, куда не падали солнечные лучи, лежал снег. Деревья попадались нечасто, но зато в основном такие, которые старались плодоно-

сить даже зимой. Плоды, конечно же, были жесткими и сухими, но по мере того, как мы забирались все дальше в глушь, где не приходилось и думать о том, чтобы разжиться приличной снедью, их вкус начинал казаться вполне приемлемым. Избранный капитаном маршрут пролегал по совершенно безлюдной местности, что не могло не сказаться на качестве снабжения. К тому же, поблизости не было ни рек, ни каналов — никаких водных путей, что позволяли бы доставлять припасы баржами. Скот мы гнали с собой. Животные худо-бедно могли существовать на подножном корму, так что любителям пожевать жилистое мясо голод не грозил. Но поход только начинался, и я все более убеждался в том, что Костоправ выбрал не лучшее время для наступления.

Хуже всего приходилось тем солдатам, которым их верования запрещали есть мясо.

Утренний ветер пронизывал насквозь. Это время года явно не годилось для долгого марша. Если Могаба сумеет потянуть время, дело может обернуться для нас настоящей бедой.

Возможно, избранная им стратегия сулила успех. Ему требовалось лишь дождаться, когда наши войска с обозами, припасами и всей лагерной швалью соберутся на равнине Чарандапраш, да продержать нас там, покуда не иссякнут ресурсы. Когда изголодавшаяся армия начнет разбегаться, головорезы Могабы смогут устроить настоящую резню.

Впрочем, Костоправ, хотя он и предпочитал не распространяться о своих планах, явно намеревался пополнить наши припасы, наложив руку на обозы Могабы. Капитан твердо рассчитывал на победу, хотя говорил об этом с осторожностью. Он поставил нас в положение, из которого просто не было другого выхода.

Земля вокруг Бесплотия не была полностью опустошена даже землетрясением, однако по мере продвижения мы проедали по меньшей мере половину того, что собирали наши фуражиры. Длиннотень отказывался верить в то, что предпринятое нами наступление не является лишь отвлекающим маневром. Он просто не мог представить себе ум, работающий иначе, чем его собственный. Могаба и то испытывал сомнения, несмотря на то, что и Обманники, и собственные лазутчики информировали его обо всех невзгодах, обрушившихся на владения Хозяина Теней. Пострадавшие от землетрясения города, и большие и малые, фактически не оказывали сопротивления.

Да, пожалуй, хотя капитан и руководствовался эмоциями, время для начала боевых действий он выбрал верно.

На южном горизонте маячила мрачная фиолетовая гора. До Чарандапраша оставалось не более двух дней пути. Капитан намеренно замедлял продвижение армии, с тем, чтобы дать солдатам возможность пополнить запасы съестного с помощью охоты. Подтягивались

все новые и новые силы — численность наших войск неуклонно возрастала. Кавалерия Могабы пока не выказывала особого стремления завязывать с нами стычки. То и дело впереди поднимались к небу узенькие струйки дыма. Это происходило там, где обозам бегущего неприятеля не удавалось оторваться от высланных нами вперед конных разъездов.

Наш штабной конвой, понятное дело, не съезжал с дороги; рядом с нею теперь нередко валялись трупы, но наших среди них попадалось немного.

Костоправ вытряхнул меня из фургона Одноглазого и велел, пока мы на марше, больше не совать туда нос. Поэтому я, как и подобает знаменосцу Черного Отряда, ехал впереди штабной колонны верхом на огромном черном жеребце — в сопровождении вороньей стаи. Полагаю, что полученные пташками сведения вызвали у Душелова немалое удивление. Так, например, наше знамя весьма походило на тот самый штандарт, который несколько десятилетий назад Отряд получил из ее рук. На нем красовалась ее собственная эмблема — изрыгающий пламя звериный череп.

Дядюшка Дой с пикой и Бледным Жезлом — своим священным мечом — вышагивал рядом со мной. Он принял на себя обязанности телохранителя, поскольку Тай Дэй не отходил от своей матери. А так как мы возглавляли колонну, то и трупы первыми видели именно мы.

— Вот еще один малый, определенно смахивающий на Обманника, — заметил я, указывая на искромсанное тело. Хотя стояла зима, на покойнике не было ничего, кроме драной набедренной повязки.

— Вот и прекрасно, — отозвался дядюшка Дой и перевернул труп.

Этого парня явно изловил кто-то, питающий ненависть к его секте. Характер ранений указывал на то, что убивали его с особой жестокостью.

Это не пробудило во мне ни крупицы жалости. Такие, как он, убили мою Сари.

Пока все, что нам встречалось, являлось неоспоримым свидетельством нашего успеха. Но эти свидетельства почему-то не внушали уверенности. Дороги сходились. Силы накапливались и концентрировались. С каждым часом мы все ближе подступали к Чарандапрашу, а стало быть, и к Могабе с его четырьмя прекрасно обученными дивизиями, состоящими из ветеранов, готовых сражаться до последней капли крови. Все ближе к солдатам, которых он годами готовил к этой встрече. К настоящим солдатам, а не к бестолковым ополченцам, по большей части противостоявшим нам до сих пор. В присутствии таглиосцев Старик держался бодро, однако я знал, что и он не свободен от сомнений.

Мы имели численное превосходство, но наши солдаты не были вымуштрованы до автоматизма. И смерти они боялись больше, чем своих командиров. Ибо, в отличие от защитников Чарандапраша, не

знали, какую цену приходится платить всякому, кто разгневает Хозяина Теней. И наши солдаты не проводили время в бесконечных учениях, запоминая каждый валун на земле, где им предстояло сражаться.

13

Ветер, дувший прямо в лицо, доносил запах дыма и смерти. Какой-то солдат выкрикнул мое имя, и я обернулся. Ко мне направлялся капитан в устрашающих черных доспехах Вдоводела, изготовленных для него Госпожой. Его сопровождали вороны. В тысячный раз я призадумался о его отношениях с Душеловом.

— Ты посылал за мной?

— Мне кажется, есть кое-что, о чем тебе следует знать. Сам я этого пока не видел, но о чем речь — догадывался.

Он махнул рукой:

— Поехали.

Мы поднялись по пологому склону и остановились у лежавших неподалеку шести мертвых тел. Все они были низкорослыми темнокожими людьми, слишком старыми для того, чтобы быть солдатами. Они валялись вокруг костра, укрытого в выкопанной в твердой земле яме. Костер еще дымился.

— Где люди, которые их убили?

— Уж во всяком случае не отираются поблизости. Ежели имеешь дело с такими, как эти, лучше поостеречься.

Костоправ недовольно хмыкнул, однако ход мысли простого солдата был ему понятен. Он снял свой безобразный крылатый шлем, и вороны, словно обрадовавшись предоставившейся возможности, тут же уселись ему на плечи. Старик, похоже, их просто не заметил.

— Кажется, мы привлекаем чье-то внимание.

Мне уже доводилось видеть таких же смуглых карликов — и давно, когда мы только пришли на юг, и позднее, в священном Роковом перелеске Обманщиков, где я заманил в засаду многих их вожаков. Тенеплеты, их еще называли «скринса», имели несчастье оказаться там по милости Хозяина Теней.

Эти карлики занимались тем же, что и те, в роще, — шпионили и строили козни с помощью стаи маленьких Теней.

Костоправ жестом указал на раны — у многих тенеплетов были вырваны целые куски плоти — и заметил:

— Недаром Госпожа предупреждала, что лучше держаться подальше от ее бамбуковых игрушек.

Госпожу мы уже почти нагнали. Она наступала в том же направлении, на несколько миль левее нас. Однако, если она и Костоправ украдкой обменивались поцелуями, то разве что с помощью магии. Костоправ торопился и не намеревался замедлять продвижение даже ради того, чтобы объединить все силы под своим командованием.

За спиной у него висел бамбуковый шест — как и у меня. Как и у всех прочих в основном корпусе. Некоторые таскали их целыми связками.

— О?

— Ее хватит удар, если это превратится в привычку. — Костоправ явно забавлялся. — Она никогда не была склонна разносить все в пух и прах.

Так или иначе, обычному пехотинцу нет дела до конструкции оружия. Главное, чтобы оно позволяло ему делать свое дело с наименьшим риском для жизни. Бамбуковые трубки предназначались для истребления губительных Теней. Ну и что с того? Ежели парень знает, что эта хреновина помогает против паршивых маленьких колдунишек, что он, по-вашему, станет делать?

Шпок!

14

Озеро Тангаш мы углядели примерно за час до наступления ночи. Неожиданно открывшийся вид был столь ошеломляющим, что я замер на месте.

Холодное серое озеро имело в поперечнике не одну милю. Справа от нас, где проходила наша дорога, оно становилось несколько уже. Слева берег был гористым, холмы сбегали к самой воде. Казалось, будто Данда-Преш вырастает прямо из воды: дальний берег обрамляли серые горы, темные у подножия и более светлые у вершин, где лежал вечный снег. Какой-то игривый бог накинул на горный массив тонкое покрывало облаков так, что казалось, будто скалистые пики поддерживают волшебный ковер. И серым-серо.

— Впечатляет? — спросил Костоправ.

— Не то слово. Глазами Копченого все видится совсем по-другому. — Он нахмурился, хотя подслушать нас никто не мог. Поблизости не было даже ворон.

— Посмотри-ка туда.

В нескольких милях впереди полыхала прибрежная деревушка. Взметнувшийся из пламени яркий голубой шар пролетел над водой, едва не угодив в утлую лодчонку. Гребцы попытались подналечь на весла, но с перепугу только мешали друг другу. И тут на них брызнул дождь светящихся точек — не только голубых, но и зеленых, желтых, розовых и фиолетовых — каких-то невообразимых оттенков. Одному из гребцов летающий огонек угодил прямо в горло. Тот подскочил и свалился за борт. Лодка накренилась и зачерпнула воду. Корма ее моментально поднялась вверх.

Сверкающий шар пропорол днище, оставив зияющую дыру. Правда, по большей части огненные шары в цель не попадали. Они пролетали над озером, постепенно теряя скорость. В конце концов их

подхватывал и уносил прочь ветер. На лету они блекли и растворялись в воздухе.

Происходившее не могло не привлечь ворон. Целая их стая с карканьем закружилась над нашими головами. Потом две самые здоровенные птицы уселись на плечи Костоправа, а остальные разбились на пары и рассеялись по окрестности.

Лодка затонула.

Судя по всему, она направлялась к каменистому островку, на котором красовалась дюжина чахлых сосенок да скудная поросль столь же убогих кустов. Подлетевшая поближе ворона неожиданно сложилась и упала в воду. Она осталась на плаву, но больше не трепыхалась.

Капитан нахмурился.

— Мурген,— распорядился он,— спускайся вниз по склону, туда, где можно укрыться от ветра. Найди подходящее местечко, чтобы окопаться на ночь. Люди должны быть размещены только по эту сторону кряжа. Я хочу, чтобы был выставлен удвоенный караул. И чтобы два батарейных фургона держали этот остров под постоянным прицелом.

Вороны на его плечах пришли в возбуждение, но я не обращал на них внимания. Мне казалось, что в последнее время Старик становился похожим на привидение. И не был склонен отвечать на какие-либо вопросы.

Одна из ворон закаркала. Костоправ огрызнулся в ответ. Затем он спешился, забрал у ближайшего солдата бамбуковый шест и зашагал вниз по склону. Его скакун следовал за ним по пятам.

Подтянувшиеся солдаты двинулись за капитаном, на ходу разворачиваясь в стрелковую цепь. Я не мог отстегнуть свой шест, потому что ехал верхом да еще и держал знамя, так что мне оставалось лишь следовать за пехотой. Дядюшка Дой образовал тыловое охранение, состоявшее из него одного.

Неожиданно из укрытия выскочили два тенеземца. Они метнулись к воде, но уже в следующее мгновение были буквально утыканы стрелами. Полученный нами приказ предписывал не брать пленных. Тенеземцев предупреждали. На размышления им было дано четыре года, и они сами сделали свой выбор.

Тем временем солдаты принялись устраиваться на ночлег — подыскивать удобные местечки и разводить костры. Подтягивались все новые и новые силы. Наша штабная команда пристроилась с подветренной стороны здоровенного утеса. Все изрядно промерзли и недовольно ворчали. Отдельные пессимисты начали поговаривать о том, что вот-вот выпадет снег. Я укрепил знамя и вместе с дядюшкой Доем принялся готовить ужин. Слуг в нашем войске не имелось ни у кого. Потому как слуги имеют обыкновение уплетать за двоих, а провиант нужен солдатам.

На ужин предлагался рис и сушеные фрукты. Мы с Костоправом намеревались добавить к этому несколько ломтиков вяленой

говядины, а дядюшка Дой — чуток сушеной рыбы. Но многим солдатам их верования запрещали употреблять в пищу плоть живых существ.

— Не худо бы выяснить, водится ли в этом озере рыбешка, — заметил я.

— Как мне кажется, здесь может ловиться форель, — отозвался Старик, бросая взгляд на воду. Но даже не заикнулся насчет того, чтобы взять да чуток порыбачить.

Подошли батарейные фургоны. В каждом из них на походившей на кровать раме в четыре фута шириной и десять длиной были установлены бамбуковые трубки. Эти батареи представляли собой одно из лучших военных измышлений Госпожи. За расположением фургонов капитан надзирал лично: им он придавал особое значение. Это и понятно — при такой облачности стемнеет достаточно быстро. А как только стемнеет, начнут шнырять Тени.

К востоку от озера, где по пересеченной местности наступало левое крыло корпуса Госпожи, в воздух взмыл единственный светящийся шар.

Пролетев некоторое расстояние в южном направлении, он потерял скорость и начал медленно терять высоту. Следом за ним взлетело еще несколько шаров: все разных цветов.

Солдаты задергались.

Из ближайшего фургона донесся хлопок. Зеленый огненный шар, отражаясь в воде, прочертил воздух над озером. Ветер стих, и поверхность озера почти не рябила. Я нервничал куда больше, чем большинство наших солдат, потому что мне доводилось видеть, на что способны эти вонючие коротышки — тенеплеты. И слышать, как истошно вопят пожираемые изнутри люди.

Впрочем, рассказов об этом солдаты наслушались вдосталь. Уж сегодня-то ночью часовые наверняка не сомкнут глаз.

Зеленый шар устремился к тому островку, и я перевел дух. Может, все дело в том, что у страха глаза велики, а на самом деле никакой опасности нет?

Расчеты бамбуковых батарей с определенными интервалами выпускали один шар за другим. К острову шары не летели. Люди начали успокаиваться, да и ко мне стала возвращаться уверенность. В конце концов я завернулся в одеяло и, улегшись на спину, стал любоваться тем, как прочерчивают небо светящиеся шары. Приятно было знать, что Тени не смогут застать нас врасплох.

Я слышал, как парни из батарейных расчетов заключали пари на то, какого цвета шар вылетит следующим. Строгой последовательности в этом не было. Стрельба безо всякой цели расхолаживала. Существовала опасность того, что скоро вояки устанут и примутся ворчать — чего ради им приходится обстреливать озеро, тогда как все прочие давно завалились на боковую.

15

Когда кто-то толкнул меня в бок, мне снился довольно причудливый сон, в котором фигурировали Радиша и Корди Мотер. Я застонал и приподнял веко. Зная, что мне, как готовившему ужин, не положено заступать в караул, я выругался, натянул на голову одеяло и попытался вернуться во дворец, где Мотер спорил с Радишей по поводу ее намерения навесить на Черный Отряд хомут, как только будет покончено с Хозяином Теней. Создавалось впечатление, будто я не просто видел сон, но каким-то образом присутствовал при самой настоящей беседе.

— Просыпайся! — Дядюшка Дой снова толкнул меня в бок.

Я попытался удержаться за сон. Было в нем что-то важное, неуловимо опасное. Что-то имевшее отношение к Радише и огорчавшее Мотера. Казалось, еще чуть-чуть, и я разберусь, в чем дело.

— Просыпайся, Костяной Воин.

Этим он меня достал. Я терпеть не мог, когда нюень бао называли меня так, тем паче что они не считали нужным объяснить мне значение этого прозвища.

— Кой черт? — проворчал я.

— Вставай. Тревога!

Из темноты выступил Тай Дэй.

— Одноглазый велел предупредить тебя, — сказал он.

— Ты-то зачем сюда приперся?

Рука его еще не зажила.

Я обернулся к капитану. Тот уже не спал. На одном его плече сидела птица, клюв ее шевелился возле самого его уха. Он окинул взглядом Тай Дэя и дядюшку Доя, но ничего не сказал, а устало поднялся на ноги, подхватил пару бамбуковых шестов и потащился туда, откуда можно было видеть озеро. Я последовал за ним, дядюшка Дой — за мной. Стоило подивиться тому, как бесшумно и ловко двигается этот приземистый и грузный старикашка. В темноте я не увидел ничего нового. Светящиеся точки то и дело прошивали гобелен ночи. Они походили на светлячков. Небо усеивали миллионы звезд. Тех ребят, которые поставили на снегопад, ждало разочарование.

— Тише, — прошептал Костоправ. Он к чему-то прислушивался, не иначе как к сидевшей на плече птице.

Интересно, а куда подевалась вторая?

Из фургона вылетел огненный шар — точно такой же, как и десятки до него. Однако неподалеку от острова он резко уклонился вправо, снизился и разлетелся огненными брызгами.

В подернутой рябью воде ничто не отразилось.

— Тени!

В воздух взмыло еще с полдюжины шаров, что позволило определить границы двигавшегося через озеро извилистого темного потока.

Затем шары замелькали над развалинами деревни, той самой, что горела, когда затонула лодка.

Беспорядочная стрельба наводила на мысль о панике.

— Развернуть фургон,— приказал капитан.— Надо поддержать наших огнем. И посмотрим, вдруг да удастся поднять сюда еще парочку фургонов.

— А вы,— обратился Костоправ к расчету второго фургона,— займитесь этим островом. Мурген, мне потребуются все стрелки до единого. Пусть поднимаются сюда.

Я растолкал парочку все еще храпевших горнистов, и они сыграли общую тревогу.

Обе батареи открыли огонь одновременно. Расшатанные поворотные механизмы скрипели и дребезжали, бамбуковые трубки яростно выбрасывали в ночь вереницы огней. Интересно, сколько шаров может выпустить фургон?

Наверняка чертову прорву.

Кавалерийская трубка была рассчитана на пятнадцать зарядов. Легкие и тяжелые пехотинцы снабжались орясинами, способными произвести соответственно тридцать и сорок выстрелов. В фургонах же сотни трубок, и они гораздо длиннее переносных.

Светляки заметались с безумной скоростью. Каждый выпущенный шар устремлялся вперед, навстречу Теням. И каждый последующий угасал все ближе к берегу.

— Уйма Теней,— лаконично заметил Костоправ.

Это было в новинку, хотя чего-то подобного мы опасались уже давно. Опасались Теней, которые не шпионят и не убивают исподтишка, а нападают открыто, волна за волной.

Старик казался спокойным. А вот я, чтоб мне провалиться, чуть портки не обмочил. И даже отбежал назад, правда недалеко. Ровно настолько, чтобы прихватить отрядный штандарт и связку бамбука. Воткнув знамя в землю рядом со Стариком, навел шест на юг, нащупал спусковой механизм и потянул за рычаг.

При каждом повороте на четверть окружности с конца шеста срывался очередной огненный шар.

— Давай-ка, братец, хватай и ты какой-нибудь бамбук,— крикнул я Таи Дэю.— Да и ты, дядюшка. Похоже, эту хренотень мечом не отгонишь.

Проносившиеся дугой шары позволяли наблюдать за продвижением направляющегося в нашу сторону темного вала. Светящиеся разряды, словно град, рассекавшие непроглядный мрак, вспыхивали, а затем тускнели и гасли.

Черная стена являла собой то, чего мы так долго боялись,— вынущенную на волю адскую мощь Хозяина Теней.

Шары поглощали Тени тысячами, но угасали и сами, а темный поток неуклонно продвигался вперед. В отличие от смертных солдат, Тени, невзирая ни на какие потери, не могли обратиться в бегство. Колдовство вынуждало их двигаться только вперед.

Мой шест иссяк, и я схватил другой. Тай Дэй и дядюшка Дой сообразили наконец, что к чему, ухватились за трубки и занялись делом. Правда, Тай Дэй действовал не слишком ловко, но одной рукой много не настреляешь.

Темный прилив схлынул с поверхности озера и направился вверх по склону. По мере его приближения я начинал различать отдельные Тени. Впервые я столкнулся с этой гадостью, когда мы только-только вступили в Таглиос. В те времена Хозяев Теней было четверо, и они могли дотянуться куда дальше, чем один Длинотень теперь. Тогда тенеплеты-скринса явились на север, чтобы уничтожить нас. Но ни хрена у них не вышло. Правда, в то время они использовали маленькие Тени, немногим больше моего кулака. В те дни мне не доводилось увидеть Тень крупнее кота. Нынешние же превосходили размером рогатый скот. Огненные шары растворялись в них безо всякого эффекта. Я собственными глазами видел, как некоторые сгустки тьмы выдерживали по множеству ударов.

— Может, Госпожа не так уж предусмотрительна,— пробормотал я.

— Лучше подумай, каково бы всем нам пришлось, если бы не ее предусмотрительность,— возразил Костоправ.

Мы уже давно отдали бы концы.

— И то правда.

Ближе. Ближе. Темная стена находилась теперь всего в ста ярдах. Тени изрядно поредели, число их поубавилось, но двигались они все так же неумолимо.

Наводить бамбуковые батареи вниз было невозможно, и фургонам пришлось перенести огонь на остров.

Дядюшка Дой закричал и схватился за свой Бледный Жезл. Не представляю, каким образом он рассчитывал с помощью меча нанести урон надвигавшемуся на нас сгустку тьмы. Мелкие Тени уже шныряли вокруг нас.

Силясь не поддаться панике, я попытался прожечь дыру в приближавшейся Тени. Смерть подступала все ближе и ближе.

Все больше мелких Теней мелькало среди валунов. Огненные шары начали падать в расположении наших войск. Раздались истошные крики.

Шквал огненных шаров ударил в темную массу, и она превратилась в пылающий костер. Движение волны замедлилось, но все же не остановилось совсем, она лишь вздыбилась, словно

готовый напасть медведь. С силой крутанув спуск, я заорал что-то нечленораздельное. Смертоносный сгусток адского дыхания силился дотянуться до меня, но не мог. Создавалось впечатление, будто в последний момент эта хреновина натолкнулась на какую-то невидимую, но неодолимую преграду.

Тьма воздействовала на психику, внушая подавляющий волю замогильный ужас. Я ощущал голод, ведомый лишь неумершим, чуял запах душ, ведомый мне по кошмарным снам об усыпанных костями пустынях и старцах, заключенных в ледяные коконы. Ужас крепчал. Я дергал и дергал за рычаг, не замечая, что мой шест давно разрядился.

Тень продолжала тянуться ко мне до тех пор, пока очередной шквал огненных шаров не развеял тьму, заставив смолкнуть ее леденящий шепот. Атака захлебнулась. Теперь лишь шары, выпущенные в сторону острова, находили себе цели.

Последовал мощный обстрел со стороны корпуса Госпожи: ее ребята быстро сообразили, что происходит. Огонь был настолько плотен, что казался способным испепелить не только Тени, но и сам остров.

Через некоторое время Костоправ приказал снизить интенсивность обстрела до уровня предупредительного огня.

— Не стоит тратить заряды попусту,— пояснил он.— Нам еще не раз предстоит встретиться с этим дерьмом.

С полминуты он задумчиво таращился на меня, а потом спросил:

— Как вышло, что это оказалось для нас неожиданностью?

Сказал он это на языке Арчи.

— С меня-то какой спрос,— отозвался я на форсбергском, поскольку на языке Арчи говорил не слишком-то бойко.— Мне было велено таскать знамя.

— Дерьмо! — выругался он без особой злости.— Дерьмо поганое. Тоже мне, умник выискался...

Над озером разнесся дикий, истошный вопль. Солдаты Госпожи выпустили множество огненных шаров в какую-то летящую цель, сорвавшуюся с острова и устремившуюся в южном направлении.

— Ревун!

— Никак нам удалось нагнать на них страху, командир. Хозяин Теней пустил в дело серьезных ребят.

Костоправ скривил губу. Но не шибко. В последнее время с чувством юмора у него слабовато. Возможно, он утратил его, когда был в плену у Душелова. Или когда вернулся и узнал, что стал папашей, только вот увидеть свое чадо едва ли сподобится.

Ревун ускользнул.

В конечном счете, в лагере объявили отбой. Но в эту ночь толком не поспал никто.

16

Рассвет все-таки наступил. К этому времени солдаты, которые не смогли заснуть, успели предать земле или огню тела павших, так что мне не пришлось смотреть на искаженные мукой лица.

Зато я видел искаженный мукой ландшафт. Окрестности озера выглядели так, словно здесь целый год напролет бушевала гроза и берега исколошматили молнии. Некоторые из наших солдат осмелели настолько, что стали спускаться к озеру и подбирать дохлую рыбу. От той хреноты, что насела на нас ночью, не осталось и следа.

— Ты мог бы проводить с Копченым малость побольше времени, — предложил Костоправ. По сути, это было не предложение, а приказ, хотя и отданный весьма неохотно. Старик больше не рассчитывал на Одноглазого.

— Одноглазый все-таки послал предупреждение, — сказал я, оглядевшись по сторонам и убедившись, что никого из родственничков поблизости нет.

— Но я бы не назвал это предупреждение своевременным. Длинноень и Ревун не могли подготовить эту ночную атаку за один день. Нам следовало быть готовыми.

— А может, наше ротозейство обернулось к лучшему?

— Это как?

— Устрой мы засаду, они бы поняли, что мы предупреждены, и уж наверняка задумались бы о том, как это у нас получилось. А после случившегося они будут просто-напросто клясть Госпожу за ее догадливость.

— Пожалуй, ты прав. Но сведения нам все равно нужны. Чем больше, тем лучше. Займись этим, только не зацикливайся на блуждании с духом.

— А как насчет знамени? Я не знаю, где сейчас Дрема, а другого подходящего брата под рукой нет.

Тому, кто не входил в Отряд, не полагалось касаться наших священных реликвий. Знамя — а точнее пика, на которой был укреплен штандарт, — являлось единственным реликтом, сохранившимся со времени возникновения Черного Отряда. Даже самые древние Анналы переписывались, переводились с языка на язык, и до нас дошли лишь позднейшие копии.

— Я все устрою, — сказал Костоправ. — Ты чуток прихворнешь, и тебе придется некоторое время ехать в фургоне.

Сказано — сделано.

В жутковатых доспехах Вдоводела и со знаменем в руках Костоправ выглядел устрашающе. Казалось, что его окружает мрачная аура. В значительной степени это впечатление вызывалось чарами, той магией, что год за годом, слой за слоем запечатлевала Госпожа в этой броне. Хотя при всем том Вдоводел представлял

собой не более, чем пугало, лишенное реальной силы. Предполагалось, что этот образ должен наводить суеверных остолопов на мысль о чем-то сверхъестественном.

Таков же был и образ Жизнедава, избранный Госпожой для себя. Но ее доспех вошел в легенду. А может быть, и с самого начала представлял собой нечто большее, чем просто пугало?

Когда Госпожа облачалась в эту броню, она становилась похожей на одно из воплощений богини Кины. Многие солдаты — ее собственные, не говоря уж о неприятельских, — искренне верили в то, что, принимая облик Жизнедава, она и впрямь становится одержимой этой мрачной богиней. Мне эта идея совсем не нравилась, но Госпожу подобное предположение отнюдь не обескураживало.

Это заставляло вспомнить о подозрении, возникшем у меня при прочтении добытого у нее тома Анналов.

Возможно ли, чтобы она служила орудием Матери Ночи? И если да — то осознанно ли? По доброй ли воле?

Когда я заявил, что занедужил и некоторое время вынужден буду ехать в фургоне, дядюшка Дой и Тай Дэй посмотрели на меня с подозрением. Дядюшка Дой наверняка знал, что в фургоне везут Копченого, и хотел бы выяснить, чего ради мы потащили с собой на войну обморочного кудесника. Впрочем, нажимать на меня он не стал. И продолжил внимательно присматриваться к Костоправу.

— Как дела, Щенок? — спросил Одноглазый, когда я залез в фургон. Голос его звучал уныло. Не иначе как Старик устроил ему основательную выволочку. И не в первый раз.

— Сегодня ночью ты пропустил изрядную забаву.

— Не думаю. Староват я для таких переделок. Ежели Старик живехонько не доставит нас в Хатовар, я, пожалуй, пошлю все это подальше и займусь выращиванием лука.

— У меня есть семена хорошей репы. И брюквы. Пожалуй, мне потребуется управляющий...

— Что? Работать на тебя? Хрена лысого, не дождешься! Но я знаю местечко, где можно недорого разжиться клочком недурной землицы. В Доджан Прайне. Пожалуй, стоило бы взять с собой Гоблина. Пусть-ка поковыряется на грядках.

Он просто трепался, и мы оба прекрасно это понимали.

— Коли ты собрался заняться хозяйством, тебе без бабы не сдюжить. Моя теща подошла бы тебе в самый раз.

— Я хотел свести ее с Гоблином, — с кислой миной отозвался Одноглазый. — Задумка была что надо, а он, гад, взял да и смылся. Теперь о нем ни слуху ни духу.

— Небось богам твои дурацкие шутки не глянулись.

— Ни хрена подобного. Но тебе не мешало бы на боковую. А то выглядишь так, будто всю ночь глаз не смыкал.

И тут, словно демон, вызванный заклинанием, из-за угла, переваливаясь с боку на бок, появилась матушка Гота. Одноглазый содрогнулся. У меня перехватило дыхание. Предполагалось, что она нахо-

дится где-то на дороге, далеко отсюда. Впрочем, и Тай Дэй должен был отдыхать и залечивать руку.

Старуха тащила столько оружия, словно собралась им торговать. Она подняла глаза. И, вместо того, чтобы привычно насупить брови, улыбнулась Одноглазому, показав редкие зубы.

Одноглазый устремил на меня взгляд, полный безнадежной мольбы.

— Боги шуток не понимают. Им не понять даже одну-единственную шутку, один-единственный раз... Не напрягай его, Щенок.

— Мне удалось унять его кашель, но вот супчик свой он ест плоховато.

Стараясь не смотреть на матушку Готу, Одноглазый взобрался на козлы и щелкнул кнутом.

Не теряя времени попусту, я устроился поудобнее и отправился в путешествие с духом.

Нравится мне слово «переполох» хотя бы тем, что его звучание как нельзя лучше соответствует смыслу.

Когда я прибыл в лагерь Могабы, в его окружении царил самый настоящий переполох, вызванный как сумасбродными донесениями Ревуна, так и тем, что на Чарандапраш колдун заявился отнюдь не в лучшем виде. Меткие стрелки Госпожи задали хорошую трепку и его ковру, и ему самому.

Существенным было то, что Ревун и Хозяин Теней, затевая свою ночную забаву, и не подумали посоветоваться с Могабой. Он просто бесился, как и должен беситься генерал, видя пренебрежение к его знаниям и опыту.

Вояки Ножа присоединились к силам Могабы. Костоправ поговаривал о том, что не худо было бы вбить между ними клин, но дальше разговоров дело так и не пошло. Чтобы разработать подобную операцию и задействовать в ней достаточно сил, у него просто не было времени.

Как обычно, именно командир, независимо от своих чувств, сумел в нужный момент отделить желаемое от возможного.

По прибытии Нож взял на себя командование левым флангом. Таким образом получалось, что на поле боя ему предстояло встретиться лицом к лицу с Прабриндрахом Драхом. Любопытно, что все военачальники основных сил тенеземцев, в том числе и командующий, являлись перебежчиками с нашей стороны.

Все они были толковыми солдатами, но Длинотень едва ли придавал этому значение. Главное для него заключалось в том, чтобы у них имелись веские основания избегать поражения и плена.

Я поспешил к Вершине, чтобы оказаться там в то время, когда Ревун станет докладывать последние новости с поля боя. Зрелище ожидалось препотешное.

Длинотень терпеть не мог дурных вестей — он начинал орать, брызгать слюной и вообще вести себя как чокнутый.

Слегка подправив свое положение во времени, я оказался на месте как раз тогда, когда голосистый колдун прибыл туда на своем изодранном — дырка на дырке — ковре. Удивительно, как эта штуковина не расползлась на нитки прямо в воздухе.

Длиннотень выслушал донесение Ревуна. И разозлился, однако винить своего союзника не стал. Что было странно, поскольку Хозяин Теней не отличался склонностью брать вину на себя.

— На сей раз она оказалась на шаг впереди нас,— заметил Ревун.

— Кто-нибудь из наших пережил эту стычку?

— Нет.

— Пожалуй, теперь следует держать их за Данда-Прешем и использовать только для разведки и связи. А как насчет скрипса? Из них кто-нибудь остался?

— В живых — нет.

— Ну и ладно.

Все это звучало жутковато. Ведь прежде Длиннотень не мог выслушивать плохие новости, не впадая в бешенство.

— Займись теми, кто еще жив,— порекомендовал Ревун.— Прикажи им учить своему мастерству всякого, кто проявит хотя бы крупицу способностей. Если твой бравый генералишка подведет и Отряд прорвется через Чарандапраш, этим тенеплетам цены не будет.

Длиннотень что-то пробурчал, поправляя маску, а потом спросил:

— Ты ведь знаешь эту бабу, Сенджак. У нее и вправду достанет мощи, чтобы совершить прорыв?

— В прежние времена хватило бы, и с избытком. Не исключено, что она достаточно сильна и сейчас. Может и прорваться, ежели мы первыми не ввяжемся в дело и не отвлечем ее, до тех пор, пока наши войска не истребят ее солдатню.

Мне показался любопытным тот факт, что, говоря о нас, они полагали, что заправляет всем именно Госпожа. Что, впрочем, и не диво. Тот же Ревун так долго служил у нее на побегушках — по существу, являлся ее рабом,— что не мог думать о ней иначе чем о повелительнице. К тому же им трудно было поверить, что паша армия могла расколошматить их воинство, не прибегая к помощи сверхъестественных сил.

— И много их наступает? — спросил Длиннотень.

— Немало. Правда, они уже не те, что прежде. Среди них полно всякого отребья. А попытки прокормиться с земли, уже опустошенной фуражирами, не добавляют им сил.

Так оно и было. Я бы не поручился за то, что наша орда на сто процентов состоит из настоящих бойцов. К тому же, сколько бы дорог мы ни проложили, завершающий участок пути придется проделать по бесплодной, пустынной местности.

— Их больше, чем нас?

— Да, бойцов у них больше. Все говорит о том, что они предприняли это наступление из политических соображений. Таглиосские святоши уже оправились от удара, который мы нанесли им четыре года назад. Они начинают присматриваться к обстановке и оценивать возможности. Вот она и предприняла отвлекающий маневр. Лазутчики Сингха в один голос утверждают, что никто из таглиосской знати и высших жрецов не верит в успех этой кампании.

— Отдохни немного и подготовь другой ковер. Видимо, мне придется рискнуть и отправиться туда. Я хочу оказаться там прежде, чем Могаба поддастся искушению и затеет драку со своими врагами.

Даже теперь, когда катастрофа на неопределенное время приостановила строительство Вершины, Длиннотень не собирался предпринимать контрнаступление.

Я, конечно, не великий полководец, но мне довелось несколько раз перечитать Анналы. Так вот, я ни разу не встретил там упоминания о военачальнике, который бы выиграл войну, не отрывая задницу от стула.

И хоть я на дух не переношу Могабу, в профессиональном смысле мне стоило бы его пожалеть. Чуточку. Перед тем, как я перережу ему глотку.

17

Вернувшись с Вершины, я обнаружил, что с Копченым все в порядке. Я покинул мир духов и использовал это время для того, чтобы покормить и напоить его и подкрепиться самому. Он был невероятно грязен. Одноглазому и в голову не приходило его помыть, так что заняться этим пришлось мне. Фургон дребезжал, его швыряло из стороны в сторону. Покончив с этой паршивой работенкой, я решил облегчиться и выглянул наружу.

На расстоянии броска камня от фургона тащилась вся семейка Кы. Одноглазый бросил на меня хмурый взгляд. Ему не нравилось, когда они отирались поблизости. Особенно матушка Гота, которая все время пыталась завязать с ним разговор. Я ухмыльнулся и отправился в кусты. Меня едва не приняли за отбившегося от своих тенеземского вояку, но удача мне не изменила, и в фургон я вернулся целым и невредимым.

— Хотел бы я,— ворчал Одноглазый,— наложить лапы на того придурка, которому пришло в голову назвать ту дерьмовую канаву, по которой мы едем, дорогой. От этой тряски у меня скоро задница в синяк превратится.

— Ты бы мог выйти в отставку, жениться да выращивать репу...

— Типун тебе на язык, Щенок. Скажи лучше, нашел ли что-нибудь интересное.

— Не то чтобы особо интересное. Но я собираюсь в дорогу. Как только ты закончишь трепаться...

— Сукины дети. Ты с ними по-хорошему, а они...

Левое колесо угодило в выбоину, фургон тряхануло, и Одноглазый заткнулся. А когда открыл рот снова, то забыл обо мне и принялся материть свою упряжку. Я пристроился к Копченому.

Поскольку пребывавший в бессознательном состоянии колдун сегодня казался особенно податливым, я решил, что пришло время испытать границы его возможностей. Проверить, не удастся ли подтолкнуть его поближе к тому, к чему он сам до сих пор отказывался приближаться.

Для начала я решил бросить взгляд на местность к югу от Вершины — удостовериться, не затеяли ли Длиннотень и Ревун что-нибудь новенькое. Кьяулун после катастрофы особого интереса к себе не вызывал. Вершина казалась олицетворением безумия и отчаяния. Дорога из города проходила мимо Вершины и поднималась вверх по усеянному валунами склону. Ездили по ней редко, однако она до сих пор сохраняла четкие очертания. И не зарастала: лишь кое-где пробивались самые упрямые сорняки.

Я попытался подтолкнуть Копченого в том направлении и добился не большего успеха, чем обычно. Иными словами, успел проделать половину расстояния между Вершиной и перевалом, прежде чем Копченый отказался двигаться дальше.

Когда-нибудь Черный Отряд поднимется по этой дороге. Никто никогда не проходил ее до конца, но мы пройдем. Потому что она ведет в Хатовар. По ней мы вернемся к нашим истокам.

Из Кьяулуна я направил Копченого на север, на поиски Душелова — злобной, свихнувшейся сестрицы нашей Госпожи. Но и тут не вышло. Кто-кто, а уж она умела заметать следы.

Я опустился на самого Старика и использовал способность Копченого перемещаться не только в пространстве, но и во времени, чтобы проследить за воронами, повсюду следовавшими за войском.

Одурачить трусоватого колдуна мне удалось лишь на миг. Но этого хватило для того, чтобы я смог увидеть проклятие Госпожи воочию.

Она находилась посреди пустыни, совсем одна, если не считать ее пернатых любимцев. Она ела: никто никогда не заставал ее за едой. Многие полагали, что Душелов вообще обходится без пищи. Выглядела она превосходно. На миг я ощутил острую боль, ту же, что испытал при первой встрече с Сари. Мысль о Сари заставила меня встрепенуться. Здесь, вне тела, я был избавлен от боли...

В тот миг, когда я позволил себе расслабиться, трусливая душонка Копченого, по всей видимости, смекнула, насколько близко подобрались мы к Душелову. Он отскочил прочь, словно его отшвырнуло. Я не противился. Мне и самому не мешало убраться оттуда подальше.

Душелов была безумной, и, может быть, потому безрассудно смелой. Ей ничего не стоило решиться на любой риск ради забавы. А сейчас, кажется, она пребывала в веселом расположении духа.

Если верить глазам Копченого — и моим,— она находилась всего в нескольких милях от центра наших маршевых колонн. Торчала чуть ли не посреди войска, и никто ее не видел. А ведь ей запросто могло прийти в голову нанести удар. Надо срочно дать знать Старику.

Или нет?..

Он и сам мог додуматься до того, что ворона не перелетная птица. На дальний полет ей не хватает терпения.

Я направил дух Копченого в Таглиос, во дворец. Похоже, мой выбор его устроил. Мы оказались в той самой комнате, где долгое время содержали его. Повсюду лежала пыль. Анналы оставались на месте, там, куда я их положил.

В другом крыле дворца Радиша решала повседневные вопросы государственного управления. Ее окружали жрецы, вожди и чиновники, по-прежнему делавшие вид, будто она замещает своего брата, Прабриндраха Драха. Пока все соглашались не замечать продолжительного отсутствия князя в государстве. Все шло нормально. По правде сказать, хотя вслух об этом никто не заикался, без князя государственный механизм функционировал гораздо эффективнее.

Я нашел Бабу и принялся виться вокруг нее, как въедливый комар, смещаясь во времени то назад, то вперед с тем, чтобы сунуть свой длинный нос в каждый ее разговор, за исключением тех, что она вела с Корди Мотером, когда они оставались наедине.

Я и так услышал достаточно, чтобы понять: Мотер привыкает к тому, что его используют. Но с такого рода использованием мужики, как правило, мирятся — во всяком случае, до поры до времени.

А вот ее беседы с некоторыми из верховных жрецов были довольно интересны, хотя и не так содержательны, как мне хотелось. Что поделаешь: Радиша выросла в отнюдь не располагающей к откровенности атмосфере дворца, где постоянно плелись интриги, строились козни и приходилось следить за каждым словом.

Держать слово, данное капитану и Отряду, она не собиралась. Вот те на. Правда, и на путь явного предательства Радиша еще не встала. Как и все прочие, она была уверена в том, что зимняя кампания или всего лишь отвлекающий маневр, в действительности вовсе не направленный против Хозяина Теней, или же, коли наступление все же настоящее, глупость, которая непременно закончится разгромом таглиосских войск.

И это при том, что после нескольких неудач мы добились несомненного успеха. Ну что ж, возможно, мы еще заставим ее пожалеть о своем коварстве.

Вроде бы больше выведывать было нечего. Гоблин не нуждался в присмотре. Со своим делом он вполне мог справиться без меня.

Отчасти из любопытства, отчасти же просто из нежелания возвращаться в реальный мир я решил заглянуть в недавнее прошлое моих родственников. Ничего, что оправдывало бы подозрительность Старика, обнаружить не удалось. Правда, нюень бао народ скрытный и не склонный откровенничать, особенно когда они находятся среди чужаков, к которым не испытывают ни любви, ни доверия. Тай Дэй и Дой наедине были столь же немногословны, как и в моем присутствии. Матушка Гота тоже. Если она и открывала рот, то лишь для того, чтобы в очередной раз посетовать на свою долю. Обо мне она придерживалась отнюдь не лучшего мнения. И не было часа, чтобы она хотя бы раз не помянула недобрым словом свою мать, за то, что та согласилась принять меня в семью Кы. Бывали моменты, когда и я не жаловал Хонь Тэй за то, что она навязала мне эту семейку.

Ну а что дальше? Возвращаться мне все еще не хотелось. Может, взглянуть на Нарайяна Сингха и Дщерь Ночи? Они торчали на Чарандапраше с Могабой и собирали под знамена Хозяина Теней остатки приверженцев паршивого культа Обманников. Едва ли они были способны устроить нам крупную пакость. Стало быть, я навещу Госпожу. О чем, само собой, потом доложу Костоправу.

Я не выискивал ее специально — просто, где бы она ни находилась, поблизости всегда оказывался кто-нибудь, за кем Отряду требовалось приглядывать — вроде Прабриндраха Драха или Лебедя Лозана.

На сей раз князя в лагере Госпожи не было. Чувство долга порой пересиливало в нем даже склонность принимать желаемое за действительное. Он находился среди своих солдат и занимался делом.

До Чарандапраша было уже не слишком далеко. Нам предстояло обогнуть озеро, пройти холмами и долинами и оказаться у горловины единственного прохода через Данда-Преш.

Лебедь, конечно же, находился рядом с Госпожой. И выглядел озабоченным, как когда я всматривался в прошлое, так и когда заглядывал в настоящее. У Госпожи имелись проблемы, которыми она не хотела делиться ни с кем. Выглядела она так, словно не ложилась спать невесть сколько времени. Правда, привычки спать подолгу за ней не замечалось и в лучшие времена. Но то, что она забыла обо сне сейчас, в преддверии решающего сражения, которое могло стать поворотным пунктом в истории Отряда, наводило на мысль об отсутствии у нее веры в будущее.

Однако, перемещаясь во времени, я смог раскопать нечто, похожее на объяснение. Госпожа действительно не спала. Возможно, из-за того, что сны ее были не лучше некоторых моих. Вороны к ней почему-то не приближались, хотя она не обращала на них внимания, поскольку была настолько поглощена делом, что даже не следила за своей внешностью — не то, что ее сестрица. Неужто она из тех баб, которые, заполучив мужика, перестают следить за собой?

Впрочем, она все равно оставалась прекрасной — во всяком случае, в глазах Лебедя Лозана. Этот малый был безнадежно влюблен в нее уже целых четыре года и, пусть даже безо всякой надежды на успех, использовал свое положение командира Тронной гвардии как предлог для того, чтобы неотлучно находиться при ней.

Итак, о чем же мне докладывать? О том, что Госпоже необходимо малость отдохнуть? Возможно, и так. Изнеможение способно сказаться в критический момент, когда исход дела будет зависеть от ясности ее ума. Покинув лагерь Госпожи, я пролетел над озером Тангаш, выглядевшим впечатляюще даже с точки зрения Копченого, где не было ни тепла, ни холода, ни голода, ни боли. Ничего, кроме факта существования и способности созерцать.

А также страха.

Из сгущавшейся тьмы над южной оконечностью озера поднялся жуткий призрак — многорукая, многогрудая женщина с вывернутыми черными губами, обнажавшими усмешку вурдалака. От такого зрелища немудрено было трухнуть.

Я и испугался.

18

— Ты в порядке? — спросил Одноглазый, когда я высунулся из фургона. На улице было темно. Он уже распряг лошадей, отпустил их пощипать травки у обочины, развел костер и теперь, устроившись на козлах, полировал копье. Гладкое, словно выточенное из слоновой кости древко украшала серебряная инкрустация — гротескные рельефные фигурки.— Ты метался и вопил что есть мочи.

— Спасибо, что ты обратил внимание.

— Не за что. Как я понимаю, мне не стоило беспокоиться. Старуха сказала, что ты каждую ночь орешь как очумелый.

— Пожалуй, так и есть. Мне просто-напросто наминают бока детали твоего самогонного аппарата.

Я, конечно, соврал, но лишь отчасти, ибо не сомневался в том, что Одноглазый прячет где-то в фургоне нечто вроде перегонного куба. Даже в Деджагоре, в самые тяжкие дни осады, он и Гоблин ухитрялись добывать некую бурду, которую сами гордо именовали пивом.

Вот и сейчас он не сразу сообразил, что ответить, и тем самым подтвердил мою правоту. Да и то сказать, стоило этому паршивому фургону хоть ненадолго задержаться на одном месте, как фуражное зерно волшебным образом превращалось в мутное, вонючее, но определенно хмельное пойло.

— Зачем ты копье-то вытащил? — поинтересовался я.— Давненько оно мне на глаза не попадалось.

Это было не простое оружие. Одноглазый изготовил его специально для того, чтобы поражать Хозяев Теней.

— Я тут потолковал кое с кем из братьев, которые ошивались возле Госпожи. С Бадьей и с Рыжим. Пока ты дрых и храпел. Так

вот, парни сказали, что за последнее время аж три раза замечали здоровенную черную кошку. Вот я и решил, что на всякий случай не помешает иметь под рукой подходящую железяку.

Говорил он совершенно спокойно, но спокойствие это было деланным. Раз уж он взялся за копье, которое считал шедевром своего колдовского искусства, значит, угроза представлялась ему нешуточной.

По всей вероятности, «кошка» являлась оборотнем по имени Лиза Бовок — женщиной, превратившейся в пантеру и потерявшей возможность вернуть себе человеческий облик, поскольку Одноглазый укокошил ее наставника прежде, чем тот успел обучить ее этому фокусу. Она уже пыталась добраться до Одноглазого, и он не без основания полагал, что попытается снова.

— Попробуй ее поймать,— предложил я,— думаю, ежели Госпожа поработает с ней как следует, мы сможем использовать эту киску в своих целях.

— Дельная мысль, буду иметь это в виду.

— Я собираюсь встретиться со Стариком.

— Скажи ему, что я хочу вернуться домой. Здесь чертовски холодно, во всяком случае для такого старика, как я.

Я хихикнул, чего он от меня и ждал, и, разминая онемевшие ноги, потопал туда, где, по моим прикидкам, основанным главным образом на плотности лагерных костров, должен был находиться Костоправ.

Как хорошо, что у нас с Одноглазым вошло в обычай беседовать на древних наречиях. Я не успел пройти и двадцати футов, как из темноты выступил Тай Дэй. Он ничего не говорил, просто находился рядом и оберегал меня. Хотел я того или нет.

19

Марш продолжался. Фургоны и подводы переломались. Лошади охромели. Люди сбили ноги. Слонам явно не нравилась погода. Как, впрочем, и мне. Пару раз пошел снег, но падал он не мягкими хлопьями, как положено нормальному снегу, а какими-то колючими и кусачими, мгновенно таявшими дробинками.

До сих пор конница Могабы не предпринимала серьезных попыток преградить нам путь. Его всадники не доставляли нам хлопот до тех пор, пока наши фуражиры в поисках провианта не забирались слишком далеко от основных сил. По мне, так Могабу интересовали лишь сведения о продвижении нашей армии и он вовсе не собирался попусту терять солдат, пытаясь остановить нас в чистом поле, прежде чем мы доберемся до его укрепленных позиций.

Дело шло к вечеру, но никто почему-то и не думал отдавать приказ сделать привал. Солдаты угрюмо ковыляли по разбитой дороге, кляня пронизывающий ветер и обмениваясь мнениями насчет генералов, которые все как один чокнутые и сукины дети.

Я пошел искать капитана. И нашел. На плечах у него сидели вороны, целая стая вилась над головой. Он улыбался: единственный счастливый дурак во всей армии. Вот уж воистину всем генералам генерал.

— Привет, командир. Мы что, собираемся тащиться без передыху всю ночь?

— Так ведь до Чаранки осталось всего-то с десяток миль. Будет совсем не худо, если мы остановимся там. Поутру Могаба протрет глаза и увидит наш лагерь у себя под носом.

Что ни говори, а Старик жил в своем, вымышленном мире. Ему просто на роду было написано стать генералом. Он для этого созрел — коли и вправду считал себя способным перемудрить Могабу. Он не видел Могабы в Деджагоре. И вообще не присмотрелся к нему как следует.

— Мы притащимся туда в таком состоянии, — заметил я, — что он запросто сможет сплясать на наших костях.

— Сможет, да не станет. Длиннотень связал его по рукам и ногам.

— Он надерет нам задницу, а хозяину своему наврет с три короба.

— Ты-то наверняка так бы и сделал.

— Хм... очень может быть.

— Так вот, Длиннотень сам будет здесь и воли Могабе не даст. Ступай малость сосни. Я хочу, чтобы с восходом солнца ты уже сидел у Могабы на плече.

Дядюшка Дой находился всего в нескольких шагах от нас. Вид у него был такой, словно он все слышит и мотает на ус. Говорили мы на форсбергском, но я не был уверен в достаточности этой меры предосторожности.

Вороны никогда не отлетали далеко.

Из этого разговора я уразумел одно — у Костоправа все-таки имелся план. Хотя поверить в это было нелегко.

— Я не устал и спать не хочу.

Это было правдой. Вот есть и пить, как всегда после прогулок с Копченым, мне хотелось отчаянно. Но я имел возможность воспользоваться штабной кухней.

Прибывали все новые и новые посланцы.

— Думаю, — проворчал Костоправ, — подошло время объяснить людям, что они должны делать.

— С ума сойти, до чего оригинальная мысль. После стольких лет...

— Мурген, тебе не кажется, что Отряд может найти и другого пройдоху летописца. Сказано тебе отдыхать — вот и иди.

Старшие офицеры начинали собираться к нему на совет. Меня не пригласили, так что волей-неволей пришлось тащиться обратно в фургон. Там я набил пузо, вдоволь налакался воды и вновь отправился гулять с духом. Первым делом мы с ним поинтересовались, о

чем толкует Костоправ со своими командирами, но это оказалось пустой тратой времени. Узнал я очень мало. Говорил в основном сам Костоправ: развернув весьма подробную карту, он указывал каждому офицеру место, которое его подразделению предстояло занять перед встречей с Могабой. Удивило меня одно — Старик настаивал на том, чтобы Прабриндрах Драх занял позицию в центре, тогда как свои войска он намеревался поместить на правом фланге — все, кроме особо обученной боевой группы, которую он решил расположить за левым крылом Госпожи.

Любопытно. При такой диспозиции выходило, что наше правое крыло оказывалось лицом к лицу с той группировкой сил Хозяина Теней, которую возглавлял Нож.

Костоправ был полон решимости во что бы то ни стало заполучить Ножа со всеми потрохами.

— Почему это ты вдруг вздумал расположить войска таким образом? — сузив глаза, спросила Госпожа.— Мы обсуждали это три года, и...

— Потому, что ты нужна мне вся,— прервал ее Костоправ. За всю ее долгую жизнь Госпоже не часто приходилось сдерживаться. Вот и сейчас Костоправ почуял, что запахло жареным.— Если уж я не объясняю тебе, то и никто другой не узнает, в чем секрет моего плана.

Он предложил лакомый кусочек одной из своих ворон. Это помогло. Немного. Но Прабриндрах Драх и прочие командиры не догадывались о значении ворон для Костоправа.

Я покинул Копченого, подкрепился, да и ему дал немного супу. Для поддержания жизни Копченому требовалось совсем мало пищи. Возможно, он просто высасывает энергию из меня, как вампир. Затем я заснул и, как это бывало и раньше, видел сны, от которых по пробуждении в памяти оставались одни лишь обрывки. Кажется, там была Радиша. И Душелов. И замороженные старики вроде бы тоже были, но помнилось все смутно. Где-то вдалеке, кажется, маячила туманная крепость.

Бросив попытки собрать воедино обрывки снов, я вновь соединился с Копченым, решив проследить за реакцией неприятеля на наше продвижение.

В ночи вспыхивала жемчужная россыпь светящихся шаров. По склонам змеились огненные линии: множество факелов освещало путь наших маршевых колонн. Тенеземские полководцы созерцали все это молча. Один лишь Нож высказал предположение, что Костоправ жжет такую уйму факелов для того, чтобы его войско казалось внушительнее, чем оно есть на самом деле.

Они не выглядели встревоженными. Многие молодые офицеры уже предвкушали победу. Они надеялись, что после того, как мы будем разгромлены, Длиннотень даст им волю и по весне они выступят на север, дабы провести лето, разоряя вражеские земли.

Правда, командиры постарше — те, кому уже приходилось иметь с нами дело,— были настроены иначе. Они тоже верили в победу, но не рассчитывали, что одержать ее будет легко. И тем сильнее хотели нанести нам как можно больший урон.

И все же это море огней производило впечатление. Сам Могаба, похоже, больше думал о собственном наступлении, чем о том, как остановить нас здесь.

Так или иначе, все эти огромные армии были приведены в движение Черным Отрядом. А ведь всего пять лет назад весь он состоял из семерых оборванцев. Я хорошо помнил это время. Что бы ни случалось, триумф или катастрофа, Отряд продолжал существовать. Как продолжали вестись Анналы.

Вернувшись в свое тело, я заснул. А когда проснулся, наши передовые части уже подходили к равнине Чарандапраш. Во всех низинах, лощинах и оврагах клубился туман.

20

Фургон остановился. Вокруг царила суматоха. Я высунулся наружу. Туман. Все было затянуто густым, плотным туманом. Люди сновали туда-сюда с факелами в руках, но светлее от этого не становилось. За стеной тумана факелы казались тусклыми, как обманные болотные огни. В этом столпотворении никто не обращал на меня внимания.

Неожиданно появился Костоправ.

— Привет, командир. Ты выглядишь не лучшим образом.

— И то сказать. Так замотался, того и гляди задница отвалится.

Он забрался в фургон, бегло осмотрел Копченого и закрыл глаза.

— Ну и...

— Что еще за «ну и»?

— Ты здесь. С чего бы это? И где твои пташки? Все высматривают?

На миг мне показалось, что Старик уснул. Он ответил не сразу. Но уж ответил так ответил:

— Я прячусь. И от птиц тоже. Одноглазый их распугал.— Помолчав еще пару минут, он добавил: — Не нравится мне это, Мурген.

— Что не нравится?

— Быть капитаном, вот что. Я предпочел бы остаться лекарем и летописцем. Оно как-то спокойнее.

— Ты неплохо справляешься.

— Не так, как бы мне хотелось. К тому же, не будь я капитаном, у меня не было бы никаких дорогостоящих обязательств.

— О черт! А я-то думал, будто ты нашел себя в этом деле — выковыривать из дерьма всех и каждого.

— Единственное, чего мне когда-либо по-настоящему хотелось, — это отвести Отряд домой. Но они ни в какую не настроены помогать мне в этом.

— Наверняка никто не собирается открывать для нас какие бы то ни было двери. И уж Радиша меньше всех. В последнее время она частенько размышляет о том, что делать с нами.

— Так и должно быть, — улыбнулся Костоправ. — Я о ней тоже не забываю.

Помолчав миг, он продолжил:

— Ты ведь знаешь Анналы, Мурген. Ну-ка скажи, где у нас была самая кровавая битва?

— Догадываюсь, что именно здесь. Лет четыреста назад, в самом начале нашей истории. Но в сохранившихся Анналах об этом нет ничего, кроме туманных намеков.

— История может повторяться.

Он говорил без воодушевления. Без малейшего. Костоправ не был кровожаден.

Как и я, несмотря на свою озлобленность. Впрочем, нет. Мне очень хотелось, чтобы несколько тысяч мерзавцев поплатились за то, что случилось с Сари.

— Знаешь ли ты какой-нибудь способ удостовериться в подлинности тех фрагментов из утраченных Анналов, что забраны тобою у Душелова?

— Что?

Вопрос меня прямо-таки ошарашил. Ничего подобного мне и в голову не приходило.

— Ты хочешь сказать, что они могут оказаться фальшивыми?

— Я не мог прочесть их, но и без того понял, что это не подлинники, а всего лишь копии.

— Но значит ли это, что в них перевираются факты?

— Копченый верил каждому слову в тех текстах, которые имелись у него. Да и устная традиция подтверждает его взгляд на Отряд как на извечное пугало, хотя никаких определенных фактов в этих рассказах не содержится. Но изрядно удивляет то, что никаких других сведений о тогдашних событиях вообще нет. Словно у них не было свидетелей, не имевших отношения к Отряду.

— Что-то произошло? Но неужели все наши книги попросту фальсификация?

На какой-то миг мне показалось, что Костоправ устал от борьбы.

— Что-то произошло, Мурген. И происходит. Такое, в чем замешано нечто большее, чем мы с тобой, и Госпожа, и Хозяева Теней, и все такое прочее. Творятся странные вещи, и ничем другим их не объяснить. Я начал задумываться об этом с тех пор, как ты стал заглядывать в прошлое.

— Наверняка тут не обошлось без Душелова.

— Очень может быть — она ведь повсюду сует свой нос. Но, на на мой взгляд, дело не только в ней. Кто-то манипулирует нами, всеми нами, включая и Душелова. И я начинаю думать, что это происходит — и происходило — веками. Думаю, будь у нас начальные главы Анналов, имей мы возможность их прочесть, у нас сложилось бы совершенно иное представление о происходящем и о нашей роли в этих событиях.

— Как я понимаю, ты говоришь о том, на что намекала в своих книгах и Госпожа. О Кине. Дело в том, что я и сам пару раз видел ее во время своих блужданий с духом. Или же мне втемяшилось в башку, будто это Кина, именно из-за писаний Госпожи.

— Кина? Да, она. Или некто, желающий, чтобы мы сочли его Киной.

— Нам-то не все ли равно?

— Хм.... Кажется, ей опять видятся эти паршивые сны.

Я и сам придерживался того же мнения.

— Мне тоже так кажется. Выглядит она вконец измученной.

— Я много размышлял об этом по дороге сюда. Что еще делать, когда целые дни напролет трясешься в седле. Мне кажется, события стали разворачиваться слишком быстро для Кины. Те комбинации в игре Теней, которые разыгрывает она, рассчитаны на десятилетия. А то и на поколения, как в нашем случае. Возможно, одна из таких масштабных комбинаций начала действовать еще до того, как наши братья двинулись на север. Но теперь мы возвращаемся к истокам, и все происходит слишком быстро для нее. Чем сильнее она старается не выпускать события из-под контроля, тем более неуклюжими становятся все ее потуги.

— Например?

— Например, то, что она сделала с Копченым.

— А я думал, что это работа Душелова.

По правде сказать, веских оснований для такого предположения у меня не было.

— Может, и так. Возможно даже, что они обе охотятся за нами и при этом мешают одна другой.

Припомнив все, что можно было извлечь из книг Госпожи, я все же счел версию с Душеловом более правдоподобной. С точки зрения мифологии Обманников, Кина не обладала столь широкими возможностями для вмешательства в земные дела. Согласно их учению, для того, чтобы она смогла коснуться мира людей, разделяющий миры барьер должен быть разрушен с нашей стороны.

Я рассказал это Костоправу.

Тот пожал плечами:

— Послушай, я почти уверен в том, что Черный Отряд по чьему-то умыслу должен был полностью полечь в Деджагоре. До последнего человека, если не считать Госпожи. Предполагалось, что в живых останется лишь она. Ей предстояло умереть, когда душилы заберут наше дитя.

Я задумался.

— Стало быть, если бы тот малый, Рам, не увлекся Госпожой...

— Все было бы кончено. Кина заполучила бы Дщерь Ночи по эту сторону. С этого должен был начаться Год Черепов... — Я изображал заинтересованность, что, признаться, было совсем не трудно. Мне хотелось, чтобы Костоправ продолжал, так как хотелось верить, что прежде, чем он закончит, я успею сообразить, почему он поступал именно так. — Но случайные карты спутали ей всю игру, — завершил он.

— Случайные карты? Ты имеешь в виду Душелова? Она — козырная. Но есть еще и Ревун. Был Меняющий Облик — его ученица и сейчас где-то скрывается. Все они не были частью этого плана.

Это предположение никак не соответствовало ходу моих мыслей. Видать, мозги у меня работали не в том направлении.

— Будь осторожнее, Мурген. Не теряй связи со своими истинными чувствами. Не позволяй себе чрезмерно пристраститься к блужданию с духом. Эта хреновина — чем или кем бы она ни была — манипулирует нами, воздействуя на наши эмоции.

— Мне-то с какой стати беспокоиться? Я всего-навсего записываю происходящее.

Ответ Старика прозвучал загадочно.

— Прежде, чем все это закончится, знаменосец может оказаться даже более важной фигурой, чем Дщерь Ночи.

— Как так?

Он сменил тему:

— Скажи-ка лучше, в последнее время ты искал форвалаку?

Он имел в виду оборотня, ту самую не сумевшую сбросить звериное обличье ученицу Меняющего Облик, которую помянул минуту назад.

— Искал, — ответил я, — но не видел с тех пор, как по собственным следам вернулся на бойню в Ведна-Боте.

— Понятно. Спешить не стоит, но, когда представится случай, выясни, где она теперь. Сама себя она едва ли прикончит. На такое везение рассчитывать не стоит.

— О, это уж точно. Она жива-живехонька. Одноглазый уверяет, что она следует за нами. Мы с ним как раз на днях о ней толковали. Он считает, что она живет ради того, чтобы поквитаться с ним. За то, что он укокошил Меняющего Облик прежде, чем она научилась возвращать себе людское обличье.

Костоправ хихикнул.

— Ясно. Ничего, скоро старикан убедится в том, что он вовсе не пуп земли. Ладно, пусть нас ждут только приятные сюрпризы. А у Могабы — кишки наружу.

Он снова рассмеялся, на сей раз злорадно, и, уже вылезая из фургона, бросил:

— Скоро начнется представление.

Он и впрямь рассматривал военные действия как представление, нечто вроде игры. Не думая о том, что это игра со смертью.

21

Я вновь вился над головою Могабы. Я, Мурген, ангел шпионажа. Ревун и Длиннотень прибыли вскоре после рассвета. Оба полагали, что для противодействия Госпоже потребуются их совместные усилия. Похоже, по мере продвижения Госпожи на юг силы ее росли, как на дрожжах.

И тут меня осенило — это походило на религиозное откровение. Я понял, что за страх не давал покоя капитану. Он опасался, что Госпожа вернула себе былую мощь, заключив соглашение с Киной.

Мне и самому порой приходило на ум нечто подобное. Согласно всему, что я знал о чарах и колдовстве, утрата ею магической мощи после битвы в Курганье должна была стать окончательной и бесповоротной. Вся эта довольно путаная и невразумительная история была связана с истинными именами. Гуннитская мифология полна рассказов о богах, демонах и бесах, которые только тем и заняты, что скрывают свои подлинные имена в песках, ветрах и тому подобном с тем, чтобы враги не могли их опознать. Потому что узнавший имя вроде бы получал власть над тем, кто его носит. Все это казалось сущей бредятиной, но, как ни странно, срабатывало. Истинное имя Госпожи было объявлено, когда она в последний раз улаживала отношения с бывшим муженьком. Она осталась в живых, но, согласно всем мистическим канонам, превратилась в простую смертную. Которой многие желали смерти. Для бывших собратьев по ремеслу она представляла интерес как ходячая кладовая темных колдовских секретов. Знания остались при ней, хотя она и лишилась способности их использовать.

Ее имя больше не имело над нею власти. Но сама она, лишившись магической силы, видимо, не могла воспользоваться известными ей именами. Иначе давным-давно разделалась бы и с Ревуном, и со своей сестрицей. И не раскрыла бы их имена даже Одноглазому и Гоблину. Скорее бы умерла. Все-таки колдуны и кудесники — люди особого склада. Уверен, что Госпожа по-прежнему хранила немало важных секретов. Из подслушанных разговоров я знал, что Длиннотень готов был пожертвовать тремя или четырьмя пальцами, лишь бы только заполучить возможность воспользоваться знаниями Госпожи. И всякий раз, когда Длиннотень посылал Ревуна с заданием захватить Госпожу, что-нибудь не срабатывало. Уж не потому ли, что Ревун не желал еще большего усиления своего старшего партнера?

Когда-нибудь мне придется убедить Госпожу растолковать всю эту историю с именами так, чтобы это стало понятно даже такому

тупице, как я. Может быть, я смогу выудить из нее столько сведений об этом волшебстве, что тем из нас, кто заглядывает в Анналы, удастся получить хотя бы смутное представление о том, что же собственно происходит.

Когда сталкиваешься с колдовством, запросто можно обделать подштанники — тут уж никакое знание не убережет. Но в любом случае не вредно знать, что же скрывается за этими смертоносными светочами.

Тенеземские солдаты находились на своих позициях. Они сонно жевали полевой паек и занимались тем, чем всегда занимаются солдаты: поносили начальство. Я вертелся среди них, прислушиваясь к разговорам на тех языках, какие понимал. Некоторые окопные философы весьма красочно описывали характер и умственные способности генералов, которые выстроили войска в боевой порядок и заставляют людей торчать в полной готовности невесть сколько времени, тогда как последнему остолопу ясно, что в ближайшее время ничего не произойдет. Ничего. Потому как чертовы талы слишком устали для каких-либо действий. Ведь они всю эту чертову ночь провели на марше.

«Тал» — самое подходящее словечко, своего рода каламбур. Будучи уничижительным сокращением от «таглиосец», оно на некоторых диалектах, бытующих к югу от Данда-Преша, означает еще и дерьмо.

Ощущение было такое, словно я не один год прослужил бок о бок с этими парнями. Мы говорили на одном языке.

На безопасном расстоянии от передовой линии Могаба возвел для себя здоровенную наблюдательную вышку. Деревянную. По моему убогому разумению, ему довольно скоро предстояло счесть ее не слишком удобной. Длиннотень и Ревун присоединились к нему на смотровой площадке. Атмосфера была не праздничной, но и далеко не мрачной. По нашему поводу никто особо не беспокоился.

Длиннотень казался чуть ли не добродушным. Эта битва должна была стать кульминацией всех его замыслов. По ее окончании ему предстояло стать властелином мира, не имеющим соперников — кроме, возможно, некоторых союзников, не вполне разделявших его амбиции.

Я был задет тем, что нас, похоже, не принимали всерьез. Могаба сумел внушить всем этим людям уверенность в том, что они непобедимы. А солдаты зачастую именно таковы, какими себя считают. Уверенность ведет к победе. За все время, пока я наблюдал за ними, Ревун ни разу не завопил. Длиннотень ни разу не вышел из себя. Госпожа их, конечно, беспокоила, но особого волнения, какого можно было ожидать, — не наблюдалось.

22

Восходящее солнце уже начинало выжигать туман — повсюду, кроме нашего лагеря. С правого фланга Госпожи веял слабый ветерок. Там тлели костры, затягивая стоянку дымом. Тенеземцы могли видеть только лагерную обслугу, беспрерывно подносившую хворост, да вздымавшиеся над туманом и дымом осадные башни. Детали, из которых эти башни собрали, доставили с баржи, с реки Нагир, что стоило немалых усилий и еще большей брани.

На кой хрен их приволокли сюда, я решительно не понимал. Это не имело никакого смысла. Мы ведь не собирались штурмовать крепость. Правда, зная Костоправа, можно было предположить, что он затеял все это с одной целью — сбить Могабу с толку и заставить его теряться в догадках.

Вместе с духом Копченого я скользнул под дымовую завесу. Внутри все выглядело вовсе не так, как я ожидал. Солдаты спали. Только лагерные прихлебатели поддерживали огонь, собирали башни и выравнивали тропы, ведущие к позициям Могабы, проклиная тот день и час, когда родился Костоправ.

Солдаты, надзиравшие за их работой, не отличались снисходительностью. У Костоправа хватило ума сформировать рабочие команды из приверженцев одних конфессий, а в начальники им дать воинов, придерживающихся других религиозных учений и верований своих подчиненных отнюдь не поощряющих.

Некоторые детали плана Костоправа начинали проясняться, но собрать эти фрагменты воедино не было никакой возможности. Теперь задача заключалась в том, чтобы единственный человек, знавший все, оставался в живых до тех пор, пока... Эх, Мурген, Мурген... И где же хваленое взаимное доверие, свойственное Черному Отряду? Все это одна показуха. Ха. Вот Лебедь Лозан — рослый, красивый блондин, старающийся разобраться во всем еще активнее, чем я. Возможно, иногда интуиция помогала ему в какой-то мере понимать Госпожу. Но сейчас ему оставалось только растерянно ворчать.

Саму Госпожу я обнаружил неподалеку. Все происходящее ничуть ее не беспокоило. Заняв позицию на выступавшем над туманом холме, она сосредоточенно и спокойно наблюдала за проходом на тот случай, если Могаба что-то предпримет.

Я оставил ее и вернул Копченого в фургон. Настало время перекусить.

— Щенок,— заворчал Одноглазый, как только я открыл глаза.— Опять ты пропадал чертову уйму времени. Эдак ты когда-нибудь останешься там навсегда.

Мне это без конца твердили. Но ничего не случалось и, похоже, не должно было случиться. Мои опасения на сей счет потихоньку улетучивались.

— Есть что-нибудь интересное? — спросил я.

— Война, вот что. Так что давай не путайся под ногами. Чтобы исполнить свою роль, мне потребуется старый пердун. А ты разомнись, поешь чего-нибудь да свари ему супчику. Покормишь его, когда я закончу.

— Сам и корми его, «когда закончишь». Твоя работа, ты ее и делай. И нечего на меня перегаром дышать.

— Нет, не умеешь ты, Щенок, с людьми ладить.

— Ладно. Скажи лучше, мы собираемся что-то предпринимать?

— Нет. Хватит того, что мы протопали без передыху пятьсот дерьмовых миль посреди дерьмовой зимы ради того, что здесь, говорят, валежник шибко хорош для костров, чтобы готовить жратву на открытом воздухе. Все ребята ведут себя так, словно их опоили. Может, их и впрямь опоили. Точно не знаю. Это просто предположение. Я могу ошибаться. Отвязался бы ты лучше, Щенок. У меня дел по горло.

Все было затянуто дымом. И чем ближе к передовой линии, тем плотнее, буквально с каждым ярдом, он становился. Но я уже побывал там и теперь решил, что с любопытством можно и повременить. А потому болтался около фургона и ел. Ел, ел и ел. И пил. Выдул едва ли не весь запас Одноглазого. И поделом ему, потому что он грубиян и невежа. Я вспомнил Сари. И понял, что теперь буду думать о ней непрерывно. Близкая опасность заставляет человека сосредоточиваться на самом главном.

Кроме того, меня беспокоила близость Нарайяна Сингха. Живой святой Обманников находился всего в миле отсюда. Он поддерживал огонь в походном костре. Дщерь Ночи, плотно укутанная в одеяло, сонно озиралась по сторонам.

— Дерьмо! — спохватился я. — Пропади все пропадом!

Я едва не впал в забытье, почти не отличимое от реальности. Теперь я просто места себе не находил, ожидая, когда можно будет вернуться к Копченому. И проверить, действительно ли Сингх готовит завтрак. Мне было необходимо убежать от мучительных воспоминаний о Сари. И когда же наконец зарубцуются эти шрамы? Когда боль стихнет хотя бы настолько, чтобы мне не приходилось от нее убегать?

Я уставился на костер, пытаясь отогнать прочь горькие мысли. Это было все равно, что отдирать присохшие струпья. Чем старательнее пытался я сосредоточиться на чем-нибудь другом, тем больше думал о Сари. В конце концов костер закрыл передо мной весь горизонт, и мне показалось, что по другую сторону пламени я увидел свою жену: бледная, взъерошенная, но, как всегда, прекрасная, она, кажется, готовила рис. Создавалось впечатление, будто я заглядываю в собственное прошлое. У меня перехватило дыхание, и я вскочил на ноги.

Нет, только не это! Ведь я уже пережил эти провалы в прошлое, покончил с ними... разве не так?

Из фургона вылез Одноглазый.

— Эй, Щенок, все сделано. Он в твоем распоряжении, ежели нужен. Но тебе необходимо сделать перерыв. В ближайшее время все равно ничего не произойдет.

— Слушай, что за дерьмо жгут в наших кострах? У меня от этого дыма стали появляться видения.

Одноглазый всосал в себя пару галлонов воздуха, чуток попридержал дыхание, а потом выдохнул и разочарованно покачал головой:

— Вечно тебе что-то мерещится.

— Ничего подобного. Со мной такого отроду не бывало.

За мной и вправду такого не водилось. А стало быть, об этом стоило поразмыслить. Я огляделся по сторонам, чтобы узнать, кто мог меня слышать. Матушка Гота хлопотала у семейного костра, но она не столь хорошо владела форсбергским, чтобы услышанное заставило ее насторожиться.

Она сама назначила себя семейною поварихой — а это означало, что мне, несмотря на сгоняющие жирок путешествия с Копченым, предстояло заметно растолстеть. Эта женщина по-прежнему таскала с собой весь свой арсепал. И в тех редких случаях, когда брала на себя труд попрактиковаться с дядюшкой Доем или Тай Дэем, выказывала свое умение всем этим пользоваться. Со мной матушка Гота говорила мало. Она находилась здесь не из-за меня. Я представлял собой лишь досадную помеху. Она считала, что ничего этого не случилось бы, не встань тогда Хонь Тэй на пути здравого смысла и исконных обычаев.

Я бывал просто счастлив, когда матушка Гота не попадалась мне на глаза. Так как только один ее вид пробуждал во мне чувства, которые требовалось укрощать. Так, например, я не мог отделаться от мысли, что все могло сложиться не в пример лучше, когда бы матери Сари не приспичило остаться с нами. Возможно, тогда Сари осталась бы в живых. Так мне казалось, хотя, по правде сказать, никакой логики в этих предположениях не было.

Как бы ни манил меня Копченый, я решил терпеть боль. Когда-нибудь все равно придется к этому привыкать. В конце концов я решил прогуляться вокруг лагеря своим ходом. Там, по крайней мере, не придется дышать дымом. Едва я успел двинуться, как из тумана материализовался Тай Дэй.

— Гляжу, ты уже снял лубок и повязку, — заметил я. — Решил вернуться к своим обязанностям?

Он кивнул.

— А не рано ли? Если рука не зажила как следует, ты запросто можешь сломать ее в том же месте.

Тай Дэй пожал плечами. Ему осточертело быть калекой, и в этом он, вероятно, был прав.

— А что с дядюшкой Доем?

За последнее время старина Дой мне опостылел. С возвращением Тай Дэя появлялась вероятность того, что дядюшка поддастся порыву и попытается сам свершить отмщение. С точки зрения Тропы Меча, такое решение представлялось бы вполне разумным.

Тай Дэй снова пожал плечами.

Просто счастье, что этому малому не приходится молоть языком, чтобы заработать себе на жизнь. Боюсь, он окочурился бы с голодухи.

— Лучше помоги мне здесь, брат. Я буду весьма опечален, если этот достойный старец погибнет.

Дядюшка Дой отнюдь не являлся дряхлым стариком. Будучи старше Костоправа лет на десять, он отличался куда большей бодростью и прытью.

— Он этого не сделает.

— Рад это слышать. Но беда в том, что на это способен любой. Так что лучше напомни ему, чтобы он постарался не выглядеть слишком уж чудно перед людьми, которые нас не знают. Капитан не был с нами в Деджагоре.

Ни с того ни с сего Тай Дэй сделался словоохотлив.

— То, что он пережил, — ад.

Что верно, то верно. Правда, никак не ожидал такого замечания от нюень бао.

— Так оно и есть. И это изувечило его, точно так же, как Деджагор изувечил нас. Он больше никому не доверяет. Его путь — путь одиночества, тут уж ничего не поделаешь. А в особенности он не доверяет людям, чьи верования, побуждения и поступки ему непонятны.

— Дядюшке?

— Ты должен признать, что дядюшка Дой чудной человек, даже по меркам нюень бао.

Тай Дэй хмыкнул, втайне соглашаясь с этим определением.

— Он заставляет капитана нервничать. А капитан — человек весьма могущественный.

— Понятно.

— Надеюсь.

Обычно даже Дою приходилось клещами вытягивать из Тай Дэя слова, так что на сей раз я мог чувствовать себя польщенным его столь неожиданной разговорчивостью.

Я довольно много узнал о его детстве, в котором не было ничего примечательного, кроме того, что он рос вместе с Сари. Сам Тай Дэй считал, что над его родом тяготеет проклятие. Отец его умер, когда он и Сари были еще детишками. Му, его жена, утонула спустя всего несколько месяцев после рождения их сына, То Тана, в самом начале паломничества, которое привело нюень бао в Деджагор как раз ко времени осады. Сари вышла замуж за Сам Дан Кы, который на несколько лет — пока не умер от лихорадки — превратил ее жизнь

в ад. Все дети Сари полегли в Деджагоре под мечами людей Могабы. И наконец, То Тан погиб во время набега душил, когда убили Сари и сломали руку Тай Дэю.

Похоже, в этой семье никто не умирал от старости. А вот сама семья умирала. Матушке Готе уже явно не иметь детей.

Правда, Тай Дэй еще мог стать отцом, но мне это представлялось маловероятным. Я полагал, что скорее он сложит голову при попытке отомстить за сестру и сына.

Стоило помянуть имя То Тана, как к Тай Дэю вернулась обычная замкнутость.

Армия выстроилась следующим образом: слева Госпожа, в центре князь, а на правом фланге, одна за другой, — две дивизии Костоправа. В промежутке между передовой и тыловой дивизиями собралась вся наша кавалерия. Почему? Кавалерийский резерв всегда располагается позади центра позиции. Так повелось испокон веков.

И почему Костоправ разместил свой отборный, специально обученный отряд позади дивизии Госпожи?

Либо Старик считал, что, сбив Могабу с толку, он ввергнет его в безумие, либо эта тактика определялась его ненавистью к Ножу и его паранойей.

И почему все лагерное отребье согнали к передовой линии? Костоправ терпеть не мог таскавшихся за войсками прихлебателей. Все, кто его знал, дивились, как это он до сих пор не разогнал всю эту ораву. И куда подевался дядюшка Дой? Я никак не мог его найти.

23

Начинается! Я ощутил это прежде, чем взревели трубы и загрохотали барабаны. И со всех ног, перепрыгивая через камни и тлеющие костры, помчался к фургону.

Позволив Копченому поднять меня к смотровой площадке Могабы, я сразу ощутил некоторую неуверенность генерала. Он знал Костоправа как облупленного и прекрасно понимал, что половина наших маневров имеет целью сбить его, Могабу, с толку. Но вот незадача — он понятия не имел, какая это половина. Полагалось, что знание, само по себе, только вредило ему, заставляя колебаться перед принятием любого мало-мальски значимого решения. Я испытывал отвращение к предательству Могабы, но при этом не мог не отдавать ему должного. То был рослый, красивый, умный мужчина — ну совсем как я. И к тому же превосходный военачальник. Рядом с ним не было никого, кроме вестовых и двоих вазу, ловко имитировавших спящих парней. Задача их заключалась в том, чтобы отвлечь и заграбастать Госпожу.

Со смотровой площадки Могабы открывался почти идеальный обзор — лучшего, наверное, просто невозможно было добиться.

Левый фланг его армии маскировало нагромождение валунов, тогда как справа крутой откос загораживал и его крыло, и часть расположения таглиосцев. Теперь я понял, почему бойцам раздавали «чеснок». Хитрая это штуковина — стальной шипастый шарик, с виду похожий на детскую игрушку. Только шипы у него острющие, а порой еще и отравленные. Вещь полезная, особенно ежели приходится драпать, а по пятам гонится конница. Ежели коням придется скакать по узким тропам, то, разбросав по ним эти железяки, можно не только обеспечить себе благополучный отход, но и, при случае, устроить подленькую засаду.

Ага! Я приметил недостающего родственничка.

Дядюшка Дой напялил на себя лучшее платье: ритуальное облачение меченосца. Не иначе как решил не вводить нас в расходы на похороны. О черт! Надо будет поговорить с Тай Дэем о погребальных обрядах нюень бао. Я был свидетелем смерти множества нюень бао, но никогда не принимал участия в том, что происходило потом. Не мог простить им того, что, провожая в последний путь То Тана и Сари, они предпочли обойтись без моего участия.

Дядюшка Дой с весьма напыщенным видом поднимался по склону, пока не оказался шагах в пятидесяти от передовой линии тенеземцев. Там он остановился и громогласно объявил вызов Нарайяну Сингху.

Догадайтесь, кто вышел на поединок? То-то и оно — никто даже не откликнулся. И никому не пришло в голову передать послание в лагерь Обманщиков.

Дядюшка принялся выкрикивать ритуальные оскорбления, всячески понося Обманщиков и их союзников. Беда заключалась в том, что ритуал предусматривал перебранку противников, взаимный обмен проклятиями. Но о какой перебранке могла идти речь, когда его слушатели не говорили на нюень бао.

Бедный дядюшка. Он столько лет ждал этого мгновения, неустанно готовился к нему — а каков результат? Все эти ребята видели перед собой не более, чем ополоумевшего старика.

Через некоторое время это дошло и до Доя. Он взбесился по-настоящему. И принялся заново выкликать свои оскорбления, на сей раз по-таглиосски. Некоторые тенеземцы его поняли. Вскоре и до Обманщиков дошло, о чем речь.

Им услышанное не понравилось.

Я находил это представление весьма забавным. В частности, потому, что оно явно не предусматривалось планами капитана.

Дядюшка продолжал орать.

В лагере Обманщиков низкорослый мессия душил промолвил, обращаясь к своим приверженцам:

— Отвечать не будем. Мы подождем. Тьма — вот наше время. Оно придет. Тьма приходит всегда.

Он помолчал и спросил:

— Кто этот человек?

— Один из паломников шоень бао, побывавший в Деджагоре, — пояснил коренастый, мерзкого вида малый. Звали этого гада Синдху. Он заявился в Деджагор во время осады, шпионить да вынюхивать в пользу Обманников. А мы-то считали сукина сына мертвым.

Такие, как Сари, умирают, а Синдху и Нарайяны Сингхи продолжают жить. Вот почему я не могу стать религиозным человеком. Разве что правы гуннаты, верящие, что существует колесо жизни и в конечном счете каждому воздается по заслугам.

— Он слыл у них знатоком церемоний, кем-то вроде жреца. Женщина из его семьи в конце концов вышла замуж за знаменосца Черного Отряда.

— Это несколько проясняет дело. Богиня небрежным росчерком пера пишет одну из своих утонченных пьес о смерти.

Он бросил взгляд на Дщерь Ночи. Малышка сидела совершенно недвижно и походила на призрак. Больше, чем когда бы то ни было. Четырехлетняя девочка не должна была, просто не могла выглядеть так.

Кажется, Нарайян Сингх испытывал смутное беспокойство. Он знал, что его богиня порой находит забавной случайную смерть одного из своих самых преданных почитателей, и вовсе не хотел, чтобы она сыграла такого рода шутку с ним.

— Тьма, вот наше время, — повторил Сингх. — Тьма приходит всегда.

Тьма приходит всегда. Это звучало как девиз Кины. Я вновь пригляделся в дочери Госпожи и Костоправа. Очень уж она меня беспокоила — с каждым разом все больше походила на призрак. При виде ее мне хотелось кричать, взывая к Госпоже и Старику.

По существу я чуть ли не мог это сделать. Кажется, я обретал способность чувствовать, даже когда блуждаю с Копченым.

Сместившись в сторону, я приметил, что Могаба воспринимает потуги Доя серьезнее, чем Нарайян Сингх. И то сказать, он помнил дядюшку по былым, не слишком приятным дням.

— Заставьте его умолкнуть, — приказал генерал. — Солдаты пялятся на него вместо того, чтобы следить за противником.

Не дождавшись отклика от Обманников, дядюшка Дой принялся поносить тенеземцев. В его сторону полетело копье. Неуловимым движением Дой выхватил Бледный Жезл и отбил копье в сторону. Отмахнулся, словно от мухи.

— Трусы! — вскричал он. — Предатели! Неужели никто из вас не осмелится ответить на вызов?

Он с презрением повернулся к врагам спиной и неторопливо зашагал к нашим позициям. Как раз за миг до того, как на него обрушился град копий и стрел, дядюшка оказался за пределами досягаемости противника. Ловко это у него получилось, ничего не скажешь. Его уход ничуть не походил на отступление.

24

И тут словно все демоны сорвались с цепи. Загрохотали барабаны. Неуклюжий, необученный, плохо вооруженный, озлобленный сброд с диким завыванием ринулся вверх по склону. Шестьдесят тысяч голодных ободранцев из лагерной обслуги навалились на приспешников Хозяина Теней. Наши солдаты подгоняли их остриями мечей.

Я был озадачен. И растерян. Конечно, капитан был человеком суровым, но я никак не ожидал, что он так, запросто, погонит весь этот сброд на убой. Однако, пораскинув мозгами, я понял, что удивляться особенно нечему. Он всю дорогу твердил солдатам, чтобы тех ребят из обслуги, которые им почему-то нравятся, они гнали из лагеря поганой метлой, да поживей. Вот, стало быть, в чем дело. А парни-то думали, что он не надеется на успех.

Всем этим бедолагам предстояло сложить головы. Но перед тем, как отдать концы, они нанесут тенеземцам некоторый урон и расстроят их ряды. Нам это на руку.

Безжалостно подгоняемая солдатами толпа обрушилась на центр и правый фланг воинства Могабы, смяв передние ряды тенеземцев. Дивизию Ножа атака не затронула.

Пока все внимание было сосредоточено на этом наступлении, отборные подразделения Костоправа оторвались от корпуса Госпожи и устремились к окаймлявшим проход утесам. Конечно, в этих скалах были размещены секреты Могабы, так что там немедленно завязался бой. Следом за атакующей толпой, подталкивая ее вперед, двинулись слоны. Тенеземцам было не до них. По ходу продвижения к вражеским позициям слоны с помощью здоровенных колотушек забивали в землю большущие железные сваи.

Пронзительно взвыли медные тенеземские трубы. Неожиданно — я не мог взять в толк, чего ради — дивизия Ножа тронулась с места и начала спускаться по склону, но не прямо, а чуть наискось, так что в результате этого маневра могла обойти наш правый фланг. Я диву давался, гадая, как его парни ухитрялись сохранять строй среди нагромождения камней.

Теперь мне представилась возможность увидеть один из ставших легендарными приступов ярости Длиннотени.

— Что ты себе позволяешь? — заорал он на Могабу, когда перестал наконец бессвязно реветь да брызгать слюной и взял себя в руки в достаточной степени для того, чтобы выговорить нечто членораздельное. — О чем ты думаешь? Что за дурацкие маневры без моего разрешения! Хотя бы объяснил, зачем ты это затеял?

Длиннотень вопил, топал ногами по деревянной платформе и так яростно цеплялся ногтями за свою маску, что я начал было

надеяться: вдруг он ненароком сорвет ее и откроет миру свое так тщательно скрываемое лицо.

— Я понятия не имею, что он затеял, — спокойно ответил Могаба, не обращая внимания на истерику Хозяина Теней.

Облокотившись на ограждение площадки, он следил за продвижением Ножа и выглядел растерянным — каким я его никогда не видел.

— И не надо так шуметь.

Ревун усугубил переполох серией пронзительных воплей.

Длинотень вновь прорычал что-то невразумительное. Запели таглиосские трубы. Шадаритская кавалерия вылетела из промежутка между дивизиями Старика и устремилась в разрыв, образовавшийся между корпусом Ножа и остальным тенеземским войском. Их маневр выглядел куда менее впечатляющим, чем продвижение воинов Ножа. Всадники даже не пытались делать вид, что поддерживают строй. Нож не обращал на них внимания. Он продолжал свой марш. Могаба — вот уж на него не похоже — был вне себя от злости, потому как понятия не имел, что замыслил Нож.

Длинотень и Ревун чуть не передрались!

Что за чертовщина?

Неожиданно грохот барабанов возвестил о наступлении передовой дивизии Костоправа. Она направлялась прямо на то место, которое освобождали силы Ножа. Кавалеристы продолжали движение, прикрывая фланг дивизии. А затем стронулась с места и резервная дивизия. Она развернулась вправо и последовала за Ножом. Я наблюдал все это, вытаращив глаза и разинув рот.

Если смотреть со стороны, события на поле боя походили на хорошо поставленный танец, только вот на самом деле никто не понимал, что происходит. Растерянность была всеобщей. А подальше от передовой, скажем, возле наблюдательного пункта Госпожи, люди вообще ничего не знали. Может, у капитана и были какие-то мысли, но сейчас, в стремлении сохранить контроль за обстановкой, он походил на человека, пытающегося бежать в трех направлениях одновременно. Он ведь не имел возможности увидеть общую картину.

А я ничем не мог ему помочь. К тому времени, когда мне удастся вернуться в свою плоть, очухаться да еще и разыскать его среди атакующих войск не менее как в миле от фургона Одноглазого, вся обстановка коренным образом изменится.

Слева и в центре наши солдаты продолжали гнать перед собой лагерное отребье. Все это превращалось в ужасающий спектакль конфигураций, чудовищную игру, которую наверняка будет помнить не одно поколение. Левая дивизия Костоправа сцепилась наконец с тенеземцами, пытаясь закрепиться на тех позициях, которые покинул Нож. Могаба ввел в бой свои резервы. Дрались они превосходно, и Костоправа потеснили. С трудом. И у меня осталось впечатление, что он не был настроен предпринимать решительные усилия

ради овладения этой позицией. Один из шадаритских отрядов прорвался вперед, оказавшись на расстоянии полета стрелы от лагеря душил. Горстка лучников вела беспорядочную стрельбу, но видимого эффекта это не имело. В то же самое время Ревун ухитрился докричаться до Длиннотени:

— Мы не можем позволить себе роскошь тратить время на пререкания между собой. В любой миг эта баба может нанести удар. Если ты не обратил внимания на...

В конце концов Хозяин Теней понял, что если он и дальше будет кричать да буйствовать, то окажется уязвимым для чар. Напарник не сможет оберегать его бесконечно: ведь Ревун с его дикими воплями и сам подвержен припадкам.

Все еще трясущийся от гнева, не способный к членораздельной речи, Длиннотень постарался сосредоточиться на Госпоже.

Та выжидала, не предпринимая ничего.

Могаба пытался привлечь внимание Длиннотени. Тот не реагировал, полностью поглощенный наблюдением за Госпожой. Могаба настаивал, но принудить Хозяина Теней обернуться ему удалось лишь после того, как создалось впечатление, что кризис миновал. Страха, который внушали наши солдаты лагерному сброду, было уже недостаточно для того, чтобы заставлять толпу и дальше продвигаться вверх. Дивизия Костоправа отошла на исходную позицию. Силы Ножа остановились в паре миль от поля боя. Их окружили наши наездники и резервная дивизия.

Его бойцы были в такой же растерянности, как и прочие теневемцы. Но они были хорошими солдатами и выполняли полученные приказы.

— Нас обвели вокруг пальца,— промолвил Могаба, обращаясь к Длиннотени.

— Такого никто не ждал. Одним хитрым ударом Костоправ истребил десятую часть нашей армии. Если я и теперь буду придерживаться прежних приказов, мне этого плацдарма не удержать.

В злобном рычании Длиннотени появились вопросительные интонации.

— Единственная наша надежда,— продолжал Могаба,— атаковать сейчас, пока таглиосцы рассеялись, прут на нас толпой, а до наших солдат еще не дошло, в каком отчаянном положении мы оказались.

Однако Длиннотень смотрел на происходящее иначе.

— Опять ты забываешь о том, что мои повеления надлежит выполнять безоговорочно, а не размышлять о том, чем они вызваны. Почему ты решил, что к тебе это не относится? И чем ты вообще недоволен? — Длиннотень вперил свой взгляд в корпус Ножа — точнее, в ту его часть, что была видна с вышки. Он и сам был недоволен, но по каким-то иным, собственным соображениям.— ...Ты ведь легко отбил их атаку.

Могаба с трудом удержал свой гнев. Хотел бы я знать, что за прошлое было у этого Хозяина Теней. Трудно представить, что столь могущественный человек может проявлять такую наивность.

Могаба поднял руку, указывая на Ножа.

— Мы оказались в дураках. Целый легион пропал попусту из-за одного лишь твоего желания заполучить еще одного высокопоставленного перебежчика.

Чтоб мне сдохнуть, если до меня дошло, что он имеет в виду.

Впрочем, и до Хозяина Теней никак не доходило, что надо шевелить мозгами. Он видел перед собой картину триумфа.

— Смотри, смотри скольких мы перебили. Там же горы трупов, попробуй пересчитать их. Вороны за сто лет не расклюют всю эту падаль.

Но что-то все же Хозяина Теней тревожило. И взгляд его оставался прикованным к солдатам Ножа.

— Может, один из каждой сотни этих погибших и был солдатом,— рявкнул Могаба,— но по большей части все это воры, бездельники и прочая сволочь, что вечно таскается за войсками да кормится у походных кухонь. Накипь, вот кто они такие. Костоправ использовал эту свору, чтобы отвлечь наше внимание, а сам тем временем украл у нас победу. Наши потери меньше, но мы-то теряли настоящих воинов. Теперь его ветераны имеют численное превосходство. И силы у них свежие.

Он указал в направлении возвышенности, которую уже занимали отборные подразделения Костоправа.

— Теперь они укрепятся там. Наверное, он задумал это заранее.

— А ты, выходит, не позаботился о том, чтобы обеспечить оборону.

— Конечно, я предвидел, что Костоправ пошлет туда людей. Нужно быть дураком, чтобы не попытаться захватить столь выгодную позицию. Но вот его огненная бомбардировка явилась для меня сюрпризом.

Огненные снаряды, изготовленные в оружейных мастерских Госпожи в Таглиосе, представляли собой одно из лучших ее изобретений. Чтобы доставить их сюда в целости, да еще и тайком, пришлось затратить немало усилий, но, как теперь выяснилось, дело того стоило. Мало какая позиция устоит против этих штуковин.

Капитан со своими людьми остановился прямо перед корпусом Ножа. Что-то затевалось. Я помчался в ту сторону.

Нож выступил вперед. Он стоял перед строем своих солдат, лицом к лицу с капитаном. Их разделяло около ста ярдов каменистой земли. Наши люди находились на расстоянии полета: в ожидании дальнейшего развития событий они держались спокойно, но бдительности не ослабляли. По правде сказать, озадачены они были немногим менее, чем вояки изменника. А те и вовсе не знали, что думать — впечатление было такое, будто их вывели не на битву, а на строевой смотр.

Стоя посреди разделявшей войска полосы, Нож и Костоправ обменялись несколькими словами. Я по дурости ожидал, что Костоправ даст волю так долго лелеемой вражде. Вместо того он обхватил Ножа за плечи и заржал как полоумный.

Они принялись подпрыгивать, обниматься и хлопать друг друга по спинам. Затем Нож развернулся к своим солдатам и проревел:

— Бросайте оружие и сдавайтесь. А не то вас всех перебьют.

Какой же я все-таки непроходимый тупица.

Только сейчас, когда вымуштрованные солдаты Ножа безропотно выполнили приказ, до меня дошло, что его отступничество было подстроено. Все эти годы Костоправ ярился и изображал стремление поквитаться с изменником только для отвода глаз. А Нож за это время еще и помог нам избавиться от некоторых вредоносных фанатиков и святош — руками тенеземцев.

Нет ничего лучше, чем заставить своих врагов выполнить за тебя самую грязную работенку.

Более того, Нож немало потрудился ради того, чтобы сделать Хозяина Теней как можно менее популярным у его подданных. Целые провинции сдавались без малейшей попытки к сопротивлению.

А теперь Нож вывел из игры четверть отборных войск Хозяина Теней. Нигде в Анналах не содержалось и намека на что-либо, способное хотя бы отдаленно сравниться со столь грандиозной надуваловкой, Костоправ додумался до этого сам. И теперь, надо полагать, от всей души потешался над Могабой, которому и в голову не мог прийти столь непредсказуемый ход. Потому как Могаба был уверен, что Старик и шагу не ступит, не сверившись наперед с Анналами.

25

Я покинул Копченого. Поблизости от фургона не было никого, кроме матушки Готы и Тай Дэя. Я присоединился к ним. Ни тот ни другая не сказали ни слова. Я тоже молчал: молча поел, вдоволь напился воды, забрался в фургон и немного вздремнул. Мне снились не слишком приятные сны. В них появлялась Душелов, веселая и довольная собой. Не иначе, как оттого, что устроила нам какую-нибудь пакость, ведь это ее любимое развлечение.

Проснувшись, я снова накинулся на жратву, даже не сообразив, что уминаю препротивнейшую стряпню матушки Готы, а уж воду хлестал так, словно не видел ее по меньшей мере неделю. Тай Дэй вроде бы поглядывал на меня с беспокойством. Я хотел сообразить, в чем тут дело, но никак не мог сосредоточиться.

Было уж довольно поздно. Вокруг царила тишина. Войска находились на поле боя, но по лагерю рыскали бдительные караульные, предупрежденные о том, что на стороне противника выступа-

ют душилы. Останавливаясь возле костров — малость погреть руки,— часовые тихонько переговаривались. Кое-где копошилась лагерная шваль, сумевшая улизнуть с поля сражения. Эти бедолаги собирали свои жалкие пожитки, торопясь смыться, покуда их не изловили и снова не погнали в атаку. На высотах продолжались ожесточенные схватки, Могаба вознамерился отстаивать каждую пядь земли.

Но не всем прихлебателям удалось унести ноги. На фланге Госпожи вновь зачадили костры, и наш лагерь стало затягивать дымом. Неужто у капитана была в запасе еще какая-то дьявольская хитрость? Об этом я его и спросил, когда он наконец появился. Костоправ не удержался от усмешки.

— Надеюсь, что и они ломают голову над тем же. Мне хочется, чтобы Могаба всю оставшуюся жизнь оглядывался через плечо, шарахаясь от каждой тени, и на каждом шагу боялся угодить в ловушку. Возможно, таковая в конце концов обнаружится.— Он снова рассмеялся.

У большого костра, разложенного, как предписывал гуннитский праздничный ритуал, начали собираться старшие офицеры. Политически нейтральные жрецы всех культов свершили благодарственные обряды. Явилась и Госпожа в сопровождении своих преданных почитателей. Выглядела она как полубогиня, куда более реальная, чем любое таглиосское божество, кроме внушавшей ужас Кины. Кажется, в нынешнюю эпоху одна лишь Кина интересовалась мирскими делами. Но у нее был личный интерес.

Трудно сказать, кто из собравшихся лукавил больше. Нож пристроился рядом со Стариком. Он по-прежнему ухмылялся и тараторил без умолку со своим старым приятелем Лебедем. Жаль, что Корди Мотер остался в Таглиосе с Бабой. Ему бы это тоже понравилось.

Я не видел Ножа несколько лет. В прежнее время он отличался сдержанным цинизмом. Не то, что теперь. Может, потому, что Одноглазый еще не успел привести его в обычное состояние.

Нож что-то проорал Костоправу. Тот заревел в ответ.

— Не обращай на них внимания,— сказал мне Лебедь.— Эти ребята никак не могут нарадоваться встрече.

Оно и не диво, ведь они столько лет прикидывались злейшими врагами.

— А завтра,— промолвил Старик, проигнорировав слова Лебедя,— мы будем действовать в доброй старой манере: облапошил дурака — тресни в лоб наверняка. Это последнее, чего ожидает от меня Могаба. Князь, за тобой первый ход. Посмотрим, чего стоят твои парни.

Я отхлебнул воды, жалея, что Одноглазый не приготовил на сегодняшний вечер чего-нибудь посущественней. Впрочем, нет, здесь бы такой номер не прошел. Все таглиосские секты осуждали употребление хмельного, да и Госпожа с князем едва ли хотели, чтобы

их солдаты перепились. Но с другой стороны, не пойман — не вор. Так что мне оставалось лишь пожелать Одноглазому заняться своим делом и порадовать товарищей.

— Ты никак решил рассказать, что у тебя на уме? — удивился я.

В глазах Костоправа промелькнула усмешка.

— Нет,— сказал он, наклоняясь ко мне поближе,— но это между нами. Я не хочу, чтобы кто-нибудь расслаблялся. Хотя сейчас они и не засылают Тени шпионить за нами.

Костоправ указал на пролетавший огненный шар.

— А почему?

— Не иначе как приберегают,— он снова ухмыльнулся.— Ладно, ребята, я думаю, вы все знаете, что нам предстоит. Так что идите отдохните чуток.

С чего он взял, будто мы знаем, что предстоит? Лично я из его слов так ни хрена и не понял.

Костоправ посмотрел на измотанную до крайности Госпожу, но обратился не к ней, а к Лебедю:

— А ты, Лозан, задержись. Мне надо с тобой потолковать.

Мне, стало быть, вежливо давали понять, что мое дальнейшее присутствие у костра нежелательно. Дескать, отправлялся бы ты парень на боковую, да поживее.

26

Спать мне хотелось. Я устал, хотя напрягаться физически не приходилось. При возвращении в фургон Одноглазого тут же улегся, однако заснуть никак не удавалось. Снаружи, сетуя на свои невзгоды, занудливо причитала матушка Гота. Впрочем, мне в ее жалобах отводилась отнюдь не главная роль. Виновницей всех бед объявлялась Хонь Тэй. Доставалось и Сари — то ли за то, что она действовала заодно с Хонь Тэй, то ли за то, что привлекла Хонь Тэй на свою сторону. Так или иначе, обе они объявлялись ведьмами.

Тай Дэй говорил не больше, чем обычно.

Может, он и хотел вставить слово-другое, но такой возможности ему не предоставлялось. Впрочем, то была старая песня, привычная настолько, что я почти не обращал на нее внимания. Разве что задумывался — можно ли задеть матушку Готу так, чтобы она заткнулась.

Но ее болтовня вновь напомнила мне о женщине, которую я любил. Боль накатила с новой силой. А я-то надеялся, что она ослабнет. Стремился к этому. Но не предавал ли я таким образом Сари? Мне пришлось напомнить себе, что я взрослый, привычный к суровой жизни мужчина, которому не пристало распускать нюни, каким бы сокровищем ни была его жена.

Я впал в состояние, промежуточное между сном и бодрствованием, позволявшее запоминать сны или видения. Неожиданно я провалился в прошлое. Взрыв смеха и насмешливый голос, спрашивав-

ший, где я пропадал, словно протолкнул меня сквозь время. Я не ждал ничего подобного — ведь этого не случалось уже так долго,— но все же не был захвачен врасплох. Кое-что в этих фокусах я уже понимал.

А поскольку не был захвачен врасплох, я не растерялся и попытался держаться так же, как и тогда, когда я блуждал с Копченым.

Окружавшая меня аура веселья сменилась тревогой. Я мгновенно развернулся в пространстве — и поймал взгляд главного подозреваемого. Душелова. Склонившись над подносом, полным колдовских причиндалов, она стояла на коленях возле костра, где-то на поросших утесником подступах к Чарандапрашу. Вот теперь я по-настоящему удивился. Но так или иначе, пусть я не контролировал ситуацию, нынче мне стало известно, кто мною манипулирует.

Как бы сделать следующий шаг и выяснить почему?

Меня окатило хохотом ворон. Как будто то, знаю ли я, кто этим занимается, не имело никакого значения.

Впрочем, это соответствовало тому представлению о Душелове, какое можно было составить по Анналам Костоправа. Сила, служащая хаосу,— а именно такова Душелов — не даст и крысиной задницы за то, *что* происходит, пока хоть что-то происходит.

Я попытался вспомнить, где же сейчас эти Анналы. Было бы не худо узнать о Душелове побольше. А может, стоит потолковать по душам со Стариком? Уж он-то знает Душелова как никто, включая ее сестрицу. Не думаю, что Госпожа имеет ключ к разгадке того, как мыслит сестра. А может, ей на это наплевать.

А вдруг все это одна дурь да пустые фантазии? Много ли мне на самом деле известно о Госпоже? За последние три года я не обменялся с ней и сотней слов. Причем и состоявшиеся разговоры касались главным образом сведений, предназначенных для занесения в Анналы.

Вороний гомон обернулся смехом Душелова.

— Пожалуй, я все же не в том настроении, чтобы забавляться.

Невидимая рука сгребла меня и швырнула в завихряющуюся тьму. Я крутился на лету, словно брошенный грецкий орех. Затем я попытался восстановить контроль над обстановкой, как во время блужданий с Копченым, и в какой-то мере мне это удалось. Во всяком случае, ощущение вращения постепенно исчезло, и я обрел способность ориентироваться в пространстве. Да и просто способность видеть.

Правда, видел я не слишком хорошо. Смутно, и только на близком расстоянии. Что-то похожее описывал Ведьмак, рассказывая, как ухудшилось с возрастом его зрение.

Так или иначе, я находился в джунглях. Были ли они мне знакомы? Хрен его знает: я бывал в джунглях несколько раз и твердо усвоил, что отличить в них одно место от другого весьма

затруднительно. Особливо ежели ты не видишь дальше, чем на двадцать шагов вперед.

Чащобу оглашали крики множества птиц. Пару из них я увидел. Весь этот курятник явно переполошился из-за меня.

Я развернулся и убедился в том, что эти паршивые джунгли не страдают от нехватки воды. Препротивнейший черный пруд находился всего в нескольких дюймах от того места, где, будь я во плоти, находились бы мои пятки.

Прямо над моей головой, перескакивая с ветки на ветку, визгливо переругивались с птицами обезьяны. Меня они, по всей вероятности, не видели, во всяком случае, на таком расстоянии. Но когда одна из них проскочила всего в футе от моего носа, она меня заметила. И перепугалась так, что сорвалась с ветки и плюхнулась прямо в черный пруд. И завопила от ужаса, потому что ее едва не схватил крокодил. Едва. Ей все-таки удалось выскочить из воды на миг раньше, чем щелкнули челюсти. Близость зубастой пасти кому угодно прибавит прыти. Неудачная попытка поживиться привлекла к крокодилу внимание охотников. В следующее мгновение они материализовались невесть откуда, и в пруд полетели зазубренные копья.

Жизнь — суровая штука.

Охотники были встревожены. Потому как не понимали, почему переполошились птицы. И с чего это обезьяна вдруг свалилась в пруд. Я сообразил, что к чему, ибо они говорили на нюень бао как на родном языке.

Я находился где-то в дельте. Откуда-то издалека сквозь птичий гомон до меня донесся вороний смех.

Не было со мной и Копченого, который мог бы вернуть меня на место. Это был не сон. Я мог управлять своим положением, но понятия не имел, что с этой способностью делать. Может, подняться наверх? В блужданиях с Копченым это всегда срабатывало. Чем выше поднимаешься, тем больше земля внизу напоминает тщательно вычерченную карту. Я поднялся в воздух. И обнаружил, что нахожусь над самой дикой и гадостной частью дельты, представляющей собой заросшую непроходимым лесом черную топь с тучами гнусной мошкары.

По моим представлениям, именно так должен был выглядеть ад. Чтобы высмотреть что-нибудь еще, мне пришлось подняться на высоту ястребиного полета. Страх нарастал, вгрызаясь в меня все глубже и глубже. Я боялся, что не сумею отыскать никакого ориентира. Конечно, можно ориентироваться и по солнцу, но только если ты его видишь. А я толком не мог разглядеть даже заслонявших светило птиц. Ну что ж, не так, так эдак, подумал я, приметив внизу какое-то зеленое пятно. Рисовое поле. Я зигзагами заметался вокруг и, обнаружив деревеньку, припустил вдоль выходившей из нее дороги. Мчался я изо всей мочи, но все равно чувствовал, что возвращение будет долгим.

Проклятая Душелов.

Я слышал дразнящий вороний грай. А потом приметил селение, показавшееся мне знакомым. Принято считать, что поселения нюень бао все на одно лицо. Так оно и есть, если говорить о жилых строениях. Но храмы этого народа весьма различаются в зависимости от статуса, древности и богатства. И этот храм я уже видел тогда, когда разыскивал Гоблина. Тогда же, когда увидел женщину до того похожую на Сари, что у меня чуть сердце из груди не выскочило. Уже покинув мир Копченого, я долго не мог прийти в себя.

Я описал над деревней круг, присматриваясь к утренним хлопотам поселян. Все выглядело обычным для туземного поселка, каким я его себе представлял. Стояла середина зимы, но работы хватало, и, едва проснувшись, люди брались за повседневные дела.

Селение выглядело процветающим — даже не деревней, а небольшим городком — и было, по всей видимости, весьма древним. Главным его украшением служил внушительный, явно существовавший не одно столетие храм. Высокие двери обрамляли мощные колонны в виде двухголовых слонов высотой в три — по меркам нюень бао — человеческих роста. У гуннитов двухголовый слон символизирует бога удачи. Потому что — как разъяснил мне Одноглазый — слон могуч и двулик.

Ага, вот и женщина. Кажется, та же самая, что и в тот раз. С утомленным видом она вышла из храма. Впрочем, та выглядела, как должна бы выглядеть Сари, будь она помоложе. А эта наоборот, как будто она на несколько лет постарше. Лицо было то же, но она несколько раздалась в бедрах и груди. И, чего не случалось с Сари даже в худшие времена, была оборванной и грязной, с растрепанными волосами. Эта женщина явно пребывала в отчаянии, и она настолько напоминала мне Сари, что у меня возникло желание утешить ее, в чем бы ни состояла причина ее боли. Я сместился поближе, почти упиваясь жалостью к себе и в то же время недоумевая: почему эта женщина одета в белое, тогда как нюень бао, насколько мне было известно, всегда носили черное? Когда я вернусь, надо будет порасспросить об этом Тай Дэя. Если, конечно, вернусь.

Я находился так близко от этой женщины, что, случись мне быть во плоти, мог бы обнять и поцеловать ее. Мне хотелось этого, ведь она так походила на Сари. А не было ли у Сари двоюродной сестры? Дядюшки-то у нее точно были — во всяком случае, один, погибший в Деджагоре. А ее тетушка вполне могла оставаться дома. Ведь в паломничество отправились далеко не все жители деревни.

Женщина в белом взглянула мне прямо в глаза — туда, где должны бы находиться глаза, побледнела и, издав пронзительный вопль, упала без чувств. На ее крик из храма выбежали старцы в цветных одеяниях. Склонившись над женщиной, они пытались привести ее в сознание, одновременно переговариваясь на нюень бао — тарахтели так быстро, что я не мог разобрать ни слова.

Она пришла в себя и, когда ей помогли подняться на ноги, сказала:

— Мне показалось, будто я увидела призрак.

— Наверное, это из-за поста.

Поста? А по фигуре не скажешь, чтобы она недосдала.

Выходит, ей удалось обнаружить мое присутствие. Тут было над чем поразмыслить. Но, так или иначе, задерживаться внизу не имело ни малейшего смысла. Толку от меня все равно не было. В качестве ориентира я воспользовался выходившей из городка дорогой — хотелось верить, что рано или поздно она выведет меня к Таглиосу. А уж оттуда проложить курс на юг будет совсем просто.

27

Но проделать весь этот путь мне так и не пришлось. Вскоре после того, как я обнаружил реку, вся моя вселенная начала колебаться. После третьего сотрясения я почувствовал боль, а когда тряхануло еще пару раз, провалился во тьму.

И пришел в сознание внутри фургона Одноглазого. Этот хренов коротышка тряс меня за грудки, шлепал по щекам и ворчал что-то вроде: «А ну, поднимай свою задницу».

Открыв глаза, я понял, что нахожусь рядом с Копченым. Рубаха пропиталась потом. Меня била дрожь.

— Что, черт побери, с тобой происходит? — озабоченно спросил колдун.

— Точно не знаю. Думаю, тут не обошлось без Душелова. Как и в тот раз, когда я провалился сквозь время в Деджагор. Только сейчас меня вроде как выдавили между пальцев, словно арбузное семечко, так что я залетел куда-то в дельту. Все осознавал, но поделать ни хрена не мог. В известном смысле это похоже на прогулки с Копченым, только вот со зрением там что-то не так. Близко все нормально, а чуть подальше — ни хрена не видно...

Только сейчас я сообразил, что лопочу на таглиосском. Эка меня зацепило.

— Ладно,— буркнул колдун,— поговорим попозже. У меня куча дел.

Я открыл рот, намереваясь возразить.

— А охота тебе язык почесать, ступай к Костоправу. И вообще, делай что хочешь, только не лезь мне под руки. Насчет работы я не шучу.

Рассерженный донельзя, я вылез из фургона. Здесь, как и на болоте, стоял день. Со стороны фронта тянуло дымом, оттуда доносился грохот битвы. Очевидно, обстановка не изменилась. А стало быть, Старику не до того, чтобы выслушивать россказни о моих злоключениях.

Я направился к лагерному костру. Он потух. И почти остыл. Где же Тай Дэй со своей мамашей? И дядюшка Дой? Здесь, во всяком случае, ими и не пахнет.

Я нашел воды, напился, размышляя о том, скоро ли запасы подойдут к концу, так же, как и запасы съестного, и решил немного вздремнуть.

Вскорости Одноглазый закончил свои делишки, вылез из фургона и уселся рядом со мной.

— Ну, выкладывай, что стряслось.

Я выложил.

— Похоже, Щенок, на сей раз ты натолкнулся на нечто важное.

— В каком смысле?

— Потом скажу. После того, как поговорю с Костоправом.

28

Обратившись в злого духа, я жужжал над плечом Могабы. И он, и его капитаны находились в смятении.

Длинотень требовал, чтобы никто и не заикался, будто дела идут плохо.

— Что за кретин, — проворчал один их нескольких преданных Могабе наров. — У него пасть грязью набита.

Со столь метким суждением я не мог не согласиться. Мало того что кретин, так к тому же, по всей видимости, еще и глухой. Во всяком случае, он никак не отреагировал на столь неслыханную дерзость. На явное оскорбление со стороны человека, который ему служил! Сам Могаба тоже сделал вид, будто ничего не услышал. Он наблюдал за утесами, среди которых продолжались ожесточенные схватки. Наши войска шли в атаку волна за волной, всякий раз вводя в бой свежие силы. Могаба не мог ответить тем же — у него почти не осталось резервов. Когда он отсылал командиров к их подразделениям, в его глазах почти не оставалось надежды. Но он был настоящим солдатом, из тех, кто бьется до последнего вздоха.

Точно так же он держался и в Деджагоре. Там его солдаты начали поедать друг друга, чтобы пересидеть осаду.

Наши осадные башни медленно, словно суда с высокими бортами, ползли вперед. Наши солдаты и уцелевшие лагерные прихлебатели тащили их, натягивая канаты, пропущенные через блоки, закрепленные на тех самых железных сваях, что несколько ранее были вогнаны в землю слонами. Когда башни наконец остановились, солдаты тут же закрыли бреши между ними. Под защитой щитов инженеры принялись возводить деревянную стену.

С башен тучами летели метательные снаряды.

Могаба не располагал машинами достаточно мощными, чтобы разрушить башни. Ему не оставалось ничего, кроме как что-то делать. Но Хозяин Теней не позволял ему сделать то единственное, что могло бы помочь. Подобно капризному ребенку, Длинотень был упрям, как осел. Делай, как я велел, вот и весь сказ. И Могаба не собирался лезть на рожон. Он дошел почти до предела, но все же не был готов к открытому неповиновению, поскольку понимал, что на

нашей стороне Госпожа, только и ждущая возможности основательно испортить ему остаток жизни. И такая возможность представится ей через несколько мгновений после того, как Хозяин Теней соберет свои игрушки и уберется восвояси.

Поскольку атаковать было запрещено, Могаба решил отвести свои основные силы, оставив на передовой прикрытие — так, чтобы мы не заметили, что противник уходит из-под удара.

Но я все видел.

— Советую тебе держать ковер наготове, — сказал Могаба Ревуну. — У меня связаны руки, и я долго не продержусь.

Длинотень обернулся. Будь он способен убивать взглядом, Могаба умер бы на месте.

Ревун находился в безобразном оцепенении. Он боялся, но не хотел, чтобы его заклеймили позором как труса.

Неожиданно из лагеря Обманщиков донеслись дикие крики. Я метнулся туда и увидел дядюшку Доя, без разбора крушившего душил Бледным Жезлом. Матушка Гота с не меньшей ловкостью прикрывала ему спину. Неплохо для старушенции, практиковавшейся с оружием, лишь когда не могла от этого отвертеться.

Ну а потом дерьмо поперло валом.

Прабриндрах Драх пошел в атаку, навязанную ему Стариком. Впереди княжеского войска, выстроившись клином, шли напролом боевые слоны. Войска Хозяина Теней устремились навстречу. Градом посыпались стрелы.

Могаба задал нам жару. Его боевые порядки превратились в желе, в котором увязло наступление. Его солдаты показали, что такое настоящие дисциплина и выучка. Слонов перебили, а таглиосцев обратили в бегство. Князь едва ноги унес. Потери его были ужасны — каких я и ожидал до того, как Костоправ провернул свою махинацию.

Затем Могаба нанес сокрушительный контрудар, являвшийся, по его заверениям, не более, чем преследованием отступающих. Он обрушился на стены между нашими осадными башнями и штурмовал их до тех пор, пока Длинотень не сообразил, что происходит, и не приказал ему отступить.

И тут же, словно он знал обо всем и без моих донесений, Костоправ повел наступление на его фланг. А минуту спустя слева ударила Госпожа.

Бой среди утесов продолжался со все большим ожесточением. В этой сумятице я потерял своих родственников. Нарайян Сингх и Дщерь Ночи бежали из лагеря душил и укрылись под вышкой Могабы.

С нашей стороны никаких сюрпризов не было. Войска накатывались волна за волной, отходили, заменялись свежими силами и наступали снова. Могаба отбивал все атаки, но нес потери. Наши рабочие медленно, дюйм за дюймом, продвигали башни вперед. А Длинноте́нь упорствовал в своей дурости. В сложившихся обстоятельствах его упрямство выглядело не только иррациональным, но и самоубийственным. Он заставил Могабу драться связанным по рукам и ногам и при этом изливал на него ушаты обвинений, потому что теперь и сам видел, что тому, скорее всего, не устоять.

На востоке полыхало пламя.

Эта часть сражения подходила к концу.

29

До меня наконец дошло, почему Длинноте́нь не даст Могабе воли, хоть и сам понимает, что это вредит делу. Он боится, что Могаба поступит так же, как Нож.

— Он дурак, этот Хозяин Теней, да еще и слепой дурак. В людях ни хрена не смыслит,— немедленно отозвался Нож.

— Это почему?

— Потому что Могаба считает себя обязанным сломить хребет Костоправу. Иного выхода для себя он не видит.

Костоправ громко фыркнул.

— Это противоборство,— продолжил Нож,— стало смыслом его жизни. Для него нет будущего без победы. Он должен победить или умереть.

— В известном смысле я чувствую то же самое,— проворчал Костоправ.

— В одном Длинноте́нь прав — все идет к тому, что его ухватят за задницу. Как там их боевой дух?

Я поморщился. Неужто я должен вот так, перед всей оравой, выложить правду про Копченого?

— Ниже змеиной задницы,— сказал Одноглазый.

— Так они сломаются?

— Если побежит Могаба. Любить они его, может, и не любят, но верят в него все до единого.

Я уставился на Госпожу и увидел, что глаза ее закрыты. Возможно, она просто-напросто улучила минутку и вздремнула. Мало кому было об этом известно, но в последнее время она работала больше, чем кто-либо другой. И больше всех вымоталась, а ведь ей приходилось постоянно быть начеку.

Я представил себе, что могли бы натворить Длинноте́нь с Ревуном, узнай они, до какой степени измотана Госпожа, и меня проняла дрожь. Капитан кивнул, как бы в подтверждение собственных мыслей, и распорядился:

— Значит, так. Выступаем поутру, в три часа. А сейчас всем спать.

Сказано было решительно, но всякий раз, когда Костоправ смотрел на Госпожу, от его генеральского вида не оставалось и следа. У всякого видевшего Старика в такие мгновения не могло быть сомнений в его истинных чувствах.

Я задумался, припоминая ночные кошмары, описанные Госпожой в ее книгах. Все эти жуткие, пронизанные жаждой смерти и разрушения картины, подобные тем, что одолевали меня до сих пор.

У меня сложилось впечатление, что они снова стали посещать и ее. Большую часть времени она боролась со сном именно потому, что боялась этих видений. Я мысленно представил себе Кину — такой, какой описывала ее Госпожа — высоченной обнаженной женщиной с глянцево-черной кожей, четверорукой, с восемью сосками, с клыками вампира, увешанную украшениями из детских черепов и отрезанных фаллосов. Да, девчушка совсем не походила на свою добрую старую мамочку.

Интересно, смотрела ли Госпожа сон в тот миг, когда я углядел нечто, показавшееся мне Киной?

Я вздрогнул. На миг мне почудилось, будто я ощутил запах «духов» Кины, являвшийся в действительности смрадом разлагающихся трупов. Скоро от этой вонищи не продохнешь. Ежели сейчас и можно дышать, то только благодаря холоду.

Я завопил и понял, что Тай Дэй встряхивает меня, пытаясь привести в чувство. Вид у него был испуганный. Костоправ таращился на меня с недоумением, да и остальные тоже. Похоже, я провалился в кошмар, даже не заметив этого.

— В чем дело? — спросил капитан.

— Дурной сон.

Уже уходившая в сопровождении Лебедя и Ножа Госпожа остановилась и оглянулась. Ноздри ее раздувались, словно и ей померещился тот же запах. Брошенный на меня взгляд был суров.

— ...Прошу прощения?

Пока мы с Госпожой играли в гляделки, я прослушал какой-то обращенный ко мне вопрос.

— Мурген, куда запропастились твои родственнички?

— Понятия не имею. Знаю только, что утром они вконец осатанели — прорвались в лагерь Обманников и навели там шороху.

Говорил я тихо, потому что не был уверен в существовании языка, неизвестного Госпоже или ее прихвостням.

— Было на что посмотреть. Дядюшка Дой искрошил в капусту с полсотни Обманников, а матушка Гота прикрывала ему спину. Эту старушенцию лучше не выводить из себя.

— Тай Дэй, где Дой и твоя мать? — спросил я, перейдя на нюень бао.

Тот пожал плечами. Что означало одно из двух: он не знает либо знает, но не скажет.

— Тай Дэй тоже ни хрена о них не знает, — сказал я Костоправу.

— Кстати, и сам Тай Дэй почитай весь сегодняшний день не путался у меня под ногами, что необычно. Где, хотелось бы знать, он отирался.

— Щенок,— начал Костоправ, имея в виду мой рассказ о подвигах дядюшки,— сколько раз я просил тебя не преувеличивать. Не может быть, чтобы такой старикашка...

— Какие преувеличения. Там было много кровищи и дерьма. А «старикашка» вертел мечом так быстро, что его почитай и видно-то не было. Эти душилы, сучьи потроха, разбегались, как тараканы. Нарайян Сингх сграбастал девчонку и задал драла: нынче он прячется под вышкой Могабы. Там был такой переполох, что малость встряхнуло даже Дщерь Ночи.

— Ладно. И куда же они, родственнички твои драгоценные, потом подевались?

Упрямый сукин сын.

— А черт их знает. Я их не разыскивал. Может, погибли или попали в плен.

Признаться, вероятность подобного исхода представлялась мне сомнительной.

Костоправ кивнул, бросил взгляд на Тай Дэя и сказал:

— До них я еще доберусь. А сейчас отправляйся спать. Завтра предстоит долгий день.

Я понял, что мне лучше отдохнуть сейчас, потому как потом такой возможности может не представиться. Тай Дэй, судя по физиономии, жалел, что не удосужился выучить несколько чужеземных наречий.

30

Я оказался прав. Возвышенность являлась ключом к перевалу. Правда, чтобы додуматься до этого, не нужно быть великим стратегом. Сигналом к возобновлению битвы послужил освежающий душ из огненных бомб. Впервые за все время боя наши залпы разрядили шесты. Чем до крайности разозлили Госпожу, с пеной у рта проклинавшую все и вся за пустую трату зарядов.

Честь наступать первым снова выпала Прабриндраху Драху. Трудно было поверить в то, что солдаты Могабы не уничтожены шквальным огнем, однако князь натолкнулся на ожесточенное сопротивление. Тенеземцы дрались храбро, хотя бы потому, что ничего другого им не оставалось. Как это зачастую случается в отчаянных ситуациях, давала себя знать их превосходная выучка. Князь наседал упорно, но прорваться ему не удавалось.

Могаба ухитрился буквально из ничего сколотить небольшой резерв. Он перебрасывал этот отряд вдоль фронта, мгновенно затыкая дыры. Его ум, воля и стремление спасти положение творили чудеса. Но он был обречен. Обречен из-за безумного упрямства его правителя.

До сих пор Хозяин Теней думал только о том, как удержать проход, не отдав его Черному Отряду. Создавалось впечатление, что мир рухнет, если мы пересечем Данда-Преш. Но когда огненные шары стали с шипением вспарывать воздух у самых его ушей, у него возникла новая идея.

— Подготовь свой ковер, — сказал он Ревуну.

— А ты, генерал, вызови сюда Обманника Сингха, дитя и самых ценных из своих офицеров.

Неожиданно он почувствовал полнейшее спокойствие. Овладев собой, он на время обрел рассудительность, достойную могущественного властителя. С полминуты Ревун молча смотрел на него, а потом кивнул. Маленький чародей тоже носил маску, но она почти не скрыла его презрительную мину.

— В настоящий момент отступление было бы преждевременным, — заявил Могаба.

Я готов был поверить в то, что этот человек — святой. Святой служитель какого-то дьявольского культа, но, тем не менее, святой. Его героизм не имел себе равных. Длиннотень же был хуже испорченного ребенка. Интересно, как этому недоумку удалось обрести такое могущество?

— ...Обстановка еще может измениться, если ты позволишь мне...

— Ты будешь исполнять мои приказы, — оборвал его Длиннотень.

— По всей видимости, да. Именно так я поступал в течение последних четырех лет. Что и привело нас к такому результату. Армия, равной которой не было на протяжении веков, обречена на гибель лишь потому, что вся ее стратегия и тактика сводится к исполнению продиктованных эгоизмом и страхом приказов одного-единственного колдуна, чье представление о реальности не простирается дальше наконечника копья, которое он сжимает в руках. Между прочим, я нахожу, что они поразительно хорошо информированы об особенностях твоего характера.

Могаба бросил на Ревуна взгляд, полный злобного предубеждения. Похоже, паранойя и взаимная подозрительность не являются чем-то исключительным в нашей армии. Так же, как и несовпадение личных интересов.

Длиннотень, брызжа слюной, заорал что-то невразумительное.

Могаба не дрогнул.

— Я не стану вызывать своих капитанов, — продолжил он. — Я не оставлю позиции и не покину своих людей лишь потому, что ты лишился мужества. Если тебе угодно бежать — беги, но не мешай мне сражаться. Возможно, мы все погибнем в огне, посланном этой ведьмой Сенджак, но ни один мой солдат не будет брошен мною на произвол судьбы.

Длиннотень бессвязно кричал, срываясь на визг. Он был близок к безумию.

— Возьми себя в руки, — не унимался Могаба. — Будь мужчиной. Найди в себе силы хотя бы для того, чтобы не мешать профессионалам делать свою работу. Сделай так, чтобы твои солдаты захотели сражаться за тебя.

Повернувшись к Хозяину Теней спиной, Могаба подозвал вестового и послал его на высоты передать командирам, что он недоволен ходом боя.

Выпускаемые долговязыми шадаритами огненные шары свистели в опасной близости от башни Могабы. Нарайян Сингх и Дщерь Ночи чувствовали себя совсем неуютно.

Некоторое время мне казалось, что Могаба вконец расплюется с Хозяином Теней. Во всяком случае, он принялся энергично рассылать гонцов с приказом стабилизировать ситуацию на фронте.

Через несколько минут Длиннотень прекратил рвать и метать и погрузился в размышления. Я испугался — уж не удалось ли Могабе вдолбить этому сумасброду, что он располагает лучшей позицией, лучшей армией и лучшим полководцем, а поэтому, несмотря ни на что, может рассчитывать на победу? Инстинкт самосохранения мог заставить его внять доводам рассудка.

Но тут Хозяина Теней неожиданно окутала тьма. Я мог бы поклясться, что она не была порождена им самим.

Длиннотень взвизгнул, как раненый кабан, затопал ногами и что-то закричал на совершенно незнакомом ни мне, ни кому-либо из окружающих языке. Затем он рухнул на колени и забился в припадке, не походившем на один из его обычных приступов ярости.

Он стонал, рыдал и нес какую-то ахинею — возможно, непонятную и ему самому. Все находившиеся на вышке поразевали рты. Ревун озирался по сторонам, словно в поисках некой неведомой, но грозной напасти.

Я бросил быстрый взгляд на Госпожу, но та ничего не предпринимала и лишь выглядела чуть более настороженной, чем обычно. По всей видимости, она ощутила нечто, чего не понимала.

Все еще завывая, Длиннотень поднялся на ноги и, обернувшись к Могабе, начал притопывать и кричать, выделывая странные пассы костлявой, затянутой в перчатку рукой. Могаба рухнул, словно получил обухом по башке. Длиннотень заорал на вестовых — одного тут же отправил за Нараяяном Сингхом, остальных за лучшими офицерами. Последние отнеслись к своему поручению безо всякого воодушевления — да и чего можно было ждать от парней, сообразивших, что их бросают на верную смерть, чтобы придурковатому колдуну было сподручнее смыться.

Лишь тот, кого посылали за Нарайяном Сингхом, действительно выполнил поручение. Все прочие, не видя никакого резона и дальше служить тому, кто их предал, в всю прыть припустили на юг.

Наши ребята, закрепившиеся на высотах, сумели залепить в вышку несколько огненных зарядов. Меткость стрелков была выше всяких похвал, но пламенеющий шар, выпущенный из бамбукового шеста, не может попадать в цель с той же точностью, что и стрела.

По приказу Хозяина Теней Могабу затащили на ковер Ревуна. Сам Ревун молчал, хотя, по-моему, он скорее готов был согласиться с Могабой и не считал битву безнадежно проигранной.

Вот ведь холера, мне показалось, что эти олухи боятся Госпожи больше, чем следует. По мне, так уладить вопрос с ней можно было при помощи одного хорошего колдовского дерьмошторма. Но она, очевидно, сумела из одурачить. К тому же Ревун, надо полагать, слишком хорошо помнил старые деньки, чтобы мериться с нею силой напрямую. Впрочем, неважно. Главное, что они не собирались пускать в ход свою колдовскую силу.

Ковер, который Ревун пригнал на Чарандапраш, был куда больше того, что потрепали ему в прошлый раз. Он мог поднять добрую дюжину человек с оружием и снаряжением.

Длинотень прекратил бушевать. И, похоже, несколько растерялся.

— Что я отчудил на этот раз? — пробормотал он себе под нос.

Он чувствовал, что сморозил какую-то дурость, но принадлежал к тем остолопам, которые, коли уж вожжа под хвост попала, ни за что не отступят и не признают своей ошибки. Таких людей на свете хоть пруд пруди. Человечество только выиграло бы, возьми их папаши за обычай душить подобных еще в младенчестве, как только они начинают проявлять характер. Вот и этот олух готов был угробить целое войско, лишь бы не признать свою неправоту.

Когда Сингх с девочкой поднялись на смотровую платформу, там находилось около дюжины человек — несколько офицеров, но по большей части вестовые. Как только Нарайян и Дщерь Ночи ступили на ковер, даже самые тупые солдаты сообразили, что большие шишки намереваются смазать пятки. А когда Длинотень тоже оказался на ковре, парни, которых предполагалось бросить на произвол судьбы, с этим не согласились. Едва Ревун начал поднимать ковер, они попрыгали туда. Ковер качнулся, задел краем платформу и, крепясь, заскользил к утесу. В тот же миг вниз посыпался град огненных шаров. Солдаты уворачивались. Ковер отчаянно завихлял, кое-кто не удержался, но Ревуну удалось справиться с управлением, и ковер, раскачиваясь, словно перепившаяся комета, устремился к югу.

Наши стрелки на высотах перенесли огонь с вышки на ковер. Ревун отчаянно лавировал, но некоторые заряды все-таки попадали в цель. Всех колдовских усилий Ревуна едва хватило на то, чтобы всю его компанию не сожрали живьем.

Но куда смотрит Госпожа? Ведь это ее шанс. Сейчас, когда эти негодяи думают лишь о том, как спасти свои задницы, все зависит

от нее. Достаточно посадить ковер — и дело будет сделано. Вдобавок нам достанутся Нарайян Сингх и дитя.

И тут до моего слуха донесся звук. Шепот, десятки, нет, сотни тысяч, миллионы, миллионы миллионов шептаний накладывались одно на другое, разбухая, словно циклон. Циклон, пронесшийся мимо меня и устремившийся вслед за ковром. А затем наступила полная запредельного ужаса тишина. Уж ежели все это нагнало такого страху на меня, можно себе представить, каково пришлось тем, кто пребывал во плоти.

Солдаты обеих армий опустили оружие и замерли в ожидании. Над полем боя пронесся отчаянный вопль Ревуна. Этот вопль вывел наших ребят из оцепенения, и они с удвоенным рвением принялись выпускать огненные шары в летящих колдунов. Фейерверк возобновился.

Ковер устремился к земле. Полноценной помощи Ревун не получал, а одному ему было не под силу и лететь, и сражаться одновременно. При падении ковер сильно ударился о землю. Солдат, в том числе и Могабу, раскидало по склонам. Большинство разбежалось кто куда, но Могаба, едва поднявшись на ноги, заковылял к своим позициям. Вокруг бушевала огненная буря, но он оставался невредим. Не иначе как боги благоволили этому малому.

Даже пребывая в мире духов, притупляющем чувства, я ощутил прилив восторга. Мы их отделали! Победа за нами! Еще чуть-чуть, и этой войне конец. Магический шепот Госпожи растворит чары Длинотени и Ревуна, а ребята с высот закидают их огненными шарами.

Только сейчас из мрака тайны стали вырисовываться детали несравненного по глубине и широте охвата замысла Костоправа, основанного на учете особенностей характера Хозяина Теней. Годы отточили мастерство Старика. Я восхищался им не только потому, что он добился успеха, но и потому, что на сей раз ему, кажется, удалось предусмотреть все возможные варианты развития событий. Только он сам да его боги знали, что еще было у него в запасе. Внизу оставались тонны всякого снаряжения, так и не пущенного в ход.

Дело закончилось. Дорога была открыта. Я направился назад, к фургону Одноглазого. Теперь нам придется действовать быстро, чтобы успеть воспользоваться полученным преимуществом и занять выгодную позицию. К тому же, наверное, нужно будет собрать вместе всех братьев Отряда. Я уже собрался вернуться в фургон, когда царство духов наполнилось смрадом, словно кто-то разом пооткрывал все гробы в мире. Много я нюхал всякого дерьма, но такой гнусной вонищи и представить себе не мог. Меня охватил страх. А за ним, отставая всего на полшага, надвигалась паника. Быстро, прежде чем страх успел парализовать меня и заставить забыть, как возвращаться, я скользнул в свое тело.

А позади, в каньоне, не удостаивая вниманием проносившиеся мимо огненные шары, стояла на валуне Дщерь Ночи. Маленькие

ручонки были воздеты, приветствуя и призывая надвигающуюся Тьму, губы растянулись в злобной усмешке.

31

Что-то приближалось. И я, кажется, даже мог припомнить, что. Я выскочил из фургона и, зацепившись рукой за козлы, завис, качаясь, как обезьяна. Кажется, прошло больше времени, чем я думал. Уже забрезжил рассвет.

Но нет, то был вовсе не рассвет. Свет исходил не от солнца, не от луны, а со стороны горного прохода. Неужто огненные шары воспламенили какие-нибудь горючие припасы тенеземцев?

Хорошо бы так. Но увы, я знал, то был не обычный, земной огонь. Я, спотыкаясь, помчался к штаб-квартире Госпожи. Что бы ни происходило, Госпожа не могла не иметь к этому отношения.

И вполне возможно, сейчас безопаснее всего находиться рядом с ней. Бежать пришлось не так уж далеко, но представление закончилось прежде, чем я добрался до места. Госпожа пыталась усмирить Ревуна, и если она не смогла добиться успеха, то не по своей вине. В игру вступила новая сила.

Поначалу ее очертания казались неопределенными, но, столкнувшись с чарами Госпожи, они стали обретать форму и цвет. И я увидел — то, чего видеть мне совсем не хотелось.

Черную фигуру. В сто футов ростом. С четырьмя руками. Ту самую, что преследовала Госпожу в ее снах, а порой, как призрак, прокрадывалась и в мои. Саму Тьму, жаждущую заполучить дочь Госпожи.

Сотни тысяч ошеломленных глаз следили за противоборством Госпожи с этим колоссом. Обманники встретили появление чудища приветственными криками. Пусть дела оборачивались для них худо, но ныне они воочию узрели несомненное доказательство того, что Год Черепов воистину близится. Возможно, вот-вот наступит, раз уж их богиня обрела такую мощь, что сама явилась в наш мир, дабы защитить свою избранную дочь и живого святого Нарайяна Сингха.

Впрочем, скоро выяснилось, что призрак Кины имеет много общего с любимыми игрушками Длиннотени. Он вовсе не был неуязвим для огненных шаров, притягивал их и через некоторое время стал походить на изъеденное молью изображение на каком-нибудь старом гобелене. Представление закончилось прежде, чем я успел перевести дух. Кина рассыпалась и исчезла. Но продержалась достаточно долго, чтобы дать своим приверженцам возможность прихватить дитя и удрать. Кренясь и качаясь, ковер Ревуна набрал скорость и скрылся из виду. Заполнявший мир шепот начал стихать.

Вконец обессиленная, Госпожа рухнула без чувств. Лебедь и Нож уложили ее на носилки и взялись за ручки. Вокруг сомкнулись самые преданные, сопровождавшие ее не один год воины.

— Особо не дергайся, — сказал я Лебедю. — Они сейчас драпают к Вершине, поджав хвосты. Могаба ранен, так что командовать ими некому.

Лебедь смерил меня недоверчивым взглядом.

— А на хрена ты говоришь это мне? Найди своего долбаного Костоправа, ему и рассказывай.

— Хорошая идея.

Я так и сделал.

32

Прабриндраху Драху снова досталось на орехи. Люди Могабы ни в какую не желали забыть первейшую заповедь выживания: никогда не показывай врагу спину. А солдата, который, несмотря на то, что страх подстрекает его бросить оружие и пуститься наутек или сжаться в комок, не покидает своего места в строю, не так-то просто убить.

Весь смысл изнурительной, доводящей до исступления и порой кажущейся солдатам бессмысленной муштры заключался именно в том, чтобы каждый продолжал делать свое дело, когда становится по-настоящему страшно. Битва — это не просто организованное убийство. Суть ее составляют страх и умение совладать с ним. Тот, кто одолеет страх, одолеет и противника. Старик так долго наблюдал за безуспешными потугами князя, что даже в его окружении поднялся ропот. В конце концов я спросил, почему он не вмешивается.

— Хочу, чтобы весь Таглиос знал, из какого он теста. Мне нужна уверенность в том, что будет, когда он возьмет власть в свои руки.

Все это звучало вроде и разумно, но как-то подозрительно. Впрочем, в последнее время мне начинало казаться подозрительным все, что имело отношение к Костоправу.

Правда, в конце концов он выдвинул на место потрепанного воинства князя корпус Госпожи, усиленный гвардейцами Лозана. Им удалось потеснить Могабу, но тот вскоре выровнял фронт. Госпожа была столь измотана, что все ее колдовство годилось лишь на то, чтобы отвлечь неприятеля. Интересно, почему Костоправ не устроил передышку и не дал ей восстановить свои силы? Впрочем, я не стал тратить время на пустые попытки постичь ход его мыслей. Я больше не понимал этого человека.

Незадолго до полудня он отвел войско Госпожи, укрепил фланги лучниками и выстроил для атаки обе свои дивизии. Передовой колонне предстояло измотать врага, с тем, чтобы наступавшая следом смогла рассеять его. Но прежде чем барабаны начали свой мрачный распев, Костоправ выбросил белый флаг и выступил вперед. Мне пришлось тащиться за ним со знаменем в руках. Эту проклятую хреновину следовало бы посадить на диету. Уж больно она тяжеленная, и с каждым разом все тяжелее.

Меня все это выбивало из колеи. Я находился здесь лишь по настоянию Костоправа, хотя предпочел бы соединиться с Копченым да выяснить, что теперь затевают Ревун, Длинотень, Душелов и кто бы то ни был. Да и Радишу не мешало бы проверить, я к ней давненько не наведывался.

Хорошо еще, что некоторое время она будет оставаться в неведении относительно здешних событий.

Могаба удивил меня тем, что спустился нам навстречу. Весь в повязках, он тяжело припадал на ногу, и думаю, не будь его кожа черной, по всему телу можно было бы увидеть синяки и кровоподтеки. Один глаз заплыл и закрылся, зубы были сжаты от боли.

Однако эмоций он выказывал не больше, чем статуя из черного дерева.

— Вы ухитрились использовать все наши промашки,— признал он.

— Этот сучий потрох подрезал вам сухожилия,— устало заметил Костоправ.— Подумай, какая тебе нужда и дальше гробить людей.

— Исход этой битвы, может быть, и решен, но война продолжается. Она закончится не сейчас и не здесь.

В этом замечании был некий резон. Нам следовало продвигаться вперед без малейшего промедления: в противном случае возникала опасность разложения нашей разномастной армии.

Улыбка Костоправа была почти под стать жуткой броне Вдоводела, с которой он в последнее время почти не расставался.

— Я ведь не раз и не два пытался засадить тебя за изучение Анналов. И предупреждал, что ты пожалеешь, если не займешься этим вплотную.

Могаба тоже улыбнулся — так, словно знал на сей счет нечто любопытное.

— Это не Священное Писание.

— Что?

— Твои драгоценные Анналы, вот что. Они не святы. Это не более чем истории, отчасти составленные на основе преданий, отчасти же попросту враки. Примерно в равных долях.

Он хмуро взглянул на меня:

— Смотри, знаменосец, если ты будешь черпать свою веру в прошлом, это тебе дорого обойдется.

Капитан снова улыбнулся — на сей раз мягко. Неужто эта битва будет выиграна с помощью улыбок?

Костоправ продемонстрировал весьма оригинальную тактику, но Могаба не уловил этого. Не сумел, потому как Анналов не читал. А не читал он их потому, что — чего никогда не признавал открыто — просто-напросто не умел читать. Там, откуда Могаба родом, грамотность не числилась среди воинских достоинств.

Сейчас, во всяком случае, не было сомнения в том, на чьей стороне моральное превосходство.

— Выходит, — промолвил Костоправ, — мне придется уложить еще немало твоих людей, прежде чем ты признаешь истину.

— Истина переменчива, и каждый толкует ее по-своему. В данном случае ее окончательная форма остается неопределенной. И возможно, ты указал мне способ, как найти свою истину.

Могаба отвернулся и зашагал вверх по склону. Напряженные плечи указывали на то, что невозможность скрыть от нас боль уязвляла его гордость. Уходя, он пробормотал, что Хозяин Теней больше не сидит у него на шее и руки его развязаны.

— Эй, командир, — сказал я, — Длиннотень больше не маячит у него за спиной.

— У него больше нет надобности в том, чтобы этот малый торчал... Берегись!

Тай Дэй подпрыгнул и закрыл меня щитом как раз вовремя — я едва не угодил под проливной дождь вражеских стрел.

— Ни хрена себе! Быстро здесь погода испортилась.

Ребята на холмах чуть животики не надорвали. Ну и видок у нас, наверное, был, когда мы пятились к нашим рядам, пытаясь втроем укрыться за одним маленьким щитом.

Этот хитрожопый Могаба вышел на переговоры лишь для того, чтобы выторговать своим солдатам несколько минут передышки. А как только он добрался до них, они пошли в атаку. Куража у них, может, и не прибавилось, но дисциплина оставалась на высоте.

С наших флангов и башен на них посыпались стрелы. Над фронтом взвились огненные шары. В таких обстоятельствах их порыв казался весьма опрометчивым. Тем не менее, они несколько потеснили нас, ибо сражались с такой яростью, словно связывали с этой атакой последнюю надежду. Обстановка существенно осложнилась. Но тут Госпожа решила, что она достаточно отдохнула.

Чарандапраш окрасился морем разноцветных огней. После этого схватка продолжалась недолго. Однако, когда над полем повисла тишина, даже наши резервы оказались слишком вымотанными, чтобы преследовать кого бы то ни было. Костоправ предоставил эту честь уцелевшим лагерным прихлебателям, заявив, что они могут забрать себе всю добычу.

Дуралеи, клюнувшие на это, по большей части были убиты.

Все собравшиеся у большого костра только и толковали о дальнейших планах Могабы. Похоже, у каждого офицера рангом выше лейтенанта имелось на сей счет свое мнение. А то и два. И все они не стоили ни гроша.

Я отправился блуждать с духом, но Могабу найти не смог, даже с помощью возвращения в прошлое. Правда, поиски продолжались недолго — достаточно было одного намека на отвратительный трупный запах, чтобы я без оглядки пустился наутек.

Неужто она всякий раз появляется там тогда же, когда и я? Костоправ мыслишек в общий котел не подбрасывал. Он просто сидел у костра, довольный и умиротворенный, каким я не видел его уже долгие годы.

Госпожа сидела рядом с ним и тоже выглядела неплохо, будто ей все-таки удалось как следует поспать.

— Не найдется ли у тебя пара минут? — обратился я к ней. — Есть разговор. Мне ведь насчет тебя почитай и записать-то нечего.

— Едва ли я смогу рассказать тебе что-нибудь интересное, — со вздохом отозвалась она.

С помощью Копченого я мог проследить за ней во времени. Но это не помогло мне проникнуть в ее мысли.

— Видок у тебя словно у кота, сожравшего хозяйскую сметану. С чего бы это? — спросила Госпожа Костоправа.

— Да с того, что Длинноте́нь с Ревуном не вернулись...

Он взглянул на меня, давая понять, что хотел бы знать почему. Но не сейчас. Это могло подождать.

— ...и с того, что вернулась ты.

Отдохнувшая, она выглядела чудесно, несмотря на свое недавнее состязание с Киной. Или с тем, что выглядело как Кина.

— ...с того, что теперь им придется засесть на Вершине, покуда Длинноте́нь не ухитрится сметать на живую нитку хоть какое-то войско из оставшихся гарнизонных служак да ополченцев, которые предпочли бы вовсе ни во что не ввязываться.

Так-то оно так, но он оставался Хозяином Теней и последнего слова пока не сказал. И стены Вершины вздымались на сотню футов. Хотелось верить, что Костоправ не решил, будто теперь единственной нашей заботой осталось побережье.

— Ты заметил, что он так ни хрена и не объяснил? — буркнул Лебедь, обращаясь к Ножу.

Возвращение закадычного приятеля он воспринял как должное, словно никогда и не считал его изменником. Но многим до сих пор не верилось, что дезертирство Ножа было всего лишь уловкой. Особенно тем, у кого были родичи среди безжалостно истреблявшихся Ножом храмовых ополченцев.

— Этот сукин сын явно не собирается ни с кем делиться своими замыслами. Даже со мной и с тобой. У него наверняка в рукаве припрятана козырная карта. А ведь нам, бедолагам, тоже не мешало бы знать, что затевается.

Он бросил на Госпожу долгий печальный взгляд, словно силясь уразуметь, что она могла найти в Старике. Я тоже задумывался об этом, но лишь до того, как мы с Сари полюбили друг друга.

В этом не следует искать смысла. Следует лишь молиться о даровании свободы, не отказывать себе в этом счастье. Кстати, о пределах свободы. Родственнички мои так и не объявились. Кроме, разумеется, Тай Дэя. Я скорее мог бы отделаться от собственной тени, нежели от него.

Нож ухмыльнулся, глядя на кислую физиономию Лебедя. Участие в авантюре Костоправа изменило этого парня. Он нашел свою нишу.

— Коли ты и впрямь хочешь что-нибудь разузнать, возьми у Мургена его книги. Говорят, в них можно найти все, лишь бы знать, где искать.

— Хороший совет, — заметил помянутый выше Мурген. — Одна беда: этот самый Мурген не имеет обыкновения таскать книги с собой. Кроме той, над которой работает сейчас.

Комментарий Лебедя был краток и неприличен. Как и Могаба, он не умел читать.

Нож рассмеялся:

— А пусть-ка Мурген Большие Уши сам тебе все расскажет. Он ведь помнит любую главу и даже стихи может наизусть шпарить, не хуже самого Костоправа. Одно слово — Костоправов любимчик.

Старине Ножу всегда недоставало чувства юмора. Во всяком случае, мне его шуточки забавными не казались.

— Рассказать-то расскажу, — заявил я. — Да только за хорошую плату. Сам знаешь, наш брат наемник задаром ни хрена делать не станет.

Шутки шутками, но, пожалуй, мне стоило некоторое время держаться подальше от Копченого, чтобы занести в Анналы подробное описание сражения при Чарандапраше. То был критический момент в истории Отряда, а я до сих пор не уделил ему должного внимания. А когда я все-таки отправлюсь на прогулку с Копченым, мне придется сосредоточиться на действительно важных вещах. Я не имею права уходить в мир духов лишь ради того, чтобы избавиться от боли.

Да и боль, надо признать, несколько притупилась. Возможно, соприкосновение с Киной способствует избавлению от романтического томления.

— Тай Дэй, — шепнул я на нюень бао, давая понять, что вопрос носит не деловой, а личный характер. — Что значит, если женщина нюень бао надевает белое.

— А?.. — Похоже, он удивился. — Я не понимаю, брат.

— Мне просто вспомнился сон, виденный несколько ночей назад. Я видел женщину, похожую на Сари. Одетую в белое платье. А ведь нюень бао, если они не жрецы, в своих поселениях всегда ходят в черном. Разве не так?

— Тебе снилась Сари?

— Она постоянно мне снится. А тебе разве не снится Му?

— Нет. Когда они уходят, мы позволяем уйти и их душам. Нас этому учат.

О! Я ему не поверил. Учить-то может и учат, но проку от этого учения мало, в противном случае месть не значила бы для них так много.

— Но все же, что означает белое платье? Если оно вообще что-то значит.

— Белый цвет — цвет вдовства. Мужчина, потерявший жену, тоже надевает белое. Вдова должна ходить в трауре не менее года, и в это время ни один мужчина не вправе к ней посвататься. Хотя, конечно же, мужчины из ее рода негласно будут присматривать ей подходящего супруга. То же относится и к вдовцу: отец и братья могут рассматривать возможности нового брака, но не имеют права высказываться от его имени, пока он не снимет белое.

Это было для меня новостью.

— Но за время пребывания в Деджагоре я не видел ни одного нюень бао, ни мужчины, ни женщины, в белом. И Сари заинтересовалась мною прежде, чем минул год со дня смерти Данха.

Тай Дэй одарил меня одной из своих несчастных улыбок.

— Сари заинтересовалась тобой, когда он был еще жив. С первого взгляда, в тот день, когда ты пришел на встречу с дедом. Какой был скандал — тебе и не представить. Особенно после того, как бабушка заявила, что Сари суждено стать возлюбленной иноземца.

Стало быть, эта улыбка не была связана с добрыми воспоминаниями. Могу себе представить, какова была ярость матушки Готы.

— Но Сари ни дня не носила белого. Как и никто другой.

— Потому, что в городе не было ни единой белой тряпки, не нацепленной на таглиосского солдата. А дед считал, что подбирать их туники не следует из политических соображений.

Тай Дэй снова улыбнулся — улыбка делала его лицо похожим на череп — и продолжил:

— К тому же нас было немного. Все паломники знали друг друга, и уж всякий знал, кто потерял пару. Мы понимали, что у нас нет и не будет возможности следовать обычаям, пока мы не вернемся в наши селения, к нашим храмам.

Выходит, та женщина в дельте была вдовой. Ну что ж, это, пожалуй, объясняло ее горестный вид.

— Тебе следовало бы побольше рассказывать мне об обычаях нюень бао. А то ведь порой я чувствую себя полным невеждой.

Улыбка Тай Дэя исчезла.

— Но у тебя больше нет надобности знать наши обычаи, разве не так?

Даже брак не сделал меня своим для их племени. Тай Дэй находился здесь не потому, что считал меня членом семьи, а лишь в силу принятого обязательства.

Об этом следовало подумать.

33

Костоправ дал всем как следует отдохнуть, прежде чем приступил к тому, что, по его мнению, должно было стать последним натиском на оборону тенеземцев. Меня бросало то в жар, то в холод, не

иначе как поблизости от Кины я подцепил что-то вроде лихорадки. Так что на разведку я на сей раз не пошел.

Старик обойдется, узнает, что надо, и от своих ворон. На всей оборонительной линии противника не оказалось ни одного живого тенеземца. Укрепления были покинуты. Пока мы рассиживались у костров да дрыхли без задних ног, Могаба и его капитаны увели остатки своего войска. Они даже пытались уничтожить все снаряжение и припасы, какие не могли утащить, но шадаритская кавалерия помешала им осуществить эти планы.

Смерть есть вечность. Вечность есть камень. Камень есть молчание.

Камень сломан.

В ночь, когда больше не стонет ветер и маленькие Тени исчезают в укрытиях, камень порой шепчет. Порой он говорит. Порой ввергает своих чад в первозданный хаос. Иногда разноцветная туманная дымка осторожно обволакивает приколотое к скособоченному тропу тело.

Тени, мерцая в лунном свете, снуют по равнине. Они поглощают друг друга и становятся сильнее. Время от времени трон крепится еще — пусть даже на миллионную часть дюйма. В последнее время это происходит все чаще.

Камень содрогается. Вечность глумливо поглощает собственный хвост.

Празднество стужи близится к завершению.

34

Я слышал, как Одноглазый материт свою горестную судьбу вообще и некоторых таглиосцев из числа веднаитов в частности. Колесо фургона застряло между камнями, а солдаты вовсе не торопились высвободить его в угоду маленькому волшебнику, который и без того пребывал в скверном расположении духа. Думается мне, он все же надеялся, что после победы на Чарандапраше мы не станем продолжать наступление. Надеялся, что, установив контроль над перевалом, Старик успокоится да и отведет армию назад, дожидаться прихода лета в более теплых краях.

В конце концов, куда мог направиться Длинотень? В свое логово. Но из-за этого землетрясения он не мог рассчитывать на скорое завершение строительства его драгоценной Вершины. А стало быть, нам незачем торопиться. Нужно быть полным идиотом, чтобы после такой победы, вместо того чтобы отметить ее хорошей выпивкой, толком не очухавшись, переться незнамо куда, незнамо зачем.

Все это, или что-то в таком роде, Одноглазый талдычил беспрерывно, с того самого момента, как Костоправ приказал двигаться в путь. Одноглазого это не привело в восторг. Равно как и то, что мне

пришлось ехать в его фургоне. Меня по-прежнему бил озноб, и капитан считал это удачным предлогом для того, чтобы я безотлучно находился рядом с Копченым — от последствий чрезмерной близости с которым он же меня и предостерегал.

Я не стал говорить ему, что в последнее время прогулки с духом сделались малость жутковатыми. И Одноглазому тоже пока ничего не рассказывал. Хотя и понимал, что рассказать придется.

С такими вещами не шутят. Мне и самому едва ли понравится, если мое молчание обернется бедой.

Но, с другой стороны, мне не хотелось поднимать тревогу лишний раз. Ведь Одноглазый тоже блуждал с духом, хоть и нечасто, но ни разу не упоминал о том, чтобы в это время случалось что-нибудь необычное. Возможно, я просто дал слишком большую волю собственному воображению. Кстати, сейчас я находился совсем даже в неплохой форме. Меня нещадно трясло на колдобинах, но лихорадка унялась. Чем не удобный случай оглядеться по сторонам?!

Одноглазый что-то проорал, обращаясь к Тай Дэю.

— Попусту глотку дерешь, — заметил я на наречии Самоцветных городов. — Ему ведь все едино, что посмотреть в твою сторону, что пнуть тебя по заднице.

— Хм. Это может оказаться забавным. Посмотрим, что будет делать Джоджо. Вдруг да проснется.

Как и большинство братьев Отряда, Одноглазый имел телохранителя из нюень бао. Однако Чо Дай Чо, приставленный к Одноглазому, являлся едва ли не самым неназойливым и неамбициозным из своих соплеменников. Он находился здесь потому, что такова была воля старейшин племени, но вовсе не склонен был проявлять излишнее рвение в том, чтобы уберечь Одноглазого от самого себя — или от чего бы то ни было. За последний месяц я видел Чо только четыре раза.

Увидеть Душелова мне не удавалось. Я знал, что она находится там. Копченый не противодействовал мне, но чары, скрывающие эту женщину, были столь сильны, что я не мог углядеть ее даже таким способом. Хотя и догадывался о ее местоположении: к западу от нас над горным склоном вились вороны.

Я огляделся в поисках Лизы Бовок — ученицы убитого Одноглазым Меняющего Облик, но ее не было и следа. Равно как и Могабы и тех наров, что вместе с ним перешли на сторону Хозяина Теней. Но Длинотень находился там, где его следовало искать, — под хрустальным куполом, венчающим Вершину. Восседая за каменным столом, он спокойно и рассудительно отдавал приказы гонцам. Вся его энергия была направлена на организацию обороны поуменьшившихся в размере владений: к тому, чтобы скрыться от меня, он явно не прилагал никаких усилий.

Внизу, в тайных покоях Вершины, я обнаружил Нарайяна Сингха. Съежившийся от страха Обманник забился в угол, тогда как Дщерь Ночи, более походившая на карлицу, нежели на дитя, по всей видимости, общалась со своей духовной матерью. В комнате стоял запах Кины, но не было ужасающего ощущения ее присутствия, с каким мне приходилось сталкиваться прежде.

Некоторое время я отматывал часы назад, снова и снова присматриваясь к душиле. Сомнений не было, Нарайян Сингх обычно ничем не заправлял. Ныне он представлял собой не более, чем приложение к Дщери Ночи, вся ценность которого сводилась к посредничеству в ее общении с Хозяином Теней и Обманниками. Однако Сингх понимал — не за горами то время, когда девочка сможет обходиться и без него. И тогда она избавится от него без сомнений и колебаний, как выбросила бы обглоданное свиное ребро.

Связь с божественной родительницей буквально преображала ребенка. Похоже, Кина торопилась, словно опасалась, что ей недостанет времени для исполнения ее долга.

Так или иначе, в присутствии Дщери Ночи я чувствовал себя неуютно, хотя в действительности нас разделяли две сотни миль. Я предпочел убраться восвояси и попробовал выследить Ревуна. Но без особого успеха. Колдун метался туда-сюда на своем драном, заплата на заплате, ковре, укрываясь за магическим барьером. На виду он оказывался лишь изредка, скорее всего, тогда, когда в спешке обгонял собственное ограждение. Но в любом случае он от кого-то прятался. Уж не проведал ли обо мне?

Следующей на очереди была Радиша, к которой я не наведывался уже давненько. Она совещалась со жрецами — настоятелями главнейших храмов города. Речь, разумеется, шла о войне и о безбожной, кощунственной позиции тех, от кого зависела безопасность Таглиоса.

— Не приходится сомневаться в том,— заявил Радише жрец богини братской любви,— что он продолжает использовать войска, набранные среди праведных, ради того, чтобы удовлетворить свое желание поквитаться с Могабой.

Новости с театра военных действий еще не достигли Таглиоса.

— Он даже не пытается скрыть этого, но ваши люди помогают ему.

— А что нам остается делать? — проворчал святоша в ярко-алом одеянии.— Ведь Хозяин Теней обещал отдать здешние земли в управление Ножу. А для всех нас это означает смерть. Или Нож погибнет, или мы.

— А в результате мы снова оказываемся в весьма затруднительном положении, не правда ли? Несмотря на то, что мой брат приобрел достаточный воинский опыт и обзавелся дельными командирами, ни народ, ни войско не верят в возможность победы над Хозяином Теней без Черного Отряда. Мы по-прежнему вынуждены

позволять тьме сражаться с тьмой, надеясь на то, что победу одержат темные силы — союзные нам, а мы при этом сумеем сохранить контроль за дальнейшим развитием событий.

Рави-Лемма слыла рассудительной богиней, и ее приверженцам не пристало подстрекать ко всякого рода крайностям. Но гуннитский пантеон насчитывал добрую сотню богов, богинь и божков, и некоторые из них отнюдь не отличались подобной терпимостью.

— Мы должны убить их без промедления! — заорал какой-то святоша. — Они представляют собой куда большую угрозу нашему образу жизни, чем какой-то там чародей, угнездившийся в восьми сотнях миль отсюда!

Многие таглиосцы, особенно не служившие в армии, на юге не бывали и не знали, какое наследие оставили в своих бывших владениях Хозяева Теней. А правдивым рассказам не верили, потому что предпочитали верить чему-то другому.

Эта бесконечная свара вполне могла так и не прийти к завершению на моем веку. Шла война, и пока мы ее не выиграем, предложение «убить их немедленно» могло рассчитывать лишь на поддержку незначительного меньшинства. Но вот мнение о необходимости «убить их потом» имело множество приверженцев.

— Их ведь пять, ну от силы шесть десятков, — рассудительно прикинула Радиша. — Неужто нам будет трудно избавиться от них, когда отпадет надобность в их службе?

— Боюсь, что чертовски трудно. Во всяком случае, Хозяевам Теней это не удалось. И Обманщикам тоже.

— В этом направлении делаются определенные шаги.

Интересно. А вот мы пока никаких шагов не приметили. Стало быть, имеет смысл заглянуть в прошлое.

Покинув собрание, я переместился назад во времени, к тому самому моменту, когда проверял Бабу в последний раз.

Ничего особенно нового откопать не удалось. Каждая новая идея Радиши с ходу отвергалась Корди, причем, похоже, чем категоричнее было неприятие Мотера, тем привлекательнее казалась эта задумка Бабе.

Заметный интерес представлял собой тот факт, что она заинтересовалась местонахождением Копченого, хотя еще не наладила систематических поисков. Корди твердил одно: они наверняка позаботятся о Копченом, уж во всяком случае, голодом его не уморят.

— Но они ненавидят его, дорогой. Ведь он всеми силами старался вредить Черному Отряду.

— Они изыщут более жестокий способ с ним поквитаться, когда сумеют привести его в сознание, чтобы он мог испытывать страх и боль.

Корди буквально вторил моим мыслям. Конечно, уморить сукина сына голодом было бы не худо, но лучше бы он сознавал, что умирает. А возможно, достаточно будет и того, что, придя в себя, он

поймет, что находится в наших руках. Этого хватит, чтобы заставить его кровью блевать.

Я проверил весь промежуток между двумя посещениями Бабы, но ничего существенного так и не выявил. Однако не мог отделаться от ощущения: что-то происходит. Ведь вся жизнь Радиши Драх прошла в сознании того, что каждое ее слово и каждый шаг могут стать известными людям, отнюдь не желающим ей добра.

Я вернулся в сегодняшний день, но не услышал ничего, что заставило бы меня поспешить с докладом к Старику.

Ну и ладно. Надо полагать, через некоторое время, когда до святош и Бабы дойдут-таки новости с Чарандапраша, весь этот курятник раскудахчется. Тогда, глядишь, кто-нибудь лишнее слово и обронит. Я к ним вернусь.

Перед возвращением в свое тело я заглянул в тайное убежище Копченого. Старые Анналы лежали именно там, куда я их спрятал. Но вот что любопытно — когда я отбывал, надо всем комплексом дворцовых строений вились тучи ворон.

Когда я пришел в себя, Одноглазый по-прежнему матерился. Высунувшись из фургона, я увидел, что мы отмотали несколько миль, но теперь застряло другое колесо. Я чувствовал себя совершенно иссохшим. В бурдюке Одноглазого осталось совсем немного воды, да и ту, что осталась, трудно было назвать свежей. Но я допил всю до капельки, после чего обогнул фургон и подошел к Одноглазому, поносившему очередную группу нерадивых помощников.

— Кончай лаяться, коротышка дерьмовый. Нечего материть парней, которые тебе же и помогают, а не то они запихнут тебе в глотку твою паршивую шляпу, а мне в результате придется топать пешком. Скажи-ка лучше, где Старик?

35

— Разлеталось воронье, а? — задумчиво пробормотал Костоправ. — Интересно. Ну что ж, это меня не удивляет.

— Ее птички?

Вороны вились и вокруг нас. Что естественно. Он не позволил бы Госпоже отогнать их.

— Вероятно.

— Они сейчас заодно.

— Считай, что оно так и есть. Лучший способ избежать неприятных сюрпризов — заранее готовиться к худшему. Расскажи-ка мне о Длиннотени.

Последняя фраза не была произнесена вслух. Костоправ воспользовался языком жестов, который основательно изучил в те дни, когда Отряд служил глухонемой Душечке, более известной как

Белая Роза. Мы прибегали к этому языку нечасто, и раньше я даже не задумывался о том, чтобы с его помощью провести ворон. А идея, если пораскинуть мозгами, была неплохая.

Пусть вороны все видят — пальцев-то у них нет, и воспроизвести эти знаки перед своей хозяйкой они не смогут.

Птицы не разумны и услышанного не понимают. Они способны лишь точно воспроизводить звуки.

Мои пальцы двигались далеко не так ловко, как прежде. Втолковать Костоправу, что Длинотень совершенно переменился и обрел здравомыслие вкупе с решимостью, оказалось непростой задачей.

— Интересно,— пробормотал он, вглядываясь в перевал, где шедшие в авангарде войска князя нарвались на тенеземскую засаду. Дело приняло серьезный оборот. Продвижение колонны замедлилось.

Окинув взглядом вздымавшиеся по обе стороны прохода хребты, я невольно подумал, что, будь у Могабы — там, наверху — побольше сил, он задал бы нам шороху.

— Так ведь их у него нет,— пробормотал Костоправ, словно прочитав мои мысли.— По-моему, в последнее время ты становишься слишком робким.

Он был облачен в причудливые доспехи Вдоводела, с которыми в последнее время почти не расставался. Так же, как и с воронами — редко случалось, чтобы у него на плече не сидела каркуша. Он всегда имел при себе лакомства для пернатых любимцев и, кажется, уже научился их различать.

— Когда мне приходится играть роль, я стараюсь в нее вжиться,— он снова перешел на язык жестов.— Я хочу, чтобы ты нашел Гоблина. Это очень важно.

— Ну и ну!

Костоправ вздохнул:

— Я бы и сам этим занялся, да времени нет.

Затем он промолвил:

— Этот перевал слишком узок, и всякое наше промедление работает на Могабу.

Свернув в сторону, Костоправ зашагал к голове застопорившейся колонны. Прабриндраха Драха явно ожидала выволочка, как какого-нибудь новобранца.

Неожиданно Старик обернулся и спросил:

— Где твои родственнички, Мурген? Где они? Что затевают?

Он использовал разговорный таглиосский, явно давая понять, что ему наплевать, слышит ли его Тай Дэй. Или даже специально, чтобы тот его понял.

— Не знаю. Не видел я их.

Я глянул на Тай Дэя; но он только покачал головой.

— Может, они решили вернуться домой?

— Не думаю. Тогда и все прочие увязались бы следом, разве не так?

Я не был в этом уверен, но спорить с Костоправом не стал. Не имело смысла. Рядом с нюень бао он всегда будет чувствовать себя неуютно. Я ушел, обещая, что дам ему знать, если что-то выясню. Возвращаясь к фургону Одноглазого, я натолкнулся на Дрему.

— Привет, приятель. Как дела?

Я не видел его с той самой ночи в Таглиосе, когда дал ему поручение. Он работал в паре с Бадьей, помогая готовить особые отряды. Вымотался бедолага изрядно, но все же, на мой взгляд, еще не повзрослел настолько, чтобы считаться заправским солдатом.

— Я устал, голоден и начинаю подумывать, действительно ли паскудство моих дядюшек было столь уж велико, чтобы сменить его на эту хренову службу?

Про всякого пережившего все, что пережил Дрема, и сохранившего при этом чувство юмора, можно было сказать, что с этим парнем все в порядке. Интересно, вернется ли он назад, чтобы покончить с ними? Мне это представлялось сомнительным. Но в рамках этой причудливой южной культуры такого рода вещи казались приемлемыми.

— Ты еще не разговаривал с капитаном? — спросил Дрема.

— Да я только тем и занимаюсь, что толкую с ним о том о сем. Я ведь летописец.

— Я имел в виду... Не говорил ли ты о должности знаменосца? Помнится, ты намекал, что может быть...

Нетерпение паренька меня потешало. Ежели тебя назначают знаменосцем, значит, командиры считают, что у тебя большое будущее. Знаменосец нередко становится летописцем. Летописцу, поскольку он вечно отирается около начальства и в курсе всего происходящего,— прямая дорога в лейтенанты. Лейтенант же почти всегда становится капитаном, как только открывается вакансия.

Случай с Костоправом был некоторым отступлением от эпической традиции. Его избрали капитаном, когда в Отряде оставалось всего семеро братьев и никто другой не обладал достаточными познаниями, да и просто не взялся бы за эту работенку.

— Я ему намекал. И он не ответил «нет». Скорее всего, окончательное решение будет оставлено за мной. А это значит, что все произойдет не так быстро, как бы тебе хотелось. Как раз сейчас нам приходится трубить по двадцать часов в сутки, и у тебя просто нет времени чему-нибудь учиться.

— Да мы почитай, что ничего не делаем,— запротестовал Дрема.— Я мог бы просто отираться возле тебя да приглядываться...

Наш разговор прервал зычный голос Бадьи, призывавшего Дрему пошевелить задницей и не отлынивать от работы.

— Желаю удачи, малыш,— сказал я ему.— И не торопись ты так. Бери пример с меня, с того, как я поступаю с Анналами. Потерпи до осады. Вот уж когда времени будет в избытке, в том числе и на то, чтобы выучиться читать и писать.

— А я и так учусь. Хочешь верь, хочешь нет, но я уже знаю пятьдесят три обычных знака. А различаю почти все, письменный таглиосский весьма сложен. Мало того, что в обычном алфавите больше ста знаков, так гуннитские жрецы используют еще и сорок два знака Высокого стиля. Многие знаки идентичны по значению и звучанию, но имеют особый иерархический смысл, а иерархия значит для гуннитов очень и очень много.

— Продолжай в том же духе,— велел я Дреме,— с такой настырностью ты непременно добьешься своего.

— Спасибо, Мурген.

Паренек устремился вверх по склону, проскальзывая в тесной толчее, словно был смазан салом.

— Вот уж не за что,— пробормотал я себе под нос.— В большинстве своем знаменосцы вовсе не так удачливы, как я. Не та работенка, которая продлевает жизнь.

Приметив Госпожу, как всегда окруженную ее почитателями и теми из наров, кто не изменил Отряду, я направился в ее сторону.

36

Люди расступались, давая мне дорогу. Такое случается, если человек считает, что от него зависит, какое место он займет в истории: будет восславлен или заклеймен позором. Благодаря усилиям Костоправа все в Отряде признавали значение Анналов.

Госпожа огляделась по сторонам, и на ее обычно бесстрастном лице промелькнула досада.

— Похоже,— заметил я,— нас задержат здесь до тех пор, пока Бадья и его парни не убедят людей Могабы в том, что погода испортилась и им пора по домам.

Погода и впрямь испортилась. Ветер крепчал, и становилось все холоднее. Над головой собирались темные тучи. Похоже, дело шло к снегопаду.

— Ага. Будем надеяться,— сказал Лебедь.— Нам тоже не помешает спуститься с этих гор.

Говорил он скорее не со мною, а сам с собой.

— Я терпеть не могу горы.

— Я тоже не в восторге от снега и холодов,— заметил я и тут же обратился к Госпоже: — Ты по-прежнему намерена избегать меня?

— А что ты хочешь знать?

— Ну например, как тебе удалось восстановить былую мощь. Я думал, после той истории в Курганье ты лишилась ее навеки.

— Я ее украла. Но вообще-то это не твое дело.

Ее поклонники рассмеялись, главным образом потому, что надеялись таким способом подольститься к ней.

— Ты снова видишь сны?

Поразмыслив, она призналась:

— Да.

— Я так и думал. Ты выглядишь малость потрепанной.

— За все нужно платить, особенно если играешь по-крупному. А как насчет тебя, летописец?

Я поймал себя на том, что предпочел бы не рассказывать. Особливо перед этими парнями. Но пересилил себя.

— Пару раз в моих снах появлялось нечто, что могло бы быть Киной. Вот я и подумал, может, в то самое время она беспокоила тебя?

Услышанное явно заинтересовало Госпожу. Она задумалась, а через некоторое время сказала:

— Когда это случится снова, заметь время. Если сможешь.

— Попробую. А как тебе удалось выйти целой и невредимой из противоборства с Киной?

— То была вовсе не Кина.

Не моргнув глазом, Госпожа перешла на грохгор, почти забытый язык, которому я выучился от бабушки, чьи соплеменники полегли в войнах, когда сколачивалась империя Госпожи. Бабушки давно не было в живых, матушки тоже, а я не говорил на этом языке с тех пор, как записался в Отряд. Разве что ругался.

— Как ты...— Я осекся и торопливо забормотал: — Откуда ты узнала, что я...

— Капитан был настолько добр, что велел скопировать твою работу и передал список мне. Там упомянут грохгор. Я не говорила на этом языке больше века, так что будь снисходителен к моим ошибкам.

— У тебя получается совсем неплохо. Хотя и не понимаю,— к чему такие старания?

— Да к тому, что моя сестрица так и не удосужилась выучить этот язык. Так же, как никто из этой компании, половина которой явно шпионит за нами в чью-нибудь пользу.

— Но с чего ты решила, что то была не Кина? Она ведь точь-в-точь соответствовала всем описаниям. Неужели я так обманулся?

— То была моя драгоценная сестрица. Прикинулась Киной, да так, что наверняка одурачила не только наших, но и поклонников этой богини.

— Но... Дщерь Ночи выглядела счастливой.

— Я не могу касаться настоящей Кины, Мурген. Поверь мне. Именно потому я так плохо сплю. Настоящая Кина по-прежнему пребывает в трансе и соприкасается с миром только во снах. И мне приходится оставаться частью ее сновидений.

— Стало быть, Кина существует в действительности?

— Скажем так, существует нечто более или менее соответствующее этому определению. Я не уверена, что это «нечто» осознает себя как богиню, носящую имя Кина. Но оно — или она — действительно хочет принести Год Черепов. И действительно хочет освободиться от своих уз. Но эти эмоции — все, что мне удалось

ощутить за долгие годы. То существо слишком чуждо для того, чтобы я могла понять его.

— Как Праотец Дерево?

Ей пришлось призадуматься, чтобы вспомнить древесного бога, повелевавшего равниной Страха и бросавшего ей вызов в те дни, когда она была Истинной Госпожой.

— Я никогда не касалась его сознания.

— А зачем твоей сестре притворяться Киной?

— Мне никогда не удавалось понять, почему она поступила так, а не иначе. В ее действиях отроду не было никакой логики. Один да один для нее вовсе не два, а три не обязательно меньше четырех. Она способна прилагать невероятные усилия и растрачивать немыслимую энергию ради пустых капризов. Например, уничтожит целый город и даже не может объяснить зачем. Можно знать, что она делает, но не знать почему. Или наоборот, знать почему, но понятия не иметь что. Такой она была уже в три года — прежде, чем кто-либо успел понять, что и она обречена проклятию силы.

— Ты и себя считаешь проклятой?

Госпожа улыбнулась. А когда она улыбалась, ее красота становилась лучезарной.

— Безумная сестра — вот мое проклятие. Это уж точно. Хотела бы я иметь представление, хотя бы смутное, почему она ничего не предпринимает — лишь наблюдает и постоянно напоминает о своем существовании.

— Напоминает нам?

— А разве тебе не осточертели эти паршивые вороны?

— Не без того. Но я думал, что для нее главное — месть.

— Будь у нее на уме только это, она прихлопнула бы меня давным-давно.

За моей спиной нарастало нетерпеливое возбуждение. Все таращились на нас, пытаясь сообразить, что происходит. Раз мы с Госпожой выбрали для разговора никому не известный язык, значит, наверняка обсуждаем нечто важное и секретное.

Лебедь Лозан выглядел уязвленным в лучших своих чувствах.

— Прошу прощения, господин,— донесся до меня голос сзади.— Освободитель посылает вам уверения в совершеннейшем к вам почтении и интересуется, не благоволите ли вы утрудить-таки вашу задницу порученной вам работой? Он дал понять, что рассчитывает получить ответ до заката.

Это прозвучало на языке, понятном всем. И основательно подняло настроение Лебедю. Даже Госпожа и та хихикнула.

Мне показалось, что я покраснел.

— Мне бы хотелось продолжить этот разговор,— заявил я Госпоже, которую подобная перспектива отнюдь не приводила в восторг.— Сейчас.— Теперь я обратился к посыльному, оказавшемуся племянником важного таглиосского генерала.— Я, пожалуй, сделаю то, о чем просит Старик.

37

Чтобы отыскать Гоблина, мне потребовалось немало времени, но особой спешки не было. Оседлавшие перевал тенеземцы упорствовали, и Бадье приходилось использовать уйму огненных шаров, чтобы выкурить их оттуда.

Трудно было в это поверить, но Гоблин находился по ту сторону Данда-Преша. Вот, значит, что представлял собой Затененный путь: эта затея позволила перебросить часть наших сил через Зиндай-Куш. Костоправ упоминал о такой возможности еще до того, как мы вступили в Дежагор, но мне она всегда представлялась лишенной практического смысла. Настолько, что я и думать о ней забыл до тех пор, пока не увидел Гоблина на побережье Зиндай-Куш.

Гоблин оставался Гоблином. Пустыня лишь добавила ему сварливости и занудства.

— От полного истощения меня отделяет всего один шаг и десять секунд, — жаловался он человеку, стоящему к нему ближе других, брату нашего Отряда по имени Бубба-до, который не отличался сметливостью, но, как я приметил, стоял так, что к Гоблину было обращено его левое глуховатое ухо. — Но, так или иначе, я здесь. Хотя никто об этом не знает.

Над вершинами Данда-Преша вспыхивали крохотные шарики пламени.

— Похоже, наш капитан опять выиграл пари, — сказал Бубба-до.

— Это еще как сказать. Уж кого-кого, а Могабу я знаю. Он тóлковый малый.

Бубба-до тоже прекрасно знал, кто таков Могаба, но для Гоблина это не имело значения.

— Он ни за что на свете не допустит, чтобы Костоправ надрал ему задницу. Он и к Хозяину Теней перебежал затем, чтобы доказать свое превосходство как полководца.

Гоблин нудил и нудил — река не могла остановиться. Правда, его ребята к этому притерпелись и по большей части не обращали на них внимания.

Но вот распоряжения его были вполне разумны. Выслушав донесения разведчиков, он разрешил развести несколько костров — маленьких и весьма тщательно укрытых. На южном склоне Данда-Преша было куда холоднее, чем на северном. На марше еще куда ни шло, а на привале при такой стуже недолго и околеть.

— Мне следовало бы найти ферму, — не унимался Гоблин, — а то и деревеньку, чтобы укрыться от непогоды. Правда, тогда всех жителей этой деревни пришлось бы перебить, чтобы не донесли о

нашем появлении. Да и то без толку. Всех один хрен не перебьешь — хоть один, да улизнет.

Над горами, где шли стычки, разгоралось разноцветное зарево. Я стал задумываться, уж не сам ли Могаба возглавляет там, наверху, сопротивление?

— К тебе пришли,— послышался чей-то голос. И в тот же момент вокруг Гоблинова костра образовалось пустое пространство, все ребята нашли себе работенку по хозяйству — главное, чтобы где-нибудь подальше. Все, кроме телохранителя Гоблина из нюень бао, неприметного до такой степени, что я и имени-то его толком не запомнил — то ли его звали Таном, то ли Трином, то ли еще каким-то Хреном в том же роде. Парень просто пересел повыше по склону и удобно пристроил меч на коленях.

В следующий момент я понял, с чего это парням так захотелось поработать, потому что увидел одну из целей своих долгих и неудачных поисков. Из окружавшей костер тьмы в круг света выступила здоровенная и страшная с виду черная пантера. Гоблин потянулся и пощекотал зверюгу за ушком.

Это что еще за хренотень? Какая любовь могла существовать между Гоблином и форвалакой? Разве что зверюга приняла за чистую монету его извечную вражду с Одноглазым.

— Что, киска, решила-таки мне помочь? — промурлыкал колдунишка.— Мне еще никогда не было так трудно поладить...

Дальше он пошел заливать вовсю, растолковывая, почему пантера является естественной союзницей всей нашей кампании, несмотря на то, что Одноглазому пришлось укокошить Меняющего Облик. Ведь Меняющий, по существу, не оставил ему выбора, разве не так? Да и в любом случае — скоро они закончат свои исследования и докопаются до заклинания, позволяющего ей вернуть прежний облик. В последний раз, когда он видел Одноглазого, вопрос был почти решен — во всяком случае теоретически.

Ветер и впрямь пронизывал насквозь; он свистел в ушах и нес облака твердого, колючего снега. Я вполне ощутил все эти прелести, отправившись на поиски Костоправа. С полудня мы не продвинулись вперед ни на шаг. Все небо впереди полыхало вспышками огненных шаров. А у нас костров почти не осталось, потому что нечего было жечь. Люди жались друг к другу, чтобы хоть как-то согреться.

Когда я проходил мимо, почитай ни один из парней не повел и бровью. Они не обратили бы внимания и на самого Хозяина Теней. Вот найдись у меня что-нибудь согревающее, я был бы принят как святой избавитель. У Костоправа тоже не было костра, зато — в отличие от всех прочих — имелась подружка. Для сугреву.

Хренов ублюдок.

— Может, пойдем потолкуем?

Как бы не так. Сукину сыну вовсе не хотелось вылезать из-под одеяла, тем паче, что он там пригрелся со смазливой бабенкой.

— Выкладывай все здесь, Мурген. Да поживее. Неужто я похож на человека, который хочет, чтобы ему мешали?

— Ладно, будь по-твоему. Я наконец нашел того мужика, о котором ты спрашивал. Похоже, он находится там, где ему и следует. Но...

— Что еще за «но»? Нашел — и не спускай с него глаз.

— Есть одно осложнение...

— Ничего, продолжай следить за ним. Едва ли он успеет влипнуть в дерьмо по самые уши прежде, чем все кончится. Так что подробности потом.

Поскольку и он и Госпожа смотрели на меня более чем сердито, я решил понять их тонкий намек и убраться подобру-поздорову. Что я и сделал, покачивая на ходу головой. Есть вещи, которые умом вроде и понимаешь, но представить себе решительно не можешь. Эти двое, корчащиеся в судорогах страсти, подпадают как раз под последнюю категорию.

В конце-то концов: раз он не торопится, стало быть, и мне спешить некуда. Прежде чем вернуться к работе, я перекусил, вздремнул и посмотрел сон о Сари.

Правда, сон оказался не совсем таким, какой я хотел видеть. Сари во вдовьем белом наряде выглядела постаревшей и изможденной. Но это было куда лучше, чем то, что последовало потом: очередной визит в ледяной ад.

То сновидение почти никогда не менялось, время не привносило в него дополнительные детали. Но спокойнее мне от этого не становилось.

Гоблин удерживал на месте все свое призрачное войско, но не спешил предпринимать какие-либо усилия до изгнания из Данда-Преш местных жителей. Едва ли стоило опасаться того, что они доставят ему слишком много хлопот. К тому же, он ухитрился заполучить нескольких пленников и теперь, возможно, имел некоторое представление о том, что произошло на севере.

— Дерьмовый поганец вроде Длинотени не заслуживает того, чтобы за ним следовали такие ребята, как Могаба, — сказал он пантере. Та ответила глубоким горловым рыком. — А насчет Могабы остается лишь удивляться, какого рожна он там рогом упирается, вместо того, чтобы унести ноги?

Сам-то Могаба наверняка знал — какого. Он отступал с боями, и каждый его шаг обходился нам недешево.

Гоблина сопровождала сотня парней, в основном молодые таглиосцы, мечтающие вступить в Черный Отряд. Насколько я понял, хитрющий сукин сын втемяшил ребятам в мозги, будто этот поход представляет собой нечто вроде вступительного экзамена. Поганый

дерьмовый коротышка! Наверное, там он чувствовал себя одиноко. Его телохранитель знал по-таглиосски всего несколько слов, да и болтать был расположен не больше, чем Тай Дэй. С пантерой тоже особенно не потолкуешь. А в команде у него подобрались в основном парни не старше двадцати пяти лет. Таглиосский-то Гоблин знал неплохо, но молодые ребята говорят на своем, особом языке.

— Скучно мне без Одноглазого, — пробормотал он себе под нос на наречии Самоцветных городов. — Надеюсь, этого никто не слышит? Старым пердунам лучше держаться вместе. Ведь мы одни знаем, что за этим стоит.

— А знаем ли?

— Думаю, все же знаем.

— Вы что-то сказали, господин? — вскочив на ноги, спросил молодой сержант.

— Да это я так, паренек, сам с собой говорил. Нормальный, разумный разговор. Размышлял вслух о Могабе. О чем он вообще думает, ребята? Ведь через десять минут после победы над нами все они будут помышлять лишь о том, как засадить друг другу кинжал в спину.

— Господин?.. — Молодой шадарит казался ошарашенным самим предположением, что наша армия все еще может проиграть эту войну.

— А если мы расколошматим их целиком и полностью, то же самое дерьмо, того и гляди, начнется на нашей стороне.

С гор начали спускаться тенеземские беженцы, и Гоблин, как и затевал, пустил в ход свои иллюзии. Его стрелки выборочно выбивали офицеров, огненные шары без разбору выкашивали солдат. А когда тенеземцам удавалось сорганизоваться для контратаки, они обрушивались на ряды призраков.

Со своей, весьма выигрышной позиции стороннего наблюдателя я принялся размышлять над тем, какова собственно роль Гоблина во всей этой заварухе. Конечно, он делал что мог, и для того, кто имеет под рукой столь незначительные силы, добился немалого успеха. Но тем не менее трудно было рассчитывать, что его присутствие здесь существенно повлияет на общий ход кампании. Ежели только он нужен здесь для того, чтобы не торчал в другом месте. А что, Костоправ очень даже мог взять да и спровадить Гоблина подальше под предлогом важного задания, лишь бы тот не путался под ногами, залив глаза, не задирался с Одноглазым и таким образом не вредил делу.

Но все же... Тенеземцы ничего не могли с ним поделать. Весть о его призрачном войске рано или поздно дойдет и до основных сил, а там недалеко и до паники. Враг в тылу!

Для столь небольшого отряда такой успех был превыше всяких ожиданий. Даже если им командовал Гоблин.

Действовал он, надо признать, весьма разумно. Основные его усилия были направлены на истребление офицеров, кото-

рых он, похоже, определял безошибочно. И указывал цель своим стрелкам. Не иначе как для него шпионила форвалака — эта баба в облике здоровенной кошки. Но как она передавала ему сообщения?

Короче, куда ни глянь — одни вопросы. А ответами и не пахнет.

— Чувствую себя грибом из тех, что выращивают в подвалах, — сказал я Костоправу. — Держат в кромешной тьме и подкармливают лошадиным дерьмом.

Костоправ пожал плечами и произнес свою знаменитую фразу:

— Ближе к делу.

— Могабу, если дело заключается в этом, ему захватить не удалось. Похоже, что сукин сын купается в масле, такой он скользкий. Правда, ему попался один из наров — Кручо.

Костоправ что-то хмыкнул.

— Невелик триумф, — согласился я, — нар уже лежал на носилках, с ампутированной ногой. Но я не мог не доложить об этом тебе. Как ни крути, а Кручо некогда состоял в Отряде, и я должен занести этот случай в Анналы.

Костоправ опять пожал плечами. И хмыкнул.

Вот, стало быть, как он к этому относится.

— Теперь Могаба остался один-одинешенек, — продолжал я. — Без единого друга.

— Не переживай за него, Мурген. Он там, потому что сам так решил.

— Я за него не переживаю. Как-никак, мне довелось пережить осаду Деджагора под его началом. По мне, что с ним ни делай, ему мало не будет.

— Ты по-прежнему думаешь передать знамя кому-то другому?

— Дрема приставал ко мне. Но я сказал, что об этом можно будет подумать, когда мы осадим Вершину.

— Если считаешь, что он годится, то давай вводи его в курс дела. Займись его образованием. Но я хочу, чтобы до поры знаменосцем оставался ты.

— Он учит таглиосский. Уже чуток кумекает.

— Вот и ладно... У меня дела.

Сукин сын вовсе не собирался посвящать меня во что бы то ни было.

Усилия Гоблина оказались той каплей, что раздробила тенеземцам хребет. Они дрогнули. Уцелевшие пустились врассыпную. Гоблин и его команда разошлись вовсю, устремляясь на юг. Их опережали панические слухи, значительно превосходившие все, что могли натворить эти ребята на самом деле.

Мне нравилось, как разворачивались события. Маленький колдун и его парни основательно разгулялись на земле, совершенно не готовой к сопротивлению. В стране, еще не оправившейся от землетрясения и не способной организовать отпор.

Но, тем не менее, меня не покидало ощущение, будто нас неудержимо влечет навстречу ужасающему року.

Такое случалось и раньше. Все падали перед нами на колени — пока не вышло так, что от наших сил осталась десятая часть, да и те оказались осажденными в Деджагоре.

38

Костоправ возглавил кавалерию и помчался впереди войска. Бегущие тенеземцы падали под нашими копьями, образуя лишь редкие очаги сопротивления. По окрестностям рассеялись наши фуражиры: следовало собрать достаточно припасов, чтобы иметь возможность сосредоточить основные силы в одном месте на долгое время. Правда, у меня из башки не шло, что то же самое мы делали много лет назад, после победы у Годжийского брода. Однако, когда я заикнулся об этом Костоправу, тот лишь пожал плечами и сказал:

— Нынче совсем другое дело. Им ведь негде набрать новых солдат. И новых колдунов тоже взять неоткуда. Разве не так?

А им и нужды нет. С ними Рёвун и Длиннотень, которые одни могут сожрать нас заживо, если расстараются.

Мы вступили в средних размеров городишко, полностью покинутый людьми. Правда, покинули они его задолго до нашего прихода — виной тому было землетрясение. Но нам все же удалось обнаружить кое-какие уцелевшие строения, что позволяло укрыться от мороза. Мы развели костры, что с тактической точки зрения было не самой лучшей идеей. Когда разомлеешь у огонька, не больно-то захочешь вылезать наружу.

Это становилось главной нашей проблемой. Заставить людей двигаться мог разве что голод.

Прошла неделя с тех пор, как я расстался с Копченым. И недоставало мне его куда больше, чем думалось тогда.

Я убедил себя в том, что смогу обойтись и без него — будто я сам в состоянии справиться со своей болью. Но я справлялся с нею, лишь когда Копченый всегда был под рукой и у меня имелась возможность блуждать по миру духов.

Однако, когда ты торчишь у самого края ада, думая лишь о том, как не обморозить задницу, самое лучшее — задуматься о других проблемах. А проблемы у меня были. И немалые.

До сих пор меня выручал разве что юмор: трудно было удержаться от смеха, глядя, как Тай Дэй пытается удержаться на трясущейся спине своей серой клячи. Но малый держался: упрямства этому дерьму было не занимать.

Каждые четыре часа Костоправ спрашивал меня насчет родственников. Я ничего не знал. Тай Дэй утверждал то же самое, а свое мнение насчет его правдивости я предпочитал держать при себе. Костоправ поглядывал на меня не слишком приветливо.

Поступило сообщение о поимке тенеземского дезертира, якобы знающего местоположение пещеры, битком набитой припасами.

— Ты в это веришь? — спросил я.

— Возможно, парень просто боится, как бы ему не перерезали глотку, и готов наврать с три короба, лишь бы отсрочить расправу. Но мы эту байку проверим.

— Это сейчас, когда я только начал привыкать к теплу?

— А тебе никогда не бывает охота пожрать?

Мы покинули город и продолжили марш: вперед и вперед, день за днем, через поля, леса и холмы, по землям, разоренным землетрясением и покинутым населением. Я и капитан ехали на огромных черных скакунах. Он был закован в холодную броню Вдоводела, я тащил чертово знамя, а позади, как куль с овсом, болтался на своей лошаденке Тай Дэй. В конце концов мы нашли ледяную пещеру пленника. Судя по всему, она должна была оказаться настоящим сокровищем. Во время землетрясения вход в нее завалила лавина. Оголодавшие туземцы начали было его раскапывать, но мы освободили их от этой нелегкой работенки и выставили у входа свой караул: дожидаться нашего арьергарда, состоящего из ребят, достаточно голодных, чтобы докопаться до ужина. Основные силы продолжили марш ко Кьяулуну и Вершине, ухитряясь и снедь добывать, и неприятностей избегать, пока не оказались всего в сорока милях к северу от разрушенного города.

Местность оказалась что надо — ухоженная и почти не затронутая бедствием. Разве что погода стояла слишком студеная. И тут мы неожиданно — это несмотря на Стариковых ворон — натолкнулись на тенеземскую кавалерию.

Эти всадники, все до единого, оказались очень сердитыми ребятами. Под их стремительным натиском мы разбились на полдюжины кучек, и на нас тут же попыталась навалиться орда пехотинцев. К нашему счастью, пехтуру составляло местное ополчение — плохо вооруженные и совершенно необученные крестьяне. Правда, к слову сказать, и неопытный придурок, коли ему повезет, может укокошить тебя так же, как и жрец боевых искусств вроде дядюшки Доя.

Я ухитрился водрузить знамя на какой-то горушке. Старик находился рядом, наши — вокруг.

— Надо же тебе было именно сегодня не нацепить твой дерьмовый наряд, — проревел я. — Вырядись ты пугалом, глядишь, у них поубавилось бы куражу.

Кто знает. Может, я и был прав.

— В последнее время он кажется мне тяжелым, — пробормотал Костоправ, облачаясь в свой причудливый, безобразный доспех. — К тому же в броне холодно, и она провоняла потом.

Стоило ему нахлобучить на голову устрашающий крылатый шлем, как на его плечи уселась пара чудовищных ворон. Его окружили проблески алого пламени. Туча ворон с надрывным карканьем вилась над его головой.

После непродолжительной попытки овладеть Вдоводелом, знаменем и Стариковыми воронами большая часть нападавших пехотинцев пришла к разумному решению провести остаток дня отдыхая. Видать, слухи до них дошли просто несусветные.

А вот кавалеристы казались слеплёнными из другого теста. Они продолжали сражаться. Во-первых, то были ветераны, а во-вторых, Длиннотень наверняка заморочил им головы, что мы, мол, поджарим их жен, изнасилуем детей, а потом пустим их мясо на корм собакам, а кожу обдерем на сапоги.

Но в конце концов мы рассеяли и их. Солдаты порывались преследовать отступающих, но Старик приказал незамедлительно продолжить марш на юг, с тем, чтобы овладеть дорогами и переправами. Нашлись такие, кто оставил этот приказ без внимания.

— А как с ними? — поинтересовался я.

— Пусть их участь послужит уроком прочим. А уцелевшим придется нас догонять.

Настроен он был сурово. Во всяком случае, я не припоминаю, чтобы когда-нибудь прежде он позабыл распорядиться насчет попечения о раненых. Правда, на сей раз ни один из братьев Отряда — а с нами их было почти с дюжину — ранений не получил. Подобные соображения порой определяли характер его действий, но не в такой степени, чтобы чужаки — не принадлежащие к Отряду — могли заподозрить его в пренебрежении их интересами. Я надеялся, что так будет и впредь. У нас и без того забот полно.

Сотни раз я видел Тенелова во снах Копченого, Вершину избороздил вдоль и поперек и считал, что и город и цитадель знаю не хуже тамошних обитателей. Но к подлинной, не профильтрованной сознанием Копченого реальности я оказался не готов.

Землетрясение превратило Кьяулун в сущий ад. Голод и болезни скосили большую часть жителей, уцелевших во время катаклизма. Длиннотень, следуя запоздалым советам, вздумал было помогать спасшимся — но слишком поздно. Город перестал существовать. Однако беженцы, обосновавшиеся в тени Вершины, получили некоторую поддержку. Но не по доброте душевной: эти бедолаги пришли на смену рабочим, возводившим Вершину до землетрясения.

Со времени катастрофы работа почти не продвинулась. Даже Длиннотень вынужден был признать, что из покойников строителей не выйдет. Детей в Вершине не было, но их укрывали и о них заботились в других местах. Что являлось предусмотрительным шагом — слишком предусмотрительным для Хозяина Теней. Не иначе как это пришло в голову кому-то другому.

Создавалось впечатление, будто в последнее время здесь строили не столько укрепления, сколько жилища.

Конечно, такой порядок не мог просуществовать долго. Для Длиннотени все эти тенеземцы являлись не более, чем инструментом для исполнения его замыслов. Если он и хотел оставить их в живых, то лишь до тех пор, пока мог использовать по своему усмотрению.

— Ад и вправду просачивается в наш мир,— заметил Костоправ, окидывая взглядом унылые развалины — все, что осталось от не обнесенного стенами Кьяулуна. На ошеломляющее величие сооружения, высившегося за пределами города, он не обращал внимания.

В отличие от меня.

— Мы подобрались слишком близко, командир. Госпожи, чтобы прикрыть нас, с нами нет.

Его, похоже, это ничуть не тревожило. Кажется, он вообще обратил внимание на Вершину один-единственный раз — бросил на цитадель взгляд и обронил:

— Что, сукин сын, ты так и не успел достроить свою конуру?

С точки зрения обычного человека твердыня представлялась величественной и несокрушимой. Вздымающиеся стены были сложены преимущественно из белесого камня, местами перемежавшегося цветными блоками. Кое-где виднелись выложенные серебром, медью и золотом магические письмена.

Много ли сил собрал Длиннотень для обороны своего оплота с тех пор, как я последний раз посещал это место, блуждая с духом? Да так ли уж это важно? Какая армия осмелится штурмовать эти несокрушимые стены, когда с них будут сброшены строительные леса?

Леса большей частью пока оставались на месте.

— Может, ты и прав,— пробормотал Костоправ.— Стоит ли мне подтирать им носы, чтобы они сообразили, что я здесь.

Он слегка повернулся и бросил взгляд мимо Вершины, на высившийся вдали склон.

— А там ты когда-нибудь бывал?

Я огляделся. Поблизости не было никого, даже ворон.

— Нет, я могу преодолеть примерно половину пути между Вершиной и одним местом на дороге... похоже, там находится то, что они именуют Вратами Теней. На дороге ничего интересного нет. А дальше Копченый идти не хочет.

— А у меня на сей раз здорово получилось. Ладно, давай убираться отсюда.

Мы отошли и стали лагерем севернее Кьяулуна. Солдаты чувствовали себя там не слишком уютно. Никому не хотелось обустраиваться в такой близости от оплота последнего и самого сумасбродного из Хозяев Теней.

В этом я готов был с ними согласиться.

— Может, ты и тут прав, — проворчал Костоправ. — Я чувствовал бы себя увереннее, находись Копченый поблизости и имей ты возможность произвести разведку. — Потом он ухмыльнулся и добавил: — Но все-таки я верю, что, несмотря на отсутствие Госпожи, у нас есть ангел-хранитель.

— Что?.. Кто?..

— Душелов. Ловец. Она крутится без толку, ровно белка в колесе, но ее действия можно предвидеть. Тебе удавалось подобраться к ней близко?

В том, что я пытался, он, похоже, не сомневался.

— По существу — нет. Копченый к ней не идет.

— Вспомни о том, как ей хочется использовать меня, чтобы сквитаться с Госпожой за то, что ей не удавалось сделать это раньше. И пойми, что с этой целью она — хочет, не хочет — вынуждена обо мне заботиться.

— Ни хрена себе!..

И как до меня, тупицы дерьмового, раньше не дошло. Мне даже в голову не приходило, что он может использовать Ловца!

— Ты и вправду хочешь поставить все на нее?

— О черт, конечно же нет. Но она вполне могла бы — по неким своим резонам — заняться и здешними делами.

— Так ведь у нее и с Длиннотенью старые счеты.

— Это точно, — ухмыльнулся он, явно довольный тем, как разворачиваются события.

А вот я беспокоился насчет Душелова. Она не стремилась быть на виду, но при этом всегда числила себя среди главных игроков. И от нее всегда можно было ждать самой неожиданной выходки.

Сумел ли учесть все это Костоправ? Является ли все это частью его плана? Сам-то он — в этом я был уверен — думал именно так. А вот я — нет. Потому как располагал твердыми, как камень, доказательствами обратного. Он, например, никоим образом не мог предвидеть, что у меня начнутся те же кошмары, что и у Госпожи, хотя — тут уж сомнений нет — продолжения ее кошмаров он ожидал.

Что же до моих, то здесь, вблизи от Кьяулуна, они усилились и участились. Я и прикорнуть не мог без того, чтобы не оказаться в пещере замороженных старцев. А нет — так на равнине костей и трупов. Порою я соскальзывал в мир мифов — или того, что казалось мне таковым. То было огромное тусклое пространство, на котором боги и демоны сходились в грандиозной битве, причем самым свирепым было сверкающее черное чудовище, чья поступь сотрясала землю, чьи когти терзали и рвали, чьи клыки... Но уж в гнусном местечке с мерзопакостными стариками я оказывался всякий раз. Решительно всякий. Там было гадко до крайности, но, тем не менее, это место обладало какой-то притягательностью. Каждый раз, блуждая в холодных тенях, среди старческих лиц я непременно встречал знакомое.

Мне казалось, будто я совладал с этим. Отчасти так оно и было. Но я не подумал о том, что Кина возьмет на себя труд использовать столь утонченное коварство, имея дело с такой тусклой свечкой, как я. Недооценил тот факт, что Кина — богиня Обманников. И забыл о предупреждении Госпожи: не все то Кина, что ею кажется.

Запах мертвечины становился не таким уж гнусным, да и сами места, куда меня заносило, начинали казаться безопасными и чуть ли не уютными. У меня появилось чувство, что именно из-за этого ощущения комфорта Старик и затащил меня сюда раньше всех прочих. Чтоб служба медом не казалась.

Я хотел сказать ему, что справился с этим, потому как считал, будто так оно и было. Так мне казалось долгие дни и ночи, когда я жался к костру среди холмов, то перелистывая записи, то приглядывая за Тай Дэем, то пытаясь вздремнуть. Потому что во сне я мог уйти от затвердевшей, замкнувшейся в оболочку, но никак не унимавшейся боли. Порой в этих снах я блуждал чуть ли не так же, как с Копченым, хотя летал не столь далеко и не в столь интересные места. Чем существенно отличался от Госпожи, все время боровшейся со своими снами. То было мягкое искушение. Кина ненавязчиво пыталась встать на место Копченого.

Я приметил, что по утрам Костоправ искоса, настороженно приглядывается к моему неохотному пробуждению. Тай Дэй молчал, но выглядел он встревоженным.

39

Шел снег, но, несмотря на это, сгрудившиеся вокруг костров солдаты пели. Боевой дух армии был высок. Нам удавалось добывать достаточно провианта и даже обеспечивать войскам более или менее приличный кров. Противник нас почти не тревожил. Наши передовые части широким полукольцом рассредоточились вокруг Кьяулуна в ожидании завершающей фазы кампании. Парни посиживали у огонька да поигрывали в тонк, но кому-то следовало позаботиться о том, чтобы все шло как надо. И этим кем-то оказался я. Старик запустил руку в свой хитрый баул и вытащил бумажку с моим именем.

Думаю, он все подстроил.

Мне было велено отправиться с разъездом на север, навстречу квартирмейстерскому отряду. Там ребятам поручили осмотреть местность на предмет размещения войск во время предстоящей осады Вершины. В их руки попадали пленники, показания которых, по мнению Госпожи, могли представлять некоторый интерес для капитана. Трижды разведывательные вылазки оборачивались стычками с партизанами. Мы к этому притерпелись. Я был вымотан — еще не до конца, хотя использовали меня на все сто. Использовали и Тай Дэя — далеко не на всю катушку, хотя он, конечно же, утверждал обратное.

— Весточка от твоей милашки,— сказал я Старику, швыряя ему пакет, в котором, судя по весу, вполне могла находиться парочка кирпичей.

— Клет с братишками соединился со всей компанией. Они уже поговаривают о строительстве пандуса — будто бы так можно взойти на стены Вершины.

— Держи карман шире. Ты-то как? В порядке?

— Устал до смерти! Мы снова наткнулись на партизан. Могаба меняет тактику.

Он окинул меня суровым взглядом, но спокойно сказал:

— Отдохни чуток. Эти ребята нашли одно местечко, и я хочу, чтобы завтра ты на него взглянул. Может, тебе удастся отловить Клета и узнать от него, сколько потребуется работы, чтобы все обустроить.

Я хмыкнул. У меня имелось собственное недурное местечко — укрытие, вырытое в склоне холма. Вход в мое логово загораживало одеяло — самое настоящее. Оно защищало от ветра и удерживало тепло моего костра. Нашего костра — мой своячок укрывался там вместе со мной. В свободное время это обиталище превращалось в настоящий дом. Во всяком случае, в сравнении со всем тем, что мы имели с тех пор, как покинули Деджагор. У нас даже хватало бодрости на то, чтобы поворчать друг на друга из-за какой-нибудь черствой корки, перед тем, как развести костер и рухнуть на кучу тряпья, прихваченного из развалин Кьяулуна. Засыпая, я размышлял о том, сколь тяжкой проблемой может обернуться для нас партизанская война. Сейчас, по зиме, это еще не так страшно: у нас был шанс уморить их голодом. Но к весне, коли они до нее дотянут, все может пойти по-другому. Ведь нам придется заводить собственные посевы, а потом еще оберегать их и собирать урожай. Обо всем этом я помышлял недолго: вскоре меня одолел сон, в котором поджидали сновидения.

На сей раз все началось с заваленной трупами и костями пустыни, несколько отличавшейся от той, какой я видел ее прежде. Трупы выглядели как нарисованные: бледные и почти не окровавленные. Не было никаких признаков разложения, неизбежного, если покойник проваляется несколько дней на солнце. Не было ни мух, ни червей, ни муравьев, ни расклевывающих тела стервятников.

Зато, когда я проходил мимо, покойнички открывали глаза. Иные из них смутно напоминали мне тех, кого я знал в давние времена. Там была моя бабушка. Дядюшка, которого я очень любил. Друзья детства и пара парней, с которыми я сдружился, когда только начинал служить в Отряде; все они давно погибли. А теперь — кажется — приветствовали меня улыбками.

А потом я увидел лицо, появления которого следовало ожидать, принимая во внимание, что вся эта серия сновидений была задумана с тем, чтобы оказать на меня воздействие. Ожидать-то следовало, но его появление все равно застало меня врасплох.

— Сари?

— Мурген... — Ответ ее был не более чем дуновением ветерка. Шепотом призрака. Как и следовало ожидать. Как ожидал бы я, будь малость понаивнее. Но я угодил в ловушку. Кина предлагала вернуть дорогих мне умерших. Отдать тех, кого забрала. Конечно, она потребует выкуп. Но сейчас мне было все равно.

Я мог бы вернуть свою Сари.

Я видел Сари ровно столько времени, сколько потребовалось, чтобы она овладела всеми моими чувствами. А потом провалился во мрачную, ужасающую, холодную бездну — куда, как предполагалось, попадет Сари, если только я не вызволю ее.

Не слишком тонкий ход.

Правда, Кина не нуждалась в изысках. Этот ее трюк разрывал мне сердце. Но...

Воздействие извне обострило не только мои чувства, но и способность к рассуждению. Я понял, что Кина ведет игру, рассчитанную на восприятие таглиосца.

Она не осознавала того факта, что я воспитан в иных традициях и здешняя мифология мне чужда. Даже проникновение в мои сны не могло убедить меня в ее божественной сути. То, что выделывала она, было под силу и Госпоже, когда та находилась на вершине своего могущества. Ее мертвый супруг совершал такое, даже пребывая в могиле. Как ни заманчива была наживка, я на этот крючок не клюнул.

Не клюнул, хотя она обнажила мою душу и протащила ее, истерзанную и вопящую, сквозь заросли терновника.

Я пробудился от того, что Тай Дэй тряс меня изо всей силы.

— Полегче, парень! — заорал я. — В чем дело?

— Ты кричал во сне. Разговаривал с Матерью Ночи.

— Что я говорил?

Тай Дэй покачал головой. Он лгал. Он все слышал, все понял, и услышанное его не порадовало. Приведя в порядок физиономию и мысли, я потащил свою задницу к Костоправу.

Что ни говори, а он чудной человек. Я и сам малый неприхередливый, но на месте диктатора огромной империи, могущественного военачальника, капитана Черного Отряда, мог бы позволить себе некоторые дополнительные удобства. Это тем более не трудно, когда вокруг полно людей, всегда готовых тебе угодить. Он ютился в полуразвалившейся, обложенной дерном и занавешенной с одной из сторон халупе, ничуть не лучшей, чем у любого конюха. Единственное преимущество его положения сводилось к тому, что эту лачугу он ни с кем не делил.

Возле нее не было караула, хотя мы находились в глубине вражеской территории и имели все основания подозревать, что в наши ряды внедрилось несколько фанатичных душил.

Возможно, он считал охрану ненужной, потому что над его пристанищем высилось старое засохшее дерево, на котором почти всегда красовалась каркающая воронья стая.

— Не слишком ли ты полагаешься на навязчивую идею Ловца, командир? — спросил я с порога. Правда, у меня появилось ощущение, будто по приближении за мной пристально наблюдали. Как знать, может быть, уверенность Костоправа не лишена оснований.

Он спал. Лампа продолжала гореть. Я чуток подкрутил ее и стал его будить. Он проснулся и ни малейшей радости по этому поводу не высказал. Выспаться вволю ему удавалось не так уж часто.

— Для тебя лучше, если принес хорошую новость, Мурген.

— Хороша она, нет ли, но поговорить есть о чем. Попытаюсь побыстрее добраться до сути.

Я рассказал ему про сон. И про те сны, которые видел раньше.

— Госпожа говорила мне, что ты можешь оказаться уязвимым. Хотя, не зная о Копченом, не понимала, каким образом.

— Уверен, во всем этом есть резон, — сказал я. — Мне кажется, я знаю, что она пытается сделать. Только вот никак не могу сообразить почему.

— Сдается мне, ты об этом и не думал.

— Что?

— На самом деле ты знаешь почему, но слишком ленив, чтобы уяснить это для себя.

— Дерьмо! — выругался я, но тут же умерил свой пыл. Ибо понял, что сейчас мне предстоит насладиться одним из его наставлений.

— Ты представляешь интерес, Мурген, поскольку являешься знаменосцем. Последние несколько лет ты провел, вписывая новые материалы в Анналы — мои и Госпожи, так что знаешь их довольно хорошо. Уж кому-кому, а тебе следовало бы догадаться, что знамя представляет собой нечто особое.

— Копье Страсти?

— Это название использовали Хозяева Теней. Значение его нам неизвестно. Возможно, ответ сокрыт в старых Анналах, тех, которые ты спрятал во дворце. Так или иначе, кое-кому хотелось бы наложить лапы на знамя.

— Включая Кину?

— Ясное дело. Ты ведь изучал мифы о Кине, когда мы сидели в ловушке в Деджагоре. Разве там не подразумевается, что каждый штандарт любого из Свободных Отрядов Хатовара представлял собой фаллос демона или что-то в этом роде?

Это вызвало довольно скабрезный обмен мнениями насчет того, зачем именно этот хрен моржовый — наше знамя — мог потребоваться Кине. Затем капитан сказал:

— Ты правильно сделал, что пришел ко мне. Зачастую мы предпочитаем держать такого рода вещи в себе и свыкаемся с ними — так мне думается. Слушай, поболтайся там. Но будь начеку. Завтра-послезавтра прибудет Одноглазый. Поговори с ним и сделай точно так, как он скажет. Уразумел?

— А с этим что делать?

— Выкинь из головы.

— Выкинуть? Понятно.

— По пути в свою берлогу взгляни на Кьяулун и спроси себя, — первый ли ты малый на свете, которому довелось потерять возлюбленную?

Да уж. Похоже, Старика раздражало мое упорное нежелание смириться с потерей.

— Ладно. Спокойной ночи.

Я пожелал того же и себе. Но ночка оказалась адской. Проваливаясь в сон, я немедленно попадал прямиком в долину смерти. Не раз оказывался я и в пещере старцев. Как только становилось по-настоящему худо, я просыпался: по большей части самостоятельно, но дважды с помощью Тай Дэя.

Бедолага. Нагляделся же он на меня за эти четыре года.

В конце концов Кина, по-видимому, озадаченная моей невосприимчивостью, оставила меня — напоминая о себе лишь ощущением раздражения и угрозы. И когда это кончилось, я уже не был вполне уверен в том, что не имел дело с каким-то чудовищным порождением собственного воображения.

Я заснул по-настоящему. Потом проснулся. Потом выбрался из своего логовища. Я мог бы воспользоваться привилегированным положением и ни с кем не делить эту халупу. Будучи летописцем, я ценил это используемое для маленьких совещаний убежище, поскольку мог разложить там свои бумаги и работать.

Знамя стояло снаружи. Оно не выглядело предметом, способным вызывать зависть кузена, не говоря уже о державных владыках. Всего-навсего старый ржавый наконечник, насаженный на длинное деревянное древко. В пяти футах от наверщия к древку крепилась поперечина длиною в четыре фута, к которой был привешен сам флаг: черное полотнище с эмблемой, которой мы обзавелись на севере — серебристым черепом с исходящими из пасти золотистыми язычками пламени. Некогда там была личная печать Душелова. Череп не был человеческим. Зубы вроде собачьих, но слишком большие. Нижняя челюсть отсутствовала. Одна глазница алела: на некоторых изображениях левая, на других правая. Меня уверяли, будто это имеет значение, но никто не мог объяснить, какое. Возможно, тут содержался намек на изменчивую природу Душелова.

Каждый член Отряда носил серебряный значок с этим изображением. Мы заказывали их где могли, а порой снимали с наших павших товарищей. Некоторые солдаты носили по три-четыре зараз. Это было связано с замыслом Костоправа относительно возвращения в Хатовар. У Масла с Ведьмаком, как я подозревал, было по нескольку дюжин этих штуковин, привезенных с севера.

Сам по себе череп был не так уж страшен. Пугало то, что стояло за этим символом.

В этих краях решительно все боялись Отряда — или делали вид, что боятся,— памятуя о зверствах, совершенных, когда он проходил здесь в прошлый раз. Однако трудно поверить, что насилие может внушать страх на протяжении четырех веков. Нет и не может быть ничего столь ужасного, чтобы об этом помнили по прошествии нескольких поколений.

Доля ответственности, по-видимому, лежала на Кине. В течение столетий она манипулировала этими людьми, посылая им свои сны. Четыре века — изрядный срок, достаточный, чтобы внушить что угодно. В сущности, многое из того, что могло бы показаться бессмысленным, видится в ином свете, если предположить, что за этим стоит великая черная богиня. Это даже объясняло, почему в историю оказалось замешано столько чокнутых — из числа как малых, так и великих мира сего. Означало ли это, что выход Кины из игры мог бы вызвать взрыв здравомыслия на всех уровнях?

Но как можно избавиться от богини? Существует ли хоть одна религия, содержащая наставления по этому вопросу? Как сбросить со своей шеи божество, ставшее вконец несносным? Нет. Лучшее, на что ты можешь рассчитывать,— это совет, как дать этому божеству взятку, чтобы оно оставило тебя в покое хотя бы на несколько минут.

40

Общение с Одноглазым вновь сулило оказаться бесполезным.

— Кончай меня за яйца трепать,— заявил он, когда я поинтересовался, как мне справиться со своими снами.

— Мать твою перемать! Костоправ сказал, что ты знаешь ответ. Если ты и дальше будешь вести себя таким манером, я тебе их отверну. И в уши запихаю.

— Эй, Щенок, полегче. Каким таким манером?

— Дураком прикидываться, вот каким.

— Эх, Щенок, Щенок. Молод ты еще, чтобы быть таким циником. С чего ты взял, что я не смогу исправить все с такой же простотой, как сноходец?

— Да с того, что один ленивый старый пердун сказал мне секунд двадцать назад.

— Ни хрена он такого не говорил.— Коротышка сердито притопнул.— Дерьмо! Старик и правда послал тебя ко мне с этим?..

— Точно.

— А ты все мне рассказал, без утайки? Не упустил, скажем, в угоду своему самолюбию какую-нибудь маленькую хренотень?

Я рассказал все. Мне было непросто, но я это сделал.

— Мне нужно выпутаться из этого.

Одноглазый бросил на меня один из самых своих устрашающих взглядов.

— Ты уверен, что Старик послал тебя ко мне? Тебе не почудилось?

— Уверен.

Я уставился на его дурацкую шляпу, гадая, надолго ли меня хватит.

— Никто не любит хитрожопых, Щенок.

— Даже у тебя есть друзья, Одноглазый.

Коротышка напыжился и принялся расхаживать вокруг меня.

— Неохота мне этим заниматься. Костоправ, наверное, сам не знает, что говорит. С какой стати?

Я не сообразил, что говорил он не со мною, а с самим собой, и потому ответил:

— Да с той, что я брат и мне нужна помощь.

— Ладно. Потом не говори, что ты об этом не просил. Пошли в фургон.

Меня охватила дрожь — дрожь предчувствия. Она была так сильна, что это заметили и Одноглазый, и Тай Дэй.

Коротышка буркнул что-то себе под нос и на ходу бросил Тай Дэю:

— Ты тоже полезай.

Сказал он это, по всей вероятности, из-за матушки Готы.

— Явилась, не запылилась, а? — заметил я. Вероятно, в моем голосе не прозвучало восторга, поскольку ни малейшего восторга я не испытывал. По мне, так соседство с матушкой Готой ничуть не лучше чирья на заднице.

Ее мы увидели, когда начали спускаться по южному склону. Сидела у обочины одна-одинешенька.

— Где же она пропадала? И где дядюшка Дой? — спросил я, хотя и понимал, что вопрос пропадет впустую.

Услышала она меня, нет ли, но ответа не последовало. Вместо этого Гота принялась цепляться к Тай Дэю: по ее мнению, он то ли зарос, то ли не ухаживает за своей бородой. На самом деле это не имело значения. Было бы желание, а к чему придраться, всегда найдется.

— Щенок,— сказал мне Одноглазый,— покуда они там нудят, полезай-ка живехонько в фургон да и прогуляйся с духом. Давай, давай, парень. Если Старик захотел, чтобы я занялся твоими снами, тому может быть только одна причина.— Через плечо он бросил весьма суровый взгляд на мамашу и сыночка.— Кое-что, чем он советовал мне заняться еще до того, как все вы направились сюда искать на задницу приключений.

— Думаешь, тебе удастся докопаться до сути?

Я ухватился руками за задний борт.

— Ладно, хитрожопый, залезай. Цепляйся к Копченому и отправляйся назад во времени, в ту ночь, когда погибла твоя жена. Посмотри, как это произошло.

— К черту!

— Заткнись, Щенок. Кончай ныть да жаловаться на судьбу. Мне это обрыдло. Да и Старику, видать, тоже. Если ты хочешь разобраться со своими снами, отправляйся в прошлое и как следует присмотрись к тому, что сделало тебя таким, каков ты сейчас. Как следует! Проследи каждую секунду, если потребуется, то и по три раза. А когда вернешься, мы потолкуем. — Я попытался возразить. — Захлопни пасть и делай что сказано. Или проваливай. Если тебе охота провести остаток жизни, путаясь в собственных бреднях.

С этими словами он презрительно повернулся ко мне задом. Меня так и подмывало влепить ему хорошего пинка, но по ряду соображений я этого делать не стал. Вся моя ярость ушла в усилие, с которым я вскочил в фургон.

Ручаюсь, на самом деле никто не знает самого себя до конца. Я действительно считал, что справился со своей бедой, пока Кина не стала искушать меня возможностью возвращения умерших. После этого боль нахлынула с новой силой.

Мне до смерти не хотелось становиться свидетелем кончины Сари, однако нечто подталкивало меня вперед, убеждая, что другого выхода нет. Я ощутил запах мертвечины и воспринял это как признак присутствия в мире духов Кины.

Не меня ли она ищет?

Я нашел дворец и разыскал в нем Радишу Драх. С моего последнего посещения изменилось не много, за исключением того, что они получили известие о победе на Чарандапраше. Споры стали еще более ожесточенными, поскольку Радише пришлось занять непопулярную позицию и напомнить своим сотоварищам-заговорщикам, что эта неожиданная победа еще не есть окончательный разгром Длиннотени. Конец спорам положила Радиша, приказавшая Корди Мотеру с отрядом разведчиков выехать на юг и собрать более достоверные сведения. Бюрократическое решение, которое лишь оттягивало неизбежный момент предательства. Преодолевая неожиданно сильное внутреннее сопротивление, я направил Копченого в мои бывшие покои. Помещение так и оставалось незанятым. Все вещи, собирая пыль, лежали там, где были оставлены. Я стал перемещать Копченого в прошлое. Осторожно и медленно, тем осторожнее, чем ближе оказывались мы к роковой точке. Почему-то я был уверен в необходимости во что бы то ни стало избежать встречи с самим собой в прошлом. Случись это, я оказался бы в плену минувшего, и мне пришлось бы пережить все заново, так же, как случилось, когда я погружался во тьму Деджагора.

А вдруг мне удастся предупредить Сари? Та женщина на болоте в какой-то миг ощутила мое присутствие. Возможно, кто-то, знавший меня так же хорошо, как Сари, и желавший изменить ход событий так же страстно, как и я, мог послать предупреждение сквозь барьер времени.

Не исключено, что мои путешествия в Деджагор кое-что изменили, хотя уверенности в этом не было. Ага, вот и оно. Стражники и все, кто только мог, опрометью носились по дворцу. Некоторые гнались за душилами, некоторые устремились в мои покои. Это должно было произойти после моего прибытия. Стало быть, мне необходимо переместиться еще на полчаса. Так я и сделал, одновременно спустившись ко входу, которым воспользовались Обманщики. Это я уже видел раньше, поскольку мне интересно было узнать, каким образом им удалось захватить врасплох бдительную стражу. Оказалось, что первая пара Обманщиков явилась к воротам, вырядившись храмовыми блудницами, совершающими соитие во славу богини. Караульным даже в голову не пришло отказать этим особам: такой отказ являлся бы святотатством.

Все произошло прежде, чем в ход событий оказался вовлечен и я. Метнувшись вверх по лестнице, я оказался в помещении, где Сари и моя теща хлопотали по хозяйству, завершая накопившиеся за день дела. Дядюшка Дой и То Тан уже легли спать. Тай Дэй не спал, не иначе, как дожидаясь моего возвращения. Он закрыл глаза, стараясь не обращать внимания на доносившееся до него через две комнаты брюзжание матери.

Уж не знаю, как выносила все это Сари. Особенно когда объектом обвинительной речи становился я.

На сей раз матушка Гота верещала с еще большим озлоблением, чем обычно. Она хотела знать, когда наконец Сари выбросит дурь из своей упрямой башки — тысяча проклятий на голову Хонь Тэй! — и вернется в дельту, откуда она родом и где ее истинное место. У нее еще есть возможность выйти замуж, хотя, конечно же, не слишком удачно, принимая во внимание, что она не так уж молода и осквернила себя сожительством с чужеземцем.

Сари воспринимала все это с привычным спокойствием — я знал, что она способна не давать воли своим чувствам, — и хлопотала по дому так, словно и не слышала тарахтенья Готы. Закончив дела, Сари направилась в мою комнату, даже не пожелав матери спокойной ночи, отчего та разозлилась еще пуще.

Я всегда знал, что матушка Гота относится ко мне с неодобрением, и подозревал, что она нелестно отзывается обо мне в мое отсутствие, но такой озлобленности, признаться, не ожидал. Судя по всему услышанному, матушка Гота явилась в Таглиос с единственным намерением — вернуть дочь домой.

Я догадывался, что, явившись ко мне, она нарушила некоторые племенные табу, но недооценивал всю глубину неприязни нюень бао к иноплеменникам.

В покоях установилась относительная тишина. То Тан и дядюшка Дой мирно похрапывали. Сари почти сразу же заснула. Правда, матушка Гота продолжала браниться. Похоже, она не нуждалась в слушателях.

Дверь отворилась, и внутрь проскользнул первый душила. Чернорумельщик — многоопытный, загубивший немало жизней убийца. За ним, по одному, появились остальные — целый отряд. Душилы полагали, что им предстоит напасть на Костоправа. На Освободителя. По последним, надежным сведениям, полученным из дворца, Костоправ проживал именно в этих покоях. Он действительно уступил их мне меньше недели назад. Результат оказался плачевным для всех, кроме Старика.

В следующее мгновение душилы поняли, что в помещении находится не один человек. Они зашептались так тихо, что ничего нельзя было расслышать, а потом разделились на четыре группы. Три, по три человека, направились по комнатам, а оставшиеся, числом с полдюжины, остались в передней.

Ближе всех к ним находились То Тан, Тай Дэй и дядюшка Дой. Первый То Тан. Следующий Дой. Затем Тай Дэй.

У То Тана не было ни малейшего шанса. Он так и не проснулся. Но Тай Дэй спал не крепко, а у дядюшки Доя, видимо, имелся ангел-хранитель. Обрушившаяся на него команда душил состояла из двух подручных, задачей которых было выломать жертве руки и лишить возможности сопротивляться, тогда как мастер-румельщик должен был затянуть на шее свой смертоносный шарф. Но на сей раз подручные оказались недостаточно сильными и умелыми. Мгновенно вскочив на ноги, он отбросил их в стороны, а румельщику нанес сокрушительный удар локтем в грудь. Прежде чем подручные успели снова наброситься на него, дядюшка успел дотянуться до Бледного Жезла.

Тай Дэй вскочил, когда растворилась дверь в его комнату. Он метнулся к своим мечам, и, хотя подручные схватили его и отшвырнули к стене, короткий меч уже оказался в его руке. С громким криком Тай Дэй бросился к выходу.

Душилы, выжидавшие в передней, поспешили на помощь своим братьям, но, когда они ввалились внутрь, матушка Гота уже была на ногах и размахивала мечом, а Сари, не имевшая никакого оружия и никакой возможности вырваться наружу, пыталась найти способ перекрыть вход. Я внимательно — секунда за секундой — просмотрел все, что произошло в следующие две минуты. В течение этих двух минут полегла дюжина человек. Все как один — душилы. У Тай Дэя была сломана рука. Дядюшка Дой погнал уцелевших по коридору.

Все произошло если и не совсем так, как мне рассказывали, то достаточно близко — до этого самого момента. А вот дальше пошло совсем по-иному.

Второго нападения не случилось. Никто больше не вламывался внутрь, и никто не убивал Сари. Сари чувствовала себя не лучшим образом, но она была жива. Когда Дой вернулся с погони, Гота предложила дать Сари что-нибудь успокоительное. Дядюшка согласил-

ся. Так они и сделали. Сари унесли и уложили в постель, где мне вскоре предстояло ее увидеть.

Мне пришлось ненадолго отлучиться — на то время, пока тот, тогдашний я, вошел и принял от Доя какое-то питье. И уснул. А потом я вернулся и увидел, как дядюшка Дой, Тай Дэй и их соплеменники вынесли То Тана и Сари — как скажет мне матушка Гота, когда я проснусь, для того, чтобы подобающим образом похоронить их на родине.

Даже в этом, притупляющем чувства мире гнев мой не знал предела. Я последовал за отрядом нюень бао в их землю. Там были и другие тела. Душилы убили нескольких их соплеменников из числа наших телохранителей.

Сари пришла в себя, когда отряд еще не покинул город. И повела себя так же, как я, когда проснулся и не увидел ее рядом.

— Что случилось? — воскликнула она. — Почему мы здесь? — Она обращалась к дядюшке Дою, но тот отмахнулся, указав на Тай Дэя, который, в свою очередь, казался полностью поглощенным болью в руке.

— Мы везем тебя домой, Сари, — промямлил наконец Тай Дэй. — Тебе больше незачем оставаться в этом злом городе.

— Что? Это невозможно. Отвезите меня назад, к Мургену.

Тай Дэй уставился вниз, на обочину.

— Мурген мертв, Сари. Туга убили его.

— Нет!

— Прости, Сари, — сказал дядюшка Дой, — многие туга заплатили за это своими жизнями, но они были готовы платить такую цену. Погибло и немало наших, а там, где их не было, полегло множество прочих. «Прочими» нюень бао именовали всех, кто не принадлежал к их племени.

— Не может быть! — вскричала раздавленная неожиданным горем Сари. — Он не мог умереть, не увидев свое дитя.

Дядюшка Дой замер, как сраженный секирой. Тай Дэй вытаращился на сестру и принялся что-то скулить. Насколько я мог судить о нравах нюень бао, он расстраивался из-за того, что ему не удастся выгодно спихнуть замуж сестрицу, которая ждет ребенка от чужака.

— Я начинаю верить, что ваша мать умнее, чем мы думали, Тай Дэй, — пробормотал дядюшка Дой. — Она возлагала всю вину на Хонь Тэй. Теперь поневоле начинаешь думать, что ваша бабушка перемудрила, или же мы просто неправильно ее поняли. Возможно, пророчество включало Мургена лишь косвенно, а напрямую относилось к ребенку, которого носит Сари.

Я понял, что дважды виденная мною в болотах женщина действительно была Сари.

— Выходит, — с болью в голосе сказал Тай Дэй, — для Сари теперь нет места — раз она носит иноплеменного ублюдка...

— Отвезите меня назад, — потребовала Сари, — если вы этого не сделаете, я отказываюсь быть нюень бао. Я уйду к народу моего мужа. Место для меня найдется — рядом с Черным Отрядом.

Это было столь немыслимое попрание общественных канонов, что Тай Дэй и дядюшка лишились дара речи. Я думал, что и сам потерял бы речь, сумей добраться до них в этот момент.

Но я убрался прочь, ибо узнал достаточно, чтобы понять все и насчет себя, и насчет Сари, и насчет моего неразлучного спутника Тай Дэя. Возможно, Старик в чем-то и ошибался, но не в суждениях насчет нюень бао.

Я стремительно метнулся вперед во времени, прослеживая события, связанные с Сари. Тай Дэй и дядюшка Дой отвезли ее в тот самый храм, где я приметил ее раньше, и сдали на руки прадяде, являвшемуся жрецом. Храм предназначался для сирот, хотя она была взрослой женщиной, дважды побывавшей замужем. При таких храмах жили нюень бао, оставшиеся без семьи. Храм становился их домом, жрецы и монахи — их семьей. Предполагалось, что сирота посвятит остаток жизни трудам во славу почитаемых нюень бао богов.

На сей счет меня никто не просвещал, хотя заведение, куда поместили Сари, могло похвастаться несколькими идолами, выглядевшими как разнообразные гуннитские божества. Шадариты почитают лишь одного бога, изображенного в виде идола, а учение веданитов и вовсе отвергает поклонение изваяниям.

Я полностью сосредоточился на Сари — такой, какой она была сегодня. Примерно час я наблюдал за ее трудами. Сари помогала поддерживать чистоту в храме, носила воду, занималась стряпней — во многом делала то же самое, что пришлось бы ей делать, будь она замужем за одним из соплеменников и живи в одном из селений нюень бао. Но остальные служители храма сторонились ее. Посещал Сари только пожилой господин по имени Бонх До Тран, купец, сдружившийся с нею во время осады Деджагора. Он был связующим звеном между нами, когда ее родичи пытались нас разлучить, и помог Сари ускользнуть от них и соединиться со мной прежде, чем они успели ей помешать. Бонх понимал ее. В молодости он сам любил гуннитскую женщину. Будучи торговцем, он немало времени проводил в чужих землях и не считал, что все «прочие» олицетворяют собой одно лишь зло. Бонх был хорошим человеком.

Упорно подыскивая подходящий момент, я выбрал время, когда она творила полуденную молитву, и, задержавшись на уровне ее глаз, напряг всю свою волю.

— Сари. Я здесь. Я люблю тебя. Они солгали.

Сари жалобно всхлипнула. В какой-то миг она, казалось, смотрела мне прямо в глаза. Словно увидела меня. Затем она вскочила и в испуге выбежала из кельи.

41

Одноглазый лупасил меня по щекам, покуда я не пришел в себя и не заорал:

— А ну, кончай, коротышка дерьмовый! — Вся физиономия болела. Интересно, много ли я получил оплеух? — Я здесь. Ты что, взбесился? В чем проблема?

— Уж больно ты много орал, Щенок. И ежели орал на языке, понятном твоим родственничкам, то дерьма тебе не расхлебать. А ну, встряхнись. Возьми себя в руки.

Так я и поступил. В нашем деле, коли хочешь жить, умей владеть своими чувствами. Но сердце мое продолжало колотиться, и мысли крутились в голове с бешеной скоростью. Меня трясло, словно в лихорадке. Одноглазый поднес здоровенную плошку воды. Я осушил ее.

— Тут есть и моя вина,— признался колдун.— Я отлучился, потому как не ожидал, что ты пробудешь там так долго. Полагал, что ты вызнаешь, что к чему, и тут же притащишь свою задницу назад, обсудить, что мы планируем предпринять по этому поводу.

— А что ты планируешь предпринять? — буркнул я.

— Ни хрена, вот что. По-моему, Старик просто решил пустить это дело на самотек и держать ухо востро до тех пор, пока не решит, что тебе следует знать.

— Он ничего не собирался мне рассказать?

Одноглазый пожал плечами. Видимо, этот жест означал, что моя догадка верна.

Костоправ рад был моему браку не больше, чем соплеменники Сари. Ублюдок!

— Я должен его увидеть.

— Он сам захочет тебя увидеть. Когда ты возьмешь себя в руки.

Я заскрежетал зубами.

— Ты дашь мне знать, когда перестанешь трястись, дергаться и визжать.

— Что? Слушай, ты, коротышка дерьмовый. Как вы можете не позволять мне?..

— Дай мне знать, когда перестанешь трястись, визжать и дергаться.

— Коротышка дерьмовый...— Ярость моя постепенно иссякала. Я слишком долго пробыл в мире духов, и мне нужно было поесть. До разговора с Костоправом...

— Ты готов к разговору? — спросил Костоправ.— Трястись, дергаться и визжать не будешь?

— Вы что, ребята, затвердили этот припев, пока я блуждал с духом?

— Что затеяли твои родственнички, Мурген?

— Ни хрена я об этом не знаю. Но очень хотел бы сунуть дядюшку Доя пятками в огонь и выяснить.

Костоправ пил чай. Таглиосцы — большие любители почаевничать. Здешние тенеземцы — еще большие. Он отпил маленький глоток.

— Хочешь чайку?

— Угу.

Мне было необходимо попить.

— Подумай вот о чем. Положим, мы ни с того ни с сего начнем расспрашивать его насчет всей этой истории. Как полагаешь, нюень бао и все прочие, кто толчется вокруг, не задумаются о том, как ты узнал, что тебя одурачили? О том, что происходит в восьмистах милях отсюда?

— А мне плевать...

— То-то и оно. Думаешь только о себе. Но все, что сделаешь ты, затронет каждого члена нашего Отряда. Может затронуть каждого перевалившего эти горы. Может повлиять на ход этой войны.

Мне было очень больно, и я хотел отмести его доводы. Я хотел причинять боль сам. Но не мог. Прошло достаточно времени для того, чтобы наконец заговорил рассудок. Я проглотил рвавшиеся наружу гневные слова. Запил их чаем. Подумал. И сказал:

— Ты прав. Что же нам делать?

Костоправ налил мне еще чаю.

— Думаю, ничего. Думаю, пусть все идет, как раньше. А мы будем караулить, словно паук в своей паутине. Думаю, пока только нам троим известно, какими возможностями мы обладаем, никому другому узнавать об этом не обязательно.

Я согласно буркнул. И отхлебнул чаю.

— Она думает, что меня нет в живых. Вся ее нынешняя жизнь целиком основана на этой лжи.

Костоправ поворошил угольев. Заглянул в свой мешочек с чаем. Вместо него заговорил Одноглазый.

— Ага. А я ведь думал, что ты знаком с книгой Анналов, написанной женщиной капитана.

Он ухмыльнулся, показав два недостающих зуба.

— Верно. Просто продолжать вести себя разумно. И не забивать башку дерьмом.

— Меня осенило, Щенок. Потопали-ка обратно в фургон. На днях я кое-что обнаружил. Глядишь, это тебя заинтересует.

— Вы, ребята, только далеко не сматывайтесь, — сказал Костоправ. — Сейчас у нас тут народу достаточно, так что пора напомнить о себе Длиннотени.

— Само собой, — проворчал Одноглазый, вылезая из-под полога. — Он просто не может оставить это дерьмо в покое.

Я нырнул под полог за ним. Он продолжал:

— Мы могли бы проторчать здесь еще сто лет, никого не трогая. Создать собственное хреновое королевство. Так ведь нет! Ему непременно надо... — Он осекся и оглянулся — мы еще находились в пределах слышимости Старика. — Ладно, хватит об этом дерьме. Ты никогда ничего не говорил мне о Гоблине.

— А что говорить-то?

— Ты знал, где он находится все это время, разве не так? Он не умер, и ни хрена с ним не сделалось. Ты болтался с Копченым, выполняя приказы Костоправа, и нашел этого бесполезного, дерьмового коротышку.

Я промолчал.

Гоблин все еще находился там со своими парнями и, наверное, продолжал свою миссию. Которая, очевидно, все еще оставалась секретной.

— Ха! Я в точку попал. Врун из тебя дерьмовый, Щенок. Где он? Я имею право знать.

— Ты не прав, — возразил я. — Знать не знаю, где он. Не знаю, жив ли.

Последнего я в настоящий момент и вправду не знал.

— Что ты имеешь в виду?

— У меня что, каша во рту? Ты оставался с Копченым целый месяц. Ты, дерьмовый коротышка, который бездельничал в горах, пока я здесь уворачивался от Теней да избегал тенеземских засад.

— Эге, да ты надуть меня хочешь? Не было ни единой Тени с той ночи, как мы разобрались с ними в... Дерьмо! Ты кормишь меня дерьмом!

— Ага. Похоже, ты забыл первое правило.

— Хм. Какое?

— Никогда не позволяй фактам сбить себя с толку.

— Ты хитрожопый. Но я живу на свете уже две сотни лет, так что ко всякому дерьму пообвык.

Он залез на козлы и наклонился вперед. Я начал потихоньку пятиться. Одноглазый принялся копаться в груде какого-то тряпья под сиденьем возницы. Оглянувшись, он приметил мое движение и крикнул:

— Оставайся на месте, придурок!

Спрыгнув вниз, колдун принялся размахивать руками и визгливо выкрикивать что-то на одном из тех непонятных языков, к которым кудесники прибегают, когда хотят создать впечатление, будто они совершают непостижимое и таинственное действо. Точно так же поступают и законники.

Между кончиками его пальцев начали проскакивать голубые искры. Губы растянулись в злобной ухмылке. Я почувствовал, что если не отдам ему Гоблина, то сам окажусь в его роли.

О черт, как бы мне хотелось, чтобы Гоблин вернулся.

— В чем дело?

Я резко обернулся и увидел, что Костоправ, оказывается, последовал за нами. У Одноглазого перехватило дыхание. Я быстренько отступил на несколько шагов. Одноглазый, желая спрятать руки, засунул их в карманы и охнул. Видать, искры исчезли не сразу.

— Он что, наклюкался? — спросил меня Костоправ.

— Уж не знаю когда. Если только до того, как вытряхнул меня из сна. Но похоже, так оно и есть.

— Кто? Я? — взвизгнул Одноглазый. — Да вы что? Я больше капли в рот не беру.

— У него не было времени заквасить свою бражицу, — пояснил я.

— Дерьмо. Если хоть где-то имеется пригодное для этого дерьмо, то он его сопрет и заквасит. А вот знает ли он, что бывает с парнями, которые ни с того ни с сего затевают ссоры со своими?

— Что за парни? — возмутился Одноглазый. — Среди нас таких типов нет. Ежели, конечно, не считать Гоблина. Вот он иногда... Он по-прежнему в нашей команде, Костоправ?

Костоправ вопрос проигнорировал. А вместо ответа спросил у меня:

— Хочешь прямо сейчас забрать Копченого?

— Нет, — ответил я, поскольку об этом даже не думал. Потому что думал только о еде.

Костоправ хмыкнул:

— Мне надобно потолковать с моим штабным колдуном. Прямо здесь. Одноглазый?

Я поплелся прочь.

И что теперь делать?

А пожрать?

Я ел до тех пор, пока повара не стали ворчать насчет того, что на иных ребят не наваришься, потому что они мнят себя невесть какими шишками.

Наевшись, я неспешно отправился бродить по заснеженным холмам, пытаясь унять бушевавшую в душе бурю. Небеса предвещали еще более обильный снегопад. Я подозревал, что с погодой нам до сих пор просто везло. Ни одной сильной и затяжной бури пока не было. Я увидел Тай Дэя с его мамашей. Она по-прежнему что-то ему втолковывала. По-прежнему.

Благодаря этому он держался в некотором отдалении от меня. Затем я приметил Лебедя и Ножа, поспешавших куда-то со всех ног. Что означало: Госпожа здесь или вот-вот прибудет. Ее авангард уже разбивал лагерь.

На юге, за Кьяулуном, копье солнечного света пронзило завесу облаков, коснувшись Вершины. Гигантская цитадель засверкала, словно грандиозное знамение небес. Мне бы самое время забрать Копченого да отправиться туда. Но я решил — не сейчас. Старик с Одноглазым по-прежнему шептались один на один. Не иначе, как толковали обо мне.

Я зашагал вниз по склону, туда, где солдаты Госпожи ставили бивуак. Интересно, как нынче ладят между собой Госпожа и Нож? До своей «измены» он слыл наипервейшим ее помощником. А когда перебежал к противнику, ничего ей не объяснил. Сдается мне, она вряд ли простила ему обман, пусть даже он и привел к превосходному результату.

Над лагерем кружилось воронье. Возможно, Госпожа уже там. Костоправ был прав. Не иначе, как все мы сбрендили: ежели за нами не следит Хозяин Теней, то, стало быть, Душелов или Обманники. Или сама Кина. Или соглядатаи Радиши. Или шпионы жрецов. Или...

42

Госпожа появилась без предупреждения. Увидеть ее мне удалось без хлопот, что заставило призадуматься, будет ли мне так же легко убраться с ее глаз.

Она с ходу задала мне вопрос:

— Что ты сейчас делаешь, Мурген? В какие игры играет он на сей раз?

Я разинул рот. С тех пор, как я видел ее в последний раз, произошли немалые изменения. Она не была больше той женщиной, с которой я ехал на юг, той, которую так устрашало вступление в Данда-Преш. Представшее передо мной существо являлось Истинной Госпожой старых времен, возродившейся в столь немыслимой мощи, что ей трудно было сохранять обычное обличье.

— Что за хренота?

— Мурген?

— Ну в чем дело? — пискнул я, стараясь напомнить себе, что я летописец. А летописец не ведает страха. Он выше всяких раздоров и распрей внутри Отряда. Никто из братьев не устрашит его, ибо для него главное — истина.

Но вот *она* меня очень даже устрашала.

— Мурген, я хочу знать...

— Если хочешь что-то узнать, лучше спроси у Старика. Я не мог бы рассказать тебе ничего, даже будь я таким же дуралеем, как Лебедь Лозан. Он со мной ничем не делится. Видела ты это местечко? Оно будет похуже, чем Башня в Чарах. Но он не обращает на это никакого внимания. С тех пор, как мы здесь засели, он, по-моему, вообще ничего не делает. Правда, и Длиннотень с Ревуном особо себя не утруждают.

— Это досадно.

— Угу. А возможно, и не очень умно, принимая во внимание, какие у нас всех будут рожи, ежели до него доберутся душилы.

— Это менее вероятно, чем ты думаешь.

— Из-за Душелова?

— Да.

— Она не может находиться повсюду одновременно, так же, как и ты. А их не напрасно зовут Обманщиками.

Я надеялся, что голос мой не дрожит. И тужился изо всех сил, изображая храбреца.

— Из всего этого никак не разобрать, чего ради ты захотел меня видеть.

— Дело не в этом. У меня есть проблема. Сны мои становятся все хуже. А сейчас они таковы, что хуже уже некуда. Я хочу узнать, как можно покончить с этим.

— Я такого способа не нашла. Тебе придется разобраться в них самому. Тебя призывала Кина?

— Пожалуй, нет. Впечатление такое, будто она просто проходит по моим снам и не замечает меня, если я сам не дергаюсь. А может быть, это я заглядываю в чьи-то чужие сны.

— Расскажи мне о них.

Я рассказал.

— Во многом это те же самые сны, что и у меня. Главным образом я вижу равнину.

— А вороны там есть?

— Вороны? Нет. Там нет ничего живого.

Я призадумался.

— Знаешь, возможно, я выразился не совсем точно. Кажется, она все-таки каким-то образом осознает меня. Однажды ночью, например, я увидел свою жену. Даже разговаривал с ней. Создавалось ощущение, будто ее можно вернуть.

— Это нечто новое. В моих снах лишь нагнетаются кошмары. Создавалось ощущение, будто в конце концов они меня подавят.

У меня было такое чувство, что она говорит отнюдь не всю правду.

— Мне трудно поверить, что она способна показать что-нибудь страшнее того, что я уже видел, причем наяву, — сказал я. — Зная, что она пытается сделать...

— Мурген, ей удалось использовать *меня*! Потому что я думала, будто знаю, что она делает. Но я не знала. Она — царица Обмана. Я была вовсе не Дщерью Ночи, а всего лишь племенной кобылой, которой следовало выносить в себе мессию Обманников. Не допускай такой же ошибки, какую допустила я. Если она и впрямь заметила тебя, будь крайне осторожен. И держи меня в курсе дела.

Я хмыкнул.

— Ты подсчитывал, сколько раз тебе казалось, будто ты чувствуешь Кину?

— Хм...

Я это делал. Но чаще всего она приближалась ко мне, когда я блуждал с Копченым.

— Не то чтобы...

Я описал ей парочку эпизодов, казавшихся мне менее безобидными.

— Это не слишком помогает. Следи за своими чувствами. Тобою пытаются манипулировать, используя твою любовь к жене. Догадываешься, почему?

— Полагаю, что из-за знамени.

— Разумеется. Намеки есть повсюду, но целостной картины мы так и не имеем. Копье Страсти... Но за этой штуковиной никогда не замечалось никакой необычной силы.

На самом деле таковая замечалась, но в такое время и в таких местах, что я не мог рассказать об этом, не раскрыв тайну Копченого. Как-то раз Костоправ проткнул им Ревуна: то была обычная рана, без всякой там магии, но колдун едва не отдал концы.

— А может, у нас вовсе и нет никакого Копья? Просто люди принимают наше знамя за эту хреновину?

— Возможно, тут имеет место еще более замысловатый обман, — пробормотала она.

— Как мне покончить с этими снами?

— Ты что, не слышал моих слов? Вовсе меня не слушаешь?

— Мне кажется, я недостаточно силен, чтобы жить с ними.

— Учись. Мои кошмары пропали после рождения ребенка. Но ненадолго. Думаю, Кина просто забыла прервать установленную ею связь.

— Возможно, предполагалось, что Нарайян сделал это, когда забрал твою дочь?

— Предполагаться-то предполагалось...

— Прости, я не хотел напоминать тебе о...

— Я ничего не имею против подобных напоминаний, потому что и сама все прекрасно помню. Каждую минуту каждого часа. И достаточно скоро планирую обсудить эту историю с Нарайяном. Лично и накоротке...

Когда Госпожа говорила, она казалась столь же зловещей, как и сама Кина, хотя, чтобы заметить это, наверное, надо было хорошо знать и ее, и ее историю.

— ...Для него Год Черепов наступит скоро. Ему больше некуда прятаться.

— Ты же видел Вершину. Думаешь, у него есть нужда прятаться?

Она еще не успела ответить, как в палатку просунулась голова Ножа.

— Душилы только что напали на Лозана. Дышать ему теперь трудновато, но все обойдется.

— Убийцу взяли живым? — спросила Госпожа.

Я двинулся к выходу. Госпожа мрачнела, и мне показалось разумным убраться подальше.

Нож ухмыльнулся:

— Он цел и невредим. Хотя, если бы мог, наверняка предпочел бы окочуриться от сердечного приступа.

Я начал обходить Ножа. Госпожа смерила меня взглядом, давая понять, что нам следует поговорить позже. Я же предположил, что

мне скорее следует подумать о том, как избежать продолжения разговора. Кажется, на сей раз я чересчур разоткровенничался.

С изрядного расстояния я наблюдал за методами допроса, которые использовала Госпожа. Они были изощренными, жесткими и весьма эффективными. Для всех свидетелей этого действа наглядный урок не прошел даром. В считанные минуты душила признался, что он прибился к лагерной обслуге после победы на Чарандапраше. По приказу самого Нарайяна Сингха. Его жертвой должен был стать Лебедь Лозан. Другим краснорумельщикам определили другие жертвы. Они тоже скрывались среди лагерного сброда. Сама Дщерь Ночи призвала их при исполнении ее повеления проявлять крайнюю осторожность. Детей Кины осталось так мало, что им приходилось заботиться о сохранении своих жизней, чтобы было кому исполнить долг перед богиней.

Госпожа умела развязывать языки. Так хорошо, что душила поступился обещанным ему вечным блаженством и назвал имена.

Я пошел прогуляться — на то время, пока Нож будет отлавливать Обманников и резать им глотки.

Лишь для того, чтобы показать, как она относится к их сообществу, Госпожа лично задушила одного из Обманников. Для чего воспользовалась черным шарфом, отобранным у чернорумельщика много лет назад. Эту историю знал каждый душила.

Таким способом она написала свое послание.

Вороны разлетелись во все стороны.

Госпожа приказала насадить головы Обманников на пики и отнести к Вершине. Таким способом она отправила послание Нарайяну Сингху.

Ко мне подошел Костоправ.

— Такова уж моя милашка,— сказал он, покачивая головой. Можно подумать, что, попади эти душилы в его руки, он обошелся бы с ними мягче.

Он догадался, о чем я думаю, и улыбнулся.

— В приличном обществе дамы не убивают людей.

— Какое еще приличное общество? Уж во всяком случае, не наш Отряд. Да и она не больно похожа на даму.

— Ага,— согласился он добродушно и чуть ли не весело.

43

Я потратил немало часов, разыскивая Дрему, пока не застукал его на бивуаке особого отряда Бадьи. Эта команда занималась немаловажным делом — ей было поручено выслеживать партизан Могабы.

— Пойдем прогуляемся,— предложил я пареньку.— Мне нужно с тобой поговорить.

Я набрал пригоршню камушков: отпугивать назойливых ворон.

— Это насчет того, на что я надеюсь? — Паршишка почувствовал воодушевление. Не припоминаю, чтобы меня в свое время так вдохновляла перспектива стать знаменосцем. Я получил эту работу лишь потому, что не нашлось никого другого. Кто-то ведь должен был этим заниматься.

— Отчасти. Я тут намедни толковал со Стариком, и он сказал, что против тебя ничего не имеет. А окончательное решение предоставил мне. Так что, насколько я понимаю, твое дело на мази. Но командир хочет, чтобы я оставался при знамени, покуда мы не найдем способ окончательно разделаться с Длинотенью. Мы можем начать учиться прямо сейчас. Только постарайся освободиться от части своих обязанностей, из тех, что попротивнее. Тебе потребуется время, особенно для обучения грамоте.

Мальчишка просиял. Я почувствовал себя последним дерьмом.

— Правда, сперва тебе придется сделать одно дельце...

Я приметил Бадью. Он направлялся к нам — видимо, спешил навесить на Дрему работенку из тех, от которых я советовал ему отмазаться.

— Что за дельце? Я справлюсь, не сомневайся.

Я и не сомневался. Бадья, наверное, тоже — потому и выбрал его из прочих.

— У меня есть секретное донесение, которое нужно доставить в Таглиос. Очень важное. Можешь захватить с собой нескольких парней, так, на всякий случай. Выбери тех, кто может скакать быстро и без передышки. Я дам тебе бумагу, позволяющую брать на подставах курьерских лошадей... — Я поднял руку, чтобы предупредить то, что хотел сказать Бадья, — Это поручение надо выполнить как можно скорее.

Бадья услышал часть разговора.

— Ты забираешь лучшего моего солдата, чтобы отвезти письмо?

— Да. Потому что его необходимо доставить по назначению.

— Такое важное?

— Потому-то я и привел Дрему сюда. Чтобы нас никто не подслушал.

— Тогда мне лучше уйти.

Для беглого вора из Бадьи получился совсем неплохой солдат.

— Вероятно.

— Жаль расставаться с тобой, паренек, — сказал Бадья Дреме и побрел прочь, чтобы дать свое задание кому-нибудь другому.

— Если ты одолжишь мне своего скакуна, — сказал Дрема, — мне не понадобится с собой никого брать. Да и обернусь я гораздо быстрее.

А ведь, пожалуй, он рассудил верно. Очень даже здорово рассудил — а мне и в голову не приходило.

— Дай-ка я пораскину мозгами.

В его предложении была и сомнительная сторона. А вдруг в отсутствии Дремы Старик выдумает для меня какое-нибудь задание. Ежели у меня не будет коня, он станет задавать вопросы.

Я не собирался посвящать капитана в свои замыслы. Потому как он бы мне запретил и помышлять о подобном.

— Я бы вернулся раньше, чем через месяц.

На моем коне он и вправду сумеет обернуться за месяц — если у него железная задница. Дрема, конечно, молод, усерден, но достаточно ли он вынослив? И все же...

Маловероятно, чтобы за время его отсутствия произошли важные события. Пройдет никак не меньше месяца, прежде чем подтянутся остальные войска, а наши начальнички сумеют обмозговать какой-нибудь план. Едва ли Костоправ и к осаде Вершины подготовился так же, как и к сражению при Чарандапраше. Скорее всего, меня на этом не поймают. И коль скоро малый получит недельное преимущество, перехватить его будет не под силу даже Душелову.

— Ладно. Сделаем по-своему. Слушай, это послание необходимо вручить одному человеку. Его может не оказаться на месте. Возможно, тебе придется его подождать.

— Я сделаю все, что потребуется, Мурген.

— Хорошо, пошли в мою... — Нет, этого сделать я не мог. Тай Дэй наверняка что-нибудь да подслушает. — Нет, сперва я скажу тебе, кого надо искать.

Я огляделся по сторонам. Дрема был, пожалуй, единственным ветераном Деджагора, который не обзавелся телохранителем, но шоень бао все равно за ним приглядывали.

— Я слушаю.

Паренек горел желанием проявить себя.

— Его зовут Бонх До Тран. Он был другом моей жены. Он купец, разъезжает туда-сюда, между Таглиосом и Дельтой, да торгует всякой всячиной — от риса до крокодиловых шкур. Он стар и нерасторопен, но только с его помощью можно передать сообщение на болота.

— Но у меня же полным-полно родственников...

— Ты, наверное, заметил, что Костоправ не доверяет этим людям?

— Да.

— Есть весомые причины не доверять им. Любому из тех, кто находится здесь, с нами. Любому, кроме Бонх До Трана.

— Понятно. Где я найду этого человека?

Я дал ему указания.

— Ты можешь сказать ему, от кого послание, но только если он сам спросит. Он должен будет передать его Кы Сари в храм Вин Гао Ган в Ганешга.

— Мне подождать ответа?

— Это не обязательно...

Если послание достигнет цели, ответ я получу от самой Сари.

— Я напишу несколько копий. Делай все, что сочтешь нужным, но хотя бы одна из них должна сохраниться до конца путешествия.

— Понятно.

Хотя паренек и не реагировал на полное имя Сари, я заподозрил, что он понял больше, чем было мною сказано.

Потом я познакомил Дрему со своим конем и дал скакуну понять, что ему пора отработать свой овес. Животное было достаточно смышленым для того, чтобы этому не обрадоваться, как не радуется любой солдат, когда ему велят оторвать задницу от подстилки.

Паренек улизнул так ловко, что никто, кроме Бадьи, так и не узнал о его отъезде.

44

Хозяин Теней устроился под хрустальным куполом, погруженный в какие-то тайные опыты. Он никого не принимал. Вонючий гамак, в котором находился Ревун, был подвешен на самой верхотуре строительных лесов. Работы возобновились, хотя велись они черепашьими темпами. Длиннотень не собирался прерывать их из-за близости противника.

Небо было затянуто облаками. В строительных лесах завывал студеный ветер.

— Ты посылал за мной?

Судя по холодному тону, Сингх чувствовал себя задетым.

— То был вовсе не приказ, друг Нарайян,— отозвался Ревун со лживой искренностью, сделавшей бы честь любому Обманщику. Из этого паршивца вышел бы прекрасный мастер-душила.— Всего лишь приглашение. Возможно, мой посланец просто неудачно выразился.

Мимо пролетела ворона. Другая уселась неподалеку и принялась склевывать крошки, оставшиеся от обеда строительных рабочих. Сингх не обращал на них внимания. После землетрясения вороны развелись во множестве. Для них наступили благодатные времена.

— Мне пришло в голову,— сказал Ревун,— что снаружи происходит нечто небезынтересное для тебя. Как я понимаю, Госпожа направила тебе послание.

Сингх уставился на груду отрубленных человеческих голов. Таглиосские кавалеристы, не обращая внимания на рабочих, сложили свои трофеи так близко к твердыне, что можно было разглядеть лица.

Нарайян пересчитал головы, и его костлявые плечи обмякли. В голосе Ревуна появился насмешливый оттенок.

— Я был не прав? Это послание?

— Скорее, пророчество. Она пытается предсказать мое будущее. Это в ее духе.

— Я служил ей. А до того — ее мужу. И знаю, что это еще цветочки.

Ревун попытался подавить вопль, но не сумел.

— Сдается мне, в последнее время Кина не слишком заботлива по отношению к своим чадам.

Сингх промолчал.

— И как же теперь ты собираешься принести Год Черепов? Много еще осталось твоих придурковатых братьев?

— Ты сам не знаешь, как рискуешь, позволяя себе дерзко насмехаться над богиней.

— Сомневаюсь... — Ревун ухитрился совладать с очередным, рвавшимся наружу воплем. Порой это ему удавалось, но, как человеку, которого мучают приступы затяжного кашля, лишь изредка и ненадóлго. — Но в любом случае я не собираюсь торчать на месте, чтобы выяснить, так это или нет. И отказываюсь дожидаться своей погибели вместе с ним.

Ревун искоса взглянул на Сингха в ожидании реакции.

Нарайян усмехнулся гадкой усмешкой человека, посвященного в некую грязную, непристойную тайну.

— Ты боишься Госпожи. Стоит тебе подумать о ней, ты сам не свой становишься.

Я, Мурген, эктоплазматический шпион, размышлял о том, как было бы здорово, потолкуй эти двое еще подольше. Глядишь, хоть один да ляпнет что-нибудь интересное. У Ревуна явно было что-то на уме. Но Сингх собрался уходить. Не приходилось сомневаться в том, что лицезрение отрубленных голов не способствовало поддержанию его веры. Ни он, ни Дщерь Ночи не могли представить хоть какое-то объяснение бесчисленным бедам, обрушившимся на его братьев.

Ревун безошибочно прочел его мысли.

— Поневоле начинаешь дивиться божественному порядку и размышлять. Верно?

Прежде чем Сингх успел ответить, Ревун завопил. Он утратил контроль над собой, потому что был напуган. Напуган был и я.

К Вершине устремилось целое море разноцветных огней. Выпущенные из бамбуковых шестов шары поражали рабочих, ударялись о стены и строительные леса, рассыпаясь огненными брызгами. Там, где Длинотень не запечатлел достаточно прочные чары, на стенах оставались отметины.

Рабочие с криками разбегались. Кое-где обвалились леса.

Вылетевший из лощины таглиосский отряд устремился в погоню за удиравшими по направлению к своим баракам рабочими. Я поднялся выше, расширяя площадь обзора. И увидел, что в то время, как таглиосские всадники ускакали прочь, в бараки строителей тайком с обратной стороны проникали пехотинцы. Причем многие из них вырядились на манер местных жителей.

Ни хрена себе!

Я не сомневался, то были отряды Госпожи. Но что же она задумала? И почему Старик утаил это от меня? Может, он и сам ничего не знал?

Рабочие повернули назад, преследуемые засевшими в их бараках солдатами. Вместе с ними бежали женщины, дети и старики. Беспорядочная толпа в панике устремилась к Вершине.

И тут меня осенило.

Рабочие карабкались по уцелевшим лесам и укрывались внутри цитадели. И вместе с ними, зачастую смешавшись с ними, туда проникали солдаты Госпожи.

Огненные шары продолжали ударяться о стены твердыни. Казалось, целые батареи сосредоточились на увенчанной хрустальными покоями Длиннотени башне. В некоторых местах маленькие фрагменты кладки таяли или рассеивались, как дымка, но там, где Длиннотень наложил особо сильные чары, попадавшие снаряды не оставляли даже следа.

Ревун пребывал в явной растерянности. С доступного ему угла обозрения он не видел всей картины и не мог понять сути происходящего. Он видел одно: подданные его союзника спешат укрыться в цитадели, чтобы спасти свои шкуры.

— Нельзя, — пробормотал Ревун, — нельзя, нельзя. Длиннотень собирается изгадить скалы. Надеюсь, он не рассчитывает, что я стану наказывать этих людей...

— Ты такой могущественный кудесник, — прервал его невнятное бормотание Нарайян Сингх, — почему же ты не нанесешь ответный удар?

— Вот, вот! — вскричал Ревун, увидев возможность, которую, наверное, и должен был увидеть по замыслу Госпожи. — Они только того и ждут. Это ловушка. Где-то внизу затаился целый батальон с этими штуковинами, что мечут шары. В ожидании того, что кто-нибудь из нас — я или Длиннотень — высунет нос для контратаки.

Я стремительно облетел окрестности и удостоверился в правоте Ревуна. За каждым кустом и уступом прятался малый с целой связкой бамбуковых шестов. В большинстве своем эти люди в обстреле крепости участия не принимали. Пока.

Что же все-таки затеяла Госпожа?

Вернувшись, я увидел, что Ревун больше не болтается на виду. Нарайян Сингх припал к полу. Желания угодить под обстрел не было ни у того, ни у другого.

— Я не собираюсь задерживаться здесь долго, Сингх, — заявил Ревун. — А на твоем месте призадумался бы о том, как привести в чувство союзника, напрочь утратившего связь с действительностью. А заодно и как обзавестись друзьями, способными принести большую пользу.

Я навострил призрачные уши и огляделся призрачными глазами.

В настоящее время внутри Вершины находилось несколько сот наших людей. Причем ни Ревун, ни Длиннотень об этом не догадывались. А догадывался ли Старик? Уж мог бы на худой конец хоть

намекнуть о такой задумке, чтобы мне знать, за чем в первую очередь следить.

— У тебя есть предложение? — спросил Нарайян.

— Может быть,— отвечал Ревун, подавляя очередной вопль.

Огненные шары засверкали вокруг меня. Я едва не отвлекся, но заставил себя не поддаться искушению и продолжал слушать.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Сингх.

— Длиннотень хитер, но не дальновиден. Когда Хозяева Теней научились манипулировать этими самыми Тенями, они принялись сколачивать свое королевство — ну и разгулялись по-королевски. Заварили такую кашу, что и поныне не расхлебать. Вместо того, чтобы потихонечку, на время ослабить печати, они их попросту сорвали. Ну а потом, чтобы не допустить всеобщего уничтожения, им пришлось установить надзор над Вратами Теней. Длиннотень сам вызвался на эту работу. Ну а остальные решили, что так оно и лучше, потому как этот чокнутый будет хотя бы сидеть на месте. Они уже тогда знали, что он чокнутый. Только Длиннотень оказался хитрее, чем они думали. Он сплел клубок чар, закрывший Врата Теней для всех, кроме него самого, и вплел в это магический клубок свое собственное имя. Он пошел на огромный риск и пожалел об этом в следующее мгновение после того, как запечатлел имя, и понял, какую цену придется уплатить за обретенное могущество. Тени узнали его имя. И теперь каждая, которую он пропускает сквозь Врата, жаждет пожрать его. Он обрек себя на вечное бдение. Малейший промах будет стоить ему жизни.

Ревун издал вопль, исполненный боли и страсти. Нарайян Сингх уловил и то и другое.

— Он поступил глупо. И все ради власти. Если он умрет, его заклятия истают и Врата Теней растворятся. А это означает конец мира.

— А они это знают? — спросил Сингх, указывая на осаждавших, все еще карабкавшихся по лесам и проникавших в крепость. Незамеченными, поскольку никто не предусмотрел такую возможность.

— Наверное, нет. Хотя Госпожа, надо думать, выяснит все довольно скоро.

Я усмехнулся. Мы *уже* знали.

— Коли все это верно,— отозвался, поразмыслив Нарайян,— то, боюсь, ты не можешь покинуть Вершину. Потому что без твоей помощи Черный Отряд восторжествует. А в таком случае рок настигнет тебя повсюду.

Ревун отчаянно закричал, уловив безжалостную логику рассуждений Нарайяна Сингха.

— Военачальник из него никудышный, но мы не можем силой лишить его командования.

— От этого не будет толку, не так ли? Теперь все мы — рабы его стратегии. Которая требует завершения строительства крепости.

Каковое мне представлялось маловероятным. Если внутрь проникнет достаточное количество солдат Госпожи, недоукомплектованный гарнизон Длинотени не сможет с ними справиться.

— Возможно, у генерала появится здравая идея,— предположил Нарайян.

Обеим противоборствующим сторонам было известно, что Могаба жив и командует партизанами. Правда, мне пока не повезло, и я его не нашел. Так же, как не везло мне в поисках Гоблина. Копченый — инструмент сподручный, но, чтобы использовать его с толком, необходимо иметь ориентиры во времени или в пространстве. Особенно если ищешь людей, которые прикладывают все усилия для того, чтобы их не нашли.

— Нам придется его отыскать.

Удачи, ребята.

— Это возможно,— сказал Нарайян,— Дщерь Ночи способна прозревать многое, дальнее и сокрытое. А нам здесь жизненно необходимо найти выход из положения.

Ревун согласился.

Я согласился с ними обоими.

Таглиосские солдаты продолжали карабкаться наверх. Кажется, мало кто из них имел отчетливое представление о том, что делать потом. Я уже собрался покинуть Вершину, решив, что пришла пора поговорить с Костоправом, когда на гребень стены поднялась Дщерь Ночи. Быстро, насколько позволяли ее коротенькие ножки, она засеменила к Ревуну и Сингху. Огненные шары выжигали шрамы в каменной кладке. В том, как они ложились, угадывалась какая-то система, но уразуметь, какая именно, мне не удавалось.

Все больше и больше солдат карабкалось по лесам.

Девочка что-то крикнула Ревуну и Сингху. Ревун взвыл.

Новость обнаружилась.

45

Я выбрался из фургона, но, проковыляв лишь пару шагов, упал на колени.

— Эй, ты,— крикнул Одноглазый,— в чем дело?

— Наверное, я проторчал там слишком долго. Ослаб.

Мне отчаянно хотелось есть и пить.

Одноглазый подал воды — сладковатой, с каким-то странным привкусом. Не иначе как опять затеял гнать самогон.

— Где Старик?

— Не знаю. А вот Тай Дэя вижу,— сказал он, напоминая мне об осторожности.

Я перешел на другой язык.

— Госпожа там с ними не в бирюльки играет. Она послала солдат на строительные леса. С лесов они проникают в крепость.

Думаю, их там уже полным-полно. А некоторые отряды князя находятся в развалинах Кьяулуна. Они тайком продвигались на подмогу отряду Госпожи, но застряли. Их остановили засевшие в руинах партизаны Могабы.

Возвращаясь, я пролетел над руинами и был удивлен, увидев разразившееся там настоящее сражение. Ведь совсем недавно в них прятались лишь небольшие, морально разложившиеся группы уцелевших тенеземцев, совершенно не способные оказать Длинноте какую-либо помощь. Видимо, Могаба тайно проводил туда людей. По нескольку человек зараз.

— Я думаю, Костоправ поехал с одним из патрулей, выслеживающих Могабу. Зачем он тебе понадобился?

— Сдается мне, он не в курсе происходящего. Кажется, Госпожа принялась действовать самостоятельно.

Что было неплохо, когда она командовала на передовой, но не сейчас, когда в ее распоряжении оказалась четвертая часть войска.

— Я понятия не имею о его планах, но не думаю, будто ему хочется, чтобы в них встревали подобным образом.

Одноглазый хихикнул и покосился на Тай Дэя и матушку Готу. Та приближалась к нам, сгорбившись под вязанкой хвороста, и сейчас находилась примерно в дюжине ярдов. Надо отдать ей должное — от работы она не отлынивала. Джоджо, телохранителя Одноглазого, как обычно, нигде не было видно. Поблизости находились лишь двое нюень бао.

— Я залезу в фургон и кое-что выясню, — сказал Одноглазый. — А ты пока подкрепись.

Он поднялся и с озадаченным видом исчез в фургоне. Я помог матушке Готе донести хворост. Помог и Тай Дэй. В считанные минуты мы разобрали вязанку и уложили валежник в сухое место. Матушка Гота вполне искренне поблагодарила меня за помощь.

Иногда она позволяла себе снисходительную любезность по отношению к чужаку, не виновному в том, что ему не повезло с родителями. Но такое случалось, лишь когда она пребывала в редкостно хорошем настроении. Я и сам держался любезно. Более того, поймал себя на том, что теперь, зная, как они поступили со мной и Сари, я веду себя более церемонно и вежливо, чем прежде. Хотелось верить, что это не вызовет подозрений. Я подумал о Дреме: сначала с ухмылкой, а затем с беспокойством. Все-таки мне не следовало взваливать на паренька бремя своих личных забот.

Расхаживая взад и вперед, я принялся размышлять, не стоит ли признаться во всем Одноглазому или Старику.

Одноглазый вылез из фургона. Вид у него был такой, словно он узрел призрак. Или что-нибудь столь же неожиданное и гадкое.

Я устремился к нему:

— Что случилось?

— Не знаю. Не успел выяснить. — Он тяжело дышал.

— Расскажи.

— Я нашел Костоправа.

— Вот и хорошо. Где он? И в чем проблема?

— Он, видишь ли, беседует с вороньей хозяюшкой.

— С Ловцом? Он пошел на встречу с Душеловом?!

— Я не проследил за предшествующими событиями и не знаю, входило ли это в его планы. Но сейчас он разговаривает с ней. Вот что он делает.

— А ты не мог бы сказать по его виду — похоже, что он снова угодил в плен? — спросил я.

И, не дожидаясь ответа, полез в фургон.

По собственной дурости я не спросил Одноглазого, где именно происходит свиданьице, а в итоге мне пришлось отслеживать Костоправа от его норы до места встречи с этой сумасшедшей.

На встречу с ней он отправился по доброй воле. Я убедился в этом, подведя Копченого так близко, что смог расслышать, как вороны хрипло выкрикивают указания. Проблема возникла после того, как, сопроводив его через чащобы и буераки, я оказался поблизости от места свидания — заснеженного скалистого ущелья, почти полностью скрытого от глаз нависавшими соснами.

Мне не удалось подобраться достаточно близко, чтобы подслушать разговор. Диво и то, что Копченого удалось подвести на такую дистанцию, с которой невозможно было ошибиться: Старик действительно встречался с Душеловом.

Ворон там была тьма-тьмущая. Они ощутили мое присутствие и разорались так, что сама их хозяйка вышла посмотреть, в чем дело. Я счел за благо убраться.

Интересно, заподозрил ли что-нибудь Костоправ?

Я вернулся в реальный мир. Предусмотрительный Одноглазый уже имел наготове горячий чай и свежеиспеченный хлебец из ближайшей, только что заработавшей полковой пекарни.

— Ты сумел подобраться так близко, чтобы хоть что-то расслышать? — спросил я.

— Не могу заставить этот кусок дерьма подойти поближе. Этот гаденыш на три четверти покойник, а на четыре пятых — дерьмо цыплячье!

— Не хочется идти за ним. Время терпит. Тем временем...

Тем временем вокруг Вершины разворачивались интересные события. Сверкающие огни озаряли окрестности. Темное облако накрыло взметнувшееся пламя и разлетелось в клочья, растерзанное клыками ветра. Загудели рога, забили барабаны. Тысячи огненных шаров разбивались о стены Вершины.

— ...а тем временем ты, возможно, захочешь взглянуть на все это, чтобы было что толком рассказать Старику, когда он прибудет сюда. Узнав, как оборачиваются дела, он наверняка что-нибудь предпримет.

Совет Одноглазого звучал вполне здраво. Для принятия решения Костоправу потребуется вся возможная информация.

— Держи подальше мою любящую семейку, — сказал я, не сумев скрыть горечи. Одноглазый уловил это, но вопросов задавать не стал.

Я проглотил последний ломоть теплого хлеба, облапил Копченого и вылетел с его духом наружу. Этот процесс сделался для меня столь привычным, что я, пожалуй, мог бы совершить подобное действо даже во сне. Мне почти не приходилось думать о том, куда я собираюсь направиться. Если только не нацеливался в одно из тех мест, куда Копченый соваться не любил.

Вершина представляла собой разворошенный муравейник. Казалось, что все без толку суетятся, мельтешат и носятся где ни попадя. Время от времени таглиосцы сталкивались с людьми Хозяина Теней, что неизбежно усугубляло суматоху.

У некоторых из числа вторгшихся хватило ума не лезть вглубь, а остаться на стене и использовать бамбуковые шесты для того, чтобы еще больше испортить настроение защитникам Вершины. Какой-то лейтенант орал во всю глотку, требуя поднять наверх еще больше шестов. Его стрелки основательно — весьма основательно — обстреливали все, что появлялось на виду. Защитники цитадели не смели высунуть и носа.

Нарайяна Сингха и Дщерь Ночи наши люди загнали в башню, а саму башню исколошматили шквалом огненных шаров. Держалась она лишь благодаря силе защитных чар Длинотени, ведь то было его излюбленное прибежище.

Ревун пустился наутек. Таглиосцы улюлюкали и запускали ему вслед шары так щедро, что кудесник не успевал отбиваться. Улепетывая, он вопил что было мочи.

В крепость прибывали подкрепления — все новые и новые, — и все тащили с собой бамбуковые шесты.

Не может быть. Неужто все и на самом деле так просто?

И где же Длинотень?

Хозяин Теней оставался безучастным. Он сидел в своей башне, устремив взгляд на южное плато, словно не сознавая того, что за ним, призывая его к себе, явился сам ад.

И как только можно быть этаким ротозеем?

В следующее мгновение выяснилось, что ротозеем Длинотень не был. И о происходящем знал.

Строительные леса по всему периметру Вершины вспыхнули огнем. Грозное заклинание воззвало к жизни языки свирепого пламени, пожравшие деревянные конструкции в считанные секунды. Все, кто находился в этот миг на лесах, нашли свою погибель.

Но незадолго до этого солдаты Госпожи уже начали сбрасывать с гребня стены канаты и веревочные лестницы, чтобы по ним можно было подняться наверх. Через каждую дюжину футов к тро-

сам крепились каркасные коробки. Лестницы не прилегали к стене вплотную, что облегчало солдатам подъем.

Длиннотень не мог видеть этого со своей позиции и о значительной эффективности своего огненного удара узнал не сразу.

Сейчас он оказался запертым внутри без всякой надежды на завершение строительства, ибо необходимые материалы можно было доставлять только снаружи. Как бы то ни было, Госпожа добилась немалого. Лишив его возможности закончить возведение цитадели, она тем самым лишила его и последней возможности одержать победу. Он не мог очистить землю от своих врагов, выпустив поток Теней, потому что при этом погиб бы и сам.

Солдаты Госпожи продолжали взбираться на стены. Медленно, но с уверенностью в том, что они движутся навстречу *победе*, ибо единственной силой, с которой им приходилось бороться на этом этапе, была сила тяжести. Их товарищи уже удерживали отрезок северной стены длиною в двести ярдов между двумя увенчанными хрустальными куполами башнями. Обе башни почернели от сажи и копоти, хрусталь от жара огненных шаров утратил свою прозрачность.

К моему удивлению, огневые расчеты Госпожи оставались и за стенами, продолжая обстреливать цитадель.

У меня не было надежды что-либо выяснить. Госпожа устроила весь этот кавардак еще более неожиданно, чем устраивал свои сюрпризы Старик. Неужто на сей раз каждый из них ведет свою игру? Вообще-то, думаю, Госпожа вела свою игру всегда. Я просто не обращал на это внимания, потому что до сих пор она не играла главную роль.

Люди князя увязли в Кьяулуне, ввязавшись в стычки с партизанами. Правда, Прабриндрах Драх уже оправился от неожиданности и стал посылать солдат в обход очагов сопротивления. Похоже, следом за воинами Госпожи по веревочным лестницам предстояло взобраться еще куче народу.

А вот схватки внутри цитадели оказались куда более ожесточенными, чем думалось мне. Гарнизон, пусть и небольшой, сплошь состоял из ветеранов, служивших Длиннотени долгое время. Может, они и не прониклись к нему любовью, но были верны присяге, исполнены решимости и — судя по тому, как дрались — убеждены в том, что им нечего ждать пощады от Черного Отряда. К тому же они сражались на территории, которую хорошо знали, в отличие от противника, не знавшего ее вовсе. И им помогали смуглые карлики, именуемые тенеплетами.

В крепости таились Тени. А тенеплеты знали, где они скрываются, и умело посылали их вослед вторгшимся врагам.

Против Теней помогали бамбуковые шесты. Но не настолько, чтобы спасти всех. Внутри крепость представляла собой запутанный лабиринт темных коридоров и камер, среди которых заметить Тень до того, как она нападет, было практически невозможно.

Я-то знал, где гнездились зловредные карлики, но не имел возможности рассказать об этом, чтобы вывести их из игры.

Чем глубже вторгались наши солдаты, тем труднее им становилось. Длинотень особо не напрягался. Спалил леса, да на этом и успокоился. А Ревун... кстати, что с Ревуном?

Ревун сумел ускользнуть от порывавшихся прикончить его солдат и теперь пытался соединиться с Хозяином Теней, которого между тем одолевал очередной приступ. Настолько сильный, что упавший на пол и бившийся в конвульсиях Длинотень разорвал на себе одежду, потерял маску и едва не проглотил язык. Он брызгал слюной так, что измочил и пол, и собственную физиономию.

Оставалось лишь дивиться тому, как припадочному психу удалось не только выжить, но и стать одним из могущественнейших кудесников мира. И вот опять: я видел, что он беспомощен и сейчас самое время надавать ему по чердаку, но не имел возможности никому об этом поведать.

Защитные чары вокруг башни, где укрылись Нарайян Сингх и Дщерь Ночи, были особенно сильны, но таглиосцы знали, кто там прячется, и атаковали с особым усердием. Они проявляли безусловную преданность Госпоже и рьяное стремление получить обещанную ею за Нарайяна немыслимо щедрую награду.

Госпожа сказала, что тому, кто доставит ей Сингха живым, она отсыплет столько рубинов, сколько весит этот Обманщик. За свою дочь она не обещала ничего.

Внезапно небо помрачнело. Казалось, вот-вот и померкнет солнце. Я еще никогда не видел такого множества ворон.

46

Я помчался на поиски Костоправа и Душелова. Копченый был настолько разбалансирован, что мне удалось подобраться к сумасшедшей сестрице Госпожи довольно близко. Она пританцовывала на месте и на разные голоса разговаривала сама с собой, проклиная Госпожу за чрезмерную расторопность и собственных ворон за то, что они не успевали своевременно оповещать ее о ходе сражения.

— Сейчас не время! — бушевала она. — Соединения пока еще нет. Это не может произойти сейчас!

Копченый начал рваться прочь, подальше от этой женщины, и я отправился на поиски Костоправа.

Мы воспарили вверх, распугав ворон и оставив отчетливый след посреди их стаи. Хотелось верить, что Душелов этого не заметит.

Бывали моменты, когда казалось, будто она осознает мое бесплотное присутствие. Правда, случалось это в основном тогда, когда я пребывал вне своего истинного положения во времени. Отыскать Костоправа было нетрудно. Он галопом скакал по направлению к лагерю, а за ним, словно хвост кометы, тащилась воронья стая. Каза-

лось, что его черный жеребец не касается копытами земли. Я поднялся еще выше. Особой надобности в том не было, просто захотелось расширить обзор. Да и Копченому, похоже, нравилось воспарять туда, где летают орлы. Мы поднимались до тех пор, пока земля не оказалась далеко внизу и я не перестал различать столь незначительные детали, как отдельные люди или животные. На фоне заснеженной равнины выделялись лишь самые крупные строения. На севере, словно оскаленные зубы, поблескивали утесы Данда-Преша. На западе, предвещая ненастье, сгрудились темные тучи.

На юге равнина седых камней искрилась так, словно по ней были разбросаны только что отчеканенные монеты. Равнина уходила к горизонту и растворялась в сером ничто, однако вдали, на самом пределе зрения, в сером мареве угадывалась какая-то громада.

Казалось, весь северный фасад Вершины был охвачен пламенем. Я спустился туда и обнаружил, что Длиннотень и Ревун, объединившись, начали контратаку против солдат, удерживавших гребень стены. Госпожа посылала своим подкрепление. Все, у кого имелись шесты, выпускали шар за шаром, почти не целясь.

Среди прочих огней воздух озаряли вспыхивающие световые пятна, походившие на всполохи северного сияния. Нечто подобное нам доводилось видеть давным-давно, когда Отряд прокладывал путь в Курганье. Ни одно из этих пятен по размеру не превышало тарелки. Они заполонили воздух, как туча мошкары, рассекая его со свистом, словно отточенная сталь.

Эти блики прожигали все и вся, кроме тех мест каменной кладки, где Длиннотень задействовал особенно могучие чары.

Госпожа находилась неподалеку, возле бараков, выстроенных для тенеземских беженцев. Как всегда, ее окружало плотное кольцо почитателей, готовых отразить любую физическую атаку. Именно она метала вверх смертоносные световые блики, загнавшие защитников крепости в укрытие и задавшие Ревуну с Длиннотенью столько работы, что им уже было не до ее солдат.

Кажется, уже выпущенные световые пятна не находились под непосредственным управлением Госпожи, но они описывали круги вокруг некой точки в пространстве, которую она все же контролировала. Большую часть времени.

Одна из башенок рухнула, провалившись внутрь цитадели. Оттуда поднялся столб расцвеченной огненными блестками пыли, которую тут же подхватил и унес налетевший с запада шквальный ветер.

Наружные стены твердыни, недавно гладкие, как слоновая кость, теперь пестрели многочисленными выщерблинами. По моим прикидкам, челяди, укрывавшейся внутри, пора было уносить ноги.

Старик — с моей позиции он был виден как стремительно мчавшаяся черная точка — уже почти вернулся в свою берлогу. Я знал, что первым делом он захочет увидеть меня, а потому, с неохотой оставив впечатляющее представление, вернулся в свою плоть.

— Ну, что там еще за хренота? — спросил Одноглазый, когда я вылез из фургона. По-видимому, представление произвело впечатление и на него, поскольку он являл собой живое воплощение деловитости. Меня уже ждали еда и питье.

— Костоправ вот-вот вернется. Я расскажу тебе...

Словно откликнувшись на упоминание своего имени, Старик перевалил через ближайший бугор и подлетел к нам. Конь еще не остановился, а он уже соскочил с седла, фыркнул, когда его подошвы ударились оземь, и сказал:

— Расскажи мне.

Он понял, что мы его ждали.

Я рассказал ему все, что знал. Включая и то, что он тайком встречался с сестрицей своей жены как раз тогда, когда на Вершину обрушился дерьмоторм. Пока я говорил, он, с холодным, каменным лицом, неотрывно смотрел через мое плечо на осажденную цитадель. Я высказал предположение, что при достаточно широком взгляде на вещи можно считать, что Госпожа вовсе и не превышала своих полномочий. Его ледяной взор обратился в мою сторону.

Я выдержал это взгляд без труда. Пара встреч с Киной чудесным образом изменили мое восприятие заурядных страхов этого мира.

— Не больно ли много ты размышляешь, Мурген?

— А что остается делать, если ты никому не объясняешь, что происходит.

Мне показалось, что из его ушей заклубился дым.

Костлявый, шелудивый беспородный пес проскочил мимо нас и на бегу ухватил за крыло ворону. Но насладиться добычей он не успел: все вороны, сколько их было, тучей налетели на бедолагу.

— Гляньте-ка,— заметил Одноглазый,— чем не притча? Черный пес. Черные вороны. Вечная борьба.

— Черный философ,— пробурчал Костоправ.

— Черный Отряд.

— Давай-ка потолкуем с моей достопочтенной милашкой,— сказал Костоправ.— Где она, Мурген?

Я объяснил.

— Пошли.

Мы и пошли, но ему пришлось чуток задержаться, чтобы напялить наряд Вдоводела. Что позволило мне позаимствовать серую кобылку Тай Дэя и опередить его. Ненамного. Догнав меня, Костоправ хмуро покосился на клячу, но вопросов задавать не стал. Тай Дэй тоже увязался за нами, хотя ему пришлось рысить на своих двоих.

Он за мной не поспевал. Как, впрочем, и я за Костоправом. Если между Госпожой и Стариком имел место какой-то спор, к тому времени, когда я добрался до них, они уже поладили. Возможно, мне следует — разумеется, попозже — вернуться сюда с Копченым да

поглазеть на их встречу. В настоящий же момент они вместе рассматривали высоченную белесую стену, прикидывая, как наилучшим образом использовать сложившуюся ситуацию.

— ...боюсь, наш запас бамбука подходит к концу,— говорила Госпожа,— а между тем Длинотень наверняка выпустит против нас Тени. Хотя бы один раз.

Разговор велся на таглиосском. Ей было все равно, слышат ли ее, а между тем ушей вокруг было предостаточно, включая Ножа, Лозана, а также Очибу и Зиндаба, генералов из числа наров. Ни один из этих людей не казался мне заслуживающим полного доверия.

Кроме того, вокруг во множестве вились вороны.

Они превратили развалины Кьяулуна в настоящий птичий базар. И то сказать, им было чем поживиться. Установившиеся холода сохранили для них трупы подданных Хозяина Теней.

Почти все солдаты швыряли в птиц камнями, но те научились уворачиваться. Я подозревал, что вскоре люди привыкнут к воронам настолько, что перестанут обращать на них внимание, а поговорить о важных делах, рассчитывая сохранить тайну, можно будет лишь под защитой чар, распугивающих птиц Госпожи.

Кружившиеся птицы разразились тревожным карканьем. Все, кроме меня, пропустили это мимо ушей. Да и я насторожился лишь потому, что подумал об Одноглазом — уж не вздумал ли он проследить за нами?

И не учуял ли это кто-нибудь еще?

Невозможно сделать что бы то ни было, не оставив вовсе никаких следов. Но если кто-то научился распознавать эти следы... В один из хрустальных куполов угодило столько огненных шаров, что он загудел. Сначала то был лишь негромкий гул, но он нарастал и в конце концов превратился в оглушительный рев. Купол взорвался, разлетевшись на множество осколков и подняв облако пыли.

Взрыв произошел столь неожиданно, что даже Госпожа — и та на миг отвлеклась.

И в этот краткий миг контратаковал Длинотень.

Невидимый гигант в тысячу футов ростом принялся топтать и пинать тяжеленными сапогами солдат, закрепившихся на стене Вершины и спешивших им на подмогу. Это застало Госпожу врасплох, хотя она совладала с растерянностью почти мгновенно. Люди, удерживавшие гребень, стремительно рассредоточились, но многие были сброшены вниз и нашли свою погибель. Вслед за ними полетели веревочные лестницы.

Силою магии Госпожа сумела остановить топот, но вот восстановить лестницы, а стало быть и связь, было свыше ее сил. Длинотень сделал удачный ход.

Весь остаток дня Костоправ оставался на той же позиции и наблюдал за ходом осады. Я торчал рядом с ним. Ничего особенного так и не произошло.

Когда мы наконец отправились назад, Костоправ заметил:

— Возможно, что в конечном счете это окажется небесполезным.

— Да. Если, конечно, сумеем сохранить наших ребят. Тех, кто остался внутри.

— Мы приложим все усилия...

Он с бешеной скоростью прокручивал в голове события дня. Они разворачивались не в соответствии с разработанным им сценарием, и теперь Костоправ пытался найти в таком повороте дел положительную сторону.

Ему было не до всяких мелочей, вроде того, почему я еду на кляче Тай Дэя, а мой свояк и вовсе трусит пешком.

Что заставило меня вспомнить о необходимости проверить, как обстоят дела у Дремы. Погода установилась не та, какой ожидал я, война шла не так, как ожидал я, а стало быть, и у Дремы дела могли обернуться самым неожиданным образом.

Ветер усиливался, колючие льдинки предвещали бурю.

— Кажется, метель будет что надо.

— Жаль, что она не началась с утра пораньше. Глядишь, мы бы уже сидели внутри, в тепле.

— Надеюсь, сегодняшняя метель будет последней за эту зиму.

— Кстати, напомнил. Как у нас с семенами для посева?

47

Буря не прекращалась долго. Пару раз я едва не потерялся по пути от своей норы до фургона Одноглазого или логова Костоправа. Вьюга принесла такую стужу, что Копченого, чтобы он не замерз, пришлось перенести к Костоправу. Солдаты страдали от холода, хотя в большинстве своем по собственной дурости — из-за того, что не позаботились об укрытии. Пленники предупреждали, что здешние зимы холоднее, чем где бы то ни было.

И снова мне приходилось испытывать радость совместного проживания с матушкой Готой.

Тай Дэй настоял на том, что в такую погоду ее нельзя оставлять снаружи, да и сам я с возрастом становился мягче. И потому согласился. Она вела себя непривычно. Большую часть времени помалкивала и ни во что не встревала. Помогала Тай Дэю ковырять мерзлую землю и выносить ее прочь, чтобы расширить нашу землянку. И за все время, пока я писал, не проронила ни одного бранного слова. Работала она усердно, правда, в этом отношении у меня и раньше не было к ней претензий. Я начинал нервничать из-за того, что она вела себя почти по-человечески. Хотя и не выказывала особого дружелюбия или любезности.

Правда, Костоправу повезло еще меньше, чем мне, — он делил свое обиталище с Одноглазым и Копченым. Мне же не повезло прежде всего в том, что при таком раскладе я почти не имел воз-

можности блуждать с Копченым. А ежели мне с грехом пополам удавалось дорваться до этого, они не позволяли мне отсутствовать подолгу. Отпускали ровно настолько, чтобы можно было ответить на заранее заготовленные ими вопросы. Которыми — по их утверждению — у них не было времени заняться лично.

Костоправ с духом почти не гулял, зато ни вьюга, ни все ее последствия не могли помешать ему заниматься другими делами.

А там, на Вершине, Длиннотень проводил столь же долгие часы в обществе Ревуна. А если не обсуждал дела со своим союзником, то совещался с Нарайяном Сингхом.

Похоже, что теперь, обретя в лице Хозяина Теней чуть ли не друга, Сингх начал задирать нос. Что же до Дщери Ночи, то она была погружена в себя и совершенно не замечала происходящего вокруг.

На территории крепости продолжались стычки. Я едва ли не завидовал нашим ребятам, оказавшимся в этой ловушке. Правда, они тряслись от страха, но зато не дрожали от холода, да и добывать еду им по большей части удавалось.

Снегопад не прекращался три дня. Суровые ветры не ослабевали. Я начинал беспокоиться, хватит ли нам дров. Снегу навалило столько, что ходить стало почти невозможно. Мастерить лыжи или снегоступы никто не умел. Похоже, во всей армии, кроме меня и троих-четверых парней из Старой команды, никто и слыхом не слыхивал о лыжах.

Я полагал, что Длиннотень непременно воспользуется удобным моментом и нашлет на нас Тени, но он так и не воспользовался имевшимся преимуществом. Потому что сомневался в способности Ревуна самостоятельно отразить натиск Госпожи. А возможно, и потому, что опасался надолго поворачиваться к своему союзнику спиной.

Сны становились отчетливее. И разнообразнее. Я попадал и на равнину смерти, и в ледяные пещеры, бывал в дельте, где встречал Сари, и в окружающих нас горах, где видел пережидавших непогоду в укромных местах Гоблина и Могабу. Все эти сновидения казались весьма реальными. Еще более реальными казались сны, в которых присутствовала Душелов. Сестрица Госпожи пребывала чуть ли не в эпическом одиночестве. Казалось, само выбранное ею укрытие притягивает к себе вьюгу. Снегу там намело выше ее роста. Первые два раза я воспринял этот сон спокойно. Только на третью ночь ощущение реальности оказалось настолько сильным, что я решил отнестись к нему, как к своего рода действительности.

Следующую ночь я посвятил энергичным опытам. А поутру, проглотив приготовленный матушкой Готой вполне съедобный завтрак, с трудом потащился по снегу к Капитану.

— Пришлось уйти? — спросил он.

— Они не так уж плохи. Старуха стряпает почти сносно. Если ты не слишком привередлив.

— Так в чем дело? И где твоя Тень?

— Мне кажется, ему не очень нравится снег.

На моей памяти снег оказался первым, перед чем спасовал Тай Дэй. Нынешней зимой он впервые в жизни увидел землю под белым покровом.

— Как и всем нам. Есть новости о старикане?

— Шутишь? В такую-то погоду!

Он по-прежнему пребывал в уверенности, что дядюшка Дой что-то затевает. Возможно, мне стоило попробовать увидеть дядюшку во сне.

— Я просто хотел, чтобы ты знал: мои сны становятся по-настоящему странными.

— Это игра воображения, или ты на самом деле входишь в мир духов?

— Во всяком случае, по ощущению это очень похоже на прогулки с Копченым. Но только похоже, что чувство контроля у меня отсутствует напрочь. Пока.

Костоправ хмыкнул и призадумался. Он явно увидел открывающиеся возможности. Как, впрочем, и я.

— Вот я и подумал, а что если мне быстренько обойти с Копченым те места, где я бывал во снах, и проверить, насколько эти видения близки к действительности?

Я рассчитывал исполнить задуманное без особых затруднений: ведь эти сны я видел уже много раз.

— Давай, действуй, И не мешкай.

— А спешить-то куда? Снег вроде бы поутих...

Костоправ снова хмыкнул. Он превращался в настоящего старого пердуна.

Полет с Копченым не открыл мне ничего нового в сравнении с увиденным во снах. Правда, Копченый по-прежнему отказывался приближаться к Душелову, но, пролетев высоко над землей, я удостоверился в том, что она и впрямь засела в заснеженном каньоне.

48

В конце концов, погода переменилась. Мы повылезали из наших нор, словно сурки. Точно так же, как и неприятель. Первое время, пока народ еще не очухался, ни у кого не было охоты ввязываться в схватки. Правда, внутри Вершины схватки не затихали. Однако солдаты Длиннотени довольствовались тем, что загоняли людей Госпожи в окружение. Которое те не слишком стремились прорвать, потому как попытка прорыва для многих означала смерть, причем бессмысленную, поскольку они все рав-

но были отрезаны от внешнего мира. Они располагали припасами, позволившими продержаться довольно долго, и были твердо уверены в том, что Госпожа сделает все возможное для их вызволения.

Именно так она и намеревалась поступить. С помощью Копченого я проследил за ней и убедился, что она заранее учитывала возможность того, что ее штурмовые группы будут на время отрезаны. Потому-то и послала в атаку самых отчаянных сорвиголов, во главе с командирами, способными справиться с любыми испытаниями.

Дивизия князя окончательно увязла в развалинах Кьяулуна, к северу от нас, где Могаба прилагал все усилия, чтобы измотать наших людей. Дивизия Госпожи удерживала местность между городом и Вершиной. Одна из дивизий капитана обошла Вершину с другой стороны, перерезав дорогу к Вратам Теней. Другая — оставалась в резерве.

Запахло весной, что несло с собой новую угрозу.

— Как ты думаешь,— спросил я Костоправа,— не начинает ли Прабриндрах Драх уставать ото всех этих воинских почестей?

Он встрепенулся.

— Неужто все мои мысли настолько очевидны?

— Это насчет чего?

Я огляделся по сторонам. Тай Дэй находился довольно близко и мог нас услышать.

— Ты как раз сказал... Возможно, его корпус наименее подготовлен.

— И наименее надежен.

— Так ведь как раз он понесет наибольший урон, прежде чем мы доберемся до Хатовара, Мурген. Поправь, коли я ошибаюсь. Сдается мне, что в интересах Отряда, чтобы наибольшие потери имели место не в наших рядах.

— Я доверяю своей Старой дивизии. Большинство этих парней желает вступить в Отряд. Большинство из них, отдай я такой приказ, станет сражаться с князем. В последнее время многие таглиосцы изъявляли желание вступить в Отряд.

В большинстве своем, думаю, вполне искренне. А парни, принесшие присягу, прикипали к команде душой. Для них клятва верности не была пустыми словами.

Такого рода клятва приносилась тайно. Новых рекрутов просили сохранять перемену в их положении в секрете. Никто из посторонних не знал, насколько силен Отряд в действительности.

— Это я понимаю. Удивляюсь только тому, что достается и Госпоже. Все, на чем обламывал рога князь, выпадало на ее долю.

Костоправ пожал плечами: когда дело касалось ее, он не был уверен ни в чем.

— Пожалуй, я бы не хотел поставить ее в такое положение, чтобы ей пришлось иметь дело со слишком сильным искушением.

— А как насчет Новой дивизии?

— Тех я не рискнул бы послать против князя. Думаю, они никогда не смогут встать на мою сторону в междоусобице.

Он заглянул мне в глаза. Да, эта кампания изрядно добавила ему суровости. Я почувствовал себя так, словно поиграл в гляделки с Киной.

Но глаз не отвел.

Костоправ пояснил:

— Свои обещания я исполню.

Он имел в виду, что наши наниматели этого не сделают. В особенности Радиша, которая определено была настроена обвести нас вокруг пальца. Что же до князя, то он провел в походах достаточно времени, чтобы стать одним из шайки.

Нам так и не выпал случай опробовать магию на его сестре.

— Мне частенько бывает чертовски жаль, что я не остался мальчишкой-хуторянином, — сказал я.

— У тебя по-прежнему кошмары?

— Каждую ночь. Правда, теперь это не прямая атака. Я сам прокладываю свой путь и стараюсь использовать эту возможность для разведки. Правда, скажу тебе, дело это малоприятное.

Кина — или нечто, выдававшее себя за Кину, — присутствовала в моих снах постоянно. По моему убеждению, то была Кина, а не Душелов. Она все еще пыталась соблазнить меня обещанием вернуть Сари.

А уж запах — об этом и говорить противно.

— Она пытается зацепить и Госпожу?

— Вероятно. Скорее всего. Или Госпожа ее.

Хм. Он не слушал. Поскольку сосредоточился на Вершине, над которой вновь замелькали огненные шары.

Вспыхивали они и над развалинами Кьяулуна. Люди, которых собрал там Могаба, проявляли недюжинное упорство. Этот сукин сын умел подбирать хороших солдат и побуждать их сражаться. Прабриндраху Драху приходилось расчищать развалины, разбирая один дом за другим. Все, что могло гореть, шло на топливо.

По-прежнему стояла стужа. Землю устилал снежный покров толщиной в восемь дюймов — и это поверх твердой ледяной корки. Ну и весна! Интересно, когда наконец прекратятся эти проклятые вьюги. Длиннотень-то небось сидит в тепле, под своим хрустальным куполом. Кстати, в последнее время он нас почти не тревожит. С чего бы это? Я бросил взгляд на дымящиеся руины Кьяулуна. Хотелось верить, что князь оставит целыми хотя бы несколько зданий, чтобы добрые люди — вроде меня — могли пересидеть в тепле то время, пока он выкуривает последних партизан. Я устал жить, как барсук.

— Что там творится? — спросил Костоправ, указывая на Вершину.

— Ни хрена не меняется. Я не понимаю Длиннотень. Совершенно не понимаю. Создается впечатление, будто он сам себе враг. Или настолько ошалел, что уже ничего предпринять не может. Такое случается. Вроде бы и знаешь, что делать, но уже не веришь, что из этого выйдет толк.

Такой же паралич напал на Копченого, незадолго до того, как он лишился сознания.

Костоправ призадумался.

— Ну а ты как? Отдыхаешь нормально? Я имею в виду — при всех этих снах?

— Это меня пока не беспокоит,— солгал я.

Впрочем, во сне я сейчас не нуждался. Я нуждался в эмоциональной поддержке. Для чего мне стоило бы провести недельку-другую со своей женой.

— А где твои родственнички?

Вечный вопрос. От дядюшки Доя по-прежнему не было ни слуху ни духу.

— Хороший вопрос. И прежде, чем ты задашь следующий, отвечу: я знать не знаю, что у них на уме — ежели у них вообще есть ум.

— Меня беспокоит то, что вокруг отирается этакая прорва шоень бао.

— Невелика беда, капитан. От них не стоит опасаться подвоха. Они платят долг чести.

— Ты вечно напоминаешь, что побывал там.

— Чтобы ты лучше понимал нас.

Он сердито уставился на белокаменную твердыню.

— Как думаешь, стоит нам пропускать беженцев?

— Хм?

— Навесить на Длиннотень дополнительную обузу. Лишние рты или что-нибудь в этом духе?

— Так ведь он их ни за что не впустит.

Я до сих пор удивлялся тому, что Длиннотень разместил в своей крепости такой маленький гарнизон. В стенах Вершины никогда не собиралось более тысячи человек, включая слуг, домочадцев и тех беженцев, которые оказались там до разрушения лесов. Обычного, земного, способа отбить многочисленные атаки при таких обстоятельствах не существовало.

Правда, Длиннотень и не рассчитывал на обычные способы. Он полагал, что сможет отсиживаться сколько угодно под защитой могущественных чар.

— Не думаю, что это продлится долго, Мурген. Навряд ли...

Воздух прочерчивали огненные шары. Налетевший ветер подхватывал бумажных змеев с подвесными корзинами: их притащили в обозе из самого Таглиоса. На таком ветру они могли подняться до

гребня стены. Костоправ заявил, что привез их вовсе не для этого. Но для чего именно — распространяться не стал.

— Меня восхищает твое доверие, командир.

— Ага. На будущий год — в Хатоваре.

«На будущий год — в Хатоваре». В последние годы эти слова стали саркастическим лозунгом команды. Многие бывшие сослуживцы за это время плюнули на все и задали драпа на север. Служба у Таглиоса, с ее постоянным напряжением, не устраивала никого, кроме Госпожи.

Несмотря на крайнюю усталость, настроение у нее, похоже, было прекрасное. В обстановке, когда паранойя представляясь единственным здравым способом совладать с реальностью, она чувствовала себя как рыба в воде.

Костоправ не выказал удивления. Ибо не представлял себе, что цель, поставленная им перед Отрядом, может быть предметом насмешек.

Эта кампания угробила в нем чувство юмора. Или, во всяком случае, ввергла это чувство в коматозное состояние, на манер Копченого.

— Тай Дэй, как насчет того, чтобы нам прогуляться?

Когда настроение у Старика портится, разумнее всего быть от него подальше.

49

Предполагалось, что Одноглазый заменяет меня в качестве летописца — во всяком случае, до тех пор, пока не вернется и не будет введен в курс дела Дрема. Но те редкие случаи, когда я или Костоправ пытались взвалить на него эту работенку, послужили убедительным доказательством того, что Дрема нам жизненно необходим. Потому как работник из старого пердуна был аховый. Впрочем, в его возрасте оно и неудивительно.

Удивительно то, что он соблаговолил сообщить мне о замеченных им во время прогулки с Копченым небезынтересных фактах. Нет, записать он ни хрена не записал и детали, ясное дело, запамятовал, да и рассказал об увиденном не сразу — но ведь лучше поздно, чем никогда. Разве не так?

Может и так. Старина Копченый не был намертво прикован ко времени. Мы с ним вернулись к моменту, имевшему место вскоре после того, как Нарайян посетил Ревуна и их доверительный разговор был бесцеремонно прерван вконец распоясавшейся бандой озверелых приспешников Госпожи.

Сингх и Дщерь Ночи благополучно удалились в свои покои. Девочка почти не говорила. Нарайян явно чувствовал себя неуверенно в ее присутствии, хотя она была маленькой даже для своего

возраста. Не обращая на него внимания, она примостилась за рабочим столом и подвернула фитиль маленькой лампы. Любопытно было видеть ее за той же работой, какой я занимался чуть ли не каждый день. Я ошарашенно следил за тем, как ее крохотная ручонка выводит слова на языке, которого я не знал и, как понял вскоре, на котором и сама она не умела ни читать ни писать. Ибо, едва осознав, чем она занимается, я метнулся в прошлое в поисках объяснения. И выяснил, что она засела за писанину неделю тому назад.

Была полночь. Нарайян засиделся допоздна, пытаясь успокоить свою душу молитвой и достичь того состояния, в какое впадала Дщерь Ночи, когда она касалась богини. Он предпринял, наверное, сотню попыток, но ни одна из них не увенчалась успехом.

Неудачи уже не отзывались в нем болью. Нарайян знал, что отстранен, и желал лишь дозволения понять. На сей раз, едва его веки смежил тяжелый сон, Дщерь Ночи принялась трясти его за плечо.

— Проснись, Нарайян. Вставай.

Он с трудом разлепил глаза. Девочка пребывала в возбуждении, большем, чем когда-либо с того дня, как узнала, что ей суждено стать орудием Кины, руками богини в этом мире.

Нарайян застонал. Больше всего ему хотелось оттолкнуть девчонку и велеть ей убраться на ее тюфяк, но он по-прежнему оставался преданным служителем богини, готовым исполнить ее волю. А воля дочери — как бы то ни осложняло жизнь — считалась воплощением воли ее божественной матери.

— В чем дело? — пробормотал он, растирая лицо.

— Мне нужны письменные принадлежности. Перья, чернила, чернильные камушки, перочинный ножик — все необходимое для письма. И большая переплетенная книга с чистыми страницами. Быстро.

— Но ведь ты не умеешь ни читать, ни писать. Ты слишком мала.

— Моей рукой будет водить Мать. Но я должна приняться за дело как можно скорее. Она опасается, что времени на то, чтобы завершить работу здесь, в безопасности, осталось совсем немного.

— Но что ты собираешься сделать? — спросил Нарайян, уже полностью проснувшийся и полностью сбитый с толку.

— Она хочет, чтобы я сделала копии книг Мертвых.

— Копии? Но ведь эти книги утрачены невесть когда. Даже жрецы Кины сомневаются в том, что они существуют. Если вообще существовали.

— Они существуют, только в... в другом месте. Я их видела. И их надлежит вернуть в этот мир. Она скажет мне, что записать.

— Но почему? — после недолгого размышления спросил Нарайян.

— Книги должны быть возвращены в наш мир, дабы способствовать наступлению Года Черепов. Первая книга — самая важная.

Я еще не знаю, как она называется, но к тому времени, когда закончу писать, смогу ее прочесть и использовать для создания остальных книг. А потом научу использовать их, чтобы открыть путь моей Матери.

Нарайян глотнул воздуху. Он был неграмотен, как и подавляющее большинство таглиосцев. И, подобно большинству неграмотных, испытывал трепет перед умением читать и писать. Связавшись с Длинотенью, он повидал немало чудес, но по-прежнему считал грамотность самым могучим колдовством.

— Она истинная Мать Ночи, — пробормотал Нарайян, — ничто не сравнится с ее величием.

— Мне нужны все эти вещи, — не по-детски требовательно заявила девочка.

— Ты их получишь!

Спустя три часа после того, как они скрылись от солдат Госпожи, в то время, как неподалеку от них вовсю происходили стычки, девочка медленно водила пером по бумаге. Нарайян нервно мерил шагами комнату. Наконец она подняла на него свои странные глаза:

— В чем дело, Нарайян?

— То, как разворачиваются события, недоступно моему пониманию. Маленький колдун позвал меня к себе и показал выставленные на копьях головы моих братьев. Подарок от твоей матери по рождению. — Он осекся, не желая развивать эту тему... — Я думаю, для него ванна оказалась бы самой страшной пыткой... Не могу представить, чем руководствовалась богиня, отдавая своих верных сынов в руки этой женщине. Из наших братьев уже почти никого не осталось в живых. — Дитя щелкнуло пальцами. Сингх тут же умолк.

— Она убила их? Та женщина, что дала мне жизнь во плоти?

— Очевидно. Я совершил непростительную ошибку, разобравшись с ней, когда увез тебя к твоей истинной матери.

Девочка никогда не называла Госпожу своей матерью. А отца не упоминала вовсе.

— Уверена, у моей матери были на то весомые причины, Нарайян. Прикажи этим рабыням убраться. Я спрошу ее.

К ухаживающим за ней тенеземским служанкам девочка относилась, как к мебели. Сингх погнал челядь, искоса посматривая на Дщерь Ночи. Она выглядела так, словно и впрямь была тронута его жалобами. Нарайян затворил дверь за последней прислужницей, не пытавшейся скрыть облегчение, с которым она покидала маленькое чудовище. Служители Вершины не любили Дщерь Ночи. Нарайян присел на корточки. Дитя уже впадало в транс.

Куда бы ни отправилась ее душа, она пребывала там недолго. Но за это время девочка побледнела, а когда вернулась, выглядела более встревоженной, чем прежде.

Пока она отсутствовала, мир духов наполнял запах смерти. Но Кина не появилась.

— Я не понимаю этого, Нарайян,— промолвила девочка, обращаясь к Сингху.— Она говорит, что не убивала их и не попустительствовала их смерти.

...Впечатление было такое, будто дитя повторяет чужие слова, хотя выглядит при этом гораздо старше своих лет... Она вообще не знала, что это случилось.

Оба они столкнулись с кризисом веры.

— Что?! — Нарайян был потрясен, ошарашен, испуган. Впрочем, в наши дни страх стал постоянным спутником жизни.

— Я спрашивала ее, Нарайян. Она не знала. И узнала об этих смертях от меня.

— Как это может быть?

Я чувствовал, как страх запускает свои холодные когти во внутренности Обманщика. Неужто теперь враги Обманщиков могут убивать их без разбору и даже без ведома их богини? Неужто чада Кины теперь беззащитны?

— Каким же могуществом обладают эти северные убийцы? — спросила девочка.— Разве Вдоводел и Жизнедав не просто пугала? Неужто они полубоги, воплотившиеся в тела смертных, и сильны настолько, что могут оплетать паутиной взор моей Матери?

Их обоих — это я видел отчетливо — терзали сомнения. Если удалось с такой легкостью убить красно- и желторумельщиков без ведома их покровительницы, то что может спасти живого святого или даже мессию Обманщиков?

— Ежели все обстоит именно так,— сказал Сингх,— нам остается одно. Положиться на этого безумца по имени Длинноте́нь. Хочется верить, что он уже перебил всех таглиосцев, прорвавшихся в крепость.

— Боюсь, Нарайян, что это не так. Пока не так.

Откуда ей это известно, девочка не объяснила.

50

Вам, ребята, тем, кто придет после меня и прочтет эти записи, когда меня не станет, будет трудно в это поверить, но иногда я кое о чем умалчиваю. Но именно это случилось после того, как я решил прогуляться к командному пункту Госпожи, чтобы взглянуть на происходящее не из уютного и безопасного мира духов, а собственными, земными глазами.

Еще не добравшись туда, я понял, что свалял дурака. Я ковылял, спотыкаясь, переступая через трупы, походившие на тающие на глазах сугробы.

Когда переменится погода, у ворон начнется пиршество.

А погода менялась. Шел дождь, не слишком сильный, но равномерный. Дождь приводил к таянию снега. Воздух был полон густого

тумана: я не мог видеть дальше, чем на сто футов. Таскаться по глубокому снегу, под дождем, сквозь густой туман мне еще не доводилось.

По существу, я шел сквозь безмолвную красоту, но оценить ее достойно не мог. Потому как чувствовал себя несчастным, как, наверное, и Тай Дэй. В его родной дельте было тепло даже зимой. Вот Дрема, тот сейчас наслаждался пришедшей в Таглиос ранней весной. Я так завидовал пареньку, что чуть ли не ненавидел его. Мне следовало поехать самому.

Он доставил мое послание Бонх До Трану. Когда это произошло, я был мошкой на стене его комнаты. Старик спокойно принял письмо, не выказав ни удивления, ни заинтересованности, лишь предложил Дреме подождать на тот случай, если будет ответ. Мое послание было на пути к храму в Гангеша. Бонх До Тран повез его сам.

На самом деле я находился не в Таглиосе, а совсем в другом месте, где у меня отмерзала задница.

— Почему мы здесь? — неожиданно спросил я. Неожиданно и для самого себя. Правда, в тот момент вопрос казался мне уместным. Тай Дэй воспринял его буквально. Тут уж ничего не поделаешь, воображения у этого малого не было ни на грош. Он пожал плечами. И силился сохранять неусыпную бдительность, насколько сие возможно для того, кому за ворот стекает ледяная вода.

— Мне никогда не доводилось видеть человека, в такой степени способного разбить свою жизнь на противоречивые, взаимоисключающие фрагменты и к каждому из них относиться со всепоглощающей серьезностью. Сейчас он держался настороже, потому что один недоумок по имени Мурген решил срезать путь, пройдя через развалины Кьяулуна. А чего бояться — ведь Прабриндрах Драх уже выкурил оттуда врагов. Разве не так?

Может, оно и так, но по дороге нас дважды обстреливали из развалин. Ловко пущенный из пращи камень рикошетом ударил меня по правому бедру, и теперь мне было больно идти. Но я не горел желанием отомстить, просто хотел убраться отсюда подальше.

— Я имею в виду не почему мы отмораживаем здесь задницу. Я хочу спросить, какого хрена мы торчим на краю света, в то время, как идиоты, у которых не хватает ума сдаться, швыряются в нас камнями, а Костоправ с Госпожой вполне серьезно считают, что захватить совершенно неприступную крепость для них плевое дело?

Тай Дэй позволил себе необычное высказывание:

— Человек не всегда знает, чем ему приходится заниматься, верно? — Правда, он тут же взял себя в руки и продолжил в назидательном тоне: — Ты следуешь тропой чести, Мурген. Ты стремишься отплатить за Сари.

— Как и все мы. Моя мать и я следуем за тобой, потому что таков наш долг.

— Ах ты, врун паршивый!

— Ладно, пусть так. Спасибо. Мы хотим посчитаться, и мы своего добьемся. Но эта погода сводит меня с ума. А как насчет тебя?

— Этот туман приводит меня в уныние,— сознался Тай Дэй.

Между нами просвистела стрела, выпущенная каким-то кретином, к счастью для нас, не имевшим возможности как следует прицелиться.

— Упрямые ублюдки! — сказал я.— Должно быть, Могаба внушил им, что мы собираемся сожрать их живьем.

— Возможно, у них нет оснований думать иначе.

Я подобрал стрелу.

— Что это ты вдруг ударился в философию?

Тай Дэй пожал плечами. В последнее время он становился все более разговорчивым. Словно не хотел позволить мне позабыть, что он больше, чем моя собственная тень.

Мы выбрались на площадь — точнее, туда, где до землетрясения находилась площадь. Из-за тумана здесь невозможно было отыскать ни единого ориентира.

— Дерьмо!

Так я оценил обстановку с философской точки зрения.

— Там!

Тай Дэй указал на свечение слева от нас. Навострив уши, я услышал звуки, походившие на приглушенные таглиосские ругательства. Что-то вроде тех слов, какие частенько произносят солдаты за игрой в тонк: южане научились этой забаве от нас и восприняли ее с энтузиазмом. Я направился в ту сторону, хлюпая жидкой грязью. Талая жижа достигала лодыжек, а в одном месте нога провалилась по колено. Я выругался по-таглиосски, и очень кстати. Заслышав родную речь, солдаты поспешили на помощь. Выяснилось, что они услышали хлюпанье и чуть было не устроили на нас засаду. Я этих ребят не знал, но им моя физиономия была знакома.

Как оказалось, они остались без командования: их офицер пропал без вести, сержант погиб, и парни понятия не имели, что же теперь делать. А потому сидели себе в тепле да резались в картишки, стараясь не попадаться никому на глаза. Такое поведение было одним из отрицательных результатов нашей системы воинского обучения. Инициатива на уровне взвода у нас не поощрялась, да и на любом другом тоже.

— Ребята, я ваших обстоятельств не знаю и подсказать ничего не могу. Поищите-ка лучше своего ротного.

Они объяснили, что вся их рота была послана на очистку местности от засевших в развалинах вражеских стрелков. Этим самым стрелкам не составляло труда обнаруживать в тумане противника — их противником являлся всякий, кто передвигался по городу. Партизаны стреляли во всякую движущуюся цель, чего не могли позволить себе таглиосцы. Вся их рота рассеялась где-то в тумане.

— А этот пожар вы специально устроили?

— Нет, господин. Просто у нескольких ребят сдали нервишки, и они воспользовались бамбуком. Ну а мы просто не стали тушить.

— А почему вы попросту не подожгли все эти постройки и не поджарили снайперов?

— Мы действовали по приказу. Эти дома в приличном состоянии. Князь хотел устроить здесь штаб-квартиру.

— Понятно.

Понял я больше, чем полагали таглиосцы. У Прабриндраха Драха уже имелась штаб-квартира. Причем, куда более комфортабельная и в более удобном месте.

— Послушайте меня, парни, — сказал я. — Не стоит вам класть головы, пытаясь сохранить груду камней да орясин. Если эти дерьмовые паршивцы вздумают в вас стрелять, выжигайте их напрочь.

Из тех разделов Анналов, где упоминаются сражения в городах, можно извлечь один немаловажный урок, который вполне подтверждает и горький опыт моего пребывания в Деджагоре. Ежели ты начинаешь думать не о своей шкуре, а о сохранности имущества, у противника появляется хороший шанс сожрать тебя с потрохами. Коли дело дошло до схватки, заботиться следует лишь о том, чтобы укокошить врага, прежде чем он угробит тебя.

Из тумана продолжали вылетать камни и стрелы. Ущерба они не причиняли, но не оставляли сомнения в том, что партизаны хорошо представляют себе наше местоположение.

Заручившись моей поддержкой, княжеские солдаты отправились поджигать строения. Я хихикнул и пробормотал под нос:

— Горжусь собой. Очень даже горжусь.

— Что следует сделать, должно быть сделано, — откликнулся Тай Дэй, видимо, понявший меня неправильно.

Не было нужды объяснять ему, что я несколько подправил план Прабриндраха Драха.

— Ты запоешь по-другому, когда мы обморозим задницы из-за того, что эти обормоты изведут проклятый город впустую.

Руины Кьяулуна являли собой богатый источник древесины для топлива, не говоря уже о необходимом для некоторых работ камне. Но, так или иначе, когда занялся огонь, у меня чуток закружилась голова. Неужто так действует на человека власть?

Я задержался в городе и всякий раз, когда мне встречались отбившиеся от своих и оставшиеся без командиров таглиосцы, посылал их выживать упрямых тенеземских снайперов. То тут, то там расцветали зарева все новых пожаров.

С приближением вечера становилось холоднее. Пошел дождь. Слякоть стало прихватывать ледком. Туман рассеивался, и, когда видимость улучшилась, я понял, что очаги пожаров куда более многочисленны, чем представлялось мне ранее. Огонь распространялся без удержу, так что подмерзшая было жижа снова начала таять.

На смену туману пришел едкий дым.

— Эдак нам придется таскать дровишки с гор,— сказал я Тай Дэю и разослал распоряжение больше дома не поджигать. Большого успеха это не возымело.

Издерганные солдаты то и дело выпускали огненные шары куда угодно, включая друг друга, чем, надо полагать, немало потешали Могабу. Настала ночь. А оставаться в Кьяулуне под покровом ночи мне совсем не хотелось. Накомандовался я вволю, и пляшущие отблески пожаров теперь действовали мне на нервы. Самое подходящее времечко, чтобы Хозяин Теней выпустил своих любимцев.

— Видел? — спросил я.

— Что? — озадаченно переспросил Тай Дэй.

— Поручиться не могу. Глаза у меня уже не те, что прежде, но...

Я заткнулся. Не было нужды говорить Тай Дэю, что в причудливом, скачущем свете я приметил дядюшку Доя, скользившего так, словно он сам был Тенью. За его спиной держалось нечто, весьма напоминавшее тролля.

Матушка Гота.

Интересно. Весьма интересно.

— Давай пройдемся.

Я поспешил в том направлении, куда удалились мои свойственники. Тай Дэй, ясное дело, потащился следом.

— Тай Дэй. Что ты на самом деле знаешь о дядюшке Дое? Что движет им? К чему он стремится?

Тай Дэй буркнул нечто невразумительное.

— Отвечай, черт побери! Мы же родня!

— Ты воин Черного Отряда.

— Верно, пропади ты пропадом. Ну и что?

Снова невразумительное бурчание.

— Готов признать, что я недостаточно низенький, гаденький, костлявый, тупой болотный коротышка, чтобы считаться подлинным нюень бао де дуань, но, кажется, для Сари я был бы подходящим мужем!

Мне пришлось подавить желание схватить Тай Дэя за шкирятник и колошматить его о стену до тех пор, пока он не сознается, зачем они похитили мою жену и объявили ее умершей. В последнее время я ловил себя на мысли, что по части расизма мог бы утереть нос и Тай Дэю, и всем его соплеменникам.

— Он жрец,— помолчав, признался Тай Дэй.

— Ох. Ну и удивил же ты меня, брат. За дурака меня держишь? Я тебе не женгал. На языке нюень бао это коротенькое словечко означало «уродливый от рождения, безмозглый чужеземец».

— Он — хранитель старины, брат. Кладезь древних преданий, знаток исконных обычаев. Давным-давно мы пришли в дельту из иной земли и сами были совсем иными. Ныне мы живем, как должны жить сейчас, но среди нас есть люди, хранящие сокровенные

знания о прошлом. Тебе, как летописцу Черного Отряда, это должно быть понятно. Может, оно и так.

Усилившийся дождь превратил улицы в сплошные лужи. Не слишком глубокие, по большей части не глубже дюйма; это заставило меня вспомнить о затопленных улицах другого города. Это просто кошмарная игра воображения, внушал я себе. Возможно, наваждение, посылаемое Киной. Вонища здесь, конечно, имеется, но это не Деджагор. Здесь нам не придется есть крыс, голубей и ворон. И никто не станет прибегать к мрачным обрядам, требующим человеческих жертвоприношений. Я внимательно пригляделся к Тай Дэю. Похоже, ему тоже вспомнились те времена.

— Там, по крайней мере, было теплее, — промолвил я.

— Я помню это, брат. Я все помню.

Он имел в виду, что помнит, почему так много его соплеменников сочли своим долгом чуть ли не служить воинам Черного Отряда.

— Я хочу, чтобы ты помнил те дни всегда, Тай Дэй. Мы оказались в ловушке, но выжили. Там я многому научился. Теперь меня ничем не проймешь.

Я побывал в аду и отбыл там свой срок. Нынче даже сама мрачная Кина не имела возможности ввергнуть меня в худшие беды, нежели те, что я уже пережил.

Отвлекшись на разговоры и размышления, я упустил из виду дядюшку Доя. Если это действительно был дядюшка Дой. Мы с Тай Дэем оставались на улицах, пытаясь воодушевить солдат и в то же время силясь забыть о своих каникулах в аду.

О дядюшке Дое этот маленький паршивец не проронит больше ни слова.

51

Костоправ был недоволен.

— Нечего рогом упираться, Мурген. У тебя не было нужды подвергать себя такому риску.

— Я выяснил, что князь затевает какую-то гадость.

— Подумаешь, великое дело. От этой задницы мы ничего другого и не ждали.

— К тому же, я видел дядюшку Доя. Он тоже шнырял в развалинах.

— Ну и что?

— Так ведь ты всю дорогу беспокоился насчет моих родственников.

— Теперь это уже не так важно.

Его слова насторожили меня. Опять он знал нечто такое, чем не хотел со мной делиться. Или же просто вознамерился сохранить свою точку зрения на происходящее в полнейшем секрете.

— Что случилось?

— Мы достигли верстового столба. Камня, на котором отмечено расстояние в милях. Никто этого не заметил, что дает нам обалденное преимущество.

— А пояснее нельзя?

— Ни в коем случае. Вдруг да пташка услышит.

— Скажи, почему ты встречаешься с этой птичницей? — Я взял за обычай приставать к нему с этим, так же, как он цеплялся ко мне с расспросами о дядюшке Дое. Что вовсе ему не нравилось. Ответа я не получил.

— У тебя есть дело. По существу, даже два. Вот ими и занимайся. Если я лишусь тебя, у меня не останется никого, кроме Одноглазого. — Он бросил на меня суровый взгляд.

— Представляю, как это будет ужасно.

Костоправ уловил мой сарказм.

— Когда будет готов Дрема? Что-то я давненько его не видел.

— Я тоже. — В данном случае, если подойти формально, мои слова не были ложью. Уж больно занят был. Составлял чертеж внутренних помещений Вершины.

Что тоже соответствовало действительности. Я вычерчивал план, когда не находилось дела поинтересней. И не прилагал особых усилий для слежки, хотя кое за кем последить бы стоило.

— Ты знаешь, насколько глубоко уходят в землю его подвалы?

— Нет. Как не знают и вороны.

— Тут он, пожалуй, ошибался. Некогда Душелову довелось побывать в подземельях Вершины. В качестве узницы. Но с меня этого разговора хватило. Ясно, что нашей паранойе конца не видно.

— Ладно. Пожалуй, я прогуляюсь.

Одноглазый сидел напротив матушки Готы, по другую сторону костра. Они не разговаривали, однако их взаимная терпимость и сама по себе вызывала немалое удивление. Неужто паршивый колдунишка и впрямь пытался сосватать ее за Гоблина? Глазенки у него, во всяком случае, бегали так, словно он затеял какую-то пакость.

Мой телохранитель сидел рядом со своей мамочкой, кормившей его пакостной хренью, которую нюень бао почему-то считают едой.

Проскользнув мимо них, я поднырнул под рваное одеяло и залез в логовище Одноглазого. Вонища там стояла страшенная. Уж не знаю, кого он собирался дурачить: ни у одного нормального человека не могло возникнуть сомнения относительно назначения этого густого сусла. Надо полагать, пойло из него выйдет такое же вонючее. Одноглазый побросал в свой жбан решительно все, что могло быть подвергнуто брожению. Копченый лежал на походной койке, изготовленной Лофтусом и его братьями по заказу Одноглазого, коматозный колдунишка располагал лучшей кроватью во всей провинции. Я пристроился на стуле, размышляя: можно ли будет и

вовсе обойтись без него. В конце концов я решил, что опыты подождут. В настоящий момент предпочтение следовало отдать надежности. Однако, мне следует вытащить его из этой дыры. При первой возможности я тихонько перетащу Копченого к Костоправу, то-то у него радости будет — полные штаны. В первую очередь я нашел Дрему: парнишка все еще дожидался Бонх До Трапа в его городском доме. Последовав за Траном на болота, я приметил, что старик встревожен. Почему — я не понимал. До храма ему было еще ехать и ехать, а тем временем стан моей Сари округлялся прямо на глазах.

Не прошло и недели с тех пор, как я видел ее в последний раз, а живот ее увеличился более чем заметно. Я припомнил шуточки, которые взрослые отпускали в адрес беременных женщин, когда я был еще мальчишкой. Теперь они уже не казались мне такими смешными.

Я очень хотел быть рядом с ней, хотя и сознавал, что в моем присутствии нет никакой нужды. Каждый день во всем мире женщины рожают детей и прекрасно обходятся безо всякой помощи со стороны отцов. В такие моменты они все заодно, а мужиков и близко к себе не подпускают. Я снова выбрал минутку, когда Сари оставалась одна, и попытался материализоваться прямо перед ней. И снова мне удалось лишь напугать ее.

— Скоро ты узнаешь правду, — попытался сказать я, но в итоге только переполошил ласточек на стрехах. Но я мог проявить терпение, ибо теперь вел игру сам. Дядюшка Дой и матушка Гота понятия не имели о том, что было известно мне. Я решил навестить Радишу.

С первого взгляда мне стало ясно, что она сожалеет о своем решении послать Корди Мотера приглядеть за нами, этакими безобразниками. Без своей любимой игрушки она превратилась в несносную старую каргу. Что не прошло незамеченным. Неплохо, когда жрецы ко всему присматриваются и по любому поводу имеют свое суждение.

Правда, мне работенки прибавилось: теперь не мешало присматривать и за святошами. Надо будет переговорить на сей счет с Костоправом: вдруг он сумеет использовать ситуацию в своих интересах. Больше я в Таглиосе ничего интересного не увидел. Теперь все, от мала до велика, знали о победе на Чарандапраше. И решительно все, независимо от касты, веры и общественного положения, как сторонники Черного Отряда так и его ненавистники, не сомневались в скором падении Вершины. Никто не выказывал ни малейшего страха перед Хозяином Теней. Похоже, в Таглиос возвращались добрые старые времена: времена мира, заговоров и ударов в спину. На мой взгляд, этот настрой появился несколько преждевременно.

Я повернул на юг, выискивая Корди Мотера. Сдается мне, Корди его поручение пришлось не по сердцу, и он не слишком-то рвался его выполнить. Его отряд еще не добрался до Чарандапра-

ша. Я не стал выяснять почему: не иначе, как ребята ждали хорошей погоды.

Если уж Мотер не стремился на фронт, то о его спутниках и говорить нечего, к тому же они считали, что война уже выиграна. А коли так, зачем им соваться туда, где люди все еще продолжают убивать друг друга. Этак ведь и пораниться недолго. Не говоря уж о холоде, варварски примитивных условиях жизни, отсутствии развлечений и изысканной кухни...

Я вернулся к холодному, орошаемому кровью массиву Данда-Преш и взмыл над горами как можно выше, стараясь обнаружить признаки Могабы, Гоблина, форвалаки или Душелова. Копченый не мог или не хотел обнаружить никого из них, хотя примерное местоположение Душелова можно было определить по множеству ворон. Она оставалась на том самом месте, где встречалась со Стариком. Подвести Копченого ко Вратам Теней ближе, чем раньше, мне не удалось. Но то, что я увидел, заставило меня выругаться. Почти вся Старая дивизия Костоправа была рассредоточена среди лощин и утесов между Вершиной и Вратами Теней. Солдаты перерезали дорогу на юг, в Хатовар. Некоторые из этих обалдуев мало того, что расположились чуть ли не у самых Врат, но еще и затеяли обстреливать противоположную сторону. Почти беспрерывно: в каждый момент по направлению к Вратам летело несколько шаров.

Интересно, знает ли Старик, чем они тут занимаются? Дурнее этого ничего и придумать нельзя. Один-единственный неверно пущенный шар может разрушить Врата.

Я вернулся в цитадель и принялся блуждать по темным, запутанным коридорам. Памятуя о том, сколь велик страх Длиннотени перед Тенями, следовало ожидать, что он попытается постоянно поддерживать во всех внутренних помещениях яркий свет. Однако, для этого не хватило бы никаких ресурсов, что, очевидно, понял и Хозяин Теней. А потому предпочитал отсиживаться в светлых хрустальных покоях, а по Вершине перемещался лишь в случае крайней необходимости. Редко, но метко: уж тогда-то света хватало.

Ревун, Нарайян и Дщерь Ночи разгуливали по крепости совершенно свободно. Они ничего не боялись и даже не сторонились темных углов. Девочка относилась к страхам Длиннотени с нескрываемым презрением. Возможно, потому, что ни она, ни Нарайян полностью не представляли себе, что способны натворить питомцы Хозяина Теней. Впрочем, полностью этого не представляли себе и мы.

Госпожа развернула походную мастерскую по подзарядке использованных бамбуковых шестов. Она была уверена, что они нам потребуются. Я боялся, что она права.

Камень сотрясает дрожь. Вечность глумливо пожирает собственный хвост. Пиршество стужи близится к завершению. Даже смерть не ведает покоя. Стены кровоточат.

В серой крепости царит мгла, и в этой мгле трудно различить сочащиеся из трещин в камне капли венозной крови. Капли, поблескивающие в поднимающемся из бездны свете. Вокруг каждой капли алчно витают маленькие Тени. И за всем этим наблюдает одна-единственная ворона.

Крепость уже начала наполняться извергнутым бездной туманом. Клубы его заволокли половину кренящегося трона. Трона, накренившегося еще сильнее. Кажется, что сидящий на нем человек, не будь он намертво приколот к престолу, соскользнул бы в туман.

Трон наклоняется снова, дальше — еще на одну миллионную долю дюйма. Восседающий издает стон. Его слепые глаза трепещут. Каркает ворона: одна-единственная ворона.

Молчания нет. Камень порушен.

Где есть хотя бы щель, там появляется и жизнь. Свет всегда пробьет себе путь.

52

Когда я рассказал Старику про ребят, стреляющих огненными шарами по Вратам Теней, он помрачнел.

— А еще дурнее они ничего не могли придумать? — рявкнул он и, подозвав вестового, послал его на юг с твердым и недвусмысленным приказом.

— Что-то здесь ворон не видно,— заметил я.

Одноглазый наколдовал. Напустил на них голод, а тут поживиться нечем, вот они и улетели. Но не навсегда.

Я понял намек и поспешил высказать то, что меня тревожило. На мой взгляд, мы не слишком-то усердствуем в том, чтобы помочь парням Госпожи, запертым в Вершине.

Костоправ пожал плечами.

— Вершина меня больше не волнует. Во всяком случае, не очень волнует.

— Что? Ты не беспокоишься насчет Длинотени? Ревуна? Нарайяна Сингха и своей... и Дщери Ночи?

— Пойми меня правильно. Не то, чтобы все они были совсем уж мне безразличны. Просто, они уже не имеют того значения, что раньше.

— Должно быть, я чего-то не понял. Что ты говоришь?

— Пока я лишь предполагаю, Мурген, но... Теперь мы можем двинуться дальше, на юг. Если захотим. И если я прав насчет знамени.

— Хм...— сказал я. Других слов не нашлось.

— Знамя должно быть ключом к Вратам Теней. Думаю, с ним мы могли бы миновать Врата и двигаться дальше безо всякой опаски.

— Хм...— повторил я, но на сей раз в моей башке уже зашевелились кое-какие мыслишки.— Ты хочешь сказать, что мы могли

бы просто-напросто собраться вместе и, распевая строевые песни, потопать вверх по склону?

— Да. Вполне возможно.

Стало быть, полной уверенности у него нет.

— Но не означает ли это оставить многие дела неулаженными? И каков риск — вдруг мы откроем Врата как-нибудь не так?

— А Длинотень на что? Он охраняет Врата и может держать их запертыми.

— А ежели на сей раз он не сможет их запереть?

Костоправ пожал плечами:

— В конце концов, мы никому ничего не должны... Давно ли ты сам рассказывал мне, какие козни строит против нас Радиша. Прабриндрах Драх тоже затевает гадости, прямо у нас под носом. Ревун нам всяко не друг, а Душелов помогает мне лишь потому, что рассчитывает через меня насолить Госпоже.

— Командир, у меня там жена. На сносях. Не говоря уж о Гоблине и его команде. Найти я их не могу, но уверен, что они выполняют какое-то тайное задание. Твое задание.

— Хм. Об этом я не подумал. Вообще-то тайны тут никакой нет. Задача Гоблина состоит в том, чтобы о нем позабыли, чтобы он мог появиться в нужное время и в нужном месте совершенно неожиданно. Скажем, если вздумает-таки подложить нам свинью.

Я хмыкнул. Может оно и так, а может Костоправ попросту пудрит мне мозги. Ломать над этим башку сейчас я не собирался: надо будет, проверю с помощью Копченого.

— А как насчет Сингха,— спросил я.— Ты хочешь уйти, оставив его в покое?

Трудно было поверить, что Госпожа согласилась бы с подобным решением. Конечно, ей в голову не заглянешь, но мне казалось, что никто и ничто не заставит ее стронуться с места, покуда Нарайян Сингх пребывает в добром здравии.

— Пока все идет как идет, и я в чужие дела особо не путаюсь. До поры пусть оно так и остается. Но когда наступит час, я, не колеблясь, поведу Отряд вперед, по дороге на Хатовар.— Голос его стал холоден и тверд. Я начинал сердиться, чего делать не следовало.

— Прошу прощения, может, мне пора идти?

— Самое время,— отозвался он с натянутой улыбкой.

В комнату заглянула одна из его ворон. Если птица может выглядеть озадаченной, то эта ворона выглядела именно так. От нее тоже воняло. Она подкрепилась на развалинах.

— Чего стоит наш договор с таглиосцами? — спросил я Одноглазого. Колдунишка лишь озадаченно хмыкнул. Больше всего ему хотелось, чтобы я провалился в тартарары и не мешал ему возиться с самогонным аппаратом.

— Я хочу сказать, обязаны ли мы строго придерживаться каждого пункта своих обязательств до тех пор, пока они явно не нарушат свои?

— В чем твоя проблема? — Он взмахнул рукой, давая мне понять, что воронья поблизости нет.— Старик твердит о том, что нам следует отправиться на юг. Послать на хрен и Вершину, и Длинотень, и все прочее. Пусть они разбираются между собой, пока мы топаем в Хатовар.

Колдунишка перепугался так, что и думать забыл меня выпроваживать.

— А он и вправду знает, как это сделать?

— Во всяком случае, считает это возможным. По-моему, полной уверенности у него нет, но он твердо настроен проверить, что да как, методом тыка.

— Худо дело. Этим своим тыканьем он может вызвать такой дерьмошторм... Мы и вообразить не можем, какой. Такой, о каких и в мифах не упомянуто.

— Я тоже так думаю. Конечно, скорее всего это просто трепотня. Но, тем не менее, не помешает напомнить ему, что мы еще не прочли три недостающих тома Анналов. У меня такое впечатление, что мы можем упустить нечто важное.

У Одноглазого не было и десятой доли того почтения к Анналам, какое испытывал я, не говоря уж о Костоправе, но, судя по ухмылке, ход моей мысли ему понравился.

— Звучит разумно. Я ему напомню.

— Только ненавязчиво, исподволь. Иначе его только раззадоришь.

— Кого учишь, Щенок? Я ж такой скользкий, как засаленное совиное дерьмо. Можно подумать, что ты меня не знаешь.

— Прекрасно знаю. Это меня и пугает.

— Ну что за молодежь пошла? Ни тебе доверия, ни уважения к старшим...

— ...Ни терпения, вожжаться с дерьмом бычачьим,— согласился я.

— Ну ладно, у меня забот полон рот. Мне еще бумаги писать.

Но прежде всего следовало позаботиться о еде. Я снова проголодался.

После прогулок с духом я наедался до отвала и теперь, наверное, слишком растолстел, чтобы ходить пешком.

Я присоединился к родственникам, сидевшим у костра. Матушка Гота плеснула мне в миску варева из кипящего на огне горшка. Никто из нас не проронил ни слова. В последнее время я с ними почти не разговаривал. Наверное, они решили, что я ушел в себя.

Интересно, подумал я, почему старуха не занимается стряпней в помещении. Мы с Таи Дэем отгрохали для нее в нашей норе прямо-таки личные покои, но она залезала внутрь лишь на ночь, да когда погода становилась совсем несносной.

Благоустройством нашего жилья занимался в основном Тай Дэй. Другого дела у него все одно не было. К затеям своей матери и дядюшки Дэя он отношения не имел.

— Спасибо, — сказал я матушке Готе, когда наелся, — это было как раз то, что надо.

Нахваливать ее стряпню я не стал, она бы все равно не поверила в мою искренность. Потому как никогда не претендовала на славу искусной поварихи.

— Костяной Воитель, — обратилась она ко мне, что случалось нечасто, — ты опасаешься ворон? Они так важны?

По-таглиосски она говорила ужасно. Я мог объясняться на нюень бао несравненно лучше, но она нипочем не соглашалась говорить со мной на языке своей родины. По моим соображениям, для нее это значило бы признать законность моих отношений с Сари. Впрочем, я давно уже бросил попытки разгадать ход мыслей матушки Готы.

— Они передают сообщения, — ответил я на нюень бао, — подсматривают, подслушивают, шпионят. Так же, как мыши, и земляные и летучие. Те, кому они служат, нам не друзья.

Наверное, я чересчур распустил язык. Костоправ не одобрил бы моей болтливости. Но мне показалось, что она может клюнуть на эту наживку. Вдруг да проговорится о том, что она знает или хотя бы подозревает. Захочет выпендрится и не удержится.

— Я тоже приметила ночью сов, Каменный Воин, — страшных. Обычные птицы так себя не ведут.

Я хмыкнул. До сих пор на сов никто не обращал внимания. Если их и вправду используют против нас, эта старушенция куда проницательнее, чем я думал.

— Прошлой ночью вороны прилетали и улетали из сияющей крепости. Много ворон.

Я присмотрелся к ней повнимательнее. Стало быть, прошлой ночью. Когда мы с Тай Дэем разбирались с отбившимися от своих парнями. А она шастала по развалинам с дядюшкой Доем. И, гляди-ка, приметила то, что я прошляпил.

В последнее время ворон у вершины вилось немного. По-видимому, Длинотень почувствовал неприязнь к этим мрачным, зловещим птицам и опутал хрустальные купола своих башен коварными чарами, поражавшими ворон, когда тем случалось подлетать слишком близко.

— Интересно, — сказал я. — Возможно, это что-то новое.

— Вороны летали туда и раньше. Но так много их не было никогда.

Хм. Что же за хреновина творилась там прошлой ночью? Что могло так заинтересовать Душелова? Может быть, это стоит проверить. А может быть, проверяют как раз меня. Возможно, дядюшка Дой и матушка Гота, приметив в последние месяцы странности в моем поведении, задумали выяснить, что к чему. Кто знает, не справедливы

ли подозрения Костоправа. Если это подозрения, а не что-то большее. Он ведь всех подряд хоть в чем-нибудь, да подозревает

— Летающий тоже вылетал прошлой ночью, Солдат Тьмы.

— А... — Кажется, она все-таки меня проверяла. Прекрасно ведь знала, что я терпеть не могу загадочные титулы, навешанные на меня ее папашей Кы Дамом. Старый вещун никогда не разъяснял, что они значат, а Гота и подавно шагу не ступит дальше, чем ее папочка. — Это интересно.

Никто уже давно не замечал Ревуна в полете. Если он и летал, то под прикрытием маскирующих чар.

Видать, ей поиграть со мной захотелось. И позлить меня вопросами да недомолвками. Больше, чем я услышал, мне из нее уже не вытянуть, пока.

Я отказался принять ее игру и повернулся к Тай Дэю.

— Неужто меня только что приняли в почетные нюень бао?

Тот пожал плечами. Похоже, он слегка удивился: как это его мать вообще что-то мне рассказала.

Я и не подумал припустить со всех ног к Копченому — старуха ждала именно этого, но ей пришлось здорово разочароваться. Вместо того я занялся рутинными делами: помог Тай Дэю в обустройстве нашей хибары, снова подкрепился, основательно попил воды и некоторое время корпел над Анналами. Что бы ни случилось прошлой ночью, я уже все равно не мог ничего изменить. К тому же, не думаю, чтобы эти события таили в себе такую уж страшную угрозу.

Вскоре после заката солнца ко мне заявился Одноглазый.

— Супец готов, — заявил он, побулькав содержимым глиняного горшка. Моя нора наполнилась запахом его нойла.

— Вот и ладненько, — отозвался я и последовал за ним во тьму.

53

— На сей раз ты появился как нельзя вовремя, — сказал я Одноглазому.

— Мне как раз надо было оттуда убраться... — Я пересказал ему все услышанное от матушки Готы.

— Откуда она все это вызнала?

— Я рассказал о том, что приметил ее и Доя в развалинах.

— Может и они меня заметили?

— А может им Тай Дэй рассказал?

— Не исключено.

— Ты полагаешь, это важно?

— Они явно хотели подбить меня на то, чтобы я это проверил. Проверил специально, ведь при обычной проверке я ничего особенного не заметил.

Одноглазый хмыкнул. И призадумался.

— Эдак ты можешь себя выдать. К тому же, при всех своих преимуществах, мы запросто можем проглядеть нечто существенное, потому как не знаем, что именно следует искать.

— В точку попал. Нечто важное могло лежать на поверхности, а я, невзирая на преимущество, что давал мне Копченый, мог в упор ни хрена не видеть, ибо понятия не имел, чего искать. На то, чтобы поспевать всегда да повсюду, у нас попросту не было времени.

— Почему бы не угостить твоим магическим зельем моих родственничков? — предложил я.— Вдруг оно им языки развяжет?

— Эка? А я думал, они и капли в рот не берут!

— Так все считают. Но я сам видел, как Тай Дэй пару раз принимал для сугреву кое-что покрепче воды. А его мамаша, как мне сдается, запросто может усидеть несколько пинт, но стесняется Доя. Он все время торчал поблизости, и с тех пор, как мы ушли из Таглиоса, у нее не было случая залить глаза.

— Очень интересно.— Черномазого коротышку моя информация вдохновила.

— Вот что я тебе скажу. Сейчас я пойду туда и составлю им компанию. В твое отсутствие. Скажу им, что ты работаешь.

Он ушел еще до того, как я закончил свои приготовления. Прихватив с собою скользкую, старую деревянную бадью.

— С Лебедем, что ли его свести? — пробормотал я. Лебедь Лозан тоже варил дерьмовую бражку, но в сравнении с пойлом Одноглазого его продукт мог бы считаться амброзией.

Обхватив Копченого, я ощутил некое подобие тепла: словно частица его сознания уловила, что он больше не один, и испытала удовлетворение. Я направил его прямо к Вершине, соскальзывая во времени в прошлую ночь, и старался при этом избегать горящих развалин, чтобы не наткнуться на самого себя. Вихляя туда-сюда, я засек наконец ворон матушки Готы. Что было непросто. Они примчались с севера и рухнули в недра Вершины, словно упавшие камни. Было их не более дюжины, так что принять или передать они могли лишь весьма краткое сообщение. Я-то ожидал, что их будет гораздо больше — исходя из слов моей тещи.

Я последовал за воронами. Стая не стала приближаться к сверкающему хрустальному куполу, под которым Хозяин Теней, несмотря на поздний час, корпел над каким-то таинственным текстом. Погрузившись в темноту двора, птицы пробрались в помещение через дверь, специально оставленную слегка приоткрытой. Они издавали негромкие тревожные звуки: видать, чувствовали себя здесь неуютно. Резкий, неожиданно оборвавшийся крик едва не вспугнул их.

Затем послышался шепот. В темноте я не видел ничего, кроме смутных очертаний фигуры, и узнал Ревуна лишь благодаря вырвавшемуся у него крику. Из того, что он говорил, я не разобрал ни слова. Равно как не понял и ворон, по очереди выкрикивавших слова, которые должны были сложиться в сообщение. Но решающее

значение для меня имело не содержание беседы колдуна с пташками, а сам факт этой беседы.

Душелов и Ревун поддерживали связь.

Я сместился во времени на час назад. Ничего — Ревун просто сидел и ждал. Я прыгнул вперед, рассчитывая зажать его в вилку и рано или поздно, обнаружить что-нибудь стоящее.

Встреча с воронами продолжалась лишь несколько минут. Затем Ревун устремился назад, во тьму. Я за ним, выслеживая его по запаху. Даже в мире духов он премерзостно вонял.

Колдун пробирался самыми темными коридорами, какими никогда не пользовался Длинотень. Добравшись до нужной двери, он постучал, чему я немало удивился. Ревун относился к тем малым, которые повсюду входят без спросу.

Нарайян Сингх приоткрыл дверь на щелочку. Ревун подавил крик: в последнее время он справлялся с этим неплохо. Сингх отступил, давая ему войти. Ревун проскользнул внутрь, словно уменьшенная копия душилы, идущего на свое черное дело.

— Пора, — прошептал он.

Пора для чего, хотелось бы мне знать.

А вот Сингх это знал. Не медля ни секунды, он направился к Дщери Ночи, которая, сгорбившись перед маленьким огоньком, без устали переписывала книгу Мертвых. Похоже, работа близилась к завершению. Но кто знает, насколько длинны эти книги?

Когда Сингх приближался к девочке, в каждом его движении ощущалась неуверенность. Впрочем, в последнее время он чувствовал себя неуверенно почти во всем. Ибо знал, что его роль сыграна почти до конца. Ничего, думаю, Госпожа найдет ему применение.

Нарайян привлек внимание девочки. Боже правый, она стала еще больше походить на призрак. Вокруг нее угадывалась аура, которую можно было бы определить как светящуюся тьму. А глаза горели, как у голодного кота, подкрадывающегося к угасающему костру, вокруг которого все уснули.

— Пора, — еле слышно прошептал Нарайян.

Девочка кивнула, сделав жест свободной рукой. Нарайян поклонился и отступил на шаг.

Не было ни малейшего сомнения в том, кто здесь властвует, а кто повинуется. Равно как и в том, что сама Дщерь Ночи пребывает во власти иной силы, могучей и целеустремленной. Девочка протянула Нарайяну ручонку, чтобы он помог ей встать. Эта рука, словно клешня, сжимала перо, разжать ее самостоятельно Дщерь Ночи уже не могла. Так же, как и стоять, до такой степени затекли ее ноги. На какой-то миг я проникся к ней жалостью, забыв, что это не настоящий ребенок.

Ревун вернулся в коридор. Он метался взад и вперед впереди Сингха и девочки, разведывая путь. Эти двое настояли на лампе, что весьма тревожило колдуна. Всю дорогу, пока они крались по переходам твердыни, он беспокойно ворчал. Судя по тому,

как приходилось петлять, отдельные анклавы внутри крепости все еще удерживались солдатами Госпожи. В конце концов Ревун вывел своих спутников к неохраняемому участку стены, выходившему на Кьяулун. Внизу полыхали пожары. Где-то там, замерзший и недовольный собой, торчал и я. А под боком у меня Тай Дэй.

Почти не задерживаясь в реальном времени, я метался взад и вперед, сжимая события. Вскоре выяснилось, что Ревун направлялся к маленькому ковру, спрятанному на верхушке недостроенной, так и не увенчанной куполом, а потому не используемой башни. Ковер был новый, гораздо меньше тех, что я видел раньше, и черный, как окружающая нас ночь. Каковое открытие лишний раз подтверждало мысль о невозможности заприметить все, ежели ты не собираешься потратить на наблюдение каждую минуту. На моей памяти Ревун таким ковром не пользовался.

В полном молчании колдун и его спутники подняли ковер, поднесли его к парапету и перебросили через гребень. Ковер завис в воздухе. Затем вся троица перебралась на него. В тот же миг ковер начал падать. Нарайян негромко охнул и закрыл глаза. На Дщерь Ночи это не произвело впечатления.

Ревун совладал с управлением как раз вовремя: еще чуть-чуть, и вся компания шмякнулась бы о скалы. Ковер мягко заскользил всего в нескольких футах над землей, лавируя так, чтобы между ним и Вершиной постоянно находилось какое-нибудь прикрытие.

Я бросил взгляд на Длинотень.

Хозяин Теней насторожился. Оставив свои штудии, он уставился в сторону Кьяулуна. Он чуял неладное, но в чем дело, понять не мог.

Кажется, Ревун облапошил своего союзничка.

Я едва не потерял этого вонючего паршивца: чтобы найти его, мне снова пришлось вернуться назад во времени. Вскоре после того, как я отвлекся на Хозяина Теней, он пролетел мимо засевших в руинах партизан Могабы. Те подняли шум, решив, что один из любимцев Хозяина Теней устроил вылазку, а этот шум привлек внимание находившихся поблизости таглиосцев. Солдаты приметили смутные очертания какого-то летающего предмета и, не теряя времени, выпустили залп огненных шаров. Ревун сменил тактику.

Он резко увеличил скорость и опутал ковер маскирующими чарами, чего предпочитал не делать возле Вершины. Я бы упустил его, но на помощь пришел случай. Случайный шар срезал уголок невидимого ковра, и ткань начала тлеть. Защитные чары не могли скрыть это свечение, во всяком случае, от меня. Ревун улепетывал во всю прыть, однако держался так низко, что кусты скребли по днищу его ковра. В лагере Прабриндраха Драха он зацепился за бельевую веревку и повалил несколько палаток. Похоже, он больше тревожился о том, чтобы его не заметили со стороны Вершины, нежели с нашей.

Стремительная гонка несколько возбудила меня. Я заметил это не сразу, а когда заметил, удивился тому, что подобное чувство овладело мной в мире духов. Кажется, оно просачивалось ко мне от Копченого.

Мы пролетели довольно близко от дядюшки Доя и матушки Готы, но они нас не заметили. Зато, промчавшись над моей собственной резиденцией, изрядно перепугали лошадей. То, что Ревун направил ковер к заснеженному каньону, отнюдь не повергло меня в изумление. Копченый не замечал ничего до тех пор, пока приземлявшийся у логовища Душелова Ревун не переполошил ворон. Галдящие птицы отвлекли меня. Только на миг, но Копченый тут же заартачился. *Она есть тьма.*

Что?

Я насторожился. Но продолжения не последовало.

Я метнулся прочь, вверх и в сторону, вознамерившись вернуться в свою плоть. Довольно и того, что мне удалось узнать о заговоре Душелова и Ревуна, к которому причастны Нарайян Сингх и Дщерь Ночи. Копченый, как бы слабо ни улавливалось его состояние, пребывал в ужасе.

Там был ужас. Он блуждал в ночи. Устремляясь к своему телу, я уловил гнилостный запах. Но ничего не увидел. Задержавшись, я установил, откуда исходит смрад, и поспешил прочь от его невидимого источника.

Чем, возможно, обнаружил себя. Зловоние усилилось, впечатление было такое, будто нечто надвигается прямо на меня. В мире духов мерцал свет. На миг передо мною возникло безобразное лицо Кины, смотревшей в мою сторону. Глаза ее были слепы, но ноздри раздувались, словно она пыталась уловить мой запах. Возможно, она уловила ужас Копченого. Он летел, охваченный паникой. *Она есть тьма.*

На сей раз эта фраза — или мысль — была едва уловима. Но я ее уловил. И уверился в том, что это не игра моего воображения.

54

Старик не слишком удивился тому, что Душелов вступила в сговор с Ревуном.

— Не то, чтобы я это предвидел, — сказал он, — но возможности такой вовсе не исключал. Они веками обделывали вместе свои делишки. Возможно, теперь мы ухватим Длинотень за яйца.

— Не худо бы не только ухватить, но и держать покрепче, учитывая, что он контролирует Врата Теней... Есть еще кое-что...

— Что именно?

— Копченый начинает выказывать признаки личности. Как мне представляется.

Я рассказал Костоправу, что произошло.

— Хреново. Для нас будет некстати, ежели он очухается сейчас. — Старик задумался. — Но если он начал приходить в себя, не представляю, как это можно остановить.

— На сей счет лучше посоветоваться с Одноглазым.

— И то сказать, пришли-ка его сюда. Постой, не уходи. Расскажи о той части крепости, где скрываются девочка и Сингх.

Оказалось, что это не мимолетный интерес. Старик захотел увидеть все на чертеже. А поскольку я уже нанес это место на план Вершины, мне оставалось только извлечь бумаги из норы Одноглазого. Заодно я вытряхнул оттуда и самого колдунишку, всю дорогу ворчавшего из-за того, что его разбудили посреди ночи. Когда Старик получил все, что хотел, я задернул занавеску, отгораживавшую альков Копченого, и завалился спать, оставив их разбираться с чертежами и планами.

Возвращение во плоть не избавило меня от Кины. Она подстерегала меня во снах. Едва сомкнув глаза, я угодил на равнину скелетов, где ждала меня Сари. На сей раз мне не стоило особого труда вспомнить о том, что это не более, чем иллюзия. Женщина из сна мало походила на Сари, влачившую свои дни в храме Вин Гао Ган. Несмотря на бледность и изгиб шеи, характерный для жертвы Обманников, она была слишком молода и свежа.

У меня зародилось подозрение, что при всем своем могуществе Кина слишком медлительна и напрочь лишена воображения. Даже удивительно, что она смогла использовать Госпожу.

Правда, Госпожа не ведала, с чем или с кем имеет дело. А неведение есть щель в броне, в которую неизменно нацелится знающий противник. И уж, конечно же, Кина, царица Обманников. Но теперь уже не имело значения, каким образом Кина одурачила Госпожу. Главное, что ей не удалось провести меня.

Эта мысль сделала меня неспособным притворяться обманутым. Я даже не попытался сделать вид, будто сочувствую ложной Сари. И тогда ее плоть стала гнить и оползать с костей прямо у меня на глазах. Тошнотворный трупный запах разложения, «Духов Кины», ударил мне в нос. А маячившая в сероватой мгле Тень уплотнилась, обернувшись тащущим четвероруким чудовищем в сто футов ростом. Топот тяжелых ног поднимал тучи костной пыли. С клыков капала ядовитая слюна. Глаза пылали, как темные уголья, украшения из черепов клацали в ритме танца. Дыхание ее было чумным поветрием. Дщерь Ночи угнездилась на ее плече, словно вторая, крохотная голова. Она пребывала в возбуждении, как ребенок, которого взрослые впервые взяли на ярмарку.

С носилок протянулись костлявые руки. Скелет Сари потянулся ко мне. Я напряг волю, силясь избежать губительных объятий — и мне это удалось. Я взмыл вверх и отлетел назад на несколько футов. Вот те на! Я попробовал снова, и снова, одним лишь усилием

воли, смог переместиться на некоторое расстояние. А ведь до сих пор мне и в голову не приходило, что в этих снах я могу контролировать свое положение.

Кина перестала приплясывать и тяжелой поступью двинулась ко мне. С каждым шагом клыки ее становились длиннее. Груди — все шесть — сочились ядом. У нее появилась еще одна пара рук. На плече, неподвластная силе тяготения, раскачивалась Дщерь Ночи.

Очередным волевым усилием я попытался смыться. И понял, что, хотя и могу перемещаться в нужном мне направлении, возможности мои ограничены. Пребывая в чуждом мире, я был неспособен двигаться быстрее, чем его владычица. Коготь Кины едва не распорол мне шкуру. Спасая задницу, я увернулся и провалился во мрак. Откуда вынырнул в пещеру, полную оплетенных ледяной паутиной старцев. Многих из которых я знал, и даже помнил их имена. Во мне нарастала паника. Я чувствовал себя как ребенок, запертый в тесном, темном чулане. Никоим образом нельзя было допустить, чтобы паника овладела мною. Я попытался овладеть собой и вскоре установил, что могу свободно перемещаться по пещере, примерно так же, как при блужданиях с Копченым. Только гораздо медленнее.

Тогда я попробовал пройти сквозь стену. Однако здесь, похоже, физические законы ограничивали мои возможности больше, нежели во время прогулок с духом. Я мог двигаться лишь назад или вперед. Что не имело особого смысла, учитывая, что я пребывал во сне и попал в это место не следуя каким-то определенным маршрутом. Интересно, в какой мере действуют здесь физические законы и насколько это связано с моей способностью к самоконтролю. Возможно ли, что я не могу проходить сквозь стены здесь лишь потому, что не выучился этому фокусу наяву.

В ледяных пещерах находились не только мои знакомые. Там были и другие старцы, ни одного из которых я не знал. И груды сокровищ, перемешанных со всяким хламом, навалившимся откуда-то сверху. И еще там были книги.

Огромные фолианты, переплетенные в старую, потрескавшуюся кожу, покоились на длинном каменном аналое, словно в ожидании того момента, когда три вещуна одновременно примутся зачитывать их вслух. Первая книга была раскрыта на три четверти. Невидимая сила оттолкнула меня прочь, когда я всего лишь скользнул взглядом по странице, но хватило и этого. Я узнал ту самую страницу, которую переписывала Дщерь Ночи, когда Нарайян Сингх прервал ее труды ради свидания с Душеловом. Страница была исписана затейливым, каллиграфическим почерком, но я не сомневался в том, что девочка воспроизводила текст со всей возможной точностью.

Я чувствовал, что позади меня нарастает гнев. Казалось, он пытается сфокусироваться на мне. Не желая искушать судьбу, я

поспешил убраться с наибольшей скоростью, какую могло обеспечить волевое усилие, на ходу гадая о природе этого кошмарного сна. Самые причудливые и фантастические его детали воспринимались как явь. Возможно ли, чтобы он являлся отражением некой реальности?

Гнев позади меня набирал силу, хотя, оглянувшись, я ничего не увидел. Тот, кто ярился, не сумел меня изловить. Скорее всего. В следующее мгновение, безо всякого ощутимого перехода, я оказался совсем в другом месте. Над головой появилось небо: полная чаша звезд, но никаких признаков луны. Я витал в воздухе так высоко, что внизу ничего не было видно.

Создавалось впечатление, будто я гулял с духом, только без духа. Отличие заключалось в том, что я не мог сказать Копченому, куда мне нужно, и перенестись туда почти мгновенно. Двигаться-то я мог, только... необходимо отыскать хоть какие-нибудь ориентиры.

Я вновь отбросил подступившую было панику. Главное, не терять головы. В конце концов, кое-какие ориентиры у меня есть. Я знаю где верх, где низ. Звезд над головой столько, что непросто выделить среди них созвездия, используемые в навигации, но это лучше, чем ничего.

На меня пахнуло трупным смрадом. Лишь слегка, но и этого оказалось достаточно, чтобы я устремился к звездному скоплению, казавшемуся мне знакомым. Вроде бы по весне эти звезды висят над северным горизонтом.

Три яркие звезды образовывали плоский треугольник, причем одна из них, та, что находилась в вершине, непрерывно мерцала. С этим светилом было связано множество преданий, по большей части довольно мрачных. Впрочем, я этих легенд толком не знал.

С такой высоты мне была видна и четвертая звезда в созвездии, тоже яркая, светившая чуть пониже остальных. Я припомнил, что видел нечто подобное, когда Отряд еще находился далеко от Таглиоса. Насколько я высоко над землей? Или я где-то далеко к северу от Кьяулуна?

Прекратив двигаться вперед, я скользнул вниз и обнаружил себя над чрезвычайно ухоженным сельскохозяйственным регионом. Во всем чувствовался строжайший, рациональный порядок, позволяющий использовать землю, людей и животных с максимальной эффективностью. Сверху это походило на колесо, с центральной усадьбой в центре и четкими линиями полей, с хуторами и деревеньками, словно нанизанными на спицы. Возделанная земля перемежалась полосками леса. Видимо, его оставили нетронутым как источник дичи, топлива и строительных материалов. Уже началась подготовка к весеннему севу, но, поскольку стояла ночь, работников на полях не было.

Мне доводилось слышать об этом крае. Он находился в Стране Теней, к западу от Кьяулуна. Опыты Длиннотени в области сельского хозяйства имели своей целью добиться производства как можно

большего количества продуктов с помощью меньшего числа работников. Люди нужны были ему для строительства Вершины и службы в его войсках.

Выходит, я не так уж далеко от своей компании. Я повернул на восток. Казалось, прошли долгие часы, прежде чем мне удалось увидеть огни в развалинах Кьяулуна. Вскоре нашелся и наш лагерь, и моя собственная берлога.

Я успокоился и решил немного поэкспериментировать. Через несколько мгновений стало ясно, что если я не могу пройти не только сквозь стену, но даже сквозь занавешивающее вход одеяло, то зато в состоянии проскользнуть сквозь щель, слишком тесную даже для мышки или змеи.

А вот перемещаться во времени — ни назад, ни вперед — у меня возможности не было. Я был принужден пребывать в тех временных рамках, в которых существовало мое спящее тело.

Во сне я мог действовать вполне сознательно. Сон казался вполне реальным. Скорее всего, я видел наш лагерь именно таким, каким он и был в то время, как я спал. Возможно, мне просто недоставало воображения, чтобы выстроить целый мир снов, в точности воспроизводящий действительность.

Тут я задался немаловажным вопросом. Удастся ли мне повторить этот фокус снова? Вдруг в другой раз обстановка выйдет из-под контроля, и я снова стану проваливаться в иные миры вне зависимости от своего желания, как было, когда я проваливался сквозь время в кошмар Деджагора?

Поскольку исключить такую вероятность нельзя, будет разумно, если сейчас я использую открывшиеся возможности на все сто. Я отполз назад, в холод, которого не ощущал, и подумал было о том, чтобы двинуться на равнину, но эта мысль почему-то вызвала у меня же мощное отторжение. Может быть, потом.

Вместо того я направился к горам. К логовищу Душелова. Без Копченого мне удалось подобраться совсем близко, даже не потревожив ворон. Они дрыхли. Как и их хозяйка.

Гости уже ушли, так что ни хрена я не выяснил. Стоило бы, наверное, наведаться на Вершину, да посмотреть, что там к чему, но на востоке уже забрезжил рассвет. И чем светлее становилось, тем сильнее мне хотелось вернуться в безопасное прибежище собственной плоти.

Матушка Гота уже была на ногах. И ей, похоже, удалось то, что не удалось Душелову, — каким-то образом она ощутила мое появление. Когда я проскользнул внутрь, она обернулась, уставилась прямо на меня и нахмурилась, поскольку ничего не увидела. А потом содрогнулась, как бывает, когда по спине пробегает холодок. Затем Гота вернулась к своей стряпне. Причем, как я приметил, готовила она больше, чем все мы — и я, и Тай Дэй и она сама, — могли бы слопать за целый день. Не иначе как решила тайком подкормить дядюшку Доя.

55

— Выглядишь ты не ахти,— сказал мне за завтраком Одноглазый.

— Спасибо на добром слове.

— А что случилось?

— Дурные сны.

Колдун не знал, с чем мне пришлось столкнуться. Я решил повременить и не выкладывать ему все сейчас, но, тем не менее, перешел на форсбергский и сказал:

— Похоже, наша воронья подружка спелась со своим старым приятелем Ревуном, дорогушей Обманником и дитем.

Тай Дэй и матушка Гота вскинули на меня глаза, потому что слово «Обманник» я намеренно произнес по-таглиосски — «туга». На нюень бао оно звучит точно так же.

— А старина Длинютень, стало быть, думает, что вокруг него тишь да гладь.

— Ага. Старик частенько говаривал, что даже параноику кто-нибудь может засадить нож в спину.

Обычно он говорил это в тех случаях, когда я обращал внимание на его паранойю.

— Сама по себе новость приятная, хотя не знаю, как нам это использовать.

— Не моя проблема. Я человек маленький. Мое дело доложить, а решения принимает капитан. На то он и капитан.

Забавы ради вместо «капитан» я обронил таглиосское слово джамадар. Тай с матушкой Готой тут же снова на меня вытаращились. В понимании Обманников джамадар являлся больше чем капитаном; не только предводителем отряда душил, но и полновластным вождем духовного братства, считавшегося чем-то вроде маленькой нации. Последним оставшимся в живых джамадаром являлся Нарайян Сингх, ставший джамадаром джамадаров еще до того, как его единоверцам пришлось туго. Мои родственнички наверняка решили, что мы рассуждаем о живой легенде, святом Обманников, который все еще ходит по земле, исполняя волю своей богини.

Умяв свой завтрак, я поблагодарил матушку Готу, встал и выбрался из норы. Тай Дэй потащился следом.

— Мне надо навестить капитана,— сказал я ему.— Тебе незачем идти со мной. Можешь остаться и поработать по дому.— Теперь мы называли нашу берлогу домом.

Тай Дэй покачал головой. В последнее время он не слишком ревностно относился к обязанностям моего телохранителя. Но я не чувствовал себя покинутым.

Я некоторое время подождал Одноглазого, но он так и не вышел. Похоже, дерьмовому коротышке больше нравилось уминать

наготовленную матушкой Готой снедь, чем заниматься делами. Впрочем, стоило ли этому удивляться? Костоправ выглядел бодрым и отдохнувшим не в большей степени, чем я. Похоже, и он этой ночью не почивал на ложе из роз.

— Что еще? — буркнул он.

— Я поспал маленько и видел сон. Прогулялся в сад, вернулся обратно, а потом принялся слоняться где ни попадя, безо всякого Копченого. — Я расписал ему самые неприятные подробности.

— А ты сможешь проделать это снова?

— Я проваливался сквозь дыры и щели во времени и пространстве более года и теперь, кажется, начал понимать, что к чему.

— Стало быть, мы могли бы обойтись без Копченого?

— Что не лишне, учитывая, что он того и гляди проснется. — При этих словах я непроизвольно скорчил такую рожу, что Костоправ приподнял бровь. — Было бы забавно, — пояснил я, — понаблюдать за тем, как он станет приспосабливаться к обстоятельствам, пробудившись в совершенно в новом мире.

Костоправ самодовольно ухмыльнулся.

— Понаблюдать-то можно, но только чтобы ветер не дул в твою сторону. Потому как, увидев, чего мы за это время добились, сукин сын наверняка обгадится. Слушай, раз уж ты здесь, сходи-ка к Госпоже, ты ей можешь понадобиться. Я послал ей твои чертежи. Она хочет захватить Нарайяна и девочку. Если она спросит про эти карты — откуда мол, и как? — отвечай, что мы взяли в плен пару офицеров Могабы, принадлежавших к гарнизону Вершины. А больше ты ничего знать не знаешь.

Я хмыкнул — потому что сомневался в своей способности убедительно солгать Госпоже.

— И продолжай свои опыты. Мне надо знать, сможем ли мы обходиться без Копченого.

— Я уже разузнал об одном серьезном препятствии.

— Ну?

— Без Копченого я не могу перемещаться во времени.

Костоправ присвистнул.

— Точно? А может, там все же есть какая-нибудь зацепка? А то, не ровен час, мы окажемся без Копченого как без рук.

— Ты, вроде бы, говорил, что Одноглазый попробует не дать ему пробудиться.

— Пока от него толку было немного.

— А когда было много?

— Увидишь его, пришли ко мне.

— Ладно.

Я выбрался наружу и уставился на лагерь, разбитый под стеной Вершины.

Командир хочет, чтобы я сходил к Госпоже и растолковал ей, как лучше управляться с делами.

Денек выдался погожий. Светило солнце, а легкий ветерок уносил прочь смрад и копоть.

— Может быть, теперь и земля подсохнет, — заметил Тай Дэй. Снег, по большей части, растаял. Стояла весна. В окрестностях Кьяулуна это слово означало непролазную грязь. А там, где грязища, там, рано или поздно, появляется какая-нибудь зараза. Интересно, а не произойдет ли из-за таяния снега наводнение? Такое, что выгонит Душелова из его укрытия?

Так или иначе, в Кьяулун пришла весна. Во всех прочих местах она наступила давным-давно.

56

— Я так и думал, что ты скоро выползешь наружу, — пробурчал Лебедь, когда я присоединился к окружавшим Госпожу соратникам. Наспех перекусывая, они выслушивали ее распоряжения, касающиеся поимки Нарайяна. — Как дерьмом запахнет, ты тут как тут.

Нож изобразил улыбку.

— Этому парню позарез нужна подружка.

— У него вроде бы и есть, только вот незадача, у нее шуры-муры с другим парнем.

— Так вот где она была прошлой ночью, а?

— Может быть.

Это могло объяснить, с чего это у Костоправа с утра вид такой квелый. Вечно этому малому неймется...

— Там были Тени, — говорила между тем Госпожа, — но по словам Джарварала в последнее время у них нет проблем. Эти карты, предположительно, показывают, где мы можем накрыть теневлетов. Если потребуется. А нам это потребуется. Мы должны будем покончить с ними, прежде чем отправимся за Обманщиком... А, Мурген...

— Смотри-ка, она приметила меня, — сказал я Ножу, выискивая взглядом ворон. Примечательно, что их было немного, да и те, что были, выглядели, как пьяные.

Госпожа явно прибегла к какому-то заклятию, чтобы помешать сестрице удовлетворять свое любопытство.

— Тебя, да не заметить, — промолвил Лебедь. — Ты парень видный, бабы только на тебя и таращатся.

— Иди-ка сюда, — сказала мне Госпожа. — Капитан прислал мне эти чертежи. Что ты про них знаешь?

— Ну... Предполагается, что они надежны.

Они были надежны на все сто, если только за последние часы на Вершине не произошли существенные перемены.

— Они не слишком-то подробные.

— Чем богаты... На тебя не угодишь. Может, ты хочешь, чтобы я выкопал того малого из могилы и дал тебе возможность попрактиковаться с ним в некромании?

Госпожа смерила меня таким взглядом, что я решил — мне хана. Сейчас этот блеф выйдет мне боком. Однако она, кажется, не усомнилась в моих словах и лишь выказала недовольство излишней фамильярностью.

Она продолжила говорить, и я успокоился.

— По правде сказать, кроме местонахождения тенеплетов и Сингха здесь нет почти ничего, чего бы мы и так не знали.

Чертова баба.

— Есть и еще кое-какие сведения,— сказал я.— Длинотень, вместо того чтобы устраивать нам гадости, почти безвылазно торчит в своей башне — вот здесь — и занимается хрен знает чем. А покои Ревуна расположены где-то тут. Два запасных ковра находятся на площадках — этой и вот этой, а еще один, маленький коврик, постоянно лежит, свернутый, рядом с его кроватью.

Госпожа бросила на меня пронизывающий взгляд, явно интересуясь, откуда я могу знать такие подробности.

— Едва прибыв на Вершину,— продолжил я,— Ревун начал прикрывать свою задницу на тот случай, ежели союзничек вздумает подложить ему свинью.

Госпожа хмыкнула.

— Что ж, Ревуна можно понять. Особенно имея в виду, как Длинотень пытался обойтись со своими прежними союзниками.

Отвернувшись от меня, она погрузилась в чертежи. Она не бывала удовлетворенной, если кто-то о чем-то знал больше ее.

Жестом Госпожа подозвала к себе Иси, Очибу и Зиндаба. Нары прекрасно ладили с Госпожой — с Костоправом у них так не получалось. Старик не доверял соплеменникам Могабы, хотя они не изменили Отряду и сражались против бывшего соратника.

— Когда предпочтительнее начать операцию — днем или ночью?

— Там это не имеет значения,— промолвил Очиба, который на моей памяти высказывался не более пяти раз.

— Верно. Но я предпочитаю день. Ради поддержания боевого духа.

— Сейчас как раз день,— вставил Лебедь.

— Вижу, ты ни хрена не можешь сделать в обход этого малого,— сказал я Ножу.

Госпожа глянула на Лозана.

— Хочешь посмотреть, как управятся с этим делом твои гвардейцы?

— Был бы не прочь. Но это не их работа.

Работа их по определению заключалась в том, чтобы таскаться за князем и княжной, в каковом служении Лозан в последнее время отнюдь не проявлял рвения.

Эта мысль пришла в голову не только мне, но и всем собравшимся одновременно. Все уставились на Лозана. Он покраснел.

— Ладно. Тогда ты, Зиндаб, — Госпожа отступила в сторону, чтобы дать здоровенному нару возможность подойти к чертежам.

Я протиснулся поближе и увидел, что она располагала не только моим вариантом схемы внутренних помещений Вершины, но и другим, очевидно, составленным на основании донесений находившихся внутри солдат.

Некоторое время нар пристально рассматривал чертежи, а потом сказал:

— Прежде всего надо заменить находящихся внутри людей. Послать туда свежие силы.

— Солдаты и так пробыли там очень долго, и им пришлось нелегко, — поддержал его Иси.

— Не возражаю, — согласилась с генералами Госпожа.

— И людей надо послать как можно больше, больше, чем их там сейчас, — продолжал Зиндаб. — Ведь как только мы выступим, это уже нельзя будет сохранить в тайне. Разве не так?

— Пожалуй. Победим мы или проиграем, но незамеченной наша вылазка не пройдет. А произвести ее необходимо, капитан не оставил нам выбора. Так ведь, Мурген?

Я пожал плечами.

— Он всегда готов выслушать полевого командира и оставить решение за ним. Ежели у него есть весомые аргументы. Ты сама это прекрасно знаешь.

— Стало быть, у нас нет выбора. Мы ведь тянем эту канитель в надежде, что кто-нибудь, с бухты-барахты, возьмет да предложит нам удовлетворительное решение проблемы Длиннотени.

— Это ты о чем?

— Да о том, что мы не можем позволить себе удовольствие его укокошить. Ты ведь это знаешь, не так ли?

Я знал. Чего я не знал, так это того, каким способом они намеривались перебросить на Вершину свежие силы.

— Нам придется действовать на нескольких направлениях одновременно, — сказал Зиндаб, — и на каждом из них в полную силу. Здесь и здесь — обезвредить тенеплетов. Здесь — перехватить Обманщика. Кроме того, потребуется сковать гарнизон и челядь, чтобы они не помешали в решении нашей главной задачи.

— Мурген, не хочешь наведаться в гости к Длиннотени? — предложила Госпожа. — Может быть, тебе повезет.

Все бы ничего, но мне не давала покоя одна мелочь. Стены Вершины уже не были таким гладкими, как раньше, и несколько башенок на макушке обрушилось, но цитадель не стала ниже ни на один паршивый фут. Что, почему-то, совершенно не волновало всю эту компанию.

— Вы тут что, научились проходить сквозь стены?

— Почему бы и нет, если это для пользы дела, — отозвалась Госпожа.

— Мы сквозь них проползем, — пояснил Зиндаб.

Вот и еще одно доказательство того, что за всем не уследишь. Я не заметил их приготовлений, поскольку даже не думал ни о чем подобном.

57

Они прокопали под стеной тоннель. Проковыряли фундамент. Правда, лаз получился узенький, больше для червяка, чем для такого парня, как я, которому пришлось бы протискиваться в эту щель на брюхе, ровно змее.

Уж я-то знаю. Потому что именно так я и поступил. Тупица безмозглый.

Ну на кой, спрашивается, хрен, было мне соваться туда во плоти. Нет чтобы отправиться обратно и с комфортом проехаться на Копченом. Посмотреть на все со стороны: без клаустрофобии, без оцарапанных локтей и коленок. Без того, чтобы ползущий впереди деревенский увалень тыкал тебе каблуками в нос.

Сотня маленьких вегетарианцев, потея от страха, ползла на пузе впереди меня, так звякая и бряцая оружием, что, кажется, и мертвые должны бы восстать из могил.

И где были ребята Хозяина Теней, уши им, что ли, позакладывало?

У них имелась прекрасная возможность заполучить на обед целую кучу талов.

Тоннель был прожжен в камне с помощью огненных шаров Госпожи. Видимо недавно, поскольку кое-где стены его еще оставались теплыми. Первым, что увидел я, выбравшись наконец из этой норы, была шайка таглиосцев с ободранными задницами, тех самых, которые уже давно торчали внутри. На лаз они смотрели так, словно он вел на небеса, но как назло был забит всяким дерьмом, вроде меня. Я оказался последним в своей цепочке. Номер сто один. Стоило мне выбраться, как первый из дожидавшихся парней нырнул в лаз и пополз наружу.

На каждую сотню прибывавших приходилось всего два десятка покидавших крепость. Покидали они ее с превеликим энтузиазмом. Но, как ни странно, вся эта сумятица не привлекла внимания неприятеля. Очиба, Иси и Зиндаб принялись формировать команды, ставя перед каждой конкретное задание. С Зиндабом я всегда ладил, даже когда он служил под началом Могабы. Но нынче ему, видать, приспичило повыпендриваться.

— Не хочешь ли возглавить передовую команду, знаменосец?

— Ты часом не спутал меня с каким-нибудь парнем, который считает себя героем?

— Ты мог бы стяжать великую славу, поймав Нарайяна Сингха.

— Как-нибудь обойдусь. Поговори с Ножом. Или Лебедем.

Зиндаб рассмеялся.

— Я бы и рад, да только хрен их здесь увидишь.

— А почему?

— Они не состоят в Отряде. Госпожа не во всем может им доверять.

Интересно. А нарам, стало быть, может.

Костоправ не доверял им ни в чем. Никогда.

Зиндаб догадался, о чем я думаю. И улыбнулся.

— Ладно,— сказал я,— так или иначе, я в герои не рвусь. Мое дело держаться в сторонке, да все примечать, чтобы потом правильно записывать.

— Зин! — подозвал Иси.— Надо пошевеливаться. Гарнизон что-то расчухал.

Тенеземцы оказались медлительнее, чем я ожидал. А Зиндаб с приятелями, наоборот, быстрее, чем можно было представить. За то время, которое требовалось, чтобы об этом подумать, они выстроили три отдельных отряда и повели их в бой, действуя, словно у себя дома, хотя никто из них прежде в этой крепости не бывал.

Внутри Вершина не выглядела белоснежным сияющим чудом. Во мрачных каменных коридорах было грязно и сыро, углы затягивала паутина, повсюду было полно пауков, мокриц и тараканов. Тай Дэю все это очень не нравилось.

Он пропустил перед собой несколько смен по сто человек, прежде чем собрался с духом и вошел внутрь.

— Назад,— зарычал я на ребят, дожидавшихся своей очереди, чтобы выбраться наружу.— Сейчас этот тоннель ведет только в одну сторону. Тай Дэй, ну-ка, дай подзатыльника вон тому кретину. И пни того недоумка, что сидит у самого лаза, разинув рот. Шевелитесь, парни. Тут идет война. У нас нет времени на фигли-мигли.

Я вошел в раж.

И особенно пронял этих ребят «фиглями-миглями». Такого выражения таглиосский язык не знает. Есть у них ругательства, но все это по большей части божба, связанная с их верованиями. Услышав что-то новенькое, парни вытаращились на меня с изумлением.

— Эй ты,— крикнул я, как только из тоннеля высунулась чья-то башка.— Передай по цепочке, что у нас тут заваруха. Нужны люди, и побыстрее.

Снова появился Зиндаб. Поскольку возглавлять эту пляску смерти было поручено ему, он несколько удивился, с чего это я так раскомандовался, но виду подавать не стал. Генералом он являлся только для таглиосцев, для меня же только одним из братьев. Как знаменосец я вполне мог когда-нибудь стать лейтенантом, а то и капитаном Отряда, а стало быть — его командиром.

— Пора начинать атаку на Длиннотень,— сказал он мне.— Не хочешь ее возглавить?

Я вспомнил о длинном черном копье, изготовленном Одноглазым специально для охоты на Хозяев Теней. Может, окажись у меня под рукой эта хреновина, я бы и купился на подобное предложение.

— Эту честь я предоставлю кому-нибудь другому. Не все же под себя грести.

По правде сказать, это место меня пугало. Запах сырого камня, отвратительные насекомые, холод и темнота накладывались на мои старые страхи, заставляя вспомнить о мучивших меня кошмарах: стариках, погребенных в ледяных пещерах в коконах из свитой невидимыми пауками ледяной паутины.

Идея забраться внутрь Вершины была полнейшей дурью. Я заподозрил это почти сразу, как только принял дурацкое предложение, но не прислушался к внутреннему голосу. Из-за того, что поблизости отирались парни вроде Лебедя и Ножа, которые вечно ворчат, что хитрожопые штабные крысы берегут свои драгоценные задницы, тогда как другие расхлебывают за них кровь и дерьмо.

Обычное дело. Я напомнил себе о том, что точно так же принялся сетовать на службу через час после принятия присяги. Просто я не хотел, чтобы в войсках обо мне говорили как о парне, который последние тридцать лет настоящей драки не нюхал.

Мое сообщение достигло наружного конца тоннеля. Подкрепления стали прибывать с удвоенной скоростью. Не знаю, сообразили ли Длиннотень и Ревун, что мы проложили путь на Вершину. Ежели судить по их реакции, то, скорее, нет. Они действовали не так, как следовало в их положении, и не пытались заткнуть неожиданно образовавшуюся щель. Конечно, они разозлились и предприняли определенные меры, но такие, каких следовало ожидать в ответ на неожиданную активность тех солдат Госпожи, которые уже давно находились внутри крепости. До Длиннотени наши люди не добрались. Что неудивительно. Было бы куда удивительнее, если бы сукин сын этак запросто взял да и всплыл кверху брюхом.

Равно как и маленький, визгливый приятель Душелова — Ревун. Им занимался Иси, который был достаточно умен и понимал, что размазать это дерьмо по стенке может оказаться не так-то просто. А потому, пока Ревун спасал свою задницу, уворачиваясь от полусотни ребят с бамбуковыми шестами, пятеро специально выделенных парней спалили его ковры. Все, кроме одного маленького коврика, который он держал при себе. Иси заполучил бы и его, хвати у Ревуна храбрости броситься на его людей, как на то рассчитывал генерал. Но тут Иси дал маху: порой он мерил людей по себе, а такие, как он, попадаются нечасто.

Уж не знаю, как ей это удавалось, но Госпожа имела представление о том, как разворачиваются события внутри цитадели. Она знала и о неудачных попытках захватить Длиннотень и ее бывшего служителя, и о том, что по случайности или по милости их богини Нарайяна с девочкой в их покоях не оказалось.

Их слугам так не повезло.

Большинству из этих несчастных, многие из которых пришли в Вершину спасаясь от голода, холода или болезней, повезло куда меньше, чем их хозяину. Гарнизон и челядь Очиба захватил врасп-

лох. Должно быть, он и его люди в детстве плохо слушали родителей и вовсе не находили нужным щадить мирное население. Они учинили настоящую бойню.

Об этом я, впрочем, задумался лишь гораздо позже. После того, как к горловине тоннеля стали подносить раненых, с тем, чтобы при возможности эвакуировать их наружу. После того, как Госпожа перестала посылать людей в крепость, решив, что толку от этого уже не будет. После того, как я выбрался наружу целым и невредимым, волоча за собой раненого таглиосца, которого с другой стороны подталкивал Тай Дэй, причем таглиосец всю дорогу скулил, понося тоннель за то, что он оказался на милю длиннее, чем при входе. И после того, как, выбравшись на свежий воздух, я встретил Лебедя и Ножа, поинтересовавшихся, почему это я здесь, вместо того, чтобы в крепости обрезать уши Длиннотени.

— Не хотел лишать вас возможности показать себя. Валяйте туда, ребята, Зиндаб вас ждет не дождется. Вам только и надо, что прихватить парочку ножей и незаметно проскользнуть внутрь. Можете заполучить скальп Ревуна. Чешите прямо к башне Хозяина Теней.

— Ты как, готов? — спросил Нож Лебедя.— У меня ножик имеется.

Нож ухмылялся. Он был не прочь поддеть Лебедя, точно так же, как и меня.

Размашистым шагом к нам направилась Госпожа. Она была облачена в полный доспех Жизнедава. Искры красного огня стремительно пробегали по поверхности страхолюдского панциря — быстрее, чем мог уследить глаз. Таглиосцы считали, что образ Жизнедава полностью соответствует одному из воплощений Кины Разрушительницы. Несмотря на случившееся с нею и с ее дочерью, многим казалось, что она одержима этой мрачной богиней. Порой к этим многим присоединялся и я. Между нею и Киной существовала несомненная связь. Но говорить об этом Госпожа отказывалась наотрез. Правда, и я не рассказывал ей о Копченом, так что в известном смысле мы были квиты.

— Есть о чем доложить? — спросила она гулким рокочущим голосом.— Как там дела? Чем можешь похвастаться?

— Множеством трупов. С обеих сторон. Среди них немало таких, чьей смерти не стоило добиваться слишком уж рьяно. Но, по моему разумению, у них осталась единственная возможность удержать крепость.

— Какая?

— Выпустить Тени,— прокаркал я. Меня не больно тянуло предсказывать будущее, но в данном случае не требовалось быть пророком.— Пока эти двое не добрались до Длиннотени первыми.

Я указал на Лебедя и Ножа.

Госпожа шутку не оценила. Как всегда. С юмором у ней дело обстояло не лучше, чем у моей тещи.

Правда, подкалывать людей ей нравилось.

Она сотворила циклон из световых лезвий и запустила его к венчавшим Вершину башням. Смертоносные блики закружились в бешеном хороводе, разрушая все и вся. Длиннотени и Ревуну пришлось заняться этой напастью, так что им стало не до ее солдат.

58

— Это уже второй раз,— проворчал Старик.— Я думал, что после того случая в Кьяулуне ты поумнеешь.

Он здился на меня за то, что я полез внутрь Вершины.

— Бери Копченого, отправляйся туда и выясни, чем занимаются Ревун с Длиннотенью.

Когда мы с Тай Дэем вернулись, Костоправ уже рычал на всех окружающих. Кажется, он решил, что затея Госпожи может выйти нам боком. У меня сложилась впечатление, что Душелов разузнала что-то новенькое и пребывала в таком же возбуждении, как и капитан. Повсюду вились вороны, слишком гадкие даже для соглядатаев Ловца. Мало того, что летали да каркали, так еще и разбрасывали вокруг свое дерьмо.

— Как только разберешься с Длиннотенью и Ревуном, начинай выяснять, где находится каждый из наших людей.

— Наших?

— Братьев Отряда. Членов Старой команды. Наров. Я хочу собрать всех вместе. И поскорее.

— Считай, что дело сделано.

— Вот и хорошо. Но прояви хоть капельку здравого смысла, Мурген. Чтобы попасть в Хатовар, Отряду необходим знаменосец. Возможно, это важнее, чем иметь капитана или лейтенанта.

— Я говорил тебе раньше и скажу снова. Если кто-нибудь получит ключ к тому, что ты задумал, он, возможно, сможет сделать то, что ты хочешь, к тому времени, когда ты хочешь, чтобы это было сделано.

С этими словами я убрался восвояси. Не хотелось вступать в перебранку на глазах у солдат.

Длиннотень валил все на Ревуна. А Ревун еще больше выводил его из себя тем, что не обращал на обвинения никакого внимания. Он сосредоточенно колдовал, создавая прямо в воздухе какую-то замысловатую конструкцию, похожую на цветную схему. Лишь как следует приглядевшись, я понял, что это и есть схема: план тех помещений Вершины, которые находились в наших руках. Тонкая, уходившая вниз — под фундамент и к позициям Госпожи — линия обозначала наш тоннель.

Колдун не старался унять свои вопли. Они прорывались часто, один за другим, выдавая крайнее возбуждение. В конце концов от

очередного крика в башке у Длиннотени что-то переключилось. Он заткнулся, поправил маску и, подавшись вперед, уставился на пространственную схему Ревуна. Затем протянул костлявые, похожие на паучьи лапы, хотя и затянутые в перчатку пальцы и ткнул в ведущий наружу хвост.

— Как она сумела? Это невозможно!

Его сумасбродство, крикливость и пустословие исчезли, как туман под утренним солнцем. Впечатление было такое, словно к нему вернулся рассудок.

— Этот камень нельзя пробить.

— Не забывай, там Сенджак. Уж она-то сумеет провертеть дырку в камне, который ты обработал.

Длиннотень издал звук, похожий на кошачье урчание. Я было подумал, что момент просветления миновал, но ошибся.

— Найди Обманника и его отродье,— распорядился Хозяин Теней.— Пусть явятся сюда, в эту башню. До полуночи. Если хотят жить.

Ревун вопросительно буркнул, и Длиннотень пояснил:

— Мне они больше не нужны. Я ничего им не должен. Они ничего для меня не сделали. Но я дам им возможность остаться в живых.

Я не стал дожидаться, что за этим последует.

— Уже вернулся? — спросил Костоправ, когда я пристал.— Ты и пробыл-то там всего ничего, а...

— Не ворчи, командир, на то у меня теща имеется. Я пробыл там достаточно, чтобы узнать, что сегодня вечером Длиннотень собирается выпустить Тени.

Костоправ закрыл рот. Я поспешил выложить, что знал.

— Ты прав,— сказал Старик.— Хоть он напрямую про Тени не говорил, но имел в виду наверняка именно это. Возвращайся и продолжай искать наших. А я изловлю Одноглазого.

— Сколько у нас времени?

— Не знаю. Не знаю, который сейчас час. Не тяни, отправляйся.

— Мне потребуется еда и питье. Вода должна быть сладкой.

— Отправляйся.

Я так и поступил.

59

Я возвращался в плоть каждые пять минут и докладывал о местонахождении тех братьев Отряда, кого мне удавалось найти. Тем, кому мог, Старик посылал приказы присоединиться к дивизии, стоящей у Врат Теней. Вскоре в путь двинулись фургоны, груженные бамбуковыми шестами, перезаряженными в мастерских Госпожи. Увы, мне их запас казался плачевно мизерным.

Я метался повсюду, а под конец, когда решил, что вреда от этого не будет, полетел на север. Из ущелья Душелова вылетали стаи ворон. Я сместился во времени, понаблюдал за стариком и, само собой, засек момент, когда он перешептывался с двумя громадными птицами. Те тут же полетели в горы посплетничать со своей чокнутой хозяюшкой. Подвести Копченого поближе к ее логовищу я, конечно же, не мог, а всякий раз, когда пробовал, в моем сознании то ли звучали, то ли просто ощущались слова:

Она есть тьма.

Примерно то же ощущение возникло у меня и когда я направил Копченого к Дщери Ночи. К ней он тоже приближался безо всякой охоты. Девочка яростно скрипела пером, ее маленькое личико искажала гримаса боли. Она работала над другой книгой. Только-только начатой.

— Дерьмо! Неужто она уже закончила первый том? Костоправ должен об этом знать. Мы рискуем влипнуть в дерьмо куда глубже, чем полагали. Но где же первая книга? Что-то ее не видно. Стоит выяснить.

Я нырнул в прошлое.

И увидел, что Дщерь Ночи плачет. Нарайян был ошеломлен. Он не знал, как ее утешить, хотя имел детей в другое время и в другом мире — до того, как в Таглиос прибыл Черный Отряд.

Сдвинувшись еще дальше во времени, я обнаружил причину девичьих слез, которых я мог ожидать от кого угодно, но не от этой мрачной карлицы.

Все началось во время налета солдат Госпожи. Девочка писала до последнего момента, а в результате ей и Сингху пришлось уносить ноги так быстро, что они не смогли прихватить с собой книгу.

«Значит,— подумал я,— какой-то малый из отряда Госпожи сообразил, что книга важна, и решил отнести ее начальству. Побывай в крепости Лебедь и Нож, я бы наверняка заподозрил их».

Каково же было мое удивление, когда обнаружился истинный виновник. Ревун. В то время, как все полагали, что он отгоняет наших людей, колдун змеей прокрался в покои Дщери Ночи. Сингх и девочка находились всего в пятидесяти футах, но он заморочил их дезориентирующими чарами. И прибрал книженцию.

Должно быть, он сильно опасался, что его выследят, потому как не пожалел чар и заклятий на то, чтобы надежно укрыть книгу. Она исчезла для всех, кроме него.

Вместо похищенной он оставил другую книгу. Точно такую же, пустую. Любопытно. Откуда Ревун мог узнать о книге? Я пробежался по времени и установил, что ни девочка, ни Сингх не обмолвились о ней и словом. Слуги доложили Длиннотени, что Обманник потребовал письменные принадлежности, но Хозяин Теней Ревуну об этом не говорил.

О Книге знал я. И докладывал Костоправу. Тот встречался с Душеловом. Так же, как и Ревун.

Неужели?..

Если бы я смог подобраться к ней во сне, может быть, удалось бы выяснить... Дерьмо! Без Копченого я не мог заглянуть в прошлое. Я рванул назад, в свою плоть. И очнулся, умирая от голода и жажды.

— Ты вовремя,— сказал Одноглазый.

Я с жадностью набросился на воду.

— Где Костоправ?

— Совершает обход. Хочет удостовериться, все ли знают, что сегодня вечером надлежит накрепко запереться в своих норах. И раздобыть побольше отгоняющих Тени свечей. Бамбука-то у нас кот наплакал.

— О.

Я ел несколько минут. Отнюдь не в аристократической манере. Потом спросил:

— Ты имеешь представление о том, что за дела у капитана с Душеловом?

— А у них дела? Я и не знал.

Я застонал и отпил еще воды.

— Ты что, слепой?

Он пожал плечами.

— Что я, по-твоему, проглядел?

— Эти двое все время обмениваются сведениями. Что, по-моему, не очень умно.

— Думаешь, Старик недостаточно хитер, чтобы иметь с ней дело?

Именно так я и думал. Душелов была старой продувной бестией, когда дедушка Костоправа еще мочил пеленки.

— Я? Чтобы я хоть на миг усомнился в мудрости капитана? Да как я мог?

— Ты и не мог. Ты ведь истовый почитатель коровьих лепешек, по которым он ходит. Ладно, у тебя что, есть основание для паники? А то я хочу вернуться в свою нору. Парочка сосунков собралась наведаться ко мне, перекинуться в тонк.

В этом весь Одноглазый. Мир близится к концу, а для него самое главное — надуть кого-нибудь в картишки.

— Передай командиру, что Ревун спер книгу, которую писала девчонка. И оставил ей пустую, чтобы она начала заново.

Одноглазый тупо уставился на меня в ожидании разъяснения. Я сделал долгий глоток и сказал:

— Он поймет.

— Все от всех все держат в секрете. А в итоге единственные, кто знает, что происходит,— наши враги.

Я хмыкнул и повернулся к Копченому. В рассуждениях Одноглазого имелся несомненный резон.

Когда мы приближались к Госпоже, я вновь ощутил исходящий от Копченого импульс: *Она есть тьма*, хотя и не очень сильный. Похоже, он почему-то имел зуд на всех женщин: во всяком случае, реагировал на них почти одинаково.

Госпожа получила сообщение, но, кажется, не слишком встревожилась. Она не один год готовилась к столкновению с питомцами Длиннотени. Люди ее были предупреждены и обучены и постоянно находились в почти полной боевой готовности. Ее дивизия могла не устоять, но не по своей вине. Такова была тактика Госпожи с незапамятных времен.

Поддавшись искушению, я припустил на север. Под тем, выдуманным для себя же предлогом, будто хочу поискать Гоблина и Могабу. Было бы неплохо узнать, что сулит им предстоящая заварушка. Но сердце мое рвалось гораздо дальше.

Кто знает, удастся ли мне увидеть ее снова? Может быть, это последняя ночь в моей жизни.

60

Несмотря на то, что над южными склонами Данда-Преша тучами вились вороны, обнаружить Гоблина было почти невозможно. Зато следы его деятельности легко обнаруживались повсюду, где местные жители позволяли себе глупость сотрудничать с Могабой. Чтобы преподать им урок, Гоблиновы ребята жгли и грабили без снисхождения. Парни Могабы проделывали то же самое со всеми, заподозренными в сотрудничестве с нами или с кем-либо из наших союзников. Трудно было сказать, чьи доводы убедительнее. Для местных, похоже, не имело значения, кто с кем воюет и почему. Они не ждали ничего хорошего ни от тех, ни от других. Погрузившись в прошлое, я увидел несколько деревушек и ферм, подвергшихся нападениям, и приметил, что чем ближе к настоящему времени, тем чаще туземцы начинают оказывать сопротивление всем подряд. В некоторых ночных вылазках Гоблина участвовала форвалака. Она вызывала особый интерес ворон, хотя они вертелись вокруг Гоблина и когда пантера отсутствовала.

Наведывались они и к Могабе, которого тоже невозможно было найти. Не иначе, как Длиннотень снабдил своего полководца целым арсеналом отводящих глаза талисманов.

Все это не приближало меня к тому, что я хотел увидеть. Правда, я немного задержался, чтобы взглянуть на отряд Корди Мотера. Старина Корди сейчас находился на южных отрогах Данда-Преша. Двигалась его команда очень медленно, да и то лишь потому, что негостеприимные горы не располагали к длительным стоянкам.

Проблем с воронами у Корди не имелось. Зато во дворце в Таглиосе угнездилась целая стая этих маленьких чудовищ. Что удивило меня, хотя, по существу, этого следовало ожидать. События во дворце представляли определенный интерес для Душелова, тем паче

что она вообще любила совать нос в чужие дела. Я слишком рвался в дельту для того, чтобы тратить время на слежку за Радишей *Она есть тьма.* Княжна по-прежнему совещалась со жрецами и знатью. Наши книги оставались там, куда мы их спрятали.

Вызывало недоумение то, что Радиша не прилагала особых усилий к поискам Копченого. Я не верил, что она могла о нем забыть. Но меня неудержимо тянуло дальше. Ведь Бонх До Тран, должно быть, уже добрался до Сари.

Так оно и было. Он успел. В каком-то мазохистском порыве я присоединился к нему в самом конце пути и проследовал за ним, когда он приближался к храму Гангеша. Незадолго до места назначения он сошел с дороги, представлявшей собой узкую насыпь, змеившуюся посреди заливных рисовых полей, и неторопливо, но умело изменил облик. Иная прическа, чуть больше пыли на лице и одежде, драный оранжевый балахон — и купец превратился в странствующего монаха, приверженца одного из гуппитских культов. Члены этого нищенствующего ордена, давшие обет пестяжания, забредали в самые глухие уголки. Все, даже нюень бао, относились к ним вполне терпимо. Святость этих людей не ставилась под сомнение, хотя многие из них были просто юродивыми.

Меня всегда удивляла религиозная терпимость южан, хотя в действительности проистекала она из того, с древности укоренившегося в сознании факта, что ни одно из здешних религиозных сообществ не обладает достаточной силой для того, чтобы заставить прочих отказаться от их пагубных заблуждений с помощью меча.

Тран продолжал свой путь. С ролью странствующего монаха он справлялся совсем неплохо. Возможно, ему уже доводилось ее играть. Может быть, именно в таком обличьи он впервые посетил Таглиос, где нюень бао не жаловали. За их заносчивость.

Так или иначе, Трана допустили в храм. Похоже, старшие жрецы знали его — видимо, как монаха, за которого он себя выдавал. Он повел себя осмотрительно, не стал подходить к Сари сразу и лишь ближе к вечеру исхитрился, словно бы случайно, на нее натолкнуться. Хотя в течение дня они несколько раз оказывались в одном помещении, Сари его так и не узнала.

Столкнувшись с нею, он тихонько прошептал извинение по-таглиосски. Что именно сказал Тран, я не расслышал, зато увидел, как расширились и наполнились живым изумлением глаза Сари. Ничем не выдав себя, она приняла его извинения и пошла своей дорогой.

В ту ночь она не стала запирать на засов дверь своей кельи. И позволила себе роскошь оставить на ночь горящую свечу.

Тран явился к ней очень поздно, когда во всем храмовом комплексе не спали лишь трое жрецов, которые совершали регулярные полуночные жертвоприношения, имевшие целью умолить Гангешу даровать людям сутки, свободные от горестей и невзгод.

Псевдомонах тихонько поскребся в дверь кельи. То была простая плетеная заслонка, которая не остановила бы и решительно

настроенного сурка. Скорее символ, нежели настоящая дверь. За плетенкой, перегораживая проем, висела тряпичная занавеска. Сари впустила Трана и жестом предложила ему присесть на ее циновке. Старик сел и поднял на Сари светлые глаза. Я видел, что он осознает важность своего поручения, хотя, будучи человеком порядочным, и краешком глаза не заглянул в письмо.

В этот миг я едва не ударился в панику. Все мои попытки научить Сари читать успехом не увенчались. Как же она теперь?.. Спросит Трана, вот как. Тут-то я и узнаю, настоящий он друг или тайный единомышленник дядюшки Доя.

Безукоризненные манеры Сари сводили меня с ума. Хоть она и не имела возможности угостить гостя чаем или развести иные церемонии, какие используют нюень бао; чтобы оттянуть переход к сути дела, ей все же удалось отсрочить начало серьезного разговора минут на пятнадцать.

— У меня послание, — прошептал наконец Тран так тихо, что расслышать его слова из-за двери было бы невозможно, даже если бы желающий подслушать знал разговорный таглиосский. — Его доставил мне Каменный Воин с севера, из последней цитадели Хозяев Теней. Он просил передать его тебе. Вот оно.

Сари опустилась перед ним на колени. Что было нелегко — она основательно располнела. Он сдвинула брови и не вымолвила ни слова. Наверное, просто боялась открыть рот.

— Солдат Тьмы знает, где ты находишься и под каким именем. Он знал это еще, когда сам я считал, что ты действительно погибла от рук *туга*. Твои родственники хитры и жестокосердны.

Сари кивнула. Она все еще не решалась заговорить.

О Боже, как же она прекрасна.

— Они знали это, хотя находились на другом конце света, дитя. Что пугает меня. Времена нынче страшные, и страшные люди ходят среди нас. Некоторых из них мы не в силах распознать. Костяные Воины кажутся не страшнее прочих, но все же...

— Послание, дядюшка.

Сари назвала его так в знак почтения. Он не состоял с нею в родстве.

— Да... извини. Просто, когда я слишком много времени провожу в размышлениях, меня одолевает страх.

Сари взяла мое письмо и принялась разглядывать его, не особо порываясь заглянуть внутрь. Так или иначе, она была счастлива тем, что братство, к которому принадлежал ее муж, помнило и заботилось о ней.

— Кто привез письмо?

— Он не назвал имени. Очень молодой таглиосец. Из низшей касты.

— Паренек со шрамом? Таким, что его левое веко опускается, и, когда смотришь на него с той стороны, кажется, будто он дремлет?

— Точно. Ты его знаешь?

— Я его помню.

Она вновь повертела в руках письмо.

— Открой его, дитя.

— Мне страшно.

— Страх убивает сознание.

Ни хрена себе! Неожиданно он затянул ту же песню, что и дядюшка Дой, когда учил меня биться на мечах. Неужто старина Трач тоже принадлежит к касте тайных жрецов?

Сари вскрыла послание и уставилась на бумагу, исписанную крупными, отчетливыми буквами. Затем она обратилась к Трачу:

— Дядюшка, прочти мне его. Пожалуйста.

Трач засунул мизинец в левое ухо и поковырялся среди пучков волос. В ухе у старикана волос было, пожалуй, побольше, чем на макушке. Держа письмо другой рукой, он пробежал его глазами и задумался, переваривая прочитанное. Затем он поднял глаза на Сари и открыл было рот, но неожиданно стал озираться по сторонам, словно его что-то испугало.

Ему пришло в голову, что мы, возможно, обладаем способностью каким-то образом видеть, что происходит в храме Гангеша. И что происходящее там представляет для нас интерес. Особенно для Солдата Тьмы по имени Мурген.

— Должно быть, это письмо от твоего мужа.

Он поколебался лишь миг и так и не вставил слово «иноплеменного».

— Так оно и есть. Я узнала его руку. О чем там говорится?

— Там говорится, что он не мертв. Что ему солгали, будто ты погибла. Но он знает, где ты и что делаешь, ибо овладел могучими чарами. И он приедет за тобой, как только падет Хозяин Теней.

Старик пересказал содержание весьма близко к тексту.

Сари заплакала.

Мне хотелось обнять ее. Она всегда была сильной. Никакие невзгоды не могли ее сломить. И она никогда не давала воли слезам. Мне совсем не нравилось смотреть, как она плачет. Я подлетел поближе к Трачу. Тот вздрогнул и огляделся.

— Это не все. Тут еще написано, что он любит тебя. И просит прощения за то, что не смог предотвратить случившееся.

Сари уняла слезы и кивнула.

— Я знаю, что он любит меня. Вопрос в том, почему меня возненавидели боги? Я не сделала им ничего дурного.

— Боги мыслят иначе, не так, как мы. Они строят планы, в которых целая жизнь всего лишь искорка, крохотная вспышка в долю секунды. Их не интересуют наши желания, и они не оставляют нам выбора. Они используют нас так же, как мы используем зверей, обитающих в лесах, в полях и на болотах. Мы всего лишь глина в их руках.

— Дядюшка Тран, мне не нужны поучения. Мне нужен мой муж. Я хочу избавиться от старых мошенников... — Сари осеклась и жестом велела Трану вести себя тихо.

Я выплыл из кельи.

Неподалеку от двери застыл в растерянном недоумении жрец. Должно быть, он услышал что-то, проходя мимо. Оглядев темный коридор, он опустил свою маленькую лампу, подошел поближе к двери и навострил ухо.

Налетев на святошу, я попытался воздействовать на него силой своей ярости. И добился успеха. Жрец обернулся, задрожал и припустил прочь. Оказывается, ежели меня раззадорить, я могу не только ворон пугать. Вернувшись назад, я услышал, как Сари убеждала Трана переслать мне ответ. В сущности, ответ я уже получил, но мне было бы приятно держать в руках записку, продиктованную Сари. И носить ее с собой как залог нашей будущей встречи.

Тран согласился, но писал медленно, тщательно подбирая слова. И все время озирался, словно боялся, что келья населена призраками.

— Как себя чувствуешь? Ты ведь на сносях.

— С этим я справляюсь без труда, дядюшка. Да мне и не впервой, я ведь рожала уже дважды.

— На сей раз будет труднее. Твой муж — рослый мужчина.

— Ты тоже считаешь, что мне предстоит родить демона?

Тран слабо улыбнулся.

— Не в том смысле, как другие наши сородичи. Я думаю о пророчестве Хонь Тэй. Твоя бабушка была мудрой женщиной, и ее предсказания всегда сбывались. Хотя, порой, и неожиданным для нас образом.

— Но она и не заикалась ни о каком чудовище.

— То, что говорила она, и то, что слышали твоя мать и дядюшка Дой, не обязательно одно и то же. Есть вещи, которые люди просто не хотят слышать.

В этом высказывании меня заинтересовало сразу несколько пунктов. Хотелось бы разузнать побольше о дядюшке Дое. И о пророчестве Хонь Тэй, до сих пор представлявшем почти такую же загадку, как и убежденность таглиосцев в том, что Черный Отряд являет собой стихийное бедствие, худшее, чем землетрясение или наводнение. Но Тран меня разочаровал. Он не стал развивать эту тему и предпочел слушать Сари.

Я выглянул в коридор.

Напуганный мною святоша возвращался. И не один, а с приятелями. Я налетел на него еще яростнее, чем раньше. Малый оказался отнюдь не героем. Он взвизгнул и пустился наутек. Спутники его недоуменно переглянулись и, вместо того, чтобы идти в келью Сари, поспешили за ним. Видимо, решили, что он спятил. Проследив за ними и удостоверившись, что они не вернутся, я снова полетел к Сари. Тран уже ушел. Перемещение во времени не дало мне ничего интересного.

61

Сари вернулась на свою циновку. И замерла там, стоя на коленях, положив ладони на бедра. Словно чего-то ждала.

Я завис прямо перед ней.

— Ты здесь, Мур? Я чувствую это. Я чувствовала тебя и раньше, правда?

Я попытался ответить, но в результате получил от Копченого обычный посыл: Она есть тьма. Он даже подался назад. Странно, ведь раньше Сари его совершенно не беспокоила. Или, все же, беспокоила?

Последнее время он явно не любил женщин. Даже Радиша вызывала у него отторжение.

Я направил его вперед. Копченый заартачился. Сари что-то уловила.

— Я слишком тяжела, чтобы пускаться в дорогу сейчас. Но уйду отсюда, как только наш сын сможет перенести путешествие.

— Сын? Мой!

Я почувствовал себя другим человеком. Но лишь на миг, пока не задумался: откуда она знает.

Некоторые называли ее ведьмой. Или ведуньей — короче, женщиной, способной общаться с духами. Я за ней такого не замечал.

Но может быть она *могла* знать?

Неожиданно мир вокруг меня заколебался. Я имел достаточно опыта прогулок с духом, чтобы понять: кто-то пытается меня разбудить. Мне очень хотелось дать Сари знать, что я получил ее послание.

— Я люблю тебя, Сари,— мысленно произнес я.

— Я люблю тебя, Мурген,— откликнулась Сари, словно услышала меня.

Меня трясли все более настойчиво. Я покинул окрестности храма Гангеша, но попытался задержаться в мире духов. И даже попробовал наведаться к Радише, разведать побольше о ее кознях, но Копченый отпрянул прочь с отвращением, под стать тому, какое выказывал к Душелову. *Она есть тьма.*

Мир туманился и расплывался. Я пролетел над землей, быстро и очень низко, надеясь, что это поможет совладать с чарами, скрывающими Гоблина и Могабу.

И увидел-таки обоих, мельком, но достаточно четко.

И тот и другой были в пути. Могаба, похоже, собирал силы. Форвалака находилась при Гоблине. Оба отряда сопровождали вороны.

Надо полагать, Душелов представляла себе общую картину куда лучше меня.

— Неужто ты так ничему и не научился? — рявкнул Костоправ.

У меня едва хватило сил, чтобы сесть и дотянуться до воды. Я пробыл там гораздо дольше, чем мне казалось. Сари всегда заставляла меня позабыть о времени.

— Дерьмо! — пробормотал я.— Из меня все соки выжаты. Мог бы сожрать корову.

— А ворону не хочешь? Нечего на службе заниматься семейными делами.

Один хрен, в здешних краях не найдешь съедобной коровы. Я хмыкнул, зажав в одной руке кувшин с каким-то сладким пойлом, а в другой краюху теплого хлеба. В тот момент мне и в голову не пришло спросить, с чего он взял, будто я занимался семейными делами.

— Уже темно. Наши люди забиваются в свои норы и законопачивают их за собой. Мне нужно, чтобы ты отдохнул и был готов установить наблюдение за Вратами Теней. Постоянное наблюдение. Нам необходимо получить сигнал в тот момент, когда Длинотень откроет Врата.

Я поднял руку и, как только прожевал кусок хлеба, спросил:

— А не лучше ли мне проследить за Длинотенью? Копченый отказывается приближаться ко Вратам. Может случиться, что я увижу Тени лишь тогда, когда будет уже слишком поздно. А Длинотень можно засечь в тот момент, когда он начнет отдавать распоряжения.

Я проглотил последний кусок и запил его подслащенной водицей.

Копченый застонал.

— Дерьмо!

Вид у Старика был такой, будто ему хотелось заплакать.

— Где Одноглазый? — поинтересовался я.— Лучше бы доставить его сюда. Уже несколько лет Копченый не издавал ни звука.

— Найди его. Я, как-никак, лекарь...— Он направился к койке Копченого.

— Недурная идея.

Я поднялся и на все еще слабых ногах поплелся к порогу.

62

Вечерок выдался как раз подходящий для того, чтобы ад вырвался наружу. Блуждая с духом, я настолько увлекся, что и не заметил сгущавшейся тьмы, но теперь видел, что небо затягивают мрачные тучи.

— Одноглазый! — взревел я.— А ну волоки сюда свою дохлую задницу!

Я рассмотрел облака и нашел, что мое предложение было весьма разумным.

— Где, черт возьми, этот дерьмовый коротышка?

Я направился к его норе, то и дело выкрикивая «Одноглазый!» Не вознамерился же он провести ночь там. Колдун не слишком старался превратить свое логовище в надежное убежище, и оставаться там, когда появятся Тени, было опасно. Хоть он и кудесник.

Я почти дошел до его жилища, когда коротышка вылез наружу и затрусил мне навстречу.

— Чего тебе надо, Щенок?

— Куда ты, на хрен, запропастился? Впрочем, ладно. Не до того. У нас проблема с духом.

— Хм?

— Он издает звуки, — прошептал я и лишь потом огляделся по сторонам. Непростительная забывчивость.

К счастью, ворон поблизости не было.

Одноглазый оглянулся через плечо.

— Издает звуки? — Кажется, он мне не поверил.

— Я что, неясно выразился? Давай шевели задницей. Костоправ уже осматривает его как лекарь.

Я продолжал высматривать соглядатаев. Подслушивать могут мыши, и земляные и летучие, да и Тени тоже.

Пульсирующий свет, похожий на северное сияние, вспыхнул между Вершиной и развалинами Кьяулуна, заиграв на металлических вкраплениях на стенах крепости. Но только на миг — видимо, Госпожа устроила вспышку, чтобы сориентироваться. В следующее мгновение он погас. Теперь засветились лишь уцелевшие хрустальные купола. Ярче всех — купол над излюбленной башней Длиннотени.

— Ты собираешься торчать здесь и глазеть или может делом займешься?

В этом весь Одноглазый. Сам набедокурит, а вину свалит на меня.

Прежде чем зайти внутрь, я еще раз огляделся, но ничего не заметил. Я занавесил вход и расположил отгоняющую Тени свечу между пологом и нами, засветив ее от ближайшей лампы. Вроде еще и рано, но подстраховаться никогда не лишне.

— Интересно, неужто Хозяин Теней не любопытствует, с чего это мы затихарились и даже костров не жжем?

— Тсс, — шикнул на меня Одноглазый. — Ты вроде говорил, что Костоправ осматривает Копченого.

Костоправ, сгорбившись, сидел на моем стуле.

— Он этим и занимался, когда я уходил.

Я прильнул к кувшину, с жадностью поглощая подслащенную воду.

— Мне он не кажется слишком уж резвым, — сказал Одноглазый и ткнул Копченого в бок.

— Я что, сказал, будто он вскочил и принялся отплясывать? Он застонал. А за все время, пока я торчал рядом с ним, он только хрипел. Так что стон — это тебе не шутка. Костоправ со мной согласен.

Старик — легок на помине — вернулся в свою плоть. Он зашевелился и, как только голова чуточку прояснилась, сказал:

— Это обещает быть интересным. Длиннотень только что послал за Ревуном, Сингхом и девочкой. Он готов начать.

— Ну вот, через минуту эти поганые Тени нагрянут сюда, — разворчался Одноглазый. — И почему только я не бросил все это, да не заделался фермером? А тут еще малец всякую чушь городит — вроде того, что старый мошенник будто бы начинает выпендриваться.

— Он и вправду стонал, или что-то в этом роде, — возразил Костоправ. — А когда я попытался присмотреться к девочке, заартачился, да еще и выдал какую-то мыслишку — то ли насчет темноты, то ли насчет Теней.

— Она есть тьма, — процитировал я. В последнее время он сделался женоненавистником. Выдает нечто подобное всякий раз, когда пытаешься подвести его к женщине. Сильнее всего это ощущается близ Душелова. За ней идут Сари и Радиша.

— А, — промолвил Одноглазый, — я и думать забыл про эту старую ведьму. Как она поживает, Мурген?

— А тебе что, есть до нее дело?

— Я слышал, Корди сейчас в пути. Ему-то, небось, дело есть.

— Ты часом не собираешься рассказать ему, что мы можем шпионить за его милашкой?

— Хм. Пожалуй нет. Но за мной должок. Как-то он меня взгрел. Лично я сомневаюсь, чтобы кто-нибудь сумел обскакать Одноглазого, кроме, разве что, Гоблина. Одноглазый первый облапошит кого угодно.

В следующий миг выяснилось, что он вдобавок способен преизрядно удивить тех, кто вроде бы неплохо его знает.

— На случай, если я не переживу эту ночь, у меня на постели, в скатке, оставлено завещание. Все, что у меня есть, должно перейти Гоблину. Но пара штуковин должна достаться Готе.

В этот момент Одноглазый поднимал веки Копченого и не заметил, как мы с Костоправом обменялись встревоженными взглядами.

— А с чего ты решил, будто мы сможем вернуться за твоим завещанием? — спросил Костоправ.

— Щенок точно сможет. Ни хрена ему не сделается. Его теща утверждает, будто он избран или предназначен. Невесть для чего. Единственный, кто мог это знать, откинул копыта.

Я заговорил, опережая неизбежный вопрос Старика.

— Он имеет в виду нечто, открывшееся Хонь Тэй по пути в Деджагор. Что именно, я так и не узнал. Я говорил об этом с Сари, но она тоже не могла ничего прояснить. Какое-то пророчество насчет будущего нюень бао. От которого дядюшка Дой и матушка Гота дерьмом исходят. Тай Дэй, тот, правда, поспокойнее, но он, возможно, тоже не знает, в чем дело.

— По-моему, ты уже определил будущее всей этой своры безо всяких пророчеств, — заметил Костоправ. — За нами таскается чуть ли не половина племени. Одноглазый, твой-то приятель где? Я его не видел уже с неделю.

— Джоджо? Чтоб мне сдохнуть, если я знаю. Этот малый не путается под ногами... Слушай, я не нахожу в Копченом ничего особенного. Может, мне прогуляться с ним, присмотреться как следует, то да се...

— Я же тебе сказал...

— Да. Да. Помолчи, Щенок. Мне надо сосредоточиться.

Сосредоточиваться особо не требовалось. Копченый настолько привык к прогулкам с его духом, что это не требовало никаких усилий.

— Он и впрямь казался каким-то страшным, — заметил Костоправ. — Но мне трудно судить, я провожу с ним мало времени.

— Мне только что пришло в голову, что в последнее время я перестал сталкиваться с Кипой.

— Это с ним. А в твоих снах?

Я не мог припомнить.

— Чудно, но я не помню. А ведь должен бы. Сны-то у меня всю дорогу одни и те же. Я с ними почти свыкся.

— Может быть, в этом все и дело? Будь осторожнее.

— Как говорит Одноглазый, Осторожный — мое второе имя.

— Второе имя Одноглазого — Тупица.

— Я все слышал. И превращу тебя в жабу.

Оказывается, колдунишка уже вернулся.

— Я уже говорил, и скажу снова: ты и еду в дерьмо превратить не сможешь. Скажи лучше, что ты выведал.

— Боюсь, нам придется подождать денек, а когда будет побольше времени, сесть да подумать, что можно сделать.

— Ты о чем?

— У меня создалось впечатление, будто стены, отгораживающие его от мира, начали разрушаться.

— А вдруг он проснется сегодня ночью, в самый разгар событий? — спросил Костоправ.

— Сомневаюсь. Пока он еще глубоко упрятан.

Одноглазый полюбовался тем, как я уплетаю жареную куриную ногу, запивая сладкой водой, и ехидно заметил:

— Щенок, ты, я вижу, способен сожрать и вылакать все, что на глаза попадется.

— Ночь-то впереди длинная.

— Оставайся здесь и займись делом, — велел мне Костоправ. — Но не пропадай там подолгу. И как только начнется, дай мне знать.

— Будет исполнено, командир.

— Одноглазый, подпапусти здесь каких-нибудь чар. Таких, чтобы отгоняли Тени, но мы могли бы приходить и уходить, ежели будет нужно.

Колдун осклабился и сдвинул набекрень свою поганую шляпу под совершенно немыслимым углом.

— У меня нет идеального амулета, командир. Я-то думал, когда припечет, потребуется, чтобы туда-сюда сновали посланцы.

— Сколько их у тебя?

— На нынешний момент ровнехонько чертова дюжина.

— И это все?

— Так ведь их трудно делать.

Конечно, ежели учесть, что это отнимает время от всяких махинаций на черном рынке. Стоило нам чуток подзадержаться на одном месте, как Одноглазый тут же начинал заниматься сомнительной коммерцией, что отвлекало его от меня. Вроде изготовления амулетов, способных сохранить наши жизни.

Я готов был биться об заклад, что у колдунишки куда больше тех тринадцати амулетов, о которых он сказал Старику. Наверняка у него понапихано их повсюду. Небось даже под стельки запрятал, чтобы, когда припечет, загонять их нуждающимся по запредельной цене.

Гадкий, паршивый старый мошенник.

Сукин сын, но зато наш. И лучше него у нас никого не было. Госпожу я нашей не считал, хоть она и числилась лейтенантом. Мне трудно было определить ее истинное место в Отряде. Уж слишком богатый у нее жизненный опыт.

— Становится поздно, — заметил Костоправ. — Не пора ли тебе наведаться на Вершину, глянуть, как там у них дела. Одноглазый, а ты схорони моих курьеров в своей норе.

— Что? Нет, так дело не пойдет. Я там только что чистоту навел...

Я отхлебнул воды и уселся рядом с Копченым.

63

Свет в хрустальной палате Длинотени был так ярок, что наверное ослепил бы меня, будь я во плоти. Созданный силой магии, он исходил отовсюду одновременно, не оставляя ни единого места, где могла бы затаиться приблудная Тень. И вся скудная обстановка помещения была подобрана так, что не оставалось ни трещин, ни щелей, ни дырочек: ни единого местечка, способного укрыть сгусток тьмы хотя бы размером с булавочную головку.

Здесь Теней можно было не опасаться.

Похоже, готовясь к ночным событиям, Длинотень переоделся и даже ополоснулся. И, само собой, сменил маску. Нацепив новую, серебристо-черную, с вкраплениями зеленовато-голубого, ярко-красного и особо глубокого, темно-зеленого цвета. Узоры на маске менялись всякий раз, когда я на нее смотрел. Мне подумалось, что стоило бы улучить минутку и посмотреть, как Длинотень переодевается. Раньше он ничего подобного не делал.

Нарайян с девочкой прибыли за несколько мгновений до меня. Я определил это путем быстрого скачка в прошлое.

— Где Ревун? — спросил Длиннотень.

Обманщик пожал плечами, а девочка и вовсе не отреагировала на вопрос.

— Мы не видели его несколько дней, — сказал Сингх. Это было откровенной ложью.

— Он должен быть здесь. Ради собственной безопасности. Я его предупреждал.

Девочка сидела на полу, скрестив ноги, и не обращала на Хозяина Теней ровным счетом никакого внимания. Сингху, вероятно, пришлось изрядно попотеть, чтобы заставить ее оторваться от писанины. Любопытства ради я заглянул в прошлое. И удивился, увидев, как девочка поторапливает Сингха.

— Нарайян, мы должны быть там вовремя.

Я сместился еще чуть-чуть и обнаружил девочку в состоянии транса, в котором она, по ее утверждению, вступала в связь с Киной. Как оно и было, судя по запаху. Я убрался оттуда, не удостоившись внимания богини. В последнее время она мною особо не интересовалась, что меня вполне устраивало.

Я предпринял парочку быстрых погружений в не столь отдаленное прошлое и пришел к выводу, что Нарайян и его подопечная откликнулись на призыв Длиннотени потому, что так приказала Кина.

Любопытно, что бы это значило?

Вернувшись в настоящее, я увидел с пыхтением поднимавшегося по винтовой лестнице башни Ревуна. Хозяин Теней учуял его приближение и уже стоял лицом ко входу, видимо, собираясь устроить Ревуну головомойку. Тот издал вопль, в котором мне почудилось удивление. Длиннотень отвернулся. Вероятно, он пребывал в хорошем настроении и, в конце концов, решил не устраивать разнос из-за пустяков.

— Хорошо, — сказал он. — Все на месте. Теперь начнем игру. Ту, которую мне следовало вести с самого начала.

В голосе его звучало легкое недоумение: казалось, будто он неожиданно изумился тому, как мало ему удалось за столь долгое время.

Он вел себя так, будто мощный порыв ветра разогнал туман, веками затенявший его сознание.

Я заподозрил, что это недалеко от истины. Полной уверенности у меня быть не могло, однако, казалось, что одна из вредоносных бабенок — скорее всего, Кина — добралась до него давным-давно и с тех пор тупила его меч. Если я прав, то вынужден признать тонкость этого хода. Колдун ни о чем не догадывался. Возможно потому, что им манипулировали, умело используя его исконные предубеждения и прирожденное упрямство.

Но сейчас он, кажется, пришел в себя. И мог использовать могучие чары. Дела для нас оборачивались не лучшим образом.

— Закрой дверь, Обманник,— твердым голосом распорядился Хозяин Теней.— Сюда никто не должен входить.

Ревун уселся на высокий табурет: я вспомнил, что его специально поставили здесь для вонючего колдуна, когда тот присоединился к Хозяину Теней. Ревун пользовался им не часто, но никто другой на это место не садился. Он и Длиннотень были не из тех сотрудников, которые наперебой делятся друг с другом предложениями и опытом. Хозяин Теней произвел под куполом некоторую уборку. Обычно в его покоях были повсюду разложены разнообразные магические безделушки. Сегодня ночью большая часть этих штуковин отсутствовала. Видимо, Длиннотень не желал испытывать честность своих гостей.

Нервно поерзав, Нарайян Синг встал рядом с Дщерью Ночи, готовый, если потребуется, защитить ее. Я приметил высовывавшийся из-за его набедренной повязки треугольник черного шелка. Стало быть, сегодня душила вырядился официально. То был его румель, шарф для удушения.

— В нормальных обстоятельствах,— сказал Длиннотень,— я бы лично вышел к Вратам и пустил в ход имеющиеся там ловушки, чтобы собрать для использования подходящие Тени. Будучи обучены, они не нападают на своих.

Когда Длиннотень упомянул тенеплетов, я подумал о том, имеет ли он представление о том, насколько плохи дела его приспешников. Хозяин Теней никогда особо не интересовался теми, кто ему служил. Он лишь отдавал приказы.

А между тем, почти всех его людей перебили во время последней атаки Госпожи. Лишь горстка выживших продолжала обслуживать башню. Об этом позаботился Ревун.

Никаких тенеплетов, чтобы управлять обученными Тенями, у него не осталось. С другой стороны... Было время, когда каждую башенку через каждые семьдесят футов вдоль южной стены Вершины венчал хрустальный купол. И под каждым размещалось зеркало, способное отбрасывать луч света на землю, к дороге, выходящей из Врат Теней. Для того, чтобы нацеливать зеркало, требовались усилия двух человек.

Длиннотень перемещал какие-то фигурки на своем столе, словно делая ходы на игровой доске. А затем произнес одно-единственное слово. Верхушки уцелевших башен вспыхнули ослепительным светом. Ночь прорезали световые лучи. Подобно указующим перстам, они качнулись и высветили участок, где размещалась Старая дивизия. Высветили не так хорошо, как в прежние времена, но на меня это произвело впечатление.

Зеркала действовали без участия человека.

Прочие зрители тоже оказались под впечатлением увиденного. Нарайян выглядел слегка встревоженным, Ревун — заметно обес-

покоенным. Длиннотень этого не заметил. Он собирался сделать следующий ход.

— Для грядущих событий свет вовсе не нужен, — сказал Хозяин Теней. — Но я решил, что будет забавнее, если они станут вопить и корчиться, умирая на виду друг у друга.

Он хихикнул.

Ревун выпрямился, напрягшись, как копье. Ему не нравилось, какой оборот принимает дело.

Возможно, Длиннотень отнюдь не был таким глупцом, каким его все считали. Я потратил слишком много времени, наблюдая за реакцией девочки. Копченый вновь завел свою песню *«Она есть тьма»* и начал пятиться. Я удержал его. Нам предстояло стать свидетелями впечатляющего зрелища.

Длиннотень подошел к большой хрустальной сфере, установленной на пьедестале в центре палаты. Все присутствующие наблюдали за ним с напряженным вниманием. Едва ли они знали, что представляет собой эта штуковина.

Шар составлял четыре фута в диаметре и был пронизан тонкими, тянувшимися к центру ходами, словно червивое яблоко. По мере того, как Длиннотень приближался, мерцающий свет зыбью пробегал по поверхности, словно масло по поверхности воды, но с куда большей интенсивностью. Змейки холодного огня струились по внутренним каналам. Зрелище было хоть куда.

Длиннотень воздел свои паучьи руки, осторожно стянул перчатки и засучил рукава. Кожа его была полупрозрачной, гнойно-желтоватой, с сицими прожилками. И со множеством темно-каштановых пятен. Плоти на нем почти не было.

Хозяин Теней возложил руки на поверхность сферы. Свет внутри возбудился. Поверхностное свечение взобралось по его пальцам и покрыло ладони. Пальцы погрузились в шар, словно раскаленные стальные прутья в лед. Он ухватился за светящихся червяков и стал извиваться. А затем заговорил на языке, само собой, на языке, которого никто не знал. Правда, Дщерь Ночи нахмурилась и подалась вперед, словно могла разобрать некоторые слова.

Хозяин Теней призывал Тень. Я не мог видеть ее. Она находилась внутри пьедестала, поддерживавшего шар. Но я чувствовал. Ощущал нечто очень, очень холодное.

Ревун встал и подался вперед. Нарайян и девочка смотрели как зачарованные. Дщерь Ночи подошла на несколько шажков, а Сингх встал ближе к дверям, чтобы лучше видеть.

Длиннотень говорил несколько минут, глаза его были плотно закрыты. Когда он закончил, свечение внутри шара стало тускнеть. Колдун открыл глаза и устремил взгляд на юг, как делал уже тысячи раз, наблюдая за освещенным зеркалами участком.

Она есть тьма.

Но я не смотрел на отродье...

Не та тьма.

Тьма и впрямь явилась, но в обличьи, которого я не ожидал. А стоило бы.

Душелов.

Она ступила через дверь, открытую Нарайяном Сингхом.

Длиннотень не ждал такого сюрприза. Отнюдь. Предательство застало его врасплох.

Я изо всех сил пытался противостоять ужасу Копченого. Он беспрерывно скулил: «Она есть тьма»,— словно твердил мантру, оберегающую от губительных клыков ночи.

— Игра окончена,— возгласила Душелов зычным басом циркового зазывалы. Потом она хихикнула, словно девчонка.— Это было трудно, но дело того стоило. Мне нравится мой новый дом.

Последняя фраза была произнесена скрипучим голосом старика, ведущего скучные счетные книги.

Длиннотень попал в ловушку. Он был окружен врагами и не имел шансов на победу, даже будь он величайшим колдуном на свете. Каковым он отнюдь не являлся. Но даже при этом Длиннотень не сдался. Его рассудок не был затуманен, и он осознавал свою ценность. Знал, что враги не осмелятся убить его, ибо его смерть сокрушила бы Врата Теней.

Мне пришлось уступить Копченому. Я должен был немедленно доложить о случившемся. Следовало поскорее известить Госпожу, но такой возможности у меня не было.

Длиннотень медленно взял свои перчатки и стал натягивать одну из них.

— Не стоит,— промолвила Госпожа вкрадчивым тенором гробовщика.— Я думаю, приспела пора...

Правый мизинец Длиннотени был искривлен, словно когда-то его сломали и плохо вправили. Ноготь походил на кусочек гнилого, почерневшего листа шпината.

Хозяин Теней взмахнул мизинцем. Ноготь отлетел в тот самый миг, когда Душелов сказала «пора». Я покачал призрачной головой. Всего не углядишь. В одно мгновение ноготь превратился в Тень, исполненную свирепой ненависти к свету.

Копченый извивался так, что я больше не мог его удерживать.

64

Едва перейдя в сидячее положение, я потянулся за кружкой воды. Когда сознание прояснилось, я понял, что меня перетащили в тесный, маленький альков, где мы держали Копченого с тех пор, как тайком перетащили его из грязной дыры Одноглазого. Из-за отделявшей альков потрепанной занавески доносились негромкие голоса.

Я подоткнул покрывавшее Копченого одеяло, пригладил пятерней волосы и вылез наружу.

Голоса смолкли. Костоправ насупился и огляделся по сторонам.

— Важные новости,— с ходу заявил я, отчего на физиономии Лебедя и Ножа появилось озадаченное выражение. Хорошо, что они под рукой.— Вы, ребята, сходите прогуляйтесь на минуту, возьмите свечу.

— Какого хрена ты раскомандовался? — Костоправу стоило немалых усилий не повысить голос.

— Душелов только что захватила Вершину.

— Чего?

— Она вошла в башню, когда Длинотень выпускал Тени. Кстати, он их выпустил. Все они: и Ловец, и Сингх, и девочка — были в заговоре против него. Я должен был доложить об этом немедленно. Надо как можно скорее известить Госпожу.

— Ну и дела!

Костоправ по-прежнему был сердит, но по его глазам я догадался, что командирский гнев изменил направление, подобно меняющему курс кораблю.

— Сука. Коварная, лживая предательница и сука!

— Судя по ее словам, она намерена обосноваться на Вершине и сделать ее своим домом.

— Сука!

— Жаль, что не могу рассказать тебе больше, но Копченого рядом с ней хрен удержишь. Как считаешь, следует известить Госпожу?

— Ясное дело... Помолчи. Дай мне подумать.

— Эй вы там,— крикнул из-за полога Лебедь.— Чем трепаться, вышли бы да посмотрели, как дела снаружи.

— Что там еще? — прорычал Костоправ.

— Я проверю. А ты напиши записку — пусть эти парни отнесут Госпоже.

— К черту! Боюсь, уже слишком поздно. Она сама собиралась сделать вылазку в крепость и напасть на Длинотень.

Дерьмо. Похоже, мы по уши в дерьме.

На нетвердых ногах я направился к выходу, поскользнулся на ведущих наверх ступеньках и едва не грохнулся. Даже на склоне холма земля все еще оставалась влажной и скользкой.

Мне не потребовалось спрашивать у Лозана, с чего это он разорался. У Врат Теней был устроен грандиознейший фейерверк, с которым могло сравниться разве что представление у озера Танджи.

— Мать-перемать! — выругался я.— Огненных шаров летало столько, что никакая брань не отразила бы истинную реакцию.

Я помчался вниз по глиняным ступенькам.

Костоправ напяливал свой наряд Вдоводела.

— У Врат Теней началась заваруха,— сказал я.— Увидишь — не поверишь. Надеюсь, у этих ребят хватит бамбука.

— Госпожа дала им все, что могла. Теперь все зависит от числа — зарядов и Теней. Это мы знали с самого начала. Если зарядов окажется больше, мы победим. Если нет, нас ждет плачевный конец. Ждать осталось недолго.

— Похоже, Длиннотень мало что делает. Не знаю, насколько это хорошо...

— И я тоже. Понятия не имею, что ему нужно или не нужно делать, чтобы спускать с цепи свои Тени. И уж тем более не берусь судить, что он на сей счет думает. Хотя, наверное, он рассчитывал взять под контроль уцелевшие Тени после того, как они расправятся с нами.

— Он не знает, что у него нет больше тенеплетов. В последнее время Сингх и Ревун снабжали его лишь выборочной информацией. Последние успехи Госпожи так и остались для него тайной.

— Не сомневаюсь, они дурили его по велению нашей подруженьки Душелова.

— Бьюсь об заклад, так оно и было.

— Тебе нужно вернуться туда. Самого главного она не сделает. Потому что это сделало бы ее слишком уязвимой.

Хм? Пришла моя очередь издавать невнятные звуки.

— Она должна знать, что мы может проникать в крепость и покидать ее, когда нам угодно. А значит, ей необходимо прикрывать свою маленькую, красивую задницу. Сходи посмотри, что она затевает, пока ей не приспичило начать действовать по-настоящему.

— Лечу, мой командир.

Копченый не хотел возвращаться в крепость. Я настоял на своем. И обхитрил его, нырнув в то время, когда он еще не был напуган Ловцом. А потом я совершил скачок вперед, в тот самый момент, когда с мизинца Длиннотени сорвалась Тень.

Она набросилась на Ревуна. Ревун взвыл, но каким-то образом от нее отбился. Тень перекинулась на Нарайяна Сингха. Тот заорал, и Ревун с Ловцом совместными усилиями отогнали ожившую тьму от Обманника, который потерял сознание.

И тогда Тень устремилась к Дщери Ночи.

Девочка закричала, и в тот же миг призрачный мир стал наполняться зловонным запахом Кины. Циклон овеществленной ярости устремлялся к Вершине. *Она есть тьма,* — пискнул Копченый, и мы вылетели оттуда, словно пущенное из баллисты копье. Затем взмыли вверх и стремительно понеслись на север. Фейерверк у Врат Теней — и тот пропал из виду, когда мы улетели за Данда-Прешн. Совладать с Копченым мне удалось, лишь когда нас занесло севернее Деджагора.

Беспрерывный скулеж Копченого переполнял мир духов. Он изо всех сил рвался туда, где мог чувствовать себя в безопасности. В то место, которое некая глубинная частица его «я» помнила с тех пор, когда он еще был простым смертным.

Во дворец.

Это место представляло собой растревоженный улей. Повсюду носились жрецы, гвардейцы и чиновники. На городских улицах тоже

царило возбуждение. Шадаритские караулы обходили дома, совершая аресты. Людей хватали десятками.

К этому стоило присмотреться. Некоторые из арестованных показались мне смутно знакомыми. Проверка во времени помогла установить, что узников собирают в опустевших казармах нашего Отряда. Там я увидел немало определенно знакомых лиц.

В основном то были люди, дружественно настроенные по отношению к нам. Я решил проверить все с самого начала и выяснил, что, хотя Радиша готовила это выступление долго и тщательно, аресты начались совсем недавно. Примерно в то же самое время, когда Душелов ворвалась в башню Длиннотени на Вершине. Дрема!

— *Дерьмо!* — Я припустил к складу Бонх До Трана.

Дрема не был арестован. Пока еще не был. Мадариты, судя по ругательствам, искали его, но найти не могли.

Я тоже принялся за поиски, и старался изо всех сил. То, что сработало на болотах, должно было сработать и в городе. Найдя Дрему, который, скорее всего, случайно разминулся с солдатами, я уселся ему на нос и крикнул. А потом попытался взъерошить ему волосы и подергать за уши. Он испугался.

Огляделся и прислушался. И, кажется, сообразил, что происходит в городе.

Задерживаться дольше я не стал. У Дремы хватит ума сесть в седло и убраться из Таглиоса, не дожидаясь ответа от Сари. Ухватив Копченого за призрачные волосенки, я направил его на юг. Куда он отнюдь не рвался.

Я вернулся в свою плоть. Старик меня ждал.

— Как дела?

— Появилась Кина. Дрема перепугался и припустил на север. Я вернулся. В Таглиосе запахло дерьмом.

— В каком смысле?

— Радиша сгоняет в старые казармы всех, кто хоть раз улыбнулся одному из наших. Она занялась этим почти в ту же минуту, когда Душелов напала на Длиннотень.

Долго размышлять он не стал.

— Выходит, у нас проблема. Возвращайся туда. Я хочу знать, что еще пошло наперекосяк.

Я хлебнул сладкой водицы и отбыл.

Кое-что и впрямь шло наперекосяк. Прямо здесь, в Кьяулуне, Прабриндрах Драх пытался разоружить солдат Госпожи. А она находилась внутри Вершины и пока ни о чем не знала. Я же не знал, как ее поскорее известить. И решил попробовать тот же фокус, что провернул с Дремой. Может быть, мне хоть как-то удастся заставить ее встрепенуться?

Госпожа уже поднималась по лестнице, ведущей в хрустальный покой Длиннотени. С ней было несколько лучших братьев нашего Отряда. Я бухнулся прямо перед ней и заорал изо всей мочи.

— Эй! Тревога! Назад! Уноси свою задницу!

Она подскочила, а потом уставилась в темноту, в то место, где должны были находиться мои глаза.

— Мурген?

— Уматывай отсюда, да поскорее. Это ловушка. Князь пытается обезоружить твоих людей.

Она повернулась и, не мешкая, принялась отдавать приказы. Чтоб мне сдохнуть! Госпожа оказалась гораздо восприимчивее всех прочих.

Лестничный пролет начал заполняться запахом Кипы. Я убрался оттуда. Черный нимб окружал хрустальный купол Длиннотени. Кипа не могла привнести в наш мир слишком большую силу, но все ее возможности были сейчас сконцентрированы здесь.

Дщерь Ночи оправилась после нападения Тени и, воспользовавшись мощью, почерпнутой от богини, отбросила злобный сгусток тьмы на Длиннотень. Хозяин Теней, само собой, пребывал в бешенстве с того самого момента, как обнаружилось предательство. Он никогда не доверял Ревуну. Прежде всего, их объединяла ненависть к Отряду. Но ненависть к кому бы то ни было не может служить прочным фундаментом для альянса. Хозяин Теней готовился к измене, но никак не ожидал, что Ревуна поддержат и Душелов, и душила с отродьем Кипы. Тем не менее, у него имелось кое-что в запасе даже на такой случай. Что могло сработать, если они его недооценили.

Хрустальный купол наполнился ревом и криками, клубами менявшего цвет дыма и сверкающими всполохами чистой энергии, рассекавшей хрусталь и камень и отскакивавшей лишь от могучих защитных чар.

Душелов взвизгнула, как ушибленный ребенок. Она упала на одно колено, но схватки не прекратила. Ревун ревел. Дщерь Ночи бормотала пассажи из первой книги Мертвых. Запах Кипы был силен как никогда, но девочка не успела закончить Книгу и потому не могла открыть богине путь в этот мир.

Длиннотень бочком отступал к выходу, явно намереваясь смыться. Преуспей он в этом, палата, скорее всего, взорвалась бы изнутри, похоронив всех, кто в ней находился. Во всяком случае, я на его месте непременно устроил бы что-нибудь в этом роде.

Нарайяна Сингха называли живым святым. Он был лучшим из последователей учения Обманников. Сомнительное достоинство в глазах нормальных людей, но каждому приятно знать, что в чем-то он превосходит всех остальных.

Хозяин Теней думал о Нарайяне не больше, чем о мыши. Просто имел в виду, что он там находится. В один миг он находился *там*, а в следующий оказался *здесь*. Смертоносный шарф обвился вокруг горла Хозяина Теней, словно черная молния.

Чтобы стать чернорумельщиком, мастером-душилой высшего ранга, Обманник должен научиться подавлять в себе возбуждение или страх даже в самых отчаянных обстоятельствах. Нарайян Сингх

обладал такой способностью, хотя в последнее время ему не часто предоставлялась возможность ее проявить. Зато сейчас предоставилась. Он сохранял спокойствие в достаточной мере, чтобы не сломать Хозяину Теней шею. Ибо знал, чем это чревато.

Удушение — процесс медленный. Причем жертва, как правило, не склонна сотрудничать с нападающим.

— Мне нужны подручные,— заорал Сингх.

Он выкрикнул это на профессиональном жаргоне Обманщиков, так что поняла его только девочка, слишком слабая для того, чтобы сдерживать Хозяина Теней.

— Ты! — крикнула она Душелову.— Ты! Схвати его за правую руку и выкручивай. А ты, Пахучий, за левую. Живее. Во имя моей матери!

— Во имя твоей настоящей матери, которую нелегкая угораздила уродиться моей сестрицей и стать вечной занозой в заднице,— отрезала Душелов,— я задам тебе хорошую порку, как только мы разберемся с этим куском дерьма.

Голос, которым она произнесла эту фразу, был мне знаком. Он принадлежал давно умершему человеку, никогда не жалевшему розг и плетей. Длиннотень оказался на редкость упрямым. Он продолжал вырываться, когда любой другой давно бы задохнулся.

— Постарайтесь не убить его,— сказала девочка.

— Бабку свою будешь учить, отродье,— рявкнула Душелов голосом Гоблина, и мне неожиданно стало страшно за нашего колдунишку.

Длиннотень рухнул на пол.

— Свяжи его, заткни ему пасть и усади вон в то кресло,— велела Душелов Ревуну.— Привяжи как следует, чтобы не рыпался, а потом осмотрись, не заготовил ли он еще какие-нибудь сюрпризы.

Тень исчезла: то ли ускользнула сквозь щель в двери, то ли забилась в укрытие, то ли была уничтожена.

— А что будешь делать ты, о могущественная? — тяжело дыша, спросил Ревун.

— Прежде всего установлю строгий порядок.

С этими словами она схватила Дщерь Ночи и, уложив отчаянно сопротивлявшуюся девочку поперек колена, спустила ей штанишки и задала основательную порку. Попутно она произнесла заклинание, мигом лишившее Нарайяна Сингха способности сдвинуться с места.

Девочка не заплакала, хотя слезы подступили к ее глазам. Она снова столкнулась с тяжелым испытанием веры. Запах Кипы исчез без следа.

— В другой раз попридержи язык, милочка,— сказала Душелов,— а не то познакомишься с хорошим ивовым прутом. Ревун, ты хорошо его связал?

— Как раз этим занимаюсь. Ты так долго ждала, что теперь тебе нет особой нужды спешить.

— Я хочу установить контроль над его Тенями. Они ведь не будут сидеть спокойно...

Я знаю этот план. Сам помогал составлять его.

Ревун взвыл, и в его крике слышалось злобное раздражение.

Мне явно следовало встретиться со Стариком.

65

— Они уже затевают между собой перебранки,— сказал я Костоправу, после того, как выпроводил из землянки всех прочих.— Но при всем при том Длинотень действительно у них на крючке. Ловец вознамерилась заставить его делать все, что она захочет.

— Она хочет сделать его своим Взятым?

Об этом я и не подумал, ведь подобные вещи происходили лишь в далеком прошлом.

— А она знает, как это делается?

— Не исключено. Хотя, скорее всего, проделать это с Длинотенью ей будет не так-то просто. Возможно, ей потребуется узнать его истинное имя. Как нам известно, он укрыл его в заклятиях на Вратах Теней.

— А что происходит здесь?

— Я распорядился перевести к Вратам Новую дивизию. Если таглиосцы из Новой дивизии ввяжутся в борьбу с Тенями, им уже будет не до того, чтобы помогать Прабриндраху Драху.

— А чем ты объяснишь им такой приказ?

— Тем, что у Старой дивизии вышли запасы бамбука.

В такую ночь, как нынешняя, ни один генерал не позволил бы своим остаться без единственного оборонительного средства.

К тому же я распорядился, чтобы Старая дивизия заняла позицию для штурма Вершины с юга. Таковы приказы, которые я уже направил в оба соединения. Но истинные приказы они получат лишь после того, как разъединятся.

Мы несколько раз отрабатывали отход от Врат Теней к южной стене цитадели. Неужели Старик и это продумал заранее, опередив всех остальных?

— Кажется, мне удалось предупредить Госпожу,— заметил я и рассказал ему о случившемся.— Думаю, в тех обстоятельствах я поступил верно, хотя и действовал, поддавшись порыву. Конечно, по окончании заварухи она начнет задавать вопросы.

— И не придет в восторг, когда получит ответы.

— Тебя это, вроде бы, не особо пугает.

— Задолго до того, как она меня полюбила, я был ее пленником в Чарах. И израсходовал там весь свой запас страха.

На месте Старика я бы не стал так уж рассчитывать на ее любовь. В последнее время они не слишком походили на любящую

пару. Парни вроде меня, они никогда не перестают любить своих Сари, но у большинства прочих все обстоит иначе. Слишком многое отвлекает их, заставляя забыть о любви.

— Мне нужно отыскать Гоблина,— заявил я.— Пока они там барахтались, Ловец заговорила его голосом, и я, признаться, испугался. Как бы старина Одноглазый не осиротел.

— Дерьмо! — тихо пробормотал Костоправ.— Такую возможность я, похоже, проглядел. Слушай, когда станешь искать этого дерьмового коротышку, то и дело повторяй «белая свадьба» и «белый рыцарь». Чередуй эти фразы. Так тебе будет легче обнаружить Гоблина.

— Я догадывался, что там какое-то прикрытие...

— И как только увидишь ворон, распугивай их. Нам необходимо, если возможно, лишить Ловца глаз и ушей.

— Похоже, она обвела тебя вокруг пальца, а?

— Скажем так, я недооценил ее амбиции. Видимо, сейчас она готова на большее, чем просто поквитаться с Госпожой.

— Действуй.

Заклинание «белая свадьба, белый рыцарь» сработало безотказно. Мы с Копченым нашли Гоблина почти сразу. Как я и ожидал, он сидел в дерьме, однако не по самые уши, как, наверное, надеялись некоторые. Добравшись туда, мы обнаружили, что он и его солдаты залегли среди каких-то шероховатых камней. Затаившись, они явно чего-то выжидали. Интересно чего? И почему?

В поисках ответа на этот вопрос я нырнул в прошлое. И убедился, что Гоблин не терял времени даром. Конечно, он не был великим магом, но колдовать все же умел, особенно если приспичит. В Отряде он служил с незапамятных времен и не мог не подцепить нашу общую заразу — параноическую подозрительность. У него не хватало колдовского умения на то, чтобы заставить Тени, ворон, летучих мышей или еще каких-нибудь тварей собирать для него сведения, но некоторыми живыми существами, в определенных, довольно узких пределах, он манипулировать мог. В качестве часовых он использовал обитавших на южных склонах Данда-Преша миниатюрных сов, не выраставших больше человеческого кулака. Они рассаживались на кустах вокруг, когда его отряд прятался в какой-нибудь лощине. Они вились над головами солдат, когда он находился на марше. Кстати, передвигался Гоблин только по ночам, а днем прятался и лишь изредка вступал в стычки с приспешниками Длиннотени.

Благодаря совам, Гоблин мог не опасаться неприятных сюрпризов. Он ничуть не удивился, когда на него с громовым ревом прыгнула совершенно бесшумно прокравшаяся сквозь тьму форвалака. Потому что пантера, при всей своей ловкости, не могла остаться не замеченной совами.

К тому же, в последнее время вороны проявляли особенную активность. Что не могло не насторожить Гоблина.

Форвалака точно выверила свой прыжок — однако то, во что она вонзила клыки и когти, оказалось отнюдь не Гоблином. А всего-навсего мешком, набитым листьями и соломой. Мало того, что с его помощью колдунишка отвел пантере глаза, он еще и наложил на чучело такое заклятье, что форвалака увязла в нем, не в силах высвободить когти и зубы.

Это произошло в тот самый момент, когда Душелов вошла в покой Длинотени. Когда ад сорвался с цепи. Из тьмы выскочило маленькое существо, вовсе не походившее на Гоблина ни по виду, ни, скорее всего, по запаху. И наградило форвалаку хорошим пинком под ребра.

— Я так и знал. Что было слишком хорошо, чтобы оказаться правдой. Сожрать меня хотела, а? И это после всего того, что я старался для тебя сделать.

Он пнул ее еще раз. Пантера зарычала и заметалась.

— Этак ты ее доведешь,— послышался голос из тьмы.— Она вырвется и проделает в твоей заднице еще одну дырку.

— Если я наложил туда чары недостаточно прочные, чтобы удержать четырех таких кошечек, стало быть, заслуживаю того, чтобы мое дерьмо отправлялось наружу новой дорогой.

Форвалака вновь зарычала.

— Но мне нужно предпринять что-то по поводу этого шума.

Он и впрямь мог быть услышан за несколько миль.

Совы заухали вновь, но на сей раз в их криках не слышалось тревоги. Однако все — не иначе, как на всякий случай,— попрятались, и, когда на прогалину выступил из тьмы таглиосец, на виду не оставалось никого, кроме все еще пытавшейся высвободиться зверюги.

«Белая свадьба, белый рыцарь»,— промолвил новоприбывший, обращаясь к окружающей тьме. Я бы рассмеялся, предоставь мне Копченый такую возможность. Из тьмы материализовался Гоблин.

— Какие новости?

— Кто-то приближается. Причем, сдается мне, они знают, куда идти.

— Что и не удивительно,— проворчал Гоблин и в очередной раз пнул Лизу Бовок в бок, да так, что, будь она в человеческом обличьи, переломал бы ей все ребра.— Уж ежели продадут, то с потрохами. А уж эта тварь — всем сукам сука. Еще соплячкой, когда у нее и месячные не начались, она уже убивала людей и продавала трупы.

— Все это мы уже слышали, командир. Но раз к нам идут гости, давай подготовимся к вечеринке.

— Я терпеть не могу это дерьмо,— сказал Гоблин Копне.— Страну эту поганую, людишек гадких терпеть не могу...

— ...А я терпеть не могу повторяться, но должен напомнить, что они приближаются. И до нас им осталось топать менее мили.

— Могаба с ними?

— Не знаю. Я не подбирался к ним так близко.

Гоблин занялся своим делом: стал колдовать, довольно быстро он состряпал несколько колдовских блюд, включая свое излюбленное — иллюзорное войско.

И Гоблин и Одноглазый обожают морочить людям головы, заставляя их видеть то, чего на самом деле не существует.

Я улизнул, решив взглянуть на приближающегося противника. События разворачивались в скалистой, обильно поросшей густым кустарником местности. Да еще и в темноте. Даже для меня видимость была никудышной. Я удостоверился в том, что Гоблина с компанией выслеживают партизаны Могабы, но самого Могабы с ними не было. Подкрадывавшиеся к Гоблину парни провели в схватках всю зиму. Они прошли суровую школу и двигались с большой осторожностью.

Я сместился в прошлое этого отряда — и, наконец, обнаружил Могабу. Милях в пяти от лагеря Гоблина. Вместе со своими ребятами он сидел у походного костра, уплетая оленье жаркое. И угощая им огромную черную кошку.

Это зрелище побудило меня сместиться еще немного назад, вместо того, чтобы вернуться к Гоблину. Заклинание Костоправа помогло рассеять морок не только вокруг нашего колдунишки, но и вокруг Могабы. Но лишь на несколько мгновений.

Выяснив, что хотел, я присоединился к компании Гоблина, как раз вовремя, чтобы посмотреть, как наши подготовили встречу скверным парням, считавшим, что красотка Лиза уже наполовину решила дело в их пользу.

На противоположном склоне, там, где затаился Гоблин с большей частью своей шайки, появилось нечто, походившее на мерцающее привидение. Призрак мог отвлечь внимание тенеземцев, но создан был не для этого, а в первую очередь, чтобы защитить зрение наших парней. Это было не лишне.

Четыре... три... два... один. Ночь озарила яркая вспышка.

Глаз у меня не было, и я не мог их закрыть. На какой-то миг я оказался ослепленным, как и все Могабины вояки. Но потом спросил себя, с какой это стати я ослеп. Не потому ли, что ожидал чего-то подобного? И как только решил, что должен видеть, тут же прозрел. Получив лишнее доказательство того, какое значение могут иметь ожидания и предубеждения.

Вспышка не только ослепила тенеземцев, пусть даже и ненадолго. Они оказались забрызганными какой-то липкой, светящейся в темноте дрянью и превратились в превосходные мишени.

Команда Гоблина уступала противнику в числе, но наш колдун предоставил своим ребятам возможность лишить противника этого преимущества.

И этой возможностью они воспользовались. Южанам пришлось пережить несколько неприятных минут. Причем для многих из них эти минуты оказались последними.

Гоблин усугубил ситуацию тем, что вызвал призраки многих наших братьев — и былых, и нынешних. То был один из его излюбленных трюков. Южане бросались в атаку на бесплотные образы, а стрелки Гоблина выбивали их, как на стрельбище.

Могаба так и не появился. Как я ни старался, найти его вновь не удавалось. В конце концов, его лейтенанты смекнули, что орешек им не по зубам, и скомандовали отход.

Отступая, они пытались смахнуть друг с друга светящийся состав, делавший их легкой добычей, но он был чрезвычайно липким. Некоторые стали сбрасывать одежду, но для этого им приходилось останавливаться, что отнюдь не способствовало увеличению продолжительности жизни.

Войско Гоблина — и люди и призраки — устремилось вдогонку. Организованное отступление превратилось в паническое бегство. Наши наступали тенеземцам на пятки. Гоблин сумел перетянуть удачу на свою сторону и теперь собирался извлечь из нее все возможное. Он вознамерился захватить Могабу, пока тот не узнал о масштабах поражения. Я пожелал ему удачи.

Выяснив, что за Гоблина можно не опасаться, я отправился назад. С тем, чтобы впервые за всю ночь сообщить хорошую новость.

66

— Все идет не так уж плохо,— сказал Костоправ, в то время, как я присосался к подслащенной воде.— Пока. Похоже, Старая и Новая дивизии меняются местами без особых проблем. Да и Госпожа, я думаю, может взять ситуацию под контроль. Так что Душелов, при всех ее ухищрениях, едва ли добьется своего.

Все вроде и так, но одно только словечко «пока» заключало в себе весьма неприятные возможности.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Костоправ.— Силенки еще остались? Может, мне лучше прислать тебе на смену Одноглазого?

— Думаю, от него больше пользы там, где он сейчас.

— Не уверен. Несколько минут назад он носился кругами, размахивая колдовским черным копьем, и бубнил что-то невнятное. Не иначе, как он малость подвыпил.

— Дерьмо!

Известие о том, что Одноглазый принял на грудь и начал выпендриваться, не сулило ничего хорошего.

— Это копье он изготовил, когда мы сидели в осажденном Деджагоре. И был пьян, когда в последний раз пытался им воспользоваться.

— Он сделал эту хреновину, чтобы убить тенекрута?

— Чтобы убивать Хозяев Теней, любого из них. Надо думать, оно и против Длиннотени годится.

— Но нам не нужно, чтобы он убил этого Хозяина Теней. Во всяком случае, до поры.

— Скорее он беспокоится насчет форвалаки. Надо сказать ему, что она больше не представляет угрозы. Ее сцапал Гоблин.

— Ты действительно не нуждаешься в отдыхе?

— Со мной все в порядке.

Я направился к алькову Копченого.

— Твои родственники знают, что представляют собой Тени? — спросил вдогонку Костоправ.

— Тай Дэй видел их на озере Танджи. Думаю, они не высунут носа из своей норы.

Мы с Копченым поднялись примерно на полмили, чтобы я мог составить представление, кто что делает.

Решительно все что-нибудь да делали. У Врат Теней все еще вспыхивали огненные шары. Впечатление было такое, будто там еще оставался кто-то из Старой дивизии.

Огненные шары появлялись и над развалинами Кьяулуна, и над пустошью между руинами и Вершиной, но их было меньше, чем я ожидал. Возможно, Госпожа получила мое предупреждение слишком поздно.

Я стал снижаться и приметил, как среди развалин начали появляться красные точки, вроде той сыпи, какая бывает у больного корью. Затем точки стали испускать светящиеся красные нити. Они скользили в темноте от одной точки к другой, соединяя их между собой.

Чтобы то ни было, за этим стояла Госпожа. Наброшенная на руины красная сеть привела вояк Прабриндраха Драха в крайнее возбуждение. Они вопили, метались туда-сюда и, в конце концов, натыкались на солдат Госпожи.

Которые разоружали их и сгоняли в одно место. Разумеется, тех, у кого хватало ума не оказывать сопротивление. Князь явил если не высокую доблесть, то, во всяком случае, немалое проворство. Он пустился наутек в сопровождении придворных, телохранителей и всех тех, кому удалось унести ноги. Действия Госпожи произвели весьма сильное впечатление, и прихвостни Прабриндраха пришли к разумному умозаключению: чем дальше от нее они окажутся, тем лучше для их здоровья, возможно, в другом месте они рассчитывали на большее радушие.

Вокруг валялось множество трупов. По большей части то были трупы таглиосцев, проявивших излишнюю преданность своему государю.

Рубиновые точки разгорались все ярче. Соединявшие их нити натягивались и выпрямлялись. Опустившись пониже, я услышал, что они гудят и потрескивают. Стоило кому-либо неосторожно задеть одну из них, как раздавался громкий щелчок и ротозей падал замертво. Но рубиновая сеть не только светилась и гудела. Она еще и пахла. Я не сразу опознал этот запах, поскольку никак не ожидал столкнуться с ним здесь.

То был запах Кины. Магия Госпожи имела своим источником мистическую мощь богини.

Сотворенные ею силовые тяжи разделили территорию на изолированные треугольники, покинуть каждый из которых можно было лишь с величайшей осторожностью, что не давало верным сторонникам князя возможности объединиться и использовать свое подавляющее численное превосходство. По существу, Госпожа свела его на нет. Вот хитрая старая сука!

Я подлетел к ней поближе. Кажется, она была довольна тем, как разворачиваются события, хотя это оставалось лишь моим предположением. Трудно сказать что-либо определенное об эмоциональном состоянии человека, скрытого под доспехами Жизнедава.

— Об этом можно не беспокоиться. Некоторое время,— сказала она Очибе и Иси.

— Как я понимаю,— отозвался Очиба,— нам теперь не приходится рассчитывать на теплые казармы и жалованье.

Жалованье Отряду не выплачивалось с битвы на Чарандапраше. Правда, здесь и тратить его было не на что. Разве что мухлеж Одноглазого приобрел больший размах, чем мне думалось.

— Да, подозреваю, что наш контракт можно считать расторгнутым. Капитан, скорее всего, будет взбешен, ведь его условия так и не выполнены.

Так оно и было. А ведь и князя, и его сестру не раз предупреждали, что лучше не пытаться уклониться от выполнения своих обязательств. Надо думать сейчас, улепетывая, князь не один раз вспомнил об этих предупреждениях. Непонятно, почему он связал свое будущее с Душеловом. Сколько раз Костоправ рассказывал ему, что случалось с нанимателями, предававшими Отряд. Чертову уйму.

Должно быть, Ловец посулила ему нечто весьма ценное и убедила, что сумеет управиться с Госпожой.

Может быть, мне стоит чуток задержаться и попробовать разузнать об этой сделке побольше?

Пока я размышлял, воины Госпожи заставили пленников сесть, скрестив ноги, на землю. Пока их рассаживали длинными, прямыми рядами, никто не протестовал. Лебедь Лозан и Нож тоже находились среди пленных, и физиономии у них были весьма кислые.

Пожалуй, Зиндаб не ошибся, сказав, что она им не доверяет. Я едва не пожалел, что не присутствую там лично.

— Я слыхал, завтра сюда прибудет Корди,— пробормотал Лебедь, обращаясь к Ножу.— Нет ничего лучше, чем появиться вовремя.

Нож хмыкнул.

— И какого хрена он сморозил такую глупость?

Я не сразу понял, что Лебедь имел в виду не Корди Мотёра, а Прабриндраха Драха.

Нож хмыкнул снова.

— Почему, черт возьми, он не сказал мне? Ведь я, черт возьми, считаюсь командиром его телохранителей?

— Может потому, что ты вечно торчишь здесь и пялишься совсем на другое тело?

— Ну, прошу прощения. Смотрю туда, куда мне больше нравится. Как думаешь, такой бардак творится повсюду? Или один только князь вконец охренел?

— Ладно,— не без довольства в голосе промолвила Госпожа, обращаясь к своим офицерам.— Есть предложения насчет того, как поступить с нашими друзьями?

— Может, не стоит им мешать? — ответил вопросом на вопрос Иси. Похоже, он становился изрядным хохмачом.

— Думаю, нам нужны указания от капитана,— сказала Госпожа и неторопливо повернулась, всматриваясь в воздух. Словно ощутила чужое присутствие.

Я подозревал, что она вознамерилась проверить свои подозрения.

Так или иначе, следовало доложить обстановку Костоправу.

67

— Ты учуял запах Кины? Не ошибаешься?

Похоже, Старика не интересовали подробности того, как Госпожа разделалась с людьми Прабриндраха Драха. Достаточно было того, что ей это удалось.

— Не ошибаюсь. Но самой богини там не было. Я сталкивался с ней достаточно часто и наверняка ощутил бы ее присутствие. Особенно в такую ночь.

— Ей нужны указания?

— Может быть. Но скорее она сказала это, чтобы посмотреть, что последует. Она подозревает.

— Вероятно, уже знает. Ты побывал у Врат Теней? Мы держимся?

— Близко не был, но со стороны все выглядит нормально. Шаров поубавилось, и похоже, не из-за нехватки бамбука, а из-за недостатка мишеней. Правда, время от времени заградительный огонь усиливается.

— Может нужно, чтобы Одноглазый тебя заговорил?

— Пока со мной все в порядке.

— Будь осторожен. И там, и когда будешь возвращаться. Я посылаю за Госпожой. Так что она может оказаться здесь.

Я попытался направить Копченого на юг. Он упирался. Тогда я попробовал вернуться на вершину, приглядеть за Ловцом, Ревуном и Длинношенью, но не тут-то было. *Она есть тьма*, вот и весь сказ. Он явно восстанавливал свою личность, причем в полном соответствии с тем, что я слышал о его дерьмовом характере. Заставляя предположить, что в ближайшее время мы едва ли сможем извлечь

из него много пользы. Поскольку он все время порывался подняться вверх, я решил не противиться и лишний раз приглядеться к общей картине.

Интенсивность и распределение фейерверков наводили на мысль, что наши дела не так плохи. Врата Теней держались. Прабриндрах Драх уходил на север, проявляя не только прыть, но и известную сообразительность. Он рассылал распоряжения своим разбросанным повсюду отрядам, понимая, что мы слишком заняты, чтобы немедля пуститься за ним в погоню. Правда, у него еще не было определенного плана действий: он хотел перво-наперво прояснить обстановку и собрать воедино остатки своей армии. Нынешний поворот событий оказался для него совершенно неожиданным. Ему явно обещали нейтрализовать Госпожу, в противном случае князь не решился бы на открытое выступление. Впрочем, сюрпризом для нас явилось не само его предательство, а лишь время, когда он начал действовать.

Заговор был составлен тщательно, все было расписано по минутам, но ноготок Длинотени спутал заговорщикам карты. Похоже, сейчас Копченый не желал приближаться и к Госпоже, хотя тут я все же сумел с ним справиться.

Стоило подумать над тем, что может побудить Копченого к более активному сотрудничеству. Возможно, сгодятся раскаленные оковы. Тени определенно просачивались сквозь Врата, но массированной атакой, такой, как у озера Танджи, даже не пахло. Об их присутствии свидетельствовали лишь раздававшиеся время от времени истошные крики. Со времени моего последнего визита настроение Госпожи испортилось. Она нервно расхаживала кругами, искры пробегали по черной броне и разлетались в стороны, словно в кузнице. Госпожа здорово расстроилась, хотя я не мог взять в толк, почему. Казалось, ей хотелось выплеснуть раздражение на Лебедя и Ножа: проходя мимо, она всякий раз награждала их парой бранных словечек. Но они сносили все терпеливо и не давали ни малейшего повода задать им настоящую трепку. Честно говоря, я так и не понял, с чего это Нож оказался среди пленников.

Запах Кины поблизости от Госпожи был силен, но у меня не возникало ощущения присутствия самой богини. Я и то боялся, что после такого отклика на нападение на Дщерь Ночи она нагонит страху на всю округу. Таких ужасов натворит, что всем тошно станет.

Расхаживавшая взад-вперед Госпожа замерла на месте. Прислушалась. И выругалась.

Ужас надвигался, хотя источником его была вовсе не Кина. Повсюду умножились истошные вопли — людей атаковали Тени.

— Идиоты! — прорычала Госпожа.— Никого не слушают! Не хотят позаботиться даже о собственной шкуре.

Запах Кины усиливался.

Я основательно насел на Копченого, заставляя его вернуться к хрустальной палате Длинотени.

С того времени, как я впервые увидел ее глазами духа, она светилась ярким, холодным светом ночной звезды и была заметнее, чем любой маяк или сигнальный огонь. Но сегодня ночью этот свет то вспыхивал, то угасал.

Копченый заскулил: *Она есть тьма... она есть тьма... она есть тьма.* Он твердил это как заклинание и всячески отбрыкивался от меня, но на сей раз мне удалось навязать ему свою волю. Видимо, для того, чтобы справиться с ним, мне требовался изрядный эмоциональный накал. Целеустремленность и сосредоточенность: Копченый ни на миг не прекращал сопротивления.

Надо полагать, ему не требовалась такая уйма энергии, как мне. Скорее всего, он мою же и отсасывал — на манер вампира.

В хрустальной палате царил полнейший разгром. В одном углу валялся привязанный к упавшему стулу Хозяин Теней. Его окружал слабо мерцающий силовой кокон, но он был без сознания и выглядел ужасно. Одежда разорвана в клочья, на внутренней поверхности кокона запеклась кровь. Наверняка, у него были переломаны кости. Должно быть, в мое отсутствие они здесь изрядно повеселились. Скорее всего, Длинотень испробовал еще парочку своих трюков, за что и поплатился. Не исключено, что он находился при смерти. Возможно, именно потому за стенами Вершины множились отчаянные крики.

Я уж было решил, что Дщерь Ночи убралась восвояси, но в следующий миг приметил и ее. Она тоже находилась внутри защитного яйца, но не мерцающего, а черного, лишь слегка просвечивающего. Девочка свернулась в нем, как в материнской утробе, но, судя по виду, не получила никаких повреждений.

Зато у Ревуна видок был такой, словно он попытался изнасиловать тигра. Он беспрерывно издавал звуки, но не привычные оглушительные вопли, а слабые стоны с бульканьем и присвистом, свидетельствовавшими о повреждении легкого. Душелов пыталась помочь ему, но она и сама пребывала не в лучшей форме. Впечатление было такое, будто она сцепилась с тем же самым тигром и пострадала разве что чуток поменьше. Сейчас ей было не до того, что происходило за пределами хрустального купола.

В помещении ощущался запах Кины, и довольно сильный. С большим трудом мне удалось заставить Копченого сместиться во времени к тому моменту, когда он утащил меня прочь. И выяснить, что Кина нанесла повторный визит, который застал всех врасплох.

Стоило мне подобраться достаточно близко, чтобы ощутить присутствие Кины и на миг отвлечься на нее, как Копченый попытался удрать. Я подчинил его и нырнул в самую гущу событий. Он тут же отпрянул. Я снова бросил его вперед. Так повторялось несколько раз. Кое-что мне уловить удалось. Я приметил сгусток живой тьмы,

выглядевший, как миниатюрная копия многорукой богини. Она творила темную защитную оболочку вокруг своего отродья. Ревун и Душелов вроде бы попытались вмешаться, но эманация Кины отбросила их, как гуляка на пикнике отгоняет назойливых ос. Кажется, при этом досталось и Длиннотени. Однако, он все же ухитрился выдавить какое-то заклинание и сотворить вокруг себя оберегающий кокон.

Нарайян Сингх был распластан на полу. Жив ли он, я определить не мог.

Я направил Копченого к Госпоже. В сравнении со всем увиденным она должна была восприниматься им как благоухающий букет цветов. Мне пришлось потрудиться, чтобы, как и раньше, занять позицию напротив ее глаз. Она металась из стороны в сторону, понося идиотов, по собственной дурости умиравших в мучениях. Повсюду раздавались полные ужаса и боли крики.

Длиннотень колебался на грани между жизнью и смертью. В конце концов, заорал и я. Это подействовало.

Госпожа застыла.

Я уставился в прорези для глаз на забрале ее кошмарного черного шлема. Глаза полыхали огнем. Совершенно противоестественным огнем.

— Это снова ты, — прошептала она.

Я попытался кричать как можно громче.

— Твоя подружка Кина взгрела им всем задницы. Они сейчас еле трепыхаются. Лучшей возможности добраться до них у тебя не будет!

Слегка повернувшись. Госпожа уставилась на башню Длиннотени. Хрустальный купол светился слабо, как догоравшая лампа.

То, чего так страшился Длиннотень, еще могло свершиться. Едва ли она разобрала все мои слова, но главное уловила точно. Настало время нанести решающий удар.

68

На сей раз я вернулся в свою плоть полностью вымотанным. У меня едва хватило сил дотянуться до плошки с водой. Видимо, все мои внутренние ресурсы ушли на борьбу с Копченым.

За занавеской с кем-то разговаривал Костоправ. Голоса его собеседника я не знал и встревать в беседу не стал.

Речь шла о неожиданном ухудшении положения наших войск. Тени проходили Врата все в большем количестве. Теперь они появлялись повсюду, хотя и не в устрашающем числе.

Как я понял, то было донесение, доставленное Костоправу с позиций Старой дивизии у Вершины. Принесший его вестовой ни за что не хотел возвращаться в ночь, хотя Костоправ предложил ему один из амулетов Одноглазого.

— Тебе ничто не грозит,— уверял Костоправ.— Ни одна Тень тебя даже не заметит.

— Я не верю в...

— Не испытывай мое терпение, солдат. Хочешь, чтобы я вызвал стражу?

Копченый застонал. То был приглушенный, но глубокий горловой стон. Костоправ еще пуще разорался на вестового.

Земля содрогнулась, словно за соседней дверью кто-то уронил семитонный валун. С потолка дождем полилась грязь. Кое-что попало мне в плошку, кое-что затекло за шиворот. Но я был слишком измотан для того, чтобы удивиться или хотя бы задаться вопросом, в чем дело.

— Что это такое? — спросил Костоправ, отодвинув занавеску.

— Старый мошенник опять шумит.

— И от этого земля трясется?

Я пожал плечами.

— Не берусь судить. Зато я точно знаю, что Госпожа решила нанести еще один визит на Вершину.

Я вкратце изложил ему тамошние обстоятельства.

— Может, стоило бы оставить их там? Собрать в одном месте, и пусть разбираются друг с другом. Эта компания не может не передраться.

— В известном смысле, мы как раз этим и занимаемся. Уже пять лет. Что мне не нравится, так это намерение Госпожи снова сунуться в эту клоаку. Лучше бы ей повременить до утра. Если Вершина заражена Тенями, она может превратиться в смертельную ловушку.

— Лучше бы нам побеспокоиться о здоровьи Длиннотени,— заметил я.— Раз уж благополучие Врат зависит от его благополучия.

— В смысле?..

— За последние годы он совершил множество безумных поступков, главным образом потому, что им манипулировали Кина и Душелов. Но на Тенях он помешался сам лет за двадцать до того, как мы объявились в здешних краях. Он убежден, что они охотятся за ним. Может это и бред, но вдруг он прав? Что, если они и вправду до него доберутся? Мне невдомек, что именно происходит с человеком, когда нападает Тень, знаю только, что он умирает в муках. Так вот, ежели одна из них убьет Длиннотень, не сокрушит ли это Врата? Возможно, потому они и пытаются до него дорваться.

— Все возможно. Надо будет порасспросить Одноглазого.

— А кстати, где он, этот недомерок? Ему бы следовало торчать здесь, под рукой, а не играть в тонк.

— В тонк?

— Совсем недавно он пудил насчет того, что ему нужно вернуться в свою нору. Вроде бы он подбил каких-то сопляков на игру.

— Думаю, он просто морочил тебе башку, Мурген. Во всей армии не найдется остолопа, который сел бы играть с ним в карты. Скорее, он собрался залить глаза. Почему ты не присмотрелся и...

— Потому, что у меня сил не осталось. По этой причине я и хотел встретить Одноглазого.

Костоправ вздохнул и взялся за крылатый шлем Вдоводела с явным намерением нахлобучить его на башку,

— Что ему придется делать?

— Прежде всего, держать в поле зрения Госпожу и все происходящее в башне Длинотени. Правда, ему придется бороться с Копченым за каждый шаг. Этот сучий потрох приходит в себя и, по-моему, становится таким же паскудным дерьмом, каким был прежде. Он не хочет приближаться ни к... Впрочем, не это главное. Скажи, что, если ему потребуется срочно известить о чем-нибудь Госпожу, он может сделать это. Ежели зависнет прямо у нее перед носом и заорет что есть мочи. Отдельных слов она скорее всего не разберет, но суть сообщения уяснит.

Костоправ нахмурился — похоже, намерение Госпожи вернуться в крепость Хозяина Теней внушало ему немалое беспокойство.

— Ты как? — спросил он.— До своей дыры доберешься?

Подслащенная вода придала мне достаточно сил для того, чтобы наброситься на черствый хлеб и остатки костлявых кур, которым не удалось унести ноги от штабных поваров.

— Угу,— буркнул я, выплевывая косточку.— Сейчас отвалю. Жаль, что мы не пригнали с собой больше скота. За кусок хорошей говядины я готов перерезать глотку кому угодно.

— Одноглазый должен был опутать всю эту территорию сетью чар, чтобы сделать ее недоступной для Теней. Но я хочу, чтобы ты захватил вот этот амулет. Так, на всякий случай.

И то сказать, не следует слишком уж полагаться на Одноглазого. Он порой бывает более чем небрежен. Может полениться выполнить, что ему велено, или просто забыть.

— Когда будешь возвращаться,— сказал Костоправ,— принеси сюда знамя. Тогда я смогу дать амулет кому-нибудь другому.

— Если хочешь, я по пути загляну в нору Одноглазого. Сейчас мне лучше.

— Не стоит, с ним я сам разберусь. Отдохни. А ежели ты ненароком стал богомольным, так помолись своим богам, чтобы они помогли нам пережить эту развеселую ночку.

— К счастью, до рассвета осталось не так уж много времени. Поутру Тени попрячутся, и мы снова станем хозяевами положения. Днем не Тени будут охотиться на солдат, а солдаты на них.

Пока мы разговаривали, снаружи донеслось несколько воплей. Уже собравшись уходить, я заметил:

— Тебе не кажется, что те дуралеи, которые не соблаговолили позаботиться о собственной безопасности, по большей части уже покойники?

— Полагаю, так оно и есть. А еще я полагаю, что Тени учатся на основе собственных успехов. И неудач.

Покачиваясь, я вышел в ночь. Небо было затянуто тучами. Я не видел ничего, кроме шальных огненных шаров и уцелевших светящихся куполов Вершины.

Я насторожился, силясь обнаружить присутствие ворон, сов, крыс, землероек или летучих мышей. И ничего не услышал. Никаких звуков, кроме производимых людьми. Тени охотились на все виды живых существ, видимо, находя их не менее вкусными, чем людей. Тем паче, что добывать животных было гораздо легче.

Начал поддувать ветерок. Я принюхался к воздуху, пригляделся к облакам и решил, что дело идет к дождю. После этого спустился в свою берлогу, где обнаружил сгорбившегося у костра Тай Дэя. Для нюень бао он был весьма бледен и явно до смерти напуган. Чудно. До сих пор я и представить себе не мог испуганного Тай Дэя.

— Здесь нам ничто не грозит, — сказал я ему. — Свеча отгонит любую Тень, даже если она каким-то образом преодолеет защитные чары Одноглазого.

О знамени я упоминать не стал. Такие вещи Тай Дэю знать не обязательно.

— А для подстраховки возьми вот это, — я бросил ему амулет, полученный от Костоправа. — Надень его, и можешь совершенно спокойно отправляться куда угодно.

— Пока не взойдет солнце, мне не будет угодно отправляться куда бы то ни было.

— Весьма здравая позиция, свидетельствующая о наличии у тебя некоторых проблесков рассудка... Ладно, я до крайности измотан и нуждаюсь в отдыхе. Просто с ног валюсь.

Я огляделся по сторонам.

— Слушай, а где твоя матушка?

Тай Дэй покачал головой.

— Не знаю. Понятия не имею, где ее искать.

— Надеюсь, она не с дядюшкой Доем? — ляпнул я, не подумав. Слишком уж много на меня навалилось.

А вот Тай Дэй, хоть и был напуган, мою обмолвку приметил. Он встрепенулся.

— С дядюшкой Доем?

Притворяться не имело смысла.

— С ним, с ним, а с кем же еще? Я прекрасно знаю, что он рыщет по окрестностям. Как-то ночью приметил его в развалинах. Вместе с матушкой Готой. Кто знает, что они там делали? Может быть, только ад. Уж во всяком случае я не поверю, что он занимался там мародерством.

Тай Дэй пристально посмотрел на меня, и на его лице появилось нечто, отдаленно походившее на улыбку. Правда, ненадолго.

— Хватит этой свечи на ночь? — спросил он. Страх делал его более словоохотливым, чем обычно.

— Хватит, и не на одну. Не беспокойся. Надень, для пущей уверенности, амулет и садись рядом со свечой. Только не трогай ее. Она должна отгораживать вход.

Тай Дэй хмыкнул. Амулет он уже нацепил, но спокойствия это ему не прибавило.

— Первым делом мы поищем твою мать, — заявил я. Чудно, но я, столько раз желавший ей провалиться в тартарары, испытывал немалое беспокойство. Потому как мне с самого детства вдолбили представление о том, что самый распоганый родич куда важнее самого расчудесного чужака. Возможно, в этом была некоторая доля истины. Кто прикроет твою спину, ежели не родня?

То же самое и в Отряде. Братья, пусть даже никчемные и не вызывающие симпатии, значили для меня несравненно больше любого человека со стороны. Иначе и быть не могло. В известном смысле все мы представляли собой большую семью. Ту еще семейку, но уж какая есть. Конечно, и в Отряде попадались такие гады, что их следовало давить не раздумывая, но такое случалось крайне редко. К тому же не зря говорят — в семье не без урода.

Так или иначе, я твердо вознамерился отыскать свою тещу, хотя всегда предпочитал держаться от нее как можно дальше. Едва успев прилечь, я провалился в сон.

69

Сон был полон сновидений. Что и не удивительно. В последнее время большую часть жизни — и отсыпаясь, и бодрствуя — я проводил в мире сновидений.

Первым делом меня занесло в долину смерти. Она выглядела так, будто подверглась воздействию какой-то могучей и беспокойной силы. Разбросанные кости перемещались с места на место, словно не валялись на земле, а колыхались на поверхности моря. Из разрозненных костей сами собою собирались целые скелеты. Они поднимались, бесцельно блуждали несколько секунд или минут, после чего рассыпались снова. Куда бы я ни направился, черепа поворачивались вослед и таращились на меня пустыми глазницами. Вороны пьяно каркали с ветвей редких, искореженных деревьев. Взлетать они боялись, а тех, которые все же пробовали, невидимая сила увлекала вниз. Они падали и бились среди костей, как угодившие в паутину мухи. Свинцовое небо быстро затягивали темные тучи. Яростные порывы ледяного ветра со стуком переворачивали кости.

Запах Кины был силен, но самой ее я не видел. Однако чувствовал за спиной какое-то постороннее присутствие. Чувствовал, но не мог обернуться достаточно быстро, чтобы выяснить, в чем дело.

Быстро не быстро, но обернуться мне удалось. Поняв, что до известной степени обстановка мне подконтрольна, я мысленно по-

желал убраться с равнины. Что и произошло, хотя легче мне от этого, само собою, не стало.

Я оказался в ледяных пещерах с замороженными стариками. Старцы не издавали ни звука — но, тем не менее, каким-то образом переговаривались. Ветер нес с собой что-то странное. Запах Кины был силен и в пещерах, но богиня не появлялась. Некоторые старцы открывали глаза и провожали меня взглядами. И снова я ощутил сзади чье-то присутствие, но, обернувшись, никого не увидел. Худо-бедно, но я действовал по собственному усмотрению. После долгого пути по тоннелю мне удалось добраться до места, где на анналоях покоились книги Мертвых. Первая, та, которую переписывала Дщерь Ночи, была открыта близ самого начала. Здесь запах Кины ощущался с особой силой. Мне не было никакого резона оставаться в этом месте, и я попытался припомнить, как убрался отсюда в прошлый раз. Кажется, просто этого захотел.

Пришла тьма.

Мне невольно вспомнились слова Нарайяна Сингха — «Тьма приходит всегда».

На сей раз она пришла надолго. Настолько, что во мне начал зарождаться страх. Я задумался над тем, насколько же прав Нарайян Сингх. Тьма может существовать под тысячью имен, в тысяче времен и исходить из тысячи направлений, но, так или иначе, она действительно приходит всегда.

Когда наконец появился свет, я обнаружил себя высоко в небе. Гораздо выше облаков, которые начинали затягивать небосвод, когда я направлялся к своей постели. Под куполом звездного неба. Запомнив как ориентир походившее на кинжал звездное скопление на севере, я со всей доступной скоростью нырнул под облака. И в считанные секунды оказался над кронами деревьев: макушки скребли бы меня по пузу, будь у меня здесь хотя бы некое подобие тела. Возможно, мне удалось бы научиться получать удовольствие от подобных прогулок, но мешало навязчивое ощущение постороннего присутствия за спиной.

Внизу царил мрак. Весь мир источал страх, словно и животные, и деревья, и даже скалы замерли в ожидании чего-то ужасного. Я отыскал деревеньку: несмотря на поздний час, там никто не спал. Люди прятались по домам, сбившись в плотные кучки. Матери крепко прижимали к груди младенцев. Домашний скот находился в тех же помещениях, что и люди. Разговоров почти не было, слышался лишь детский плач.

Откуда они узнали о случившемся на Вершине? Возможно, какие-то колдуны напророчили им, что сегодня ночью падут Врата Теней? Или были явлены знаки? Предзнаменования, которых я не увидел? Впрочем, почему я решил, будто им что-то известно? Их страх мог не иметь никакого отношения ни к Хозяину Теней, ни к Черному Отряду.

Я устремился вперед, туда, где вдали поблескивали случайные огни. Должно быть, огни домашних очагов.

Борьба с Тенями еще не завершилась. Ночь была на удивление долгой. Но Врата Теней не рухнули. Пока еще не рухнули. Длинноте-нь оставался в живых.

Припомнив, что без Копченого я в состоянии приблизиться к любой из тех женщин, которых он с завидным упорством именует самой тьмой, я направился к то вспыхивавшему, то гаснувшему поврежденному куполу Длинноте-ни.

Душелов выглядела неважно, но уже поднялась на ноги и теперь пыталась привести в чувства Ревуна, едва ли осознававшего, где он и что с ним.

— Давай пошевеливайся, никчемный мешок тряпья,— кричала она визгливым голосом торговки с рыбного рынка.— Нам нужно убираться отсюда, да поскорее. Пока моя ненаглядная сестрица не сообразила, какую прекрасную возможность она упускает!

Я знал, что благодаря моему предупреждению «ненаглядная сестрица» уже направлялась сюда, и удивлялся лишь тому, отчего она добирается так долго. По-видимому, события последнего часа добавили ей осторожности. Что представлялось не лишним, если принять во внимание необходимость ползти по длинному, тесному тоннелю, а потом блуждать по запутанному лабиринту темных коридоров, где за каждым углом может таиться готовая броситься на спину невидимая смерть.

Ревун издал крик, нечленораздельный, но имевший вопросительную интонацию. Он еще не понимал, где находится, и полностью сосредоточился на попытках заставить повиноваться собственные ноги.

Ловцу тоже приходилось заботиться о своей спине. Она произнесла какое-то заклятие и сотворила ярко светящегося червячка, который облазил все закоулки в перевернутой вверх дном палате. Он вспугнул несколько крошечных Теней, но не смог их уничтожить.

Они оказались куда ловчее и с легкостью ускользнули от сгустка света.

Душелов выругалась. Тени метнулись к Длинноте-ни. Он пребывал едва ли не в худшем состоянии, чем Ревун, но зато в Тенях понимал больше всех остальных. Он промямлил какое-то заклинание, и маленькие Тени вновь устремились к его врагам. Похоже, пока Длинноте-нь жив, борьбе не будет конца. Чего-чего, а упорства этому дерьму не занимать. Душелов влепила Ревуну затрещину. И снова заверещала голосом рыбной торговки:

— Давай пошевеливайся! Иначе всем нам конец! Если мы не...— Она явно уловила приближающуюся угрозу. Госпожа приближалась.— Она идет! — воскликнула Душелов совсем другим голосом — голосом испуганного ребенка: — Но как она смеет? У нее не может быть силы! Так не бывает!

Госпожа уже поднималась по лестнице. И, похоже, ничуть не боялась встречи с сестрицей.

Она несла связку коротких бамбуковых шестов. Такую же, как и у каждого из дюжины сопровождавших ее людей. Замыкающие этого маленького отряда пятились, держа шесты наготове, чтобы отразить возможное нападение сзади. Запах страха перебивал «аромат» Кины. Душелов влепила Ревуну еще несколько оплеух, но без особого успеха.

Он держался так, словно был мертвецки пьян. Резко повернувшись к выходу, Ловец произнесла короткое, но, видимо, весьма действенное заклятье и, наложив на дверь чары, вновь занялась Ревуном.

Маленькие Тени снова попрятались по щелям, Дверь начала светиться. По ее внутренней стороне пробегали цветные блики, соответствующие цвету шаров, ударявших снаружи. Душелов выхватила нож и разрезала на Ревуне одежду. Я не понимал зачем, покуда она, порывшись в неопрятных лохмотьях, не достала то, что искала. Лоскут шелка — в развернутом виде четыре фута на шесть — и маленькую связку прутьев.

Стоило ей произнести некое слово, как шелковый прямоугольник распрямился и поднялся с пола, закачавшись в воздухе, словно на колышущейся поверхности пруда. Из связки прутьев она быстро соорудила каркас. Работая, Душелов беспрерывно что-то бормотала: то ли заклятие, то ли проклятие.

Сооружение представлялось весьма непрочным, однако, когда Душелов сграбастала девочку и взобралась на ковер, он, хотя и провис, выдержал их вес.

Тут, наконец, очухался и Ревун. Брызжа слюной и дергаясь как припадочный, он нетвердым шагом направился к украденному у него средству передвижения. Интересно, подумал я, что еще припрятано у этого дерьма в рукаве. Наверняка, эта хреновина не последняя. Однажды сукин сын на полной скорости врезался в Башню, что в Чарах. Все считали его погибшим — мудрено выжить, навернувшись с такой высоты, но у него и на сей случай нашелся припасенный кусочек шелка.

Затем Душелов совершила нечто невероятное. Большую часть купола поглотил шар ослепительно-белого света. Вспышка была столь яркой, что высветила все до единой крадущиеся в ночи Тени, но одновременно ослепила половину пытавшихся их истребить людей. Когда свет истаял, третья часть купола исчезла. На этом месте зияла дыра. Схватив Ревуна за волосы, Душелов затащила его на ковер и, произнеся несколько слов, привела шелковый прямоугольник в движение.

Он взлетел, но, едва оказавшись за гребнем стены, начал снижаться. По направлению к скалам, туда, где охотились за всем живым и друг за другом злобные и беспощадные Тени. Душелову это отнюдь не нравилось, но ковер был перегружен. Коротышка

смастрячил его для себя — на случай, ежели припечет, — а вовсе не для того, чтобы катать кого ни попадя.

Запах Кины усилился. Похоже, богиня возвращалась, и возвращалась в ярости.

Ей не нравилось, что похищали ее дочь.

Деточка оставалась внутри яйца: судя по тому, как Душелов затаскивала его на ковер, поверхность его была гладкой и скользкой. Дщерь Ночи не открывала глаз, лицо ее выглядело безмятежным, как и всякий раз во время общения с Киной.

Когда Госпожа и ее парни вломились в палату, Нарайян Сингх и Длиннотень стонали и корчились на полу. Выпущенные огненные шары мигом уничтожили прятавшиеся по углам Тени. В следующий момент поток тех же шаров полетел вдогонку Душелову и ее спутникам. В цель не угодил ни один, но наши солдаты внизу сообразили: в небе что-то летит. А летать могли только враги.

Между тем, гнев Кины уже переливал через край. В мире духов назревала страшная буря. Трупный запах стал просачиваться в реальный мир, да так, что у людей выворачивало желудки. Черные тучи скрыли последние проблески света. Земля содрогнулась.

Трон содрогается и крепится на одну тысячную часть дюйма. Стонет корчащаяся в муках фигура. Трепещут невидящие глаза. Каркает ворона.

Птица забыла, что не может позволить себе покоя. Когти ее коснулись головы спящего. Но, еще не сложив крылья, она начинает кричать — не каркать, а истошно кричать. Маленькие Тени настигли ее и теперь упиваются ее жизненной силой.

Земля дрожит. С тишиной покончено. Камень треснул и продолжает крошиться. Все ярче разгорается свет в бездне. Легкие, пастельных тонов клубы тумана тянутся вверх, как щупальца морского анемона. Есть свет. И цвет. И своего рода жизнь.

И есть смерть. Издав последний крик, умирает ворона.

Смерть найдет свой путь. Как и тьма.

Тьма приходит всегда.

70

Мне потребовалось время, чтобы сообразить: земля дрожит не в моем сне, а на самом деле. Произошло землетрясение огромной силы, под стать тому, что разрушило Кьяулун и большую часть Страны Теней, когда мы еще только выступили на юг. Мир духов переполняла паника, и исходила она от Кины. Ее запах приобрел совершенно новый оттенок. Что за ерунда? Где это слыхано, чтобы боги пугались?

Огненные шары продолжали прочерчивать ночь. Я наблюдал за тем, как Госпожа и ее люди подобрали с пола Длиннотень и

Нарайяна Сингха. Хотя оба врага казались беспомощными, наши проявляли величайшую осторожность. Кто-кто, а Госпожа прекрасно знала, насколько опасен каждый из них: ей довелось иметь дело и с тем и с другим.

Она хотела послать вдогонку своей сестре какое-нибудь вредоносное заклятие, но не успела. Твердыня задрожала, с раздолбанной башни посыпались осколки хрусталя и камня. Со свойственной ей сообразительностью Госпожа решила, что пришло время выбраться наружу, где вероятность получить по голове камнем будет гораздо ниже. Я, в свою очередь, решил, что не помешает вернуться и поговорить с Костоправом. И лишь потом вспомнил, что без Копченого это не так-то просто. Я не мог заставить себя пробудиться.

Я, коли не мог, то счел за благо проследить за Душеловом и ее спутниками. Было бы небесполезно узнать, где прячется эта сука, прежде чем она вновь пропадет из виду, напустив вокруг себя мороку. Покидая башню и устремляясь в пропасть ночи, я услышал скулеж Копченого. Наверное, мне это просто почудилось. Я слишком привык к компании маленького поганца.

Запах Кины то крепчал, то почти рассеивался, словно богиня охотилась вслепую. Но ее гнев не ослабевал ни на миг.

Душелову удалось-таки растормошить Ревуна настолько, чтобы он приложил руку к управлению ковром. Но, как только колдун пришел в себя, они начали препираться. И по-видимому, слишком громко: огненные шары замелькали гораздо ближе.

Эти штуковины представляли собой не простые сгустки огня и обладали способностью причинять ущерб не только физическим телам. В чем я убедился, поддавшись детскому искушению и позволив одному из этих снарядов пролететь там, где, будь я во плоти, находилось бы мое тело.

Боль была ужасающей. Наверное нечто подобное испытывали при столкновении с шарами Тени. Правда, я не истаял, как Тень, но скорость движения шара упала: настолько, что я заметил это даже мучимый болью. Повторить этот идиотский трюк меня не упросишь ни за какие коврижки. Пока я ставил дурацкие опыты с огненными шарами, Ловец с Ревуном едва не ускользнули. Но вопли Ревуна растревожили слишком многих. Вдогонку ковру стреляли, и я полетел по горячему следу. Душелов направлялась к тому самому каньону, где отсиживалась всю зиму, но мне не верилось, что она останется там надолго. Мы знали, где ее берлога.

Я догнал их и, наверное, подобрался слишком близко. Так или иначе, Душелов каким-то образом почувствовала, что за ней наблюдают. Остановив ковер, она огляделась по сторонам. Даже в темноте я ощущал ее злобный, ищущий взгляд.

— Ревун? — рявкнула она.— Ты не чувствуешь ничего странного?

Обратившись к Ревуну, она дала маху. Потому что это побудило кудесника лишний раз открыть рот. А открывши рот, он выдал такой вопль, что переполошил всю округу.

Ковер завис над кучкой беглецов из войска Прабриндраха Драха. Эти ребята очень нервничали. Их огненные шары высветили ковер, и по нему начали стрелять все подряд. Ревун еще не кончил вопить, когда один из шаров угодил ему прямо в разинутую пасть. Он снова взвыл. И утратил концентрацию.

Ковер заскользил к земле. Душелов, матерясь голосом придурковатого старика, с трудом выровняла его. Огненный шар пролетел над ее головой, опалив роскошные волосы цвета воронова крыла. Она открыла рот, желая ответить обидчику каким-нибудь смертоносным заклинанием... Ковер начал падать. Взревев от досады, Душелов подняла обутую в сапог ногу и спихнула Ревуна с ковра. Тот взвыл и полетел вниз. Ковер прекратил падение. Ловец скороговоркой произнесла несколько заклятий и восстановила управление. Но ребята на земле стрелять не прекратили. Огненный шар прожег ковер между Душеловом и Дщерью Ночи. По всей видимости, Кина не могла дотянуться до Ловца в нашем мире, однако пребывала в курсе всего происходящего. В мире духов безумствовал водоворот ярости. Его отголоски просачивались сквозь грань между мирами. Прямо из воздуха материализовалось некое подобие многорукого идола. Оно так и не смогло обрести плоть, но зато нагнало такого страху на остатки таглиосских лоялистов, что они бросились бежать кто куда, не разбирая дороги. Ревун с воем несся к земле. Казалось бы, тут-то ему и крышка, однако этому дерьму почему-то всегда везло. Повезло и на сей раз. Во-первых, он угодил прямо в густую крону какого-то вечнозеленого растения. Надо полагать, ветки изрядно поранили его потроха, но зато замедлили падение. А пролетев сквозь крону, везучий сукин сын врезался не в какой-нибудь валун, а в горный склон, покрытый еще не растаявшим снегом. Снежный покров был таким глубоким, что поганец утонул в нем с головой.

У меня не было и тени сомнения в том, что рано или поздно он вылезет наружу, приплясывая, как дервиш перед завтраком. Испытывая неодолимое желание продемонстрировать Душелову всю силу своей любви и благодарности.

Несколько минут я летал кругами, запоминая место падения. Ревун не показывался, видать, шмякнулся основательно. Я рассудил, что мне не мешало бы проснуться. Возможность сцапать первостатейного колдуна или навсегда избавиться от этой головной боли выпадает лишь один раз в жизни.

Подозреваю, что Костоправ предпочел бы последнее. За годы вражды он отнюдь не проникся к Ревуну симпатией.

Кажется, я упоминал о необычайном везении Ревуна? Удача не изменила ему и на сей раз. Как я ни тужился, проснуться не удава-

лось. Видимо, мой дух не имел власти над телом, когда оно нуждалось в отдыхе. Мне не оставалось ничего другого, кроме как блуждать в мире духов в ожидании пробуждения.

Я вспомнил, как Душелов затянула меня туда, когда я даже не спал: каким образом и зачем — так и осталось тайной. Не исключено, что она могла проделать нечто подобное снова. Особенно, если я чем-то привлек ее внимание.

Можно было предположить, что вся эта история была для нее лишь игрой, позволяющей убить время, пока складываются фрагменты какого-то большого плана. А возможно, она экспериментировала. Или же имело место и то и другое. И нечто третье, гораздо большее. Наверняка мы знали одно: она воплощает в себе хаос, а потому ее побуждения и цели изменчивы и непонятны.

Так или иначе, мне следовало подсуетиться. Раз я не могу вернуться, надо хоть время потратить с пользой. Хорошенькое дело — шпионить во сне. Надо будет сказать Костоправу, чтобы удвоил мне жалованье. Князя я нашел довольно легко, поскольку он драпал прямо на север, никуда не сворачивая. С ним улепетывала целая орава его парней, и резвости им было не занимать.

Тени вились вокруг, как волки, преследующие опасную дичь. Борьба велась на бегу. Бамбуковых шестов у людей князя оставалось немного, но всякий раз, когда один из них начинал вопить, огненный шар убивал его прежде, чем успевали сделать свое черное дело Тени.

Не желая терять время попусту, я принялся искать Гоблина и Могабу. Но тщетно. Оставалось надеяться, что, когда станет светлее, мне повезет больше. Надо думать, дело уже шло к утру, однако из-за густых облаков было по-прежнему темно.

Я повернул назад, к Вершине. Повсюду бросались в глаза последствия землетрясения: оползни, вывороченные с корнями деревья, глубокие овраги, разрушенные дома. Заново отстроенный Клитом и его братьями мост снова, уже в который раз, рухнул. Некоторый ущерб был нанесен даже Вершине, правда, лишь на самом верху, где Длиннотень повздорил со своими приятелями, а потом вся компания перекалась с Киной.

Но затем я углядел здоровенный блок белого камня, вывалившийся из башни Длиннотени и упавший к подножию стены. За ним последовали другие. Мне показалось, что башня подрагивает, словно она не из камня, а из желатина. Похоже, дрожь после толчка так и не унялась. Если не стала еще сильнее.

Дерьмо! Неужто вся эта поганая крепость того и гляди раскатится по камушкам? Похоронив под собой Госпожу со всей ее командой? Но нет, это невозможно. Никакое землетрясение не способно разрушить Вершину. Цитадель слишком массивна. Строго говоря,

это скорее скала, чем строение. Почти монолит. Как может рухнуть утес?

Рабочие скамьи и таинственные устройства Длиннотени начали подрагивать и сдвигаться.

71

Струя белого огня выплеснулась в небо, вспоров брюхо низко висящих облаков. Даже в мире духов я мог слышать неистовый рев пламени. Хрусталь, оказавшийся на пути потока энергии, испарился, развеявшись голубоватым дымом. Дальше, в стороне, он таял и оплывал, словно свечной воск. Капли жидкого хрусталя падали вниз. Я увидел, как шар, словно грузило, шлепнулся в бадью с водой. С шипением поднялся пар. «Если уцелею, — решил я, — то непременно залезу на эту башню — если и она уцелеет, — и прихвачу сувенирчик».

Белое пламя превратилось в желтое, потом в красное, потом стало темнеть, но еще долго яростной струей извергалось в небеса. Хозяин Теней скрывал в этой башне несказанную мощь. В его разгромленной палате полыхало все, что только могло гореть. Несколько маленьких Теней метались взад и вперед. Казалось, несмотря на несчастье, им не хотелось покидать это место. Может, они были приручены и привыкли к дому?

Упали первые капли дождя. Поток энергии к тому времени сделался невидимым, но, сталкиваясь с ним, вода испарялась, и теперь над башней поднимался столб пара.

Я решил спуститься в недра твердыни и попробовать найти Госпожу. Похоже, подобное желание зародилось и у одной из Теней. Она заскользила вниз, по следу Госпожи, ее отряда и пленников. Вспомнив о них, я невольно задумался о будущем Длиннотени и Нарайяна Сингха. Перспективы последнего представлялись мне особенно мрачными. А потом последовал за Тенью. Без особой охоты — просто понимал, что это необходимо. Вдруг эта хреновина предана своему господину и попытается помочь ему вырваться на свободу? Я внутренне хихикнул, представив себе Длиннотень в качестве перепуганного, беспомощного пленника.

У меня не было и капли сочувствия к этому малому.

Ощутить присутствие Госпожи мне не удавалось. Как не удавалось и двигаться по прямой. Я по-прежнему не мог проходить сквозь стены. А следовательно, испытывал те же ограничения, что и Тени. Означало ли это, что я могу двигаться так же, как и они? А они, как я? Это внушало беспокойство.

В недрах цитадели царили непроглядный мрак и гробовая тишина. Я понял, что Госпожу мне быстро не отыскать, и решил оставить эту затею. Темнота и замкнутое пространство не внушали мне бодрости ни во сне, ни наяву.

Я развернулся, полагая, что сумею найти дорогу назад. И столкнулся с Тенью, лицом к лицу.

Света не было. Кроме света кузнечного горна, на котором палач раскалял свои инструменты. Багровые искры высвечивали сморщенное, дубленое, бронзовое лицо перепуганного маленького человека. Хотевшего стать солдатом, но не ставшего им, поскольку он считал себя обязанным служить своим богам в том качестве, в котором он им потребуется. Как все его соплеменники (и их враги тоже), он считал своих богов самыми сильными и свято верил в их конечное торжество.

Кошмарное видение длилось не более двух секунд и было наполнено информацией столь чуждой, что я не мог толком ее осмыслить. Действительно ли встреченная мною Тень имела какое-то отношение к человеку, захваченному в плен в ходе некой религиозной войны и замученному до смерти? Никто из приверженцев здешних вероучений не поступал таким образом. Даже Обманщики, хотя в прежние времена они подвергали своих пленников пыткам в Роковом перелеске во дни Фестиваля Огней.

Так или иначе, встреча с Тенью не доставила мне особых хлопот. Поскольку я гулял в мире духов. Будь я во плоти, она могла бы закончиться фатально.

Это происшествие оставило меня в некоторой растерянности. В конце концов, я выплыл к остаткам палаты Длинотени. Она уже остыла. Огонь угас. Но тьма уже рассеивалась. Свет пробивался сквозь густую толщу облаков. Наступило долгожданное утро.

В тот самый момент, когда я осознал, что ночная битва близится к концу, близ Врат Теней в последний раз вспыхнули огненные шары. А затем весь мир затих. Несколько минут на всем обозримом пространстве никто никого не убивал. Я бросил взгляд на юг и решил, что, уж коли со мной нет вечно упрямящегося Копченого, не помешает наведаться туда. Тени меня не тревожили. Хотя бы потому, что, независимо от размера и свирепости, все они, словно крысы, шныряли у самой земли, стараясь забиться в какое-нибудь укрытие. Тогда как я мог лететь. И полетел. К югу. Но тут что-то случилось.

Земля снова содрогнулась.

Всего в дюжине футов от меня в Вершину угодила молния. Меня разбудил Тай Дэй.

Так и получилось, что я направлялся на юг, но что-то схватило меня за шкирку и потащило к северу, как подхваченный ветром листок.

— Дай поспать, — буркнул я руке, посягавшей на мой покой. — Я устал, как собака. Всю ночь работал без продыху.

Что было правдой. Я действительно работал всю ночь. И устал как собака. Больше всего мне хотелось перевернуться на другой бок и поспать часиков этак восемь.

Почему-то у меня были мокрые ноги.

— Ты должен встать, — сказал Тай Дэй.

— Не хочется с этим соглашаться. Но ты прав. Надо вставать, — пробормотал я, приподнявшись на локте.

Сверху потоком лилась вода, превращая земляной пол в грязь.

— Какого черта? — воскликнул я, приложившись башкой о бревно.

Потолок над головой наполовину обрушился, дальняя стена обвалилась. Видеть я мог лишь благодаря свету принесенной Тай Дэем свечи, которая отгоняла Тени.

— Что случилось?

— Землетрясение.

Вот те на! Витая в мире духов, я и думать забыл о том, что катастрофа может затронуть мое бренное тело.

К тому времени, когда мне удалось ощутить под собой колени, я понял, что Тай Дэю пришлось изрядно потрудиться, чтобы до меня добраться. Большая часть нашей норы обвалилась.

— Матушка Гота? — спросил я, непроизвольно использовав нюень бао.

— Не знаю, — отозвался он на том же языке. — Она так и не вернулась домой.

В голосе его звучала необычная нервозность, страшное напряжение давало о себе знать. Такое случалось — раз в несколько лет ледяное спокойствие изменяло ему. На пару минут.

— Как ты до меня добрался?

— Через дыру. Там, где провалилась крыша.

Хлюпая по мокрому полу, я пошел взглянуть на эту дыру. Сквозь нее просвечивало серое, безобразное небо. По-прежнему моросил дождь. Может, Тай Дэй и залез в эту мышиную нору, но мне такое явно не светило. Ведь я вдвое выше его ростом, не говоря уж о комплекции.

— Боюсь, мне придется посидеть здесь месяц-другой, прежде чем я смогу вылезти наружу. Слишком уж я отожрался после Деджагора. Тогда мы все походили на ходячие скелеты.

Кстати, а не связаны ли с этим некоторые мои сны?

— Подержи свечу. Я поднимусь и расширю отверстие.

Конечно, он же мой телохранитель. Кажется, за все время ему впервые выпала возможность спасти мою задницу от злобного намерения промокшей крыши всенепременно ее расплющить.

Он подтянулся к отверстию. Повертелся. Поерзал. И свалился вниз.

— Тебе придется меня пропихнуть.

— Э, да ты, я смотрю, тоже отъелся, пока мы валяли здесь дурака. Ну давай.

Я отставил в сторону свечу. С превеликой осторожностью, поскольку мне вовсе не улыбалось остаться в этой паршивой могиле без света. Потом я ухватил Тай Дэя за ноги и принялся проталки-

вать его в отверстие. Видимо, края дыры были достаточно мокрыми и скользкими, так что в итоге мои труды увенчались успехом. Я представил себе, как земля порождает маленького, безобразного человечка, словно глиняного демона из гуннитских преданий, и невольно хихикнул.

Сверху донеслись голоса. Что-то загородило грязноватый свет.

— Эй, лежебока,— послышался голос Костоправа,— ты как, еще дышишь?

— Со мной все в порядке. Я как раз подумывал о том, чтобы вздремнуть.

— А почему бы и нет? Дрыхни, пока мы будем тебя откапывать.

— Ладно. Все будет хорошо. Покуда хватит свечи.

Я глянул на нее. Нет, здесь подвоха опасаться не приходилось. Эта штуковина была рассчитана надолго.

Затем я подумал о Тай Дэе. Что побудило его спуститься ко мне туда, где вполне могли таиться Тени? Как все-таки сложен и непонятен его внутренний мир. А может, я просто сентиментальный дурак или так ничего и не понял насчет этих нюень бао? Ведь у меня до сих пор не сформировалось четкого отношения к Тай Дэю. Поскольку в разных обстоятельствах он вел себя совершенно по-разному. С одной стороны, он полагал, что имеет передо мною долг, столь великий, что готов был оберегать меня до конца своих дней. Возможно, он отдал бы за меня жизнь, а то и душу. Но в то же время Тай Дэй не считал зазорным обмануть чужеземца, навлекшего позор на его семью. И уж конечно он не расскажет Воину Тьмы ничего, что могло бы пролить свет на отношение его соплеменников к Черному Отряду.

Впрочем, что там говорить о Тай Дэе. Если подумать, то же самое относилось и к моей ненаглядной Сари. Она всегда очень умело переводила разговор на другую тему.

Я крикнул что-то в дыру, но никто мне не ответил. Ну и хрен с ними. Я устал настолько, что мог заснуть даже в грязи. Что и сделал.

72

Проснулся я лишь тогда, когда раскопавшие мою нору пленники из числа солдат князя подняли меня с земли. Масло и Ведьмак, ребята из Старой команды, которых я не видел с самого Чарандапраша, уставились на меня.

— Ты только посмотри,— сказал Масло,— что за рожа. Слышал я, что тут водятся какие-то подземные твари, вроде кротов...

— Ага,— подхватил Ведьмак,— только этот гаже. Раз уж дождик кончился, взял бы ты, Масло, ведро да окатил его. Авось не так вонять будет.

— Комики,— пробормотал я.— С такими хреновыми шуточками вас не примут и в самый задрипанный балаган.

— Надо же,— заметил Ведьмак.— Кажется, он чувствует себя лучше, чем когда мы виделись в прошлый раз. И дырок в нем, вроде бы, не понаделали.

— Вы-то как, ребята? Мы ведь тут ни хрена ни о ком не знаем.

Ведьмак нахмурился.

— Как-как? То так, то сяк,— ответил Масло.— Ничего особенного.

Сколько я знал этих парней, с первой же нашей встречи, они постоянно залечивали свои раны. Этим-то они и были известны всем и каждому, являя собой живую легенду Отряда. Считалось, что и того и другого можно только ранить, но не убить, а пока живы они, будет жить и Черный Отряд.

— Нас послали с кучей донесений для Старика,— сказал Ведьмак,— и кое-какими материалами для тебя. По спискам имен.

— О! — только и сказал я. Мы с Костоправом всегда старались заносить в Анналы имена наших погибших братьев. И многие ребята крепко на это рассчитывали. Ведь, когда они погибали, строка в Анналах оставалась единственным свидетельством того, что некогда они жили. В чем заключалось своего рода бессмертие.

— Уйма имен,— продолжал Ведьмак.— Сотни. Прошлая ночь оказалась для Старой дивизии не лучшей.

— Ты хоть записать-то сможешь? — поинтересовался Масло.— Есть куда, а то, я смотрю, всю твою нору завалило?

— Это точно. Но об Анналах я позаботился лучше, чем о себе. Все бумаги сложены в особой каморке — с бревенчатым потолком, стенами и дренажем, на случай затопления. Так, на всякий случай. Но неужто и вправду сотни имен? И есть такие, которые я знаю?

— Они все на листе.

— Придется занести их в том, над которым я сейчас работаю. На последние страницы.

Если погибших сотни, то большая часть из них наверняка недавние рекруты, с которыми я не знаком. Их следовало отметить как выбывших в ведомости на выдачу жалованья, но ко мне это не имело отношения. Материализовался Тай Дэй. До этого я не замечал его отсутствия.

— С моей матерью все в порядке,— сказал он, почему-то без особой бодрости в голосе.

— Хм?

— Ее нашли в землянке волшебника, откопали вместе с ним. Поэтому они и поспели к тебе так поздно. Твой капитан знал, что с тобой ничего страшного не случилось, но понятия не имел, жив ли волшебник.

Я понял, что он имел в виду Одноглазого. Ясное дело, если уж это землетрясение нанесло такой урон нашему дому, к обустройству которого мы с Тай Дэем приложили столько усилий, то уж нора Одноглазого наверняка превратилась в лужу с дождевой водой.

— Она что, была там с Одноглазым? В его норе?

Тай Дэй потупился и едва слышно — видимо потому, что неподалеку находились и другие нюень бао,— сознался:

— Они оба были мертвецки пьяны. Лежали без памяти в луже собственной блевотины. Даже не знали, что провалилась крыша,— пока спасатели не выволокли их наружу.

— Ты уж меня прости,— задыхаясь от смеха, побормотал я,— но это более чем забавно.— Стоило мне представить эту развеселую парочку, как все тревоги и страхи минувшей ночи забылись.

Масло и Ведьмак, тоже скрывая ухмылки, делали вид, будто разглядывают южный склон.

На меня накатил очередной приступ смеха. Я сообразил, что еще до завтрака весть о похождениях нашего бравого колдунишки разнесется по всей армии — или тому, что от нее осталось,— причем, прежде чем достигнет отдаленных аванпостов, она обрастет такими преувеличениями, что вся история приобретет воистину эпический размах.

Склон, на котором располагались штабные землянки, превратился в тридцать акров покрытой оспинами земли. Пленники ковырялись лопатами в дюжине разных мест. Не уцелело почти ни одной норы. Среди тех, кто руководил спасательными командами, я приметил знакомые лица.

— Ага. Стало быть, она не осталась там...

— Что? — спросил Тай Дэй.

— Ничего. Просто мысли вслух.

А вот и она, легка на помине. Вылезла из бункера Старика. К слову, совершенно целехонького. Костоправ выбрался следом за ней. И он и она выглядели чертовски усталыми. Но довольными. Я проворчал что-то невразумительное. Между мной и моей женой лежала половина мира.

Костоправ неторопливо подошел ко мне.

— Пора принимать ежегодный душ, Мурген.

— Чем и занимаюсь. Вот постою под дождем часок-другой...

Госпожа вперила в меня буравящий взгляд. Ей хотелось бы допросить меня, но этого нельзя было делать здесь и сейчас — на глазах стольких людей, которым едва ли следовало слышать мои ответы. Хотя бы потому, что многие из них сами толком не знали, на чьей они стороне.

— Каковы наши потери? — спросил я.

Костоправ поежился, словно дождевая вода попала ему за шиворот

— Пока не знаю. У Госпожи две тысячи человек числятся пропавшими без вести. Потому что о них нет никаких вестей.

— Вести-то будут — сказала подошедшая Госпожа,— но, боюсь, невеселые. Думаю, в большинстве своем эти люди мертвы.

— Масло с Ведьмаком говорят, что Старая дивизия понесла большой урон.

Костоправ кивнул.

— Они принесли список павших. Он гораздо длиннее, чем я думал. Насчет всех остальных достоверных сведений нет. Новая дивизия до сих пор дезорганизована, а люди князя и вовсе разбежались кто куда. Слушай, может, ты хочешь сказать мне что-нибудь с глазу на глаз. Судя по твоей физиономии, тебе есть о чем поговорить.

— Это точно, — согласился я, приметив дымок, поднимавшийся из грубого дымохода над обиталищем Костоправа. Мне хотелось погреться, а уж что ему наплести, я всегда найду.

Спустившись вниз, я устроился у огонька, не испытывая ни угрызений совести, ни сочувствия к ребятам, оставшимся мокнуть под дождем. Следом за нами спустилась Госпожа. Вид у нее был самодовольный.

— Можешь ты указать, куда он свалился? — спросила Госпожа, указывая на одну из карт Костоправа. Она имела в виду Ревуна. — Если он здорово ушибся, у нас еще остается шанс сцапать его.

— Что такое? — рявкнул Старик, когда я принялся мямлить.

— Э... — сказал я. — Ты никогда не перестанешь напрашиваться на неприятности, верно?

Госпожа не превратила меня в жабу или в одну из тех, похожих на кротов тварей, о которых упоминал Масло. Сегодня, в отличие от прошлой ночи, она пребывала в прекрасном настроении.

Копченый застонал, чем испугал меня, хотя это был его второй стон с того момента, как я спустился к Костоправу. Повернувшись в его сторону, я увидел, что отгораживающая альков занавеска отдернута. Рядом с коматозным кудесником лежали Длиннотень и Нарайян Сингх. Мне трудно было понять, как Госпожа и Старик могут заниматься чем-то другим, когда в нескольких футах от них валяются эти гады. Но, надо полагать, они знали, что делали.

Меня несколько удивил и тот факт, что Госпожа передала захваченных ею пленников Старику. Пусть даже он был ее возлюбленным. Власть над Длиннотенью сулила возможность обрести неслыханное могущество. А Сингх... у Госпожи были с ним свои счеты. Как, впрочем, и у капитана. Возможно, они решили определить его судьбу на семейном совете. Госпожа задала меньше вопросов, чем я ожидал, и интересовалась в основном возможностями Копченого и их границами.

О новообретенной способности путешествовать в мире духов без Копченого я не обмолвился ни словом, да она об этом и не расспрашивала. Но от Костоправа не укрылось, что я знал о судьбе Ревуна, несмотря на то, что в момент, когда бывший Взятый получил от Душелова пинка, меня рядом с Копченым не было.

— Пошлю туда Ножа, — решила Госпожа. — Он человек уравновешенный. Сумеет обделать дело так, что и сам не погибнет, и Ревуна не убьет.

Мне очень хотелось спросить, каким образом Лебедь и Нож ухитрились вернуть себе ее расположение, но как-то раз она уже дала мне понять, что мне не следует совать нос не в свое дело.

Она ушла, чтобы отдать распоряжения Ножу.

— Где знамя? — спросил Костоправ, пока ее не было.

— Погребено в моей норе.

— Хм. А как насчет Анналов и набросков к ним?

— Все там. Но не бойся, они не должны пострадать. Правда, если случится новое землетрясение или зачастят ливни... тогда не знаю.

— Мы займемся этим, как только откопаем всех наших людей.

— Как получилось, что она приволокла сюда Сингха и Хозяина Теней? — Костоправ меня понял.

— Все дело в том, что я лекарь. А жизнь обоих этих гадов висела на волоске. Возможно, будь у нее под рукой другой хирург, которому бы она доверяла...

Старик не закончил фразу. Потому что сам не мог полностью довериться своей подруге, во всяком случае, когда затрагивались ее амбиции.

— Вероятно, она вовсе не рисковала так, как ты думал. Кажется, прошлой ночью я кое в чем разобрался.

— Ты о чем?

— О ее отношениях с Кипой — откуда они взялись, что собой представляют, и все такое... Похоже, я сообразил.

— Выходит, когда ты там играешь в привидение, у тебя находится время пораскинуть мозгами?

— Иногда бывает.

— Ну так расскажи мне о моей милашке и Кипе.

— Начну с того, что она чертовски умна.

— О да,— подтвердил он, загадочно улыбнувшись.

— Не говоря уж о том, что у нее чертовски сильная воля.

— Может, ты все-таки кончишь тянуть кота за хвост?

— Ладно. Думаю, дело было так. Давным-давно, еще до того, как мы добрались до Джии-Зле,— здесь она ощутила некоторые признаки того, что магические способности возвращаются, и сообразила, что некая могучая сила желает ее использовать. А сообразив, позволила этому желанию осуществиться. Да так ловко, что у источника этой силы сложилось впечатление, будто у него появилась рабыня, тогда как на самом деле он, скорее, подцепил паразита.

В глазах Костоправа светилось множество вопросов, но он оставил их при себе, а мне бросил лишь одно:

— Продолжай.

— Думаю, это самое точное определение. Богиня использовала Госпожу в своих целях, но та, в свою очередь, присосалась к ней как пиявка и стала отсасывать магическую энергию. Думаю, она внедрилась так глубоко, что Кипа уже не может избавиться от нее, во всяком случае, не повредив себе. Возможно, Госпожа в той или иной

степени может воздействовать на богиню. Прошлой ночью, когда девочка столкнулась с прямой угрозой, Кина была вне себя. Но, попытавшись помочь Дщери Ночи, она только устроила тарарам, а толку так и не добилась.

— И ты думаешь, Госпожа?..

— Да. Он прав, — промолвила Госпожа, выйдя на слабоосвещенное пространство. Трудно сказать, долго ли она нас подслушивала. Госпожа умела передвигаться совершенно бесшумно, словно и впрямь была тьмою.

— Кина там. Я здесь. Но, пока меня будут воспринимать как ее, конечный результат будет таким, как если б ею являлась я. — Я принялся с глубочайшей заинтересованностью изучать стенку. Все мое внимание было поглощено ею.

— Но ежели ты для нее стала чем-то вроде пиявки, — спросил Костоправ, — почему Кина даже не пытается избавиться от тебя?

— Большая часть Кины спит. Та часть, которую не заботит один лишь Год Черепов. К тому же она глупа и нерасторопна. До недавних пор даже не догадывалась о том, что я сделала. И наверняка будет размышлять долгие годы, прежде чем надумает что-либо предпринять.

— Похоже, — встрял я, — у Кины несколько иное представление о времени.

— Меня, — продолжала Госпожа, — заботит то, что возлюбленная сестрица возможно тоже разгадала эту загадку. А нет, так скоро разгадает с помощью девочки. Девочке все известно.

— Ловец прячется там, где и раньше, — сказал я.

Старик знал, что это за место.

— Я бы не прочь попытать счастья, — сказал Костоправ, — но в нашем распоряжении всего лишь десять часов. Чтобы подготовиться к приходу ночи.

С этим трудно было не согласиться. Но как бы хотелось избавиться от угрозы со стороны Душелова. Минут двадцать мы думали да гадали, силясь предугадать дальнейшие поступки Ловца. Но тщетно. Даже Госпоже было не под силу понять, чего в действительности хочет ее сестра и как она себя поведет.

— Эта чертовка была такой лет с четырех, — сказала Госпожа. — Да что там с четырех, с самого рождения.

На том разговор и закончился: возможно, потому, что я не сумел скрыть свою заинтересованность. Но от меня не укрылось, что и Госпожа и Костоправ говорили о Дщери Ночи так, словно то было не их дитя, а некое мистическое чудовище, не имеющее к ним отношения.

73

Я наблюдал за Сопатым, организовавшим охоту на маленькую Тень, едва не добравшуюся до Одноглазого. Но вынужденную забиться в щель, чтобы укрыться от света. Госпожа довела до ума простенькие амулеты Одноглазого, и теперь они не только отгоня-

ли Тени, но и помогали их обнаруживать. Хотя солдаты и были измотаны до крайности, выкорчевывать Тени они принялись с изрядным рвением.

— Трудно поверить, что старина еще не протянул ноги, — пробормотал я.

Словно в ответ на мой тактичный намек, Сопатый зашелся в кашле. Много лет назад, при вступлении в Отряд, он уже был стар и умирал от чахотки. В каковом состоянии благополучно пребывал и по сей день. Тай Дэй что-то проворчал. Не по поводу Сопатого — до Сопатого ему не было дела. Предполагалось, что мой телохранитель должен раскапывать нашу берлогу, но все его внимание было приковано к его матушке, отчаянно храпевшей в палатке какого-то не пережившего ночь бедолаги. Лицо Тай Дэя было как камень, глаза — как лед. Стоило появиться кому-нибудь из нюень бао, как у моего спутника аж волосы поднимались дыбом. По-моему, он ждал неосторожной реплики, которую мог бы воспринять как оскорбление и повод для того, чтобы найти разрядку в хорошей потасовке. Он пребывал в смятении, и было от чего.

Когда откопали Готу и Одноглазого, выяснилось, что они не только упились до беспамятства, но и лежали на одной циновке. Отнюдь не обремененные излишней одеждой.

Вот, стало быть, какая у них игра в тонк.

Я прилагал немалые усилия, чтобы не рассмеяться. Хотя надеялся, что Тай Дэй все же сочтет меня родственником и простит невольную улыбку. А еще я надеялся, что он не станет цепляться к Одноглазому, когда тот очухается, потому как проснется он с большущего бодуна. А Одноглазый с бодуна не тот парень, с которым стоит связываться.

Костоправ был серьезно обеспокоен. Наш колдунишка, как назло, вышел из игры как раз тогда, когда все мы отчаянно в нем нуждались.

Повсюду, куда ни кинь взгляд, люди хлопотали, восстанавливая укрытия и готовясь к ночному нашествию просачивающихся сквозь Врата Теней. Госпожа и Старик надеялись подправить ситуацию с помощью Длиннотени, но пока обнадеживающих известий не поступало. Им стоило немалых трудов извлечь его из защитного кокона.

К тому же у них не было времени сосредоточиться на этом деле. Гонцы с донесениями отрывали их чуть ли не каждую минуту.

— Еще дюжина полных лопат, и, думаю, дело будет сделано, — сказал я Тай Дэю, прилаживая на место дверь, украденную кем-то из руин и теперь доставшуюся мне. Я использовал ее, чтобы отгородить крохотную каморку, которую успел отрыть как раз перед землетрясением.

Откуда ни возьмись, появился один из охранников Костоправа.

— Капитан желает видеть тебя, знаменосец.

— Чудесно. Я скоро вернусь, Тай Дэй.

Выбравшись из своей грязной норы, я направился к логову Костоправа. И нырнул вниз.

— Что нужно, командир?

Он и Госпожа разложили Длинотень на столе, тоже сделанном из створки двери. Дверь оказалась короткой, и ноги колдуна свисали. Однако Госпоже все же удалось устранить его защитную оболочку.

— Только что пришел парень от Ножа, Мурген. Они нашли Ревуна. Он все еще под снегом, и ребята не знают, мертв он или просто без сознания.

— Он провалялся там достаточно долго, чтобы замерзнуть до смерти. Но это один из Взятых, а они так просто не умирают. Особенно Ревун.

Я взглянул на Госпожу.

— Находясь здесь, я ничего сказать не могу, — промолвила она.

— Кроме того, — сказал Костоправ, — поймай Корди Мотера со всей его шайкой. Ребята интересуются, что с ними делать.

Разговаривая со мной, Старик прощупывал и мял тело Длинотени: не иначе, как выяснял, где сломаны кости.

— Этот тип очень давно ничего не ел, — сказал он Госпоже.

— Наверное, боялся яда.

Она устремила взгляд вниз на маску Хозяина Теней. И потянулась к ней.

— Ты уверена, что устранила все его чары? — спросил Старик.

— Трудно быть в чем-то уверенной, имея дело с тем, кого не знаешь. Мурген, ты никогда не видел его с открытым лицом?

Вестовой Ножа навострил уши.

— Откуда? Я вообще его никогда не видел.

Она меня поняла.

— Вот что, Мурген, — распорядился Костоправ, — собери несколько человек, включая Одноглазого, даже если придется его нести, и отправляйся на помощь к Ножу.

— А не стоит ли приглядеться к нему, командир? Ведь они с Мотером закадычные дружки.

— С Ревуном будь осторожен, — продолжил Старик, не обращая внимания на мои слова, — но, по возможности, постарайся доставить его сюда.

Я разочарованно хмыкнул. Госпожа взялась за маску Длинотени.

— Ты выяснил, когда в здешних краях начинают посевную? — спросил Старик.

Я бросил на него недоуменный взгляд: резкая перемена темы застала меня врасплох. Но Костоправ умел обдумывать дюжину вопросов одновременно.

— Если мы собираемся задержаться здесь, — продолжал он, — нам придется или вырастить урожай, или взять пример с Магабы и начать поедать друг друга.

Госпожа сдернула маску.

Хозяин Теней дернулся, словно его ударили ножом. Глаза его открылись, но больше он ничего сделать не мог. Ибо был обездвижен и погружен в молчание мастером своего дела.

— Почему бы нам не перебраться к нему? — спросил я. — Там ведь имеются некоторые припасы. К тому же внутри Вершины наверняка гораздо суше, чем здесь... Нет, я его не знаю.

У Хозяина Теней было восточного типа лицо, но бледное, как топленый свиной жир. И до крайности изможденное. В его разинутом рте торчало всего несколько зубов. Создавалось впечатление, что он страдал от рахита или чего-нибудь в этом роде.

— Я тоже, — сказала Госпожа с явным разочарованием в голосе. Наверняка она рассчитывала увидеть кого-то из Взятых или, на худой конец, колдуна, которого знала в прошлом.

— Это проблема? — спросил я.

— Я рассчитывала на передышку. Надеялась малость облегчить жизнь.

— Ты выбрала не того мужа. Командир, может, я пойду? Хотелось бы вернуться до темноты.

— Это нетрудно, — сказал гонец. — До места всего четыре мили. И по вполне сносной дороге.

Копченый снова застонал, и в его стоне слышался страх. Госпожа хмуро покосилась в его сторону. Он являл собой проблему, которой у нее не было времени заняться.

— Давай, двигай, — промолвил Костоправ, — а то и правда стемнеет.

Тьма приходит всегда.

— Обожаю гулять под дождем, — отозвался я и, подозвав кивком гонца, вышел наружу. Дождь и вправду ничуть меня не смущал, все равно больше промокать было некуда.

— Капитан велел сходить и привести пленника, — объяснил я Тай Дэю.

74

Разгуливать промокшим до нитки не слишком приятно, в чем я убедился довольно скоро. К тому времени, когда мы добрались до Ножа, я вконец сбил ноги, а правую ляжку с внутренней стороны стер до крови. Место это страшно болело, а ведь мне еще предстояло плестись назад.

У Тай Дэя дела обстояли не лучше. Да и ни один из тащившихся с нами парней не пребывал в радужном настроении. Им приходилось по очереди нести Одноглазого. Коротышка так и не очухался: его хватало только на то, чтобы свеситься с носилок и поблевать.

Поначалу я подумывал о том, чтобы пробраться вверх и бросить взгляд на ущелье Душелова, но выбросил эту затею из башки,

как только мы сошли с дороги и заковыляли по лесистому склону, скользя и спотыкаясь на каждом шагу. Мне быстро расхотелось проявлять инициативу.

В одном я мог быть уверен: Душелов сюда наведается. Я шлепнулся на землю рядом с Ножом.

— Как прогулялся? — спросил я Мотера. — Прости, что мы не заказали для тебя хорошую погоду.

Нож хмыкнул. Лебедь Лозан тоже усмехнулся и заметил:

— Уж ты поверь, мы сделали для тебя все, что могли.

— Я всегда знал, что вы настоящие друзья.

— А где наш приятель Ревун? — поинтересовался я, озираясь по сторонам. Ночью, да еще и сверху, это место выглядело совсем по-другому. Лебедь указал южнее, на склон холма, затененный высокими вечнозелеными деревьями.

— Где-то там, под снегом.

Пришедшие со мной ребята уронили носилки с Одноглазым. Колдунишка застонал, но ни браниться, ни угрожать у него не было сил.

— Ребята, — поинтересовался я, — как вам удалось убедить Госпожу позволить вам разгуливать на свободе?

— Она убедила *его*, — с усмешкой отвечал Нож. — Объяснив, что всякий, кто не будет находиться рядом и проявлять дружелюбие, окажется лишенным какой бы то ни было защиты от Теней.

Я хмыкнул.

— Ладно. Скажите лучше, есть у кого-нибудь жир? Сало, масло — все, что может сойти за жир.

Оказалось, что мой приятель Тай Дэй тащил здоровенный комок сала, на тот случай, если придется что-то готовить. Нюень бао не переставали меня удивлять. Хотя их религия несомненно являлась одним из ответвлений гуннитской, они ели мясо. Даже свинину, к которой не прикасались веданты Болот. Должно быть, Тай Дэй таскал с собой это сало годами, используя его разве что... Впрочем, какая разница? Сало — это как раз то, что мне нужно. Я спустил штаны и добросовестно обработал стертые в кровь ляжки.

— Худо-бедно, теперь некоторое время продержусь.

Одноглазый заметался на своих носилках, ворча, что его уложили в лужу. Лужу под собой он устроил сам. Дождь уже кончился. Колдун снова перекатился набок, отхаркался, после чего затих и уснул.

— Это выглядит довольно свежим, — сказал мне Лебедь.

— Свежим, как поцелуй, — подхватил Мотер.

— Смотри-ка ты. Наш друг Корди вырос над собой, с тех пор, как стал водить компанию с Бабой.

— Давайте-ка займемся нашим колдунишкой-подснежником, — предложил я.

— Что-то у меня нет охоты этим заниматься,— отозвался Нож.

— У меня тоже. Кому охота с дерьмом возиться? Знаешь что, а почему бы Лебедю и Мотеру не взять это на себя? А мы здесь посидим: надо же будет кому-то отнести в лагерь донесение, ежели что пойдет не так.

— Надо же, этот малый говорит, как заправский офицер,— промолвил Корди.— Надо полагать, ты изрядно продвинулся за время этой кампании, наверное, совершил кучу подвигов.

— Я — бог.

С этими словами я позволил Тай Дэю помочь мне подняться. Его мускулы еще оставались расслабленными. Он двинулся в сторону, указанную Лебедем.

— А как насчет твоего приятеля? — спросил Нож и запустил шишкой в Одноглазого. Тот и ухом не повел.

— У него полно своих обязанностей. Не будите спящих колдунов.

Одноглазый приподнялся.

— Я все слышал, Щенок,— прохрипел он и снова рухнул на носилки.

— Пожалуй, лучше будет бросить это дерьмо здесь, а на носилках унести то, которое мы откопаем.

Предложение было встречено всеобщим одобрением. Не возражал даже сам Одноглазый. Он снова храпел.

Не было никаких признаков того, что Ревун с момента своего падения сдвинулся хотя бы на дюйм. В снегу зияла дыра, а на ее дне, на глубине восьми футов, виднелась куча тряпья, слегка припорошенная снегом.

— Эй, гляньте-ка сюда! — позвал нас солдат, забравшийся футов на тридцать выше по склону.

— Что там такое? — спросил я, не желая без крайней необходимости делать и лишний шаг.

— Похоже на дохлого волка.

Я заковылял вверх.

— Эй, ребята. Он нашел дохлого волка.

— Кажется, его убила Тень,— оказал я, опускаясь на колени рядом с тушей. Возможно, волк подбирался к Ревуну. Но ему не подфартило. Он был не один, однако остальные звери пустились наутек. Следы указывали на очень маленькую стаю.

— Я и не знал, что здесь водятся волки,— сказал кто-то из парней.

— Теперь знаешь.

Смерть волка сама по себе ничего не значила. Но, если Тень побывала здесь прошлой ночью, она могла и сейчас скрываться где-то поблизости.

— Будь осторожен в темных местах.

Я поплелся обратно, к Ревуну. Тот, конечно же, так и не шевельнулся.

— Может, потыкать его палкой? — предложил Нож.

— Его надо выкопать,— заявил я.

— Умно, ничего не скажешь.

— Он ни хрена не сделает до тех пор, пока мы не вытащим его наверх. Я бы на его месте не стал. Всегда лучше, ежели найдется дурак, который сделает работу за тебя.

Снег оказался твердым, слежавшимся. Он несколько раз подтаивал и замерзал снова, образуя ледяную корку. К счастью, нам не пришлось рыть яму глубиной в восемь футов. Ревун действительно прошиб такую толщу снега, но наискось, по склону. Под прямым углом требовалось прокопать всего фута четыре.

У меня появилась идея.

— Не разбрасывайте снег слишком далеко,— сказал я.— Он может нам пригодиться.

— Вроде бы недостатка в нем нет,— пробурчал Лебедь.

Тай Дэй так и не вызвался помочь. Он держался позади, положив руку на меч и многозначительно вперившись в Одноглазого. Возможно, с недобрыми намерениями.

Одноглазый нам так и не потребовался. Когда самые храбрые ребята уже сметали с Ревуна снег, один из них заявил:

— Этот малый замерз. Окоченел, как ледышка.

Все прочие вздохнули с немалым облегчением.

— Здорово! — искренне обрадовался я.— А теперь сделаем вот что...

Час спустя мы привязали замерзшего колдуна к шесту, предварительно закатав его в ком снега, дюймов в шесть толщиной. Чтобы этот ком не развалился, некоторым парням пришлось пожертвовать лоскутами своей одежды. Ребята ныли, брюзжали и интересовались, какого хрена мы просто не уложили это дерьмо на те же носилки, где уже лежит другое, и не присыпали их снежком сверху.

Услышь это Одноглазый, сердце его было бы разбито. Они его больше не любили.

75

— Смажешь свои ляжки вот этой мазью,— сказал мне Костоправ,— и забинтуешь, чтобы грязь не попала.

Всю дорогу назад я шел враскоряку. Я бросил угрюмый взгляд на Одноглазого, молча сидевшего на полу близ огня. Судя по роже, башка у него раскалывалась и больше всего ему хотелось бы уснуть этак на год. Сукину сыну было так плохо, что он не мог даже жаловаться.

Матушка Гота оклемалась быстрее — в конце концов, ей не двести лет. Когда мы с Тай Дэем вернулись, она вместе с дядюшкой Доем обустраивала наш семейный бункер. Оба молчали. Я плюнул и ни о чем расспрашивать не стал. Не было у меня времени зани-

маться тайными интригами нюень бао. Пусть лучше до ночи приведут в порядок нашу почлежку.

Госпожа уложила Ревуна все на ту же дверь, осмотрела его и пришла к выводу, что он выживет.

— Слушай,— спросил я,— ты, часом, не выдавала по девять запасных жизней каждому своему Взятому? Кажется, это дерьмо цепляется за жизнь упорнее, чем Хромой. А того гада мы убивали с полдюжины раз. Каждый раз думали: уж теперь-то насовсем. А он опять оживал.

— Ничего я им не давала,— отвечала она,— просто всякий, кто способен стать колдуном такого масштаба, никогда не упускает ни малейшей возможности как следует подготовиться к любым мыслимым неприятностям.

— Как дела? — обратился я к Старику. За несколько часов моего отсутствия в лагере произошли заметные перемены. Кончился дождь. Большую часть уцелевших уже собрали и разместили либо поблизости от штаб-квартиры, либо непосредственно перед Вратами Теней. Был собран весь годный к употреблению бамбук. Зарядные мастерские Госпожи тоже работали на всю катушку, хотя это являлось скорее символическим проявлением готовности продолжать борьбу.

— Лучше, чем я думал. Госпоже удалось стабилизировать состояние Длиннотени. Значит, Тени будут просачиваться медленнее, так, как это было, пока его не пришибли. Если он поправится, через пару дней мы и вовсе заткнем лазейку.

— Мы сможем его контролировать?

— А то нет? Статуи мертвых генералов — и те имеют больше свободы действий, чем она оставила ему.

Госпожа оторвалась от работы и подняла глаза. Она слегка улыбнулась, но за улыбкой таилось уверенное лукавство немыслимо древнего зла. *Она есть тьма.* На сей счет Копченый наверняка не ошибся.

— Может быть, для нас лучше двинуться к Вершине?

— Может быть. Не исключено, что мы так и поступим. Как только восстановим порядок и узнаем, кто где находится. И выясним, кто на чьей стороне.

— Кстати об этом. Дядюшка Дой вернулся. Сейчас он помогает моей теще с таким видом, будто никуда и не уходил.

— Я слышал.

— Интересно, как он ухитрился остаться в живых? Особенно прошлой ночью.

Госпожа взглянула на меня так, словно я неожиданно навел ее на интересную мысль.

— Последите за Ревуном,— сказала она.— Двинется, сразу зовите меня. Я буду снаружи.

Она поспешно вышла за дверь. Я посмотрел на Костоправа. Тот пожал плечами.

— Я ее больше ни о чем не спрашиваю.

— Выглядит она не лучшим образом.

— Как и все мы. Ничего, возможно, скоро удастся отдохнуть. Если мы возьмем Врата под контроль, нас некому будет беспокоить. Во всяком случае, довольно долго.

Правда, оставался Могаба. Но нынче он лишился своего покровителя, и никто не мог прикрыть его колдовскими штучками. Что касается Прабриндраха Драха, то это еще вопрос, удастся ли ему дожить до момента, когда у него появится случай создать для нас проблему. Ему приходилось уворачиваться и от Гоблина, и от Теней, чтобы только добраться до дружественных земель. Причем следовало иметь в виду, что даже самые «дружественные» земли могли оказаться совсем негостеприимными, если у князя не окажется под рукой достаточно сильного отряда. Крестьяне, как правило, не слишком любезны с отступающими солдатами. Скорее всего потому, что и солдаты с ними не церемонятся, когда сила на их стороне.

— Можешь ты отправиться к Вратам Теней?

— Я? Сейчас?

— Да, ты. Сейчас. До темноты. Со знаменем. Чтобы проверить мою догадку насчет того, что оно собой представляет. И помочь солдатам, если она верна.

— Можно попробовать. Но я не в лучшей форме.

— Поезжай верхом.

Это не сулило мне ничего хорошего, но он был прав.

— Будь у тебя сменщик, — с усмешкой сказал Костоправ, — ты мог бы поручить это ему.

Выходит, ему было известно об отсутствии Дремы. Надо будет проверить паренька при первой возможности.

Госпожа снова спустилась в бункер. Будучи отнюдь не крупной женщиной, она ухитрялась заполнять собой все помещение. Мне всегда казалось, что она на добрый фут выше, чем была на самом деле.

— Твой приятель Дой, — с ходу заявила Госпожа, — вовсе не какой-то там жрец малоизвестного культа. Он колдун. Хиленький, слабее Одноглазого, но колдун. И у него есть какая-то штуковина — амулет, талисман: точно мне определить не удалось — оберегающая его от Теней.

Костоправ взглянул на меня так, будто мне следовало знать это давным-давно.

— Ничего не знаю, командир. Впервые об этом слышу.

По правде сказать, мне всегда казалось, что за фехтовальным мастерством Доя таится что-то необычное. Не может же обычный старикан, как он ни ловок, запросто отбиться от целой своры Обманников. Не знаю, какой черт потянул меня за язык, но я сказал Госпоже:

— Моя жена не мертва. Напавшие на нас Обманники к ней даже не прикоснулись. Дой с Тай Дэем и своими родичами увезли ее, а мне сказали, будто она погибла. А ей, напротив, соврали, что

погиб я, и уволокли ее в свое болото. Ни Дой, ни Гота никогда не хотели, чтобы мы были вместе. Они смирились с этим лишь по настоянию родителей Готы.

До сих пор я никогда не говорил с Госпожой о Сари, ее семье и нюень бао. Все наши беседы касались лишь того, что было необходимо внести в Анналы.

Слушая меня, она в очередной раз проверила состояние Ревуна. После чего сказала:

— Расскажи поподробнее. Мне эта компания всегда казалась подозрительной.

Само собой. Как и всем, кому хватало ума не лопать дерьмо.

Костоправ подошел к двери, выглянул наружу и вернулся назад.

— Эй, — сказал он, — а почему никто не сказал мне, что дождь кончился? Может, теперь я заставлю этих лежебок пошустрее шевелить задницами.

Старик вышел наружу. Я ему сочувствовал. Он выглядел более измотанным, чем я думал.

— Ему я рассказал все, — сказал я Госпоже.

— Он не всегда слушает, что ему говорят. Ну-ка выкладывай, что тебе известно о нюень бао.

Я принялся выкладывать. Госпожа слушала. И задавала довольно колкие вопросы. Я не оставался в долгу, пытаясь выяснить что-то для себя.

— Я хочу знать о твоих снах, — заявила она.

— Думаю, они отличны от твоих.

— Догадываюсь. Как раз это отличие и может иметь значение.

Мы проговорили довольно долго. Но мне все равно пришлось тащиться к Вратам с этим паскудным знаменем.

76

Нам не хватало лошадей. Тех, которых мы не сожрали сами, в предыдущую ночь укокошили Тени. В настоящий момент парни доедали конину. Кончилось тем, что я позаимствовал коня у Госпожи. Костоправ не сказал ни слова. Я и без того знал, что свое еще получу.

Тай Дэй уселся позади меня. Жеребец Госпожи, привыкший возить ее, в полном вооружении тянувшую не больше, чем на сто фунтов, покосился на меня с неодобрением.

— Не сердись, — сказал я животине. — Путь недалекий.

Старая дивизия вместе с некоторыми формированиями Госпожи передислоцировалась в лагерь под Вратами Теней. Проезжая мимо, я приметил, что рожи у большинства парней были далеко не веселые. Многие из них остались с Отрядом по той простой причине, что сообразили: с нами у них будет побольше шансов остаться в живых. Я решил не говорить, за каким хреном приволок знамя. Но

слушок распространился быстро. Братья Отряда высыпали навстречу, желая выведать новости. Чтоб мне сдохнуть, многих из них я не видел месяцами. Некоторых с тех пор, как мы вышли из Таглиоса. Бубба-до, чтоб он пропал, я не встречал несколько лет. Правда, этот парень не имел склонности особо высовываться. Довольно скоро нарисовались Зиндаб и Иси. Ребята смекнули, что я вылез из своей норы неспроста. И мне было понятно почему. Слишком долго я не имел дела ни с кем, кроме Копченого. Невесть откуда появился Очиба. Возле Врат Теней старшим офицером являлся он, да и помогали ему те же нары. Потому что почти все таглиосцы из начальствующего состава дали деру. Видимо, желая сохранить верность своему князю.

Я подозревал, что желание сохранить честь обойдется им дорого. Они об этом пожалеют. Ежели уже не пожалели в минувшую ночь. Зиндаб придержал узду, и мы с Тай Дэем спешились. Вся компания ждала, что я скажу. Я не сказал ни слова, лишь пожал плечами, после чего спустил штаны с горевших огнем ляжек. Поездка верхом тоже не доставила мне удовольствия. Как я и предполагал.

— Не спрашивайте, почему я здесь. Старик велел, я приехал. А на кой ляд, это его секрет.

— Что еще новенького? — спросил Бадья. — А то ведь от него ни черта не добьешься, а ежели что и скажет, так соврет.

Я огляделся по сторонам. Почва здесь казалась довольно твердой, да вдобавок еще и сухой. Палаток было куда больше, чем земляных нор. Однако в целом лагерь выглядел плачевно, хотя я видел флаги и вымпелы батальонов, еще год назад славившихся отменной дисциплиной.

— Неужто боевой дух совсем пал? — спросил я.

— Сам видишь.

— Но, как я слышал, Новая дивизия понесла в минувшую ночь меньше потерь, чем кто бы то ни было.

— Ты знаменосец, — сказал Зиндаб, — и болтаешься в этом дерьме большую часть жизни. Сам должен знать, что боевой дух зависит не от того, что происходит на самом деле. Главное, как люди это воспринимают.

Что верно, то верно. Люди верят тому, чему им хочется — хоть хорошему, хоть плохому, хоть никакому. Факты не имеют к этому никакого отношения.

— Не знаю, стоит ли говорить об этом ребятам, — сказал я, — но мне сдается, что он настроен довольно скоро двинуть туда.

Бадья окинул взглядом неприветливый склон.

— Мозги мне пудришь?

— А ты ему не поверил, когда он говорил, что направляется именно туда? Старик никогда не делал секрета из того, что хочет добраться до Хатовара. К тому все и шло, с того дня, как мы свалили из Курганья.

Кажется, с тех пор прошло полжизни.

— Кажется,— угрюмо заметил Иси,— черта с два ты найдешь здесь парня, который верит в эту байку.

Он служил в Отряде не так давно, как Бадья, но в данном случае попал в точку. По-моему, кроме самого Старика, мало кто верил в существование Хатовара, и уж во всяком случае никто туда не стремился. Солдаты шли, куда их вели, потому что им просто не оставалось ничего другого, кроме как следовать за знаменем. Каждый прожитый день был своего рода подарком, а где нас застанет ночь, не имело особого значения.

— Прошлой ночью пало последнее препятствие,— сказал я.— Госпожа заполучила Длинотень, завернутого, словно подарочек на именины.

Я снова огляделся по сторонам: всюду, куда бы ни падал мой взгляд, люди занимались делом. На меня многие посматривали с подозрением: от появления штабной крысы не приходилось ждать ничего, кроме лишних неприятностей.

Свет казался каким-то странным, он мало походил на обычный дневной свет.

— Чем они занимаются? — спросил я, указывая на парней, рывших какой-то окоп. Против Теней эта хренова яма помочь явно не могла. Нужна она была, как быку сиськи.

— Хоронят ребят, погибших прошлой ночью,— пояснил Бадья.

— А... Слушайте, парни, пока не началась заварушка, держитесь поближе ко мне. Ну а остальные пусть занимаются своим делом.

— Мы с Иси много сделать не можем,— заявил Зиндаб.— Разве что присмотреть, что к чему.

У него была столь невозмутимая рожа, что я ему чуть ли не поверил. И подошел к братской могиле.

Они рыли траншею, потому как это был лучший способ убрать под землю множество мертвых тел. Я опустился на колени и прощупал пальцами почву. Несмотря на недавний дождь, она оказалась сухой.

— Тут что, дождя не было? — спросил я.

— Холодно,— отозвался Иси,— вода попросту замерзает.

Я поднял глаза и уставился за Врата Теней. Сразу за нашим кладбищем земля становилась совершенно пустынной. Кое-какая растительность имелась и выше, но она была чахлой и унылой.

На телах погребенных солдат по большей части были видны явные следы воздействия Теней. Все они скрючились, окостенели, кожа основательно потемнела. У каждого рот был искривлен в отчаянном крике. Тела скрючились, да так, что выпрямить их не имелось ни малейшей возможности. Вокруг вились вороны, но солдаты их отгоняли. Почувствовав под ногами твердую почву, я оглядел склон. Казалось, будто сам камень превратился в жидкую, слоями твердевшую от холода грязь.

— Кажется, дождя больше не будет,— заявил Бадья. А дождь неизбежно влек за собой появление новых оврагов и прочих щелей. Интересно, а не способствуют ли всякого рода канавы распространению Теней. Впрочем, скорее нет. В противном случае Тени уже заполонили бы весь мир.

Мне не попадалось на глаза ни единой записи о тех временах, когда Врат Теней не существовало. Видимо, они были воздвигнуты в незапамятные времена, хотя ни одна местная религия — насколько я мог в этом разобраться — не придавала им особого значения. В священных текстах речь шла о каких-то «блистающих камнях» и прочей дребедени, а добиться чего-то конкретного не представлялось возможным. Свои идиотские догмы таглиосцы не собирались обсуждать с кем бы то ни было.

Хоть я и плевал на всех богов, мне захотелось произнести краткую гуннитскую молитву за всех умерших. Лишь после того я двинулся вверх по склону, чтобы взглянуть на источник нашей головной боли. Тай Дэй посмотрел на меня с одобрением. Должно быть, я поступил правильно.

77

— Помоги мне установить эту хреновину,— попросил я Тай Дэя, водружая знамя в нескольких ярдах ниже того места, где хлопотала рабочая команда. Тай Дэй наваливал камни, чтобы укрепить основание древка. Затем мы поднялись повыше. Некогда здесь находилась самая настоящая крепость, и ворота были самыми настоящими, чего я не мог рассмотреть во время моих вылазок в мир духов. Теперь там оставался лишь заросший травой фундамент. Все прочее обвалилось много веков назад. А рассыпавшиеся камни растащили наши солдаты для устройства своих землянок и блиндажей. Видимо, эти парни, хотя и побаивались каких-то древних кошмаров, но были куда храбрее большинства здешних жителей. В который раз я задумался о том, каким долгим может быть страх. И о том, не связана ли со всем этим Кина. Уж не просачивались ли ее ужасы во сны всякого, знавшего слово Хатовар?

Спрашивается, почему у меня поджилки не трясутся? Может потому, что я слишком туп, чтобы бояться того, чего следует. Использованный для строительства крепости камень — сероватый песчаник — должно быть, был привезен невесть откуда. Ни на самом склоне, ни в окрестных землях подобного материала не встречалось. Не походил он и на привозной камень, из которого строил свою цитадель Длиннотень.

Я оглянулся в сторону Вершины. Клонившееся к закату солнце, скользнув под облака, высветило южный фасад твердыни: стену, которую Длиннотень фактически завершил. Металлические символы и письмена вспыхивали под солнечными лучами грозным, ис-

точающим силу светом. Все еще грозным, несмотря на падение их творца.

— Выглядит впечатляюще, — заметил я.

— Может и так, только нам от этого никакого проку, — отозвался Иси. Бадья хмуро кивнул в знак согласия. А Зиндаб — как я только что заметил — и вовсе куда-то испарился.

— А эти парни чем занимаются?

Вспомогательные команды размечали склон цветными линиями из толченого мела, восстанавливая смытые дождем и нанося новые.

— Я и сам не очень хорошо все понимаю. Вроде бы они определяют истинные пределы Врат. Близость огненных шаров вызовет свечение меловых линий. Разные цвета будут соответствовать степени опасности в той или иной зоне.

— Вот оно что!

— Что-то в этом роде.

Я фыркнул и направился к рабочим. Подойдя поближе, я ощутил некую вибрацию, что-то вроде внутреннего гула.

— Кто тут главный?

Грязный коротышка, недовольный тем, что его оторвали от дела, распрямил спину. Мне пришлось подавить усмешку. Несмотря на маленький рост, этот тип являлся шадаритом и возглавлял при этом гуннитский рабочий отряд. Бородища его была бы под стать малому футов в шесть ростом — таковы, в большинстве своем, его единоверцы. К нашему братству он не принадлежал. Я давно заметил, что ребята, пусть даже тайно принесшие клятву верности Отряду, носили значок — некое грубое подобие огнедышащего черепа. Символ, позаимствованный нами у Душелова двадцать лет назад. Возможно, они надеялись, что эта эмблема каким-то образом защитит их от Теней.

— Смею ли я надеяться оказаться полезным знаменосцу?

Чертовски сообразительный тип. При всей внешней любезности и чуть ли не подобострастии он дал мне понять, кто он таков и где мое место.

— Смеешь. Мне хотелось бы уточнить некоторые детали. Особенно, где прежде стояли Врата и где находятся слабые места.

— Ты хочешь знать, где проходят Тени?

— Этот малый, часом, не обнаглел? — поинтересовался Бадья.

— Все в порядке. — Я сделал успокаивающий жест.

— Да, именно это я хочу узнать. Где они пролезают.

— Между вот теми двумя желтыми отметками, — ответил низкорослый шадарит, неприязненно взглянув на Бадью. — Красным обозначено место, где первоначально находились ворота.

— Спасибо. Постараюсь больше не отрывать тебя от дела.

— Неужто я должен поверить в такое чудо?

Бадье явно хотелось малость подкоротить этому малому язык, но он решил, что дело не стоит хлопот. Или отложил его на то время, когда меня не будет поблизости.

Под Вратами Теней находилось несколько кострищ и столбов, на которых прошлой ночью вывешивали фонари, а также немало наспех сколоченных бункеров, где солдаты отсиживались в ожидании Теней, под защитой свечек и бамбуковых шестов. Кто-то соорудил пару плетеных десятифутовых башенок, обеспечивавших навесной огонь.

Протиснувшись вперед, я добрался до красной меловой отметки. Оттуда можно было разглядеть остатки рухнувших ворот. Должно быть, в свое время они выглядели внушительно и были достаточно широки, чтобы пропустить четырех человек в ряд. Однако, ничто не указывало на существование крепостного рва. А ведь ров представляет собой древнейшее и простейшее оборонительное сооружение. Остатки рвов можно было обнаружить возле каждой крепостной стены, кроме, разве что, инженерных нелепостей вроде Деджагора или Вершины.

Отсутствие рва заставляло предположить, что древние строители не опасались тех, кто жил ниже по склону.

До сих пор на Вратах Теней сохранились сильные чары. По приближении начинало ощущаться их воздействие.

Я решил не искушать судьбу.

Интересно, подумалось мне, почему так хорошо сохранилась дорога? Чем выше по склону, тем в лучшем она состоянии? Ни у кого из парней на сей счет мнения не имелось. Плевать они хотели на такие загадки: достаточно было того, что им приходилось торчать в этом местечке.

Я зашагал вниз, к знамени. Мне показалось, что оно будто бы ожило. Ощущалась исходившая от него дрожь, словно бы концентрировавшаяся на наконечнике. Что согласовывалось с теорией Костоправа насчет Копья Страсти.

Тай Дэй, Бадья и Иси ощущали то же самое, но они знать не знали, что это такое.

— Надо перенести знамя наверх,— сказал я Тай Дэю,— чтобы, проходя сквозь Врата, Тени первым делом натыкались на него. Пусть знают, что Отряд вернулся.— Затем я обратился к Иси: — Госпожа считает, что нынешняя ночь не будет такой тяжелой. Она держит Длинноте́нь под контролем и, возможно, еще до темноты сумеет вовсе закрыть Врата.

Последнее, признаться, вызывало у меня сильное сомнение. До темноты оставалось не так много времени.

Выражение явного облегчения на физиономии Иси едва не заставило меня рассмеяться.

Пара солдат, уловивших кое-что из сказанного мною, понеслась передать услышанное приятелям.

— Помимо них,— проворчал Бадья,— вокруг отирается еще куча всякого дерьма.

И то сказать, мы вовсе не были заинтересованы в том, чтобы таглиосцы, сохранившие верность Прабриндраху Драху, перестали дрожать за свои шкуры.

— Это только возможность, — пояснил я. Кроме того, если она и вправду запрет Врата, останется еще чертова уйма Теней, вылезших оттуда прошлой ночью, тех, которые нынче прячутся по расщелинам и норам.

Тьма приходит всегда.

Мы еще не вышли из леса. Расслабляться не приходится.

Я постарался, чтобы эти слова услышало как можно больше народу.

Я научу вас бояться тьмы.

Кто это сказал? Может быть, первый муж Госпожи, еще до моего рождения? Или же тот, кто почерпнул знания о прошлом из старых Анналов.

— Нам еще долго придется сталкиваться с этой дрянью каждую ночь, — добавил я.

— Мы что, и вправду попремся туда? — спросил Бадья, указывая глазами наверх. Он считал, что его не слышит никто, кроме Тай Дэя, и, видимо, не находил эту тему такой уж секретной. В противном случае, он задал бы свой вопрос на языке, незнакомом нюень бао.

— Вполне возможно. Только не знаю, скоро ли. Старик всю дорогу талдычит насчет посевов и урожаев, так что мы здесь еще проторчим изрядное время.

Разговаривая, я пытался представить себе, как далеко будет распространяться воздействие знамени. С помощью Тай Дэя я установил его примерно в половине радиуса от центра Врат Теней, точно посередине старой дороги. Потом я спустился вниз и уговорил двоих вединаитов позволить нам перебраться в бункер на самой передовой. Забавно, что особых возражений с их стороны не последовало.

Конь Госпожи повсюду таскался за мною и, вроде бы, все примечал. В конце концов я сказал ему:

— Спасибо за компанию, приятель. Можешь возвращаться к своей хозяйке. — С собственным жеребцом я всегда говорил на равных, а этот был из той же породы. Ежели с таким зверюгой договоришься, он может сделать для тебя многое. Например, свозить кого-нибудь в Таглиос. И обратно.

Хотелось бы знать, как обстоят дела у Дремы. Он не мог отъехать слишком уж далеко. С тех пор, как все обернулось такой хренью, прошло не так уж много времени.

78

Полосы толченого мела четко определяли сектора прицела, так что солдаты имели возможность эффективно истреблять Тени.

Кроме того, Госпожа снабдила меня некоторыми приспособлениями и инструкциями по их использованию. Предполагалось, что я буду придерживаться их строго и устою перед искушением что-либо упростить. Множество солдат собралось, чтобы понаблюдать за

моими действиями. Таглиосцы, в подавляющем большинстве, испытывали благоговейный трепет перед человеком, который, не будучи ни жрецом, ни кудесником, умел читать и писать, что заставляло меня чувствовать себя идиотом.

Указания Госпожи по существу сводились к необходимости уложить полукругом бухту из кожаной веревки, перекрыв самое опасное место, там, где первоначально стояли ворота. Точно такие же веревки, натянутые на деревянные колышки, перегородили дорогу. Я строго следовал инструкциям, никак не учитывавшим даже самый факт существования знамени. Даже если Госпожа и знала, что это не просто штандарт, она, похоже, не придавала ему особого значения.

Я наскоро оглядел нахально присвоенный нами бункер, паршивую землянку, где от пола до потолка было едва лишь три фута. Места могло хватить для четырех человек и связки бамбука. Вонища стояла страшная: с наступлением темноты никто не высовывался наружу по нужде. Дерьмовая халупа — но все лучше, чем мокнуть под дождем.

Как только Тень пересечет линию, отгороженную кожаной веревкой, пояснил я любопытствующим ребятам, ее поразит искра. Таким образом мы будем знать, где проходят Тени, сколько их, и куда они направляются. И можем поражать их, не растрачивая зарядов.

Парней требовалось как-то приободрить. Перспектива прошлой ночи сулила им слабую надежду дотянуть до утра.

— Это, конечно, не перина,— сказал я Тай Дэю, поглаживая землю,— но почему бы тебе не отдохнуть?

Сам-то я собирался прилечь позже, тем паче, что все равно намеревался совершать разведывательную вылазку. Ежели, конечно, удастся. Вылезши наружу, я удобно пристроился на обломке старой стены и принялся рассматривать крышу моей новой хибары, смастряченную из тенеземского шатра. Куда ни глянь, всюду попадались на глаза отобранные у неприятеля трофеи. Но это не внушало особого оптимизма: имелись все основания полагать, что через месяц мы окажемся такими же измотанными и изможденными, какими были после прорыва блокады Деджагора.

По существу, мы всего-навсего удерживали горный кряж, хотя еще и могли делать вид, будто представляем собой армию. Но у неприятеля не осталось ничего, кроме разрозненных отрядов Могабы. Интересно, что предпримет Могаба, когда узнает, как огорчительно сложились дела у Длинношени.

Об огорчении речь, оно и навстречь. То, что я увидел, отнюдь меня не обрадовало.

У подножия склона, там, где дорога уже не была дорогой и представляла собой лишь раздолбанную полосу грязи, появился дядюшка Дой. Подняв глаза, он таращился на Врата Теней. Появись он попозже, в сумерки, я бы его, наверное, не заметил. Позади него, поотстав ярдов на пятьдесят, плелась матушка Гота. Она ворчала так

громко, что некоторые слова я мог разобрать даже на таком расстоянии. За спиной у обоих виднелись здоровенные узлы, наводившие на мысль, что они вновь решили присоединиться ко мне. Похоже, они стали профессиональными бродягами.

Я запустил камешком в ворону. Сам не особо целился, и птица не шибко испугалась — просто увернулась. С приходом сумерек птиц стало немного, хотя, признаться, их и днем не было без числа. Любопытно, что бы это значило? Вроде бы мы еще не дошли до того, чтобы жарить ворон.

Может, они все улетели к своей мамочке?

— Тай Дэй,— сказал я,— как случилось, что твоя мать и дядюшка Дой оказались здесь?

Тай Дэй высунулся из землянки, отпустил пару бранных словечек на нюень бао и вернулся назад. Создавалось впечатление, будто он напрочь утратил почтение к старшим.

Ответа на свой вопрос я не получил.

Проверив амулет, так и не возвращенный Костоправу, и оценив высоту отгоняющей Тени свечки, я решил, что у нас все будет в порядке. Хотелось в это верить.

Но какой-то мудрец, не мне чета, говаривал: «Никогда не доверяй колдунам».

Я закрыл глаза и принялся ждать.

— Эй, Мурген, ты знал ребят по имени Качала и Грузило?

Я открыл глаза.

— Рыжий, сукин ты сын! Какими судьбами? Я ж тебя полгода не видел. Как дела?

— Как сажа бела. Я уж и забыл, когда мы встречались. Но, худо-бедно, руки-ноги при мне, и я еще дышу.

— Выходит, ты опять обскакал судьбу — для солдата это немало. А Качалу я помню. Он джайкури, и все его близкие погибли во время осады Деджагора. Он прибился к нам, когда мы вышли из города, а раньше, вроде бы, был каменщиком, но уже числился нашим, когда мы накрыли Обманщиков в Роковом перелеске.

— Точно, тот самый малый. Он и на Чарандапраше здорово себя показал.

— Ну а другой, как его там... Грузило? Я его не припоминаю.

— Он вроде бы из тенеземцев. Попал к нам в плен: сначала работал, а потом принял присягу. Правда недавно, примерно месяц назад.

— Ну а мне-то до них какое дело?

— Оба погибли прошлой ночью. Я решил, что тебе нужно об этом знать. Ведь ты заносишь имена погибших в Анналы.

— Спасибо, что вспомнил. Хотя не уверен, что мне это нравится.

— В каком смысле?

— Да в том, ребята, что вы вспоминаете обо мне, только когда кто-нибудь из парней дает дуба. Приходите и говорите, чтобы я помянул его в Анналах.

— Уходил бы ты из штаба, Мурген. Возвращайся в строй. Тогда ты снова станешь не одним из *них*, а одним из *нас*.

Вот ведь чертовщина. Похоже, я и сам не заметил, как превратился в штабную крысу.

— Может, ты и прав. Теперь, когда мы захватили Хозяина Теней, предстоят некоторые перемены. Я буду иметь в виду твое предложение.

Рыжий хмыкнул. Он не слишком поверил моим словам, но отправился к своим парням с чувством исполненного долга. Меня передернуло. С плато тянуло холодным ветром, и мне показалось, — хотелось верить, что только показалось, — будто он нес с собой запах Кины. Мне припомнился ветер, дувший на равнине смерти. Я подумал о том, чтобы навалить побольше камней к основанию знамени — оно содрогалось под напором ветра, — но поленился.

Хотелось бы погреться у костра, но по эту сторону Вершины с топливом дела обстояли плохо. Все доски, палки и щепки использовались лишь для приготовления пищи. Правда и готовить, кроме разве что горького корня, было нечего.

«Ты научишься обходиться без света», — припомнилась мне цитата из старых Анналов.

Прямо перед моим носом появилась пара сапог. Принадлежавших дядюшке Дою — я понял это, заслышав бурчанье как всегда отставшей от него матушки Готы — с такой походочкой она никак не могла за ним поспеть.

— Дядюшка, — промолвил я, не поднимая глаз, — чему обязан сомнительному удовольствию видеть тебя после столь долгой разлуки?

— Тебе следует держать свое знамя поближе, Солдат Тьмы, так, чтобы оно постоянно было под рукой. В противном случае ты, скорее всего, его лишишься.

— Я так не думаю. Но кто-нибудь из приспешников Прабриндраха Драха, Обманщик или мелкий колдунишка, считающий, что его способности для всех великая тайна, может попытать счастья и окажется вот в той канаве, прежде чем сообразит, что с ним случилось.

Я блефовал, но дядюшка вряд ли мог меня раскусить.

— Знамя само умеет отличать своих от чужих.

Подошла матушка Гота, тащившая тюк размером чуть ли не с нее. Она прихватила с собой из Кьяулуна решительно все, что могло пригодиться. Включая запас дровишек. Я решил не выпендриваться, во всяком случае, пока не кончатся дрова.

В мире есть повара и похуже матушки Готы. К их числу принадлежат ее сын и непаглядный зятек.

Дядюшка Дой, будучи мужчиной и — по понятиям нюень бао — какой-то шишкой, — нес только Бледный Жезл и куда более скромный узелок.

Сбросив свою ношу, матушка Гота опустилась на четвереньки, чтобы залезть в нору. Встретившись с ней взглядом, я не смог удержаться от ухмылки. Она принялась изрыгать ругательства, кляня злую судьбину, устроившую землетрясение в столь неподходящий момент. Земля дрожала.

— Пусть Тай Дэй отдохнет, — сказал я. — Нам предстоит долгая ночь. — От взора дядюшки Доя не укрылся заткнутый мною за пояс короткий бамбуковый шест.

Холодный ветер крепчал. Полотнище знамени хлопало и трещало. Дядюшка Дой окинул взором темнеющий склон, оценил бункер и бросил на меня сердитый взгляд, словно желая высказать сожаление по поводу того, что оставил свое разлюбезное болото.

— Когда занимаешься такими делами, и жить порой приходится соответственно, — сказал я.

Матушка Гота вновь вылезла наружу, чтобы озвучить своим бурчанием так и не высказанные соображения Доя.

— Вы сами напросились, — напомнил я им обоим.

Дядюшка Дой открыл было рот, но подавил желание попререкаться и устроился у входа в землянку, положив Бледный Жезл на колени. Гота принялась осматривать окрестности и собирать камни. Соседи не возражали, хотя в этих краях камни, кажется, становились единственным признаком благосостояния.

Я закрыл глаза и, словно чтобы растравить душу, принялся насвистывать мелодию, которую напевала Сари, когда была счастлива.

Затем, как всегда, пришла тьма.

79

Они дали все-таки мне поспать. И я заснул — не мешал ни холод, ни ветер, ни запах стряпни, ни собственный храп. Когда сгустилась ночь, я постепенно освободился от уз, крепивших меня к плоти. Некоторое время я чувствовал себя тряпицей, трепыхавшейся на ветру. И не предпринимал никаких усилий, чтобы двинуться куда бы то ни было. Возвращение дядюшки Доя пробудило во мне не слишком вдохновляющие воспоминания.

Мой дух слился с ветром, увлекавшим меня на север. Неторопливо проплыв над горами, пустынями и захваченными нами городами, я нашел Дрему, направлявшегося из Таглиоса в Дежагор. Паренек понимал, что, пока он скачет, ему *ничто* не грозит. Никто из агентов Радиши не смог бы угнаться за его конем.

Радишу его побег огорчил до крайности. План ее предусматривал необходимость захватить или убить *каждого* из братьев Отряда. Побег хотя бы одного означал возможность возвращения чумы. Подобно Нараяяну Сингху, она знала, что тьма приходит

всегда. В чем ее лишний раз убедили последствия случившегося в Деджагоре.

Теперь она была в ужасе, опасаясь, что из-за провала заговора наступит Год Черепов. Душелова она поминала через слово, и всякий раз не хвалебно. Похоже, Баба сообразила, что, желая избавиться от опасного союзника, она связалась с другим, возможно, куда более страшным.

Радиша помнила об ухищрениях Душелова, имевших место несколько лет назад, и знала, что эта колдунья менее предсказуема, чем любое стихийное бедствие.

Хотя Таглиосу не было нанесено никакого ущерба, последствия землетрясения ощущались и там. В том числе и политические. Многие люди полагали, что боги — или какая-то неведомая, но ужасная сила — недовольны коварством, проявленным в отношении Черного Отряда.

Костоправ столь часто напоминал об обыкновении Отряда не оставлять предательство безнаказанным, что некоторые таглиосцы уже ожидали неминуемого и страшного возмездия. И все это было каким-то образом связано с ужасом перед самим именем Отряда. Ужасом, сути которого никто не хотел или не мог объяснить.

Возможно, этот страх овладевал людскими душами, просачиваясь из какого-то мрачного источника, лежавшего за пределами материального мира. Уж не действовала ли в своей доброй, старой манере мать Обмана — Кина? Пожалуй, мне стоило лишний раз сунуть нос в старые Анналы, спрятанные в той комнате, где... Ох, дерьмо поганое!

Радиша постоянно отправляла своих гвардейцев на поиски Копченого. Сбивающие их с толку чары Одноглазого пока помогали, но они не могли морочить стольких людей до бесконечности.

Скорее всего, Баба не надеялась найти своего колдуна живым и лишь хотела выяснить, что с ним сталось. Но мне ее поиски могли выйти боком. Вдруг она натолкнется на мои книги?Нет чтобы мне подумать об этом раньше. Чего стоило попросить Дрему прихватить рукописи с собой? Глядишь, сейчас бы и не дергался. Радиша совещалась с самыми влиятельными жрецами. Создавалось впечатление, что с каждым моим посещением Таглиоса святоши набирали все больший вес, тогда как купцы и владельцы мануфактур, во многом обязанные своими барышами Отряду, теряли благорасположение правительницы. Но при этом святоши вполне могли использовать обстановку, чтобы подкрепить свое политическое значение военной силой. Интересно было бы узнать, сможет ли новая элита преодолеть традиционное мышление перед угрозой религиозной распри. И хватит ли хоть у одного природного таглиосца масла в голове, чтобы осознать эту угрозу? Интриги Радиши принуждали ее водить компанию с людьми, которых она презирала, и отдаляться от тех, с кем мыслила одинаково. Вот

и эта встреча во многом смахивала на выкручивание рук. В обмен на идеологическую поддержку жрецы добивались от государства политических привилегий.

Можно было предположить, что Радиша одобряла действия Госпожи, отправившей на тот свет кое-кого из предшественников нынешних иерархов. Будучи в шаловливом расположении духа, я подлетел к самому уху Бабы и крикнул:

— Бу!

Она подскочила, отпрянула в сторону и уставилась в пустое пространство. Лицо ее побледнело. В комнате воцарилось молчание. Святоши перепугались — видать, и они что-то уловили. Я буквально ощущал, как помещение наполняет страх.

Радиша содрогнулась, словно от зимней стужи. Хотя в Таглиос уже пришла пора весеннего сева.

— Воды спят,— прошептал я ей на ухо, хотя она едва ли могла разобрать мои слова.

То была часть поговорки, известной у меня на родине:

«Спят даже воды, но Враг не дремлет».

Когда я добрался до храма Гангеша, Сари спала. Света в ее клетушку проникало ровно столько, чтобы я мог ее разглядеть, чего мне было вполне достаточно. Я витал над нею, наслаждаясь ее близостью и не помышляя о том, чтобы разбудить. Сари нуждалась во сне. А я, вроде бы, уже и нет.

Но откуда там вообще появился свет?

Оказалось, что жрецы установили перед ее кельей несколько светильников. Не иначе, как их напугал мой предыдущий визит. Я должен был прилагать усилия, чтобы обозначить свое присутствие за пределами мира духов. Но стоило ли? Нужно ли, чтобы здешние жрецы что-то заподозрили? Конечно, лишний раз нагнать на них страху совсем не худо, но, кто знает, какие меры могут предпринять они с перепугу?

Я облетел весь храм и не обнаружил ничего необычного — разве что все служители, проводившие вечерний молебен, были нервозными. В конце концов, я вернулся к своей любимой.

О боги, до чего же она прекрасна. Я чувствовал, что мне с каждым разом будет все труднее притворяться перед дядюшкой Доем и матушкой Готой. Черт побери, вполне возможно, что скоро я смогу задать им кое-какие вопросы. Они забрались далеко от своих паршивых болот и бежать им некуда.

Сари открыла глаза — и весь мой гнев испарился. Она смотрела прямо на меня и улыбалась чарующей, ни с чем не сравнимой улыбкой. Должно быть, рыба и рис были полезны для ее зубов: столь чудесных, жемчужных зубок не было ни у кого на свете.

— Ты здесь, Мур? Я чувствую, что ты близко.

— Здесь,— шепнул я ей на ухо, совсем не так, как Радише. Ответа она, скорее всего, не разобрала, но сам факт того, что ей ответили, ощутила.

— Я очень скучаю по тебе, Мур. И чувствую себя чужой среди своих соплеменников.

Конечно, ведь твои сородичи сами от тебя отвернулись. И некому было наставить их на путь истинный. Не осталось в живых ни бабушки Хонь Тэй — этой пророчицы, ни дедушки Кы Дама, способного подкрепить их своим веским словом.

Возможно, нынче все складывалось именно так, как предрекала эта старая госпожа. Записей ее пророчеств не сохранилось. Самые великие прорицатели не ошибаются никогда, их предсказания отнюдь не высечены на скрижалях.

Увы, в следующий миг мне пришлось покинуть свою Сари. Она встрепенулась, почувствовав, что я ухожу. Я противился как мог, но в реальном мире кто-то настаивал на моем пробуждении.

Я уже выплывал из кельи, когда туда заявилось несколько жрецов.

— С кем ты разговаривала, женщина? — требовательно вопросил один из них.

— С духами,— с нежнейшей улыбкой на устах ответила моя любимая.

80

Сперва я подумал, что проснулся из-за попавшего под мой зад острого осколка кремня. Но, выбросив паскудный камешек, я увидел заслонившую звездное небо фигуру и услышал голос.

— Проснулся наконец, знаменосец? — спросил Зиндаб.

— Без особой радости. Мне снился чудесный сон.

— Раз уж Старик поставил тебя приглядывать за нами, я решил, что тебе не помешает кое к чему приглядеться.

В отличие от большинства наров, Зиндаб обладал чувством юмора и полным отсутствием чинопочитания, хотя он сам вылез в первостатейнейшие шишки. Должно быть, это до крайности раздражало Могабу, когда они с Зиндабом еще были закадычными приятелями. Впрочем, возможно, и сам Могаба когда-то способен был на такие игры, но перерос их. Многие препаскуднейшие типы были когда-то славными парнями. Мне пришлось опереться на руки и колени, прежде чем я смог обрести точку опоры и приподняться.

— Застыл, как бревно — проворчал я.

— Заведи себе матрац получше.

— Так тебе и поможет! В чем я нуждаюсь, так это в теле получше. Помоложе годков эдак на пятнадцать. Ладно. В чем дело?

— Мне подумалось, вдруг ты захочешь взглянуть, что происходит у Врат Теней.

— Наверняка ничего страшного, иначе ты не торчал бы здесь в темноте.

Костров в эту ночь не разводили. И храбрецов вроде Зиндаба поблизости не наблюдалось. Но самое примечательное — в воздухе не маячили огненные шары. Лишь вдалеке, у Вершины, появлялись редкие, случайные вспышки.

Зиндаб направился вверх по склону, хотя мне это было необязательно. Я и так ощущал копье. Казалось, будто оно пробуждается. Я видел, как искрятся мои кожаные ремни, когда на них натыкаются Тени, и чувствовал злобное шевеление по другую сторону. Но не испытывал ни малейшего страха.

Прежде приближение Теней всегда вызывало ужас. Тени напирали все сильнее, отчего заградительные ремни искрились еще пуще, с шипеньем и треском. Солдаты проявляли поразительную выдержку. Ни один парень не поддался соблазну и не стал поливать склон огненными шарами. Возможно, они тоже не испытывали страха. Или же им просто хватало ума сохранять подобающее ветеранам самообладание. Ведь прошлую ночь пережили лучшие из лучших. Трусы и дуралеи покоились в братской могиле, с усердием выкопанной уцелевшими.

— Небо проясняется,— заметил я, может быть, только для того, чтобы что-то сказать. Небосклон впереди казался таким же чистым, как во время прогулок с духом, когда я парил над облаками.

— Хм,— отозвался Зиндаб. Он редко тратил слова попусту.

— Узнаешь какие-нибудь созвездия?

Я не узнавал ни одного. Небо казалось совершенно незнакомым.

— Слишком много звезд. Они никак не складываются в узоры.

— Аркан,— послышался знакомый голос. Я дернулся, потому как не слышал приближавшихся шагов. И никак не полагал, что эта особа может двигаться совершенно бесшумно.

— Матушка?

Искры, исходившие от Врат Теней, давали достаточно света, чтобы ее разглядеть. Позади нее маячила фигура, в которой угадывался Тай Дэй.

— Это было описано в книге моей матери. Часть предания, сути которого никто не понимал. Тринадцать звезд, образующих затяжную петлю — силок или аркан.

Лично я ничего похожего на какой-то там аркан на небе не видел, о чем и сообщил теще, которая пребывала в странном возбуждении, словно провалилась в иное столетие. Пригнув меня к себе, она заставила меня всмотреться в направлении, которое указывал ее палец. В конце концов я признал, что вижу что-то вроде перевернутого ковша над самой линией горизонта.

— Он самый и есть. Аркан. Три звезды скрыты землей, глупый Каменный Воин.

Она была до крайности напряженной.

— Ты хочешь сказать, что при отсутствии трех звезд узнала созвездие, описание которого углядела в детстве в какой-то книжке?

Особенно яркий сноп искр высветил женщину, таращившуюся на меня с недоумением. А еще — стоявшего позади нее дядюшку Доя. Он выглядел раздраженным, но, как только понял, что я его вижу, напустил на себя безразличное выражение.

— Вот ты где, Гота. И ты, племянник. Что тут происходит?

— Солдаты Тьмы остановили просачивание смертей,— произнес Тай Дэй, оказавшийся гораздо ближе, чем я полагал. Он тараторил на нюень бао так быстро, что я не разбирал многих слов и надеялся понять суть его высказываний лишь в общем контексте.

— Я предупреждал тебя о необходимости не распускать язык...— начал дядюшка Дой, обращаясь к Готе.

— Я сама могу предупредить тебя о чем угодно, мошенник!

Точнее употребленное ею слово означало на нюень бао и «мошенника» и «фигляра», причем в превосходной степени, и по звучанию весьма походило на один из терминов, соответствовавших понятию «жрец». Ножа бы такой подход к делу порадовал. Меня он удивил.

До сих пор матушка Гота относилась к Дою с куда большим почтением, нежели ко всем остальным. С ним она считалась. Теперь же они бранились, как дети.

Правда, у меня сложилось впечатление, что содержание перебранки не имело отношения к истинной природе их размолвки. Но понаблюдать за всем этим было весьма любопытно.

Тай Дэй воспользовался кратким перерывом в их разговоре, чтобы указать и той и другому, что они позволяют себе ссориться на глазах у Костяных Воинов, один из которых владеет языком нюень бао. Дой тут же смекнул что к чему, прикрыл пасть и решил пойти прогуляться.

— Надеюсь, какой-нибудь не в меру нервный солдатик не подстрелит его в темноте — пенароком,— поинтересовался я.

Тай Дэй потащился следом за дядюшкой.

Оставшись без собеседников, Гота приумолкла. Она явно была не прочь насесть на меня, но, видимо, решила, что хоть я и ее зять, прежде всего являюсь Солдатом Тьмы. И вообще, родом не из нюень бао, стало быть, ниже меня разве что земляные черви.

Однако я и сам был не против маленькой перебранки: какого хрена меня разбудили раньше времени?

— Все это довольно забавно,— громко промолвил я.

Матушка Гота, брызжа слюной и что-то лопоча, удалилась во тьму.

— Эй,— спросил я, обращаясь невесть к кому.— Кто нибудь слышал о созвездии под названием Аркан? Какие-нибудь легенды или хоть что-то?

Никто не отозвался. Этого и следовало ожидать.

На протяжении нескольких следующих дней я задавал тот же вопрос кому ни попадя и всегда получал один и тот же ответ. Похоже, даже Нарайян Сингх, которому следовало бы знать все обо всех удавках на свете, ничего не мог сказать на сей счет. Во всяком случае, Госпоже не удалось вытянуть из живого святого Обманников что-либо вразумительное.

Так или иначе, ему предстояло превратиться из живого святого в живого мученика. Впереди его ожидал лишь безжалостный ужас.

Убедившись, что Врата Теней держатся, я не спеша вернулся в свой бункер. Казалось, будто знамя излучает силу. Видимо, там происходило нечто заслуживающее внимания, и мне следовало сходить к Костоправу, что я и собирался сделать, как только хоть чуток заживет ляжка и удастся малость соснуть.

Родственнички особой проблемы не представляли — никто из них так и не вернулся в наш паршивый бункер. Наслаждаться каменным полом и вонью предстояло мне одному. Едва положив голову на жесткое изголовье, я уснул.

81

Некоторое время я спал по-настоящему. И наверняка видел обычные сны, хотя ни одного из них не запомнил. Потом мой дух каким-то необъяснимым образом отсоединился от тела. Каким именно, я не понимал, но главное, что это не стоило мне особых усилий. Поначалу я и не порывался никуда двигаться самостоятельно и позволил волнам нести меня куда придется.

Затем я поднялся ввысь, что потребовало некоторого напряжения воли. Мне захотелось как следует разглядеть созвездие, приведшее в такое возбуждение матушку Готу. Для этого мне пришлось подняться довольно высоко. И оставалось неясным, как можно было разглядеть это скопление звезд от Врат Теней.

Впрочем, это не особо меня волновало. На какое-то время мое внимание привлекла равнина камней: что-то вроде бледного света привилось там, где только что был виден лишь сгусток тьмы. Хотя это могло мне и показаться.

Сам не знаю почему, я не отправился туда и не стал ничего проверять. Хотя я впоследствии не мог понять, по какой причине. Скорее всего, я обленился настолько, что не хотел действовать даже тогда, когда для этого только и требовалось, что подумать. Искать Могабу и Гоблина мне тоже не захотелось, и, в конечном итоге, я решил наведаться к Душелову. Возможно, она уже пришла в себя настолько, чтобы начать злиться, строить козни, а то и выкинуть какой-нибудь интересный фишт.

А может быть, она просто улеглась спать.

Так оно и было — Душелов просто спала под деревьями, все ветви которых были усеяны воронами, словно они собрались со всего света оберегать ее сон.

Надо думать, пташки не голодали. Земля под деревьями была покрыта пометом. Под деревьями шныряли Тени, сожалея о том, что вороны не спускаются к ним поиграть.

Подражая Тени, я нырнул в пещеру Ловца. Ее ограждали чары, не пропускавшие губительные сгустки тьмы, но я имел иную природу и потому смог попасть внутрь.

Ловец спала. Часто ли с ней случалось такое? А вот Дщерь Ночи бодрствовала. И, будучи особой чувствительной, ощутила мое присутствие.

— Мать,— пробормотала она, привстав на ложе из сосновых иголок.

Ловец спала чутко. Едва заслышав звук, она встрепенулась, словно в ожидании опасности. Сестра Госпожи была в маске, являвшейся ее отличительным знаком в прошлые времена. В последнее время она по большей части обходилась без нее, хотя я редко видел Душелова на публике. И никогда во плоти.

Эта женщина походила на Госпожу, хотя обладала чертами еще более тонкими и чувственными. Костоправ утверждал, будто в свое время устоял перед ее соблазнами. Вроде бы я ему верю. Но как это ему удалось — не представляю. Несмотря на всю мою любовь к Сари.

Может быть, все дело в его возрасте?

Прибежище Ловца было освещено свисавшей с потолка лампой — двоюродной сестрицей наших отгонявших Тени свечек. Светила она неярко, но так, что не оставляла и уголка, где могла бы затаиться Тень.

— Что ты сказала? — произнесла Ловец голосом удавленного, едва способного издавать хриплый шепот, но наполненный злобой, нагонявшей ужас, который соответствовал репутации Десяти Взятых. Сочувствия и тепла в нем было не больше, чем у змеи или паука.

Дщерь Ночи не откликнулась, словно Душелова и не было.

— Нечего упрямиться,— усмехнулась Ловец, словно испорченная девчонка, судящая о мальчишках.— В этом нет смысла. Никто тебе не поможет...

Теперь ее голос стал предсмертным хрипом умирающего от рака старца.

— Ты будешь делать то, что угодно мне. Мне же угодно, чтобы ты повторила только что сказанное.

Девочка вскинула глаза. Исполненные отнюдь не любви к тетушке.

Душелов рассмеялась.

Временами она бывала весьма жестокой.

Колдунья сделала жест, и дитя забилось в мучительной агонии. Девочка подавляла крики, не желая доставлять удоволь-

ствие своей пленительнице, но ничего не могла поделать со своим телом.

— Думаешь, здесь побывала твоя мать? Нет у тебя никакой матери, ни моей сестрицы, ни Кины! Все это бредни, — произнесла Душелов голосом счетовода, отчитывающегося о прибылях за неделю. — Теперь я твоя мать. И твоя богиня. И единственная причина, позволяющая тебе жить.

Я слегка переместился в пространстве, чтобы лучше их видеть, и, возможно, потревожил своим движением пламя лампы. А может быть, ветром пахнуло снаружи. Так или иначе, Ловец замолкла и насторожилась.

— Здесь кто-то есть, — промолвила она через минуту тоном взбалмошной девчонки. — И ты решила, будто это твоя мамочка Кина, так? Но на сей раз ты дала маху.

Душелов сделала неуловимый, стремительный жест затянутой в перчатку рукой, и Дщерь Ночи рухнула без сознания. Ловец привалилась к стене и подтянула к себе пару драных кожаных мешков. Учуять я ничего не мог, но готов был побиться об заклад, что пахло от нее так же, как и от Ревуна. Она считала себя неотразимой красавицей, но при этом не находила нужным тратить время на личную гигиену. Возможно, запах мог помочь противостоять ее соблазнам не хуже, чем память о Сари.

Отвлекшись на размышления, я едва не попал впросак. Ловец вроде бы ничего и не делала — просто копалась в своем барахле. Выручило меня то, что она привыкла к одиночеству или к компании своих ворон. А потому размышляла вслух.

— Окажись здесь эта придурковатая богиня, я бы ее учуяла. К тому же, она наверняка отмочила бы какую-нибудь глупость. Нет, тут вынюхивает кто-то другой. Может, моя ненаглядная сестрица?

Последние слова были произнесены с нескрываемой злобой.

Руки ее взметнулись над кожаным мешком, но я метнулся прочь, и весьма удачно, что не к выходу. Невидимая черная сеть, брошенная ею, пролетела от меня в паре футов. После чего я направился-таки к выходу, ибо, хотя и не знал, могу ли попасться в эту ловушку, испытывать судьбу не имел ни малейшего желания.

Душелов рассмеялась. То было не девическое хихиканье, а злобный смех взрослой женщины.

— Кем бы ты ни был, я не могу тебя одурачить? Или все же могу?

Наверняка она могла — стоило только постараться. Потому-то я и решил убраться восвояси. Как и все Десять Взятых, она боялась Госпожи гораздо больше, чем могло показаться на первый взгляд. И этот страх доводил ее до безумия.

Ловец принялась жестикулировать, бормоча что-то на незнакомом языке, какими всегда пользуются кудесники. Возможно, то был язык ее детства. Уже выбираясь наружу, я ощутил присутствие Тени.

Тень содрогалась, но она явилась, повинуясь воле Ловца. Зачем да почему, я выяснять не стал. Достаточно было и того, что удалось узнать: Душелов обрела власть над Тенями. А значит, с падением последнего Хозяина Теней наступало время новой владычицы тьмы.

Она есть тьма.

82

— Ну, я был прав? — спросил Костоправ.

— Насчет знамени?

— А чего же еще?

Похоже, он был раздосадован — не иначе, как давало о себе знать постоянное соседство с чокнутой компанией: Копченым, Сингхом и Длинотенью.

— Вероятно. Его воздействие весьма ощутимо. И Тени действительно не проходят.

Я снова натер себе ляжку, и она изрядно болела.

— Однако трудно сказать, что именно их останавливает: знамя или манипуляции Госпожи.

— Но, так или иначе, *что-то* Копье сделало?

— Несомненно. Какое-то воздействие ощутили все, и многие напрямую связали его со знаменем.

Когда я заходил к Старику, Тай Дэй всегда оставался снаружи, чем я и воспользовался, чтобы без помех рассказать о размолвке между дядюшкой Доем и матушкой Готой.

— Так они расплевались из-за этого... Аркана?

— С него все началось. Но мне думается, созвездие было лишь предлогом. У их размолвки более глубокие корни.

— Возможно, это только начало, — с усмешкой заметил он, явно припомнив шалости Готы с Одноглазым.

— Кстати, где этот хренов колдунишка? — поинтересовался я. — Предполагалось, что в мое отсутствие он будет блуждать с Копченым, но, как я вижу, Госпожа крепко вцепилась в этого паршивого пожарника.

Костоправ пожал плечами.

— Не до него. С глаз долой, из сердца вон.

Возможно, Одноглазый отправился за своим самогонным аппаратом, который не был найден во время раскопок его норы. Хотя, как я подозревал, спасатели искали это чудо техники куда более рьяно, чем самого кудесника.

— У меня был сон, — промолвил я. — Весьма реальный и очень тревожный.

— Хм?

— Ловец научилась управлять Тенями. На манер того приятеля, которого мы сцапали.

Длинотень пребывал в обмороке, более глубоком, чем у Копченого, — последний издавал стоны через каждые несколько минут.

— Я разочарован, но не удивлен, — со вздохом отозвался Костоправ. — От нее следовало ожидать чего-то подобного.

— Ты собираешься что-нибудь предпринять по этому поводу?

— А разве я уже не предпринял?

— Не понял, командир.

— Она научилась командовать Тенями. Но источник целей контролирую я. И мне нет надобности подбираться к ней близко, хотя рано или поздно я собираюсь это сделать.

— Когда дело касается Душелова, я не стал бы предаваться излишней самонадеянности. С ней ни в чем нельзя быть уверенным. Помнишь, как она подсунула нам этого поганого беса Жабомордого?

— Я ничего не принимаю как само собой разумеющееся, Мурген, — отозвался Костоправ, бросив взгляд на свою подругу, лежавшую без движения рядом с Копченым. — Но в то же время стараюсь, чтобы паранойя скрутила меня и не сделала бы полным идиотом.

В этом вопросе с ним можно было поспорить. Правда, он разгромил Хозяев Теней и укрепился настолько, что уже мог не опасаться коварства наших вероломных союзничков.

Все это хорошо, но Душелов — совсем другое дело.

Копченый был тысячу раз прав, заявляя, что *Она есть тьма.*

83

У выхода из бункера Костоправа меня перехватил Одноглазый:

— Ее милость все еще занята тем самым делом?

— Хм... Ты имеешь в виду?..

— Ты прекрасно знаешь, что я имею в виду, Щенок.

— Да.

— Черт побери, с тех пор, как она пристрастилась к прогулочкам, я не могу прорваться туда и на десять минут. Может, она сочла себя слишком исхудавшей и решила войти в тело?

Я не сразу понял, что он имел в виду, но, когда вспомнил, какой жор одолевал меня после прогулок с Копченым, расхохотался.

— Почему бы и нет? Это вполне возможно.

Одноглазый что-то буркнул и, тяжело ступая, поплелся прочь. Впрочем, ушел он недалеко, пристроился возле своей развороченной норы и принялся возиться там, словно собака, пытающаяся вытянуть кролика. Явно лишь затем, чтобы убить время в ожидании прогулки с духом. Я тоже занялся своими делами — точнее, стал тянуть резину, потому как не имел особой охоты возвращаться ко Вратам Теней. Порывшись в разном хламе минут десять, Одноглазый снова притопал ко мне.

— Вчера я нашел это маленькое дерьмо, Гоблина, — прошлой ночью он собирался напасть на Прабриндраха Драха. Как тебе это нравится?

— Хм, — только и сказал я.

Хотелось верить, что, если эти ребята и впрямь затеют обмен пинками по заднице, наш коротышка сумеет захватить князя живьем. Тогда мы могли бы держать его сестрицу на крючке: из страха Радиши можно было извлечь куда больше пользы, чем из жажды мести. Зная, что мы можем расправиться с ее братцем, она бы десять раз подумала, прежде чем подстроить нам очередную пакость, потому как она не из тех, кто прыгнет за мужчиной в погребальный костер.

— Этот гаденыш показал себя способным парнем, когда выступил против нас,— заметил Одноглазый,— я не уверен, что коротышка сумеет с ним сладить.

— Ты беспокоишься о Гоблине? *Ты?*

— Я? Да на хрен мне этот придурок сдался? Плевать я хотел, что с ним будет. Просто, ежели этот недоносок сдуру налезет на Прабриндраха Драха, мы можем утонуть в дерьме по темечко так, что оттуда и не выглянешь.

— Боюсь, что глубже, чем мы сидим, нам уже не вляпаться. А укокошить нас они могут лишь один раз. И мы знаем, что они собираются предпринять.

Одноглазый фыркнул. Он никак не хотел признавать, что беспокоится за Гоблина, хотя попросту сходил с ума по своему недругу. И то сказать — ни с кем другим он не мог так развлечься.

— Слушай,— сказал ему я,— ежели тебе неймется задеть кого-нибудь, кто может дать сдачи, почему бы не попробовать дядюшку Доя?

Неожиданно нашей шутливой беседой заинтересовался Тай Дэй. Хотя Одноглазого моя шутка не развеселила.

— Ты полагаешь, Госпожа была права насчет этого типа?.. Как он выглядит?

— Не хуже тебя, рожа неумытая. Думаешь, она когда-нибудь давала промашку насчет таких вещей?

— Ну... она баба сообразительная,— сварливо пробурчал Одноглазый.

Тай Дэю до смерти хотелось выудить что-нибудь из нас, но он не мог этого сделать, не развязав язык. Будь он из тех парней, которые треплются без умолку, ему было бы гораздо легче.

Я рассмеялся.

— Ты снова собираешься туда? — спросил Одноглазый.

— Надо. Раз командир велит.

Колдун хмуро оглядел плато.

— Чертовы талы, того и гляди ударят нам в спину. А я уж собрался было уйти на покой, как только мы покончим с Длинотенью. Надо ж было эдак меня обдурить. Теперь мне не останется ничего, кроме как бултыхаться в этом дерьме и ждать, когда мне засадят раскаленную кочергу в... Э, а вот и мой шанс.

Он торопливо припустил к норе Костоправа. Вылезла на свет Госпожа. Выглядела она более изможденной, чем когда бы то ни

было. Должно быть, нагулялась с духом на всю катушку. Опершись о столб, она что-то тихо промолвила вестовому, после чего поспешила к лагерю. По мне она лишь скользнула взглядом, словно ей стоило труда припомнить, кто я такой. Что, возможно, соответствовало действительности. Предполагалось, что я должен был находиться в другом месте.

Я решил отправиться домой. Хотя и не считал свою нору лучшим прибежищем для усталого солдата.

84

Матушка Гота ни в какую не желала разговаривать с дядюшкой Доем. Равно как и со своим драгоценным сыночком. Но, поскольку Гота и молчание являлись понятиями несовместимыми, она в конечном итоге заговорила со мной.

Уж больно этой старой зануде не нравилось, как складывается ее жизнь, пусть даже ей и не хотелось разглагольствовать на эту тему перед Солдатом Тьмы, хотя бы этот хренов солдат и являлся ее родным зятем. Этот самый зятек явно создавал себе пристойную карму. Я терпел ее брюзжание и лишь изредка позволял себе замечания по поводу совсем недавних событий.

— Могла бы и домой отправиться, — буркнул я ей. — Всего-то и делов: собрать манатки и свалить в ваше хреново болото. Пусть дядюшка Дой сам варит свой горчец.

Совсем недавно выяснилось, что тенеземцы выкапывают и лопают за милую душу корень, который на первый взгляд кажется совершенно несъедобным. Но оказалось, что, ежели это дерьмо прокипятить часиков эдак семь-восемь, оно становится почти съедобным — на вкус вроде дубовых опилок. Его жрали, потому как иной жратвы все едино не было. Костоправ не разрешил парням наведаться в закрома Вершины.

Дядюшка Дой разузнал о горчеце давным-давно, хотя до Чарандапраша его вроде бы и не знал. Интересно, как он набрал столько этого барахла, болтаясь невесть где? Наверное, он заготавливал фунтов по двадцать за раз.

— Ты, Костяной Воин, предпочитаешь, чтобы я пренебрегла своим долгом?

Пропади я пропадом, если бы я этого не предпочел. Лишь бы только она свалила от меня подальше. Но, тем не менее, я спросил:

— А в чем заключается этот долг?

Она уже разинула рот, чтобы ответить, но осторожность нюень бао сыграла-таки свою роль. Похлопав открытой пастью, как выброшенная на берег рыба, она сказала:

— Пойду-ка я поищу хворосту.

Сказала на нюень бао, а не на таглиосском, что для меня являлось неплохим признаком. Я в разговор не встревал.

— Хорошая мысль.

Пока я пялился да смотрел, как она отчаливает, ко мне подошел Тай Дэй.

— Очень скоро, — сказал я ему, — Отряд выступит в Хатовар. Твоим соплеменникам не мешало бы определиться на сей счет.

Я потянулся за камнем и вроде бы не сделал никакого выдающего мое намерение движения, но ворона оказалась тут как тут. Она перепрыгнула через камень и насмешливо каркнула. Черных птиц поблизости вертелось немного, но хоть одна из них постоянно находилась возле меня, а у прибежища Костоправа их вертелось не меньше дюжины. Ловец, может, и затаилась, но наблюдать не перестала.

Находившийся неподалеку таглиосец нацелил на ворону бамбуковый шест.

— Побереги эту хреновину для Теней, — крикнул я ему. — Мы еще от них не отделались.

Любопытно, что этот ловчила-стрелок носил грубо сработанную эмблему Отряда. Я вообще не видел ни одного разжившегося бамбуком парня, который не щеголял бы этой штуковиной на какой-нибудь манер. Никто уже не хотел притворяться.

Рыжий подошел ко мне и замер, опираясь на копье. Смотрел он на север, причем очень внимательно. Все молчали. Я воспользовался всеобщим замешательством, чтобы что-нибудь приметить. Но, видать, смотрел не туда.

— Эй, — сказал мне наконец Рыжий, словно бы размышляя вслух, — ты видишь, что, ежели отсвечивает, весь свет падает туда...

— Нет... — Я поднял глаза.

Он был прав. Вкрапления металла на стене Вершины вбирали в себя весь возможный свет. И отбрасывали его на дорогу, по которой я пытался пройти с этим никчемным Одноглазым.

— О нет! Кого это осенило?

Кто-то захотел призвать Душелова.

— Мне подумалось, что это тебя заинтересует, — сказал Рыжий и, подхватив копье, вразвалочку отвалил — наверняка в поисках надежной норы.

— Что происходит? — спросил Таи Дэй.

Я пожал плечами:

— Может быть, настал конец света?

— А может, и нет. Возможно, эта дрянь в бункере решила поиграть со своей сестрицей.

Солнце двигалось своим путем. Блистающие лучи больше не падали на дорогу. Возможно, никто, кроме Рыжего, не заметил, что происходит. Но нечто происходило — это ощутили все.

Впрочем, до поры до времени это никак не сказывалось. Я сделал кое-какие заметки, приглядывая за матушкой Готой, удалявшейся все дальше. Похоже, она решила собрать хворост со всей округи.

Дальние склоны холмов накрывала тьма.

— Темнеет, — сказал я. — Особенно близ того места, где в последний раз видели Душелова.

Тьма сгущалась...

Я ахнул. Никакой Тени не было. Существовало лишь облако тьмы, поднимавшейся из горных ущелий и из-под корней деревьев. Словно взлетели все вороны на свете. Черная туча становилась все больше.

— Должно быть, это все вороны мира,— выдохнул я. Облако продолжало расти и, кажется, направлялось в мою сторону.

Неожиданно черную тучу изнутри рассекла молния. Налетел шквал. Я начинал терять представление о том, кто я, где и зачем.

— Что за бред? — послышался чей-то голос.

— Что за вонища? — подхватил второй.

То была Кина. Чего я объяснить не мог.

Еще несколько молний распороли грозовую тучу ворон, большая часть которой устремлялась в мою сторону. Смрад Кины превысил все мыслимые пределы. Откуда-то издалека доносились странные звуки, не вызывавшие панику, хотя и каким-то образом связанные с ней.

Тьма сгустилась и охватила меня, подхватив, как мать поднимает растерянное дитя. Во тьме мне показалось лицо Кины, но овладела мною не она. Богиня снова оказалась сбитой с толку.

Здесь она была не одна, там находилась и Госпожа, возможно, оседлавшая Копченого, а может быть, проникшая в мир духов каким-то другим способом. Скорее всего, молнию устроила она. Одной рукой эта юркая бабенка держала за шиворот Кину, а другой пыталась отшлепать свою сестру.

Душелов была там же: эта стерва не выглядела обеспокоенной, хотя и оказалась зажатой между жутковатой богиней и сестрой, которую предпочла бы сжечь заживо, похихикивая при этом над костром. Уж эта-то баба точно была чокнутой.

Тьма обволокла меня. И поглотила. И попыталась сожрать, но я оказался несъедобным. Почему и был выплюнут, после чего заковылял сам не зная куда, как пьяный. В башке зазвучал голос:

— Вот ты где, миленок. Я по тебе соскучилась. Мы так долго не виделись.

Лунный свет отражался от черной, полной трупов воды, омывавшей стены Деджагора. Мне казалось, будто в воде кто-то шевелится: хочет ухватить меня за глотку и затянуть вниз, где в темноте белеют голые кости. Я бросил взгляд налево: там стоял давно умерший вещун нюень бао Кы Дам. Вместе со своей женой Хонь Тэй. Старуха повертела пальцем: этот жест я мог счесть за благословение.

Меня вновь поглотила тьма. И вновь отрыгнула — видно, от Мургена кое у кого несварение. Я обнаружил себя на дереве, решительно не понимая, что, зачем и почему. Проморгавшись, я увидел людей, принадлежавших к полудюжине разных рас, которые умерщвляли несчастных, подвешенных чуток пониже меня. Деревья негодующе трепетали: приветствуя смерть, они ненавидели пролитие крови.

Я находился в Роковом перелеске.

Висел на дереве?

Пытаясь протереть глаза, я поднес руку к лицу. Обзору мешали белые перья.

В следующий миг я потерял сознание. И отправился в сотню мест. Или сотня мест — равно как и времен, где я бывал в последние несколько лет,— прибыла ко мне.

Затем я оказался на равнине костей, где царствовала тьма. Черный ветер обдувал кости, трепля меня, словно лист. Вороны насмешливо каркали, сидя на голых ветвях. Я провалился в еще более глубокую тьму и обнаружил себя бредущим по покатому полу тоннеля, где покоились скованные ледяной паутиной старцы.

Голова моя наполнилась гулом. Вроде бы в нем содержалось некое сообщение, но сути его я разобрать не мог.

Затем дрожание мира переросло в голос Тай Дэя.

— Вставай, знаменосец,— обеспокоенно промолвил он на шоень бао.— Отзовись.

Я бы и рад, но челюсти не шевелились. Мне удалось лишь издать невнятный стон.

— С ним все в порядке,— послышался голос дядюшки Доя. Я открыл глаза. Дой стоял на коленях подле меня, прикасаясь пальцами к моей шее.

— Что случилось, Костяной Воин?

Я привстал — с трудом, ибо чувствовал себя опустошенным, хотя и не заметил, чтобы прошло хоть какое-то время.

— Что там творится? — задал я встречный вопрос. В некотором отдалении по-прежнему кишели тучи ворон, хотя и не в таком количестве, как несколько мгновений назад.

— Где? — спросил Тай Дэй.

— Там. Там, где птицы.

Тай Дэй пожал плечами:

— Я не видел ничего особенного.

— Как? Ни облака тьмы? Ни молнии?

Тай Дэй немного помешкал, после чего сказал:

— Нет. Ничего подобного я не видел.

Дядюшка Дой задумчиво уставился в пространство.

Мне надо заморить червячка. Хоть я и не гулял с духом, но чувствовал некоторую слабость.

И все произошедшее внушало тревогу.

85

Меня вызвали к Костоправу. Я пошел. Времени прошло всего ничего, но все вокруг выглядело мирно. Солдаты казались довольно бодрыми. Тени ребят не тревожили. Наших ребят.

— Явился,— сказал я Старику, когда меня пропустила его охрана.

— Где твоя теща?

— Славный вопросик. На днях она сказала, что пойдет за хворостом. С тех пор и улетучилась.

— Как и Одноглазый!

Я разинул рот, а затем начал хихикать. Хихиканье переросло в идиотский хохот. Меня сложило вдвое.

— Вместе смылись? Только не говори, что они смотались вместе!

— Я об этом и не заикался. Кончай ржать. Действуй, — сказал он, указывая на клетушку, где держали особо заслуженных парней. — Бери Копченого и найди их.

Я двинулся в ту сторону, не переставая смеяться.

— А что, ни ты, ни Госпожа с этим не справились?

— Нам не до того. Мы были заняты перегруппировкой сил.

— Она вконец зациклилась на прогулках с духом?

— Попридержи язык. И принимайся за дело. Некогда мне тут болтологией заниматься.

Костоправ жестом указал, куда мне следовало двинуть. Он был не в лучшем настроении. Должно быть, в последнее время не высыпался.

За занавеской находился один Копченый.

— Эй, что случилось? Остальных двоих ты на помойку выбросил?

— Припрятал в дыре, которая осталась от твоей берлоги. Нужно было куда-то это дерьмо запихнуть.

Я отдернул занавеску. В конце концов, он командир. И не обязан со всяким любезничать.

Копченый выглядел не так, как обычно. Госпожа сделала что-то, позволявшее держать его под контролем, но теперь он казался не впавшим в кому, а как следует вдевшим.

К тому же основательно смердел. Кое-кто пренебрегал своими обязанностями.

— Эй, ты ведь как-никак лекарь. Должен бы знать, как важна чистота. Этот малый вконец протух.

— Блеванешь — я ведро подставлю.

Ведра я дожидаться не стал. И занялся делом.

Костоправ уже сделал соответствующие приготовления. Рядом дожидались и водица, и свежий хлеб, который я тут же и слопал. Начальство, ясное дело, кормится не так, как простые парни. В последнее время мне в рот не попадало ничего, кроме горчеца, — да и того небогато. Надо будет указать на это Рыжему.

— Сгоняй кого-нибудь за колбасой, — пробормотал я. Может, когда мы наконец доберемся до Хатовара, он окажется чем-то вроде веднаитского рая, где куча девиц только и думает о том, как ублажить провонявших потом старых козлов, а в промежутках между утехами занимается тем, что готовит жратву. Превкуснейшую.

— Кончай дурью маяться,— сказал Костоправ.— Этот паскудный коротышка достаточно чист.

— Должен же кто-то за ним приглядывать,— пробубнил я, не испытывая особого желания браться за дело. Старый козел выглядел так, будто у него была ранняя стадия дистрофии.

Костоправ удостоил нас только лишь хмурым взглядом. Судя по всему, ему было не до того.

— Ты как, со своим делом справишься?

— Повезет, так и справлюсь.

Справиться-то я мог, но мне очень не нравилось быть в роли придурка, болтающегося, ровно мячик, между Ловцом и Кипой. И равниной костей.

Я попытался подавить свой страх — даже не подозревая, сколько его во мне. Особенно мне не нравилось быть птицей. Вот уж чего я на дух не переносил.

Теперь Ловец знала, что я способен блуждать по миру духов, не прибегая к ее ухищрениям. Возможно потому, что она сама указала мне путь. Но пыпче я опасался, как бы она не сцапала меня, когда я ей подвернусь. Чего-чего, а этого мне не хотелось.

— ...Мурген!..

Я прожевал последний кусок хлеба и запил его последним глотком воды. Хочешь не хочешь, а работать надо.

Должно быть, Гоблин заподозрил, что за ним подглядывают. Мне не удалось бы отыскать этого типа, не имей я представления о том, каким может быть ход его мыслей. Но уж я-то знал, каков этот хитрюга. По правде сказать, он использовал для сокрытия себя и своей шайки наипростейшие чары: всего-навсего отводил глаза. Похоже, Могаба его не слишком тревожил.

По моему скудному разумению, Одноглазый, коли уж смылся, должен был отправиться к Гоблину. Эти ребята дружили, когда никого из нынешних братьев Отряда и на свете-то не было. Кроме, конечно, Госпожи.

Беглый обзор показал, что пока еще Одноглазый к Гоблину не присоединился. Облетев дорогу на Кьяулун, я не приметил его и там. Должно быть, на день он где-то затаился.

А вот Гоблин обозначил себя неплохо, заманив в засаду самого Прабриндраха Драха. Причем безо всяких там дурацких чар. Эдак по-простому.

Засада была обычным, можно сказать, традиционным делом для Черного Отряда. Князь нарвался на нее в сумерках. Его сопровождало несколько сот солдат, что значительно превосходило силы Гоблина. Из кустов в его людей полетели стрелы. Кое-кого из таглиосцев они зацепили. Послышалось улюлюканье. Затем последовала новая лавина стрел.

Прабриндрах Драх понятия не имел о том, кто на него напал. О Гоблине он ведать не ведал, и скорее заподозрил бы тенеземскую шайку, нежели наш Отряд.

Мы научили таглиосцев отвечать на засаду немедленной контратакой. Прабриндраховы парни так и поступили, хоть и не сразу. Большая половина из них рванулась в кусты, желая разделаться с теми, кто там шуршит. Шуршали в основном Гоблиновы призраки, а заодно и переполошившиеся совы.

Затем Гоблин перешел в наступление. Причем бросил в атаку призраки ребят, которых таглиосцы, будь среди них хоть один, способный к здравому размышлению, должны были бы принять за давно умерших. Я приметил и свой собственный призрак: не кто иной, как Мурген проламывался сквозь кусты, размахивая ржавым, зазубренным мечом.

Парочка Гоблиновых солдат и целая орава призраков отошли к Кьяулуну, оттянув на себя значительную часть сил князя, после чего Гоблин атаковал остатки его отряда. Стычка была короткой, но энергичной. Когда улеглась пыль, наш недавний работодатель оказался пленником. Причем он был не в лучшем виде, потому как получил добрую дюжину ран.

Гоблин до самого рассвета продолжал морочить таглиосцев иллюзиями, уже не особо заботясь об их правдоподобии. Таглиосцы предприняли отчаянную попытку вызволить своего князя, но она не увенчалась успехом. А после того, как на них напали еще и Тени, ребята припустили на север, разнося весть о возможной гибели князя.

Можно было представить себе, чем эта весть обернется, когда она достигнет Таглиоса. Права Радиши на верховную власть многим и многим казались более чем сомнительными. Главным образом, святошам. Законного наследника у Прабриндраха не было, Бабу поддерживали в основном миряне, так что дело пахло междоусобицей. Вопрос о престолонаследии обсуждался долгие годы, но жрецы и знать без конца переливали из пустого в порожнее, находя другие вопросы более важными.

— Ха-ха,— не смог я сдержать ехидного смеха. Похоже, Баба начнет расплачиваться за свое коварство еще до того, как ею займется Отряд. Должно быть, решил я, Одноглазый с Готой все еще куда-то плетутся. А стало быть, чтобы сцапать эту парочку, лучше всего вернуться к тому моменту, когда они свалили.

В известной степени это сработало. Выяснилось, что, как только Гота застала Одноглазого одного, они быстренько перемолвились, затем колдунишка скорехонько вытащил из своей порушеной халупы какой-то узел, после чего смазал пятки, направляясь в ближайший лесок.

Говорили они — во что трудно было поверить — мало. Одноглазый не отличался сдержанностью в речах, а уж о матушке Готе лучше не поминать. Однако она почти не высказывалась — разве что невразумительно сетовала на неправильный уклад жизни.

Но, как только эта парочка вступила под сень деревьев, следить за ними оказалось чертовски трудно... Ну конечно, ведь этот старый козел — колдун. Причем колдун, знающий о моих прогулках с Копченым.

Я сосредоточился на нем, но тут мир снова начал содрогаться. Опять землетрясение?

В следующий момент до меня дошло, в чем дело. Кто-то за пределами мира духов возжелал со мной пообщаться. Я неохотно вернулся в свою плоть.

— Пора и очухаться, черт возьми! — рявкнул Старик, когда я открыл глаза. — Мы уж испугались, что ты вовсе не вернешься.

— Уф. — Я потянулся за чашкой, но выяснил, что у меня не хватает сил до нее дотянуться. Слишком уж я был измотан. Капитану пришлось влить воду мне в глотку.

— Ох, я вконец умотался. Долго меня не было?

— Одиннадцать часов.

Вот те на! Одноглазый изрядно постарался, чтобы его не смогли найти.

— Бьюсь об заклад, как только стемнеет, его невозможно будет найти, — сказал я, прочистив глотку глоточком подслащенной воды и не совсем понимая, что именно говорю. Я имел в виду темень того вечера, когда он смазал пятки.

Но *тьма приходит всегда.*

Костоправ потратил кучу энергии на матерщину.

— Могу наблюдать за теми местами, где собираются вороны, — сказал ему я. — Есть вороны, значит, есть и за чем приглядеть. Пташки и впрямь вились повсюду, кроме, разве что, тех мест, где прятался Гоблин, у которого имелись совы и другие собственные магические заморочки. Все остальное не разберешь, наверняка там действует мелкое колдовство.

Наверняка и люди, и вороны что-то означали, но у меня мозгов не хватало, чтобы сообразить, что именно.

— Ладно, будем считать, что он свалил. До поры. Я не хочу, чтобы ты проваливался туда, да так, что тебя не дозовешься. Будем считать, что он свалил, — повторил Костоправ с мрачной ухмылкой. — Он вернется. Сразу после того, как удушит эту шлюху, лишь только утратит ощущение новизны. Возвращайся туда. Не спускай глаз со знамени. И пришли мне все заметки, которые успел сделать.

Вот те раз. До сих пор он не проявлял особого интереса к Анналам.

— Когда мы двинемся в путь? Или так и не двинемся?

— Не раньше, чем соберем урожай. До тех пор нам лучше и не рыпаться. Так что отдыхай.

Отдыхай, мать твою перемать. Отдых, вроде того, которого я нахлебался в Деджагоре. Ему наплевать, потому что он думает, будто может перекинуться в картишки с Душеловом.

— Когда ты на днях встречался с Душеловом, ты как, и впрямь рассчитывал ее обдурить?

Я до сих пор не понимал, враждуют они или дружат.

— Проследи за моей милашкой. Скорее всего, ты увидишь ее за делом. Она вбила себе в башку, что, ежели будет беспрестанно дергать Душелова, та не сможет сосредоточиться на том, чтобы устраивать нам гадости.

— Экая удачная мысль. Тыкать палкой в гнездо гадюк, да еще надеяться, что им будет не до тебя! Почему бы заодно не поворошить осиные гнезда да медвежьи берлоги?

— Найди Одноглазого или садись за Аншалы. У меня здесь и без тебя дел по горло.

— Тебе не мешало бы поспать, — заметил я, направляясь к выходу. — Может, тогда будешь меньше собачиться.

Есть цвет. В нем есть некая своего рода жизнь. Я свет.

Без света не может быть тьмы.

Есть смерть. Перья, осыпавшиеся, как шелуха, с сотен ворон, окружают кренящийся трон.

Смерть всегда проложит себе путь. Тьма проберется внутрь.

Тьма приходит всегда.

Глаза восседающего на троне широко раскрыты. Они слепы. В них нет зрачков, и они похожи на полуподжаренные яйца, но, кажется, это существо все же видит. И, несомненно, нечто осознает. Оно напрягается, воспринимая появление каждого вестника из внешнего мира, призывает каждую птицу к себе и досадует, если ворона медлит или противится зову.

Земля содрогается.

Трон скользит на фут, кренится на дюйм. Тревога делает еще явственнее боль на лице спящего. Трещина в земле разверзлась еще шире. Ветер шепчет в глубинах, посылая вверх разноцветное дыхание. Более холодное, чем сердце умирающего с голоду паука, несущее в себе ком мрака.

Трон сдвигается на дюйм.

Смерть найдет дорогу.

Ибо уходят даже боги.

86

Дела шли слишком хорошо, чтобы такое могло продолжаться долго. Лето оказалось прямо-таки идиллическим — и тепло, и не слишком жарко. Дожди шли когда надо — как раз, чтобы подпитать наши посевы. Урожай обещал быть таким, о каком земледельцы всю жизнь без толку молят своих богов. И уж мы — не будь дураки — постарались внушить этим самым земледельцам, что эдакая природная благодать — целиком и полностью наша заслуга. Фуражиры раздобыли достаточно тяглового скота, чтобы можно было двинуться в путь, не отягощая себя излишним снаряжением.

Ребята даже ели баранину — кроме, конечно, тех, кто продолжал придерживаться идиотских гуннитских запретов насчет мяса.

Правильно говорят: коли солдат жрет, так вперед и прет. Благодаря предусмотрительности и упорству Костоправа мы получили от таглиосцев все, что было возможно. Конечно, сказались и четыре года, буквально подаренные нам благодаря идиотскому бездействию Длиннотени. И почему только этот остолоп не послушался Могабы? С другой стороны, Кина и не таким пудрила мозги — на то она и мать Обманщиков.

Говорят, она затуманивала сознание даже богам.

Мы еще не отошли от зимы и не нагуляли жирок, но уже начинали поговаривать о дальнейших действиях. Ни Душелов, ни Могаба, ни уцелевшие приспешники князя — коли такие были — никоим образом не пытались испортить нам настроение. Отношения с местным населением складывались вполне приемлемо. Особенно после того, как по наводке Госпожи старик послал ребят разведать, что к чему на Вершине. А эти ребята нашли там кучу всякого ценного барахлишка. Кое-что пошло в казну Отряда, прочее разделили поровну между всеми принявшими присягу братьями, после чего Костоправ объявил о создании рынка, куда местные жители могли приносить на продажу излишки своей продукции. Правда, поначалу они туда не рвались. Но, как только поняли, что мы не собираемся убивать и грабить всех без разбору, торговля стала набирать обороты. Крестьяне — народ практичный, и они быстро смекнули, что наше иго никак не обременительнее власти Длиннотени. Да и мифы, связанные со страшным именем Черного Отряда, не тревожили их, несмотря на близость Хатовара.

Они и названия-то этого не знали. Кина была известна им под многими именами и вовсе не обязательно была символом зла: повелительница мрака имела как разрушительную, так и созидательную ипостаси. Год Черепов тоже не внушал крестьянам особого ужаса: эти ребята не могли представить себе будущее более мрачное, чем их прошлое.

Однако никто не приветствовал и не восхвалял нас как освободителей. Для местных крестьян мы были всего лишь тенью, пришедшей на смену тьме.

Я частенько бродил по рынку в сопровождении Тай Дэя и переводчика, хотя Тай Дэй подобных прогулок не одобрял. Он считал, что любопытство не доведет меня до добра, и при каждом удобном случае давал понять, что считает это качество смертным грехом.

Как правило, возле нас отирался и дядюшка Дой. Напряжение между ним и мною возрастало: я не мог простить ему похищения Сари, хотя и вынужден был хранить на сей счет молчание. Правда, я донимал старикана тем, что расспрашивал каждого встречного южанина насчет созвездия Аркан.

Но на сей счет никто ничего не знал.

Если забыть о разрушениях в Кьяулуне, мир мог показаться вполне сносным.

Я чувствовал себя совсем неплохо, хотя мне и недоставало Сари. Считалось, что я отвечаю за Врата Теней, но в последнее время особо переламываться не приходилось. Все необходимое делали Рыжий с Бадьей, а мне лишь ненавязчиво подсказывали, как и в каких случаях действовать. Создавалось впечатление, будто меня готовят в начальники — на тот случай, ежели придется кого-нибудь заменить. Я предпочитал не упоминать ни о том, что в Деджагоре уже управлялся со Старой командой, и вроде бы сносно, ни о том, что в Отряде имеется лейтенант, причем куда опытнее и закаленнее меня. Лишняя болтовня бывает чревата лишней работенкой.

87

Однажды утром я бросил взгляд вниз по склону и увидел, что в мою сторону направляется маленькая армия: двадцать пять мужиков и столько же ослов, навьюченных связками бамбука.

— Не нравится мне все это, — сказал я Тай Дэю. — Ты только глянь, там Лофтус, Лонгинус и Клетус одновременно. Не говоря уж о Масле с Ведьмаком. Коли уж эта троица собралась вместе, можно биться об заклад: что-то затевается.

Тай Дэй глянул на меня как на несмышленыша: дескать, неужто и вправду считал его дуралеем, способным подумать, будто эта компания заявилась на пикник. Он помнил братишек по Деджагору и, возможно, понимал их бзики лучше, чем я. Но *что-то* затевалось, это висело в воздухе.

Я вышел навстречу парням.

— Эй, принц-отшельник, привет, — помахал мне рукой Клетус.

— Что вы задумали, ребята?

— Да вот пронесся слушок, будто ты обзавелся здесь собственным королевством. А нам любопытно стало: дай, думаем, глянем, что у него да как.

— А я уж решил, будто вы собрались меня отсюда вытурить. Ну, выкладывайте, из-за чего весь сыр-бор?

Последний вопрос я задал на языке Самоцветных городов.

— Решено провести полевые испытания новой игрушки. До сих пор с нею забавлялись лишь в подвалах твердыни.

— Хм. — Возможно, именно по этой причине Старик до сих пор не позволил обжить большую часть Вершины.

— Надеюсь, на сей раз ваша стряпня окажется годной к употреблению.

Лонго чуть не задохнулся от смеха.

— Блюдо будет что надо. Может, и неудобоваримое, зато вполне сгодится, чтобы задать кое-кому перца.

Тай Дэй нахмурился: ему снова указали на место. Он сопровождал Отряд, но не являлся членом нашего братства. Точно так же, как я жил с нюень бао, не принадлежа к их племени.

— Судя по вашим ухмыляющимся рожам, ребята, вы придумали хреновину с кучей рычагов, приводов и прочих причиндалов, которые делают какой-нибудь пшик и шпок, да и то с вероятностью в десять процентов.

— Так-то ты веришь в наши способности. Клет, ты хоть когда-нибудь встречал второго такого же брюзгу, как этот малый?

— Да он просто ни хрена не смыслит в военной технике.

— В военной технике я разбираюсь прекрасно. Вот в том, что творится в головах некоторых военных техников, действительно, сразу не разберешься. Так в чем наша задача?

— Полевые испытания,— напомнил мне Клет.— Мы чуток усовершенствовали бамбуковые шесты Госпожи.

— Дальность полета, скорость, точность попадания,— воодушевленно подхватил Лофтус.— У этого шеста многое нуждалось в кое-каких дополнениях.

Тут он попал в точку. Огненный шар, конечно же, мог причинить человеку немалый ущерб, только вот чтобы чувствовать себя уверенным в том, что ты попадешь шаром в того, в кого целишься, лучше всего ткнуть его шестом.

Появился дядюшка Дой, явно привлеченный болтовней иностранца. Хочется верить, что довольно скоро удастся отучить его совать нос в чужие дела.

— У тебя здесь чудненькое стрельбище, Мурген,— сказал Лонгинус, широким взмахом руки указывая на маячивший вдали лес: от него нас отделяли мили пустого пространства.— А тут,— он указал на Вершину,— и мишень стоит такая, что лучше не придумаешь.— На склоне уже копошились солдаты, расставляя вешки. Другие развьючивали ослов.

— Вот смотри,— заявил Клетус, схватив бамбуковый шест,— это исходная модель. Такой ее создала Госпожа, и такая она была до того, как мы изложили ей свои соображения.

Клет выпустил несколько шаров в направлении сплетничавших ворон. Те разразились насмешливым карканьем. Так никуда и не попавшие шары стало сносить в сторону, они поблекли и, в конце концов, растеряв энергию, растаяли в воздухе.

— Видишь, из этой хреновины и в кучу дерьма не попадешь. Только в Тени, поскольку они притягивают шары. Против иного неприятеля такое оружие не годится — если только стрелять в упор.

— Мы постарались внушить ей, что коль скоро — нравится ей это или нет — солдаты все едино будут использовать бамбук и для стрельбы по *иным* целям,— перехватил у брата нить разговора Лонго,— не помешает дать им возможность попадать туда, куда они стреляют.

— Она проводит немало времени среди солдат,— вновь перенял инициативу Лофтус.— Ей понятно, как у солдата башка варит.

Я ухмыльнулся:

— Да уж наверное. С одним воякой она довольно близка уже пять лет.

Клет цапнул маленький, явно облегченный шест, размеченный шестью черными рисками.

— Вот это довольно оригинальная конструкция.— Он кивнул братьям, которые тоже похватали шесты и нацелились на ворон.

— Валяйте, парни,— скомандовал Клетус.

Шесты щелкнули более резко, чем обычно. Шары взвились в воздух, и вороньи тушки взорвались, разбрасывая опаленные перья. Полетели новые шары, и все они настигали цели. Складывалось впечатление, будто братьям не было нужды целиться особо тщательно: каждый заряд сам находил свою жертву. Подобно тому, как находили они Тени. Клет оперся о шест.

— Думаю, таким образом нам удалось избавиться от некоторых соглядатаев.— Братья его тем временем не теряли бдительности. Лонго ухитрился сшибить ловкую чертовку, лавировавшую между камнями у самой земли.

Шар фиолетового огня несся с быстротой, в четыре раза превосходящей наибольшую скорость полета вороны.

— Пуф!

— Ну, ребята, даете. Теперь я вижу, чего стоит эта хреновина.

И Тай Дэй, и дядюшка Дой, и парни из охранительной линии у Врат Теней все как один оторопели.

— Ну и хрень! — выругался Рыжий.— Мне тоже не помешало бы иметь такую штуку.

— Ты что, особо сердит на ворон? — поинтересовался я.

— Эта штуковина убивает только ворон? — Рыжий задал по существу тот же вопрос.

— Вообще-то,— отвечал Клетус,— палить можно во что угодно. Но, чем больше целей, чем они подвижнее и чем длиннее дистанция, тем сложнее регулировка шеста.

— Вот почему вы здесь,— догадался я.

— Просто решили очистить территорию от пташек.

— И уточнить кое-что, интересное для таких малых, как мы,— добавил Лонго.

— Что может оказаться нелишним,— добавил Лофтус,— принимая во внимание, сколь сомнительны наши перспективы в отношении набора новых рекрутов, тогда как у Таглиоса с солдатами проблем не предвидится. Сколько надо, столько и призовут.

На севере росло число желающих, чтобы Таглиос делал вид, будто все идет так, как и затевалось. Мы явились сюда, собираясь отправиться в Хатовар. Теперь этому ничто не препятствовало. Возможно, ежели таглиосцы перестанут выпендриваться, мы утратим интерес к ним и действительно уберемся восвояси.

Пока я судачил с братишками, ребята под руководством Масло и Ведьмака соорудили козлы, разместили на них площадки с зажимами и навалили кучу всяких приспособлений. Позади площадок выросли полки, и солдаты принялись складывать на них шесты. Не тем, вороньим хлопушкам, чета.

— Ох и громадины! — сказал я. Некоторые из них достигали в длину пятнадцати футов, имея по четыре дюйма в диаметре.

— Штуковины здоровенные, и весьма действенные,— сказал Клет.— И лупят туда, куда прицелишься. Чего мы добивались, так это увеличения скорости и точности. Ну и, ясное дело, того, чтобы при попадании раздавался гром. Ведьмак, покажи.

Ведьмак взял двенадцатифутовый шест, размеченный красными полосками, вставил его в зажим, нацелился куда-то в пространство и зафиксировал зажатым в этом положении.

— Видишь вот тот валун внизу? Он здорово смахивает на шляпу Одноглазого.

Он взвел сложный пружинный зарядный механизм. Мне этот валун вовсе не напоминал шляпу Одноглазого. Он находился в добрых четырехстах ярдах ниже по склону, и наши солдаты, пользуясь обычными шестами, выпустили не менее дюжины шаров, прежде чем один из них чуток опалил валуну бок.

— Обычная история. Ежели случайно во что-нибудь и попадешь, то толку от этого все равно мало. Разве что в человека, его хоть обожжешь. А вот наша игрушка... Давай, Ведьмак,— сказал я.

Ведьмак дал. Послышался треск — вроде как шипит бекон на сковородке. Ярко-оранжевый шар понесся к валуну с такой скоростью, что я едва смог за ним проследить, и угодил в самый его центр; из чертова камня вырвался такой сноп пламени, что мне стало жарко, несмотря на приличное расстояние.

А потом шар выскочил с другой стороны валуна, точно выдавленный прыщ.

— Ох ты! — охнул я.— Чтоб мне сдохнуть! Да ведь в этом хреновом каменюке было не менее десяти футов!

— Трехдюймовый шар способен прожечь слой камня футов в пятнадцать,— пояснил Клет.— Я имею в виду те скальные породы, которые встречаются в здешних краях. Ведьмак, видишь тот серебряный знак, что похож на руку Судьбы? Вделанный в стену? — Он указал рукой на Вершину, где были запечатлены тысячи знаков. Я не понял, какой он имел в виду. Не понял этого и Ведьмак.

— Самая верхняя строка. Ее середина. Знак, похожий на флагшток с двумя флажками, справа вон от того трезубца.

— Усек.

Я тоже приметил этот символ.

— Лупани-ка туда.

— Вы часом не спятили? — вмешался я.— Это ж более трех тысяч ярдов. Ближе к четырем. Ему повезет, если он попадет в стену.

— Готов, — доложил Ведьмак.

— Огонь!

Зашипел поджариваемый бекон. Оранжевый шар сорвался с конца шеста — и достиг стены менее, чем за три секунды. Я уследил за ним лишь потому, что стоял прямо за спиной у Ведьмака. Шар влепился прямо в оберегавший Вершину магический символ. Вспышка огня осветила всю округу, а серебряная рука несколько поблекла.

— Ну и ну! — только и сказал я. Тай Дэй с дядюшкой Доем молча переглянулись. Не нужно было вникать в технические тонкости, чтобы оценить открывавшиеся боевые возможности.

— По нашим прикидкам, — пояснил Клет, — шар может пролететь не меньше четырнадцати миль, прежде чем он начнет терять энергию. К тому времени он уже не будет годиться ни на что, кроме уничтожения Теней. — Он погладил шест, которым воспользовался Ведьмак. — Это наш эталон, опытный экземпляр. По его образцу следует отладить и другие. Для того-то мы сюда и притащились.

Ведьмак и Масло вынули шест из зажима и заменили его на новый, еще не размеченный. Ведьмак отвернул на пол-оборота черный набалдашник, и в сторону отошла полоска, похожая на пустой поднос. Двое парней из мастерской Госпожи уложили на поднос кучку какой-то дряни, похожей на горшечную глину, а сверху еще и большой черный шар.

Ведьмак убрал выдвижной поднос на место, подкрутил спусковой механизм и спросил:

— Эй, механики! Все сделано как надо?

Братья принялись что-то подправлять, подстукивать и подкручивать. Затем они присели на корточки и заспорили. Затем все уставились в сторону Вершины.

Затрещал бекон. Оранжевый шар устремился в воздух. Пролетев с тысячу ярдов, он стал отклоняться влево, а потом и вниз. Чуть не долетев до стены, шар ударился оземь, вызвав вспышку пламени, не унимавшегося секунд пятнадцать. В воздух взлетели комки земли и осколки камня.

Все семеро наблюдателей склонились над какой-то схемой и, без конца пререкаясь, принялись делать в ней пометки. Затем они вновь выдвинули наружу поднос и стали глазеть в отверстие. Затем снова взялись чиркать на схеме. В конце концов, шест передали мастеру с какими-то диковинными инструментами, чтобы тот обработал эту штуковину изнутри. Братья перешли к следующему шесту: их помощники уже установили для проверки целую дюжину. Некоторые шесты поражали цель с первой попытки, другие мазали, и их приходилось доводить до ума. Худший из них забраковали — с ним не стоило возиться. Впрочем, он вполне мог сгодиться для не требующей меткости охоты на Теней.

На проверенные шесты наносилась разметка, указывающая на их боевые возможности, и какие-то таинственные загогулины.

— А знаешь, — как бы между делом заметил, как правило, немногословный Масло, когда мы устроили-таки перерыв, — Госпожа и впрямь вернула прежнюю мощь.

Почти никто не подозревал об этом. А подозревавшие не хотели в это верить.

— Сколько этих хреновин вы собираетесь испытать? — Мои ребята побросали работу и отирались вокруг, глазея на представление, словно детишки на ярмарке.

— Сейчас мы привезли пятьдесят, — отозвался Клет, — и надеемся, что штук двадцать окажутся пригодными. Вот погоди, ежели с этой партией все пройдет гладко, мы возьмемся за настоящее дело. Наклепаем таких игрушек, какие талам и не снились.

Я мог представить себе, что способны натворить эти заряды с человеческими телами, однако подозревал, что основное их предназначение не в изничтожении таглиосских легионов. Эти подозрения подтвердились на следующий день.

Госпожа выразила желание самолично проверить отобранные братьями двадцать шесть шестов.

Выглядела она опустошенной, однако некая неуловимая искра наводила на мысль, что в ее жизни все идет не так уж плохо. Возможно, ей и Старику удавалось улучить время и вспомнить, что они не только капитан и лейтенант.

Коли так, я был рад за них.

— Превосходно, — заявила она после того, как каждая из отобранных трубок пальнула в сторону Вершины хотя бы один раз. — А как насчет тех, что предназначены специально для ворон?

— Так ведь тут нет никаких ворон, — отозвался Лонго, — мы установили заградительную линию, так что пташки и близко не подбираются.

— Хорошо. Заряди все шесты на полную мощь. Я сама хочу провести испытание.

— Похоже, дело у нас на мази, — заметил Ведьмак. — Хороших шестов на шесть больше, чем мы рассчитывали, да и большая часть прочих способна стрелять примерно на милю.

Вся эта компашка радовалась своим игрушкам, точно малые ребята. А пуще всех Госпожа: она чуть ли не скакала от радости, как будто ей снова стало пятнадцать.

Ребята уже начали укладывать инструменты в фургоны. Однако прицельные козлы никто разбирать не стал. Напротив, их развернули в другую сторону, зажав в фиксаторах самые мощные шесты.

Лофтус, Лонгинус и Масло ехидно хихикали. И даже у Госпожи был такой вид... ну, почти такой, как у Одноглазого или Гоблина, когда кто-нибудь из этих хмырей собирается устроить другому подлянку.

Мне все эти приготовления вовсе не нравились.

— Эй, что это вы затеваете? — крикнул я, стараясь, чтобы мой голос звучал как можно строже. — А ну кончайте...

За все происходящее здесь отвечал я. Не обращая внимания на мои протесты, вся компания стрелков, включавшая Госпожу, братцев-механиков, Масло и Ведьмака, собралась позади козлов, обмениваясь шуточками по поводу возможностей самых здоровенных шестов.

— И думать не смейте... — пытался я остановить их.

Родственнички мои сгрудились у меня за спиной. Мало что уразумев из услышанного и увиденного, они нутром чувствовали — затевается что-то запредельное.

— Не делайте этого!.. — в последний раз взмолился я.

Двадцать две бамбуковые трубки разрядились почти одновременно. Чертовы стрелки проводили взглядами шары, устремившиеся к северо-западу — туда, где в моем воображении молнии истерзали тучу ворон.

Правда, теперь все происходило наяву.

Логовище Ловца находилось не менее, чем в десяти милях от нас, но, чтобы преодолеть это расстояние, огненным шарам потребовалось не больше десяти секунд. А то и пяти. Я слишком ошалел для того, чтобы верно судить о времени. Дым, огонь и дерьмо взлетели в воздух аж на полмили, что привело всю компанию в еще больший раж. Госпожа и ее ребята принялись выпускать огненные шары очередями по четыре или пять сразу. Отдаленные леса попросту вскипели. Даже с такого расстояния я видел, как исполинские деревья взлетают на тысячу футов.

Я припомнил некоторые из этих деревьев — в обхвате они были чуть ли не вдвое больше моего роста. А сейчас они кувыркались в воздухе, как горящие щепки.

А когда падали, то продолжали гореть. Весь лесной массив превратился в горнило чудовищного вулкана.

Надо думать, ворон в этот день погибло немало. А уж Душелову точно было не до смеха.

88

Для людей очень многое значит ритуал. Старик велел мне приступить к чтению выдержек из Анналов: когда-то он занимался этим сам, но с тех пор много воды утекло. Однако, он продолжал верить, будто каждому из братьев необходимо знать длинную историю Отряда, в которой найдется место и для него. Он даже велел командирам самим заняться обучением таглиосскому всех, кто еще не говорил на этом наречии, чтобы у братьев был какой-то язык для общения. А то ведь и верно — что ни солдат, то особый язык. Не припоминаю, чтобы в Анналах говорилось о временах, когда Отряд был столь же разноязычным.

Так или иначе, от этой работенки мне было не отмазаться. А стало быть, приходилось каждые несколько дней мотаться в штаб-квартиру на общие собрания.

Разбудивший меня аромат казался волшебным. Раздувая ноздри, я высунулся из нашего беспрерывно обновлявшегося бункера и, углядев Тай Дэя, спросил:

— Чем это пахнет?

— Вчера ночью дядюшка Дой добыл кабана. Так что сегодня у нас будет жареная свинина.

— Хочется верить, что я смогу этого дождаться.

— Придется. Тем более, что сам просил напомнить, что сегодня утром у тебя встреча.

— Елки-палки!

Предполагалось, что это важная встреча, на которую лучше не опаздывать.

— Если задержусь, ты уж оставь для меня кусочек. Не обижай родича.— С этими словами я поплелся приводить себя в порядок. О душе, стрижке бороды или укладке волос, конечно же, не могло быть и речи, однако я не мог обойтись без того, чтобы ополоснуть лицо или выковырять всякую дрянь, накопившуюся между зубами. Кстати, хотелось бы знать, что станет с нашими зубами, ежели мы в ближайшее время не отыщем Одноглазого. Он заговаривал парней от зубной боли, и заговоры его действовали — но их требовалось повторять каждые два года. Его чары были хилыми, но многие из вступивших в Отряд в последнее время не имели даже и этой защиты.

Тай Дэй обижать меня не стал — просто-напросто снял кабанчика с огня и вместе с тушей поперся следом за мной. От этого малого все равно не улизнешь.

Я по-прежнему ходил пешком. Дрема так и не вернул мне коня. И не вернулся сам, хотя времени прошло уже более чем достаточно. Он исчез, когда пересекал горы. Поиски в мире духов ничего не дали. Я начинал опасаться худшего.

Две откормленные вороны следовали за мной, перепархивая с куста на скалу,— единственное свидетельство того, что Душелов пережила устроенный Госпожой тарарам и по-прежнему испытывала к нам интерес.

Баба она, конечно, чокнутая, но, когда приспичит, может проявить терпение.

Госпоже сообщили, что ее сестрица ускользнула от огня лишь потому, что уселась на ковер Ревуна и улетела на север, где вступила в переговоры с Радишей.

Мне никто не приказывал искать Душелова. Напротив, велено было сматываться, едва я учую ее присутствие, как, впрочем, и присутствие Кины. От Копченого толку теперь почти не было, и лишиться меня было бы для начальства слишком большой потерей.

Пожалуй, я стал ценным кадром.

Прежде чем мы стали подниматься по дальнему склону, я оглянулся и приметил тащившегося за нами дядюшку Доя. В последнее время он делал это частенько, причем с таким видом, будто в

любой миг ждал нападения. Рука его сжимала рукоять Бледного Жезла.

С недавних пор он заставил нас с Таи Дэем возобновить учебные бои. У нас просто не было другого выхода: или отбивайся, или сноси побои. Тренировочный деревянный меч лупит так же больно, как и любая дубинка.

Правда, как мне кажется, я уже разуверил дядюшку Доя в способности когда-либо овладеть фехтовальным мастерством, равно как сам отчаялся вдолбить в его башку, что существует разница между манерой боя одинокого волка и солдата, сражающегося плечом к плечу с товарищами. Он этого не понимал или делал вид, будто не понимает. Зато не приходилось сомневаться в том, что он постоянно держался настороже. Почему — я даже и не спрашивал, и некогда, и незачем — вразумительного ответа все равно не добьешься.

Я достаточно долго валандался с Копченым, чтобы понять это.

— Мы грибы, — напомнил я Тай Дэю.

— А?

— Грибы. Нас держат в кромешной тьме и кормят лошадиным дерьмом.

Он должен был вспомнить, что я имею в виду, но не слишком старался. Как и большинство прибившихся к Отряду нюень бао.

— Ладно, не бери в голову.

Дядюшка Дой попытался было увязаться за мной и на собрание, но двое часовых решительно преградили ему дорогу, после чего он предпочел остаться с другими нюень бао. Раньше он держался от них в сторонке, а теперь, кажется, принялся искать Джоджо, бывшего телохранителя Одноглазого, малого, который слыл нелюдимым даже по меркам нюень бао.

Я нырнул в нору Старика.

Там уже собралась уйма народу. Надо думать, только меня и ждали.

— Начнем, — тут же объявил Костоправ. — Во-первых, мы получили донесение, подтверждающее первоначальные сведения. Могаба нанялся на службу к Радише. Он начал собирать силы к югу от Деджагора. Точное расположение пока выведать не удалось, однако уже разносятся слухи о солдатах, сгоняющих местных с самых плодородных земель, чтобы прокормить армию. Это в его духе. Таглиосская верхушка пока не имеет единого плана действий. Кажется, многие предпочли бы и вовсе о нас забыть.

Источники информации капитан раскрывать не стал. Часть сведений он получил от меня или от Госпожи, блуждавшей с духом, когда от Копченого еще можно было чего-то добиться.

— Скорее всего, — добавил Костоправ, — Могабе придется опираться на поддержку жрецов определенных сект и их приверженцев. Тех, кто затаил злобу против нас или наших друзей.

Нож ухмыльнулся.

89

Молчание затягивалось. Я потянулся и, подхватив потрескавшуюся кружку, плеснул себе из чайника бурды, которую здесь почему-то выдавали за чай, горькой, как распоследняя микстура. Сразу стало понятно, почему весь этот «чаек» не выхлебали до меня.

— Клет,— спросил Костоправ,— что слышно насчет посевов?

Только в Черном Отряде крупнейший специалист по осадной технике мог отвечать еще и за сельское хозяйство.

— Ничего нового,— отозвался Клетус,— урожай ожидается отменный, и собрать его можно будет раньше, чем предсказывали старожилы. Так что задержаться здесь было бы не самой худшей идеей.

Клет с братишками были ярыми сторонниками идеи обосноваться здесь, ибо считали, что их новое оружие позволит нам чувствовать себя в безопасности, однако толком объяснить свою позицию они не могли.

Разговор шел главным образом о том, что Отряд веками продирался сквозь ад и, пожалуй, впервые за долгую историю овладел богатой провинцией и надежной крепостью. Все наши враги находятся пока далеко и в ближайшее время едва ли вздумают нас тревожить. Общие рассуждения вроде того, будто виды на хороший урожай можно считать свидетельством благосклонности богов, я попросту пропускал мимо ушей и встрепенулся, когда речь зашла о том, что нам некого больше опасаться.

— ...Раз уж Радиша порастеряла добрую половину своей силы, ей придется приложить немалые усилия для сохранения власти, а тут без жрецов не обойтись. А они, при всем их страхе перед нами и ненависти к Ножу, не захотят сажать себе на шею новую настоящую армию, потому как цена и угроза их власти...

Все это я слышал и раньше. Будто бы жрецам и Радише никогда не спеться, и все такое... Лонго строил умозрительные догадки, я же блуждал с духом и имел лучшее представление о том, что к чему.

— Боюсь, приятель,— прервал я его,— что ты не прав. Возможно, противник нагрянет сюда гораздо раньше, чем хотелось бы любому из нас.

Мне удалось даже привлечь внимание Старика. Предваряя вопросы, касающиеся столь примечательной осведомленности, я сказал:

— У меня было видение.

Уже почти всем было известно о случающихся у меня видениях, так и не прекращавшихся со времен осады.

Госпожа цокнула языком — досадная привычка, появившаяся у нее недавно, чего сама она, надо думать, не замечала. Все-таки они

с Костоправом были стары. Костяк Отряда явно нуждался в омоложении.

— Не мог бы ты рассказать нам о своем видении, Мурген? — поинтересовалась она. — Или подожди, пока занесешь сведения о нем в книгу.

Ее раздражали исправления, вносимые мною в ее книгу Анналов. Но кое-кому из участников тех событий они представлялись несколько иначе, чем ей.

— Самое главное в нем то, — отозвался я, — что наш старый приятель Могаба действительно нашел себе работенку.

Собравшиеся зашептались. Они что, думали, будто Старик шутит?

— Из моих сновидений много не выудить, — продолжал я, — поскольку власти над ними у меня нет. Порой меня отбрасывает в прошлое, но не всегда туда, куда я хотел бы попасть, чтобы подразузнать, *почему* случилось именно то, что случилось. В остальном мне приходится полагаться на донесения наших друзей, как и всем прочим.

Все-таки у нас оставались на севере друзья, поставлявшие достоверные сведения, которые я проверял при первой возможности.

Правда, в последнее время мы не часто прибегали к помощи Копченого. Он уже не пребывал в коме, и дело явно шло к пробуждению. Госпоже приходилось прилагать усилия, чтобы извлечь из него полезную информацию.

— Но, — продолжал я, — следует предположить, что Душелов поддерживает связь с Могабой. Это она порекомендовала его Радише. Возможно, та и связалась-то с ним лишь из опасения, как бы не обошлись без нее. Этот малый уже обещал святошам, что поймает и Ножа, и Госпожу.

С того момента, как Радиша выступила против Отряда, за этих двоих было обещано крупное вознаграждение.

Могаба никогда не позволял неудачам поколебать его уверенность в себе.

— Я мог бы нанести удар первым, — расхрабрился Нож. — Было бы забавно взглянуть на их рожи.

— А вот это брось, — оборвал его Костоправ, не склонный к фантазерству. — Знаю я, что выйдет, ежели ты попытаешься обдурить Могабу. Зиндаб, что ты думаешь на сей счет?

— Пока ничего. Я впервые об этом слышу, капитан, и мне не мешало бы поразмыслить.

— Поразмысли вслух. Прямо сейчас.

— Могаба один.

Зиндаб имел в виду, что у Могабы не осталось настоящих сторонников: его приверженцы, покинувшие с ним Отряд, полегли все до единого.

— Не исключено, что в нынешних обстоятельствах он вконец озвереет и сделает все, чтобы уничтожить тебя, потому что считает себя несправедливо лишенным звания капитана.

— Интересно,— пробурчал Костоправ,— много ли времени потребуется этому хмырю, чтобы вцепиться нам в задницы. У нас на подготовку и сбор войск ушло четыре года, а потом мы едва не околели с голоду. Если бы Радиша обманула наши ожидания и не встала на путь предательства, мы чувствовали бы себя куда хуже, чем нынче. В битвах мы потеряли не больше народу, чем я ожидал, а от болезней и того меньше.

О том, что мы выступили в такое время, когда ни одна армия поход не начинает, Костоправ не упомянул.

— Кстати о численности, потерях и всем таком,— вмешался Бадья.— Давно ушли те таглиосцы, которых мы распустили по домам?

Госпоже оставалось лишь констатировать очевидное.

— Могабе не придется тратить время на обучение новобранцев. Мы уже подготовили для него солдат.

— А чего именно ждет от Могабы Радиша? — спросил меня Костоправ.

— Святоши полагают, что он должен обеспечить контроль за территориями, отбитыми у Хозяев Теней. Многих привлекает идея устроить там основательную резню. Но Баба считает, что его задача — удерживать нас к югу от гор.

Я хохотнул:

— Работенка та же, что и когда он служил у Длиннотени. Закупорить бутылку, только с другого конца.

— Рано или поздно он все равно заявится к нам,— сказал Иси.— Зиндаб совершенно прав.

Костоправ снова хмыкнул.

— Ежели он не притащит с собой хотя бы половину того строевого леса, древесины, бумажных змеев, бамбука и не выступит летом, то ему ни за что...

— Ха! — саркастически скривился Лонго.— Что ему стоит заставить тамошних крестьян притащить сюда все необходимое оборудование? А потом их же и слопать — вот и лета дожидаться не надо.

Зиндаб, Очиба и Иси насупились.

— Ладно,— сказал Костоправ.— Ближе к делу. Вывод таков: в Таглиосе происходят некоторые события, и часть из них не является для нас тайной благодаря видениям Мургена.

Все ожидали, что он скажет еще, но Старик умолк. В конце концов заговорила Госпожа:

— Остается и другая проблема. Душелов.

Это было истинной правдой. Ловец не ответила на шквальный огонь Госпожи и вообще не давала о себе знать, но я нутром чуял, что она где-то неподалеку. Затихарилась, окружив себя всяческими чарами, но случая подстроить нам гадость наверняка не упустит.

О девочке никто даже не помянул. Я знал, что она была похищена с Вершины, причем отнюдь не Киной, к которой с мольбой взыва-

ла, а Душеловом, не испытывавшей к ней никаких родственных чувств. Впрочем, и в сердцах Костоправа и Госпожи особой любви не было. Что и не диво: со своей дочерью они контактировали не больше, чем с любым ребенком, родившимся в тот же день и час на другом конце света.

Я держал язык за зубами. Предполагалось, что без приказа мне и думать о Ловце не следует. Старик больше не намеревался терпеть моих самоволок. С него хватило пропажи Дремы.

— А как насчет твоей тещи, Мурген? — поинтересовался Костоправ. — И Гоблина с Одноглазым?

— Как сквозь землю провалились.

Хотя бы в этом Старик не мог обвинить меня. Впрочем, возможно, лишь до поры до времени. Пока не придумает как.

Последние сведения от Гоблина были получены нами, когда несколько его парней доставили в лагерь Прабриндраха Драха в оковах и Лизу Бовок, злобно рычавшую из установленной на телеге клетки. Собственно, мы получили не сведения, а одних лишь пленников: парни знать не знали, где Гоблин сейчас и каковы его намерения. Но я не думал, что его исчезновение являлось частью еще какого-то секретного замысла Старика. Даже Костоправ не может рассчитывать на столько ходов вперед. Чертов колдунишка обделывал какие-то свои делишки.

Впрочем, искал его я не так уж и рьяно. Сны в последнее время приходили ко мне не часто, а когда приходили, я первым делом отправлялся к Сари. И моему сыну — непаглядному лопочущему малышу, которому она дала прозвище Тобо. Настоящее имя ему предстояло получить после нашей встречи.

Она твердо решила присоединиться ко мне, хотя к нынешнему времени даже в болотной глухомани прослышали о раздорах между Радишей и Черным Отрядом. Вздумай Сари покинуть храм, она подвергла бы себя риску, ибо в последнее время всех нюень бао, покидавших свои болота, таглиосцы подозревали в сочувствии Отряду.

С Сари не спускали глаз, ибо теперь, когда она разрешилась от бремени, побег представлялся куда более вероятным. Однако Сари — достойная дочь своей матери — избрала партизанскую тактику и изводила жрецов всяческими капризами, с тем, чтобы, когда придет время, они не стали проявлять особого рвения в ее поисках.

Костоправ вновь посмотрел на Госпожу. И все прочие тоже — в ожидании, не заговорит ли она вновь о своей сестрице, которая ни у кого из нас не шла из головы. Ей по-прежнему улыбалась удача, и она по-прежнему имела на нас зуб, хотя уже устроила нам кучу гадостей. Ей оставалось разве что всех нас перебить. Черт возьми, вступая в Отряд, каждый из нас подписал себе смертный приговор.

— За пару ночей пропало несколько солдат, — промолвила Госпожа. — Некоторые, наверное, просто дезертировали, но не все... — Она подняла руку, и Иси с Зиндабом вынесли и положили на грязный пол большой узел.

Я не стал пользоваться случаем и напоминать Старику, что, позволь он нам перебраться в крепость, у всех были бы комнаты с настоящими полами и настоящей мебелью.

— Возможно, будет пахнуть. — предупредила Госпожа.

Ох-ох! Иси с Зиндабом размотали узел и вытряхнули труп, вонявший вовсе не так сильно, как я того опасался, поскольку покойный усох, подобно старой мумии. Рот его остался разинутым в беззвучном крике — похоже, бедняга умер в страшных мучениях.

— Этого парня сгубила Тень, — сказал я, хотя в словах не было особой нужды. Все и так поняли, в чем дело, с первого взгляда.

Костоправ посмотрел на меня. Я пожал плечами:

— С тех пор, как я отвечаю за Врата, через них не проскочила ни одна Тень.

В сказанном я не сомневался, потому как, прорвись хоть одна Тень, не обошлось бы без большой суматохи.

— Стало быть, Врата на запоре, — кивнул Костоправ. — Выходит, она отловила те Тени, которые запустил сюда еще Длиннотень.

Ловец стала новой Хозяйкой Теней и теперь, возможно, оттачивала свое мастерство.

— Против такой угрозы мы не можем предпринять ничего, разве что не ходить поодиночке с бамбуком, — начала было Госпожа, но осеклась и удивленно воскликнула:

— Эй, что это с ним?

Под «ним» подразумевался отрядный летописец, ни с того ни с сего принявшийся издавать странные звуки и дергаться самым диковинным манером — словно пытался проглотить собственный язык. Но об этом мне рассказали потом.

Я попал на равнину смерти, во все ее места одновременно, на миг, продолжавшийся целую вечность. А затем, вместо ставшей уже привычной встречи с обледенелыми стариканами, провалился в прошлое, во дни осады Деджагора. Обернувшись птицей, кружил я вокруг умирающего города, раскрывая клюв и издавая крики — не мои, но навязанные мне этой безумной женщиной. Я был беспомощен, словно подхваченная ураганом мошка, все потуги освободиться ни к чему не приводили. Я видел бездну смертей и море отчаяния, но во всем этом не было ничего нового, не пережитого мною наяву. Возможно, Душелов схватила меня походя и зашвырнула в минувшее, сама не зная, зачем. Так или иначе, я трепыхался на ветру, думая лишь о том, чтобы пережить и эту бурю. Затем пришла тьма.

90

Очнулся я в отгороженном занавеской отсеке, где прежде держали Копченого. Было темно. Я не слышал ни звука и понятия не имел о времени, но сразу почувствовал, что встреча закончена. А вот попытавшись встать, я почувствовал, насколько ослаб: коленки подогнулись, и я вывалился за занавеску, где застукал Тай Дэя, копав-

шегося в бумагах. Он тут же сунул их на место и напустил на себя невинный вид. Впрочем, его любопытство и впрямь могло быть совершенно невинным: читать он все одно не умел.

— Наконец-то, — сказал Тай Дэй. — Я уже начал беспокоиться. Что случилось?

— Приступ. Вроде тех, что бывали у меня в Деджагоре и Таглиосе.

— А почему они?..

— Они все ушли несколько часов назад. Даже охрану сняли.

— Когда это случилось?

Совещание началось рано утром.

— За час до заката.

— Дерьмо. Выходит, я провалялся целый день.

Тай Дэй помог мне подняться, и я принялся шарить вокруг в поисках еды. После прогулок с Копченым еда помогала, но сейчас дело обстояло иначе. Во всяком случае, жесткая, холодная, переваренная баранина не привела меня в норму. А больше под рукой ничего не оказалось.

Больше всего хотелось глотнуть чего-нибудь хмельного. С исчезновением Одноглазого мы не остались без самогонщиков: Корди с Лозаном продолжили его бессмертное дело. Эти парни предпочли не возвращаться в Таглиос и остались с нами. Кажется, Корди больше не тянуло в постель к Радише. Но зелье их было не лучшего качества, да и добывать его приходилось через посредников: все мы делали вид, будто неукоснительно соблюдаем дисциплину.

Однако совсем недавно у меня зародилась догадка насчет того, где мог припрятать свой агрегат Одноглазый. В моей старой норе имелось особое помещение с плетеными стенами, где я хранил Анналы и кое-какие личные вещи. Эта конура не развалилась. А строить ее помогала матушка Гота.

Шатаясь и цепляясь за что попало, лишь бы не навернуться, я вылез из норы Костоправа.

— Почему бы ему не перебраться в эту поганую крепость? — пробормотал я, озираясь по сторонам. — И где, черт побери, все?

Вокруг — ни единой рожи. Я вообще не видел людей ближе, чем в развалинах Кьяулуна, и маленько струхнул. Действительно ли мне удалось вернуться в реальный мир? Может, и это какой-то фокус Душелова?

— Все ушли, — повторил Тай Дэй таким тоном, словно говорил с непонятливым дитятей. — Даже часовые. Иначе я не мог бы попасть в жилище Освободителя.

С некоторых пор Старика все чаще именовали так.

— Я так понимаю, что дядюшка Дой отправился приглядеть за ним?

Тай Дэй оставил мой вопрос без ответа. Я побрел к своему бывшему жилищу. По сравнению с той дырой, из которой я перебрался

сюда, оно вполне могло сойти за дворец. Госпожа со Стариком превратили мой дворец в тюрьму. Боковой вход, прорытый в склоне холма специально для дядюшки Доя и матушки, выходил на площадку для упражнений с мечом. Теперь она превратилась в загон, обнесенный забором из трофейных копий. За оградой, тоскливо положив морду на лапы, лежала, по-видимому, примирившаяся со своей участью Лиза Бовок. Неподалеку — но, разумеется, вне пределов досягаемости форвалаки — расхаживал Прабриндрах Драх. Всем своим видом князь давал понять, что считает свое нынешнее появление лишь временным, досадным недоразумением. Ни Длиннотени, ни Ревуна, ни Нарайяна Сингха снаружи не было. Сингху, наверное, и не хотелось высовываться: ему разумней было не напоминать лишний раз о своем существовании. Но вот Длиннотени, панически боявшемуся темноты — точнее, того, что могло в ней таиться, — приходилось несладко.

Бывший Хозяин Теней вконец утратил былое самомнение и теперь большую часть времени просто хныкал и дрожал. Он терял вес, во что трудно было поверить.

Вонища стояла жуткая: пленники содержались хуже, чем звери в самом захудалом зверинце. Правда, отношение к ним было различным. Больше всех, разумеется, досталось Длиннотени и бывшему святому Обманников. Ревун, хотя и числился среди врагов Госпожи, не вызывал у нее особого гнева. Кормили его объедками, а в остальном почти не удостаивали внимания. Как и форвалаку, ежели она вела себя прилично.

Копченый и Прабриндрах Драх находились в лучшем положении, а положение последнего можно было назвать даже привилегированным.

— Чтобы выветрить такой смрад, нужна хорошая буря, — заметил я, поглядывая на небо.

По всем признакам, ураганом и не пахло. Тай Дэй лишь хмыкнул в ответ и неожиданно насторожился. Он приподнялся на цыпочки, ноздри его раздувались, голова слегка покачивалась. Он прислушивался.

Я замер, зная, что его слуху можно доверять. Через некоторое время и я услышал звуки, доносившиеся из блиндажа, казалось, кто-то скребется. Время шло, а мне так и не удалось понять, почему Длиннотень и Нарайян Сингх были оставлены в живых. Возможно, и Госпоже и Костоправу еще придется об этом пожалеть.

Но Госпожа полагала, что эти хмыри еще могут ей пригодиться. Где-нибудь. Когда-нибудь. На что-нибудь.

— Надо выяснить, что там такое, — сказал я безо всякого энтузиазма, потому как не ждал ничего, кроме лишних хлопот.

И куда запропастился дядюшка Дой? Он со своим мечом сейчас мог бы оказаться весьма кстати, так как у меня не было с собой никакого оружия, кроме легкого шеста с зарядом на три шара.

По пути ко входу в наше бывшее прибежище Тай Дэй подошел к поленнице, ухватил здоровенный сук с утолщением на конце длиной в ярд. Затем знаком указал, чтобы я двигался вперед.

Скользнув вниз, я рывком распахнул дверь, и мне прямо под ноги вывалился Нарайян Сингх. Бывший святой Обманников провел в темноте много времени: его от природы смуглая кожа приобрела болезненную бледность. Возможно, Госпожа не просто держала этого типа взаперти, в куче его же собственного дерьма, но и делала еще что-то. Конечно, она могла проявлять и снисходительность — когда ей хотелось. Но хотелось ей этого не часто.

Тай Дэй съездил ему по башке, и поделом. Старина Нарайян большую часть жизни провел отнюдь не творя добро и заслужил каждое мгновение боли и страха. Держу пари, его богиня покатывалась со смеху всякий раз, когда удосуживалась о нем вспомнить. Непрестанное ожидание того дня, когда Госпожа сочтет нужным заняться им особо, было половиной его мук.

— Будь осторожен,— сказал я Тай Дэю.

Тот в ответ только хмыкнул. Физиономия его была каменной даже для нюень бао. Он не забыл То Тана.

— И думать не смей,— сказал я, прочитав его мысли.— Госпожа тебя живьем поджарит. Кроме того, там, внутри, есть и другие. Они будут куда хуже Сингха.

Говоря «хуже», я имел в виду, что они способны доставить больше хлопот. И Длиннотень, и Ревун были заключены в оковы, рты им заткнули металлическими затычками; Длиннотень не ел со дня своего пленения. Я полагал, что голодный колдун — это колдун усмиренный. Но, видимо, ошибался. Даже голод не укротил их окончательно, хотя у обоих едва хватило сил подползти к свету. Они, очевидно, надеялись, что дверь открыл Нарайян.

— Они надеялись выбраться наружу,— заметил Тай Дэй.

— Ладно,— отозвался я,— не подавай виду, будто это тебя встревожило. Просто стой здесь, следи за ними, но ничего не трогай. И никого. Я обернусь мигом.

91

Тай Дэй снова хмыкнул с глубоким неудовольствием.

— Придет еще наш черед,— пообещал я ему.

Копченый тоже находился внутри. Он особо не изменился, поскольку выглядел так долго плохо, что хуже было почти некуда. Правда, одежда его превратилась в истлевшие клочья. Он был скован цепями. И одна из них тянулась назад, во тьму.

Остальные тоже должны были сидеть на цепях, однако каким-то образом им удалось освободиться. Интересно, сумей эти гады осуществить свой замысел и смыться, утащили бы они с собой и Копченого? Было бы забавно поглазеть на их возвращение в мир, полностью изменившийся за то время, пока они здесь отлеживались.

Переступив через колдуна, я нашарил маленькую лампу и зажег ее. Ежели не считать вонищи и грязищи, все сохранилось в том же виде, в каком было оставлено. Рваный платок Готы так и валялся на колченогом стуле, прихваченном в свое время с развалин Кьяулуна.

Не было никаких свидетельств того, что пленники проводили время именно здесь.

Следуя за цепью Копченого, я добрался до скрытой, замурованной перегородки, в которой обнаружил дыру. Стенка не устояла перед чьими-то терпеливыми усилиями. По ту сторону ее смрад оказался еще сильнее. Мне случалось видеть куда менее загаженные свинарники.

Пленники не слишком тщательно исследовали свою тюрьму. Моего маленького тайничка они не обнаружили. А вот кое-кто другой исследовал, обнаружил и нашел ему применение. В помещении за дырой был спрятан и самогонный аппарат Одноглазого, несколько жбанов с готовым продуктом и множество всякой хрени, видимо, считавшейся «сокровищами из разрушенного города». Во время ночных блужданий матушка Гота собрала немало хлама.

Первым делом я ухватил жбан и ковырнул пробку. В ноздри ударил запах плохо очищенного спирта. Я приложился к горлышку, и у меня чуть глаза на лоб не вылезли. Первачок Одноглазого — пойло не для слабаков. Однако я сделал еще один обжигающий горло глоток, а затем поднял лампу повыше, чтобы оглядеться по сторонам. Покидая эту нору, я оставил в тайнике кое-какие свои вещички, но не собирался тащить что-либо с собой за Врата Теней. В сущности у меня не было ничего ценного.

Однако за кучей хлама я приметил что-то завернутое в холстину, протянул руку и случайно задел локтем целый штабель уложенных набок глиняных бутылей.

Ага! Стало быть, Одноглазый намеревался сюда вернуться. Даже невежда вроде меня знает, что никто не станет оставлять бутылки с пивом в горизонтальном положении навечно.

От моего толчка бутыли стукнулись одна о другую, штабель раскатился, несколько бутылей расколошматилось, забрызгав и меня, и бункер чем-то пенистым. Подхватив одну из них, я опрокинул часть ее содержимого себе в глотку.

Неплохо, хотя малость перебродило.

— Эй! — откликнулся я на крик остававшегося снаружи Тай Дэя. — Со мной все в порядке. Я тут нашел сокровище Одноглазого.

Мои слова можно было понимать и в буквальном смысле —, имелось в виду не только хмельное. Предмет, завернутый в драную рогожу, оказался не чем иным, как колдовским копьем. Одноглазый смастерил его во время осады Деджагора и позднее лишь доводил до ума. Одна только инкрустация, серебряная и золотая, стоила целое состояние.

Вот и еще одно доказательство того, что хренов колдун намеревался вернуться в это местечко. Он-то считал свою работу секретом, но я знал, как тщательно отделывал Одноглазый этот шедевр своего колдовского мастерства.

— А это что? — промолвил я вслух, приметив в рогоже еще какой-то предмет. Никак дерьмовый коротыш занимался не только копьем. Но нет, найденный мною предмет не являлся произведением Одноглазого. То был лук, лук со стрелами. Я не сразу признал его, ибо с тех пор, как видел это оружие в последний раз, прошло столько лет, что и думать противно. Я считал, что оно давным-давно утрачено. Однако именно этот лук Госпожа подарила Костоправу в те стародавние времена, когда она была Истинной Госпожой. У Костоправа всегда найдется в запасе какой-нибудь секрет. Неужто и исчезновение Одноглазого — его рук дело? Впрочем, Костоправ мог и не знать о луке.

Я прихватил копье, лук и столько глиняных сосудов, сколько уместилось в руках. Потом можно будет послать за пивком и Тай Дэя... Черт, руки у меня были заняты, и я не мог взять лампу. Но в конце-то концов, жил я раньше в этой норе или нет? Неужто не выберусь наружу без лампы? Да и через дверной проем проникал слабый свет.

Я уже малость окосел, а потому, перешагивая через Копченого, ехидно заметил:

— Не хотелось бы мне оказаться на твоем месте, пожарник хренов.

Копченый открыл глаза.

Я подскочил. Такого не случалось лет пять-шесть. Копченый таращился на меня, и вид у него был вовсе не дружелюбный.

Мне захотелось поскорее выбраться наружу и основательно хлебнуть пивка.

Тай Дэй освободил меня от части моей ноши, и в его руке тоже оказалась откупоренная бутыль. Пленники, за которыми он приглядывал, лежали на прежних местах, хотя у Нарайяна Сингха наверняка прибавилось свежих синяков.

— Куда, черт побери, запропастились все эти недоноски? — снова заворчал я. — У меня появилась работенка, но мы не можем взять да уйти, оставив без пригляду этих типов. От них впору ждать любой гадости.

Длинотень, Ревун и Нарайян Сингх не желали оставаться в заточении.

Однако тишина беспокоила меня и по другой причине. Она могла означать еще одну попытку надрать задницу Душелову, которая вполне могла оказаться столь же безрезультатной.

Я видел, к чему привел устроенный Госпожой обстрел. Скалы размером с дома были прожжены насквозь, почти все деревья в ущелье превратились в уголья. Кое-где утесы оплавились, словно восковые свечи.

Но там не было никаких трупов, кроме вороньих. И никаких свидетельств того, что нам удалось доставить ощутимые неприятности Ловцу или ее пленнице.

Живые вороны хохотали среди изувеченных скал.

Тай Дэй снова хмыкнул. В эти дни он был особенно разговорчив: иногда произносил аж по два предложения в час. Но сейчас у него не было нужды в словах. Он просто переложил бутылку в левую руку, а правой указал вперед.

Ага, вот и наши. Они возвращались с той стороны, где находилось ущелье Душелова. Интересно, какая нелегкая их туда понесла. Не верилось, что Костоправ двинул туда всю ораву из-за того, что Ловец цапнула меня на совещании, хотя он, наверное, и смекнул, в чем истинная причина моего припадка.

Зато он вполне мог сделать это, чтобы заполучить Дрему. Что и сделал.

— Где вы его нашли? — спросил я Ваше Сиятельство, ведшего под узцы мула, запряженного в повозку, на которой лежал привязанный ремнем Дрема.

Судя по всему, парню досталось на всю катушку. Одежда его выглядела не лучше, чем у Нарайяна Сингха, о котором я рассказал Старику первым делом, едва его увидел.

— Мы чудом появились вовремя. Сейчас все в порядке, но тебе есть над чем поломать голову, иначе в один прекрасный день эти паршивцы станут для нас изрядной занозой в заднице. А где вы нашли Дрему?

— Патрульные наткнулись на него близ ущелья, которое обстреляла Госпожа. Они не знали, кто он такой.

Я хмыкнул, покосившись на повозку.

— И чтобы приволочь его, потребовалось переться туда всей ордой?

— Я взял людей, чтобы пошарить вокруг... Скажи лучше, как твои дела? Что с тобой приключилось?

— Припадок. Вроде тех, что случались в Деджагоре.

Он нахмурился и принялся отдавать приказы. Солдаты занялись своими делами — которые сделали бы и безо всяких распоряжений.

— Ты знал о том, что у Одноглазого припрятан твой лук?

— Какой еще лук?

— Тот, который подарила тебе Госпожа.

— Нет, не знал. Хотя... не помню. Может, я и велел ему сберечь лук для меня на всякий случай. Давно все это было.

Он сморщился и фыркнул — от меня убойно разило пивом.

— Что ты еще откопал?

— Массу интересного. В том числе доказательства того, что Одноглазый намерен когда-нибудь вернуться.

Костоправ хмыкнул. В сгустившейся тьме я не мог разглядеть выражения его лица. Был ли он недоволен моим нежданным

открытием? Или просто обдумывал, какие оно открывает возможности?

— Не могу поверить, что весь шурум-бурум устроен из-за одного только Дремы.

— Госпожа надеялась, что мы найдем там и Ловца — пришибленной.

— С чего бы это? Мы же знали, что она в порядке. Она посылала на нас Тени. И меня тряхануло.

Возможно, мне она всего лишь дала легонького щелчка за то, что я стоял рядом со старшей сестрицей, когда та дергала младшую за косички.

— Мы не знали, а только подозревали, что не одно и то же. Если Дрема побывал у нее в плену, а потом вдруг оказался на воле, мы вправе были предположить, что ее малость пришибло. Не худо было бы дополнить Ловцом наш зверинец. И потом, существовала возможность найти... девочку.

Ага. Ну конечно, они надеялись, что их дочурка осталась без пригляду и они смогут забрать ее себе.

— А где Госпожа?

— Там, где надо.

По тону Костоправа я понял: моя норма вопросов на сей счет исчерпана.

— Дрема сказал что-нибудь полезное? — сменил я тему.

— Он вообще ни хрена не говорит. Впечатление такое, будто он не в себе. Разум его где-то витает.

— Этого только не хватало. Стало быть, в нашем полку одним безмозглым прибыло.

— Все шутишь. Кстати, твои сегодняшние находки заставили меня вспомнить... Как идут поиски наших беглых чародеев?

— В последнее время меня не часто посещают сны. И без Копченого я могу искать только в реальном времени — а стало быть, по ночам, когда не так трудно укрыться и безо всяких чар. Но они к чарам прибегают, да еще как. Я не вижу даже следов от костров.

— Должно быть, Одноглазый знает, кто его ищет и каким манером, — задумчиво сказал Костоправ, — но, по правде сказать, Мурген, мне их пропажа не кажется такой уж большой потерей. Самое мудрое, что я сделал за время своего командования, — это определил двух чертовых недоумков так, чтобы они находились подальше друг от друга. Хоть и не пристало говорить так о себе, но идея была гениальная. Мне обрыдло тратить по двадцать часов в сутки, улаживая последствия их идиотских ссор.

— А ты не подумал о том, что, будь они вместе, мы уже засекли бы их по лесным пожарам или каким-нибудь обвалам?

— Земные толчки продолжаются.

— Я серьезно, командир. Они беспокоят меня. Из-за копья.

— Какого еще копья?

— Черного. Которое Одноглазый смастерил в Деджагоре. Он не унес его с собой. И не вернулся за ним.

— Ну и?..

— А должен бы вернуться. Голову готов положить, что старый хрен использовал бы все чары, на какие способен, и пробрался бы в свой чулан через все расположение Отряда, но нипочем не бросил бы эту штуковину на произвол судьбы. Он считал копье шедевром, лучшим, что ему удалось сотворить.

— Подожди, ты вроде бы говорил, что он возвращался.

— Я говорил, что он намеревался вернуться. Во всяком случае, еще когда намыливался, не был полностью уверен в том, что сваливает навсегда. И то сказать, он не первый мужик, который не был до конца честен с бабой.

Костоправ посмотрел на меня так, словно хотел заглянуть мне в башку, а потом пожал плечами.

— Может, ты и прав. А сейчас вот что: возьмем Дрему в мою хибару. Я хочу его осмотреть.

— Замечательная идея,— поддакнул я.— Надо же поглазеть, как его отделали.

Костоправ фыркнул.

— Мурген, ты идешь со мной. А ты,— обратился он к Тай Дэю, так и стоявшему над нашими пленниками, спрятав за спиной бутылку,— оставайся здесь.

Можно подумать, Тай Дэй не знал, что Старик не пустит его в свою хибару.

— Джамадар Субадит, займись этими пленниками. Размести их так, чтобы ни о чем подобном больше не могло быть и речи. Да и остальных проверь — может, и они расшалились?

— Князя можно не проверять,— сказал я.— К нему не придерешься.

Прабриндрах Драх не носил оков. Наши таглиосцы не потерпели бы подобного обращения с их государем.

Я заметил дядюшку Доя, стоявшего в стороне, скрестив руки. Интересно, почему он остается с нами? Едва ли из-за одного только Нарайяна. Его упорство распалило мою параноидальную подозрительность, не говоря уже о подозрительности куда менее доверчивого, чем я, Костоправа.

Мы спустились в конуру Старика.

— Вы свободны, парни,— сказал он ребятам, притащившим Дрему.— Об этом малом позаботимся мы со знаменосцем. Ты, Ваше Сиятельство, займись тем же делом. Да, и особо проверяй тех, кто будет охранять пленников. Мы упустили из виду возможность предательства в собственных рядах.

— Мне искать что-то определенное? — уточнил Ваше Сиятельство.

— Просто держи ухо востро.

Костоправ повернулся ко мне:

— Я с тобой согласен: лучше бы утопить всю эту компанию. Но Госпожа считает, что всякому дерьму можно найти применение.

— Госпожа не одобряет расточительства, а она гораздо опытнее и ловчее меня. Давай лучше разденем парнишку. Начинай с того конца.

Дрема вроде бы находился в сознании, но взгляд у него был совершенно отсутствующий. Он не проявлял ни малейшего интереса к нашему разговору. Равно как и к чему-либо еще.

— Дрема, где моя лошадь? — спросил я.

Костоправ усмехнулся:

— Хороший вопрос, Мурген. И своевременный. Вижу, что ты не хочешь тащиться в Хатовар пешком.

Я задал Дреме несколько вопросов. Он не ответил ни на один. Его глаза перебегали с меня на Старика, но я не брался судить, узнавал ли он нас.

— Можно воспользоваться Копченым,— сказал Костоправ,— и, проследив ситуацию во времени, выяснить, во что он вляпался и как потерял коня.

Я хмыкнул. Чтобы хоть некоторое время использовать это дерьмо, приходилось просить Госпожу вырубить его каким-нибудь заклинанием. После чего, как правило, ее было за уши не оттянуть от Копченого. Лучше бы Костоправ поговорил на сей счет с ней.

— Он сегодня почти проснулся — я имею в виду Копченого. Узнал бы ты лучше, что известно ей.

Ничего не ответив, Костоправ принялся толкать и трясти Дрему — никакого результата.

— Синяков у парня — один на одном. Должно быть, ему досталось колотушек.

Дрема ни на что не реагировал.

— Ежели он в то время находился в пещере Ловца... Я видел, что там творилось, с расстояния в десять миль. Это было...

— Я и сам все видел!

Костоправа что-то беспокоило, но он вел себя на манер какого-нибудь чистоплюя, которому охота сказануть правду, но он никак не может решить, имеет ли на это моральное право. Меня это даже встревожило, потому что совсем не было похоже на Старика, способного запросто обложить кого угодно, кроме разве что своей подружки.

— Хочу сказать пару слов насчет твоих Анналов, Мурген.

— Ох...

— Может, это и не слишком приятно, но мне не совсем нравится, как ты их ведешь.

— Помнится, наваливая на меня эту работенку, ты обещал не указывать, что да как делать.

— Я и не собираюсь. Твоя работа, тебе ее и исполнять. Просто сообщаю свое мнение насчет прочитанного... Слушай, а ты когда-нибудь видел этого парня голым?

— С чего бы это? Конечно, нет.

То ему Анналы, то голый Дрема. Сам не знает, чего хочет. Так или иначе, от обязанностей летописца он меня не отстранит, ежели только не захочет вновь заняться этим делом сам. Единственный подходящий кандидат лежал сейчас перед нами. Но подготовить его мы так и не успели, а теперь он, возможно, еще и спятил.

— Я делаю что-то не так?

— Ведешь себя как стыдливая девица. Разуй глаза и *посмотри* на своего приятеля.

— Ох, ни хрена себе!

Дрема вовсе не был парнем!

Я и думать забыл об Анналах.

— Ты не знал?

— Понятия не имел. Думал, он просто маленький и тощий, так ведь Дрема всегда был таким. Он прибился к нам в Деджагоре совсем мальчишкой, лет тринадцати, не больше. Помню, его изнасиловал собственный дядюшка, за что Бадья сбросил этого козла со стены.

Я продолжал говорить «он» и «мальчишка», потому что никак не мог думать о Дреме не как о парне, хотя видел воочию неопровержимые доказательства противного.

— Он хороший солдат?

Как будто сам не знает.

— Лучше не бывает. Хиляк, конечно, но нехватку силы с лихвой возмещает сметкой.

Сметку Костоправ ценил превыше всего.

— А коли так, забудем об этом. Когда он очухается, держи язык за зубами.

С этими словами Костоправ продолжил осмотр. По правде сказать, наше открытие не было таким уж из ряда вон выходящим. В Анналах описывались случаи, когда в Отряд вступали переодетые женщины — как правило, правда раскрывалась после их гибели.

Но все же... мне было как-то не по себе.

— Так вот, о твоих Анналах. Мне не нравится, что о тебе там говорится больше, чем об Отряде.

— Что?

Я не понял.

— Я имею в виду, что ты решительно все замыкаешь на себя. Кроме разве что отдельных выдержек и выписок, позаимствованных из книг Госпожи, Бадьи или Одноглазого, ты почти ничего не пишешь о событиях, в которых не участвовал или которые не видел собственными глазами. Ну скажи на милость, какого рожна там беспрерывно описываются твои повторяющиеся кошмары? Тут ты точен, а вот описания местности у тебя хромают. Если не считать Деджагора. Если я и могу представить себе здешние края по твоим описаниям, то лишь потому, что видел их сам.

Перво-наперво мне захотелось вступиться за свое любимое детище, подвергшееся столь жестокому поруганию. Но я держал рот на замке, так как спорить по таким вопросам — дело неблагодарное, все равно, что учить свиней пению. Меньше будешь вякать — меньше шишек набьешь. Автор должен доверять своей музе, даже ежели она припадочная и хромая. Кстати, нечто подобное я слышал от самого Костоправа — раза два за все эти годы. Но напоминать ему об этом не стал.

— Кроме того, тебе не мешало бы писать покороче.

— Покороче?

— Вот именно. Порой тебя пробирает словесный понос.

— Постараюсь иметь это в виду. Тебе не кажется, что нам не мешало бы его... ее чем-то прикрыть?

Кажется, Костоправу было и еще что сказать насчет моих Анналов, но он тоже испытывал некоторую неловкость. И согласился сменить тему.

— Пожалуй, ты прав. Переломов нет, важные органы не повреждены. У Госпожи вон в том сундуке наверняка сыщется какая-никакая старая одежонка. Может, будет малость великовата, но...

— Я думал, мы решили скрывать, что Дрема девица.

— Когда ты в последний раз видел Госпожу в платье?

Тут он в точку попал.

Я открыл сундук.

— Давай,— проворчал Костоправ, продолжая рассматривать Дрему,— натяни на нее поживее какие-нибудь портки, пока не пришла моя ненаглядная.

Мы успели как раз вовремя. Явилась Госпожа, причем в дурном настроении.

— Я не нашла ничего полезного. Ничего! Как он?

— Основательно покалечен, истощен и простужен: видать, долго провалялся на непогоде. Но в остальном все в порядке. В физическом отношении.

— А в душевном — нет?

Госпожа уставилась на Дрему. Глаза его были совершенно пусты. Костоправ хмыкнул:

— Он в коме. Хотя и с открытыми глазами.

— Кстати о коме и всем таком прочем,— встрял я.— Наш драгоценный пожарничек наконец проснулся и, судя по тому, как он на меня взглянул, осознает происходящее.

Мне показалось, будто щека Дремы дернулась, но скорее всего то была игра света и тени.

— Плохо,— сказала Госпожа.— А я-то предвкушала спокойный вечерок.

— Что будем делать с Дремой? — спросил я.

У капитана уже имелся готовый ответ.

— Забирай его к себе. И начинай учить своему ремеслу.

По лицу его промелькнула тень, словно любая мысль о будущем порождала отчаяние.

— Я не могу...

Перетащить девицу в мой бункер?

— Очень даже можешь.

И то сказать. Разве Дрема не один из наших парней?

— Будешь следить за его состоянием. И докладывать мне.

Ну конечно, хозяйка заявилась домой, и он меня скоренько выпроваживает.

Как вам это нравится?

— Поднимай задницу,— сказал я Дреме.— Мы переезжаем в мой дом. Будем выяснять, куда ты подевал лошадь.

Дрема не отвечал. Кончилось тем, что нам с Тай Дэем пришлось переть его на носилках. Вместе с найденными сокровищами.

Довольно скоро мне стало казаться, что Дрема вовсе и не худенький. Когда мы проходили мимо загона, форвалака зарычала.

— Пошла ты...— ругнулся я. С каждым шагом Дрема становился все тяжелее.

Пантера попыталась тяпнуть меня из-за решетки когтями.

— По-моему, этой киске тоже не мешало бы промочить горло,— сказал я Тай Дэю.

— Может, у нее началась течка.

92

Небо было беззвездным, и приходилось довольствоваться тусклым светом маленького походного костерка. Тай Дэй, я и кучка моих старых приятелей изрядно оттянулись пивком Одноглазого и до отвалу натрескались жареной свинины. Бадья громко рыгал, демонстрируя довольство.

— Ежели тебе нравится спать под открытым небом,— сказал я,— то погодка сейчас самая подходящая. Такая житуха мне по душе. Прямо как в Таглиосе: еда, питье и никакой лишней работы.

— Лишней? Ты о чем? Я сроду не видел, чтобы ты хоть пальцем пошевелил.

— Так ведь некогда было. Приходилось ублажать Сари.

— Так и не дунди о работе.

— Эй,— спросил Рыжий,— этот парень всегда так храпит?

Он имел в виду Тай Дэя, отрубившегося у наружной стены нашего бункера и оглашавшего окрестности немыслимым бульканьем, хрипом и свистом.

Остальные нюень бао сторонились его.

— Нет, только после того, как хорошенько оттянется.

— А оттянулся он небось в первый раз?

— При мне в первый. Но я не был с ним в его брачную ночь.

— Ты ведь вечно отираешься возле Старика,— сказал кто-то из парней.— Шепнул бы ему, что пора двигаться в гору.

— А на кой мне-то это надо?

— Так ведь, как только мы доберемся до Хатовара, с маршами, схватками и прочим дерьмом будет покончено... — Повисло молчание. — Разве не так?

Что я мог сказать?

— На сей счет у меня нет никаких сведений. Поднимись футов на двадцать по склону, и будешь знать ровно столько же, сколько и я.

— Я думал, все написано в старых книжках.

В них-то, конечно, все было написано. Только вот у меня не имелось ни одной подлинной старой книги. Глянув на дрыхнувшего без задних ног Тай Дэя, я нашел его пример вдохновляющим.

— Ладно, ребята, погудели, а теперь пора и па боковую.

Направляясь к себе, я на ходу бросил Тай Дэю:

— Меня не будить, если только не прорвутся Тени. И прибереги свининки для дядюшки.

Крыша моей нынешней норы была так низка, что забраться внутрь я мог, лишь опустившись на четвереньки. Что ж, весьма кстати, в противном случае непременно бы навернулся. Чтобы добраться до своей подстилки, мне пришлось сначала перелезть через Дрему, а потом еще и через копье Одноглазого, которое я притащил в свою нору сам не знаю за каким чертом. Хорошо хоть на тюфяк падать было невысоко.

В эту ночь я определенно блуждал по снам, но решительно не мог припомнить, куда именно меня заносило. Сохранились лишь смутные воспоминания о Сари да обычная шелупень насчет Душелова, избегавшей меня столь же рьяно, как я ее. Проснулся я с головной болью, сухостью во рту, жаждой, отчаянной нуждой побывать в сортире — и в очень плохом настроении.

Ругнувшись на дядюшку Доя, я протер глаза.

— Проклятие, снаружи уже светло! Тай Дэй, шевели задницей! Попей водички, с бодуна полегче будет. Дерьмо!

Я и сам отхлебнул воды. Рожа у меня, надо полагать, была зеленая-презеленая.

— Знаменосец!

— А?

По одну сторону от меня стоял Иси, по другую Очиба.

— Ребята, вы из-под земли выскочили или как?

— Нам пришлось ждать, — сказал Иси.

— Твои люди упорно оберегают твой драгоценный отдых, — добавил Очиба.

Что-то в поведении наров внушало неуловимую тревогу.

— Они молодцы. А вам-то какого хрена нужно?

Не похоже, чтобы эти парни приперлись просто поболтать.

Иси знал диалекты Самоцветных городов получше Очибы, но и он был слабоват по этой части. Однако кое-как передать послание ему удалось.

— Капитан и лейтенант хотят, чтобы ты знал: пленник Копченый погиб.

— Погиб! Ты хочешь сказать — он мертв?

— Как камень,— сказал Очиба.

Я невольно припомнил весьма резвые камни, с которыми встречался задолго до того, как к нашей шайке присоединились эти пары, но говорить ничего не стал. В наши дни мало кто помнит равнину Страха.

— Он убит,— пояснил Иси, полагая, видимо, что я не врубился.

Некоторое время я стоял с отвисшей челюстью, потом сказал:

— Пойдем-ка найдем местечко, где можно потолковать спокойно.

Я подхватил воронобой и отвел парней подальше, туда, где никто не мог нас подслушать.

— Давайте поподробнее.

Усовершенствованный шест можно было не брать. Воронами поблизости и не пахло.

— Его нашли с перерезанным горлом,— пояснил Иси.

— Как это могло случиться? Кто-то должен был перебраться через Сингха, и Длиннотень, и Ревуна... или... Его ведь убили в конуре, так? Он не выбрался?

— Он находился в заточении.

— Надо полагать, убийцу не поймали?

Всякий раз, когда речь шла о подлом убийстве, мне на ум в первую очередь приходили Нарайян Сингх и его приятели с разноцветными шарфиками. Но Обманщики никогда не проливали крови. Нараїян не сделал бы этого даже ради самозащиты.

— Нет.

— А мы знаем, кто убийца?

— Нет.

— Ладно, иду.

Я направился в лагерь, на ходу выкликая имена своих офицеров и сержантов:

— Фонарь! Рыжий! Магарыч! Клу! Бадья! Все не так страшно,— заявил я,— просто маленькая тревога. Придется малость повременить с игрой в тонк. Все должны быть в полной готовности!

Я осушил еще пинту воды, а потом пожертвовал такое же количество духам земли.

— Иси. Очиба. Пойдем.

Тай Дэй встрепенулся, подхватил бамбуковый шест и, используя его как посох, потащился за мной. Он следовал своим представлениям о долге, невзирая на симпатии и антипатии, не говоря уж о таких мелочах, как слабость или головная боль.

Дядюшка Дой прикоснулся к рукояти Бледного Жезла, словно желая убедиться, что меч не покинул его, и с трудом поплелся за нами. В это утро он выглядел усталым и очень старым.

— На кой хрен ты сюда притащился? — проворчал Костоправ, тоже выглядевший и усталым, и постаревшим. — Все равно ведь ничего не можешь поделать.

— Я знал Копченого лучше, чем кто бы то ни был. Я подумал...

— Пустая трата времени. Окажись ты близко, может, тебе и удалось бы догнать его дух.

Я удивился:

— Не имело смысла.

— Еще как имело. Кто-то не хочет, чтобы за ним шпионили.

Я начал было протестовать, уверяя, что о Копченом никто и знать не знал, но тут же заткнулся. Старик не был настроен вести дебаты. Я спросил:

— А что говорят остальные? — Надо полагать, их уже расспрашивали, и с немалым рвением.

— Никто ничего не видел. Никто ничего не знает. Но, как мне сдается, Ревуну кое-что известно. И он боится, как бы кто-то не явился за ним.

— В таком случае для него же лучше поделиться своими догадками с нами.

Я знал, что пытками из чертова коротышки ничего не выжать.

— Госпожа сказала ему то же самое. Он обдумывает ее предложение.

— А ведь это возможность переманить его на нашу сторону.

— Как я уже сказал, Мурген, тебе нет надобности трепыхаться. Мы здесь почти такие же прыткие, как ты. И разберемся, что к чему, хоть, может, и не так быстро.

— Не сомневаюсь. Ты слышал, что вытворяла этой ночью Лиза Бовок?

— Форвалака? Нет. О чем ты толкуешь?

— Она чуть не взбесилась, когда мы с Тай Дэем проходили мимо клетки.

— Такое случается с ней время от времени. Госпожа полагает, что в такие моменты животное начало берет верх. Ей, должно быть, нужен самец.

Я заметил дядюшку Доя, подошедшего уже после начала нашего разговора. Он все равно не понимал, о чем мы с Костоправом толкуем.

— Тай Дэй сказал что-то в этом роде.

— Возможно, этот малый и не такой дурак, каким кажется.

Старик произнес это, глядя на дядюшку, и я так и не понял, кого из двоих он имел в виду.

— Как наш найденыш?

— Дрема? Дремлет.

— Шутники у нас идут на растопку.

— Что? Какие шутки? Ты спросил — я доложил. Щенок спит. Лопает, ежели дать ему в руку ложку и показать, как совать ее в рот. Пялится по сторонам. Но в основном дрыхнет.

— Вот и ладно. Топай обратно. Займись делом. Попытайся заглянуть чуть выше по склону. У меня нервы сдают, предчувствие одолевает, или, может, я просто засуетился, но мне все больше кажется, что путь необходимо продолжить. Вне зависимости от того, подталкивают нас к этому обстоятельства или нет.

— То-то Радиша обрадуется.

— Сомневаюсь. Эта их паранойя насчет Отряда не сама по себе возникла. Она купилась на всякие страсти-мордасти не в той степени, как бедняга Копченый, но, тем не менее, купилась. И продолжает в это верить, потому как источник всех этих слухов никуда не делся. Сомневаюсь, чтобы Радиша поверила Душелову, когда та уверяла ее, что роковое бремя может быть сброшено безо всякого ущерба.

Он думал о Кине. В последнее время принято было считать, что именно Кина внушала страх перед Отрядом таглиосцам и их правителям. Но мы всегда подозревали, что Таглиос не сдержит обещания и не поможет нам вернуться в Хатовар после победы над Хозяевами Теней. Гипотеза Кины выглядела вроде бы убедительно, однако я видел в ней уязвимое место. Ежели Матери Обмана так уж приспичило устроить Год Черепов, почему она не вовлекла в это дело Отряд? Или считала Хозяев Теней более подходящим инструментом?

— Кажется, мы пришлись здесь не ко двору,— сказал я Тай Дэю, пожимая плечами.

— Какого черта? — рявкнул Костоправ.

Форвалака попыталась дотянуться до дядюшки Доя. Тот тыкал ее сквозь решетку кончиком меча, пока пантера не успокоилась.

— Мне нужны твои сны, Мурген,— крикнул вдогонку Костоправ, когда я уже начал спускаться по склону.— Позарез нужны. Я чувствую себя слепым, а потому уязвимым. Мне необходимо знать, что творится вокруг.

93

В настоящий момент что-то творилось в нашем лагере. Все суетились, нервничали и ждали чего-то из ряда вон выходящего. Я сам ощущал нечто подобное, причем без особых оснований. Спустившись в убогую деревеньку, выросшую перед Вратами Теней, я приметил, что мои ребята усердно приводят в порядок оружие и оснащение. Так, на всякий случай. Я взял это усердие на заметку, решив, что и из него можно извлечь пользу.

Приспела пора делать из хреновых добровольцев с тряпичными задницами братьев по Отряду.

Ежели считать солдат, офицеров, вспомогательные службы и прочий сброд, в последнем походе Костоправа против Хозяина Теней приняло участие не меньше ста тысяч человек. Они в большинстве своем погибли, причем болезни и невзгоды унесли больше жизней, чем сражения. Болезни — это бич всякой большой

армии. Значительная часть выживших разбежалась. Проблема заключалась в том, что оставшиеся с нами люди, во всяком случае, многие из них, являлись своего рода калеками. Они были нервными по природе своей. Кампания, которую они провели, отнюдь не являлась блистательным походом, в котором можно стяжать нетленную славу. Эти ребята решили прибиться к армии потому, что не знали, куда еще податься. У кого-то не было ни кола ни двора, кто-то смылся от сварливой жены или кредитора, кто-то скрывался от правосудия, а кто-то и просто был малость не в себе. Они с трудом включались в жизнь наемников, и, чтобы сделать из них настоящих солдат, следовало сильно постараться. Представление о том, что Отряд есть дом и семья для каждого солдата, срабатывало на протяжении четырех столетий, за все это время Отряд никогда не разрастался более, чем до нескольких сот человек. И уж никогда не бывало, чтобы не все братья знали друг друга в лицо и по именам.

Я вынужден был признать — хотя и претендовал на обратное, — что не сделал все возможное, чтобы сплотить семью. Особенно в последнее время — разленился, зажировал и расслабился. Ну что ж, раз ребята так суетятся, сейчас я ими займусь.

— Выдержка из Первой книги Костоправа, — громко возгласил я с крыши своего бункера, чувствуя себя малость не в своей тарелке, потому как передо мной сидело никак не менее шестисот рыл. Притащились даже раненые и больные. — В те дни Отряд состоял на службе у синдика Берилла...

Мне казалось, что период выбран удачно. Сама эмблема Отряда брала начало именно из тех времен. К тому же с нами оставались Масло и Ведьмак — живые свидетели тогдашних событий. Таким образом обеспечивалась преемственность поколений. Ребята должны были понять, что им не лапшу на уши вешают, а знакомят с историей семьи, членами которой они стали.

Аплодисментов я не стяжал. Но, кажется, говорил достаточно рьяно и доходчиво, чтобы и самый циничный из моих слушателей не счел это пустой болтовней.

У двери моей норы сидел Дрема, выказывая не больше интереса к происходящему, нежели сама дверь. Интересно, подумал я, нельзя ли привести его в чувство с помощью какой-нибудь встряски?

Разбудил меня рев Бадьи, оравшего на Тай Дэя.

— Какого черта тебе надо? — заорал я в ответ.

— Вытряхивай задницу наружу, Мурген!

Я скользнул по каменному полу и выскочил в ночь. Такой ночки я еще не видел. Объяснять что-либо не было никакой нужды.

Горели плантации Госпожи, на которых взращивались бамбуковые шесты. Загораясь, бамбук начинал выпускать огненные шары, отчего пламя распространялось еще пуще. Шары разлетались и

попадали и в лес, и в развалины Кьяулуна, и в наш лагерь, хотя у ребят хватало ума и ловкости от них уворачиваться.

— Вот куда я нипочем не полезу,— заметил я.

— А вот кое-кто так не трусит,— отозвался Бадья, указывая в самое пекло. Вспышка высветила дядюшку Доя с Бледным Жезлом в руках.

— Тай Дэй! — рявкнул я.— Какого черта он делает?

— Я не знаю.

Лагерь встревоженно гудел.

— Ну и дерьмо! — протянул кто-то.— Вот так куча дерьма! Аж не верится.

— Я туда не полезу,— повторил я.

Фейерверк продолжался. Иногда шесты выпускали шары поодиночке, а иногда разряжались сразу, и тогда небо прочерчивала дугой вереница светящихся точек. Сама мастерская Госпожи находилась под землей, но, судя по всему, полыхало и там.

Ночь отступила. Стало светло как днем.

Позади меня мрак, наполнявший Врата, заклубился и стал растекаться по склону, укрываясь в ямах, лощинах и щелях. Теням происходящее не нравилось.

И мне тоже.

Я вновь посмотрел на полыхающее поле и утвердился в мысли, что туда не сунусь.

— Кажется,— заметил какой-то не в меру хитрожопый малый,— Мурген не собирается туда соваться.

Дерьмовая башка!

Ну и ночка! Хорошо, что я успел чуток вздремнуть.

94

Земля продолжала гореть. Когда огонь проник в подземную мастерскую, где создавался материал для шаров, полыхнуло таким жаром, что воспламенилась сама земля. Горящая почва светилась разными цветами. Маленькие язычки пламени то и дело вырывались на поверхность. В воздухе висел запах горящей серы. Было достаточно светло, чтобы оглядеться по сторонам и оценить результаты бедствия.

Сотни солдат и сколоченные из тенеземцев команды в чем попало таскали воду, стараясь загасить огонь. Столбы пара поднимались над полем на тысячу футов.

— Эдак я, пожалуй, и рассержусь,— послышалось позади.

Я обернулся. Рядом стоял Старик.

— Хорошего мало,— согласился я.

— Но, возможно, все не так худо, как кажется. Правда, погибло немало людей, делавших заряды, но вся готовая продукция была сложена где-то в другом месте. Те шесты, что сгорели, еще не дозрели до боевой кондиции. Госпожа не хотела хранить весь горох в одном стручке.

— Смышленая девочка. Это был несчастный случай?

— Нет. Уцелевшие — те, кто спасся из подземного цеха, — рассказывали, что сначала погасли лампы, а потом в темноте раздались крики. Судя по описанию, на них напали Тени. А затем появилось нечто невидимое. Оно-то и вызвало реакцию, приведшую к взрыву.

— Душелов?

— Бьюсь об заклад. Она начинает действовать мне на нервы.

— Начинает? Только сейчас? Коли так, нервишки у тебя крепче, чем я думал.

Кто-то выкрикнул мое имя. Я обернулся и увидел толпу, собравшуюся у подножия холма.

Меня вызывает публика. Интересно, что за гадкий сюрприз подготовили мне на этот раз. «Гадкий» было самым слабым словом для описания того, что мне пришлось увидеть в пораженной зоне. Искромсанные, обугленные, искореженные тела. Работники Госпожи пытались бежать из подземного ада, но он настиг их и на поверхности.

— Где Госпожа? — спросил я Костоправа, поскольку он спустился вниз вместе со мной.

— Пытается определить местонахождение Ловца. Надеется отыграться, если та расслабится после достигнутого успеха.

— Зря надеется.

— Возможно. Этой ночью ты видел сны?

— Черта с два. Только ворочался без толку. Мне очень не хотелось идти сюда.

— В конечном счете я бы все равно за тобой послал.

Я хотел спросить почему, но в следующий момент понял. Он опознал тело первым.

В кольце людей лежал навзничь дядюшка Дой. Одно его плечо было обожжено огненным шаром, другой шар спалил большую часть волос. Лицо исказила гримаса боли, правый глаз скрывала корка запекшейся крови. Левый, открытый, смотрел в небо. Бледный Жезл лежал у дядюшки на груди и казался каким-то поблекшим, словно огонь выжег из острого клинка его закалку. Но руки Доя продолжали судорожно сжимать меч. Одежда выглядела так, словно на нее высыпали ведро тлеющих угольков, на щеке запеклась кровь.

По телу пробежала дрожь, послышался вздох.

Стоявший рядом Тай Дэй подался вперед.

— Осади, парень, — сказал ему Костоправ. — Дай-ка мне место. Мурген, чеши за моей медицинской сумкой. Я сделаю, что смогу.

Я припустил бегом, и, к моему удивлению, Тай Дэй поспешил за мной.

Правда, на ходу он что-то протявкал своим соплеменникам. И то сказать, не мог же он оставить дядюшку на руках чужака без пригляда других нюень бао.

Нырнув в Старикову нору, я ухватил его сумку и, уже выскочив наружу, спросил Тай Дэя:

— Что ты можешь сказать о дядюшке?

— Он забежал в мангровый лес.

Это было принятое у нюень бао выражение из притчи об охотнике, который, преследуя дикую свинью, неосторожно углубился в мангровый лес и наткнулся на голодного тигра.

Подбежав, я бросил сумку рядом с Костоправом. Он благодарно кивнул, а затем зарычал на напиравших со всех сторон нюень бао. Надо же, и десяти минут не прошло, а сюда уже, кажется, собрались все нюень бао, сколько их было в лагере. Тай Дэй принялся что-то сердито шептать — надо полагать, напоминал своим соплеменникам об их долге перед оставшимися без телохранителей подопечными. Это сработало, и толпа мгновенно рассеялась. Сам Тай Дэй остался.

Он опустился на колени слева от распростертого дядюшки, напротив Костоправа. Тот протянул Тай Дэю влажную тряпицу.

— На, протри ему лицо. Я хочу видеть, велики ли повреждения. — Было уже достаточно светло, чтобы увидеть, что почти все лицо Доя покрывала грязная корка спекшейся крови.

Пока мы бегали за сумкой, Костоправ уже раздобыл несколько полных сосудов с водой, разрезал на дядюшке одежду и в первую очередь занялся плечом, которое еще продолжало кровоточить.

Дядюшка снова содрогнулся. Он мог видеть, и, когда в поле зрения его открытого глаза попал Тай Дэй, он признал соплеменника. Немыслимым усилием он ухватил Тай Дэя за локоть и хрипло зашептал:

— Тысячегласая... Следи за Тысячегласой.

— Дядюшка, тебе нельзя напрягаться, — отозвался Тай Дэй.

— Ты должен... У меня осталось мало времени. Тысячегласая среди нас. Я поверг ее, желая востребовать ключ, но мой удар оказался не смертельным.

Кажется, последнее его весьма удивляло.

Костоправ взглядом приказал мне слушать повнимательнее: было ясно, что дядюшка пытается сказать нечто важное. Я кивнул и принялся следить за дядюшкиными губами. Голос был так слаб, что я запросто мог и ошибиться.

Большинство нюень бао вернулись к своим обязанностям. Кроме Джоджо — поскольку Одноглазый смылся, ему некого было охранять. Он остался рядом, а теперь даже подался вперед.

— Дядюшка! Твой язык предает тебя!

По крайней мере, он хотел это сказать. Но в тот самый миг, как он открыл рот, Костоправ подал знак Ведьмаку и Маслу, уже паривших поблизости на манер ангелов, готовых схватить и покарать нечестивца. Они мигом скрутили нюень бао, заткнули ему рот и уволокли бедолагу прочь, да так ловко, что не привлекли ничьего внимания.

Дядюшка Дой считал себя умирающим и намеревался возложить на Тай Дэя некие обязанности.

— Найди ее прежде, чем она оправится. Убей, пока она уязвима. Сожги ее плоть. Развей ее прах. Развей по ветру.

Тай Дэю это поручение не понравилось.

— Я не тот человек, дядюшка. У меня уже есть свой долг. Лучше помолчи, тебе нужен покой.

Дядюшкин глаз скосился в мою сторону. Он понимал, что я его слушаю, но, полагая, что из-за моего плеча уже выглядывает смерть, продолжал говорить.

Сказанное им обретало смысл, если предположить, что Тысячегласая — это не кто иная, как Душелов. Подходящее прозвище — болтала она и впрямь множеством голосов. И едва ли удосужилась представиться жителям дельты.

К сожалению, даже в таких обстоятельствах дядюшка и Тай Дэй ухитрялись напускать туману. «Ты знаешь» да «как известно» они твердили через слово, и мне оставалось лишь складывать мозаику из сплошных догадок. Как я понял, Тысячегласая похитила у нюень бао нечто важное, что дядюшка именовал ключом. Ключом к чему — я так и не услышал. Тай Дэй не нуждался в разъяснении.

Желание вернуть эту штуковину могло объяснить, почему дядюшка Дой увязался за Отрядом, а заодно и его ночные прогулки и исчезновения. Кое о чем можно было догадаться и раньше, не будь я таким непроходимым тупицей.

Дядюшка Дой слабел. Будучи необычайно силен и физически, и духовно, он не привык ощущать слабость и воспринимал ее как знак приближения кончины. Возможно, так оно и было.

Поддавшись нахлынувшему сочувствию, я уселся на землю, стараясь скопировать манеру нюень бао, и, склонившись к нему, спросил:

— Может быть, у тебя есть какое-нибудь напутствие и для Сари? Я передам, когда она прибудет сюда.

Неповрежденный глаз вперился в меня. Он заморгал, когда Тай Дэй содрал корку с другого глаза, но взгляд не дрогнул.

— Я давно все знаю. Знаю, что у нас есть сын. Вам нет прощения.

— Ему досталось больше, чем я думал, — перебил мои разглагольствования Костоправ. — Рука сломана, да, кажется, и нога тоже.

— Он напал на Ловца, — пояснил я. — Возможно, когда она уже сделала свое дело и сваливала. Кажется, он рубанул ее мечом.

— Тогда ясно, что случилось с клинком. А также и почему он в относительно неплохом состоянии. Во всяком случае, жив. А о чем они болтают?

Между собой мы с Костоправом говорили на одном из наречий Самоцветных городов.

— Он уверен, что умирает, и хочет взвалить свою миссию на Тай Дэя. Тай Дэй отнекивается. Я не все понял, но, кажется, Ловец наведалась на болота в промежутке между прорывом осады Деджагора и прибытием моих свойственников в Таглиос. Она стащила у них

что-то важное, священную реликвию или источник магической силы, и дядюшка считал своим долгом вернуть эту штуковину в дельту.

— Насчет смерти — это он напрасно. Выглядит этот малый жутковато, но на самом деле все не так страшно. Кровища на нем по большей части чужая. Конечно, досталось ему здорово, но он не умрет, если только мы не допустим заражения. Но ты покуда держи язык за зубами. Пусть они болтают.

Я повернулся к нюень бао:

— Тай Дэй, мой капитан сожалеет о том, что ваш народ никогда не был по-настоящему честен по отношению к нам. Однако во имя Сари я, как член семьи, попросил его сделать все возможное, дабы облегчить дядюшке возвращение в Као Гнум.

Као Гнум представляло собой некое понятие — и место, и в то же время состояние бытия, которое приблизительно можно было охарактеризовать как всемирное хранилище душ. Большего я не понял, нюень бао не любили разговаривать с чужаками о своей вере. Так или иначе, пребывая в Као Гнум, души дожидаются нового воплощения, если только в прошлом не обрели карму, позволяющую освободиться от круговорота Колеса Жизни. Гунниты именовали нечто подобное Сега, причем для них это понятие могло означать и рай, и ад, а также то и другое одновременно.

Мои слова задели Тай Дэя.

— Слишком много неуважения, брат.

— Вот как? Тогда объясни, почему я должен относится к нему лучше, чем какой-нибудь четвероюродный племяш с занозой в заднице?

— Невежество — твой щит,— сказал Тай Дэй.— Могу я просить тебя об одолжении?

— Слушаю.

— Не говори больше ничего.

— Так тому и быть.

Я и сам понимал, что слишком уж распустил язык, и просьба Тай Дэя меня ничуть не огорчила.

Дядюшка наставлял Тай Дэя еще добрую четверть часа, но все это время нес совсем уж несусветную чушь. Во всяком случае, извлечь что-либо ценное из его слов больше не удалось. Затем он впал в беспамятство, поскольку Костоправ дал ему сильное болеутоляющее. Я не стал уверять Тай Дэя в том, что дядюшка еще придет в себя. Ему не помешает проникнуться почтением к Костоправовой медицинской магии и почувствовать себя в еще большем долгу перед нами. Как только Дой потерял сознание, а с ним и способность дрыгаться, мы вправили его кости и прочистили раны. Последнее оказалось довольно просто: огненные шары обеспечили прекрасное прижигание. Однако дядюшке предстояло не просто сохранить на всю жизнь рубцы от ожогов — скорее всего, он уже никогда не сможет полностью восстановить подвижность правой половины тела.

Правая рука оказалась сломанной в двух местах. А правая берцовая кость — в шести дюймах под коленом.

У Тай Дэя недостало ума спросить, на кой хрен мы вправляем кости человеку, который вот-вот умрет.

Через некоторое время он сказал:

— Я был против того, чтобы увозить Сари. Но мой голос не имел никакого веса.

Все это Тай Дэй пробормотал, отведя глаза в сторону. Чувствовалось, что он предпочел бы никогда в жизни не затрагивать больше эту тему.

95

На следующий день я осторожненько переговорил с несколькими гуннитами о мифологии нюень бао, но толку от этих разговоров не было. Придерживайся гуннитты четкой концепции, они должны бы назвать нюень бао еретиками, но ничего подобного я не слышал. Все таглиосские религии представляли собой сплошную путаницу и мешанину понятий. Но никто из спрошенных не имел представления о том, что такое Ключ. Я начал подозревать, что это вовсе и не священная реликвия, хотя услышал достаточно, чтобы предположить, что Ключ числился главным сокровищем того самого храма, куда упрятали Сари.

Хотелось бы знать, в чем тут связь. Если она вообще есть.

— Мне осточертело болтаться туда-сюда, — сказал я Тай Дэю в ответ на вызов к Верховному главнокомандующему.

Неподалеку от нас тенеземские добровольцы собирали урожай какого-то злака, приходившегося родичем ячменю. Работали они за долю урожая. Костоправ полагал, что ежели мы поделимся с местными, то они будут лучше к нам относиться. Мне же казалось, что коли уж у нас эта хрень уродилась, так и их поля колосятся не хуже. Было бы куда полезнее ссыпать все наше зерно в закрома Вершины. Запас карман не тянет. Точно так же, как за летом наступает зима, рано или поздно неизбежно приходит день, когда армия начинает ощущать нужду в припасах.

Старик отметал все мои доводы, заявляя, что в моей памяти слишком глубоко засел Деджагор. Может, оно и так. Каждый из нас не более, чем совокупность всего того, что ему довелось пережить: и доброго, и злого.

Поначалу Тай Дэй молчал. В это утро он казался даже более сдержанным, чем обычно. Лишь когда мы протопали по тропе добрую милю, он сказал:

— Ты знал, что дядюшка Дой не умрет?

— Ну.

— Ты решил использовать его?

— Ну. Скажи-ка лучше, что такое Ключ?

— То, что следовало давным-давно уничтожить.

Говорил же я, что хрен от него дождешься нормального ответа. Чтобы лишний раз удостовериться в этом, я зашел с другой стороны.

— Большой мойджо, а?

Он понял это слово.

— Большое беспокойство. Все пророчества, пророческие ритуалы и связанные с ними предметы не приносят ничего, кроме беспокойства.

— Но этот самый Ключ никак не связан с пророчеством Хонь Тэй?

Хотелось бы все же знать, во что именно я вляпался, женившись на нюень бао. Сари всегда уверяла меня, что она всего лишь женщина и ей ничего не известно.

Но Тай Дэй вновь замкнулся в себе. Больше я не вытянул из него ни слова.

— Вы тут обо мне говорили, не так ли? — с ходу спросил я, ввалившись в конуру Костоправа, по той причине, что при моем появлении разговор резко оборвался.

— Может, и так,— отозвалась Госпожа, внимательно ко мне присматриваясь.

Ее явно интересовало все происходящее со мною — точнее, внутри меня — в последние дни.

У Костоправа собрались ребята из Старой команды — Масло, Ведьмак и еще несколько парней. Примечательным казалось отсутствие всех до единого старших таглиосских офицеров. Равно как и Ножа. В последнее время Нож мало когда высовывался, а ведь он был ближайшим сподвижником Госпожи долгие годы. Видимо, в ее колеблющемся доверии произошел отлив.

— Зачем звали?

— Узнать, как твои дела по части подготовки парней.

— Не так уж плохи. Хороший взрыв, вроде ночного, кому угодно вправит мозги.

— Есть вести о Ловце?

— Никаких. Если хочешь знать мое мнение, дядюшка рубанул ее так, что она забилась в какую-нибудь дыру и зализывает раны.

Со времени пробуждения Копченого я не видел поблизости ни одной вороны. Это могло быть добрым знамением.

— Тай Дэй что-нибудь рассказал?

— Нет. Да ты и не говорил...

— Ладно. Я хочу разведать равнину.

— Я думал...

— И думать нечего, сейчас самое время. Ловец слаба. Я знаю, какова ее способность к самоисцелению, и полагаю, что уже через неделю она снова сможет доставить нам кучу хлопот. Необходимо использовать предоставившуюся возможность. Хорошо подобран-

ная группа с обозом при правильной постановке дела сможет пройти миль семьдесят, прежде чем придется повернуть обратно. А это позволит нам получить более верное представление о нашем положении.

Мне его идея не нравилась, но спорить я не стал. Лейтенант у нас Госпожа, и это ее работа — указывать командиру на огрехи в его планах. А она молчала: видать, все у них было решено до моего прихода.

— Я думаю, — сказал Костоправ, — на первый раз возьмем человек пятьдесят. Всех старых парней, которые затем и пришли сюда, чтобы попасть в Хатовар. И лучших из новичков — только добровольцев.

Мало кому из новичков хотелось идти в Хатовар: хоть они и вступили в Отряд, их все еще мучил давний страх.

— Что происходит в Таглиосе? — спросил Костоправ.

Я пожал плечами:

— Две последние ночи я спал только обычным сном. Да и то это не сон, а слезы. Дрема бормочет ночи напролет. Я пытался его разговорить, но он, похоже, меня не слышит.

— Мы возьмем его с собой. Возможно, путешествие окажется достаточной встряской и приведет его в чувство.

— И когда мы выступаем? — со вздохом спросил я.

— Как только соберемся. Времени терять нельзя — Ловец поправляется.

Я снова вздохнул:

— Что-то не тянет меня путешествовать. Неужто я не заслужил права отдохнуть, посидеть на месте?

И дождаться Сари, думалось мне. А то и пуститься ей навстречу, ежели удастся вытряхнуть из Дремы, куда он подевал коня.

Костоправ прочистил горло. Сукин сын начинал походить на моего дедушку.

— Ты знаешь, что это значит, знаменосец?

— У меня есть гаденькое подозрение: это значит, что один долбаный тупица по имени Мурген должен будет переться впереди всей компании. Без Гоблина и Одноглазого, которые могли бы прикрыть спину.

— Дерьмо. Да.

Но моя спина *была* прикрыта.

— Командир, возможны затруднения. Нюень бао будут настаивать на том, чтобы сопровождать парней из Деджагора.

— Я это учел. Пусть идут. Больше нюень бао — меньше таглиосцев. Меньше опасений, что кто-нибудь затянет на моей шее шелковую косынку.

— Что? Да мы с прошлой зимы слышать не слышали об этих гадах. Их и в живых-то никого не осталось.

— Побьешься об заклад на свою шкуру? Я собираюсь прихватить с собой и святого, и прочих наших приятелей.

— Это еще зачем?

— Во избежание неприятных сюрпризов. Может, ты хочешь, чтобы в наше отсутствие Ревун и Длиннотень вырвались на волю? Чтобы сбежали Прабриндрах Драх или эта паршивая кошка?

— Нет. Но, по моему глупому разумению, было бы куда умнее сжечь их тела, смешать пепел вместе, а потом выбросить все это в шесть разных рек.

Госпожа одарила меня взглядом, да таким, что в прежние времена я бы непременно обделался. Но те времена давно миновали.

— Когда мы побываем там и выясним, что к чему, надо будет установить промежуточные лагеря. Чтобы потом поэтапно переправить туда всех прочих.

— Не думаю, что я готов к этому, командир.

— Ты о чем? Не готов к тому, к чему мы стремились последние десять лет?

— Одно дело идти, а другое — прийти, командир. Разница большая, как между дерьмом и задницей. Выйди в лагерь и спроси любого парня, хочет ли он идти в Хатовар. Уверен, каждый ответит «да». Но не думаю, что ты отыщешь многих, кому не терпится в этом Хатоваре оказаться.

Сказанное мною являлось лишь частью правды. Я понимал: Костоправ просто не в состоянии поверить, что во всей армии не найдется ни одного солдата, помешанного на Хатоваре так, как он.

— Короче,— сказал я,— что мне делать сейчас?

— Собирай манатки и готовься в дорогу. Да, и приведи в порядок своего подопечного. Его мы тоже возьмем с собой.

Что-то они от меня... что-то скрывали. Потому и заткнулись при моем появлении. Я это нутром чуял.

— Так мне, стало быть, идти и укладываться?

Старик бросил на меня насупленный взгляд. Я вышел прочь, и никто меня не задержал.

Что-то за всем этим крылось.

Зря мы сюда приперлись,— сказал я Таи Дэю.— Пустая трата времени.

Паранойя усиливалась. Я не мог отделаться от мысли, что меня как-то используют.

96

— Это не моя долбаная идея! — сказал я Рыжему в третий раз.— А если тебе не нравится — бери ноги в руки и сваливай следом за Гоблином и Одноглазым. Составь им компанию.

— Просто я никогда не думал, что мы наконец к этому придем.

— Он не думал! Никто не думал, кроме самого Старика! Включая меня. Но командир-то он. Он командует «вперед», и мы идем. Вот как это делается.

— А я что, отказываюсь? — проворчал Рыжий не столько мне, сколько себе, и поплелся созывать своих сержантов. Ему требовалось распределить обязанности на время его отсутствия. Я и сам занялся тем же, как только вернулся от Старика. Во многом приходилось полагаться на не слишком подготовленных таглиосцев. Старик не хотел оставлять в лагере ни одного члена Старой команды и ни одного нара. Впрочем, в живых осталось лишь трое наров: Иси, Зиндаб и Очиба.

Зашел Бадья, бывший по существу моей правой рукой. Он делал большую часть работы, и я в его дела почти не встревал.

— Я гляжу, ты прищемил Рыжему яйца.

— Этот малый вконец меня задолбал. У меня от него мозги набекрень. А тебе чего надо?

Задолбал меня не только Рыжий. Дрема становился все хуже, а тут еще Тай Дэй превратился в занозу в заднице из-за того, что я не удосужился навестить дядюшку Доя, когда мы пересекали долину.

— Слушай, Мурген, то, что ты трепыхаешься, — это нормально. Но стоит ли дергать других из-за того, что тебе хреново?

Я начал было отлаиваться, но скоренько смекнул: сколько ни гавкай, это не изменит того факта, что он прав. Со злости я подхватил камень и запустил наугад, словно рассчитывал, что вместе с ним улетучатся раздражение и тревога. Камень шлепнулся среди валунов. С полдюжины ворон взлетело в воздух, понося меня на своем природном наречии.

— Дерьмо!

— Лучше не скажешь, — согласился Бадья. — Некоторое время их не было. Мне это не нравится.

— Они прятались далеко, так что едва ли могли нас подслушать. Но пусть кто-нибудь из ребят осмотрит окрестности.

Я посмотрел на солнце. До темноты оставалось еще несколько часов. Стало быть, у меня было время провести кое-какую проверочку, прежде чем по склону двинется вся компания.

Бадья послал солдат осмотреть валуны, и один из них подобрал расклеванного зверька: кажется, тушку земляной белки. Другой рукой парень зажимал нос.

— Может, они и не шпионили, а просто кормились? — предположил Бадья.

— Все возможно, — отозвался я. — Но не все одинаково вероятно. Тай Дэй, я знаю, что ты вдолбил себе в башку всякую дребедень насчет долга, но поверь, что тебе не следует этой самой башкой рисковать только из-за того, что так поступаю я.

Маленький, худощавый, оборванный нюень бао сидел неподалеку на корточках. Несмотря на висевший за спиной меч в ножнах, он вовсе не казался опасным. Он поднял на меня глаза и хмыкнул. Этим все было сказано.

— Слушай,— не унимался я.— Мне предстоит пройти Вратами Теней. Погоди, все будет хорошо. У меня есть Ключ. Копье. Раз у меня Ключ, со мной ничего не случится.

Ежели Костоправ ни в чем не ошибся.

Сам я чувствовал бы себя малость получше, доведись мне хоть краешком глаза заглянуть в старые Анналы. С трудом, словно у него затекли колени, Тай Дэй распрямился, вздохнул и сделал мне жест — «пойдем».

— Смотри,— сказал я.— Тебе нет нужды туда переться.

Он снова махнул рукой.

Я прекратил уговоры. Тай Дэй на два шага опережает обычного упрямца. Любой нюень бао — не меньше, чем на шаг. Моя жена...

Я ухватился за древко знамени и принялся ногами расшвыривать камни у его основания. Штандарт проторчал там уже полгода, превратившись в деталь пейзажа, на которую никто не обращал внимания.

— Погоди,— сказал Бадья,— не дергайся, пошевели мозгами. Есть у тебя башка на плечах? Ты что, решил стиснуть зубы да и переться наверх? Возьми бамбук. Возьми что-нибудь перекусить. И главное, позволь мне выделить нескольких парней прикрыть твою задницу.

— Верно. Ты прав.

Это поручение выбивало меня из колеи.

Я предоставил распоряжаться Бадье. Ему не нужно было тащиться за Врата Теней, и он мог позволить себе оставаться спокойным и рассудительным. А вот знаменосец — он в каждой бочке затычка. Так уж повелось в Отряде.

Мы поднялись по склону до того места, выше которого уже никто из нас не поднимался. Древко дрожало в моих руках. Опершись о него, я таращился на руины, пытаясь разглядеть тропу, по которой мне предстояло пройти. Бадья стоял в нескольких шагах позади меня и отдавал распоряжения Рыжему. Рыжий расставлял наблюдателей. Я не хотел ни на миг исчезать из поля зрения. Ежели не повезет, ребята должны знать, чем меня пришибло, в какое время и на каком месте.

— Глаз с меня не спускайте! — рявкнул я, отчетливо ощущая, что в ближайшее время ничего хорошего ждать не придется.

— Все готово,— отозвался Бадья.— Цепляй веревку к заднице и шуруй вперед корчить из себя героя.

Сказанул тоже, героя. Всю свою жизнь я менее всего рвался в герои. Я сделал отмашку обеими руками и тут же вцепился ими в знамя — покуда оно не упало.

— До встречи в аду, дерьмоед.

Я зашагал вверх по склону. Тай Дэй следовал за мной со связкой бамбука на плече. Он изо всех сил скрывал свой страх, однако не стал возражать, чтобы и ему привязали к поясу веревку — на тот случай, если его придется вытаскивать назад сквозь Врата.

Знамя в моих руках почти гудело.

Я остро ощутил тот миг, когда пересек невидимую черту. На миг меня пронзил немыслимый холод, как если бы я упал в холодный пруд. Леденящая грань осталась позади, но меня все равно окружал холод. Там, где я оказался, он царил всегда. Особый холод — можно жарить яичницу на камнях и все равно дрожать от стужи.

Сделав несколько шагов, я остановился и замер на месте. Тянулись минуты. Ощущение холода не пропадало. Я уставился вверх по склону и чем дольше смотрел, тем отчетливее видел дорогу. Тонкая, черная и блестящая, словно полированный уголь, линия вилась по склону, напоминая след гигантской змеи. Я сделал еще несколько шагов. Ничего. И никого. Никто на меня не наскакивал, включая и Тени. А вот знамя явно чувствовало себя как дома. Оно буквально тянуло меня вверх по склону.

— Эй! — проорал я Бадье. — Вам хорошо меня видно?

— Видно, видно, приятель. Смотри веревку не потеряй. — Бадья заржал, и его смех донесся до меня словно по длинному металлическому тоннелю.

— Бадья, присоединяйся. Для тебя тоже найдется веревка.

Я сделал еще три шага. Тай Дэй не отставал, но рожа у него была кислая.

Ничего не случилось. Я продвинулся еще на несколько шагов. Дорога поблескивала, как полированная тьма, увлекая меня вперед и вперед. Страх уходил прочь. Очень быстро. Тай Дэй что-то вякнул, но я не просек, что именно.

Меня тормознула резко натянувшаяся веревка. Должно быть, я неосознанно продолжал двигаться вперед, пока не выбрал всю бухту.

Бадья дернул за свой конец и крикнул:

— Кончай. Для первого раза ты и так слишком далеко забрался.

Пожалуй, я и вправду зашел дальше, чем собирался. Но ведь тут нет решительно ничего страшного.

Бадья дернул снова, с еще большим рвением.

Я неохотно повернул назад, вниз. Тай Дэй снова что-то сказал. Я оглянулся и наконец понял, чего он хотел.

Он указывал на север. Весь мир выглядел мерцающим, словно мы смотрели на него сквозь завесу дрожащего от жары воздуха.

— Вылезай, Мурген! — заорал Бадья, теряя терпение. — Ты должен вернуться и закрыть Врата до того, как стемнеет. — Он еще раз дернул за привязь.

По-прежнему неохотно я ступил через невидимый рубеж: словно из зимы в лето.

Тай Дэй облегченно вздохнул. Гора его явно не манила. Мой же мир изменился. Теперь я по-прежнему видел извилистую линию полированной тьмы, бывшую некогда дорогой, пусть даже большая часть ее была засыпана землей и завалена камнями. Я чувствовал, что, пройдя сквозь Врата, стал другим человеком.

— Эй, с тобой все в порядке? — спросил Рыжий. — Вид у тебя какой-то чудной.

— Там место чудное. Вроде то же самое, что видишь отсюда, — но совсем другое.

— Чего?

— Не могу объяснить. Сам ни хрена не понимаю, только чувствую. Ты все поймешь, как только туда заберешься.

Сматывая на руку веревку, к нам подошел Бадья.

— С тобой все в порядке? — завел он ту же песню. — Ты выглядишь так, словно увидел призрак.

— Нет там призраков. Только рок.

— Рок? Ты о чем? Что там с тобой случилось? Ты словно впал в забытье: взял да и попер вперед не оглядываясь. А хранитель твоей задницы вовсе за тобой не рвался. Стоял на месте да дрожал как цуцик.

— Такое уж это место. Там холодно, но это не обычный холод. Нож бы сказал, что это тот холод, который сокрыт в сердце святоши.

Должно быть, я выглядел растерянным. Бадья покачал головой и сказал:

— Так говоришь, чтобы все это понять, надо побывать там самому?

— Ты смотри, — сказал я Тай Дэю, — порой и до самого распоследнего пня что-то доходит. Ты точно это подметил, Бадья. А теперь удостоверься, что все веревки натянуты и ловушки для Теней установлены. Вели поднести сюда свежей пыли. Я хочу, чтобы все было...

— Уймись! — оборвал меня Рыжий. — Мы же все заготовили заранее. Совсем у тебя башка дырявая.

Солдаты вовсю устанавливали защитные ограждения. Я только попусту дергался и портил себе нервы.

— Прямо скажу, там было жутковато. Так что мне не мешает малость расслабиться. Сделаем так: я набросаю рапорт для Старика, а ты пошли какого-нибудь парня, пусть отнесет. Что до меня, то я заберусь в свою нору да познакомлюсь поближе с одним лекарством Одноглазого.

Я прихватил себе жбан самого забористого первача, объяснив это тем, что спирт необходим для медицинских целей.

Мне как раз не мешало подлечиться.

97

Эликсир Одноглазого не убивал страх, но лишь ненадолго отодвигал его. Страх был особого рода, не тот, что парализует или лишает рассудка. Но он пребывал во мне постоянно, не давая о себе забыть. Это раздражало до крайности.

Я взглянул на Дрему:

— Будешь ты когда-нибудь годен на что другое, кроме переработки жратвы в дерьмо?

Дрема сидел в сгущающейся тьме на тюфяке, прежде принадлежавшем матушке Готе. Он не только не выказывал признаков возвращения из нездешнего волшебного королевства, где пребывал его разум, но в последнее время почти не двигался. А если двигался, то с таким видом, словно это было для него мукой. Я стал опасаться, как бы нам не пришлось тащить его с собой на носилках. Кому из ребят такое понравится? Я относился к Дреме лучше всех, не считая разве что Бадьи, но и моя привязанность не простиралась настолько, чтобы мне захотелось переть этого малого на горбу.

Вообще-то у нас принято заботиться о своих. Но при этом подразумевается, что и свои будут заботиться о нас. Существовало немало прецедентов, когда Отряд прекращал страдания брата, становившегося для него обузой.

Дрема не отвечал. Он никогда не отвечал. Я перекатился на свою подстилку и попытался заставить себя не думать о необходимости снова подниматься в гору. Стоило об этом подумать, как мне становилось не по себе.

Я ощущал Душелова, но не мог обнаружить ее во всепоглощающей, кромешной тьме. На счастье, она тоже меня не видела — а возможно, я ее не интересовал.

Я чувствовал себя как во время блужданий с духом. Но в полной темноте, без каких-либо опознавательных знаков, у меня не было возможности двинуться куда бы то ни было.

Я просто парил во тьме.

И лишь постепенно начал осознавать, что я не один.

Кто-то наблюдал за мной. Или что-то.

Наблюдал тем внимательнее, чем явственнее я это осознавал. Тьма по-прежнему оставалась непроглядной, но в самой ее непроглядности я стал различать лицо. Красные глаза, желтые клыки, кожа, чернотой многократно превосходящая саму тьму, так что она казалась некой противоположностью света... Кина. Разрушительница. Царица Обмана. Мать... Тенеземцы полагали, что ей присуще не только злое, но и созидающее начало. Так или иначе, она обладала могуществом достаточным, чтобы заставить меня обделаться от страха. Если она проявит ко мне интерес.

Что и произошло. Ее малиновые глаза просверлили дыру в моей призрачной душонке. Огромное отвратительное лицо неожиданно сморщилось, словно высохшее яблоко в кожуре, сжалось и поглотило само себя, превратившись в рубиновую точку. Точка начала двигаться, а в моем сознании появилось отчетливое ощущение того, что меня желают о чем-то предупредить. Неужто Кина пытается связаться со мной? Но на кой я ей сдался? У нее и без меня есть через кого воздействовать на наш мир.

А есть ли?

Нарайян Сингх был пленником. Дщерь Ночи тоже — если она вообще осталась в живых. Последнее время никто не имел о ней вестей. А Госпожа давным-давно обрела свободу. Сейчас она была чем-то вроде пиявки, пьющей магическую энергию.

Возможно, в нашем мире богине не с кем было связаться. Кроме одного парня по имени Мурген.

Я последовал за красной точкой и оказался на усыпанной костями равнине. Раскинув крылья и громко каркая, я уселся на лишенную листьев ветку. На сей раз среди костей были разбросаны почти целые скелеты и еще не сгнившие тела. Встав на крыло, я проскользнул низко над ними. Навозные жуки, напуганные моей тенью, разбегались во все стороны. Странно, раньше я не видел здесь никого, кроме ворон.

Над горизонтом нависала, как башня тьмы, огромная черная грозовая туча, полнившаяся рокочущими кровавыми молниями. Хлопая тяжелыми крыльями, я устремился туда. Почему-то это казалось мне правильным. На мгновение облако открыло злобное лицо вампира и множество рук, приветственно потянувшихся мне навстречу.

На мгновение я потерял ориентацию, но тут же выправился и продолжал полет. Землю скрывала тьма, и лишь редкие огни указывали на человеческое жилье. Я склонил голову, пристально всматриваясь вниз. Глаза мои приспособились к темноте, но я не мог понять, где нахожусь, пока не опустился достаточно низко, чтобы различить заслоняющую звезды громаду Вершины к югу от меня.

Я находился не более, чем в ста футах над невидимой землей, когда земля вспучилась, закипела и стала плеваться фонтанами огненных брызг. Послышался грохот, на меня пахнуло жаром.

Черт, кажется, я не воображал себя вороной, а действительно превратился в нее. В белую ворону! И на самом деле находился там. Над мастерской Госпожи, в середине прошлой ночи.

Уклонившись от летевших в мою сторону огненных шаров, я спланировал вниз, за скалы, где можно было укрыться от нарастающего огненного шквала. Конечно, любое укрытие мало чего стоило. Я ведь знал, как легко прожигают камень шары новой конструкции.

Люди бежали со всех ног, но у большинства ноги оказались недостаточно резвыми. Или они поздновато пустились наутек. Некоторые еще выскакивали из-под земли, но земля уже горела у них под ногами. Неожиданно мой взор привлек блеск отражавшей разноцветные огни стали. Кто-то бежал в противоположную сторону.

Едва начался переполох, дядюшка Дой устремился к очагу пожара. Старина, ежели это и вправду был он, мчался с удивительной прытью. Захлопав крыльями, я тяжело поднялся в воздух и заскользил следом за сверкающим Бледным Жезлом.

Оказывается, в первое время после отрыва от земли ворона чертовски неуклюжа. А дядюшка Дой — это действительно был он — отнюдь не желал насладиться моим обществом. Отточенный клинок сверкнул как молния и едва не настиг меня в полете. Такой быстроты и ловкости Дой не выказывал даже на тренировках. Меня спас лишь птичий инстинкт: крылья среагировали прежде, чем я понял, что мне грозит опасность. Я последовал за ним, оставаясь вне пределов досягаемости. Через некоторое время он выбрал себе наблюдательный пункт, опустился на колени и принялся ждать. Я нашел каменный уступ и последовал его примеру, проклиная безмозглых людишек, вырубивших поблизости все деревья.

Ждать дядюшке пришлось недолго: только-только чтобы перевести дух да продемонстрировать его фантастическую реакцию, позволяющую ему уворачиваться от огненных шаров. Затем земля разверзлась, открывая путь столбу темно-зеленого света. Задевавшие его огненные шары попросту соскальзывали. Свет был столь глубок, что едва ли его можно было заметить на сколько бы то ни было значительном расстоянии. Столб двинулся в мою сторону, а значит, должен был пройти мимо дядюшки. Но уже в следующее мгновение зеленый свет истаял, обнажив то, что находилось внутри.

По счастью, я был птицей, а дядюшка — стариком. В противном случае от любого из нас можно было бы ожидать какой угодно дури. Ибо мы увидели немыслимо прекрасную женщину, причем без единой нитки на теле.

Душелов.

Даже будучи птицей, я стал прикидывать, как долго не видел свою жену.

Воздух вокруг Ловца замерцал, рябью покрылось и ее тело. На сей раз она не устанавливала новое ограждение, а принимала иной облик. Сосредоточившись на превращении, она слегка утратила бдительность и проглядела дядюшку, слившегося с ночью так, что это сделало бы честь любому Обманщику. Я разглядел его лишь в тот миг, когда, материализовавшись за спиной Ловца, он обрушил страшный удар, который должен был рассечь ее до пояса.

Но она все же среагировала: попыталась уклониться и применила какую-то колдовскую защиту. Воздух взревел, она повалилась вперед: не убитая, но, несомненно, серьезно раненая. Дядюшка Дой подскочил, чтобы добить ее. С сияющего Бледного Жезла струилась кровь. Но Ловец опять увернулась и вскочила на ноги. Дядюшка Дой готов был нанести удар, но вмешался случай. Разрядившийся от жара шест выпустил два огненных шара подряд, из-за чего он потерял время. Удар нанесла Душелов. Но на то, чтобы прикончить его, у нее просто не хватило сил. К тому же взрыв поднял всех на ноги, и ей не стоило задерживаться.

Она поплелась прочь, собирая остатки сил, чтобы довести до конца преображение. Добравшись до того места, где была припрятана одежда, она уже стала Дремой. Это мигом расставило все по своим местам. Ясно стало, почему он в последнее время был совсем плох. Но где же сам паренек? Я был чертовски зол.

Слетев вниз, я уселся дядюшке на грудь и принялся клевать и бить его крыльями, покуда не заставил повернуть голову набок. В противном случае он захлебнулся бы собственной кровью. Затем я отправился за Душеловом.

Но она исчезла. Следов обнаружить не удалось, но этого и не требовалось. Ведь в то утро, когда я проснулся, полагая, что почти не смыкал глаз, Дрема находился в моем бункере.

Это проясняло и гибель Копченого: не зря тогда у мнимого Дремы дернулась щека. Ловец поняла, что ее могут выследить, если кто-нибудь вздумает с помощью Копченого выяснить, что же случилось с бедным парнишкой.

Но теперь я знал ее тайну. По всей видимости, Кина оказалась более могущественным привратником, чем полагала Душелов. Возможно, богиня обладала своеобразным чувством юмора: она использовала ворону, чтобы выследить владычицу ворон.

Я пристроился на крыше своего бункера. Тай Дэй фыркал и храпел: сказывались последствия контакта с сокровищами Одноглазого. Изнутри тоже доносился могучий храп, и поскольку Дрема находился снаружи, следовало предположить, что мой. Выходит, Сари была права, уверяя, будто во сне я реву, как голодный медведь.

А я-то ей не верил. Трудно было поверить, что мы все заснули после такого тарарама. Должно быть, Ловец напустила на нас сонные чары. Я преодолел искушение слететь вниз и украдкой заглянуть в дверной проем, решив, что мне не понравится глядеть на себя со стороны.

Из тьмы выступил Дрема.

Для столь тяжело раненой Душелов двигалась с удивительной скоростью. Ни один нормальный, здоровый человек не пробежал бы такое расстояние за такое время. Надо полагать, не обошлось без волшбы. Я едва успел подумать о том, как мне удастся избавиться от облика белой вороны, — и это произошло. По-видимому, ключом явилось быстрое приближение Ловца. Ворона взлетела, а мой дух остался на месте. Я парил в воздухе и наблюдал. Движения Ловца замедлились: несмотря на магию, раны давали о себе знать. Я поднялся вверх и устремился в направлении, которое должно было обозначать завтра. Ловец не ощутила моего присутствия, хотя именно ее появление позволило мне избавиться от вороньей плоти.

Затем была ночь, которую я покинул. Все, включая меня, храпели, как черти, в бункере. Мне же была предоставлена возможность свободно блуждать по миру духов.

98

Сари спала беспробудным сном. Тобо лежал рядом, положив одну крохотную ручонку на ее обнаженную грудь и время от времени посасывая материнское молоко. Глядя на них, я чувствовал, как постепенно меня отпускает напряжение.

Какой же я все-таки идиот. Единственное, чего я хотел на самом деле, это быть с ними, но вместо того всего через несколько часов намеревался подняться с подстилки и вновь отправиться на гору. Я знал, что пойду туда, даже если это грозит мне смертью.

Почему?

Ответа на этот вопрос у меня не было. Протянув призрачную руку, я коснулся Тобо, и на миг мне показалось, будто я и вправду ощутил живое тепло. Малыш заерзал, словно ему привиделся плохой сон. Оставив его, я коснулся волос Сари.

Она улыбнулась.

— Мур, это ты? Мне показалось, будто ты здесь... — Она ворковала, а я наслаждался звучанием ее голоса.

Сняв Тобо с груди, Сари встала и, полуобнаженная, исполнила несколько танцевальных движений, напомнив о том, чего я не видел давным-давно. Фигура ее была столь же великолепна, как и до родов. Глядя прямо на меня, Сари лукаво улыбнулась. Может, она и вправду колдунья?

— Тобо уже достаточно крепок, чтобы пуститься в дорогу. Скоро праздник Водяного Дракона. В суете и столпотворении легче будет ускользнуть. Все необходимое у меня уже приготовлено.

Какая все-таки чудесная у меня жена — умная, решительная, уверенная в себе. Хотелось бы знать, чем я заслужил такое счастье? Кроме того, что каким-то манером потешил фантазии ее бабушки. Я балдел, глядя на пританцовывающую Сари, покуда не забеспокоился Тобо. Наверное, малыш обостренно воспринимал чужое присутствие, и оно его пугало.

— Был бы ты здесь... — со вздохом промолвила Сари с таким видом, словно хотела предложить мне нечто восхитительное и сладострастное. — Но увы, тебя нет.

Она пожала плечами.

— Но ничего, это долго не продлится.

Сари взяла нашего сына на руки, и он тут же, с весьма довольным видом, припал к груди.

Вижу, чего тебе хочется, малыш.

Тобо открыл глаза. Один глаз из-за плеча Сари смотрел прямо на меня. Он отпустил грудь, перевел дыхание и завопил. Голосок у мальца был что надо.

Немедленно к Сари заявился жрец.

— Что происходит? — спросил он. — Почему плачет ребенок? И с кем это ты шепталась?

— Сейчас же убирайся, — отрезала Сари, — ты не имеешь права здесь находиться.

Жрец не без труда оторвал взгляд от ее груди. Он стал извиняться, но его искренность вызывала сомнения.

— У ребенка пучит животик, — сердито сказала Сари — а разговариваю я с ним. Это единственная возможность поговорить с разумным человеком.

Ну не прелесть ли она после этого.

Я удалился, сделав перед этим все возможное, чтобы запечатлеть поцелуй на ее шейке, и чувствовал себя при этом счастливым, насколько может быть счастлив мужчина в моем положении. Я знал, что мои жена и сын живы, здоровы и любят меня. Многие солдаты нашего Отряда знать не знали, что стало с их семьями, хотя, по правде сказать, большинство из них это не беспокоило. Парни, привязанные к домашнему очагу, ушли, когда всем таглиосцам было позволено вернуться домой.

Небо было затянуто тучами, в дельте царила тьма, и мне не сразу удалось найти дорогу в Таглиос.

Там я провел немало времени, обследуя дворец и важнейшие храмы, но важных сведений раздобыл мало. Без Копченого я был ограничен рамками реального времени, а оно было слишком поздним для того, чтобы проводить совещания и строить козни. Не спали только жрецы Ночных Богов, но они не плели интриги, а готовились к какому-то ночному обряду.

Будь я предусмотрительнее, мне следовало бы лечь спать пораньше, в то время, когда большинство людей, включая и наших недругов, бодрствует. В нынешних же обстоятельствах я не узнал почти ничего нового, за исключением того, что гонения на друзей Отряда распространились на все территории, присоединенные к Таглиосу нашими усилиями. Правда, эти гонения были несопоставимы со злобным преследованием, какое претерпели мы со стороны душил. Никто из наших сторонников не погиб. Чиновники по большей части отделались тем, что лишились своих постов, и лишь некоторые угодили за решетку. Радиша предпочитала обходиться без кровопролития.

Впрочем, все полученные мною сведения являлись обрывочными и скудными.

Могабу найти не удавалось. Равно как и ни одного из наших блудных колдунов. Впрочем, я особо и не напрягался. Несколько больше усилий было посвящено поискам дочери Костоправа.

Где бы она ни находилась, сейчас она осталась одна. Что открывало определенные возможности.

Разыскивая девочку, я заодно пытался обнаружить свидетельства того, что же стало с настоящим Дремой. В чем также отнюдь не преуспел. Правда, наткнулся на доказательства того, что моя слепота не была случайной.

Я парил над склоном, всего в нескольких милях от бывшей пещеры Ловца. Хотя в распоряжении этой ведьмы имелся ковер Ревуна, она едва ли стала бы удаляться от нас на значительное расстояние. Гора была изрезана множеством небольших каньонов и расщелин. Я нырял в каждый из них, пытаясь углядеть дитя или какой-нибудь знак человеческого присутствия. Например, костер. Сомневаюсь, чтобы девочка могла существовать без огня.

Огня я не нашел. Я нашел своего коня. Думаю, что своего. Я углядел его лишь мельком, но мне показалось, что он почувствовал меня и попытался подать знак. Немедленно остановившись, я вернулся назад и ничего не нашел. Не видел, не слышал, не ощущал. Вокруг было пусто.

Ну и ладно. Я имел представление о том, где это место находится. И мог рассказать Костоправу, который, если захочет, может послать солдат и велеть им обшарить каждую щель.

Напоследок я навестил дядюшку Доя, находившегося под охраной своих соплеменников. Он был жив, а без сознания оставался лишь потому, что ему, для его же блага, постоянно давали снотворное. В чем бы ни заключалась его миссия, у него не было необходимости исполнить ее немедленно.

Затем я вернулся домой, в свое удобное тело и неудобную постель. Ребята дали мне выспаться, словно в праздник. Солнце уже встало, когда я вышел из бункера, оставив безучастно лежащего неподалеку от выхода Дрему.

99

Вскоре после того, как я покончил с утренней кашей, заявился Костоправ. Уж он-то не проспал.

— Ты вчера ходил туда. Ну как?

— Да я поднялся всего на несколько ярдов. Тай Дэй пошел со мной, мне не удалось от него отделаться. На тот случай, ежели вляпаемся в дерьмо, мы прицепили к заднице веревки... Садись, сейчас я все расскажу...

Я уселся спиной к Дреме, чтобы ничего нельзя было прочесть по губам, и, жестикулируя, будто расписывал свой подъем на гору, выложил последние новости.

Костоправ усмехнулся:

— Ладно, мы этому подыграем. Я даже не стану говорить Госпоже. Хотя, по правде сказать, все, кроме тебя, уже подозревали...

— Так вот почему вы вели себя как распоследние сукины дети. Боялись, как бы я не сболтнул лишнего. Ну-ну. Какой план на сегодня?

— Проверим дорогу на всем протяжении до Вершины. Я пойду с тобой. И поменьше разговоров, пока мы не окажемся на той стороне.

— Хорошая мысль. Я решил отложить все прочее на потом. Ты ел?

Костоправ бросил взгляд на мою расплющенную жестяную миску.

— Я вижу, ты тут живешь как король.

— Безусловно. Так и подобает жить лучшим людям Отряда.

— Пропущу это мимо ушей. На сей раз.

Он поднял глаза на гору и вздохнул.

— Верную мысль порой высказывал Одноглазый. Староват я для всего этого дерьма.

— Ну, все не так уж плохо.

Последнее соответствовало действительности. Мы привыкли говорить о «горе», однако склон был не слишком крутым, да и дорога представлялась вполне проходимой не только для людей, но и для подвод. Ежели ее малость расчистить. Гребень, переходивший в плато, находился не более, чем в тысяче футов над Вратами Теней. А может, и еще ближе.

— Дай знать, когда будешь готов.

Старик массировал правое колено. Приметив мой взгляд, он пояснил:

— Маленький ревматизм. Но разыгрывается только от ходьбы.

«Купи лошадь», — подумал я, но вслух этого не сказал.

— Послушай, сколько тебе на самом деле лет?

— Человеку столько лет, на сколько он себя чувствует, — ответил он. — Госпожа не дает мне стареть.

Я задумался о том, насколько буквально следовало понимать его слова. Ведь над самой Госпожой время и впрямь было не властно.

— Бери знамя, и пошли.

— Может, захватим пару парней? На всякий случай?

— Возьми своего нюень бао, хочет он или нет. Ну и парочку других. Рыжий с Бадьей подойдут.

Рыжего с Бадьей долго искать не пришлось. Похоже, они были наготове и ждали призыва. Позади обоих держались их телохранители. На прогулку собиралась целая орава.

— Ребята, — заявил я, — все выглядит так, будто мне поручено командовать парадом.

Признаться, их готовность меня порядком приободрила.

Ныряя в свою нору, я приметил, что Тай Дэй, судя по виду, вполне готов к восхождению. Даже слишком.

Скоренько насовав в сумку корявых жареных лепешек, я на ходу бросил Дреме:

— Сиди дома, приятель, не отлучайся. Я вернусь к ужину. Если будет на то воля богов и демонов земли.

Я ухватил знамя. По одному мы пересекли невидимую черту. На сей раз вибрация казалась менее ощутимой. Для меня. И, по-видимому, для Тай Дэя. Остальные побледнели, им явно было не по себе. По ту сторону по-прежнему царил холод. Я невольно съежился.

Передо мной лежала дорога — змеившаяся по склону глянцево-черная полоса.

— Видишь дорогу? — опросил я и, склонив знамя, коснулся стальным наконечником черной поверхности. Сам не зная почему.

Дрожь, пробежавшая сквозь меня, была в дюжину раз сильнее, чем при прохождении сквозь Врата Теней. Я ахнул, затрепыхался и, кажется, даже что-то бессвязно заорал, брызжа слюной.

— Что с тобой? — спросил Костоправ.

Я впихнул ему в руку знамя.

— Сделай, как только что сделал я.

Отступив в сторонку, я снова поднял глаза на склон и понял, что вижу его иначе. Он был тот же: пыльный, лишенный растительности, со змеившейся черной нитью дороги. Но в то же самое время он предстал передо мною таким, каким, наверное, был в давно минувшие времена, когда дорога была проезжей, и даже сам склон, почти такой же голый, не производил впечатления забытого богом места. Я даже видел людей, хотя они казались куда менее материальными, чем дорога, склон и древние укрепления. Костоправ последовал моему примеру и, видимо, памятуя о какой-то своей догадке, тут же передал древко Бадье. От Бадьи знамя перешло к Рыжему, а от того к Тай Дэю. Нюень бао заколебался, но Старик решительно сказал:

— Или ты поступаешь как все, или не идешь со всеми наверх.

Надо полагать, наверх Тай Дэю тоже не слишком-то хотелось, но делать было нечего. Он оказался в ловушке: отчасти из-за собственного характера, отчасти же, как я подозревал, из-за поручения, которое навязал ему дядюшка Дой.

Как только Тай Дэй двинулся вперед, за ним последовали и другие нюень бао.

— Это не связывает вас с Отрядом никакими обязательствами,— бросил им Костоправ.

— Ну,— сказал я через некоторое время,— теперь, когда все мы это проделали, как насчет того, чтобы все-таки подняться на гору?

Как и подобает хорошему знаменосцу, я ухватил штандарт и устало поплелся впереди.

Приятно возвращаться домой.

Что?!

Я оглянулся на остальных. Нет, вроде бы все они без труда составляли связь с действительностью. Возможно, это еще одна сторона моих кошмаров и сновидений.

Тай Дэй неотступно следовал за мной, держа наготове обнаженный меч.

Ему явно было не по себе.

Чем выше по склону, тем шире становилась черная лента. Кроме того, она обретала зримую глубину: оставаясь идеально плоской, начинала казаться вогнутой. Твердая и холодная на ощупь, она пружинила под ногами.

Ближе к вершине склон становился круче. Я пыхтел и задыхался, но потом идти стало легче. Линия горизонта перестала удирать от меня, дорога мягко ложилась под ноги.

— Стой! — взревел Костоправ.

Я остановился. Оглянулся. И увидел, что Старик отстал от меня на добрых сто ярдов. Даже Тай Дэй едва за мной поспевал. Бросив взгляд вниз, я понял, что поднялся довольно высоко: отсюда можно было смотреть сверху вниз почти на всю Вершину, кроме обломанного зубца бывшей башни Длиннотени. Там виднелись крохотные снующие точки. Солдаты Госпожи обустраивали крепость. Видать, капитан все же смекнул, что жить можно не только в земляных норах.

Когда Костоправ поравнялся с нами, он изрядно запыхался.

— Слушай, я совсем потерял форму.

— Так ведь ты сам хотел прогуляться. Заодно и жирок сгонишь.

Толстым Костоправ не был. Пока. В последнее время он никогда не упускал случая заморить червячка.

— Ты ясно видишь дорогу? — спросил я, желая убедиться, что не страдаю галлюцинациями. Своим глазам я уже не верил. Все увиденное могло быть сном, привидевшимся внутри сна, иллюзией, из тех, что порождаются случайными соприкосновениями душ, пребывающих в вечном коловращении Света.

Хотя, по правде сказать, мало кто видит окружающее точно так же, как и все остальные.

— Черная тропа? Да. Но не помню, чтобы об этом говорилось в Анналах.

— Так ведь никто из нас не читал ни строчки, написанной теми, кто мог видеть все это собственными глазами. Кто отстоял бы от этого меньше, чем на два поколения. К тому времени у Отряда были иные заботы.

Костоправ хмыкнул.

Для пущей уверенности я опросил всех. Все признали, что мы идем по черной блестящей ленте. Даже нюень бао. Их это пугало, но они принимали страх как неизбежность. Человеку надлежит обитать в болотах, а весь мир за их пределами есть вместилище мерзости и страха.

— Все отдышались? Пойдем дальше.

Я действительно хотел добраться до равнины. И даже попытался вспомнить, как выглядела она ночью, с высоты, но воспоминания были довольно туманными. Да и много ли разглядишь издалека. Интересно, почему я даже не попытался рассмотреть ее получше? И какое отношение к этому месту имеет Кина? Может быть, именно здесь произошла великая битва, о которой повествуют легенды? Таглиосцы ни в какую не желали говорить на эту тему и при всяком упоминании о равнине лишь покачивали головой и бормотали что-то насчет «блистающих камней». Примечательно, что это

сочетание слов укоренилось и в качестве идиомы, означавшей «безумие». Все это заслуживало осмысления. Особенно в связи с укоренившимся представлением о том, что страх перед Отрядом и Годом Черепов внушался таглиосцам извне.

Хотя склон был не так уж крут, я отдышался, глядя на подталкивающую меня вперед черную ленту, сделал еще несколько шагов и неожиданно понял, почувствовал, что больше не поднимаюсь вверх.

Я запнулся, но тут же восстановил равновесие и, подавив желание броситься вперед, стал ждать, пока подтянутся остальные.

Передо мной лежала равнина.

Таглиосцы не зря говорили о «блистающих камнях». За гребнем черная тропа превращалась в широкую, идеально сохранившуюся дорогу, мягко изгибавшуюся среди высоких, квадратных в сечении столбов, блиставших так, будто каждый из них был усыпан полированными золотыми монетами. Раскинувшаяся по обе стороны дороги равнина представляла собой плато из серого базальта, почти не обнаруживавшего признаков выветривания. Здесь ничто не росло. Не было даже лишайников. Нигде не попадалось ни мошки, ни букашки. Равнина выглядела неестественно чистой: ни пыли, ни грязи, ни опавших листьев.

Столбы искрились под утренним солнцем, но западный горизонт затягивали облака. Ближе к вечеру следовало ждать дождя.

— Эй, Мурген! — рявкнул Костоправ. — Если ты не перестанешь нестись вперед, как бешеный, я велю прибить твои ноги к земле гвоздями.

Черт, ноги несли меня сами собой. Остановившись и оглянувшись, я понял, что опять оторвался ото всех на целую сотню ярдов. Ото всех, кроме Тай Дэя. Мой своячок, разрываемый между страхом перед черной дорогой и всепобеждающим чувством долга, находился как раз на полпути между всей компанией и мною.

— А ну назад, дундук долбаный! — заорал Костоправ. — Шевели задницей, да поживее! Мы что, приперлись сюда, чтобы устроить гонки до самого края света?

Я пошел назад. С таким ощущением, словно шел против ветра. Знамя по-прежнему вибрировало, но в иной, какой-то грустной тональности. Едва поравнявшись с командой, я сунул Костоправу древко и сказал:

— Капитан, подержи чуток эту хреновину, а не то она меня утащит.

Тяготение знамени Старик ощутил мгновенно, но он, пожалуй, был покрепче меня. Уперев чертову штуковину в землю, он посмотрел вперед и спросил:

— Ты принес что-нибудь, на чем можно писать?

— Так точно.

— А чем писать, тоже принес?

Как-то раз, прихватив бумагу и чернила, я забыл перо. Старый пердун не упускал случая мне об этом напомнить.

— Я готов, командир. Ежели меня не сдует этим ветром.

— Ты все еще боишься?

— В смысле?

— Ну, ты же сам рассказывал, что в прошлый раз страх не покидал тебя все время после возвращения.

Я задумался. Никакого страха не было.

— Там так оно и было, а здесь мне не страшно.

Я огляделся по сторонам. С того места, где мы находились, можно было видеть лишь вершины гор, высившихся за широкой долиной, где находились Кьяулун и Вершина. Казалось, что от этих гор нас отделяет не только дрожащий воздух, но и пелена легкого тумана. Создавалось впечатление, будто внешний мир очень далек от нас.

Я обратил на это внимание Костоправа.

— Не вижу ничего особенного,— отозвался тот.— Летом над лесом — всегда дымка. Если только не идет дождь.

Я пожал плечами. В последнее время мне довелось столкнуться со многими странностями, и я почти свыкся с тем, что отличаюсь ото всех прочих.

— Ты собираешься пройти по дороге?

Она лежала перед нами, словно зазывая вперед.

— Не сегодня... а это что такое?

— Ты о чем?

Я не видел ничего, кроме камней. Создавалось впечатление, будто они расставлены в каком-то определенном порядке.

— Там, за камнями...— указал Костоправ.— Проследи взглядом вдоль дороги, до тех пор, пока можешь хоть что-то различить, а потом подними глаза до уровня верхушек столбов. Ты увидишь, твои глаза моложе моих.

Я увидел. Хотя разглядел лишь смутные очертания.

— Похоже на крепость,— сказал Тай Дэй.

Мы со Стариком не сочли нужным прибегать к какому-либо тайному языку. Соплеменники Тай Дэя неохотно кивнули. Рыжий и Бадья выглядели встревоженными.

— Верю тебе на слово,— сказал я, припомнив виденное в одной из прогулок с духом.— Думаешь, это Хатовар?

— Трудно судить с такого расстояния. Но это крепость. И я начинаю бояться, что кое-кого ждет основательное разочарование.

Ну это разве что тех, подумал я, кто рассчитывал в конце дороги оказаться в раю. Мне таких не попадалось. Кроме, может быть, его самого.

— Тай Дэй,— спросил Костоправ,— как по-твоему, далеко до туда?

Нюень бао пожал плечами:

— Много миль. И, наверное, не один день пути.

Это заставило меня подумать о том, каково будет провести почку за Вратами Теней, в той самой земле, откуда смертельно опасные любимцы Хозяев Теней прорывались в наш мир.

— На сегодня хватит, — распорядился Старик. — Возвращаемся. Будем готовиться к выступлению.

Невеселые размышления о Тенях помогали мне противостоять зову черной дороги. Но перед тем, как направиться вниз, я бросил еще один взгляд на мерцающие колонны.

Это своего рода бессмертие.

— Что? Ты что-то сказал? — спросил Костоправ, находящийся уже футах в пяти-десяти впереди меня.

— Нет, ничего. Наверное, просто размышлял вслух.

100

Старик поднялся рано, если вообще спал. К тому времени, когда я протер глаза и вылез из своей норы, и он, и Госпожа, Лебедь, Мотер и Нож, пары, Клетус с Лонго и Лофтусом, все парни из Старой команды со своими телохранителями, а также некоторые из давних сподвижников Госпожи уже подтягивались ко Вратам Теней. Было еще темно, так что сопровождающие Костоправа несли зажженные факелы.

— Этот сукин сын не хочет терять ни минуты.

Тай Дэй был уже на ногах и кипятил воду, чтобы приготовить кашу на завтрак. Он бросил взгляд вниз по склону холма и хмыкнул. Появился Бадья, отчаянно зевая и протирая глаза тыльной стороной ладони.

— Старик уже?..

— Бьет копытом. У тебя все готово?

— Полный порядок. Пойду вытряхну из мешка Сиятельство и Сопатого.

— Сопатого?! Этот-то откуда взялся? И какого черта ему надо?

— Приперся сегодня ночью. Поспешал всю дорогу, боялся не поспеть на сегодняшнюю прогулочку со Стариком.

— Ну старина дает. — Уже в который раз я недооценил этого малого. Мне-то казалось, что он не дотянет до конца лета. Хотя, по правде сказать, удивляться было нечего. Сопатый казался без пяти минут покойником еще при вступлении в Отряд. Все эти годы он упорно выхаркивал свое легкое, да, видно, никак не мог выхаркнуть до конца.

— А где Рыжий?

— Я послал его проверить периметр.

— Еще разок, а?

С тех пор, как меня поставили отвечать за этот долбаный периметр, его проверяли и перепроверяли раз пятьсот. Таков уж военный тип мышления: всегда следует знать обстановку на настоящий момент и действовать, исходя из нее.

— Помощники собрались? — спросил я.

— Сказано тебе, все готово. — Бадья заглянул в горшок Тай Дэя. — Ого, приятель. Кажется, ты готовишь что-то вкусненькое. На вид, так пальчики оближешь.

Тай Дэй совершенно не обладал чувством юмора, ему было трудно распознать сарказм. Он кивнул.

— Немного соли, немного сахара. Но главное для вкуса — добавить горсточку личинок тьюлока или несколько кусочков вяленого мяса обезьяны.

— Что за тьюлок такой?

Я бы ни за что не стал спрашивать.

— Жук. Его личинки селятся в гнилой древесине. У себя в дельте мы специально валим деревья, чтобы вырастить их побольше.

— Ты нервничаешь? — спросил я.

Тай Дэй бросил на меня такой взгляд, словно это предположение являлось величайшей нелепостью на свете.

— Ты разболтался, как целая воронья стая.

Нюень бао хмыкнул, признавая мою правоту, и вновь стал самим собой.

— Личинки жуков,— пробормотал я.— Только нюень бао могло прийти в голову разводить личинки.

— А что тут плохого? — спросил Бадья.— Ежели поджарить их с маслицем да грибочков добавить... Ну, игра начинается.

Костоправ и Госпожа поднимались на гору. Я видел их достаточно отчетливо и сразу отметил, что они облачены в искрящуюся броню Вдоводела и Жизнедава. Они восседали на гигантских скакунах, выведенных в конюшнях Башни Госпожи в Чарах. Из-под копыт черных чудовищ вылетали искры, из раздутых ноздрей — пар, больше походивший на дым. Не хватало только труб, цимбал и барабанов, но это было бы не в духе Госпожи и Старика. И они сами, и все, их сопровождающие, кроме пленников, были вооружены связками бамбука.

Ревун находился в маленькой деревянной клетке на колесах, запряженной парой черных козлов. Должно быть, он и Госпожа достигли некой договоренности, поскольку на нем не было ни пут, ни оков. Правда, за клеткой наблюдало с полдюжины солдат, которые мигом искупали бы Ревуна в огне, вздумай он открыть рот, чтобы произнести какое-нибудь мерзкое заклинание.

Длиннотень тоже сидел в клетке, но он не пришел с Госпожой ни к какому соглашению. Рот его был плотно зашит, пальцы стянуты вместе. Чтобы навести хоть какие-нибудь чары, ему пришлось бы совершать пассы ушами, но делать этого не стоило. Солдаты нервничали и готовы были изжарить его при первом подозрительном движении.

Нервничали они во многом и потому, что нервничал он сам. Прижавшись к прутьям, он упорно пытался что-то выкрикнуть сквозь стянутые вместе губы.

Длиннотень не хотел подниматься в гору.

С Прабриндрахом Драхом обошлись лучше. По обе стороны от него, как личная почетная стража, держались Лебедь Лозан и Кор-

ди Мотер. Правда, вокруг этой троицы большим ромбом выстроились Масло, Ведьмак и братья-механики со своими телохранителями нюень бао. При этом Лофтус и Лонгинус беседовали с князем так, будто вся компания отправлялась на обычную прогулку.

Прабриндрах Драх нравился мне все больше. Он был хорошим, здравомыслящим человеком. Жаль, что мы не могли позволить ему вернуться домой. Годы, проведенные им в сражениях, не прошли даром. Он обрел уверенность и силу воли, позволявшие ему стать истинным правителем, таким, который сумел бы совладать и со властолюбием сестрицы, и с притязаниями верховных жрецов.

Пантеру, бывшую некогда женщиной, поместили в клетку, более походившую на гроб. Она не могла встать, а стало быть, в полную меру пустить в ход страшную силу своих лап. Ей оставалось лишь лежать и яриться.

Костоправ помнил, на что способны форвалаки, и не желал никаких сюрпризов.

Всем нашим врагам предстояло разделить с нами путешествие. И нашу судьбу — если они не были избраны, чтобы о чем-то нас предупредить.

Едва Рыжий услышал слова Бадьи «игра начинается», он скользнул вниз, навстречу Костоправу. Я даже не стал оглядываться, потому как прекрасно знал, в чем дело. Как мы и предполагали, Дрема вылез из бункера и привалился к стенке возле двери. Это и был сигнал к «началу игры». Рыжий попросил Старика позволить его команде совершить налет на мой свинарник.

Один из любимых таглиосских помощников Бадьи, которого все звали Лопал Пит, чтобы отличить от сержанта, прозванного Кушал Пит (оба «Пита» произошли от центрального слога одиннадцатисложного имени гуннитского божества), явился к своему командиру и заявил, что ему потребуется много воды, чтобы навести порядок, пока я буду находиться за Вратами Теней. Бадья велел ему подождать, пока все хреновое начальство не уберется подальше.

— Да, сэр,— отвечал Лопал Пит и, отведя в сторонку своих ребят, расположился неподалеку. Их задачей было мозолить глаза, производить шум и таким образом прикрывать тех, кто следил за Дремой. Игра уже шла вовсю.

— Ты прав, Тай Дэй,— промолвил я, впихнув в себя несколько ложек каши.— Жуки да личинки это варево не портят. Дай-ка мне миску для Дремы.

Не дожидаясь отклика, я взял ее сам.

— Вот и тебе, паренек.— Я сунул миску ему под самый нос.— Но давай-ка принимайся за дело сам. Мне уже осточертело кормить тебя с ложечки.— Я оглянулся посмотреть, близко ли Костоправ. Света уже было достаточно, так что факелы становились излишними.

Внезапно Дрема оказался совсем рядом. Рабочие громко загалдели. Уронив деревянную ложку на колени Дремы, я схватил его за

запястья и резко дернул их на себя. В тот же миг ребята, чьи шаги заглушил галдеж, выскочили из-за бункера. Один схватил Дрему за волосы и потянул голову назад, а другой забил в рот здоровенный грязный лоскут.

Душелов пыталась сопротивляться, но мы застали ее врасплох, и она ничего не смогла поделать.

— Завернуто и упаковано,— доложил я Старику, когда он остановил коня рядом с нами.

— Вижу. Ты намотал сюда всю веревку, какую нашел в лагере.

Ловец и впрямь выглядела жертвой излишнего энтузиазма.

— Не хочу рисковать, командир. Жаль, что ты не доставил сюда еще одну клетку.

— Эдак я мог бы ненароком раскрыть секрет, разве не так?

Даже если бы знал, что ты задумал.

Госпожа остановилась позади Костоправа. На ней был шлем Жизнедава, не позволявший увидеть выражение ее лица. Не говоря ни слова, она неотрывно смотрела на свою сестру, так долго доставлявшую ей столько хлопот.

Ловец не сбросила обличье Дремы. Она не являлась прирожденным оборотнем, и смена облика давалась ей не так-то просто, впрочем, памятуя прошлое, я не стал бы на это рассчитывать.

— Она останется такой, пока будет связана? — спросил я.

Госпожа не ответила. Она лишь молча смотрела.

— Как-то не хочется,— пояснил я,— чтобы она превратилась в какое-нибудь желе и протекла сквозь веревки, как только я отвернусь.

Мне кажется, ее стоило бы запихать в большой кувшин. С крышкой. Жаль, что у меня его нет.

— Едва ли она способна что-либо натворить со связанными руками и заткнутым ртом,— откликнулся Костоправ.

— Может, отрубить ей пальцы?

— Думаю, она будет вести себя хорошо. До поры. Правда? — обратился он к Ловцу. Та промолчала.

Она уже справилась с удивлением и растерянностью.

Я начинал улавливать эманации расчета и страшного лукавства, словно она предвкушала нечто забавное.

— Вы тут все корчите из себя невесть каких умников,— заявил Бадья.— Может, кто-то подумал, что с ней делать дальше?

— Чего? — спросил я, и вправду продемонстрировав недюжинный ум.

— Того. Клетки для нее нет, идти она не может. Или вы ее развяжете да пустите прогуляться?

Старик помрачнел.

— Сделайте носилки,— приказал он.— Ей всегда хотелось, чтобы с ней обращались как с королевой. Вот и дождалась. Мы даже приставим к ней Тронную Гвардию. Лебедь, Мотер! Ребята, вам доверена честь нести эту даму.

— Шел бы ты на хрен, — живо откликнулся Лебедь.

— Не заводись, Лозан, — промолвил Мотер.

— А какого черта он собрался делать, Корди? Уволочь меня в Хатовар?

Госпожа натянула поводья. Черный конь повернулся, и она бросила взгляд на Лебедя и Мотера. Спустя мгновение Лебедь махнул рукой:

— Ладно, ладно.

Через десять минут он уже нес нижний конец носилок, хотя и бранился при этом не переставая. Уж не знаю, какими словами — я шел довольно далеко от них.

Ведьмак пообещал Лебедю и Мотеру, что миль этак через несколько их кто-нибудь сменит.

Первым Врата Теней прошел я. За мной последовал Костоправ. Через несколько десятков ярдов он скомандовал:

— Стой. Я хочу провести опыт. Опусти наконечник копья к черной тропе.

Как только я выполнил приказ, он спешился, отцепил с плаща серебряную эмблему Отряда, приложил ее к копью, а потом встал на колени и прижал значок к черной ленте. Колени его скрипнули. Он крякнул и напрягся.

— Из-за чего весь сыр-бор? — поинтересовался я.

— Точно не знаю. Госпожа говорит, что это не помешает.

Стало быть, по этим штуковинам Тени будут узнавать нас. И не станут трогать. Если не наоборот. Впрочем, догадкам Госпожи можно было доверять. Она занялась своим делом раньше, чем самый первый Отряд спустился с этой горы.

— Оставайся здесь, пока все не пройдут мимо, — распорядился Костоправ. — Каждый из наших парней должен освятить свой значок. И про себя не забудь.

Госпожа спешилась, проделала ту же процедуру, что и Костоправ, и поехала следом за ним.

В колонну по одному люди и животные проходили мимо. Наши ребята поглядывали на меня озабоченно, все прочие — угрюмо. Посмотрев, далеко ли отъехал Старик, я сказал Тай Дэю на языке нюень бао:

— Советую тебе прикоснуться к наконечнику копья, а потом к дороге. И другим тоже.

Он задумался.

— К сожалению, здесь нет дядюшки, чтобы принять решение.

— Хуже-то не будет. Возможно, это обеспечит некоторую защиту. И не надо думать, будто, поступая так, ты принимаешь на себя еще какие-то дерьмовые обязательства перед Отрядом.

Он подумал, наверняка прикидывая, не пытаемся ли мы их обдурить и навесить на них дополнительное бремя долга, но в конце концов созвал своих нюень бао и, предоставив каждому делать выбор самостоятельно, сказал, что благословенье копья сможет защитить от Теней после захода солнца.

Многим нюень бао эта затея пришлась не по вкусу.

Подошел Сиятельство, погонявший перегруженных, но бесконечно покорных и терпеливых волов.

— Ты и скотину собрался благословлять? — спросил он с ехидцей, но я задумался об этом серьезно. Вообще-то в нашем мире Тени предпочитали нападать на людей — ежели таковые были доступны. Но сейчас мы пребывали в ином мире.

Тем временем нюень бао вели горячий спор, понизив голоса так, что я не мог разобрать ни слова. В конце концов Тай Дэю это надоело.

— Пусть каждый поступает как хочет — заявил он, после чего коснулся наконечника, похлопал ладонью по тропе и занял место рядом со мной.

Я напрягся, ожидая услышать громовой мат Старика, но он так и не удосужился обернуться.

Когда провозили Ревуна, я поднял копье.

— Валяй, валяй. Это только для друзей Отряда.

Зато каждый из кативших клетку черных козлов был удостоен прикосновения наконечника.

Длиннотень я дразнить не стал, поскольку он был парализован ужасом. Глаза его уставились в бесконечность. Я видел такие лица у ребят, испытавших запредельный страх на поле боя.

Пятьдесят человек, может, и не слишком большая компания, но ежели добавить к ним животных, которые тащат целую гору всякой всячины, необходимой для долгого путешествия, колонна получается внушительная. Госпожа и Старик почти добрались до гребня, когда показался арьергард в лице Рыжего и Бадьи.

— Хочешь, чтобы мы поцеловали эту хреновину? — спросил Рыжий.

— Если считаешь, что это поможет продержатся три-четыре ночи.

— Как-нибудь в другой раз. А сейчас мне пора наверх, на свое место.

К тому времени все нюень бао, так или иначе, определились и обошлись со знаменем в соответствии со своим выбором.

Я проделал всю процедуру с помощью Рыжего.

У самой Вершины Костоправ задержался, но не для того, чтобы дать мне возможность догнать голову колонны. Куда там. Просто капитану пришлось ждать, пока самый крутой участок дороги приспособят для подъема подвод и фургонов.

— Прошу прощения, — пробормотал я, карабкаясь наверх мимо братьев-механиков, — вы уж постарайтесь, чтобы на обратном пути не пришлось все делать по-новой.

Вокруг толпилась уйма народу, но зевак было куда больше, чем работников.

— В конце концов, эта затея с носилками оказалась не такой уж плохой, — сказал мне Лебедь. Впрочем, Мотер был занят рабо-

той. Славный он парень, этот Корди Мотер. Интересно, тоскует ли по нему Радиша? И гадает ли, почему он не вернулся? Не думаю, что это произошло из-за Прабриндраха Драха. Впрочем, не мое дело.

Ловец пребывала в сознании и держалась настороже. Она заглянула мне в глаза и, кажется, улыбнулась бы, будь свободны ее губы.

— Хочу, чтобы ты вернула Дрему, — сказал я. Она не отреагировала, но глаза ее поблескивали.

Поравнявшись наконец со Стариком, я малость отдышался и спросил:

— Ты послал кого-нибудь пошарить там, где я приметил своего коня?

— Не «кого-нибудь», а целую роту. — Он поглядел вниз, на дорогу.

— Не понимаю, почему они так долго?..

— Потому что у нас все командиры, а солдат ни хрена нету.

Я заметил, что Госпожа развернула коня и теперь обозревала местность с нового наблюдательного пункта. На Вершине вовсю кипела работа. К небу тянулись дымки от бесчисленных костров. Не только воинских: тенеземцы уже начали потихоньку возвращаться на свои фермы. Сгущались тучи. Интересно, пойдет ли дождь?

— Что это такое? — спросил Костоправ.

— Что именно?

— Там, внизу. На дороге к твоему лагерю.

— У тебя, видать, глаза поострее... Ага, вижу. Кто-то пылит. — Кто-то, может быть и не один, направлялся в мой лагерь. Похоже, довольно быстро. Но кто именно, с такого расстояния разглядеть было невозможно.

Начали катиться подводы. Клетус, Лонгинус и Лофтус громко поздравляли друг друга. Блеяли козлы, жалобно мычали волы, чертыхались люди. Колонна со скрипом двинулась вперед.

— Веди дальше, знаменосец, — велел капитан. — Только не так быстро, как в прошлый раз. Этим козлам за тобой не угнаться.

Он надел свой шлем, и броня заискрилась магическими огнями.

Подняв знамя и зная, что скоро оно покажется мне очень тяжелым, я двинулся вперед. Собственная поклажа меня уже тяготила, ремни натирали плечи, и приходилось ерзать плечами, чтобы поудобнее пристроить ранец.

Передо мной лежала дорога. Каменные столбы поблескивали, несмотря на пасмурную погоду.

Костоправ с Госпожой приблизились ко мне, и в этот миг земля содрогнулась. Я упал на одно колено, но скорее от неожиданности, чем от силы толчка. По правде сказать, он был едва ощутимым. Со смущенным видом я поднялся и зашагал дальше, на ходу объясняя Тай Дэю свою оплошность:

— За последнее время я отвык от землетрясений. Вот оно и застало меня врасплох.

Госпожа и Старик не выглядели встревоженными. А коли так, решил я, то и мне дергаться нечего.

101

Когда все перевалили через гребень на равнину, воцарилась полная тишина. Люди пребывали в таком напряжении, что на разговоры их не тянуло... Однако спустя примерно милю Госпожа сказала:

— Предупреди, чтобы никто не сходил с дороги. Пока мы на ней, нам ничто не грозит.

Подняв руку, Костоправ скомандовал остановку. Я поставил копье на дорогу и оперся о него. Черт, до чего же тяжела сделалась эта штуковина. Старик послал распоряжение Госпожи дальше по цепочке. Он ни о чем ее не спросил, видимо, не хотел отвлекать. Она полностью сосредоточилась на окружающем.

Вскоре после того, как мы возобновили движение, голова колонны достигла места, где дорога расширялась, образуя большой круг. Площадка для лагеря — рассудил я. Госпожа, высказывавшаяся лишь очень редко и кратко, подтвердила мою догадку. Неведомые строители дороги знали, какие опасности таит равнина.

Ближе к полудню мы наконец прошли мимо камня, стоявшего так близко к дороге, что его можно было разглядеть как следует. Оказалось, что сам столб высечен из той же породы, которая составляла поверхность равнины. Блеск ему придавали металлические вкрапления. Несомненно, то были письмена, но прочесть их не мог ни я, ни кто другой.

Это — своего рода бессмертие.

Я подпрыгнул.

— В этом месте сокрыта великая мощь,— сказала Госпожа.

Вот уж точно.

Земля дрогнула снова. Не сильнее, чем в прошлый раз, но и этого оказалось достаточно, чтобы все встревожились. Подобные толчки могли оказаться предвестниками чего-нибудь похуже. Правда, я приметил, что все катастрофические землетрясения последних лет не опрокинули ни один из каменных столбов.

Костоправ не обратил особого внимания на камни. Он почти беспрерывно всматривался вдаль. Теперь уже было ясно, что за лесом камней действительно высится какое-то массивное сооружение. Оно начало казаться величественным, как Вершина.

Весь день капитан неустанно вел нас вперед. Себя он не щадил, а вот меня порой подменял: брал знамя и ехал с ним, уперев нижний конец древка в стремя. В конце концов мы все же остановились на одной из круглых площадок, которые попадались через каждые пять миль. Остановились по настоянию

Госпожи, Старик хотел продолжать путь. Но колонна растянулась уже на добрую милю, и животные нуждались в отдыхе и воде больше, чем люди.

Я пялился на облака, гадая, будет ли дождь и удастся ли нам пополнить запасы воды. Мы захватили ее немало, но и поить животных приходилось довольно часто. У меня появилось опасение, что мы начнем мучиться жаждой куда раньше, чем голодом. Капитан снял шлем и самые тяжелые части доспехов. Он не настолько вжился в свой образ Вдоводела, как Госпожа в свой. Она ограничилась тем, что, опустившись на одно колено, сняла шлем и встряхнула волосами.

— Ты понимаешь, что представляет собой это место? — спросил он, уставясь вдаль.

— В нем сокрыта великая мощь.

— Великая мощь, великая мощь,— пробурчал Костоправ.— Только одно и слышу.

— Это логовище Кипы? — спросил я.— Или Хатовар? Или и то и другое? А может быть, ни то ни другое?

— Как доберемся, так сразу все узнаешь.

— Хочешь, я тебе помогу — подержу эту хреновину?— предложил Рыжий и, взяв у меня знамя, оперся на его древко.

— Помощник выискался. Где ты был последние пятьдесят миль?

— Пятьдесят? Каких пятьдесят? Ты, часом, не бредишь?

— Доведись тебе тащить эту орясину, ты бы сказал сто.

Рыжий заржал:

— Ручаюсь, мы не прошли и пятнадцати. А я-то думал, ты всегда в хорошей форме, потому и на побегушках у Старика.

— Отцепись, Рыжий, я не в настроении.— Мне и впрямь было не до него. Уж больно хотелось присмотреться и прислушаться к капитану и Госпоже, а они отошли, когда ко мне привязался Рыжий.— Я как раз думаю о том, что за чудесная ночка ждет нас впереди.

Нюень бао сбились в тесный кружок и тихонько совещались: видимо, тоже гадали, что ждет их ночью. Все до единого держали под рукой связки бамбука. Сиятельство со своей командой сооружал общий лагерный костер. Его предстояло развести на специальном помосте, высоко над поверхностью дороги. Пройдясь по дороге пешком, Госпожа пришла к заключению, что черная лента в известном смысле живая и огонь может ей не понравиться.

Жаль, что у меня не было возможности узнать, что у нее в голове. С самого вступления на равнину она погрузилась в размышления, и у нее наверняка появились интересные мысли. Возможно, сейчас она делилась ими со Стариком, а я из-за болвана Рыжего рисковал ничего не услышать.

— Эй,— крикнул Костоправ Сиятельству,— огня пока не разжигай. Поедим всухомятку.

Дерьмо. Мы не ели как следует с самого Таглиоса, а тут еще и без горячего остались. Холодная вода и вяленое мясо — не лучший ужин.

— Рыжий, тебе есть чем заняться?

— Да, капитан.

— Смотри, а то я найду.

Костоправ огляделся, снова склонился к Госпоже и стал вглядываться в пространство между столбами. Я готов был поклясться, что он пытается справиться со своими сомнениями. Ведь именно там, впереди, находилось то, к чему он шел сквозь долгие и неимоверно трудные годы. Но порой я подозревал, что решение попасть туда возникло случайно, под влиянием минутного порыва, овладевшего человеком, который просто не знал, что ему делать, когда на него свалилось бремя ответственности.

Я обошел лагерную площадку: вид повсюду был совершенно одинаковый. Поскольку небо скрывали облака, трудно было даже понять, где север, где юг.

— Знаменосец! Что такой квелый?

— Привет, Зиндаб, я тебя и не заметил. Задумался.

— Понятно. Чудное местечко, ничего не скажешь.

Мне казалось, что Зиндаб бледен, хотя трудно понять, как может побледнеть совершенно черный негр.

— Слушай, я тут нашел кое-что. Сдается мне, ты должен это увидеть.

— Ладно.

Я проследовал за ним сквозь лагерную толчею, и мы вышли к южной оконечности круга, откуда начиналась тянувшаяся дальше дорога. Она вела туда, где маячили очертания гигантского строения, — потому я и понял, что мы смотрим на юг.

— Дырка?

Я увидел всего-навсего дырку. Отверстие в дороге, дюйма два в поперечнике и в фут глубиной. Может, и больше, при таком освещении судить трудно.

— Именно так. Дырка. Может, у меня воображение разыгралось, но мне кажется, что она как специально сделана для установки знамени.

— А ведь точно!

Я задумался, были ли такие отверстия у других площадок? Может, и были, а я не заметил. Так или иначе, возможность установить знамя представлялась весьма заманчивой. И тем более заманчивой, чем дольше я на эту дыру смотрел.

Я опустил нижний конец древка в отверстие, и оно погрузилось примерно на полтора фута.

— Здорово, — пробормотал я, — подходящее местечко.

В течение дня меня время от времени подменяли, но мне все же пришлось таскаться со знаменем больше, чем кому-либо другому.

Зиндаб хмыкнул. Вид у него был встревоженный.

Я тоже ощутил очередное содрогание почвы. Хотелось верить, что за ним не последует настоящее землетрясение.

Опустив глаза, я с удивлением заметил, что древко сидит в отверстии плотно, а ведь когда я его вставил, оставался зазор примерно в полдюйма.

Я попытался выдернуть знамя.

Ничего не вышло.

Никаких содроганий больше не было.

— Дерьмо!

Зиндаб ухватился за древко и потянул изо всех сил. У него хватило ума прекратить это пустое занятие прежде, чем он получил грыжу.

— Черт с ним,— пробормотал я.— Не будет другого выхода, придется отпилить кусок древка. Отложим это до завтра.

Я поискал взглядом Старика и его подругу. Они по-прежнему стояли плечом к плечу, смотрели на юг и лишь изредка обменивались словами. Даже без шлемов они выглядели похожими на привидения.

Взявшийся невесть откуда Тай Дэй доложил, что у него готов и ужин, и все для ночлега. Нарочитая вкрадчивость тона позволяла догадаться, что он сердится: одни трудятся в поте лица, а другие — вроде меня — знай себе разгуливают.

— Ежели б ты, приятель, отрастил сиськи да убрал куда-нибудь шишку, я бы на тебе женился.

Почва под ногами снова заколебалась.

— И поступь их сотрясает землю...— пробормотал я.

— Что? — не понял Тай Дэй.

— Так, вспомнилась сказка, которую я слышал в детстве. О древних богах, именуемых титанами. Я размышлял о том, как сильно изменился с тех пор.

Возможно, мы и сами были гигантами.

102

Я знал, что пребываю во сне, ибо небо не затягивали облака и на нем светила полная луна. Но между мной и миром стояла некая пелена: луна являлась как бы центром плывущего по небу облачка света. Такое небо я видел в земле своего детства. Бледно-голубоватый свет выдавал беспокойные Тени, разведывавшие границы круга. Сотни Теней, то взмывающих вверх, то опускающихся, то скользящих вдоль невидимой стены. Мне показалось, что откуда-то, наверное, с расстояния в тысячу миль, доносится беспрестанное хныканье Длинотеней.

Большущая Тень застыла у границы круга, неподалеку от меня. Она распласталась, словно прижавшись к невидимой

поверхности. Я вспомнил, как, блуждая в мире духов, однажды коснулся Тени.

Страх, забытый с тех пор, как я поднялся на равнину, вновь начал прокрадываться в мое сердце.

Похоже, ту здоровенную Тень почему-то интересовал именно я. Отвернувшись, я попытался выбросить ее из головы.

Подняв глаза, я увидел скользившие наверху, на фоне рассеянного света, расплывчатые силуэты. Наверное, так видят рыб крабы, сидящие на морском дне.

Трудно было сказать, насколько мой сон правдив. Мне он казался весьма похожим на ставшее привычным блуждание с духом. Но в таком случае следовало принять во внимание способность Теней подниматься высоко в воздух.

Неожиданно Тени метнулись прочь, словно перепуганный рыбий косяк. Возможно, это случилось из-за того, что луна достигла зенита. А может быть, они испугались существ, двигавшихся по черной дороге с той стороны, куда мы держали путь. Ноги и бедра их выглядели вполне человеческими, да и тела тоже — но только с правой стороны. Голову и левый бок каждого из пришельцев покрывала накидка из полированных бронзовых чешуек, походивших на рыбьи. Их было трое. Они воспринимались мною как призраки, исполненные силы.

Примеченная мною раньше большая Тень не умчалась прочь вместе с остальными, хотя и была устрашена. Я почувствовал это, на мгновение пережив то же, что и при встрече с Тенью в недрах Вершины. Я ощутил вспышку немыслимой, превосходящей всякие пределы боли и услышал протяжные песнопения жрецов.

Поднявшись с тюфяка, я подошел к знамени и встал рядом с ним, глядя на незваных гостей. Покрывала спали с их лиц. Почему — не знаю.

«Ах вы, уроды паскудные,— подумал я,— а ну, убирайтесь на хрен с моей дороги. Нечего лезть в мой сон с такими мерзкими харями». У меня появилось ощущение, что эта троица представляет собой нечто вроде Десяти Взятых Госпожи. Наверное, некогда эти чудища были демонами или могущественными кудесниками, но потом оказались во власти неодолимой, еще более великой, грозной и мрачной силы. *Уходите! Убирайтесь отсюда. Вы мертвы. Оставайтесь же мертвецами.*

Я потянулся к копью и почувствовал, как оно оживает в моей призрачной руке. *Уходите.*

Три омерзительные звериные маски слегка склонились к поверхности дороги. Хотелось верить, что это маски. Младенцам, родившимся с такими рожами, не следовало позволять выползать из колыбели.

Сложив руки перед собой, пришельцы начали отступать, не передвигая ногами.

Затем они исчезли, словно бы мигом превратившись в точки на горизонте.

Я обошел периметр круга. Тени начали возвращаться. Запомнившаяся мне Тень, прижимаясь к барьеру, подражала моим движениям. Я уловил исходившее оттуда ощущение сильного голода и удивился, приметив, что из круга выходят не две, а четыре дороги, в соответствии с четырьмя сторонами света. Но почему дороги, ведущие на восток и запад, не были видны в дневное время?

Рев оборотня проник в мир духов. Волы и козлы переполошились. Караульные, взвинченные до предела лицезрением пытавшихся прорваться в круг Теней, принялись орать на животных, а некоторые решили устроить взбучку пантере.

— Это еще что за хрень? — крикнул какой-то парень, указывая на знамя.

В лунном сумраке трудно было разглядеть что-либо определенное. Я переместился в ту сторону. На поперечине знамени примостилась сонная с виду белая ворона. Это тут же породило у меня множество вопросов.

Уж не я ли это, наблюдающий за нынешними событиями из времени, которому еще только предстоит наступить? Является ли эта птица творением Кины? Или Душелова? Как она попала сюда ночью, из мира за пределами Врат Теней? Я видел, как огромные Тени кружились над... Нет, глядя сейчас на луну, я не видел ничего подобного. Да и этой несвоевременно появившейся луны тоже не было. На самом деле я видел ноготь, подрезавший луну, только-только начавшую подниматься. Вопросы и вопросы.

Пантера взревела вновь, на сей раз от боли. Ребята всыпали ей, чтобы не пугала животных.

Я пролетел мимо Костоправа и Госпожи, как всегда, устроивших себе постели рядом. Старик храпел. У нее сна не было ни в одном глазу. Каким-то образом она ощутила мое появление и даже попыталась проследить за мной взглядом, но прекратила попытки, когда я отлетел на несколько ярдов.

Я протиснулся между клетками. Длинотень тоже не спал. Он всхлипывал и дрожал от страха. Ничто в этом жалком существе не напоминало безумного, но могучего и внушавшего ужас кудесника. Ревун тоже бодрствовал. Только сейчас я сообразил, что в последнее время от него нет никакого шуму. И тут, на моих глазах, он попытался издать свирепое завывание, но у него ничего не вышло. Что же Госпожа с ним сделала?

Больше всего мне хотелось приглядеться к Душелову. Она по-прежнему оставалась связанной, с кляпом, забитым в самое горло, но при всем этом казалась безумно веселой, какой бывала в лучшие моменты своей жизни. Меня она ощутила так же легко, как и ее сестра, и тоже принялась искать глазами. Глазами смеющимися и

исполненными тайного знания. У меня появилось ощущение, что она, стоит ей только пожелать, способна выскользнуть из своей плоти и пуститься за мной в погоню.

Но нет, на самом деле она просто хотела, чтобы я так думал, даже в нынешнем своем положении стараясь запугать меня и сбить с толку. Но меня беспокоило не столько это, сколько ее уверенность. Она вовсе не боялась и, кажется, даже ничуть не тревожилась. Об этом стоило сообщить капитану и лейтенанту.

Я заскользил вдоль незримого рубежа, размышляя, слетать ли мне к Сари или заняться каким-либо другим из множества дел, поджидавших меня в мире духов. Хотя, по правде сказать, больше всего я хотел забыться настоящим сном.

Знакомая Тень вновь ударилась о барьер. Она несомненно чего-то хотела, не знаю только — поговорить со мной или меня сожрать.

Я пролетел мимо настороженного нюень бао, стоящего в боевой стойке с мечом наголо. Жители болот нервничали даже больше, чем немногие примкнувшие к ним таглиосцы, хотя последних и тяготил исконный страх перед Хатоваром.

Вообще бессонница оказалась широко распространенным явлением. Лозан и Мотер тоже не спали, а о чем-то трепались. Прислушавшись, я убедился в том, что бунта они не затевали, но Лебедь, будучи Лебедем, рассказывал приятелям байки о привидениях. Хотелось бы мне знать об этом малом побольше. Он парень с характером.

Прабриндрах Драх тоже не спал. Он сидел рядом с ними, но держался обособленно и в разговоре не участвовал.

Я сместился поближе к вороне. Она уловила мое присутствие, тихонько каркнула, приоткрыла красноватый глаз и снова задремала. Но едва я решил испробовать барьер на прочность, она каркнула еще раз — гораздо громче.

Сам не зная как, я понял — она настаивала на том, чтоб я держался высоко над равниной.

Мне были доступны ее крылья, но я предпочел обойтись без них и снова облетел вокруг лагеря. Ни на одной из дорог не было больше никаких призраков. Восточный и западный тракты сделались почти незаметными, тогда как путь на север выделялся особенно четко, словно приглашал им воспользоваться. Неотступно следовавшая за мною Тень не могла добраться до меня и за пределами лагеря. Дороги тоже были защищены.

Я припустил на север, еще не зная, что именно собираюсь делать, хотя и подумывал о том, чтобы проведать Сари.

Но задолго до того, как я ухитрился рывком вернуться в свою плоть, мне удалось обнаружить нечто интригующее. Прямо перед Вратами Теней.

103

На следующее утро Костоправ был до неприличия весел и добродушен, да и подружка его улыбалась с заговорщическим видом. Должно быть, они урвали-таки несколько приятных минуток наедине.

— Чего такой мрачный? — спросил меня Костоправ.

— Не спал ни хрена.

— Нервишки шалят?

— Я блуждал с духом.

— Ага. И наверняка увидел что-то важное, иначе не имел бы сейчас такую кислую рожу.

Я рассказал обо всем, кроме белой вороны. И не преминул заострить внимание на слишком уж бодром и веселом настроении Ловца.

— Она что-то задумала.

— Это у нее в крови, — сказала Госпожа. — Она манипулировала людьми, когда еще и говорить толком не умела. Не беспокойся, предоставь ее мне.

— Ты поел? — спросил Костоправ.

Я кивнул.

— Тогда поднимай людей, и вперед.

— Погоди минутку, еще пару словечек насчет моей приятной ночной прогулочки. Помнишь тех людей, которые вовсю торопились к Вратам — еще пылищу подняли? Так вот, это были не кто иные, как Гоблин, Одноглазый и матушка Гота. К сожалению, я не мог сместиться в прошлое и выяснить, что к чему, но, бьюсь об заклад, они спешили, рассчитывая поспеть до нашего ухода.

Улыбка с физиономии Костоправа мигом слиняла.

— Ты что-нибудь подслушал?

— Могучий храп. Все они дрыхли. Правда, Гоблин бормотал во сне, но черт знает на каком языке.

— Дорога открыта, — заметила Госпожа, — можно послать за ними и забрать их с собой.

— Вряд ли это разумно, — возразил Костоправ. — Даже если послать за ними всего одного парня, остальным-то придется торчать на месте и ждать. А это пустая трата и времени, и припасов.

— Мы могли бы вернуться все.

Мы со Стариком промолчали, да она и не ждала никакого отклика. Просто размышляла вслух, перебирая возможности.

Было достаточно светло, чтобы разглядеть ближайшие к нам камни. Письмена на них начинали поблескивать. Ночью, при луне, буквы не светились. Почему же они заблестели в утреннем сумраке?

— Что-то мне не по себе, — сказал я Костоправу.

— Мне тоже. Но мы должны сделать выбор. Ты считаешь, нам следует отложить поход из-за того, что эти блудилы повылазили из своих нор?

— Нет. Они дождутся там нашего возвращения,— ответила Госпожа.

Хотелось надеяться, что ее уверенность оправдана. Ведь в наше отсутствие за Вратами могло произойти черт знает что.

— Давай, знаменосец,— скомандовал Костоправ.— Забирай свой дрын, и в путь.

Когда я потянул за древко, знамя легко подалось, и я вытащил его из отверстия как ни в чем не бывало.

Крепость на горизонте никак не становилась ближе. Из-за этого я терпеть не могу открытые пространства. Едешь, едешь, а вокруг ни хрена не меняется.

Время шло, и настроение Костоправа ухудшалось. В нем нарастало нетерпение. После полудня он взял у меня Знамя, после чего рванул вперед так, что основательно опередил нас всех.

— Может, ему стоило бы поубавить прыти? — спросил я Госпожу спустя некоторое время.

— Что? Кому? — Она была погружена в раздумья и не замечала ничего вокруг.

— Ему,— указал я вперед.

Госпожа пришпорила коня.

Я устало плелся следом. Стоило выпустить из рук знамя, и ничто больше не тянуло вперед. По мере того, как время шло, небо мрачнело, а блеклая равнина не менялась вовсе, оставшийся позади мир начинал казаться все более привлекательным. Наш Отряд представлял собой единственное цветное пятно на безбрежном пространстве, если не считать сверкающих золотых букв.

Госпожа догнала Старика. Разговора их я не слышал, но понял, что она сказала ему пару ласковых. Он глянул на меня: теперь до него дошло, почему я чесал вперед, как ошпаренный.

Стоило мне поравняться с ним, Костоправ спросил:

— Хочешь забрать эту штуковину?

— У меня до сих пор руки ноют. А тебе просто надо сосредоточиться.— Он хмыкнул. И как только мы добрались до следующего круга, он объявил привал.

После того, как все устроились, люди начали стягиваться к южной стороне круга: всем хотелось посмотреть на маячившую впереди крепость. Теперь было ясно, что это именно крепость, могучая, но местами обвалившаяся. Разговоры касались главным образом того, доберемся ли мы туда на следующий день и повернет ли Старик назад, ежели не доберемся. На сей счет особо твердого мнения не было. Казалось куда более вероятным, что Костоправ будет рваться вперед и вспомнит о припасах, лишь когда они кончатся.

На сей раз мы разожгли костры, чтобы насладиться горячей пищей. Надо было как-то поддержать ребят, чтобы они не впали в уныние и вовсе не потеряли охоту идти вперед.

По мере того, как разгружались подводы и волы оставались без работы, у нас появлялась возможность отведать свежего мяса.

В мире все несправедливо устроено, особенно для домашнего скота.

— Тай Дэй,— спросил я,— в вашей мифологии что-нибудь говорится о том месте, куда мы все тащимся?

— Нет. Мы не знаем, что это такое.

— Точно? А почему все твои ребята такие дерганые?

— Их беспокоит не только крепость, равнина и дорога — все окружающее. Потому что здесь все не такое, каким должно быть. Неестественное.

— С этим хрен поспоришь.

— Но для того, чтобы создать все это, целый народ должен был трудиться на протяжении тысячи лет. Столь исполинское сооружение не может не нести на себе печать зла.

— Не понял?

— Лишь великое зло может собирать силы воедино, дабы, не считаясь с ценой, сотворить нечто столь же грандиозное, как и бесполезное. Вспомни Длиннотень. Жизнь целого поколения была принесена в жертву его цитадели. А она ничто в сравнении с этой равниной.

И тут он был совершенно прав.

Я подошел к барьеру и уставился на бесконечные ряды сверкающих каменных столбов.

Неожиданно над нашим лагерем промелькнул целый рой Теней. Я подпрыгнул, как и все остальные. Оказалось, равнину пересекала стая ворон. Все они полетели на север, кроме одной.

То были удивительные молчаливые вороны, ни одна из них не издала ни звука.

Отставшая от стаи птица уселась на одну из колонн, расправила крылья и принялась разглядывать лагерь.

Шпок! По направлению к вороне устремился огненный шар. Но он был выпущен не из особого шеста-воронобоя, а потому не достиг цели. Прыгнув, я схватил Сопатого за плечо и едва не опрокинул его, но было уже поздно.

Выпущенный им шар срезал верхушку колонны, на которой примостилась птица, отрикошетил налево, после чего перехватил в полете вспорхнувшую с порушенного насеста ворону.

Черные перья взорвались.

Земля содрогнулась.

На сей раз основательно. Я бросился вниз, другие ребята тоже. Животные блеяли и мычали, нюень бао что-то орали друг другу.

Подъехала Госпожа, вид у нее был совершенно невозмутимый, но бедолаге Сопатому она дала такого пинка, что он отлетел в сторону.

— Идиот! Ты едва всех нас не угробил.

Госпожа принялась внимательно рассматривать поврежденную колонну. При этом она вовсе не походила на женщину, ожидающую неминуемой гибели.

Неожиданно она повернулась и крикнула:

— Успокойте животных! Что бы ни случилось, не позволяйте ни одному из них выбежать из круга.

Первый же вол, который попытался удрать, пошел на ужин.

Равнина всколыхнулась еще несколько раз, затем дрожь унялась.

— Эй, вы только гляньте! — раздался чей-то голос.

Даже на таком расстоянии было видно, что в маячившей впереди крепости произошел обвал. Часть стены оползла. До нас донесся отдаленный гул, а над горизонтом поднялась туча пыли.

— Мать-перемать! — прокашлявшись, выругался Сопатый. — Неужто это моих рук дело?

104

Госпожа казалась воплощением деловитости. Она отрывисто отдавала приказы. Люди засуетились, доставая с подвод предметы, в которых на первый взгляд не было никакой надобности. Дожидаясь, пока прояснится, что же она задумала, я прошелся по кругу, нашел отверстие и установил знамя. Вид вокруг лагерной площадки был точно таким же, как и вокруг предыдущих — не считая оседавшей вдали пыли.

Вернувшись к Госпоже, я принялся из-за ее плеча наблюдать за тем, как она свила какой-то колдовской вихрь, наполнила его ржавой пылью и послала прямо к барьеру. Соприкоснувшись с невидимой стеной, ржавчина повела себя как жидкость: растеклась по преграде, как по стеклу.

Это позволило нам увидеть пробоины в защитном ограждении: две дырки от огненных шаров.

Множество взоров, не сулящих ничего хорошего, обратилось к Сопатому. Он зашелся в сухом кашле, но это не встретило сочувствия. Ему бы не поздоровилось, не будь люди так заняты исполнением приказов Госпожи. Вновь появились вороны. С издевательским карканьем они облетели лагерь, а потом унеслись на север и больше не возвращались.

Способ, избранный Госпожой для того, чтобы ликвидировать смертельно опасные дыры, не отличался какими-либо колдовскими изысками. Она просто-напросто отобрала у Сопатого его старый кожаный колет, разрезала его на куски, скомкала их и заткнула отверстия, после чего использовала какие-то мелкие чары, чтобы эти затычки зацементировать. Однако, судя по всему, она отнюдь не была уверена в надежности этой защиты. Схватив Сопатого за плечо, она поставила его прямо перед поврежденным местом и приказала:

— Стой здесь всю ночь и не вздумай двинуться с места! Если они прорвутся, твои вопли поднимут нас на ноги.

Да, Госпожу лучше не раздражать.

Возвращаясь туда, где расположился Тай Дэй, я слышал, как многие парни, прежде потешавшиеся надо всеми богами мира, тихонько нашептывали молитвы.

Так уж повелось в Отряде. Солдаты редко выказывают набожность, более полагаясь на свои клинки. Тут дядюшка Дой был прав.

Возможно, в былые времена Копье Страсти считалось божеством, покровительствующим Отряду, но нынче об этом никто не помнил. Если и сохранились сведения, почерпнутые из летописей того периода, таглиосцы держали их в тайне.

Вообще-то мы не были шайкой воинствующих безбожников. Просто старались вспоминать о богах пореже, возможно, рассчитывая на то, что этак и они про нас позабудут.

Но в случае с Киной это не сработало. Она вспомнила про нас тогда, когда мы еще даже не знали о ее существовании. Половина парней до сих пор не верила ни в какую Кину, но это не имело значения. Потому что Кина в нас верила.

Свежее мясо заметно повысило дух Отряда, но с наступлением сумерек настроение быстро пошло на убыль. Я и сам дожидался ночи без какого бы то ни было энтузиазма.

— Тай Дэй, брат, я сейчас кое-что понял.

В ответ на мои слова нюень бао хмыкнул.

— Почти все важные события в моей жизни происходят ночью. Я даже родился ближе к полуночи. — продолжил я.

Он хмыкнул снова, но на сей раз взглянул на меня с некоторым любопытством и, возможно, с некоторым удивлением.

— Что? Это как-то связано с пророчеством Хонь Тэй?

— Нет. Но кое-что говорит об определяющих твою судьбу звездах.

Вот ведь хрень, они там, на болотах, тоже занимаются астрологией. А я и не знал.

— Ладно, пойду спать. У меня был тяжелый день.

Возможно, сегодня ночью я все же сумею повидать Сари.

105

Звезды. Я пригляделся к ним, когда покинул свою плоть. Стояла ночь. Знакомая мне Тень лынула к барьеру, тогда как ее сородичи в великом множестве пытались прорваться сквозь заделанные Госпожой дыры. Сопатый сидел на отведенном ему месте, затравленно озираясь и дрожа от страха.

Звезды над обвалившейся крепостью образовывали то самое созвездие, о котором я, помнится, говорил с матушкой Готой. Оно было видно целиком. Странно, почему я не заметил его прошлой ночью? Может, из-за туч?

В последнее время я видел — или не видел — многое вокруг себя странно избирательно. О чем стоило поразмыслить.

Мне показалось, что крепость на юге осветилась изнутри. Впрочем, свечение тут же исчезло — возможно, я просто углядел звезду. Подумывая о том, чтобы двинуться вперед, я переместился к ведущей на юг дороге и увидел, что она перекрыта призраками. За спинами тех троих, которых я уже видел раньше, смутно угадывались десятки других. Все вместе они были гораздо сильнее, и мой приказ убраться подействовал на них не сразу.

Они жестикулировали и, кажется, пытались что-то произнести, хотя из-под безобразных масок не доносилось ни звука. Не приходилось сомневаться в их желании передать какое-то сообщение, хоть и непонятно какое.

Возможно, они пытались просто предостеречь нас.

Я не стал двигаться по южной дороге и вновь обошел лагерь. Дороги на восток и запад оставались открытыми. Я с опаской продвинулся по каждой из них на небольшое расстояние. Они были отчетливо видны и казались вполне вещественными, но мне не хотелось, чтобы дорога подо мной — любая из них — исчезла, когда я буду находиться в мире духов. Я вернулся к отряду, а потом, поразмыслив, двинул на север. Стоило посмотреть, что происходит в обычном мире.

Окрестности Вершины превратились в сонное царство. Дрыхли все, даже часовые дремали. Приметив знакомые физиономии, я их запомнил — на всякий случай.

Гоблин с Одноглазым храпели в моем собственном бункере под Вратами Теней. Гота не спала, но сидела с закрытыми глазами, произнося какие-то молитвы. У нее была молитвенная шаль, похожая на те, какие используются некоторыми гуннитскими сектами, но Гота сложила ее на коленях и время от времени пробегала по ней пальцами, словно читая что-то на ощупь. Она бормотала без передышки, но так быстро, что я ничего не мог разобрать, даже когда подобрался совсем близко.

Неожиданно она вздрогнула и огляделась по сторонам, явно уловив чужое присутствие. Нюень бао почитают предков, и духи для них более чем реальны. Никого не видя перед собой, Гота принялась задавать вопросы.

По всей вероятности, она решила, что к ней наведался дух Хонь Тэй, ее матери, или призрак Као Кы, ее деда, слывшего, по рассказам Сари, некромантом. О нем вспоминали с неохотой. Во всякой семье не без урода, но некромант, способный сотворить собственную Тень, — это уж нечто из ряда вон выходящее.

Я не стал прислушиваться к ее вопросам, они меня не касались. Я хотел узнать, что стало с дядюшкой Доем. Скорее всего, они должны были забрать его к себе для лечения.

Дядюшку найти не удалось. Зато я обнаружил нацарапанную углем на старой доске надпись. Пляшущие каракули Одноглазого.

«Щепок, это западня».

Чтоб мне сдохнуть!

Я попытался разбудить дерьмового коротышку и вытряхнуть из него побольше, но все мои старания пропали впустую. Кажется, я навеял ему дурные сны: он принялся стонать и ворочаться, но глаз так и не открыл. Я взъярился.

Что, если он прав?

Но как это может быть? И кто расставил ловушку?

Ловец? Не потому ли она казалась такой веселой? Или Кина? Но это противоречило бы всему, что она делала по отношению к нам раньше. А может быть, безотчетный страх перед Отрядом был внушен здешним народам вовсе не ею?

Я был растерян. В конце концов, после нескольких тщетных попыток расшевелить Одноглазого, я устремился на юг и почувствовал трупный запах, столь мощный, что непроизвольно отпрянул.

Кина! Она была очень близко.

Я уловил горящий взгляд, заметил гладкую эбеновую кожу, множество грудей и полдюжины рук, которые молотили воздух, словно лапы перевернутого на спину жука. У меня появилось впечатление — хотя и не отчетливое,— будто она пыталась преодолеть барьер между своим миром и миром духов, дабы сообщить нечто важное. А возможно, ей просто хотелось схватить и сожрать меня.

Проверять я не стал: ее присутствие внушало мне ужас, и я просто-напросто сбежал. Припустил куда глаза глядят. И оказался в горах севернее Кьяулуна. Созвездие Аркана скрывали тучи. Пытаясь сориентироваться, я огляделся по сторонам, и мое внимание привлекли огни походных костров. Я устремился туда просто потому, что огонь наверняка развели люди. А мне очень хотелось оказаться поближе к людям.

Костры горели в лагере роты, посланной Костоправом за моим конем. Я узнал многих солдат — все они были до крайности встревожены. Я затесался среди парней, стараясь набраться человеческого тепла перед очередной попыткой вернуться в свою плоть. Никто не ощущал моего присутствия.

Укрепив свою решимость, я покинул круг света и медленно полетел на юг, стараясь ощутить появление Кины прежде, чем она ощутит мое. Попытается ли она снова заманить меня в ловушку?

Вместо Кины я наткнулся на дядюшку Доя.

Или он на меня. Во всяком случае, шума он производил не больше, чем я, хоть и не являлся бесплотным духом. Совсем неплохо для старикана, которому следовало бы залечивать свои раны.

Я решил выяснить, что он затевает. Отчасти из любопытства, отчасти оттого, что это давало возможность под благовидным предлогом отсрочить возможную встречу с Киной.

Может быть, она показалась бы мне более привлекательной, не будь у нее всех этих премиленьких украшений из детских черепов и отрезанных фаллосов.

Дядюшка пробирался вдоль границы лагеря, достаточно близко, чтобы примечать все происходящее, и достаточно далеко, чтобы не привлечь внимания часовых, ежели только он не наделает шуму, провалившись в яму. Через несколько минут мне стало ясно, что лагерь дядюшку не интересовал. Проскользнув мимо, он продолжил свой путь на север.

Я последовал за ним.

Он вытащил из своей торбы какую-то светящуюся штуковину. Правда, свету от нее было меньше, чем от светлячка. Впечатление было такое, будто дядюшка то и дело сверяется с этим предметом. Я старался подобраться поближе и разглядеть, на что же он пялится, но, как я ни кружил, в нужный момент он все равно поворачивался ко мне спиной. Кажется, он, сам того не сознавая, ощущал присутствие соглядатая. Лагерь остался позади, и вокруг нас сомкнулась тьма. Мы были не одни: то и дело я ощущал присутствие Кины, хотя и не слишком близкое. Все-таки для богини она слабовата. Ежели только я не переоцениваю значения собственной персоны: возможно, Кина вовсе меня и не ищет.

Ежели она в горах, то едва ли сможет перекрыть мне дорогу к собственному телу. Так или иначе, я избавился от страха и продолжил следить за дядюшкой, который все более ускорял шаг.

И куда его понесло? В такой-то час, в его-то состоянии?

Вскоре, однако, все стало на свои места. Воспользовавшись отсутствием Душелова, он сумел отыскать то, чего не нашли ребята Костоправа. Видимо, в этом ему помогла загадочная светящаяся штуковина, каким-то образом развеявшая или ослабившая маскирующие чары.

Первым намеком послужил конский храп. Уже через несколько мгновений я узнал своего скакуна, да и он меня тоже. В отношении призраков жеребец был куда чувствительнее дядюшки Доя. Тот так ничего и не учуял, а возбуждение коня списал на собственное появление.

Правда, не призрачный, а реальный мир дядюшка воспринимал лучше меня. Я едва уловил какое-то шевеление во тьме, а в его руке уже появился Бледный Жезл — словно сам собой выскочил из ножен. На миг мне показалось, что приближается Тень, но ее появление обычно сопровождалось ощущением холодящего страха.

Так или иначе, мы были не одни.

Я принялся витать вокруг, пытаясь обнаружить затаившегося врага. И вместо того нашел Дрему и Дщерь Ночи. И тот и другая были прикованы к дереву за лодыжки провисшей десятифутовой цепью. Костра у них не было и в помине. Ловец оставила им жбан воды — к настоящему времени он почти опустел — да краюху черствого хлеба. Она явно рассчитывала вернуться довольно скоро.

Девочка была слишком мала, чтобы совершить побег, а Дрема выглядел странно, словно его опоили каким-то зельем.

Неожиданно я услышал позади приглушенный хрип. Металл звякнул о камень. Затрещали кусты.

Дядюшка Дой упал на колени. Бледный Жезл валялся в паре футов от его пальцев. Левой рукой он вцепился в охвативший его горло лоскут черной материи. Он еще был жив, но мало кто выживает после нападения чернорумельщика.

Однако дядюшка оттачивал рефлексы всю свою жизнь. И тренировки не прошли впустую. Отпустив левую руку, Дой повалился вперед и правой дотянулся до Бледного Жезла. Еще не зажившие до конца раны ограничивали его возможности, но он заполучил меч, и теперь ему был не страшен никакой душила.

Поскольку за дядюшку можно было не беспокоиться, я отправился взглянуть на Дрему, опасаясь, как бы бедняга не угодил из огня да в полымя. Паренек был напуган, но цел, невредим и готов побороться за свою жизнь. Но у дерева оказался лишь он один. Дщерь Ночи исчезла.

Я порыскал вокруг, но Обманник и малышка скрылись, не оставив никаких следов. Правда, сейчас я не особо стремился их разыскать. Возможно, скоро эта задача станет одной из главнейших, но это будет потом.

Меня не покидало ощущение, что все случившееся едва ли соответствовало замыслу Душелова. Кажется, эту особу удалось провести. Кина действовала медленно, но зато верно.

Сознавая, что проку от этого никакого нет, я все же решил остаться поблизости до тех пор, пока дядюшка восстановит силы, а Дрема окончательно придет в себя. Первым очухался Дрема: сообразив, что опасность миновала, он задумал облегчиться. О присутствии дядюшки или моем он, естественно, не догадывался.

Ну и ну! Оказывается, Душелов неспроста предстала перед нами в женском обличьи. Дрема и вправду был... тьфу, черт побери, была переодетой девицей. Надо же, сколько времени она дурачила весь Отряд.

Надо будет поговорить с Бадьей. Ему не помешает кое-что уяснить.

И тут я ощутил запах Кины. Она находилась недалеко и быстро приближалась.

Дрема подпрыгнула, рывком натянула штаны и растерянно огляделась по сторонам. Она тоже уловила присутствие богини. Затем девушка сосредоточилась и попыталась определить источник тревоги. Но запах рассеялся. Здесь Кину больше ничто не интересовало.

Однако Дрема неожиданно застыла на месте — она увидела меня. Вздрогнув, она подалась вперед и тонким от волнения голосом спросила:

— Мурген? Ты привидение или как? Ты что, умер?

Я попытался сказать, что жив, но она меня не слышала. Тогда я покачал головой.

— Значит, слухи верны. Ты и вправду можешь покидать свое тело.

Я кивнул, пораженный тем, что девчонка относится к этому так спокойно. Сколько ни живешь, столько удивляешься.

Но если Дрема мог видеть, стало быть, я имел возможность общаться на расстоянии. Пусть не с помощью голоса. Помнится, он учился языку глухонемых, и хотя эта наука давалась ему с трудом...

Ей, Мурген, *ей*.

Черт, до чего трудно привыкнуть думать о Дреме как о девушке. Хотя пора бы.

Я принялся вертеть пальцами, хотя понятия не имел, может ли Дрема различать такие детали. Возможно, она видит перед собой лишь сгусток тумана, пахнущий, как Мурген.

Но все мои потуги оказались бессмысленными. На голос Дремы появился дядюшка Дой. Каждое движение причиняло ему боль.

— Не тревожься, юноша,— промолвил он.— Ты должен помнить меня.— Дой был бдителен настолько, насколько это возможно для человека. Странно, что он не улавливал моего дыхания.

— Ты взывал к знаменосцу, юноша. Называл его по имени. Почему?

— Сам не знаю. Я в плену, прикован. Какой-то человек выскочил невесть откуда и забрал с собой девочку, которая была здесь со мной. Я испугался. А знаменосец — мой друг и наставник.

Боек... бойка на язык эта малышка. И основательно подозрительна, что характерно для всего нашего Отряда.

Я же был основательно обременен новостями, которые следовало доставить на равнину. Пришла пора уходить. С Дремой все будет в порядке, Дой доставит ее куда надо. Я сделал знак. После трех попыток Дрема кивнула. Хотелось верить, что это отклик.

— Ты был в плену у той, что властвует над воронами? — Последние слова Дой произнес на шоень бао, будто это было имя, вроде Тысячегласой. Но Дрема все равно поняла. До чего же сообразительная девчонка! Должно быть, нахваталась, пока таскалась за мной.

— Да.

— Она что-нибудь оставила? Где она пряталась, когда бывала здесь?

Дрему Дой освободил, но в первую очередь его беспокоило не это. Все поведение дядюшки свидетельствовало о том, что шоень бао враждовали с Душеловом.

Я уже отлетал в сторону, когда Дрема сказала:

— Есть пещера. Вон там. Но мы пробыли здесь очень недолго.

Она просвистела знакомый мотивчик из четырех нот. Мой конь фыркнул. Он тоже был пленником.

Я направился к равнине.

106

Кина искала меня. Или еще что-то, но искала. Куда бы я ни сунулся, непременно начинал ощущать ее присутствие, хотя ко мне она не приближалась. Но если ей нужен не я, то что?

Искушение слетать к Сари я преодолел, убеждая себя в том, что надо подождать, пока сгинет демон. Но логически мыслящая часть моего «я» с безупречной логикой говорила мне, что Кина ждала веками и едва ли сделается нетерпеливой именно в эту ночь.

Но на кой хрен я ей вообще сдался?

Так или иначе, мне было необходимо обрести плоть. Когда я не пребывал среди духов, богиня пугала меня гораздо меньше.

И почему бы Тай Дэю не взять да и не разбудить меня? В таких случаях моему духу не приходилось преодолевать расстояние, он возвращался в тело мгновенно.

Пролетая лагерь у Врат Теней, я не мог не отметить его убожества. Торжествующим победителям следовало бы жить получше.

Одноглазый уже шевелился. Гота тоже. Предстоял паршивейший завтрак.

Светало, а я все еще оставался духом. Такого не случалось с тех пор, как мы потеряли Копченого. Я даже не знал, способен ли пребывать в мире духов днем.

Надо вернуться. Они должны все узнать. А ждать меня они не станут, и на посилках не потащат. Я не пленник.

Похоже, Одноглазый что-то учуял. Он задергался и взъерепенился. Затем поднялся Гоблин и сказал, что, ежели Одноглазый не перестанет гундосить, он, Гоблин, превратит его в ящерицу. Гоблин не выглядел особо изнуренным своей экспедицией, на что Одноглазый не преминул указать — наверное, в тысячный раз. Началась перебранка, в которую время от времени встревала матушка Гота. Матеря Гоблина, Одноглазый не забывал обложить и всех нас за то, что мы отправились на гору, не соизволив дождаться его.

— Знали ведь, сволочи, что я вернусь, не могли не знать. А все равно поперлись. Назло мне. Это их та дурная баба подначила. Или Щенок. Решили, будто таким образом они меня накажут. Фу ты ну ты. Да плевать я на них хотел. Вот возьму и смоюсь на самом деле. Посмотрим, каково им будет без Одноглазого.

Этот тип на каждом слове противоречил сам себе, но такова уж была его натура.

Бедолага был бы очень расстроен, узнав, что большинство ребят не очень-то по нему скучает. Хотя, надо признать, в последнее время мы не так часто попадали в обстоятельства, когда его присутствие могло оказаться полезным. В мирное время от Одноглазого — как и от его приятеля Гоблина — не очень-то много проку.

Неожиданно я осознал, что нас обволакивает мерзкий запах Кипы. Он нарастал, но так медленно, что я не сразу понял, в чем дело. А когда понял, поспешил за Врата, хоть и неохотно, потому как явно упускал случай услышать что-нибудь интересненькое. Одноглазый, уж коли он заводился, редко затыкался прежде, чем успевал выболтать решительно все, что у него на уме.

Я припустил вдоль дороги со всей возможной скоростью, но при дневном свете она казалась мне очень маленькой. А возможно, и не казалась. Чем выше поднималось солнце, тем медлительнее, неповоротливее и рассеяннее становился мой дух.

Я заметил, что каждый круг содержит как бы намеки на ворота, через которые можно выйти на восточную и западную дороги. Поначалу это сбило меня с толку. На кой хрен такая путаница, если уже есть Врата, дорога и крепость, к которой эта дорога ведет. Идти-то все равно больше некуда. Или... Камни? Столбы? Ну конечно.

По боковым дорогам можно было добраться до тех или иных камней. Но кому и зачем могло бы прийти в голову это делать, оставалось для меня загадкой.

Неожиданно до меня дошло, что я уже довольно долго торчу на месте, блуждая в пустыне собственных мыслей.

Привстав, я рассеянно огляделся по сторонам и спросил:

— Где Нарайян Сингх?

Поблизости не было ни души, кроме Тай Дэя. И никаких следов пребывания в этом круге кого бы то ни было. Куда, черт побери, подевались все?

— Ты проснулся? — сказал Тай Дэй.

Всякий человек выглядит идиотом, ежели от неожиданности скажет что-то слишком уж очевидное.

— Где все?

— Ты никак не просыпался. Они ушли без тебя.

Значит, и без него.

— Освободитель сказал, что заберет тебя на обратном пути. Он казался обеспокоенным.

— Я его не виню. Сам обеспокоен. Помоги мне подняться.

Коленки у меня были слабые, правда, скоро это прошло.

— Пожрать? — прокашлял я. Хождение в мире духов в одиночку отнимало меньше энергии, чем блуждание с Копченым, но все же опустошало изрядно.

— Они забрали все. Почти. Мне удалось стянуть самую малость.

Его «самая малость» оказалась не такой уж малостью, во всяком случае, по меркам нюень бао. Жители болот довольствовались парой зернышек и гнилой рыбьей головой в день.

— На воду они не поскупились,— добавил он, протягивая мне две полные фляги, после чего пояснил: — Пока ты спал, шел дождь.

— Что? — пробормотал я с полным ртом. — Когда? — В мире духов погода как-то не воспринималась.

— Шел дождь. Похоже, вся вода стекала в круг, так что здесь образовалась лужа. Будем ждать здесь? — спросил он с надеждой в голосе.

— Нет. Мне нужно немедленно поговорить с капитаном.

Тай Дэй выразительно хмыкнул, явно давая понять, что отнюдь не считает меня отягощенным мудростью.

Вдвоем мы двигались гораздо быстрее Отряда и уже через пару часов увидели впереди маленькую группу людей.

— Какого черта они делают? — спросил я Тай Дэя. Глаза у него куда лучше моих.

— По-видимому, передают вещи по цепочке, от человека к человеку.

Так оно и было. Мы убедились в этом, подойдя поближе.

Я заорал и замахал руками. Меня услышали, кто-то закричал и замахал в ответ. Но чтобы подождать — это им и в голову не пришло.

— Здоровенная хрень, — сказал я, имея в виду крепость.

Теперь, когда мы находились неподалеку, она, казалось, распухала на глазах с каждым шагом. Твердыня была сложена из базальта, более темного, чем камень окружающей ее равнины. При всей своей грандиозности она явно нуждалась в ремонте.

— Здоровенная, но против землетрясений не устояла.

Тай Дэй снова хмыкнул. Он опять начинал первничать.

— Ага, вот через что они перебирались.

Равнину пересекала трещина, тянувшаяся в обе стороны, насколько мог видеть глаз. Очень широкой она не казалась нигде, но наши парни переправились в самом узком месте, где ширина не превышала трех футов. Они ухитрились перетащить на ту сторону даже подводы и фургоны.

Часть крепостной стены неподалеку обвалилась, причем обвал выглядел совсем недавним. Должно быть, это тот самый, который произошел на наших глазах. Имелись и следы более давних разрушений. По моим прикидкам, самое старое из них произошло в тот день, когда мы ощутили подземные толчки, даже находясь в Таглиосе.

И Тай Дэй, и я были слишком стары, чтобы бегать, и делали это, лишь когда ничего другого не оставалось. Но сейчас мы не стали терять времени даром, припустили со всех ног и перескочили через трещину прежде, чем ребята скрылись за изгибом стены. Оказалось, что это Сиятельство и Сопатый. Должно быть, Сопатому до сих пор приходилось несладко.

Пыхтя и задыхаясь, я поспешал изо всех сил. Ноша за плечами казалась тяжелей с каждым шагом.

— Впечатление такое, будто мы опять поднимаемся в гору, — отдуваясь, заметил я.

Тай Дэй буркнул, соглашаясь. Он и сам запыхался. Я оглянулся. Да, пожалуй, отсюда обзор был шире, чем с начала дороги.

— Землетрясение повредило дорогу. А цела ли ее защита? — размышляя вслух, промолвил Тай Дэй. Должно быть, он задался этим вопросом уже некоторое время назад.

— Должно быть, цела, — поразмыслив, ответил я, — иначе Тени уже добрались бы до нас.

Под ногами по-прежнему лежала дорога, хотя казалось, что здесь ее поверхность как-то потускнела. Я задумался о том, распространяется ли защищенная зона и на всю крепость, а если да, то насколько эта защита прочна. Представлялось маловероятным, чтобы стены могли рушиться раз за разом, так нигде и не повредив барьера.

Перескочив через трещину, мы оказались под нависшими стенами. Я пробежал пальцами по каменной кладке. Ух ты! — камень крошился.

— Тебе не кажется, что это песчаник?

Тай Дэй буркнул что-то, означающее отрицание, сопроводив это звуком, имевшим вопросительный оттенок.

— Похоже на множество мелких кристалликов. Как соль. Но это не песчаник.

Странно. Камень, из которого сложены стены, мог противостоять любому природному воздействию практически вечно. Как и весь остальной камень равнины. И если крошился, то неспроста. Не без вмешательства сверхъестественных сил.

— Я чую колдовство, — пробормотал Тай Дэй.

— Тонкий у тебя нюх, брат.

Парни, за которыми мы следовали, сами спешили за ушедшими вперед, за изгиб стены. Поджидать нас они не собирались, но постепенно мы их нагоняли.

Обогнув наконец изгиб стены, мы увидели множество подвод и животных, сгрудившихся на пятачке перед тем, что некогда было главными воротами. Я бросил взгляд наверх. Предусмотрительные строители спланировали единственный подход к воротам так, что его можно было обстреливать и забрасывать камнями сверху, с обеих сторон. Интересно, ежели вскарабкаться наверх со здоровенной каменюкой, можно будет расплющить форвалаку? Черная пантера пребывала в скверном настроении. Она билась, ревела и грызла прутья клетки. Но никто не обращал на нее внимания.

Неплохая мысль — оставить ее здесь, когда мы повернем назад. Тени обязательно найдут способ до нее добраться.

Другим животным тоже предоставили заботиться о себе самим.

Сиятельство и Сопатый, которые теперь опережали нас всего на пару десятков футов, протискивались в узкую щель. Открыть ворота не представлялось возможным, поскольку они были сломаны, перекосились и висели на одной петле. Большая трещина в каменной кладке указывала на то, что это повреждение было вызвано землетрясением.

Сразу за воротами находился просторный внутренний двор, какие есть в большинстве крепостей. В случае осады там размещают укрывающихся в цитадели окрестных жителей. Сейчас двор был полон наших парней. Шли споры относительно того, стоит ли снести ворота, чтобы загнать внутрь животных и закатить подводы. Нюень бао вели свой спор — обязаны ли они следовать за Отрядом в глубь твердыни.

— Дерьмо! — воскликнул Лозан, увидев меня.— А я уж решил, что ты копыта отбросил. Думаю, мы подберем твой труп на обратной дороге, если он не слишком провоняет.

— Спасибо за заботу. Где Старик? — Я уже приметил, что Ножа и Мотера во дворе не было.

Изнутри крепость выглядела не менее величественной, чем снаружи, и, наверное, подавила бы меня своим величием, когда бы мне не довелось видеть дворец в Таглиосе и Вершину. Все внутренние строения были сложены из того же серого базальта, что и наружные стены. И здесь тоже повсюду виднелись следы разрушения. В глаза бросались сотни больших и маленьких трещин, двор был усыпан множеством обломков камня. У подножия стен высились целые груды осколков.

— Они зашли внутрь. Минут этак десять назад. Догнать их не составит труда.

Поморщившись, Лебедь направился к ступенькам, ведшим к узкой двери внутреннего укрепления. Я заподозрил, что, когда Старик позвал Лебедя с собой, тот, по своему обычаю, принялся отбрыкиваться, но теперь передумал и полез внутрь под тем предлогом, что ведет к командиру меня.

Тай Дэй тяжело ступал за мной, припечатывая каждый шаг, словно приговор. Поскольку он присоединился ко мне, некоторые другие нюень бао тоже прекратили споры и направились внутрь.

Дверной проем был подобен завесе тьмы: пройдя сквозь него, я словно ступил через тонкую вуаль. Во всяком случае, примерно так должна была выглядеть завеса тьмы по моим представлениям.

Света внутри было очень мало. Он просачивался сквозь многочисленные щели и трещины в стенах, но, прежде чем достигал меня, успевал почти истаять во мраке.

— Кончайте толкаться! — шикнул я на сородичей Тай Дэя, напиравших на меня сзади.— И не шумите. Я пытаюсь прислушаться.

Откуда-то доносились звуки, но они эхом отдавались от стен. И определить направление в огромном пустом пространстве было весьма затруднительно.

— Прав я был поначалу,— сплюнув, пробормотал Лозан.— Лучше бы мне сюда не соваться.

До какой степени он был прав, мне предстояло узнать в недалеком будущем.

— Тихо!

Через несколько мгновений я определил источник звука и двинулся на голоса.

107

Госпожа, Костоправ, Бадья, Ведьмак, Масло, Лофтус, Лонгинус и Клетус вели какой-то довольно громкий, но беззлобный спор. Добравшись до них, я увидел всю Старую команду, сбившуюся тесной кучей. Ребята привели сюда Ревуна, Длиннотень и Ловца. Ревуна и Длиннотень выпустили из клеток. За Длиннотенью надзирали Нож и Мотер. Последний пребывал в полной прострации и бормотал какую-то чушь, тогда как Ревун держался настороженно и бдительно. Прабриндрах Драх неотлучно находился рядом с ним.

Но мне было не до них. Я поспешил к Старику и Госпоже, которые, присев на корточки, всматривались в разлом. Как мне показалось, за этой щелью находилось нечто, вовсе не предназначавшееся для обозрения. Едва Костоправ оглянулся посмотреть, кто к нему проталкивается, я без предисловий спросил:

— Где Нарайян Сингх?

— Он...— На физиономии Старика появилось озадаченное выражение.

Хотя судить об этом с уверенностью было трудно. На всю ораву приходился всего-навсего один факел. Его держал Лонгинус, стоявший футах в двадцати от них. Но когда я пригляделся к Старику как следует, стало ясно — выглядит он так, будто его тюкнули обухом по башке.

Я повернулся к Госпоже:

— Может, тогда ты скажешь, где Нарайян Сингх? Разве он не был одним из самых ценных твоих пленников? Разве не прикончили бы этого гада давным-давно, когда бы все зависело от одного глупого малого по имени Мурген?

Госпожа молча уставилась на меня. Складывалось впечатление, что ей хотелось нахлобучить на голову шлем Жизнедава и задать мне хорошую взбучку, но она сдержалась.

— Я вообще забыл о его существовании,— пробормотал Костоправ.— Как же это могло случиться?

— Что вообще случилось? — подхватила Госпожа.— Почему о нем речь?

Я прищелкнул пальцами.

— Потому что он смылся. Напал на дядюшку Доя со своим черным румелем. Нашел тайное логовище Ловца и освободил Дщерь Ночи. Они сбежали и сейчас наверняка прикидывают, как вернуться в дело.

Пальцы Госпожи теребили что-то на талии, словно пытаясь нащупать шелковый лоскут. Затем она непроизвольно коснулась как бы левого рукава, вместо которого на руке был стальной наруч. Она позабыла, что закована в латы, из-под которых не вытащишь

румель. Вид у нее был совершенно идиотский. Такой я ее еще не видел!

Душелов, хотя она и находилась от меня дальше, чем Лонгинус со своим факелом, прекрасно расслышала каждое мое слово. И впала в бешенство. Из зашитого рта вырвалось яростное мычание, спеленутое тело забилось на носилках. Для женщины, трое суток провалявшейся связанной и с кляпом во рту, Ловец демонстрировала удивительную прыть.

— Сдается мне, Мать Обманщиков в последнее время становится шустрее.

Наверное, мне стоило бы попридержать язык. Костоправа аж затрясло от ярости. Госпожа справилась с потрясением лучше. Раздраженно вздохнув — ее раздражение не было направлено на кого-либо лично,— она вновь присела на корточки и вгляделась в щель. Я склонился над ней. За трещиной угадывался намек на красноватый свет.

— Он помечен,— не оборачиваясь, сказала мне Госпожа.— Его можно найти, и я займусь этим, как только мы вернемся в лагерь. А когда найду, воспользуюсь твоим советом. Он был не так уж плох.

Неожиданно Госпожа резко встряхнула головой, словно стараясь прояснить свои мысли.

— Но до чего же хитра! Я никак не думала, что она сможет проделать это со *мной*! Пошли.

Она нырнула в пролом в стене.

— Эй, возьми-ка свой дрын,— сказал Бадья, впихивая мне в руки знамя. До сих пор я делал вид, будто не замечаю, где оно и кто его несет.— Где ты вообще пропадал, черт тебя побери?

— Проспал подъем.

Костоправ двинулся за Госпожой. Остальные парни вроде бы и собирались последовать его примеру, но как-то вышло, что впереди оказался я. Сунул в пролом наконечник и полез туда сам. Костоправ мужик здоровенный, и ему было не так просто пролезть в щель. Но мне оказалось еще труднее, потому как мешала длинющая орясина. В результате один конец копья оказался с одной стороны, другой, соответственно, с противоположной, а я застрял посередине. Тай Дэй с Костоправом решили мне помочь, разом ухватились за древко и принялись тянуть — ясное дело, каждый в свою сторону. Я отреагировал на помощь отборным матом.

В конце концов мне с грехом пополам удалось протиснуть свою задницу сквозь пролом и вытянуть следом знамя, после чего я смог все-таки оглядеться. Там было темно. Никакого света, кроме красноватого свечения, исходившего из трещины в полу примерно в полумиле от меня...

Смерть есть вечность. Вечность есть камень.

— Камень молчит,— промолвила Госпожа.

Это своего рода бессмертие.

Земля содрогнулась. Откуда-то сверху донесся скрежет трущихся друг о друга камней. Тяжелая тьма вздымалась над пробивавшимся красноватым светом. Люди, прибывавшие сзади, напирали, подталкивая нас троих вперед. Наконец протиснулся в щель и Лонгинус с факелом, который если и не рассеивал тьму, то, во всяком случае, давал возможность видеть, куда ставить ноги.

— Одноглазый считает, что мы идем прямиком в ловушку, командир, — продолжил я рассказ о своих ночных похождениях.

— Что за ловушка? Кто ее расставил?

— Мне не выпало случая потолковать с дерьмовым коротышкой на эту тему.

— Ловушку расставила моя сестра, — вмешалась Госпожа. — Пусть ее немедленно притащат сюда. Кажется, впредь я перестану прислушиваться к своему внутреннему голосу и стану во всем следовать советам Мургена. Можно будет оставить ее здесь, когда мы двинемся в обратный путь.

Я кивнул, как будто это решение пришлось мне по душе. У меня не было охоты напоминать Госпоже, что она уже убивала свою сестрицу. Костоправ приподнял бровь, взглянул на меня — но так ничего и не сказал. Ему надо было поддерживать мир.

— Доставьте их всех сюда, — распорядилась Госпожа. В иные моменты она становилась чем-то большим, нежели просто лейтенант.

С Ловца едва не содрали шкуру, когда протаскивали ее сквозь трещину, но эта сука все равно улыбалась за своим кляпом. Это приводило меня в бешенство. По всем человеческим понятиям она, исстрадавшись от голода, жажды и грязи, должна была пребывать в глубочайшей депрессии. О том, что ей требуется есть или справлять нужду, вспоминали лишь изредка, и делала она это под бдительным присмотром Лебедя, Мотера или князя. Нож ни в какую не желал иметь дела с Ловцом. Скорее всего, он ненавидел ее постольку, поскольку такие чувства испытывала к ней Госпожа, а почитание Госпожи приобрело у него характер навязчивой идеи.

Хотя Ловец вроде бы и не тужила, старину Мургена она одарила особым взглядом: мрачным и не сулившим ничего хорошего.

— Посмотрим, что к чему, — бросила Госпожа. Она склонилась над Ловцом, но глаза при этом подняла на Костоправа.

— Ты здесь. И что ты собираешься делать теперь?

Было ясно, что у нее очередной перепад настроения. Я знал: Костоправ хотел сказать ей, что это вовсе не Хатовар, что мы прошли полмира и побывали в аду не ради того, чтобы отыскать заброшенные развалины. Но он не знал правды и ни в чем не мог быть уверен. А потому промолчал.

Костоправ становился все более сдержанным.

Пробормотав что-то себе под нос, Госпожа взяла Душёлова за подбородок и заставила сестру посмотреть ей в глаза.

— Скажи, дорогуша, ты ничем не хочешь со мной поделиться? Может быть, у тебя есть маленький секрет, касающийся этого местечка?

Ловец подмигнула мне. Госпоже не приходилось рассчитывать на успех. У меня сложилось впечатление, что ей хотелось убраться отсюда поскорее и подальше — хотя бы и в ад.

Госпожа пребывала в скверном расположении духа. Как и Ловец. К счастью для Кины, та была богиней и могла не особо беспокоиться по этому поводу.

Ловец улыбалась и, разумеется, ничего не отвечала. Я предполагал, что она не станет отвечать даже ради спасения собственной шкуры. Все Десять Взятых были уязвимы лишь настолько, насколько удавалось использовать их навязчивые идеи.

— Дерь-мо-о! — донеслось из темноты, эхом отдаваясь от стен.— Что это за хрень такая? Капитан! Мурген! Вы только взгляните.

Костоправ пожал плечами и кивнул. Сейчас не имело значения, куда его зовут и зачем. Ему нужен был предлог, чтобы ненадолго смыться от Госпожи.

Я зашаркал по полу, которого не видел, лишь ощущал его под ногами. Позади слышалось шарканье ног Костоправа. И бормотание: он бурчал себе под нос и покачивал головой, словно желая понять, какого черта он здесь делает. Не может же быть, чтобы последние тридцать лет он рвался именно сюда. Это просто бред. Чья-то злая шутка. Эти дурацкие развалины никак не могли быть местом рождения Свободных Отрядов Хатовара. Здесь не было никаких признаков... вообще ничего не было.

Я чувствовал, как нарастает в нем отчаяние. И знал: оно будет крепнуть и расти, пока не овладеет им полностью. А потом он убедит себя в том, что позволил себе отвлечься, сбиться с пути, а потому мы забрели не туда. Вскоре после возвращения в Кьяулун ему придет в голову, что для отыскания подлинного Хатовара необходимо раздобыть и прочесть старые Анналы. Любой ценой. В том числе и ценой кровопролития, способного положить начало Году Черепов. Что и требуется Кине.

Она есть тьма, это уж точно.

Я знавал кучу баб, которые с полным правом могли претендовать на это прозвище. Но сейчас оно в первую очередь принадлежало старушке Кине.

— Мать твою!..— ругнулся Старик, ухватив меня за плечо.

Он резко остановился всего в нескольких шагах от бездонной пропасти, той самой, откуда исходил красноватый свет и над которой, как можно было теперь видеть, слегка клубился туман. Задумавшись, он едва не навернулся в бездну. Но отнюдь не пропасть привлекла его внимание, равно как и внимание тех парней, которые подняли шум.

— Факелы! — взревел я.— Зажгите факелы! Больше света!

Факелов у братьев было полно, просто они старались не жечь их попусту.

— Здесь трон. Старый долбаный деревянный трон!

У меня не хватило духу добавить, что к этому старому долбаному деревянному трону присобачено серебряными гвоздями человеческое тело. Или похожее на человеческое. Старое долбаное тело. Мне нужен был свет, чтобы рассмотреть его получше. Мне казалось, что у него открыты глаза, и очень не хотелось, чтобы это оказалось правдой.

— Это что еще за хрен моржовый? — спросил кто-то. — Настоящий великан!

Тай Дэй, как всегда таившийся в моей тени, произнес на нюень бао одну быструю фразу, из которой я понял только слова «Костяной Воин».

— Знаешь, кто это такой? — спросил я его.

— Возможно, это голем Шевитья, Каменный Воин.

Нашел время вспоминать идиотские прозвища.

— Шевитья?..

Я знал, кто такие големы. Искусственные люди, созданные из глины. По некоторым поверьям, прародителей рода человеческого боги сотворили именно таким манером.

— Это гуннитский миф, Солдат Тьмы. Когда Кади, или Кина, была молода, она враждовала со всеми, и в ходе этих раздоров ослабила Повелителей Света настолько, что у Повелителей Тьмы появилась надежда одержать окончательную победу. Они послали целое войско демонов, и для Повелителей Света дела обернулись так худо, что бог Фретиньял, которого иногда считают отцом Кины, воззвал к дочери о помощи. Она согласилась, но руководствовалась при этом собственными интересами. В решающей битве на каменной равнине Кина — или Кади — становилась все больше и сильнее всякий раз, когда пожирала одного из демонов.

Эту историю я слышал. Она представляла собой лишь одну из множества версий мифа. Некоторые утверждали, будто Кина была сотворена специально для битвы с демонами, посланными Повелителями Тьмы. Согласно убеждениям других, ее произвел на свет дьявол Ранашья, принявший облик Фретиньяла и разделивший ложе с Матой, представлявшей собой одно из воплощений гуннитской богини-прародительницы. Многие же настаивали на том, что Кина вовсе не принадлежит к гуннитскому пантеону и затесалась в него со стороны. О ней предпочитали не вспоминать, хотя с ее злобным могуществом приходилось считаться.

Но в интересующем нас аспекте большинство историй сводилось к одному — использовав Кину против сил зла, боги позволили ей набраться невероятной мощи, после чего она стала угрожать им. Тогда ее создатель — или отец — обманом погрузил свое детище в беспробудный сон, в котором она обречена пребывать до тех

пор, пока ее последователи не пробудят ее, положив начало Году Черепов. Год Черепов рассматривался как нечто неминуемое и неотвратимое. Хотя Кина и пребывала во сне, некоторой, пусть и малой, частью своего божественного сознания она могла касаться мира и руководить действиями своих приверженцев. Однако усилия людей праведных и добродетельных позволяли оттягивать наступление Года Черепов до бесконечности.

Поняв, что они натворили, остальные Повелители Света велели Фретиньялу сотворить из глины демона и одарить его частицей собственной души, дабы он ожил и жил вечно. Этот демон, или голем, был наречен именем Шевитья, что значит «Не ведающий Смерти». Предполагалось, что он будет вечно охранять подступы к месту упокоения Кади. Однако я никогда не слышал о том, чтобы Шевитью пригвоздили к его месту. Что поделаешь, Костяной Воин, — жестокосердие свойственно даже богам.

— Это уж точно. Особенно богам. Но вполне возможно, что все это пустые байки. Я выслушал кучу подобных историй от Готы и Доя. Все они мне не нравились, и твоя нравится ничуть не больше. — Я повернулся к Костоправу: — А ты что скажешь? Слышал ты раньше что-нибудь подобное?

— Доводилось. Один дружественно настроенный старый богослов из Таглиоса рассказывал, что, хотя точное значение слова Хатовар утрачено, изучая некоторые современные диалекты, можно заключить, что оно означало нечто вроде «Место, откуда Кади шествовала вперед». Или попросту «Врата Кади».

— И ты все равно решил туда отправиться? Неужто мы устремлялись туда, где воплощалось въявь древнее и мрачное предание? Меня в это место вовсе не тянуло. Я думал, что направляюсь в рай. Предполагалось, что все мы маршируем прямиком в рай.

Костоправ мне не ответил.

— Расскажи мне побольше, — проговорил я в пространство.

Уже зажглось множество факелов. Почти все парни сгрудились позади меня и Старика. Яркий свет вынуждал меня видеть то, чего видеть вовсе не хотелось. Глаза пригвожденного к трону существа были открыты.

Однако оно не двигалось.

— Дерьмо! — сказал Лонгинус. — Это какой-то паршивый идол. Давайте не будем пугаться всякой хреноты.

Осторожно, дюйм за дюймом, я начал продвигаться вперед, выставив знамя так, чтобы в случае чего им можно было воспользоваться как пикой. Не знаю уж почему, но мне казалось, будто оно способно помочь.

Костоправ пошел за мной.

Мы прошли половину расстояния, отделявшего нас от трона. Братья-механики с факелами держались прямо за нами. Все прочие не выказывали особого желания рассмотреть чучело на троне поближе. Хотя, по правде сказать, теперь мне тоже казалось, что это

всего-навсего идол. Причем — как виделось с близкого расстояния — сработанный довольно грубо.

Мы преодолели еще некоторое расстояние. Теперь я вдыхал тонкие испарения, поднимавшиеся из трещины в полу. Они были очень холодными и несли с собой слабый, застарелый трупный запах.

На миг я почувствовал себя так, словно вернулся домой.

Это — своего рода бессмертие.

Я подскочил и огляделся по сторонам. Огляделась и Госпожа — похоже, и она что-то уловила.

Когда мой взгляд вернулся к скособоченному трону, я увидел зал таким, каким он мог быть тысячу лет назад. Или даже раньше. В те дни, когда безжалостные жрецы истязали военнопленных, создавая из них первые Тени. Видение продолжалось всего лишь миг, но этого хватило, чтобы понять, насколько отвратительным было это место еще до появления двенадцати Свободных Отрядов.

— Стой,— прошептал Костоправ.

Я замер, уловив настоятельность тона.

— Что такое?

— Посмотри вниз.

Я посмотрел. И остолбенел. Прямо у носка моего сапога валялись иссохшие, скрюченные останки вороны.

— Ее пожрала Тень. Значит, опасность грозит и нам.

— У нас по-прежнему есть знамя,— возразил Костоправ, правда, без особой уверенности в голосе.

Пинком я отбросил мертвую птицу в расщелину, находившуюся всего в нескольких футах от меня. Хотя это не имело смысла. Многие парни уже успели заметить ворону и мигом сообразили, что к чему.

Но они поняли не все. Вороний труп говорил не только о способности Теней проникать в эту часть здания. Я с ужасом осознал, что Душелов хорошо знала место, куда мы направлялись. А следовательно, она... Позади нас раздался дикий, безумный смех. Смех Душелова. Госпожа резко развернулась, окружая себя чарами.

108

Земля содрогнулась. То был по-настоящему сильный толчок. Пожалуй, самый сильный со времени ужасного землетрясения, погубившего тысячи людей и обратившего в руины целые города еще до того, как мы покинули Таглиос. Я упал на пол и заскользил к бездне, но Костоправ успел удержать и меня, и Госпожу. На ногах не устоял никто. Смех Душелова резко оборвался. Выпавшие из рук факелы попадали на пол.

А сверху посыпалось что-то странное, наподобие стеклянных шариков. Казалось, будто начался град. Некоторые шарики при падении разбивались, другие отскакивали от пола. Но этот

град казался мелочью, не имеющей существенного значения. Поначалу.

Трон с големом сдвинулся и накренился еще сильнее. Казалось, достаточно мышиного вздоха, чтобы опрокинуть его в светящуюся пропасть. В следующий миг меня ослепила вспышка ярчайшего белого света. Я слышал, как Душелов проклинала кого-то на разных языках тремя голосами одновременно. Воздух рассекали невесть откуда бравшиеся искры и молнии. Впечатление было такое, будто в нем образуются разрывы и щели. Я ощутил невероятную слабость и понял, что меня клонит в сон. Мне пришло в голову, что эти блестящие стекляшки вороны долгое время приносили сюда и прятали, с тем, чтобы их хозяйка могла устроить этот град, когда придет ее час. Душелов устроила нам ловушку и теперь захлопнула ее.

Стиснув покрепче древко, я бесстрашно уснул, пребывая в счастливой уверенности, что и Душелову не удастся покинуть равнину. Тени доберутся до нее. Они доберутся до всех нас, как только зайдет солнце.

Я уже не мог спать, не странствуя в мире духов. Едва сомкнув глаза, я выскользнул из своей плоти и устремился на север, чтобы поведать обо всем случившемся Одноглазому или кому-нибудь еще.

За Вратами Теней царил переполох, вызванный землетрясением. Одноглазый принял решение перевести людей в Вершину, но многие и без него устремились туда, кое-как собрав манатки. Похоже, эта мысль посетила всех одновременно. Ясное дело, все пребывали не в лучшем настроении.

Понимая, что в этакой суматохе мне ни до кого не докричаться, я отправился на поиски Дремы. Потребовалось время, чтобы найти ее в расположении поисковой роты, куда она была доставлена дядюшкой Доем. Похоже, ее тайна так и осталась нераскрытой.

Дрема спала, и мне — бесплотному духу — пришлось приложить немало усилий к тому, чтобы добиться отклика. Остаток дня ушел на то, чтобы передать Дреме мое краткое сообщение и удостовериться, что она меня поняла.

Близился закат, когда я проскочил Врата Теней, устремляясь на юг. Меня неудержимо влекло к Сари, но я не хотел оказаться рядом с ней в тот миг, когда Тень найдет мою плоть.

Сам не знаю, что привело меня к столь причудливому умозаключению, но мне казалось, что в момент смерти я должен пребывать в своем теле. В противном случае я обратился бы в вечно блуждающего призрака. Если уже не был им.

На середине дороги я повстречал Душелова. Сидя на коне Госпожи, она бешеным аллюром неслась на север. Конь Костоправа скакал следом столь же стремительным галопом. Всадник зарылся лицом в гриву огромного жеребца, но его выдавали вьющиеся золотистые волосы. Не добившись взаимности от одной женщины, он переметнулся к другой, к ее младшей сестре.

Лозан, Лозан, ты обрек себя на проклятие из-за этой паршивой суки!

Поскольку я был уверен, что конь увидит меня, я преградил Душелову путь. Мой собственный конь, той же породы, был способен меня увидеть. Я хотел хотя бы испугать этих негодяев.

Конь увидел меня. И проскакал сквозь меня. Видимо, эти зверюги не боялись призраков.

— Засранец! — закричал я, налетая на скакавшего следом Лозана. — Дерьмовый предатель!

Кто, кроме него, мог развязать Душелова?

Как ей удалось его охмурить?

Раздавленный неудачей, я продолжил свой путь на юг. Казалось, будто вся равнина эхом вторит издевательскому смеху Душелова. Она победила. Спустя века все-таки победила. Ловец победила свою сестру, и теперь весь мир был ее игрушкой.

Тьма сгущалась. Торопясь, я пролетел над разрозненными кучками людей, спешивших на север в безнадежной попытке спастись. Знакомых среди них было лишь двое — Зипдаб и Бубба-до. Пантеры нигде не было видно. Когда мне наконец удалось добраться до щели, ведущей в тронный зал, она оказалась законопаченной тряпками и камнями.

Кто-то решил, что Тени не смогут преодолеть эту преграду. Не иначе как Лозан. Душелов прекрасно знала о способности Теней проскальзывать хоть в игольное ушко. Ведь теперь она стала их Хозяйкой.

Лозан не замуровал трещину наглухо. А где могла просочиться Тень, мог проскользнуть и я.

Голем, или как его там, по-прежнему висел над краем обрыва. Я облетел зал и ощутил нечто близкое к панике. Моего тела в помещении не было. Там вообще не было никаких тел. Мне оставалось лишь закрыть глаза, с тем, чтобы плоть сама притянула меня к себе.

Я должен был это предвидеть, должен был догадаться. Ведь так долго один лишь я не был связан узами времени. И всякий раз, попадая сюда, видел лица, казавшиеся мне знакомыми.

Я еще не вернулся в свою плоть, но обнаружил, что нахожусь в знакомой пещере оледенелых старцев. Я сидел в самом конце шеренги, положив на колени знамя. Наконечник гудел, словно напевая какую-то таинственную песнь. Там находились все, кто пробрался через пролом в тронный зал: ребята из Старой команды, нюень бао, Корди Мотер, Нож, Прабриндрах Драх, Иси и Очиба. Все одураченные болваны, включая Госпожу и Старика. Эти двое сидели, взявшись за руки и склонив головы друг к другу. Душелов улучила-таки минутку, чтобы посмеяться над ними напоследок. Госпожа пылала яростью. Уже во второй раз она оказывалась погребенной заживо. И второй раз делила могилу со своим мужем.

Старик исторг отчаяние.

Как и все остальные. Таково было бесславное завершение великой мечты.

Я пролетел по пещере, витая между сталактитами и сталагмитами, паутиной и кружевом льда. Полетел туда, где задолго до появления Свободных Отрядов отчаявшиеся, загнанные приверженцы Кины сокрыли ее священные книги Мертвых от грозного и неодолимого воителя Райдрейнака. Книги не достались ему. Но не осталось в живых и детей Кины, которые могли бы вернуть их в мир.

Все обернулось плохо, но могло быть гораздо хуже, если бы эти мрачные книги нашла и забрала себе Душелов. Этого не случилось. Нетронутые, открытые на начальных страницах, книги покоились на аналоях.

Я поспешил назад, к товарищам. Некоторые из них ощутили мое движение и сосредоточили на мне свой гнев. Возможно, они были правы.

Воды спят, — послал я им свою мысль.

Все в этой пещере пребывали в некоем магическом оцепенении. Я же был пойман лишь в ловушку собственной плоти, возможно, потому, что в решающий момент мой дух пребывал в ином месте.

Воды спят.

Может, Душелов и есть сама тьма, но и она способна учиться.

Воды спят, но Враг не дремлет никогда.

В ночи, когда больше не завывает ветер, продувающий крепость более древнюю, чем равнина, существовавшая прежде, чем прошел первый Отряд, камень шепчет. Камень растет. Камень пускает побеги. Каменные почки распускаются каменными цветами. Тысяча колонн вырастает там, где до этого не было ни одной. Лунный свет заливает равнину, высвечивая письмена, запечатлевшие память о павших. Это — своего рода бессмертие.

СОДЕРЖАНИЕ

Суровые времена 5
Тьма 241

Поклонники Орсона Скотта Карда, это для Вас!

Новые встречи с любимыми героями, новые приключения в бесконечных просторах космоса ждут Вас в серии «Новые координаты чудес».

Читайте роман ***«Дети разума»*** — продолжение саги о легендарном полководце Эндрю Виггине!

Читайте роман ***«Тень Эндера»*** — и вы сможете по-новому взглянуть на первую книгу знаменитой эпопеи!

Читайте ***«Сагу о Вортинге»*** — и вы встретите нового героя, бросающего вызов глубинам космоса во имя спасения человечества!

Все это — в серии

«НОВЫЕ КООРДИНАТЫ ЧУДЕС»!

И еще одна встреча с Орсоном Скоттом Кардом и его героем — Эндрю Виггином: читайте ***«Советника по инвестициям»*** в антологии ***«Далекие горизонты»***, составленной знаменитым писателем Робертом Силвербергом — в серии

«ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ФАНТАСТИКИ»!

Книги издательства АСТ
можно заказать по адресу:
107140, Москва а/я 140
АСТ — «Книги по почте»

Вы — поклонник «черной литературы» — мистики, ужасов, «темных фэнтези»?

Тогда не пропустите книги новой серии

«Темный город»!

В этой серии вышли:

Антология **«Темная любовь»** — двадцать две истории страсти-Одержимости, страсти-Кошмара. Двадцать две истории Безумия, Боли, Безнадеги, которые дарят вам лучшие мастера современной литературы ужасов, от неподражаемого Стивена Кинга до элитарной Кейт Коджа и обжигающего Джона Пейтона Кука.

Антология **«Холод страха»**, которую составляют рассказы, представляющие собой всевозможные направления «литературы ужасов» — от классической ее формы до психологического саспенса, изящного «вампирского декаданса» и черного юмора, от ранее никогда не публиковавшейся в России новеллы Стивена Кинга — до ироничного ужастика Мервина Пика.

«Запрѐтный плод» и **«Смеющийся труп»** Лорел К. Гамильтон — первые две книги одного из самых культовых «вампирских» сериалов мира, стильные, пряные и эффектные хроники бытия «тех, кто охотится в ночи», и тех, кто посвятил свою жизнь изысканному и опасному искусству охоты на «ночных хищников».

«Дом» — первый роман блистательного Бентли Литтла, любимца Стивена Кинга. История страха, крови, смерти. История людей, вырвавшихся из ада — и по собственной воле в ад вернувшихся.

«Кровавая купель» Саймона Кларка — роман, который потрясает не только воображение, но и душу. Воскресным утром мир рухнул. Апокалипсис наступил. И выживут только юные. Только прошедшие очищение в кровавой купели войны и убийства.

Следите за серией «Темный город»!

По вопросам оптовой покупки книг
издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

107140, Москва, а/я 140 АСТ — «Книги по почте»

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ
КНИЖНЫЕ
СЕРИИ

СТИВЕН КИНГ

Имя, которое не нуждается в комментариях. Не было и нет в «литературе ужасов» ничего, равного его произведениям. Каждая из книг этого гениального автора — новый мир леденящего кошмара, новый лабиринт ужаса, сводящего с ума.
Читайте Стивена Кинга — и вам станет по-настоящему страшно!

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, а/я 140 АСТ – "Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

Поклонники таланта Стивена Кинга, —
ЭТО ДЛЯ ВАС!

Поклонники цикла
«Темная башня», —
НЕ ПРОПУСТИТЕ!

Мы предлагаем вам
НОВОЕ
произведение «короля ужасов»,
повествующее о **НОВЫХ** приключениях
Роланда и его друзей на пути
к таинственной Темной Башне, —
повесть *«Смиренные сестры Элурии»*,
в антологии *«Легенды»*
(Золотая Серия Фэнтези).

Помимо Стивена Кинга, специально для этой антологии написали повести *Терри Гудкайнд*, *Роберт Джордан*, *Орсон Скотт Кард* и другие знаменитые «творцы миров».

Антологию *«Легенды»* и другие книги издательства АСТ можно купить в наших фирменных магазинах или заказать по почте по адресу:

107140, Москва, а/я 140, АСТ — "Книги по почте"

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ КНИЖНЫЕ СЕРИИ

СЕКРЕТНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Это книги, написанные по мотивам самого знаменитого телесериала планеты, бесценный подарок для всех, кто верит, что мир паранормального ежесекундно сталкивается с миром нормального. Монстры и мутанты, вампиры и оборотни, компьютерный разум и пришельцы из космоса — вот с чем приходится иметь дело агентам ФБР Малдеру и Скалли, специалистам по расследованию преступлений, далеко выходящих за грань привычного...

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, а/я 140 АСТ – "Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

Читайте
в «Золотой серии фэнтези»
сборник «ЛЕГЕНДЫ»

Роберт Силверберг собрал для этого сборника самых знаменитых творцов миров:

Стивена Кинга, создавшего мир **«Темной башни»**,
Урсулу Ле Гуин, создавшую мир **«Земноморья»**,
Роберта Джордана, создавшего мир **«Колеса времени»**,
Терри Гудкайнда, создавшего мир **«Меча Истины»**,
Джорджа Мартина, создавшего мир **«Семи Королевств»**.

И многих, многих других — тех, кто не просто пишет романы-фэнтези, а подобно демиургам, полетом фантазии творит миры. Тех, которым нет равных.

Они объединились для сборника «Легенды», чтобы пригласить миллионы своих поклонников в эти миры еще раз. И все произведения, вошедшие в «Легенды» — новые эпизоды самых знаменитых саг наших дней, — были написаны специально для антологии.

Эти и многие другие книги вы можете
приобрести по почте, заказав
БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ
по адресу: 107140, Москва, а/я 140. «Книги по почте».

Москвичей и гостей столицы приглашаем посетить московские фирменные магазины издательства «АСТ» по адресам:

Каретный ряд, д. 5/10. Тел. 299-6584.
Арбат, д. 12. Тел. 291-6101.
Татарская, д. 14. Тел. 959-2095.
Звездный б-р, 21. Тел. 232-1905.
Б. Факельный пр-д, д. 3. Тел. 911-2107.
2-я Владимирская, д. 52. Тел. 306-1898.

В Санкт-Петербурге:
Невский проспект, д. 72, магазин № 49. Тел. 272-9031.

Оптовая торговля:
129085, Москва, Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

ЛУЧШИЕ КНИГИ ДЛЯ ВСЕХ И ДЛЯ КАЖДОГО

✦ **Любителям крутого детектива** – романы Фридриха Незнанского, Эдуарда Тополя, Владимира Шитова, Виктора Пронина, суперсериалы Андрея Воронина "Комбат", "Слепой", "Му-му", "Атаман", а также классики детективного жанра – А.Кристи и Дж.Х.Чейз.

✦ **Сенсационные документально-художественные произведения** Виктора Суворова; приоткрывающие завесу тайн кремлевских обитателей книги Валентины Красковой и Ларисы Васильевой, а также уникальная серия "Всемирная история в лицах".

✦ **Для увлекающихся таинственным и необъяснимым** – серии "Линия судьбы", "Уроки колдовства", "Энциклопедия загадочного и неведомого", "Энциклопедия тайн и сенсаций", "Великие пророки", "Необъяснимые явления".

✦ **Поклонникам любовного романа** – произведения "королев" жанра: Дж.Макнот, Д.Линдсей, Б.Смолл, Дж.Коллинз, С.Браун, Б.Картленд, Дж.Остен, сестер Бронте, Д.Стил — в сериях "Шарм", "Очарование", "Страсть", "Интрига", "Обольщение", "Рандеву".

✦ **Полные собрания бестселлеров** Стивена Кинга и Сидни Шелдона.

✦ **Почитателям фантастики** – циклы романов Р.Асприна, Р.Джордана, А.Сапковского, Т.Гудкайнда, Г.Кука, К.Сташефа, а также самое полное собрание произведений братьев Стругацких.

✦ **Любителям приключенческого жанра** – "Новая библиотека приключений и фантастики", где читатель встретится с героями произведений А.К. Дойла, А.Дюма, Г.Манна, Г.Сенкевича, Р.Желязны и Р.Шекли.

✦ **Популярнейшие многотомные детские энциклопедии:** "Всё обо всем", "Я познаю мир", "Всё обо всех".

✦ **Уникальные издания** "Современная энциклопедия для девочек", "Современная энциклопедия для мальчиков".

✦ **Лучшие серии для самых маленьких** – "Моя первая библиотека", "Русские народные сказки", "Фигурные книжки-игрушки", а также незаменимые "Азбука" и "Букварь".

✦ **Замечательные книги известных детских авторов:** Э.Успенского, А.Волкова, Н.Носова, Л.Толстого, С.Маршака, К.Чуковского, А.Барто, А.Линдгрен.

✦ **Школьникам и студентам** – книги и серии "Справочник школьника", "Школа классики", "Справочник абитуриента", "333 лучших школьных сочинения", "Все произведения школьной программы в кратком изложении".

✦ Богатый выбор учебников, словарей, справочников по решению задач, пособий для подготовки к экзаменам. А также разнообразная энциклопедическая и прикладная литература на любой вкус.

Все эти и многие другие издания вы можете приобрести по почте, заказав

БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

по адресу: 107140, Москва, а/я 140. "Книги по почте".

Приглашаем вас посетить московские магазины издательской группы "АСТ":

Каретный ряд, д.5/10. Тел. 299-6584, 209-6601.
Звездный бульвар, д.21. Тел. 232-1905.
Б.Факельный пер., д.3. Тел. 911-2107.
Арбат, д.12. Тел. 291-6101.
Татарская, д.14. Тел. 959-2095.
Луганская, д.7. Тел. 322-2822
2-я Владимирская, д.52. Тел. 306-1898.

В Санкт-Петербурге: Невский проспект, д.72, магазин №49. Тел. 272-90-31; проспект Просвещения, д. 76. Тел. 591-20-70.

Книга-почтой в Украине: 61052, г. Харьков, а/я 46. Издательство «Фолио»

Литературно-художественное издание

Кук Глен

Суровые времена
Тьма

Ответственный редактор А. М. Лактионов
Редакторы Е. А. Лихачева, Е. Г. Павлова
Художественный редактор О. Н. Адаскина
Компьютерный дизайн: А. С. Сергеев
Технический редактор Ю. Ю. Смирнов
Корректор А. А. Сурнин

Подписано в печать 26.09.00.
Формат 84×108 $^{1}/_{32}$. Усл. печ. л. 33,60.
Тираж 10 000 экз. Заказ № 126.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-00-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.14.953.П.12850.7.00 от 14.07.2000 г.

ООО «Издательство АСТ»
Лицензия ИД № 00017 от 16 августа 1999 г.
366720, Республика Ингушетия,
г. Назрань, ул. Кирова, д. 13
Наши электронные адреса:
WWW. AST. RU
E-mail: astpub@aha.ru

Издательство «Terra Fantastica» издательского дома
«Корвус». Лицензия ЛР № 066477. 190121,
Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 1 «Б».
Электронные адреса:
WWW.TF.RU, E-mail: TERRAFAN@TF.RU

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

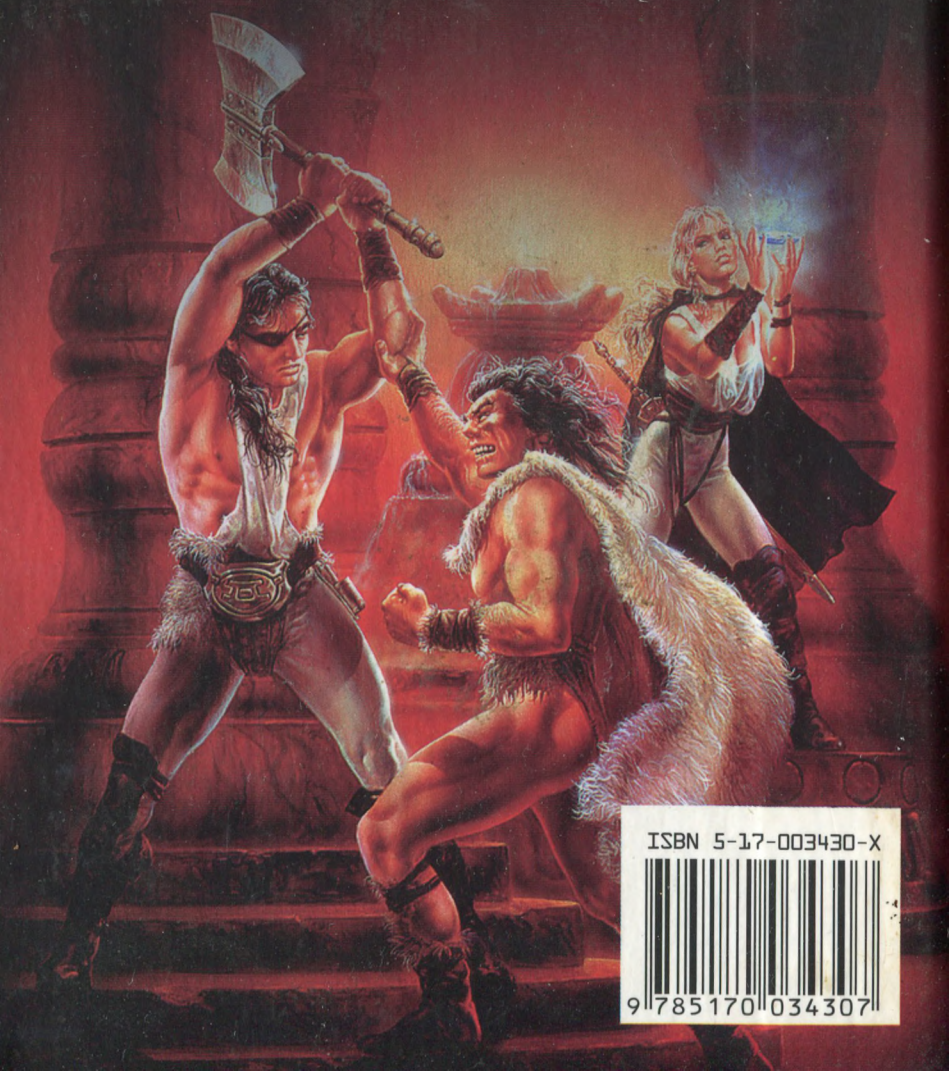
Глен Кук — мастер захватывающего сюжета, один из немногих, кому равно подвластны искрометный юмор балагана и высокая героика эпической саги, магия слова — и магия живого мира, который вновь и вновь призывает к себе читателя.

Добро пожаловать в мир Черного Отряда — лучшей роты наемников на службе у зловещей Госпожи и Десяти Взятых...

Они сражаются мечом и магией — и не сдаются даже тогда, когда не помогает ни магия, ни меч. Они знают: победа дается тому, кто умен, отважен и дерзок, тому, кто до конца верен себе. Они всегда готовы подтвердить свое право называться лучшей ротой наемников во всей вселенной.

Не верите?

Прочтите — и убедитесь сами!



ISBN 5-17-003430-X

9 785170 034307